

ОЧЕРКИ К Р Ы М А

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЯ МАРКОВА

Издание второе

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, №№ 10 и 18

МОСКВА
Петровка, д. Михалкова, № 5

1884

ОЧЕРКИ К Р Ы М А

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЯ МАРКОВА

Издание второе

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА
Петровка, д. Михалкова, № 5

1884

Типографія Товарищества М. О. Воліфъ (Спб., Вас. Остр., 16 д., д. 5).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОИМЪ

КРЫМСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ КЪ I^{му} ИЗДАНИЮ.

первый разъ познакомился съ Крымомъ въ началѣ 1866 года. Съ тѣхъ поръ я прожилъ въ немъ безвыѣздно нѣсколько лѣтъ; я посѣтилъ не разъ всѣ его уголки, осмотрѣлъ всѣ его памятники, прочелъ все, что могъ достать о древней исторіи Крыма.

Когда на опытѣ пзвѣдаешь характерныя черты края и въ теченіе довольно долгаго времени сталкиваешься съ разнообразными живыми элементами его, край дѣлается роднымъ, не только знакомымъ. Свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ новымъ міромъ, открывшимся для меня въ Крыму, я выражалъ рядомъ отрывочныхъ очерковъ, неимѣвшихъ опредѣленного плана. Теперь, когда этихъ очерковъ набралось довольно много, я уви-дѣлъ, что, не смотря на отсутствіе въ нихъ всякой систематичности, они представляютъ достаточно полную картину Крыма.

Крымскія степи, крымскія горы, крымское море, легенды и развалины древности, легенды и развалины роковой исторіи новаго времени, Бахчисарай и Сева-

стополь, южный берегъ и пещерные города — все типичное Крыма нашло свое мѣсто на страницахъ этихъ очерковъ. Правда, я не стѣснялъ себя послѣдовательностью и виѣшнею полнотою описаній... Я говорилъ только о томъ, о чемъ мнѣ хотѣлось, и такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Я не собирался составлять ни географического словаря, ни исторического трактата, ни путеводителя по Крыму. Я работалъ, какъ работаетъ художникъ, живописецъ, набрасывая въ свой путевой альбомъ все, что поражаетъ его: то интересную сцену мѣстнаго быта, то пейзажъ, то портретъ прохожаго, то тщательную копію какого-нибудь памятника древности.

Оттого нѣкоторые очерки мои имѣютъ характеръ дневника, нѣкоторые — характеръ изслѣдованія. Я держусь того мнѣнія, что передача свободною кистью наиболѣе выразительныхъ, типическихъ чертъ предмета болѣе знакомить нась съ его сущностью, чѣмъ обстоятельное, но безцвѣтное и холодное описание его.

Поэтому я понадѣялся, что и для читателя моего дорогой для меня обликъ Крыма обрисуется живѣе и рельефнѣе, если я передамъ во всемъ ихъ первоначальномъ теплѣ искреннія впечатлѣнія своего первого знакомства съ Крымомъ.

Я бы могъ, конечно, во многомъ обработать, дополнить и пересоздать ихъ. Но я не сдѣлалъ этого намѣренно.

Какъ бы много слабостей и ошибокъ ни заключалось въ искреннемъ изліяніи первого чувства, все-таки слова первой любви имѣютъ недосягаемую силу правды и красоты своего рода, какими бы неумѣлыми устами ни произносились они. Исправленiemъ своихъ очерковъ я именно боялся спугнуть этотъ неподдѣльный ароматъ своей первой любви къ Крыму. Передавая ихъ на судъ публики, я прошу только, чтобы отъ нихъ не

требовали тѣго, чѣо они не обѣщаютъ, чѣо читатель видѣть къ моей книгѣ только рядъ свободныхъ этюдовъ безъ всякой претензіи, безъ всякой заданной цѣли.

Можетъ быть, очерки мои воскресятъ въ памяти нѣкоторыхъ сколько-нибудь живо и вѣрно картины крымской жизни и природы; можетъ быть, человѣку, не знающему Крыма, они нарисуютъ сколько-нибудь выразительно тѣ особенности этой природы и жизни, которыхъ мы, русскіе, не найдемъ нигдѣ больше въ своемъ отечествѣ, и соблазнятъ его узнатъ живой Крымъ, насладившися его оригинальностью, его красотою. Если читатель вынесетъ изъ этого зракочества съ Крымомъ то же очарованіе, какое вынесъ я; если ему потомъ, въ нашей прозаической сѣверной родинѣ, сквозь однообразныя равнины сплошныхъ сѣйговъ или сплошнаго хлѣба, будетъ мерцать вдали, какъ утѣшительная звѣзда, сладостное воспоминаніе о крымской нѣгѣ, крымскихъ краскахъ, крымскомъ солнцѣ, то трудъ мой я не буду считать напраснымъ. Въ наши дни, можетъ быть, рискованно выставлять на своей книгѣ такой ахроническій девизъ, какъ Pflichtloser Genuss. Но я въ этомъ вопросѣ имѣю свое мнѣніе.

Достойны жалости люди, которые дѣлаютъ девизомъ всей своей жизни это «наслажденіе, свободное отъ обязанностей»; но, по моему, жалости достойны и тѣ, которые по какому-то узко-монашескому складу духа считаютъ наслажденіе несовмѣстимымъ съ обязанностью, противорѣчащимъ обязанности. Чѣмъ больше горя въ жизни людей, чѣмъ больше несовершенствъ въ устройствѣ нашего общества, тѣмъ насущнѣе необходимость утѣшенья и развлечения. Впечатлѣнія, которыя могутъ, хотя на нѣсколько часовъ, разгладить мѣрчины заботъ и потрясти унылый сонъ апатіи, не должны признаваться элементомъ враждебнымъ для насущныхъ по-

требностей общества. Они дѣлаютъ такое же полезное общественное дѣло, какъ и всякое прямое воздействиe на познанія и убѣжденія человѣка.

Я посвящаю эту книгу своимъ крымскимъ друзьямъ. Въ ихъ обществѣ, съ ихъ помощью, я сроднился съ Крымомъ.

Душевіе дни моей жизни протекли въ этомъ чудномъ краю, воспоминаніе о которомъ связывается неразрывными нитями съ памятью дорогихъ для меня людей...

Евгений Марковъ.

С. Александровка, Курск. губ.
12 мая 1872 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ.

черки Крыма давно исчезли изъ обращенія. Между тѣмъ это единственное у насъ популярное описание Крыма и до сихъ поръ остается единственнымъ.

Въ Европѣ Крымъ съ его поразительною оригинальностью и красотою, съ его цѣлебными воздухомъ, цѣлебными водами, съ цѣлебнымъ сокомъ его душистаго винограда, — создалъ бы цѣлую литературу роскошныхъ и дешевыхъ изданій, художественныхъ, ученыхъ и всякихъ другихъ.

У насъ приходится быть довольнымъ, когда единственная книга о Крымѣ, встрѣченная очевиднымъ сочувствиемъ публики, доживаетъ кое-какъ до 2-го изданія.

Въ обществѣ, бѣдномъ образованіемъ и знаньями, вопросы поэзіи, искусства, археологіи или этнографіи — не могутъ еще составлять общераспространенного элемента жизни.

Въ наши дни политического ожесточенія и материальныx вкусовъ, быть можетъ, всего менѣе можетъ разсчитывать на успѣхъ книга, подобная «Очеркамъ Крыма».

не имѣющая ничего общаго съ бичами столь излюбленной тепрь у настѣ соціальной сатиры, съ тревожными помыслами о борьбѣ рабочаго съ хозяиномъ, о рублѣ и хлѣбѣ,— полная одного тихаго наслажденія природою и спокойнаго изученія давно минувшей жизни.

Но если книга эта не должна разсчитывать на толпу, поглощенную будничными злобами дня, то, по опыту прошлаго, она надѣется встрѣтить друзей среди умовъ и сердцъ, которымъ всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ дорогое искусство и знаніе, которые не упраздняютъ вѣчныхъ общечеловѣческихъ интересовъ изъза страстныхъ заботъ настоящей минуты, какъ бы ни были онѣ почтены и законны сами по себѣ.

Второе изданіе «Очерковъ Крыма» является почти ничѣмъ не дополненнымъ, ничѣмъ не улучшеннымъ *).

Авторы очень часто думаютъ привлечь вниманіе читателя постояннымъ измѣненіемъ первоначального текста своей книги, такъ называемыми исправленіями и дополненіями.

Но мы держимся другаго взгляда. Если дополненія необходимо требуются въ ученомъ изслѣдованіи, претендующемъ передать читателю послѣдніе плоды научныхъ открытій по извѣстному вопросу, то созданія искусства, поэтическія впечатлѣнія, вынесенные изъ живаго знакомства автора-художника съ страною и людьми, — только теряютъ въ своей свѣжести, правдѣ и красотѣ, дополняясь и перерабатываясь впослѣдствіи, на основаніи какихъ-нибудь вновь вышедшихъ книгъ или вновь обнародованныхъ открытій...

«Очерки Крыма» — не путеводитель по Крыму, и потому не нуждается въ сообщеніяхъ о новыхъ постройкахъ, новыхъ дорогахъ, новыхъ гостиницахъ...

*) Въ этомъ изданіи помѣщены путевые письма «Съ южнаго берега», не помѣщенные въ первомъ изданіи.

Крымское небо, крымское море, крымскія горы и степи, точно также какъ человѣкъ Крыма, какъ старая исторія Крыма, остаются неизмѣнно все тѣми же, какими они были при первомъ столкновеніи съ ними автора...

Мы придаемъ значеніе тому, что «Очерки» наши выходятъ въ свѣтъ именно въ 1883 году, когда исполнилось сто лѣтъ со дня присоединенія Крыма къ Россіи.

Въ этихъ обстоятельствахъ русская книга о Крымѣ, проникнутая горячею любовью къ Крыму, является вполнѣ умѣстнымъ и естественнымъ выраженіемъ тѣхъ братскихъ отношеній къ Крыму русского общества, которыя неизбѣжно должны лечь въ основу всякаго государственного союза нашего времени, каковъ бы ни былъ его первоначальный источникъ.

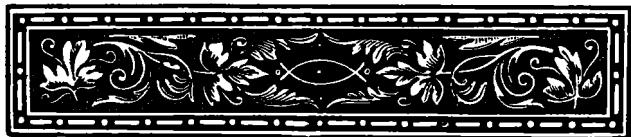
Въ то же время воспоминаніе объ этомъ важномъ событии русской государственной исторіи, должно бы, намъ казалось, побудить и русского читателя ознакомиться какъ можно ближе съ прошлымъ и настоящимъ очаровательного края, который вошелъ, сто лѣтъ тому назадъ, въ составъ русского царства, какъ его лучшая жемчужина, по счастливому выражению великой Императрицы.

Евгений Марковъ.

С. Александровка.
21 июля 1882 года.

ОЧЕРКИ КРЫМА

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ИСТОРИИ И ПРИРОДЫ

I.

На пути въ Крымъ.

—♦—
Домашняя поездка.— Кохлы и страна хскловъ.— Степь.

пять дорога, дорога!.. Это не 1,500 верстъ по желѣзнымъ дорогамъ Европы, не перѣездъ Атлантики на ливерпульскомъ пароходѣ, не то, однимъ словомъ, что называется нами *путешествіе*; нѣтъ, это простая *поездка* по русскимъ дорогамъ, черезъ русскія губерніи, изъ одного русскаго города въ другой русскій городъ; это наше домашнее, ежедневное дѣло. Да, хорошо говорить: черезъ русскія губерніи, по русскимъ дорогамъ.... Но ѿхать, на дѣлѣ, читатель, *ощущать* эти дороги и эти губерніи! Церковь не даромъ возноситъ ежедневно молитвы о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ и страждущихъ. Я увѣренъ, что подъ всѣми этими эпитетами она разумѣеть просто однихъ нась, проѣзжающихъ по русскимъ дорогамъ, которымъ приходится столько же плавать и страдать, сколько путешествовать.

Вы єдете изъ-подъ Москвы зимою по шоссе, на ко-

торомъ ежеминутно останавливается вашъ грузный экипажъ, вѣзжая подрѣзами на голый камень. Около Курска вамъ угрожаютъ совершенною остановкою, и требуютъ, чтобы вы поставились на колеса (колеса, разумѣется, должны быть съ вами). Вы молите боговъ, какъ бы вамъ дотащиться санями хоть до Харькова; и вдругъ, за Курскомъ, застрѣваете въ такихъ снѣжныхъ сугробахъ, откуда васъ не въ силахъ вытащить девять лошадей. Вы ёдете почти цѣлиною по 25-ти верстѣ въ день! У Харькова, вмѣсто снѣжныхъ сугробовъ, песокъ; за Екатеринославомъ, опять невылазные снѣга; у Перекопа разливъ водъ и еще болѣе невылазная грязь; подѣзжаете къ Симферополю — пыль, жара печеть, по полю фіалки. Вотъ вамъ *поездка* по Россіи!.. То на волахъ, то на рукахъ ямщиковъ и обозныхъ, то колесами, то санями, откапываясь отъ снѣга, утопая въ заожорахъ, сбивая подрѣзѣ на камняхъ, ломая одно дышло за другимъ на косогорахъ — тащитесь вы, бѣдные грѣшники, осужденные вмѣсто путешествія, на *домашнюю поездку*. Только на собакахъ не приходилось ёхать, хотя о нихъ приходилось повременамъ вспоминать съ глубокимъ сожалѣніемъ. За верблюдами посыпалъ, каюсь, хотя, къ несчастію, не могъ найти. На волахъ шествовалъ не разъ, уподобляясь маститымъ Меровингамъ. Зато не было недостатка въ разнообразіи впечатлѣній: сидишь, иногда, подъ глубоко убѣгающимъ сводомъ ночного неба и любуешься безмолвно теченіемъ свѣтилъ, между тѣмъ какъ выпряженные кони, смиренно поникнувъ головами, нюхаютъ мерзлый снѣгъ. Ямщиценокъ спить, сидя на грядкѣ, а ямщикъ усланъ вами въ деревню верстѣ за десять, за людьми или за волами; нескоро дождитесь его возврата теперь, въ часъ ночи... Какія библейскія мысли приходятъ вамъ тогда въ голову, въ этотъ не совсѣмъ пріятный и не совсѣмъ короткій промежутокъ времени...

А то — прекрасный солнечный день, голубое небо, бѣлые облака, красивыя долины; вы стоите у экипажа, передъ крыльцомъ станціи, въ какомъ-нибудь днѣпровскомъ мѣстечкѣ, слѣдовательно въ имперіи живѣть; съ вами разговариваетъ полный участія къ вамъ, услугливый и вѣжливый еврей, желающій получить за починку вашего экипажа очень лакомую для него и очень кислую для васъ цѣну; вы торгуетесь съ нимъ съ кажущимся равнодушіемъ и даже съ пренебреженіемъ, а между тѣмъ въ душѣ своей чувствуете себя въ безъисходномъ плѣну у этого клювоносаго Ицки, ибо знаете, что кромѣ его — нѣтъ кузни, что онъ имѣеть полную возможность за упорство ваше наказать васъ двойною, тройною, какою угодно, цѣною. Онъ въ положеніи римской Сивиллы, знаменитой продавщицы книгъ, и можетъ легко выкинуть фарсъ этой Сивиллы. Впрочемъ, и разнообразіе это дѣлается однообразнымъ, повторяясь періодически. Выѣзжаешь со станціи, наругавшись съ ямщиками и старостою за непонятную колотню. Отѣзжаешь полверсты — тпру! Ямщикъ спрыгиваетъ съ козель. «Что тамъ еще?» Черезседѣльникъ развязался или постромка оборвалась — а запрягали часть. Возится, бормочетъ какія-то ругательства; кого-то пропекаетъ, конечно, не себя, можетъ быть, лошадь или безъизвѣстнаго мастера постромки.

— Ну, что? готово? садись! Поѣхали. Черезъ полчаса опять тпру! опять слѣзаетъ. Что такое? Постромка оборвалась... Согласитесь, что это, при всемъ разнообразіи, весьма однообразно.

А тутъ еще пойдутъ ужасныя почтовыя станціи, безотрадныя и холодныя какъ пещеры Борея, съ визжащими вставнями, съ мерзлыми печами; вѣтеръ въ нихъ гуляетъ на просторѣ, и дыханіе стынетъ. При холодахъ, какой-то хронической угарѣ и, при безчислен-

номъ множествѣ оконъ, какой-то мракъ. На пространствѣ сотни верстъ иногда не попадется теплого угла; зато вдругъ встрѣтится вамъ золоченый столъ подъ зеркаломъ или водоочистительная машина въ такой комнатѣ, гдѣ не на чемъ уснуть; вообще что-нибудь совершенно неожиданное и совершенно ненужное.

— Ишь ты *стыть* какая! — замѣтилъ даже терпкій русскій солдатикъ, бывшій офицерскимъ деньщикомъ, на открытой перекладной и весьма, повидимому, нуждавшійся въ топленой печкѣ. Действительно, не холода, а *стыть* (солдатъ производилъ отъ этого слова даже косвенные падежи — *стыти* и *стытью*: оставляю на его отвѣтственность).

Объ єдѣ говорить нечего. Хотя отъ Курска до Харькова малыости ходятъ и проѣздъ очень большой,— на станціяхъ ни одного буфета (исключая, конечно, городовъ). Чѣмъ пытаются всѣ эти тарантасы съ купчими, снующіе во время ярмарокъ изъ Харькова и въ Харьковъ, — рѣшительно не понимаю. Только я едва могъ доставать ломоть хлѣба.

Впрочемъ, Богъ съ ними и съ этою дорогою, и съ этими неудобствами! Кто ихъ не знаетъ, и кто не пласался на нихъ!

Зима не зима, весною тоже еще не запахло — и долго здѣсь не запахнетъ. Жалко, что проѣзжаешь мимую Малороссию въ такую непривлекательную погоду, среди столькихъ раздражающихъ обстоятельствъ. Однако Малороссія сказывается и въ этихъ обстоятельствахъ. Въ ней вообще столько чистоты, честности и наивности, что это остается замѣтнымъ, несмотря на слякоть и на снѣга. Мнѣ она настолько знакома въ свои хорошия минуты, что фантазія безъ труда добавляетъ все то, что у нея отнято временемъ года, а можетъ быть и просто временемъ. Она такъ перепутана у меня съ дѣтскимъ и юношескимъ воспоминаніями,

что не мудрено, если зрѣлый, критический взглядъ не отыщетъ въ ней тѣхъ прелестей, которыя прежде любовно отыскивались.

Малороссія гораздо ускокительнѣе Россіи: тише, проще, постояннѣе и поэтичнѣе. Въ Малороссіи неспѣшно и величаво движется меланхолической волѣ; съ тою же откровенною неспѣшностью поворачивается тяжелое колесо или тащится тяжелый санный ходъ съ неуклюжими перекладинами; неспѣшно и задумчиво идетъ у этихъ саней, за этимъ воломъ, высокій хохоль въ длинныхъ сапогахъ и бараньей шапкѣ, съ бѣлымъ бурнусомъ на плечахъ, съ длиннымъ кнутовищемъ въ рукахъ. Его взглядъ, все выраженіе его лица — какое-то установившееся, никуда неторопящееся, ничѣмъ неразвлекаемое, ничего неищущее. Ему до васъ и до всего кругомъ словно дѣла нѣтъ.

Это не наша русская, суетливая, любопытная натура, падкая на деньги, на болтовню; духа торгашества и плутовства здѣсь не разнюхаешь, хоть есть, конечно, и торгаши и плуты. Здѣсь нѣтъ этой энциклопедичности и дерзости въ предпріятіяхъ, которыя отличаютъ великого россиянина.

Хохоль не въ состояніи быть разомъ и извощикомъ и маслобоемъ, и лошадинымъ юбрышникомъ и половыимъ въ трактире; не въ состояніи такъ смѣло бросаться въ кредитъ и давать въ кредитъ, такъ рисковать послѣднимъ рублемъ и оборачивать его десять разъ въ короткій промежутокъ времени. Имѣя двадцать цѣлковыхъ въ карманѣ, онъ не откроетъ продажи *расписочно и на выносъ* въ сѣняхъ своей дряблой избенки, съ тѣмъ, чтобы прогорѣть чрезъ два мѣсяца или разбогатѣть чрезъ два мѣсяца.

Хохоль осторожнѣе и степеннѣе русскаго, частью отъ честности своей натуры, частью отъ ненаходчивости и неувѣренности въ самомъ себѣ. Его предпрія-

тія неспешная, неразнообразная, но солидная во всѣхъ отношенияхъ. Онъ єдетъ на своей парѣ воловъ въ Крымъ чрезъ степи за рыбой и солью; єдетъ долго, кормится въ степи, ночуетъ въ степи, навѣрное сбываетъ, навѣрное покупаетъ, безъ всякихъ затрудняющихъ его разсчетовъ и безъ всякаго риску. Если онъ откроетъ кабакъ, то у него, значитъ, дѣйствительно есть деньги для этого кабака, и онъ не прогоритъ на другой мѣсяцъ, а передаетъ свой кабакъ сыну, а сынъ внуку.

Владимирскій торговъ прежде всего купитъ самоваръ и, пожалуй, *карналинъ* своей супругѣ; а хохоль посадить садикъ около своего хутора, и жена его, не мечтая о *карнолинѣ*, въ одеждахъ своихъ праотцевъ, будетъ, еже-субботно, своеручно мазать глиною и мѣломъ стѣны родной хаты.

Тутъ причина одна — не органическая разница, не нравственное превосходство, а просто, можетъ быть, разность историческихъ возрастовъ. Хохоль — житель черноземной степи и юга — опоздалъ въ исторіи. У него сохранились черты степнаго пастуха во внѣшней грубости приемовъ, въ лѣнивой мечтательности и медлительности, въ чистотѣ и простотѣ нравовъ. Въ неспѣшномъ шагѣ, о которомъ мы только-что говорили, видѣнъ именно шагъ пастуха, тихо бредущаго за тихо-бредущимъ стадомъ.

Въ одеждѣ малоросса также много пастушьяго и много, сверхъ того, восточнаго; иногда онъ высматриваетъ совершенно татариномъ. Эта куртка съ цвѣтнымъ поясомъ, эти широкіе шаровары и баранья шапка — составляютъ незамѣтный переходъ къ татарскому костюму. Еще болѣе поразительно сходство лица. Наклонность къ бритью головы, такъ рѣзко выразившаяся у прежнихъ запорожцевъ, подстриженные усы и бороды, длинные, слегка даже горбатые носы, мало

похожіе на настоящій русскій, вздернутый и смятый носъ, серьезность и сосредоточенность взгляда — все это черты Востока. Русская борода — одна въ цѣломъ мірѣ: неприкосновенная, естественная до дѣственности, и потому изумительно разнообразная по калибру, колеру и очертаньямъ своимъ; то льющаяся струями, какъ у водолея, то жидкай козлиной, то густая и круглая, какъ баранья шапка.

Эта нѣсколько животная естественность русской бороды попреимуществу поражала малоросса при старыхъ столкновеніяхъ съ москалями. Оттого-то и до сихъ порь зовутъ насъ въ Малороссіи *кацапами*, т. е. козлами. А намъ, русскимъ, особенно страннымъ показалось неестественное бритье головы съ оставленіемъ длиннаго чуба или хохла. И вотъ, поэтому малороссъ у насъ не выходитъ изъ хохловъ, хотя давно пересталъ носить свои *оселедцы*. Малороссъ не стоялъ еще въ жесткихъ тискахъ, которыми суровая природа и скудная почва издавна сдавили великого россиянина.

Малороссіи надолго еще останутся просторъ и изобиліе: а на просторѣ и въ изобилії живутъ другие люди. Мечта свободнѣе, и трудъ не такой неустанный; синяя, теплая ночь, сливы и черешни, зеленые степи нѣсколько балуютъ фантазію и вливаются въ нее слегка итальянскую струйку; конечно, очень слегка; увлекаться незачѣмъ...

Оттого малороссійскія пѣсни поэтичнѣе русскихъ; оттого самый видъ малороссійскаго села, малороссійскаго хутора, малороссійской женщины — живописнѣе русскихъ. Больше плодовъ, больше лѣтняго тепла, больше зелени и цвѣту — значитъ, больше природы, чѣмъ въ средней Россіи. А больше природы — больше красоты, ибо природа и красота синонимы, въ этомъ нельзѧ не убѣдиться.

Для непривыкшаго или отвыкшаго глаза кажутся

удивительно милы малороссийскія села. Они имѣютъ совершенно особенный характеръ. Дома разбросаны не правильными линіями, а гдѣ какой сталъ, по горамъ и по скатамъ, надъ рѣчками и балками; оттого такое множество переулочковъ; ни одного двора; только, какъ шляпки грибовъ, цѣльными гнѣздами торчатъ свѣжія соломенные крыши съ бѣлыми трубами; солома и мѣль дешевы.

Деревня нашихъ хлѣбородныхъ губерній издали кажется какою-то неопределенною навозною кучей; сараи, избы, гумно, навѣсы — все сливаются въ одномъ тонѣ. Въ малороссийскомъ селѣ каждый домикъ видѣнъ самъ по себѣ, видѣнъ такъ ясно и весело съ своими чисто выбѣленными стѣнками и раскрашенными оконечками; особенно ясно и весело, когда цвѣтутъ кругомъ садики и цвѣтнички. Это признакъ очень типическій. У малоросса въ домѣ нѣть такой хозяйственности, какъ у великоросса; у него не видно ни скирдовъ, ни конюшень, ни амбаровъ, ни сараевъ. Его дворишко смѣшонѣ до жалости, если еще есть какой-нибудь. Но зато его хата словно въ чистой рубашкѣ, его полы, крыльца и лавки вымыты, выметены и выскоблены; подъ тѣнистымъ напускомъ широкой соломенной крыши непремѣнно юится открытая галлерейка, мало-мало покойная завалинка... А сама крыша — верхъ чистоты и аккуратности; это не наша копна навозу, всклоченная, какъ нечесаная голова... Въ настоящихъ малороссийскихъ селеніяхъ рѣдко не найдешь около галлерейки хотя крошечнаго палисадника съ мальвами (ихъ зовутъ весьма выразительно *рожами*), подсолнухами, ноготками, шиповникомъ и прочими незатѣйливыми растеніями. Частенько надъ бѣлою трубою горитъ своими пунцовыми кистями рябина, эта настоящая степная красавица, загорѣлая и яркая какъ цыганка; сливы, тополи, дикія груши убѣгаютъ позади хатъ въ балку...

Садикъ и галлерейка указываютъ вамъ, что здѣсь родилась уже потребность благороднаго и тихаго наслажденія природою, что есть уже позывъ къ домашнему комфорту, помимо пуховика горой и грязнаго самовара. Но характериѣ всего въ малороссійскомъ пейзажѣ — это вѣтряныя мельницы. Представить себѣ Малороссію безъ вѣтряныхъ мельницъ и безъ воловъ — рѣшительно невозможно. Вѣтрянки, собравшись по десяти и по пятнадцати, группируются весьма мило и разнообразно при вѣздахъ въ село или надъ обрывомъ балки. Онѣ еще издалека оживляютъ степь, и отъ нихъ, надо сказать, никуда не дѣнешься. Здѣсь въ степи такъ же много вѣтру, какъ мало воды. Почему вѣтряныя мельницы такъ живописны — понять трудно... Но между тѣмъ, рѣдко какая деталь бываетъ такъ удачна въ пейзажѣ. Особенно, когда въ тихій солнечный закатъ старая вѣтрянка съ полуизгрызанными крыльями, гдѣ-нибудь высоко на зеленомъ холму заститъ вамъ вечернюю зарю...

Поэтому малороссійская быль, малороссійская поэзія рѣдко обходятся безъ вѣтряной мельницы... Это обыкновенное мѣсто любовныхъ свиданій и всякихъ вообще тайнъ. Я спрашивалъ, въ чемъ заключается живописность вѣтряной мельницы. Это совершенно напрасный вопросъ. Она вызвана природными условіями, какъ многое другое; создана именно этою, а не какою другою природою; потому такъ и гармонируетъ именно съ этою, а не съ другою природою, съ этими хатами, садиками, съ этими фигурами воловъ и хохловъ.

Поразительно, до какой степени въ природѣ хорошо все то, что вызвано или создано природою.

Природа не умѣетъ формироваться въ некрасивыя и негармоническія формы; можетъ быть, оттого, что только въ ней одной и заключается нашъ критеріумъ красоты; что бы ни дѣлалось въ природѣ — все живо-

писно, все нравится... Земля, напримѣръ, всколыхалась и застыла — эти беспорядочные опухоли и трещины для нась являются нѣжно-округлennыми холмами, дикими утесами, великолѣпными обрывами, всѣмъ тѣмъ, что плѣняетъ фантазію живописца, поэта и простаго любителя природы. Море взволнуется — какой бы, кажется, ждать тутъ гармоніи и правильности, какого повода къ наслажденію? А между тѣмъ одинъ взглядъ на эти волны, набѣгающія другъ на друга, встающія и падающія, охватываютъ васъ восторгомъ, и вы смотрите — не насмотритесь по цѣлымъ часамъ, и для васъ волна составитъ своего рода идеаль красоты. Тутъ ни логикой, ни эстетикой, никакими врожденными идеями ничего не объясните. Хорошо, да и только, а почему — знать не знаю. Въ природѣ есть какой-то слѣпой инстинктъ, какое-то безсознательное стремленіе располагать и устроивать все такъ, чтобы нравилось человѣку. Я говорю: человѣку, потому что не справлялся о впечатлѣніяхъ лошадей и кошекъ, хотя по разнымъвшнимъ выраженіямъ довольства животныхъ можно думать, что и они не лишены чувства природной красоты и влечения къ этой красотѣ.

Разбросаны ли камни по скату горъ или по берегу рѣки, разлеглись ли овцы по холмамъ, стадо ли коровъ спустилось къ водѣ, утки ли тихо выплываются изъ камышей,— вездѣ самая живописная группировка, самыя характерные положенія; словно какой-нибудь великий художникъ занимался размѣщеніемъ этихъ группъ и фигуръ для своихъ артистическихъ работъ. Лучше никто не выдумаетъ положить и поставить. Поэтому живописцы такъ боятся надѣяться на природу. Я скажу даже больше: природа не только умеетъ мастерски группировать то, что у ней подѣ рукой, но словно преднамѣренно привлекаетъ въ известную обстановку известные предметы, которые, повидимому, легко бы могли не

находиться въ ней. Меня часто поражало это обстоятельство: на крутомъ зеленомъ скатѣ берега непремѣнно усядется какой-нибудь живописный пастухъ въ бѣлой рубашкѣ, и отразится такъ ярко и весело среди отраженія зеленыхъ тростниковъ; вы чувствуете, что его бы именно не доставало пейзажу, и что во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ не скрасилъ бы такъ незажажа...

Почему же онъ непремѣнно попадался какъ разъ тамъ, гдѣ онъ художественно необходимъ?.. На остромъ, горномъ утесѣ непремѣнно торчитъ дикая коза или растетъ дерево, искривленное вѣтрами, хотя такъ трудно очутиться тамъ и козѣ, и дереву. Какая-то тайная сила привлекаетъ и группируетъ предметы тамъ, что они взаимно пополняютъ и украшаютъ другъ друга. Объясненiemъ этой таинственной силы опять-таки можетъ служить только то, что все это природа; а всѣ дѣйствія и распорядки природы, по существу своему, исполнены высшей красоты. Иначе, для человѣка только то красота, что природа.

Большія малороссийскія слободы — настоящіе города; много церквей, нѣсколько тысячъ народу, и раскинуты богъ-знаетъ на какое пространство съ своими садами и заборами.

Опрятности много; особенно это замѣтно на церковныхъ площадяхъ, на самыхъ церквяхъ: все раскрашено, подновлено, подчищено, плотно пригнано и приперто, какъ шкатулочка.

Поповскіе домики такие благонравные, причесанные и умные. Непремѣнно ограда около церкви и садикъ. Сами люди тоже милы и чистоплотны. Молодые парубки въ своихъ короткихъ и градіозныхъ овчинныхъ казакинахъ, съ свѣжими, но степенными физіономіями, съ красиво-надвинутыми на ухо бараньими шапками, имѣютъ, при всей скромности, что-то воинственное, что-то напоминающее предка-казака. Сѣдые усы и стро-

гія лица стариковъ еще больше дышать казачествомъ. Мне очень нравится этотъ милый обычай стариковъ и молодыхъ, выпускать воротничекъ бѣлой рубашки. Есть въ этомъ какая-то дѣтская наивность. Глядя на нихъ, невольно вспоминаешь тяжелые, длинные по пятки тулуны и уродливыя ваточныя шапки нашихъ чаепійцевъ-мѣщанъ... Это югъ и сѣверъ.

Изъ чистоплотности же хохоль подстригаетъ такъ аккуратно свою бороду, усы, волосы. Черныхъ свитокъ мало видно; Малороссія и въ этомъ отношеніи бѣлая. Бѣлыя избы, бѣлые кафтаны на бабахъ, бѣлые свитки на мужикахъ, даже шаровары зимою изъ бѣлыхъ овчинъ. Это не лишено характерности. Народъ въ бѣломъ кажется добродушнѣе и нѣжнѣе. Я замѣтилъ еще, что и молодые и старые, особенно же старые, постоянно ходятъ, подпираясь длинною палкою. Это придаетъ даже парубку много степенности и почтенности. Можетъ быть, историческое наслѣдство старой пастушеской жизни.

Русскій выдумалъ, будто хохоль хитеръ. Это, кажется, насмѣшка или обидная шутка. Гдѣ хохлу противъ москвича или тулля! Тѣ ужъ дѣйствительно, какъ говорить пословица, *безъ мыла въ щель вльзутъ*, прададутъ и купятъ хохла, и, вывернувъ его наизнанку, опять прададутъ прежде, чѣмъ онъ замѣтитъ... Сами москвичи знаютъ и скажутъ вамъ, что они *бѣдовыи народъ*; а про Тулу давно говорится: «хорошъ человѣкъ, да туллякъ!» Москаль въ десять разъ находчивѣе и предпримчивѣе хохла. Это замѣтно во всякой вещи; болѣе всего, конечно, въ хозяйствѣ и промыслахъ, но не мало и въ дорогѣ; бѣда, коли ямщикъ вашъ хохоль, и вы попали въ петлю, въ одну изъ тѣхъ петель, которыхъ давно уже пересталъ пугаться нашъ братъ проѣзжій, знакомясь съ ними ежедневно, то-есть колесо разлется въ степи, дышло пополамъ, лопнетъ ось, завяз-

нете по брюхо въ сугробѣ, и т. п. маленькия случайности вояжа.

Хохоль оробѣтъ и растеряется безъ остатка и предоставить васъ, противъ своего желанія, вашей собственной изобрѣтательности. Кроме откровенныхъ, честныхъ средствъ, онъ не привыкъ имѣть въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ и, лишаясь вдругъ, по несчастію, возможности ихъ примѣненія, становится въ безъисходный тупикъ: Москаль, напротивъ, тутъ-то и орелъ! Тутъ онъ всякаго нѣмца, выдумавшаго обезьяну, за голенище заткнетъ. Онъ отыщетъ такие нежданые-негаданные суррогаты для каждой недостающей вещи, и съ такою дерзкою самоувѣренностью обойдется безъ необходимѣйшаго предмета, что въ самомъ дѣлѣ стоитъ подивиться ему! Сядетъ себѣ съ облучка на трехколесную повозку, и перевѣшивая на свою сторону центръ тяжести, летитъ себѣ съ горки на горку безъ передняго колеса, поскорѣе до станціи; желѣзный шкворень вдругъ замѣнитъ своимъ пояскомъ, переломленное дышло — палочками, вкрученными въ бичеву, и валяетъ себѣ, горя мало! Такъ ли, этакъ ли, только ужь выручить! Сидѣть вамъ въ полѣ не дастъ такъ, какъ хохоль. У него вся вообще сноровка плутовская, такъ она ему съ руки; онъ, какъ видите, не прочь и несчастный случай, и судьбу обморочить. Блистательнѣе всего выражается находчивость русскаго человѣка въ жизни нашихъ солдатиковъ, которые изъ своей *дѣнежки въ день — куда хочешь день* — умудряются удовлетворять разнообразнѣйшимъ потребностямъ своего быта, даже покупаютъ чепцы съ кринолинами своимъ супружницамъ. Уже одна замѣна сапожнымъ голенищемъ раздувальныx мѣховъ, при ставленіи самовара — обычай, ставшій священнымъ на русскихъ станціяхъ и постояныхъ дворахъ — достойна всемирной выставки...

Почему же этотъ архистія, москаль, сочинивший

себѣ сотни злыхъ анекдотовъ про хохлацкую глупость, анекдотовъ, въ родѣ се не moi, moi въ чоботахъ,увѣряетъ, будто хохоль хитеръ? Право, кажется, оттого только, что онъ не ожидаетъ отъ малороссійскаго простодушія даже той доли ума, которую тому приходится обнаружить въ столкновеніяхъ съ москалемъ; вотъ и дивится москаль, и думаетъ: это, да ты не такой дуракъ, какъ я ожидалъ, ты только притворяешься дурачкомъ; и произвелъ его за это въ хитрецы. За то, значитъ, что онъ не исполнилъ собою всей мѣры глупости, которую было бы, можетъ быть, выгодно навязать ему, ему и всему его потомству...

Да, хохоль несметливъ, умственно неповоротливъ, мозговой желудокъ его варить тugo и долго, какъ воль жуетъ жвачку; хохоль еще лѣнивъ вдобавокъ. Но зато хохоль честнѣе и задушевнѣе москаля. Самая лѣнь его нѣсколько благороднаго характера, лѣнь юга и жизненнаго простора. Арабъ тоже лѣнивъ и итальянецъ лѣнивъ...

Я сказалъ, что въ Малороссіи слободы — города; надо прибавить, что малороссійскіе города, за то, чистыя слободы... Опять солома и садики, поповскіе домики съ крашеными ставеньками и вѣтряныя мельницы, какъ цѣль стрѣлковъ... Тутъ еще жива гоголевская простота нравовъ, наивность «Сорочинской ярмарки».

Рано утромъ, пока чистили экипажъ, я пошелъ побродить по воскресному базару въ Константиноградѣ. «Господи ты мій Боже, чего нѣма на сей ярмаркѣ? скло, деготь, канаты, рогожи, крамари всяки, такъ что колибъ було въ кишени рублівъ и съ тридцать, то и тогда-бы усей ярмарцы не закупивъ!» Буквально вѣрно. Кромѣ бубликовъ и паляницъ да соленаго короба, никакихъ лакомствъ, даже французской булки ни одной.

А толкотня-то, батюшки! Весь деревенской міръ здѣсь: и сколько заботъ, сколько напряженныхъ ожиданий, какое возбужденіе интересовъ! И цѣна всѣмъ имъ — тридцать рублей! Овчары въ бѣлыхъ свиткахъ съ башлыками, въ черныхъ бараныхъ шапкахъ, сосредоточенно шагаютъ по грязи огромными сапогами и еще болѣе огромными шагами, перекинувъ черезъ плеча длинные кнуты. Торговки приглашаютъ весьма искренно и трогающими голосами, и расхваливаютъ съ такимъ жаромъ убѣжденія свои мягкия паляницы, что хочется у всѣхъ купить; это совсѣмъ негостинодворская зазыванія. Я купилъ у одной половину ея магазина, и доставилъ ей сразу половину ея оборотнаго капитала. Магазинъ состоялъ изъ шести паляницъ, а половина оборотнаго капитала изъ двадцати-семи копіекъ. Гануся или Олена была въ восторгѣ отъ удачи, а старая вѣдьма, ея сосѣдка, метала на меня молніи. Возвращаясь, я встрѣтилъ двухъ ямщиковъ, уводившихъ со станціи третьяго, совершенно пьяного; одинъ, опрятный и солидный старикъ несъ сундукъ и поясники прогнанного со станціи ямщика; другой, рослый молодой парубокъ въ воротничкахъ и свѣжемъ казакинѣ, опираясь на палку, вель за плечо преступника. Преступникъ шатался и ругался на весь міръ божій, преимущественно вспоминая смотрителя съ ближайшего роднею, и не хотѣлъ идти. Мило было видѣть, какъ любовно и кротко усовѣщевалъ его старикъ, и какъ терпѣливо подбиралъ по нѣсколько разъ вещи, разбрасываемые расхрабрившимся героемъ сцены.

«*Да идите, Пилипъ, до дому, да нуте,*» ласково погруждалъ онъ его, въ отвѣтъ на обѣщанье героя сдѣлать изъ смотрителя какую-то скверную вещь. Это «вы» звучало такъ хорошо и странно. Серьезный парубокъ не вступалъ въувѣшанья но при излишнемъ упорствѣ боянившаго только бралъ его слегка за плечо

свою богатырскою рукою, отъ одного прикосновенія которой гроза смотрителя летѣла кубаремъ въ снѣгъ.

Степь начинается на полдорогѣ со станціи Перещепина, старая, историческая степь...

Степь, которой не миновалъ ни одинъ народъ, перешедшій въ Европу, отъ кельтовъ до татаръ. Это то широкое русло, по которому текли племена другъ за другомъ и другъ противъ друга, тѣснясь, раздвигаясь, волнуясь, опрокидываясь.

Безмѣрное поле битвъ, въ которыхъ народы схватывались съ народами и ложились костями...

Сюда невѣдомыя еще исторіи силы выходили погарцовати и испробовать свою удаль, и взять свой жрецій — жить или не жить. И сколько ихъ здѣсь осталось, безъ имени, безъ слѣда... «*погибоща, аки обры*»...

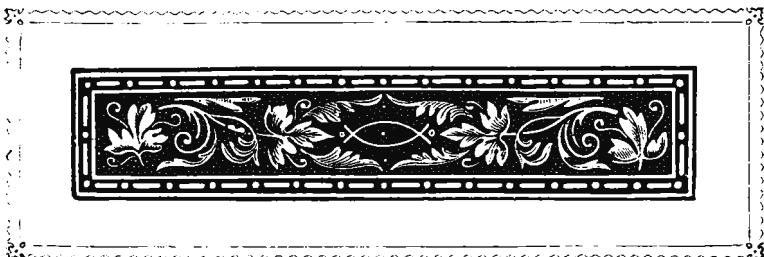
Странно немножко пить чай со сливками въ степи, въ которую боялся отважиться царь персовъ съ своими миллионами войскъ, и гдѣ, говорятъ, пили, вмѣсто чая, кровь изъ черепа врага.

Наши рати долго трепетали этихъ степей, и не даромъ... И теперь еще приходится нести много горькаго бремени, проѣзжая степь въ покойномъ экипажѣ, съ подорожной по казенной надобности, и ночуя въ такихъ станціонныхъ домахъ, гдѣ каждое кресло равняется дивану, а каждый диванъ кораблю.

Каково же было здѣсь при какомъ-нибудь Адашевѣ, при Голицынѣ, при Гордонѣ, когда каждый кусокъ хлѣба для десятковъ тысячъ людей нужно было везти съ собою въ теченіе многихъ недѣль, а на ночлегахъ встрѣчаться не съ станціонными смотрителями, а съ татарскими или турецкими саблями!.. Понятно, почему такъ долго терпѣли мы здѣсь неудачи, и почему такъ ликовали при самыхъ подозрительныхъ слѣдахъ удачи...

Я теперь понимаю, что значитъ *дойти до Перекопа*, потому что понялъ, что значитъ *дохнать до него*; и право, послѣ этого могу сказать съ полною искренностью, что фельдмаршалъ Минихъ былъ точно моло-децъ!

II.

Первая встрѣча съ Крымомъ.

Крымская весна.—Татары.—Долины Крыма.—Верблюдъ.—Бемаякъ на чужбинѣ.

весело, читатель, катиться безъ остановки, все впередъ и впередъ, по степи, ровной и необозримой, какъ море, на четверкѣ бойкихъ татарскихъ коньковъ въ открытой коляскѣ, въ сухое и прохладное утро крымскаго апрѣля. Еще веселѣе, когда вспомнишь, что эта молодая, нѣжная зелень, эти робко-пахнущіе весенне цвѣты, это кроткое небо и ласкающій воздухъ — все это украдено тобой у мохнатой зимы, которая лежить теперь страшною бабой-ягою на поляхъ родной земли твоей.

Еще двѣ недѣли тому назадъ ты сидѣлъ по цѣлымъ ночамъ въ невылазныхъ сугробахъ и мерзнулъ въ своихъ тяжелыхъ шубахъ; возвратись туда, и теперь ты найдешь тамъ морозъ и сугробы, которые еще нескоро поддадутся весеннему теплу. Пріятно сознать, что лихая вѣдьма обманута, что ты не въ ея когтяхъ, что ты

оттягаль, въ пользу жизни и радости, два-три лишие мѣсяца въ годъ.

Пускай, кто хочетъ, «въ зимній холодъ будеть молодъ», пускай «въ стужѣ имъ не хуже», — не хочу скрывать, что въ стужѣ скверно, и что гораздо легче помолодѣть въ крымской веснѣ, чѣмъ въ московской зимѣ.

Въ непочатой свѣжести ранняго дѣтства все въ мірѣ кажется добро-зло уже по тому одному, что бысть утро и бысть вечеръ, потому что у жизни впервые раскрываются тогда душевные глаза, и сердце впервые начинаетъ трепетать счастіемъ бытія. Но когда стихнетъ и отуманится лѣтами это дѣтское трепетаніе, когда, по выраженію поэта: «все вѣдомо, и только повтореные грядущее сулить», — тогда, читатель, ступайте на югъ, ступайте въ Крымъ. Вы напьетесь въ его воздухѣ живой воды и воскресите незабвенные мгновенія вашего дѣтскаго счастія. Я уже прожилъ крымское лѣто и крымскую осень, и могу теперь сказать, что, даже въ Крыму, нѣтъ ничего похожаго на крымскую весну.

Особенно чаруетъ она новичка, русскаго гостя, котораго не балуютъ дома. Для него все кругомъ и хорошо и ново; я привыкъ къ ровной глади полей, къ неогляднымъ стѣнамъ хлѣбовъ — но я впервые очутился въ русской степи. У настѣ, въ Россіи, такъ рѣдки и необширны сухіе луга, на которыхъ растутъ пахучіе цвѣты и веселая зелень. Когда встрѣчаешь ихъ среди однообразія поля — радуешься имъ, какъ оазису въ пескахъ. А тутъ вы охвачены однимъ безконечнымъ, необозримымъ лугомъ; нѣсколько дней вы ёдете по немъ и не можете изъ него выбраться. Тутъничето, кроме зеленої травы, яркихъ цвѣтовъ, голубаго неба и поющихъ птицъ. Въ то время, когда только горластыя галки да сѣрыя вороны зябко жмутся около нашихъ дымящихся трубъ или подъ оледенѣвшими крышами —

въ то время все разноголосое, разноперое, летучее племя встрѣчаетъ первые дни весны на степяхъ Крыма. Это ихъ первая стоянка послѣ далекаго перелета черезъ моря изъ горячей Африки. Онѣ наслаждаются здѣсь голубою прохладою мартовскихъ и апрѣльскихъ дней, и только къ маю двинутся на свои сѣверныя гнѣзда.

Какія тутъ птицы — не перечислишь и не увидишь; въ степи онѣ только перелетаютъ и немногія останавливаются; пернатыя полчища разбиваются свои станы на влажныхъ окраинахъ степи, на рѣчкахъ, озерахъ, на берегахъ Сиваша. Но ты постоянно слышишь надъ собою многошумный шорохъ тысячи крыльевъ, и все въ одномъ направлѣніи. Только степные туземцы всегда на глазахъ. Тяжелыя драхвы сидятъ безчисленными стадами въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги, точно отары барановъ. Горбатые ястреба, пустельги, копчики, какъ разбойники въ засадѣ, торчатъ на телеграфныхъ столбахъ, на верстовыхъ камняхъ, настороживъ жадные глаза; шулики плаваютъ, едва трепыхаясь надъ степью, высматривая мышей. Выше ихъ, на исчезающей высотѣ, висятъ въ воздухѣ черные орлы. Тутъ ихъ десятки; тутъ все полно хищниками разныхъ породъ, да и другихъ немало. Скворцы проносятся въ одной тѣсной кучкѣ, будто горсть пущенныхъ камешковъ; сороки прыгаютъ и виляютъ хвостами; удоды смѣшно шлепаются въ траву и еще смѣшнѣе перепархиваютъ; а какія-то веселенькия летуны-пташки игралъ съ нами, какъ рѣзвыя дѣти: вдругъ вся ватага вскорѣнетъ дружно и шумно, и, словно полуумная, понесется до слѣдующей кучи, чтобы имѣть удовольствіе опять вспугнуть себя и опять безъ памяти нестись до новой кучки камней, постригивая, какъ ножницами, своими востренѣкими крыльышками.

Но милѣе всего мнѣ жаворонокъ, пѣвецъ весны. Другія птицы даютъ воздуху движенье, жаворонокъ —

даєть ему голосъ. Жаворонокъ — это поющій воздухъ; воспѣвателемъ весны, обыкновенно, считаютъ соловья, но соловей поетъ рѣдко и недолго. Его поэтическое ноктурно скоро умолкаеть; кромѣ того, соловей — житель рощи, да и то не всякой; въ полѣ его не услышишь. Жаворонокъ не поетъ, а звенитъ цѣлый день отъ зари до зари на всякому полѣ, на стели, у лѣса гдѣ только есть земля и воздухъ. Онъ первый запѣваетъ и кончаетъ однимъ изъ послѣднихъ. Весною онъ поетъ, когда еще подсѣжникъ пробуравливаетъ землю; утромъ онъ поетъ, когда еще звѣзды блѣднѣютъ на небѣ. Когда онъ поетъ, его не видно. Его нѣжная пѣснь незримо звенитъ, а онъ самъ поднимается къ небу, легко и прямо, какъ паренѣе молитвы. Онъ льетъ свои мелодіи, исчезнувъ въ голубой высотѣ, колыхаясь на одномъ мѣстѣ, счастливый своимъ одиночествою поэта, своимъ воздушнымъ владычествомъ надъ всѣмъ, что внизу, своею близостью къ небу и солнцу. Онъ такъ счастливъ, что, пока есть свѣтъ и тепло, онъ паритъ и поетъ, не зная усталости, не желая отдыха. Оттого я люблю жаворонка больше всѣхъ поющихъ птицъ. Сверху движение и голосъ, внизу запахъ и яркая красота; внизу растутъ великолѣпные букеты фіалокъ, не нашихъ бездушныхъ и тощихъ, а настоящихъ пахучихъ фіалокъ, которыми славится Парма. Эти букеты лиловаго бархата разсѣяны по зеленому бархату степи съ щедростью, незнакомою намъ, жителямъ сѣвера. Мѣстами этотъ зеленый бархатъ затканъ, какъ коверъ, разноцвѣтными шелками, и разновидными цветами: то красными, какъ сургучъ, то желтыми, какъ золото, то бѣлыми, то голубыми зачѣмъ называть ихъ? Той живой, ароматической красоты, которою дышатъ они, не передашь ботаническимъ терминомъ. Мы, слабыя, невдумчивыя головы, невѣжественная толпа, жадная до фокусовъ цирка, мы ищемъ чудесъ во всемъ, невиданномъ нами, а проходимъ безъ

вниманія великія чудеса, ежедневно обнимающія насть кругомъ: мы смотримъ съ равнодушіемъ четвероногаго, какъ на вещь, вполнѣ и давно нами постигнутую, на это таинственное претвореніе безцвѣтнаго сѣмени и черной грязи въ благовонный цвѣтокъ, чудно вырѣзанный, чудно окрашенный, чудно кормящійся и чудно плодящійся. А между тѣмъ, глубочайшая наука нашихъ ученыхъ дошла только до того, что сознаетъ въ большихъ подробностяхъ одинъ голый фактъ этого претворенія. Пусть отвѣтитъ эта наука, *почему* этотъ вѣнчикъ вырѣзанъ такъ, а не иначе, окрашенъ такъ, а не иначе, пахнетъ такъ, а не иначе, *почему* онъ можетъ изъ сока почвы дѣлать лепестки, *почему* изъ его сѣмени выростаетъ новый организмъ?

Въ степи народъ попадается рѣдко, какъ и жилье однако попадается. Фигуры встрѣчныхъ такъ характерны, такъ еще незнакомы мнѣ. Все не то, къ чему привыкъ. Скоро, конечно, и къ нимъ привыкнешь, и не будешь замѣтать ихъ, какъ не замѣчаешь часто русскаго мужика, русскаго обоза, русской деревушки. Но теперь еще любопытство насторожѣ, оглядывается и всматривается въ каждую подробность. Мнѣ кажется, только первыя минуты знакомства съ предметомъ передаютъ намъ его характеръ во всей его правдѣ. Незнакомое инстинктивно бѣть въ глаза всѣми своими особенностями поэтому-то говорятъ, что свѣжій человѣкъ, посторонній человѣкъ, вѣрнѣе видить и судить. Къ предметамъ привыкаешь, какъ къ воздуху. Больные перестаютъ ощущать тяжелую атмосферу госпиталя, и горецъ постигаетъ цѣлебность своего горнаго воздуха только тогда, когда попадеть въ заточеніе. Русскій мужикъ не чувствуетъ въ своей избѣ ни телятъ, ни гари, ни овчины. Человѣкъ такое неблагодарное и беспамятное животное! Живеть себѣ десятки лѣтъ въ скучной и скудной глупши, попадеть вдругъ въ сады Италии, на голубыя южныя

моря, и уже черезъ два-три мѣсяца отвертываетъ носъ, словно вѣкъ свой не выходилъ изъ этого рая, словно всю жизнь свою ѳлъ не огурцы да капусту, а миндаль да апельсины. Конечно, въ забвениі большое счастіе; «холодный ключъ забвенья, онъ лучшіе всѣхъ жаръ сердца утолить» — сказалъ наинъ поэтъ. Но, съ другой стороны, въ этомъ медицински-полезномъ качествѣ оказывается такая бѣдность человѣческой природы, что оно возмущаетъ душу.

Замѣчили ли вы, что въ Россіи нѣтъ всадниковъ? Я это замѣтилъ только въ Крыму. Въ Россіи вы встрѣтите верховаго, какъ рѣдкость, какъ особенный случай: эстафета, этапный казакъ, конюхъ при табунѣ — вотъ русскіе верховые: именно *верховые*, ибо, дѣйствительно, верхомъ сидятъ, но вовсе ужъ не всадники. Это что-то неуклюжее и неумѣлос, случайно очутившееся на лошадиномъ хребтѣ, во всей неопрятности пѣней обстановки. Спить или бѣжитъ всадникъ — сразу не разберешь. Ноги обутыя въ лапти, болтаются, какъ цѣпа, локти прыгаютъ, борода потѣшно трясется, самъ спаззиваетъ то на шею, то на хвостъ: и лошадь-то его также мало похожа на верховую: безъ сѣдла, безъ стремянъ, безъ всякой походки и убора.

Въ крымскомъ пейзажѣ васъ сразу поражаетъ появленіе всадника. Это уже всадникъ не по имени, а по существу. Вы видите прирожденность человѣка къ верховой ѡздѣ, видите органическую связь его съ лошадью. Только исторія можетъ воспитать известное качество въ такой оконченности. Вы безъ труда узнаете въ этой мирной фигурѣ потомка того страшнаго кочевника, который владѣлъ когда-то русскимъ земледѣльцемъ. И породу лошади, и породу всадника надо выходить вѣками. Татаринъ какъ приросъ къ сѣдлу и чувствуетъ себя совсѣмъ дома: онъ на немъ спокоенъ, красивъ и доволенъ; лошадь его идетъ подъ нимъ такъ, какъ она не

пойдетъ ни подъ кѣмъ другимъ: это специально татарская походь, такъ-называемый аянъ; аянъ такъ споръ и легокъ, что въ результатѣ быстрѣе рыси; между тѣмъ, лошадь уточняется значительно меныше. Нарядъ татарь — ихъ круглые шапки, куртки безъ рукавовъ, шаровары съ кушаками,— больше же всего ихъ строгія, черноглазыя и чернорусыя лица, совершенно гармонирують съ верховою єздою. Лошади маленькия, горячія, быстрыя, исключительно годятся подъ верхъ; для перевозки ихъ употребляются мало и по нуждѣ. Онъ слишкомъ слабы и бойки для долгаго равномѣрнаго напряженія силъ.

Всадникъ весьма разнообразитъ пейзажъ, особенно степной. Степь должна была создать всадника. Онъ кажется мнѣ ея нераздѣльною чертою. Въ немъ необходимая, замѣтно-недостающая ей красота. Степь особенно кажется степью, и Крымъ Крымомъ, когда встрѣчаешь верхомъ на маленькой кобылѣ какого-нибудь хаджи въ бѣлой чалмѣ, съ рѣзкими морщинами на темномъ лицѣ, зашитаго наглухо въ ватошную персидскую куртку, и въ жѣлтыхъ туфляхъ на босу ногу. Этотъ суровый старецъ, родившійся еще при Гиреяхъ, сидитъ на сѣдлѣ со всѣмъ шикомъ набѣздника, и, можетъ быть, безъ особеннаго неудовольствія вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда въ татарской рукѣ работала еще шашка.

Я съ большимъ удовольствіемъ рассматривался въ незнакомый типъ лица, сквозь который такъ понятно говорила незнакомая жизнь. Поразительный контрастъ со вскимъ европейцемъ вообще, еще поразительнѣе контрастъ съ нашимъ русскимъ типомъ. Эти глаза, полные сосредоточенного огня, глядятъ твердо и серъезно, но безъ тревоги, безъ порывовъ. Это мусульманскіе глаза, глаза фатализма. Въ нихъ не свѣтитъ смѣлый духъ предпримчивости, ис坎ія, борьбы. Но вы чувствуете, что этотъ глазъ не сморгнетъ передъ занесеннымъ кинжаломъ.

ломъ и не задрожитъ слезою при видѣ крови. Авраамъ, безтрепетно закалывавшій роднаго сына, можетъ быть, смотрѣть этимъ строгимъ, непоколебимымъ взглядомъ. Духъ, озаряющій такіе глаза, требуетъ для себя постоянной и ясной цѣли, во имя которой онъ долженъ приносить жертвы. Жертвы ему необходимы; умѣренность и теплота ему непонятны, это глаза не только фатализма, но и фанатизма. Продуктъ горячаго юга, онъ знаетъ одну температуру для воздуха и души: раскаленный зной. Онъ необходимъ рукѣ, которая спокойно завязываетъ мѣшокъ надъ головою любимой женщины, обрекаемой на погибель за одинъ неосторожный шагъ. Абрекъ, умирающій подъ саблями враговъ, въ радостной надеждѣ перейти съ поля смерти прямо въ обители рая, не можетъ смотрѣть инымъ глазомъ. Потребность неумолимой обязанности дѣлаетъ изъ такого сильнаго духа духъ рабскій; это фанатическіе почитатели закона — надежнѣйшій оплотъ беззаконія.

Они рабы по принципу; рабы, сохраняющіе однако въ себѣ неукротимую гордость. Скептицизмъ, критический и философскій взглядъ для нихъ такъ же недоступны, какъ легкомысліе. Они на все смотрятъ съ суровымъ уваженiemъ и съ глубокою вѣрою. Такого закала были сирійскіе и єиваидскіе подвижники, такого закала были ассасины Ибн-Саббага. Въ жизни они не могутъ открыть предмета шутки или развлеченія; самыя обыденныя людскія слабости у иныхъ пріобрѣтаютъ упорный и страстный характеръ; ихъ любовныя отношенія не знаютъ водевиля, но знаютъ за то многое черныхъ трагедій; поцѣлуй у нихъ лежитъ рядомъ съ веревкой и кинжаломъ, и смерть такъ часто граничитъ съ сладострастіемъ. На ученье они смотрятъ, какъ на таинство, съ благоговѣйнымъ страхомъ. Даже въ самомъ веществѣ книги видятъ какую-то могущественную святыню. Медицину считаютъ всесильнымъ колдов-

ствомъ, и не хотять ничего знать о ея человѣческихъ несовершенствахъ. Съ такою же слѣпою довѣренностью смотрятъ на власть, на законъ. Головы слетаютъ съ плечъ, бичи истязаютъ тѣло, въ судѣ вопіющая неправда — но въ сердцѣ прежнее почтеніе и прежній страхъ. Сомнѣніе немыслимо. Такая серьезность взгляда на жизнь и обязанности вычеркнула изъ жизни мohамеданина возрастъ юности. Изъ маленькихъ дѣтей онъ прямо переходитъ въ суровую возмужалость. Въ бритой головѣ татарина, правильной и сухой, безъ бѣглыхъ *минаг* на лица, съ прочно застывшими и прочно выработанными *чертами*, въ этомъ строгомъ, прямомъ носѣ, въ этой прямой, строгой бородѣ, въ этихъ строгихъ, вѣчно сдвинутыхъ бровяхъ, но особенно, въ этихъ неподвижныхъ горящихъ, глубокихъ и суровыхъ глазахъ — я прочелъ все, о чёмъ говорю теперь, какъ будто передо мною вдругъ раскрылась картина къ давно-знакомому тексту.

Меня удивилъ однако этотъ типъ. Хотя его зовутъ татарскимъ, въ немъ собственно татарского ничего не замѣтно; скорѣе это турецкій типъ, потому что въ немъ гораздо больше кавказскаго, чѣмъ монгольскаго элемента. Не даромъ и нарѣчіе крымскихъ татаръ совершенно турецкое. Знающимъ исторію крымскихъ татаръ это обстоятельство покажется весьма естественнымъ. Ногаи — вотъ прямые потомки кочевниковъ, унаслѣдовавшиѣ всѣцѣло ихъ монгольскій типъ лица и ихъ кочевые привычки; но чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ меныше ощущается примѣсь ногайскаго элемента, тѣмъ рѣзче сказываются другіе этнографические ингредиенты племени — греки, турки, итальянцы и разные другіе. Всѣ эти элементы переработались исторіею въ весьма цѣлый и характерный типъ, въ которомъ много Азіи, Востока, мohамеданства, но очень мало монгольства.

Я встрѣчалъ по дорогѣ не однихъ всадниковъ. Їхали на встрѣчу длинныя мажары запряженныя волами и

верблюдами, узкія, высокія, въ которыхъ можно помѣстить цѣлый домъ. Тамъ часто и спѣдѣль цѣлый домъ, то-есть цѣлые семейства. Женщины, какъ каменные статуи, обмотанныя съ головы до ногъ въ бѣлые чадры, съ едва оставленнымъ просвѣтомъ для глазъ: мальчишки въ мохнатыхъ, бараныхъ шапкахъ, а иногда съ бритыми синими головенками, гладкими какъ пузырь, на макушкѣ которыхъ развѣвался хохолъ — совершенно краснокожіе куперовскихъ романовъ. Нерѣдко мы проѣзжали мимо каменныхъ фонтановъ, которые, по прекрасному обычая Востока, разсѣяны вездѣ по крымскимъ дорогамъ; какое значеніе имѣть фонтанъ въ стени — это можно узнать только на югѣ, въ сухихъ, каменистыхъ пространствахъ на сотни верстъ кругомъ. Недаромъ его окружаютъ религіознымъ уваженіемъ, и имя благодѣтельного строителя тщательно вырѣзаютъ на плитахъ фонтановъ рядомъ съ стихами Алкорана. Какъ въ библейское время, какъ въ эпоху Гомера, колодезь, фонтанъ — центръ публичной жизни, по крайней мѣрѣ, деревенскій или городскій фонтанъ. Но и по дорогѣ фонтаны — своего рода центры. Тутъ вы увидите остановившагося всадника или кружокъ уставшихъ пѣшешодовъ, которые, присѣвъ на корточки, на самомъ припекѣ солнца, жуютъ какой-нибудь скучный завтракъ или курятъ свои трубки. Тутъ же часто притуляется кабачокъ русскаго или жидовскаго изобрѣтенія. Это новѣйшая формациѣ. Фонтаны всегда просты и благородны, и часто вокругъ нихъ особенная свѣжестъ зелени. Они сильно переносятъ фантазію туриста въ міръ истой восточной жизни, въ спірійскія и малоазіятскія страны. Чалмы, чадры, всадники, случайно останавливающіеся у нихъ, еще болѣе увеличиваютъ эту иллюзію.

Видѣ татарокъ, закутанныхъ въ бѣлые простыни, какъ живыя статуи на театральной сценѣ, очень стра-

нень; глаза ихъ, любопытствующіе взглянуть сквозь узкую щель, кажутся очень черными и горячими, но это только кажется: сколько я потомъ ни видалъ татарокъ, вся онѣ прегрубаго и пресквернаго типа лица. Таинственный покровъ придаетъ интересность самому пошлому образу, и когда встречаются вами цѣлые группы бѣлыхъ женщинъ безъ лицъ и безъ ногъ — интересъ дѣлается понятнымъ. Смѣшно, однако, думать, будто эти укутанные красавицы — жертва стоглазой ревности, несчастныя затворницы, которыхъ красота насилино погребается отъ взора человѣческаго. О, это далеко не плѣнницы и не жертвы! Это заматерѣлые въ своихъ предразсудкахъ мусульманскія матроны, упрямые консерваторши, презирающія отъ души тѣхъ, кто не держится завѣтнаго обычая. Для нихъ эта чадра такое же неизбѣжное условіе общественнаго приличія, какъ для нашихъ дамъ корсеты и кринолины.

Чѣмъ ближе подѣлѣжаю я къ горамъ, тѣмъ болѣе оживаетъ степь. Эта граница равнинъ съ горами имѣеть свой особенный характеръ и незамѣнимую красоту. Татары-завоеватели не даромъ остановились на этой цѣвѣтущей и вмѣстѣ привольной границѣ. Ихъ манили горы и воды, но они боялись разстаться съ степью.

Тутъ еще много степи, то-есть простору и глади. Но уже мягкие зеленые холмы поднимаются съ юга, и изъза нихъ, сквозь прозрачный туманъ, глядятъ предгорія, за предгоріями горы; надъ всѣми горами Палат-гора.

Свѣжесть горныхъ водъ и горныхъ вершинъ, еще не совсѣмъ свободныхъ отъ снѣга, быть можетъ, даже свѣжесть моря, чуемаго за горами; дышитъ въ степномъ воздухѣ; трава ярче, пестрѣе, гуще. Между холмовъ вѣются долины, то-есть сады безъ конца. Эти сады крымскихъ долинъ не имѣютъ ничего подобнаго себѣ у насъ въ Россіи. Ихъ красоту трудно даже промѣнять на скалы и море, которыя для насъ новѣе. Пре-

красный итальянский тополь, стройный, сквозной, то грациозно-группирующийся, то убѣгающій рядами—вотъ что составляетъ главную прелестъ долины. Безъ тополя Крымъ не Крымъ, югъ не югъ. Я видѣлъ эти тополи и у настъ въ Россіи; но никогда не предполагалъ въ нихъ такого богатства очарованія. При первой мысли о крымскомъ пейзажѣ у меня въ головѣ поднимается тополь. Съ него онъ начинается, съ нимъ онъ оканчивается. Объяснить этого впечатлѣнія нельзя; но я увѣренъ, что всякий крымскій путешественникъ, нелишенный живаго чувства природы, сразу очаровывался крымскимъ тополемъ. Я не сомнѣваюсь, что тополь и кипарисъ создали архитектуру минарета, этого изящнѣйшаго и благороднѣйшаго украшенія мохамеданскаго юга. Тополь въ садахъ играетъ именно роль минарета. Странного въ этомъ сближеніи ничего нѣть: давно уже наука стала угадывать въ колоннѣ съ капителью—финиковую пальму, въ рѣзьбѣ и стрѣльчатыхъ сводахъ готическихъ соборовъ—просвѣты и вершины сосновыхъ лѣсовъ.

Надо сказать еще, что тополь нигдѣ не можетъ быть такъ хороши, какъ въ Крыму. Онъ хорошъ именно среди татарскихъ плоскихъ крышъ, среди этихъ низенькихъ бѣленъкихъ домиковъ и въ сосѣдствѣ минаретовъ. Между ними органическая гармонія: словно одно вызвано другимъ.

Татарскій домъ—это совсѣмъ не то, что русскій домъ, что мужицкая изба. Уже малороссійская хата приготовляется васъ нѣсколько къ крымскому жилищу; ея бѣлизна, ея опрятная, тѣнистая крыша составляютъ переходъ отъ русской бревенчатой избы съ высокимъ конькомъ къ каменному, словно къ землѣ прилегшему, домику татарина. Даже усадьбы русскихъ владѣльцевъ въ Крыму приняли этотъ крымскій характеръ. Тутъ есть богатые и старинные русскіе помѣщики, но нигдѣ

нѣтъ русской усадьбы—нѣтъ хоромъ, нѣтъ тѣхъ широко-раскинутыхъ службъ, разсчитанныхъ на даровую дворню, съ которыми мы такъ сроднились. Тутъ словно заграница какая-то: все не по нашему. Чомѣщицій домъ тянется низенькой и темненъкій, та же сакля, только побольше. Не столько домъ, сколько галлерея, не столько тепла и красоты, сколько прохлады и уютности. Все заботливо обнесено, огорожено; нигдѣ бревнушка не видно. Эти дома не красуются гдѣ-нибудь на пригоркѣ, надъ рѣкою, имѣя передъ собою широкій дворъ и фронтъ деревенскихъ избъ, вытянутыхъ въ струнку. какъ солдаты передъ командиромъ; нѣтъ. они скромно облѣплены овчарнями, хлѣвами и сараями; сразу видно, что тутъ на первомъ планѣ не общественные отношенія, не наслажденія домашнимъ довольствомъ, а добыча и сбереженіе.

Видно, что это не коренные обладатели земли, похоронившіе здѣсь своихъ прадѣдовъ и наследовавшіе отъ этихъ прадѣдовъ право почетнаго бездѣлія, а пришлецы, колонисты, познавшіе, что такое трудъ и чего стоятъ наслажденіе.

Хоть очень рѣдко, но мнѣ попадались пахари. Эту безмѣрную степь бороздятъ кое-гдѣ плуги земледѣльца. Но смѣшно смотрѣть, какъ теряются они въ степномъ пространствѣ. Вездѣ почти дерутъ новину. Мѣста такъ много, что не стоить возиться надъ почвой, истощенной нѣсколькими посѣвами. По три, по четыре и больше паръ воловъ съ трудомъ тянутъ тяжелый плугъ, глубоко уходящій въ тучную почву. Должно быть, есть маленькая разница между нашей и этой: одна выливаетъ и организуетъ свои избытки въ кустарники розъ, разсѣянные по всѣмъ полямъ, въ душистую мякоть груши, которая наполняетъ лѣса; а другая въ репей-

ники, да въ тоцій лозникъ, много-много въ скромный орѣхъ лещины. Гораздо чаще, чѣмъ плугъ, встрѣтите вы стада овецъ. Исконный промыселъ кочевника доселѣ крѣпко держится среди крымскихъ степей. Табуны верблюдовъ, лошадей, быковъ и овецъ, попрежнему составляютъ исключительное богатство степныхъ помѣщиковъ, особенно мурзаковъ. Овцы попреимуществу. Нѣкоторые знаменитые овцеводы считаютъ ихъ здѣсь десятками тысячъ. Пока трава не выгорѣла въ степяхъ, пока ковыль молодъ и соченъ, стада все здѣсь и выше, на Яйлу, на равнины Чатырдага.

Вотъ они и теперь торчатъ окаменѣлыми группами на солнечномъ жарѣ. Странныя, бѣлые фигуры съ черными мордами и въ черныхъ чулкахъ, словно на поѣхѣ раскрашенныя, съ любопытствомъ уставились на васъ. Другія безсмысленно столпились головами въ не-проходимую кучу, ставъ другъ на друга и другъ подъ другомъ, выставивъ на созерцаніе прохожимъ цѣлый букетъ курдюковъ — преуродливыхъ овчинныхъ мѣшковъ, налитыхъ жиромъ.

Рогатый синклитъ козловъ важно разлегся на зеленомъ пригоркѣ, отстранивъ себя отъ толкотни овчего стада и съ строгимъ спокойствиемъ взирая оттуда на окружающій міръ. Такое неподвижное величие должно было осѣнять мужей римского сената, побитыхъ галлами. Странное дѣло! ни въ козѣ, ни въ овцѣ Крыма не узнаю роднаго. Другія физіономіи, другая выдержка.

Вдругъ на сердцѣ у меня колыхнулось давно забытое впечатлѣніе дѣтства. Проходили верблюды. Ихъ строгія библейскія физіономіи какъ-то почеловѣчески глядѣли на меня. Минѣ такъ живо представился Госифъ, проданный братьями измаильянскимъ купцамъ, кото-

рыхъ изображеніе въ иллюстрированной священой истории впервые познакомило меня, много лѣтъ тому назадъ, съ фигурою верблюда. Что-то чудесное въ этой живучести одной минуты, одного нервнаго сотрясенія. Видъ верблюда характеренъ и живописенъ до высокой степени. Пусть понимаютъ это, какъ хотятъ, но мнѣ этотъ уродъ кажется красавцемъ. Рѣдко что удовлетворяетъ такъ созерцаніе, какъ видъ верблюда. Онъ художественъ по полнотѣ своихъ признаковъ, по ихъ строгому соответствію съ цѣльнымъ, по выразительности идеи, проникающей весь его организмъ.

Это — *спло-звѣрь, вьюкъ-звѣрь*; вы сразу прочитываете эту основную идею верблюда въ его горбахъ, въ его шеѣ, въ его ступнѣ. Передъ вами живое, неутомимое, движущееся сѣдо на четырехъ ногахъ. Только пустыня, незнающая границъ, могла породить этого работника, незнающаго устали. Онъ рожденъ работникомъ.

Работа — его органическое призваніе и его гордость. Стоитъ только разсмотрѣть его наружность, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не знаю, такимъ ли вышелъ верблюдъ изъ рукъ Творца, или тысячелѣтняя борьба съ нимъ человѣка обработала его въ такую неуклюжую и вмѣстѣ безцѣнную машину, въ такого удобнаго урода. Силища, немѣряющая себя, неусчитыvающая, глядить во всякому членѣ; размѣры все какиѣ-то чудовищные. Вашъ глазъ какъ будто не привыкъ къ звѣрямъ подобнаго калибра, и невольно чуетъ въ нихъ запоздавшихъ собратовъ тѣхъ мастодонтовъ, мамонтовъ, мегалотеріевъ и разныхъ другихъ исполиновъ, которыхъ колоссальные останки открываемъ мы иногда въ геологическихъ могилахъ. Верблюдъ, въ одно и то же время, напоминаетъ овцу и медвѣдя. Его шерсть и неуклюжесть медвѣжьи, лицо овечье: оно совсѣмъ голое, уши и волоса какъ у человѣка. Есть что-то древне египет-

ское въ умномъ и сурово-равнодушномъ взглѣдѣ верблюжьяго лица. Кажется, будто онъ все понимаетъ и будто презираетъ васъ. Кажется, что онъ сознаетъ свою силу, свою пользу, свою незамѣнимость; сознаетъ, что исполняетъ свой священный долгъ. Оттого, можетъ быть, такъ презрителенъ его взглѣдъ, такъ величественны и неторопливы его движенія. Вы видите не невольника, а фанатика работы. Мнѣ кажется, въ вос точномъ рабствѣ есть частица этого фанатического взглѣда на долгъ, на послушаніе. Тамъ встрѣчаются рабы, проникнутые достоинствомъ, и унижение, основанное на принципѣ.

На горбы, теперь еще худые и костлявые, на естественное сѣдло, словно наброшена косматая, медвѣжья шуба: такъ обросъ онъ за зиму шерстью.

Такие же тулупы мотаются у него подъ шею и на переднихъ ногахъ, закрывая колѣна. Они придаютъ верблюду нѣсколько звѣрскій видъ. Шея страшной силы и длины, просто устроена для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой срединѣ. То положеніе, которое даетъ шеѣ всякое животное и человѣкъ, усиливаясь тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему незачѣмъ больше нагибаться. Онъ, такъ сказать, застылъ въ работящей позѣ. Какъ горбы его просятъ выюка, такъ шея его проситъ ярма. Но при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника, голова верблюда сохраняетъ полную самостоятельность. Яромъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ слышать, длиннымъ ноздрямъ обонять. Верблюдъ не поглощенъ весь своею работою, не подавленъ своею ношею; на ходу онъ озирается съ достоинствомъ независимости, и съ философскимъ спокойствиемъ наблюдаетъ суетный міръ, обратившій его въ машину для перевоза. Но въ чёмъ особенно выказывается страшная рабочая сила верблюда — это въ его

ногахъ; переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, корявыя — не ноги, а просто толкачи — мѣситъ песокъ. Копыта на нихъ — цѣлья блюда. Не знаю, чего не раздавить такая пара ногъ и когда она утомится! Заднія ноги худѣе и выше. Онѣ толкаютъ какъ ресоры высокоподобранный задъ, весьма этимъ усиливая размѣръ и быстроту шага. Переднія, ломовыя, тащутъ; заднія подталкиваютъ. Вся снасть верблюда подходящая къ ногамъ: языкъ и губы жестки, какъ мозоли, способные съ наслажденiemъ жевать тѣ колючки и рѣпьи, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другаго животнаго; такой же терпкій желудокъ. Обшить онъ тепло и дешево, не промокнетъ отъ дождя; крѣпко сколоченъ и свинченъ; машина надежная, заведенная надолго: шагать — прошагаетъ двое сутокъ; голодать — проголодаетъ хоть шестеро; телегу подавайте въ двѣ сажени длины, возъ сѣна на телегу — цѣлый стогъ. Этотъ горбатый уродъ — спартанецъ по рождению, безъ ликурговыхъ пособій; онъ охотникъ только до жесткаго, до тяжелаго; онъ, по своему странному нраву, любить именно все то, что составляетъ мѣккую остальному живущему. Въ этомъ неоцѣненное достоинство верблюда. Любо смотрѣть, какъ проходятъ они мимо, пара за парой; дружно, серьезно и увѣренно поднимаютъ они свои могучія лапы, безучастно поглядывая своими ветхозавѣтными физіономіями на проѣзжихъ, и за ними легко, какъ пустая тележка, катится огромная маѣара, буквально съ горою сѣна.

Оторвавши взоры отъ крымскихъ видовъ, отъ верблюда, я въ первый разъ замѣтилъ, что на козлахъ сидитъ *курскій полушибокъ*; курскій ямщицкій шикъ и курское неряшество до такой степени рѣзко проявлялись въ фасонѣ и въ каждой изъ многочисленныхъ дыръ полушибубка и такъ подтверждались курскою морщинистою шею ямщика, что я, нимало не сомнѣваясь и

вмѣстѣ почему-то обрадовавшись, приказалъ ямщику обернуться. Смотрю, курская жидкая борода, курскіе лукавые глаза; какой-нибудь обоянецъ — Бога небоянецъ.

— Ты, братъ, курскій! — увѣренно говорю я ему.

Борода осклабилась и нѣсколько просияла, но еще болѣе изумилась; она никакъ не хотѣла вѣрить, что я ниразу еще не ъздилъ съ нимъ и что я самъ здѣсь въ первый разъ.

Земликъ мнѣ неподдѣльно обрадовался, и я ему тоже. Такова странность человѣческой натуры! Были бы вмѣстѣ — можетъ быть, всю жизнь ласковымъ взглѣдомъ не обмѣнялись бы; а *на чужбинѣ*, почему-то нужны другъ другу, почему-то кажемся роднею. Однако, борода оказалась не изъ Обояни, а изъ Митрополівска (можетъ, не всѣмъ географамъ известно, что такъ называется у курскихъ туземцевъ Дмитріевъ-на-Свалѣ, или Дмитресватскъ).

— Я *по поговоркѣ* спозналъ, что вы не здѣшніе, — объяснилъ мнѣ тотчасъ же митрополівецъ. — Здѣсь, положимъ, и говорять пороссійски, да все въ *татарщину забираютъ*, а нашъ русскій *говоритъ резонно*, какъ слѣдуетъ. Татарина сколько ни учи, все чисто говорить не будетъ; тоже и жидъ. Все себѣ будуть *картавить*.

Очарованный Крымомъ, я хотѣлъ узнатъ, такъ ли, какъ я, относится къ нему мой землякъ; но онъ меня сразу обезкуражилъ. Онъ сталъ жаловаться на все: на жару, на камень, на нехристей, на дороговизну, на то, что чернаго хлѣба не даютъ, на то, что народу мало.

— Скверно! — говорилъ онъ: — посреди *чужого человѣка* живешь. Эти собачьи дѣти, татары, какъ вѣдь другъ дружку проводятъ, а *нашего брата изѣпываютъ*. Ему досадно, что мы у *его первое мысто заступаемъ*, ему *при насъ окольвать* приходится; потому что онъ *пакость*, его смѣнить съ русскимъ нельзя. Были мы крѣпостные, все дома жили; хоть побираяся, уходить

не смѣй. А далась воля, народъ сюда двинулся: пачпорты-заработка, пачпорты-заработка! Куда — въ сады, куда — по станціямъ... Такъ ему, татарину-то, *иѣнъе тогда втрое убавились!* Его работа по старинному — ковырнетъ рукой туда, сюда, а денежки подай! А нашъ противъ его вдвое сработаетъ. Онъ лѣнивъ и дурень. Пустій его теперь къ лошадямъ: Ѣхать — онъ ихъ до полусмерти бьетъ; пріѣхалъ — хомутовъ не снялъ, корму не засыпалъ, по кабакамъ! Какъ же такъ можно? Вотъ нонче у насъ на станціи Ѣхать ему: мой, говоритъ, больной. Хозяинъ-то нашъ бѣдовый, жидъ, до смерти его колотить. Ужъ такъ смѣялись! имъ всякий день — такая лупка. Дурни!..

Онъ помиралъ со смѣху, вспоминая жидовскую лупку.

— Да ты вренишь, — остановилъ я его: — татары не пьютъ!

— Не пьютъ? — онъ презрительно усмѣхнулся. — *На это первые!* — Впрочемъ, онъ скоро перемѣнилъ тѣму своихъ жалобъ: — У насъ теперь взять въ Курской губерніи: здѣсь село, тутъ деревня, куда ни подайся — церкви этто, народъ: а тутъ глухо! Татаринъ праздниковъ не соблюдаетъ, поста не соблюдаетъ, а нашему брату, что изъ Россіи пришелъ, откуда взять? Поста не блюдетъ, а тоже обрядъ имѣеть: свины не Ѣсть; тутъ свины на полѣ дохнутъ. Сварять это отличный борщъ съ саломъ; смѣешься ему: поѣшь, татаринъ, борщу! — И! замотаетъ головой: *чушка, чушка!* — Да, Ѣшь чушка. — Кушай, говоритъ, твой кобылка, а мой Ѣсть чушка; кобылка кушай чистое, а чушка дрянь. Сметливъ, вѣдь, поганецъ: кобылу-то? Намъ, говорю, кобылятину запрещается Ѣсть, намъ нельзя, нехристіанско кушанье. — А намъ, толкуется, чушка нельзя! — А, облупить тебя! Плюнешь да отойдешь; ажъ смѣхъ береть: погань, а законъ свой блюдетъ!..

Потомъ онъ сообщилъ мнѣ, что недоволенъ своимъ сынишкой: сталъ съ татарскими дѣвками баловаться.

— Смотри, женится на татаркѣ, — замѣтилъ я. — Оборони Богъ! — вскрикнулъ мой митрополитъ. — Такую нечисть, да въ христіанство принять! — Ну, нѣтъ, братъ; они держать себя строго, получше нашихъ, — защищалъ я. — Кто? они-то? какъ есть *пособачьему!* Выйдетъ дѣвка въ поле, поймаеть ее татаринъ, и не ищи: увезъ къ себѣ, тамъ и живетъ съ нимъ, *жена ему называется*. Мало дѣвка, баба замужняя: скажетъ: возьми меня къ себѣ, не хочу съ нимъ жить; возьметъ, и уѣдетъ себѣ къ другому. И ничего! Такое у нихъ положеніе. Есть одна жена, другую беретъ, а понравится двухъ имѣть, третью беретъ. Бѣдный человѣкъ одну жену имѣть, и ту богатый украдетъ, а у багатаго сколько хочешь. — Что же, они вѣнчаются? — Какое тамъ вѣнчанье! *повортятся, повертятся и готово!*

Признаюсь, меня поразила эта незыблемая крѣость убѣжденія, независящая ни отъ какихъ фактовъ, эта органическая увѣренность въ превосходствѣ всего своего и во всѣхъ отношеніяхъ надъ всѣмъ чужимъ, это ничѣмъ неоправдываемое и вмѣстѣ ничѣмъ нескрывающее презрѣніе къ татарину, какъ къ чужому. Я видѣлъ, что землякъ много враль на татаръ безъ зазрѣнія совѣсти, но въ то же время понималъ, что вранье это вполнѣ искреннее и совершенно ему необходимое. На такомъ несправедливомъ, почти животномъ отношеніи къ своему и чужому коренится то инстинктивное чувство національности, силы котораго не замѣнить никакое образованіе и которое въ зоологии проявляется въ болѣе грубыхъ формахъ антипатіи кошки къ собакѣ. Только такое цѣльное, исключительное воззрѣніе на свою племенную особенность въ состояніи объяснить многія важныя страницы исторіи народовъ, страницы, где особенно напряженно проявлялась народная воля и

народная сила. Объ измѣнѣ татаръ во время севастопольской войны ямщикъ говорилъ, какъ о вещи, не подверженной ни малѣйшему сомнѣнію; въ этомъ случай, онъ раздѣлялъ печальное заблужденіе общественнаго мнѣнія цѣлой Россіи. Впрочемъ, такой взглядъ на татарина необходимъ для полноты отношеній русскаго мужика къ нехристу.

— Какъ татаринъ мясоѣникомъ стать задумалъ, переводъ тамъ на свой языкъ имъ дѣлать сталъ, ну, наши казаки разнюхали. Кого подслушаютъ — въ волость, а волость *къ вышнему начальству*, а вышнее начальство къ министерству, а министерство къ императору отправляется. Сейчасъ имъ казаковъ донскихъ два полка прислали — живо смирили, въ двѣ недѣли. У того вѣдь пика, два пистолета; вошелъ въ избу — трахъ! сколько попало: двоихъ — двоихъ, троихъ — троихъ; *уральниковъ* кругомъ поставили, у каждого уральника по 25 казаковъ; по наряду кто гдѣ. Кто ёдетъ? оказался — оказался; не оказался — голову долой; а не голову — изъ пистолета, абы съ ружья застрѣлить! Они съ *нимъ* живо расправились. А то еще *ему* въ зубы смотрѣть!

Ямщикъ мой былъ очень доволенъ этою живою расправою; онъ ухмылялся, какъ будто рассказывалъ самое забавное происшествіе.

Я не старался его оспаривать. Помолчавъ и поглядѣвъ не безъ удовольствія кругомъ, ямщикъ опять завелъ свои разсказы.

— Толкуемъ этто мы, *рассейскій народъ*, какой вотъ есть, промежъ себя: ну, кабы эти горы къ намъ въ Курскъ аль Орелъ, сказать бы, хоть въ Москву — вѣдь разбои бы были. Лѣса! а здѣсь и воровства не слыхать. Бываетъ, ёдешь пьяный, такъ хоть бы разъ

колокольчикъ или возжи сняли. А у насъ бы этто ребята давно все поотрѣзали, и тебя бы съ телеги сложили. Татары — народъ тихій, глупый. Есть здѣсь *старинные жители*, наши русскіе, что давно здѣсь поселились, такъ тѣ своровываютъ лошадей, да въ Рассеко гоняютъ. Потому, земля эта *придоволина* насчетъ скота, и *украдется — не слыхать*. А татаринъ *ваэвъ* стережеть? Пускаетъ табунокъ въ балку — черезъ не-дѣлю пріѣдетъ: ходятъ? двѣ недѣли неѣздить. Опять посмотритъ: ходятъ? мѣсяцъ не пріѣдетъ. Ужъ къ зимѣ сами домой придутъ. Такъ русскій-то примѣтитъ, когда онъ выпуститъ табунъ, выберетъ парочку получше, да *полегонику и пойдетъ себѣ въ Рассеко*.

Митрославецъ, при послѣднихъ словахъ, обернулся ко мнѣ всѣмъ лицомъ съ нѣсколько торжествующимъ взглядомъ и старался уловить въ моихъ чертахъ то выраженіе сочувствія къ русской сметкѣ и то презрѣніе къ татарской глупости, которыми самъ онъ былъ преисполненъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ разсказывалъ мнѣ о татарскомъ житѣ-бытьѣ. «Я языка его не умѣю; скажешь это: *кошѣлды* или *сабанъ-харецъ*, ну и онъ тебя *алларазуичъ*, а больше ничего — такъ и разойдемся; воды не попрошу; *не смекну по его никакъ*, а тоже парни наши учили; есть вѣдь такие изъ нашихъ, что говорятъ. Только никакой пріятности въ его рѣчи нѣтъ, такъ вотъ пособачки языккомъ лопочетъ: *шаламала!* христіанскому человѣку гнусливо слушать. Строенія у него никакого, *на это онъ сволочь!* Куда противъ russeйскихъ! Наберетъ камня по балкамъ, а то изъ земли кирпичъ дѣлаетъ; такъ сольется, какъ свинецъ! Сто лѣтъ простоитъ, лучше russeйского древа. Бани у него нѣтъ. Барево въ холодной варитъ, съ колидору, и горницу свою съ колидору топитъ. Запрется себѣ и лежить. Ничего, у его въ горницахъ чисто; постель хорошая, тепло. Тоже этто баба каждное утро

чисто-начисто полъ выметаетъ; не любить онъ сору, на это онъ строгъ. Только лопаетъ скверно, всякую гадину; нашъ его кушанья не станеть ъсть! Хлѣбъ поганый, прости Господи! Оно, то-есть, не хлѣбъ поганый, хлѣбъ все едино божій даръ, *a руки поганыя не кутъ*, нехристіанскія. По-цыгански на огнь жарить, подъ самымъ казаномъ. Огребетъ попеломъ, и жарить. Скверноть!..

«Вотъ у нѣмца, у колониста, такъ хорошо жить, перешелъ вдругъ мой разскащикъ: — нѣмцы по тому трахту живутъ: съ Харькова выѣдешь на Полуградъ, тамъ на Орѣховъ, на Казияръ, на Такманъ, а тамъ *на Федосью*. Они больше поселены за Стрѣлкою. Тамъ степь — *духомъ дунь!* къ Дону идеть, къ Таганьему рогу! Такіе тамъ у нихъ нумера понаставлены — Господи ты Боже! городовъ такихъ нѣтъ: дома этто каменные, сады, присадки, такая чистота! Около всякаго древа досточки покрашенныя, обстановочка, чтобы никакой шкоды древу не было; колодези этто подъ крышами. Отлично! Какъ ему не жить? некрутчины не знаетъ, никуда его не требуютъ. И ужъ работать нѣмецъ молодецъ! Сѣно съ тобой коситъ — у его рука какъ машина поворачивается, такъ и сучить и сучить; откуда только берется — не понимаешь! Лѣни такой нѣть, какъ у русскаго. Ты отобѣешь одну косу, онъ три; всѣ намъ косы самъ отбиваетъ; у него вся сбруя нѣмецкая; бабка нѣмецкая и молотокъ. Кормить отлично, противъ нѣмцевъ нигдѣ нѣть такой сладкой харчи. За завтракомъ даетъ этто тебѣ рюмку водки, кофею со сливками двѣ чашки, хлѣба съ масломъ, копченки; это дома; а въ полѣ окромя идетъ. А ужъ обѣдать, чтобы скоро! зазвонить въ косу, живо садись въ телегу, косы кидай, онъ самъ ихъ приберетъ. Пріѣзжаешь въ хату, а тамъ ужъ нѣмка весь обѣдъ тебѣ справила: борщъ этто тебѣ съ колбасой, съ копченкой, съ картофелемъ, какъ есть.

русскій; хлѣбъ у нѣмца отличный; ну, этто драчену тамъ подаетъ, сырь. Выбираешь этакъ все себѣ копченку съ картошкой, да такъ налопаешься, что прости Господи! А ужъ пойдѣтъ, живо въ поле! ругаться станетъ: русская дрянь, лѣнивецъ, скажетъ; тоже сердитъ насчетъ работы, гонить. Ничего, хорошо; и нѣмецъ, а грѣхъ сказать, не обижается; не то что жидъ твово ему не надоть, а наградить завсегда».

Меня, однако, занимало болѣе то, что было кругомъ. Я съ намѣренiemъ навель моего собесѣдника опять на крымскую жизнь; интересны впечатлѣнія, произведенные на душу русскаго лапотника этою новою природою, новыми животными, новымъ бытомъ. Прошедшіе мимо верблюды дали удобную тему для его разсужденія. Ему захотѣлось познакомить меня съ верблюдомъ. «*Верблюдъ, сильная худоба, ходистая,—внушалъ онъ мнѣ: — шестьдесятъ верстъ въ упряжку дѣлаетъ, только напой его однова въ сутки, какъ овцу. У него лата широкая, способная, тоже на два копытка, какъ у овцы: адамская овца прозывается. Адамъ просилъ Бога, чтобы ему скотину такую ядреную Богъ подалъ. Вотъ Богъ и подаль верблюда; вози, молъ, себѣ, что хочешь. У него и хвостъ, и лицо, и уши овечьи. Сухо—120 пудовъ пара цѣлый день претъ, Ѣсть не проситъ; а чуть дождичекъ — это его смерть; версту пройдетъ—ложится. Голосить, словно маленький: ага, ага, кричитъ. Потому, ладонь у него мягкая, какъ у медвѣдя, чуть только коготочки; ну, и скользитъ. А подмерзнетъ — и! пошелъ!.. лошадьми не догонишь. А Ѣсть совсѣмъ мало, какъ овца. Онъ сѣна хорошаго не любить, а что ни есть негодная трава, ни Богу, ни чловѣку, а только въ печь, да и то не способна — тут онъ, сволочь, и кушаетъ. Вотъ бурьянъ колючій, курай — это его первое пропитанье. Такъ и называется верблюдникъ, сѣно верблюжье. Онъ теперь на хорошей*

степи настъся не станетъ, а увидить его (курай-то), хоть за полверсты попретъ къ нему. Вотъ тоже молочай — что какъ сорвешь, молоко тебѣ брызжеть — это онъ тоже кушаетъ, каторжный. Такъ *Богъ зародилъ:* какая вещь какому созданію. *Ты природа, а я опять природа;* такъ и верблюдъ. Онъ его рубаетъ-рубаетъ, какъ машиной обработаетъ. *Онъ съ его здоровъ,* стало быть, ему полезительно. Лѣтомъ съ него шерсть идетъ, особенно съ молодаго; какъ вылупится, Петровки еще не придутъ, пошелъ линять! Сталь шерсть бросать, тутъ его обдирай. Эта шерсть на башлыкъ идетъ. Теперь по всей имперіи башлыкъ пущенъ; каждый солдатъ башлыкъ носить, казенный дается; чтобы своего не покупаль, а только чтобы въ цѣлости. Это вѣдь отсюда башлыкъ пошелъ. Теперь *и сапогъ вольный* солдату дается, чтобы только ногѣ было тепло, а тамъ-себѣ какъ хочешь; не то, что прежде: казенный давали, по мѣрѣ; *обмѣрять ногу, сошьютъ, хоть ты сдохни, а носи.* Бѣда еще, какъ верблюды бѣгаются; ты къ ему и близко не подходи къ самцу; на лошади догонить, бросается и на прохожаго, и на проѣзжаго, ровно звѣрь. А догонить, надо ему свитку бросить, такъ онъ копытами да зубами всю какъ есть порвѣтъ: когда золъ, всю тебѣ морду заплюетъ, не отскребешься. Мурзаки здѣшніе занимаются таки этой животиной; табунки штукъ по 100 есть; конный *пастырь* за ними приставленъ съ кійкомъ желѣзнымъ; кійкомъ ихъ и гонятъ. Такъ и пастырято своего въ гулячее время не признаютъ;ничѣмъ ихъ не уймешь. Одинъ такъ то хотѣлъ самца забратать, поталкиваетъ его помаленьку изъ табуна въ базокъ, по нашему, такъ бы сказать, *на ворокъ;* а самецъ-то бѣгался, онъ этого не зналъ; только онъ кіемъ на него намѣрнулся, схватилъ его верблюда зубами за волосы, да черезъ заборъ и перемахнулъ; волоса-то со шкурой у верблюда въ зубахъ, а татаринъ за заборомъ мертвый лежитъ. Такъ

и нашли мертваго. С'котина, одначе, умная; толкни его въ колѣно, сейчасъ тебѣ сядеть; маленький и тотъ за узду поведеть. Сидѣть на немъ верхомъ способно, только не невѣжничай: онъ этого смерть не любить! сейчасъ тебя горбами сдавить, а самъ заплюетъ-заплюетъ, просто пропадешь! То-то, мы говоримъ промежъ себя: кабы парочку верблудовъ къ намъ въ Россію завести, да на поле пустить — сколько бы тамъ ни было мужиковъ на полѣ, всѣ бы бросились прочь, и сохи бы побросали, и коней бы побросали. Лошадь наша русская у! какъ его боится! Не дай же Богъ! Едетъ верблудъ, завязывай глаза, а не то будешь съ возомъ въ канавѣ... А то еще удивляюсь я; ну, верблудъ, то бы еще ничего, а то осленокъ: ростомъ съ теленка годовичка, того меньшѣ, ушатый, какъ заяцъ, а запряги пару — за большихъ лошадей повезутъ. Есть и большие изъ нихъ, а эти *малыньны*, самки ихъ съ жеребцами бѣгаютъ; которая вдается ростомъ съ жеребца, а силою въ матерь — вотъ та-то дорога. У насъ на станціи, у жида, была тоже парочка — удивленье! Вотъ буйволъ, тотъ опять свое; верблуду подавай сухо, а этотъ мокроту только и любить. Въ жарь-то, жарко ему станеть, тяжелый онъ, жирный — такъ задышеть! а пришла лужа — прямо въ лужу валится; береги татаринъ дышло! Около моря съ нимъ страсть; съ мажарой тебя унесетъ, не удержишь, въ море съ версту уйдуть, сидѣть; только храпки видать. У татарина ковшикъ такой есть, какъ совокъ: пріѣдетъ къ лужицѣ, сейчасъ этто съ мажары долой, набираестъ воду, и ну его обливать. А онъ только вздыхаетъ. Полилъ его кругомъ, ну и опять пошелъ. Холоду опять тоже боится: онъ даромъ что черный, а вѣдь почти совсѣмъ голый. Оттого и держится въ теплѣ, въ горахъ; здѣсь на степи его не видать, здѣсь онъ померзнетъ. Набрасасть ему тамъ татаринъ кой-чего, чтобы отъ мороза его спрятать, корму ему дастъ, ну — и живеть

зиму. Самки ихъ худыя, потому что ихъ доятъ. А слизой будутъ противъ верблюда; ихъ двѣ пары за три пары воловъ. Большое и ихъ заведенье у мурзаковъ. Кнутомъ его не проберешь, у его кожа на спинѣ, какъ ремень; а татаринъ его гвоздечкомъ донимаетъ; гвоздечекъ такой на палкѣ сдѣлаетъ, *сидитъ-себѣ, да показываетъ*.

Между тѣмъ, какъ ухо мое вслушивалось въ зоологическое превѣтствованіе ямщика, глаза и душа все сильнѣе, все восторженнѣе приковывались къ горамъ. Горы дѣлались все серьезнѣе и серьезнѣе. Степь замирала на своихъ послѣднихъ предѣлахъ. Уже мы перѣѣхали въ нѣсколькоихъ мѣстахъ мелкую и узенькую рѣчку, съ быстрою черною водой, прозрачной какъ слеза; эта рѣчка казалась налитою на каменномъ полу, или на мелкомъ блюдѣ. Глубина ея казалась не болѣе вершка. И чисто вымытые ею разноцвѣтные камешки, составлявшіе мозаичное дно рѣчонки, видны были сквозь нее такъ же отчетливо, какъ на вашей собственной ладони. Пѣшеходы переходили эту знаменитую рѣчку такъ же хладнокровно, какъ перѣѣзжали ее экипажи. Сады стали приближаться, съ ними татарскіе домики. Горы стояли уже не въ такомъ туманномъ далекѣ; ихъ обрывы, щелья, нависшіе валуны видны были ясно. Надъ всѣмъ царилъ Чатырдагъ; попрежнему туманный и словно прозрачный. Я его увидѣлъ въ первый разъ изъ Пере-копа, то-есть за 133 версты, хотя онъ видѣнъ, какъ мнѣ говорили, за 200 и 250 verstъ.

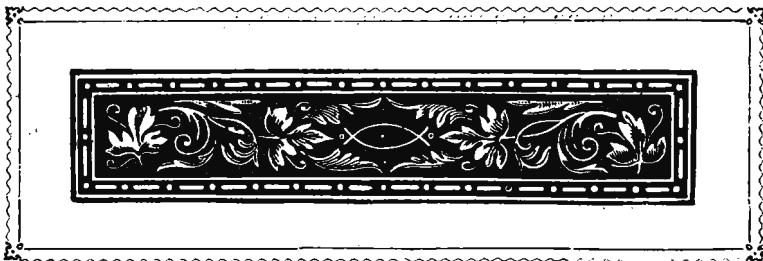
Для меня, вѣчнаго жителя равнины, его появленіе было особенно поразительно. Онъ стоялъ въ небѣ какъ будто нѣжное облако, какъ что-то непринадлежащее землѣ. Только твердыя, неизмѣнныя очертанія его открывали вамъ, что это не облака. Изъ такой дали горы долго кажутся мечтой; имъ не вѣришь; онъ такъ воздушны, что, кажется, сейчасъ растаятъ; но ѿдѣшь 20

верстъ, ѿдѣшь 50, воздушное мечтаніе яснѣеть и густѣеть, и болѣе и болѣе принимаетъ свой плотскій обрисъ.

Неудивительно, что младенчествующіе народы считали высокія горы жилищемъ боговъ.

Подъѣзжая къ Чатырдагу, начинаешь понимать реалитѣзное значеніе Олимпа. Только звѣзды и солнце видны изъ такихъ далей; это качество не присуще земнымъ предметамъ. Поэтому то, что отовсюду видно и до чего не достанешь, такъ естественно кажется неземнымъ, кажется недоступнымъ трономъ незримыхъ боговъ.

III.

Столица Гиреевъ.

Татарскій Невскій проспектъ, ханскій дворецъ, мечеть и усыпальница.

отъ онъ и Бахчисарай! Признаюсь, никакъ его неожидаешь: лежитъ себѣ, спрятавшись въ лощинѣ, и ни гугу! Въ полверстѣ проѣдешь — проглядишь. Это совершенно по-татарски. Татары такие большие охотники селиться вровень съ землею, чтобы кончика уха не было видно издали. Всѣ ихъ аулы по балкамъ, по ущельямъ. И самые дома вдобавокъ такие низенькие, сковно къ землѣ прилегли; а крыши будто сплющены. Можетъ, сноровка старого степняка-грабителя, который повадился и самъ прятаться, и другихъ подкарауливать. Ему, пожалуй, неловко на юру, где нужно смотрѣть откровенно и прямо на божій свѣтъ.

Бахчисарай будто въ яму насыпанъ. Издали дома куча на кучѣ, только-что не кверху ногами. Одни собираются съ одной горы, другіе съ другой, а внизу самая ихъ гуща... Зато какъ живописно, какъ непохоже на то, чѣмъ бываетъ нашъ русскій городъ...

Съ Бахчисараемъ та же исторія, что съ Константиноцлемъ. Псы любуются издали, но, вѣхавъ въ него разъ, навсегда теряютъ охоту вѣхжать въ него. Главная почтовая улица Бахчисарая, длиною версты двѣ, тянется вдоль по скату горы, параллельно ущелью. Она мощена; но, несмотря на мостовую, колеса моей коляски уходятъ по ступищу и танцуютъ во всѣ стороны; меня перекидываетъ изъ угла въ уголъ, и всѣ снасти экипажа стонутъ. Не забудьте, что пекло печеть, и вездѣ по дорогѣ пыль. Качанье моей коляски тѣмъ опаснѣе, что направо она можетъ стукнуться о лавочку мясника, а налево раздавить бакалейную торговлю. Если я высуну въ обѣ стороны свои руки, то, навѣрное, могу обѣими ухватиться за крыши домовъ, окаймляющихъ улицу.

Можетъ быть, этотъ способъ и употребляется туземцами, въ случаѣ паденія изъ экипажа, а безъ такихъ случаевъ я не могу мыслить бахчисарайскаго Невскаго проспекта. Впрочемъ, экипажъ, на которомъѣзжатъ татары — то-есть верховая лошадь — нелегко падаетъ, въ этомъ я скоро убѣдился. Для верховой єзды действительно нѣтъ особеннаго стѣсненія даже и въ такой мостовой и въ такой грязи, особенно, если предположить, что эта мостовая и эта грязь устраивается намѣренно, въ видѣ настоящей гимнастической школы, своего рода палестры для татарскихъ лошадей.

Господи, что за великолѣпіе, что за изобиліе! Улица состоитъ почти сплошь изъ магазиновъ и лавокъ. Да и сама-то она своею тѣснотою и темнотою какъ нельзя болѣе напоминаетъ проулочки московскихъ гостиныхъ дворовъ. Не знаешь, на что смотрѣть! Разинешь ротъ, да и боишься, что коляска заставитъ языкъ прикусить. А какъ не разѣвать рта: направо и налево идутъ клѣтушки изъ глины и мусору, мазанки, подпертые столбиками съ сквозными черепичными крышами, съ по-

кривившимися и совсѣмъ нагнувшимися стѣнками, съ балконами и даже цѣлыми пристройками, висящими Богъ-знаетъ на чёмъ въ воздушномъ пространствѣ, съ галлерейками, поддерживаемыми только тѣмъ, что ихъ еще никто не толкнулъ порядкомъ: домики въ два этажа, и между тѣмъ въ одно окно; дворики, въ которыхъ не разойдутся хозяинъ съ хозяйствомъ, если вдругъ встрѣтятся! А лавки-то, лавки! Во-первыхъ, всѣ наружу — съ откровенностью, достойною лучшей участы и лучшаго содержанія: безъ оконъ, безъ дверей, просто до-счатыя клѣтки. Наружу не только товары, но даже печи, кухни. Вонъ какая-то уличная харчевня съ полкою синихъ тарелокъ, огромными кастрюлями бѣлаго желѣза и бородатымъ поваромъ, проворно повертывающимъ вертель. Все это дѣйствуетъ на вашихъ глазахъ; хотите — поучайтесь, хотите — обѣдайте. Кузнецъ точно также мало маскируетъ свои поддувала и свой горнъ. Изнеможенные, закоптѣвшіе татары въ ермолкахъ еле двигаютъ мѣха его кузницы; въ ихъ чахоточныхъ фигурахъ трудно узнать тотъ самый ожирѣвший типъ, который свойственъ зажиточнымъ татарскимъ торгашамъ.

Вонъ, посмотрите, выползли они на солнце и разсѣлись важно и неподвижно, какъ откормленныя жабы, подобравъ подъ себя коротенькия ножки по своимъ прiplавкамъ, на маленькихъ коврикахъ; голова въ бараньей шапкѣ, на груди стеганая куртка, сверху другая безъ рукавовъ... Въ карманахъ широкихъ шароваръ найдется изрядная киса съ русскими рублевиками; это тоже грѣеть порядкомъ... Бритыя головы спилютъ на солнцѣ, и длинные усы то висятъ черными піявками, то торчатъ врозь, какъ у сибирскихъ котовъ... Эти толстозадые, ожирѣвшие торгаши цѣльые дни сонливо сидятъ посреди нѣсколькоихъ булочекъ или сотенъ двухъ яблокъ и картофелинъ, тщательно разложенныхъ около

нихъ въ пра вильныя пирамидки; такъ смѣшино видѣть въ подобной чести нашъ родной картофель, который ссынается у насъ, на русскихъ базарахъ, чуть не прямо на землю, цѣльми горами... Другіе товары подъ-стать этому. Въ одной лавочонкѣ виситъ штука пять кожъ, въ другой стоитъ штука пятьдесятъ глиняныхъ кувшинчиковъ, въ третьей мотаются на снуркахъ тощіе кусочки говядины, вѣроятно, протухшей. Всего товару на три гроша у каждого; а между тѣмъ такая гибель этихъ лавчонокъ! Всѣ онѣ своими палочками и драночками такъ и просятся подъ хороший пожаръ, которому онѣ послужатъ лихою растопкою. Но, видно, и товаръ, и гостинный дворъ понѣтру бахчисарайцамъ. Имъ, по-жалуй, все это кажется Палероялемъ своего рода. Вонъ сколько народу и сколько покупателей! Три папуинки табаку привлекли къ себѣ цѣлую ораву. Суро-вый хаджи въ бѣлой чалмѣ — счастливый владѣлецъ этихъ напушъ — относится къ алчущимъ покупателямъ съ безжалостнымъ спокойствіемъ мусульманина... Его сѣдые брови неподвижно нахмурены, и ни одинъ желтый мускулъ не шевельнется вокругъ угрюмыхъ глазъ, устремленныхъ въ пространство. Какъ будто бы онъ вовсе не замѣчаетъ своихъ покупателей и вовсе не желаєтъ ихъ. Въ толкѣ замѣтно много интересныхъ и разнообразныхъ типовъ. То пройдетъ высокій мулла въ чалмѣ, въ длинномъ халатѣ поверхъ двухъ куртокъ, съ пра вильными и красивыми чертами смуглаго лица, то компанія молодыхъ франтовъ - купчиковъ, франтовъ на татарскій манеръ, разумѣется: въ синихъ курткахъ, петрятинутыхъ чеканеными поясами, съ множествомъ стальныхъ цѣпочекъ, съ рѣзко подстриженными и черными, какъ смоль, усиками. Рѣдко проходятъ и женщины, похожія на статуи, съ головы до ногъ обернутыя въ бѣлые простыни, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ только черная пара глазъ да желтые

туфли. На самомъ солнечномъ присекѣ сидятъ рядышикомъ на землѣ татарскіе нищіе, такие истощенные, какихъ не найдешь въ самой роскошной коллекціи нашихъ русскихъ нищихъ, даже въ Сергиево-Троицкой лаврѣ... Только цыгане, цыганки и цыганята — совершенно такие же, какъ у насъ. Это настоящіе *плащеватые* цыгане, какъ ихъ называютъ въ Россіи, то-есть вместо всякой одежды одинъ плащъ на плечахъ, и при томъ цыганскій плащъ: вы можете себѣ представить, каковъ онъ долженъ быть. Ребятишки обходятся совсѣмъ безъ плаща, чтобъ, впрочемъ, производить мало разницы. Бѣдности и слякоти по горло. Домишкі копѣйки не стоять; хозяйствва незамѣтно никакого. Хоть я не входилъ въ дома, однако, не трудно замѣтить отсутствіе всякихъ удобствъ. Даже оконъ почти нѣтъ; одно, два, рѣдко три окна, и все на разныхъ высотахъ, разной величины. Чаще всего вместо стекла решетка. Красиво-то это, красиво въ ландшафтѣ, и очень оригинально: но жить такъ, признаюсь! Грязныя лавчонки иногда вдругъ разступятся, и вы видите подъ собою узкую, вьющуюся змѣю щель — это переулокъ, спускающейся въ нижнюю часть города. Тамъ, глубоко внизу, видны сквозь эту щель плоскія крыши домовъ, цвѣтущій миндаль и персики, высокія стрѣлы минаретовъ и еще болѣе высокіе, прелестные тополи... Вамъ отсюда кажется, что одинъ домъ стоитъ на крыше другаго, а другой — на крыше третьаго; кажется, что и вы сами ёдете по крышамъ домовъ... Какъ спускаются туда внизъ, особенно въ арбахъ и верхами — это не легко понять. По такимъ лѣсенкахъ лазаютъ у насъ только въ подвалы и погреба. Оглянитесь налево, и вы увидите противоположное зрелище: тутъ уже не бездна подъ вами, сплошь налитая крышами и вершинами деревъ, тутъ вы сами копошитесь у подножья массы построекъ, которая словно выростаютъ одна

надъ другой, одна изъ крыши другой, и готовы сей-часъ раздавить васъ, потому что выше самой высокой изъ нихъ поднимаются каменные выступы горъ въ довольно угрожающемъ положеніи... Да и безъ помощи горъ нетрудно рухнуть всѣмъ этимъ смѣшнымъ и жалкимъ кѣтуникамъ, этимъ безглазымъ и узенькимъ домикамъ на палочкахъ, словно на куриныхъ лапкахъ, обѣщеннымъ галлерейками, балкончиками и всячими пристройками. Коляска поневолѣ щала тихо, и я могъ свободно созерцать всю странную красоту восточного города и всю его жалкую грязь... На меня смотрѣли съ прилавковъ и съ балкончиковъ съ такимъ же любопытствомъ и, можетъ быть, такою же жалостью. Рядомъ съ мою коляскою давно уже шелъ русскій солдатикъ, тоже, должно быть, изъ небывалыхъ здѣсь; онъ замѣтилъ мои удивленные взгляды, и не разъ пытался заговорить со мною; наконецъ подмигнулъ ми запани-братски, ухмыльнулся, качая головою, и сказалъ съ выражениемъ безконечнаго презрѣнія: «Вѣдь вотъ же, ване благородіе, дурии такие на свѣтѣ есть, какъ это у нихъ все подурачки, не по русскому».

И отмаршировалъ себѣ далѣе, не дожидаясь отвѣта.

Но я вздохнулъ, вмѣсто всякаго отвѣта, вздохнулъ при мысли, что наша блокаменная Москва и наша благословенная Русь весьма и весьма недавно были тѣмъ же Бахчисараемъ, а, главное, что и до сихъ поръ у насъ еще столько бахчисарайщины во всемъ и вездѣ... Русскій человѣкъ внесъ одинъ элементъ въ бахчисарайскую жизнь. Среди татарскихъ лавчонокъ я вдругъ съ чувствомъ какого-то родственнаго расположения увидѣлъ родную подпись: *Разгуляй — питейный домъ распивочно и навыносъ*. Нашъ братъ русскій втянулся таки и въ этотъ уголокъ Стамбула или Капра свой неизбѣжный кабакъ, да еще, бестія, словно въ насмѣшку, нарисовалъ на доскѣ татарина съ штофомъ! Вотъ уже,

ничего сказать, нашелъ виноватаго! съ больной головы да на здоровую.

Взболтавъ всѣ мои печонки и расшатавъ всѣ суставы экипажа моего, длинная, змѣевидная улица, наконецъ, кончилась, и я сталъ спускаться къ дворцу. Да, отличную столицу устроили себѣ старые ханы; есть за что поблагодарить исторіи и потомству... И, наглядѣвшись на этотъ народъ, на эту жизнь, вдругъ вспомнить, что мы были у нихъ въ рабствѣ почти два съ половиною вѣка! Что нужно подумать о народѣ, которому татаринъ такъ долго годился въ господина и повелителя? Тотъ самый татаринъ, который до сихъ поръ не умѣеть выстроить себѣ порядочной хаты.

Познакомившись съ бахчисарайскою роскошью и бахчисарайскимъ комфортомъ, примешь за дворецъ и почтовую станцію, тѣмъ болѣе настоящій дворецъ, хотя бы и татарскій. Снаружи онъ плоховать и немного обѣщаетъ; по восточному обычаю, онъ идетъ оградою кругомъ двора; наверху торчатъ башенками живописныя мавританскія трубы; стѣны расписаны еще снаружи. Но внутри двора много уже разнообразія и оригинальной красоты... Просторный, свѣтлый, совершенно зеленый дворъ, обрамленный различными павильонами дворца, цвѣтничками и кое-гдѣ миндалевыми деревьями, — самъ по себѣ уже большая красота, особенно для жителей сѣвера, все еще помнящихъ свой московскій мартъ, и особенно для путешественника, испытавшаго бахчисарайскія улицы. Благодаря любезности коменданта дворца, всѣми уважаемаго, гостепріимнаго, старожила Бахчисарайя, я могъ расположиться въ одномъ изъ отдѣленій дворца и осмотрѣть въ немъ все интересное.

Конечно, это не Альгамбра, не Кордова; но вѣдь у насть, въ Россіи, не встрѣтишь другой такой постройки восточнаго стиля. Это одинъ изъ немногихъ архитек-

турныхъ документовъ когда-то процвѣтавшей здѣсь восточной жизни. Въ немъ нѣтъ почти слѣдовъ того изящества, той утонченной роскоши и фантастичности, которыми восхищаются путешественниковъ мавританскіе памятники. Все въ немъ довольно бѣдно, просто и прозаично. Это — арабская поэзія, воплощенная въ татарской головѣ. Но все-таки идея постройки и главные приемы ея чисто-восточные. Все зданіе очень велико; покойчики и залы прилѣплены другъ къ другу неправильными группами, образуя безпрерывно уступы, спуски, повороты. Никакъ не поймешь мысли распределенія въ этомъ беспорядочномъ нанизываніи комнатъ на комнаты.

Комнаты, за небольшимъ исключеніемъ, крайне тѣсны. Тѣсны и тѣнисты; ясно, что жгучее солнце руководило мыслью зодчаго.

Въ Крыму, впрочемъ, вообще всѣ постройки проникнуты мыслью о тѣнѣ, о прохладномъ уголкѣ. Тѣнистость условливается, между прочимъ, исключительнымъ господствомъ цвѣтныхъ стеколъ въ небольшихъ окончинахъ дворца. Эти стекла представляютъ затѣйливые и яркие узоры, въ своихъ мастерскихъ алебастровыхъ рамочкахъ; рѣдко попадается простое окно; то пестрая розетка, то какая-нибудь непонятная фигура, и всѣ помѣщены очень высоко... Но специально прохладными и тѣнистыми пріютами должны были служить *рѣшетныя комнаты*. Это просто большие балконы въ поворотахъ зданія, обнесенные вмѣсто стѣнъ мельчайшею и очень красивой рѣшеткою. Снаружи ничего не разглядишь за этою мелкою сѣтью, но изъ-за нея рѣшительно все видно, а уже продувается за то, какъ нигдѣ. Солдатъ чичероне объяснилъ мнѣ, что отсюда «онъ чернъ свою обозрѣваль»; изъ его различныхъ толкованій вообще я замѣтилъ, что онъ составилъ себѣ твердое понятіе о какомъ-то *одномъ ханѣ*, котораго онъ

называлъ Крымъ-Гирей-Ханомъ, и къ которому исключительно относилъ всѣ известныя ему событія, между прочимъ и постройку дворца; говорилъ со мною этотъ солдатъ весьма обыкновеннымъ и идущимъ къ дѣлу тономъ, но только-что входилъ въ новую комнату, вдругъ разомъ вытягивался во фронтъ, сдергивалъ съ себя шапку и произносилъ какимъ-то торжественно-официальнымъ голосомъ: «комната *Марии Потоцкой*; государыня императрица изволила останавливаться въ такомъ-то году»; и потомъ, словно ни въ чёмъ не было, опять продолжалъ какой-нибудь разсказъ, инымъ, уже естественнымъ своимъ голосомъ. Видно было, что въ этомъ фронтѣ и выкрикиваніи онъ полагалъ особенное мастерство, которое его отличаетъ отъ непосвященныхъ или неопытныхъ путеводителей. Впрочемъ, онъ обходился въ своихъ коментаріяхъ больше съ помощью Крымъ-Гирея-Хана да *Марии Потоцкой*. Что ни спросишь — все у него Крымъ-Гирей да Марья Потоцкая; деревянные башмаки для бани — Марыи Потоцкой, кровать — Марыи Потоцкой. Послѣ, я уже самъ разсмотрѣлъ, что кровать, по всей вѣроятности, сдѣлана въ Симферополѣ и не считается своего возраста десятками лѣтъ.

Марія Потоцкая — это героиня *фонтана слезъ*. Фонтанъ этотъ, къ несчастію, никакъ не въ состояніи поддержать своей поэтической славы... Во-первыхъ, этотъ фонтанъ не гдѣ-нибудь въ гаремѣ, не внутри дворца или сада, а просто въ огромныхъ, пустыхъ сѣнцахъ дворца, у самаго главнаго входа. Какъ-то трудно вообразить себѣ мѣстомъ поэтическаго уединенія и мечтаній — сѣни около парадной лѣстницы. Да и самъ фонтанъ весьма некрасивъ: просто четырехугольный выступъ изъ стѣны, наподобіе печи или лікафа, и въ немъ съ фасу сдѣлана мраморная доска съ надписями, а подъ ней маленький бассейнчикъ... Сюда медленно па-

даетъ изъ отверстія доски та струя слезъ, которую воспѣть поэтъ... Въ сѣнцахъ сыро и непріятно, видны входы въ разные мрачные подвалы; вообще, многое въ нихъ настраиваетъ на насморкъ, но рѣшительно ничто не настраиваетъ на поэтическій тонъ.

Пестрота восточной живописи и архитектуры — пестрота, лучшіе всего выразившаяся въ узорѣ персидскаго ковра или турецкой шали, — очень пріятна глазу... Какой-то такой, самъ себя слаживающій и уравновѣщающій колоритъ; дисгармонія, доведенная до гармоніи своего рода... У восточнаго жителя все проникнуто этой успокоятельною пестротою... Потолки расписаны, стѣны расписаны, двери и окна расписаны, полы расписаны въ рогожкахъ и коврахъ, даже зеркала, столики, табуреты и диваны — и тѣ расписаны до послѣдняго уголка... Это и оригинально, и весело... Красныя съ позолотою и голубыя съ позолотою двери сливаются съ хитрыми арабесками стѣнъ и потолковъ... Очень красивы и характерны, хотя весьма неудобны къ употребленію, турецкіе табуреты и столики, обложенныя перламутровою мозаикою; зеркальца въ какихъ то стеклянныхъ, съ подкладки раскрашенныхъ, раззолоченныхъ рамкахъ, украшенныхъ полумѣсяцами и всякими фигурами... Въ некоторыхъ комнатахъ еще цѣлы стѣнныя шкафчики, и въ нихъ стоить разная стеклянная и мѣдная посуда, довольно цѣнная... Эти шкафчики тоже разноцвѣтны, со всевозможными узорами... Комнатъ множество. Солдатъ смѣло обозначалъ ихъ — то спальнею Екатерины, то столовою императора Николая, то кабинетомъ своего неизмѣннаго Крымъ-Гирея; но я его, разумѣется, не слушалъ. Болѣе другихъ заняла меня комната судилища — огромная зала въ нижнемъ этажѣ — съ сидѣньями по стѣнамъ, съ весьма ярко-расписанными потолоками, съ рѣшеткою тайною комнатою для хана, помѣщеною въ видѣ хоръ.

Изъ кабинета хана сюда ведетъ темный и тайный коридоръ. Предполагалось, что ханъ могъ присутствовать, незамѣченный судьями, и суды должны были быть постоянно насторожж. Подобныя дѣтски-наивныя средства къ водворенію правосудія принимались когда-то и не такими безхитростными правителями, какъ татарскіе Гирей-Ханы; слава какихъ-нибудь Гарунъ-аль-Рашидовъ основывалась на изобрѣтеніи и упражненіи именно такихъ жалкихъ мѣръ личного надзора и личного вмѣшательства, потому что на государство еще не умѣли тогда смотрѣть иначе, какъ на большой хозяйствій домъ.

Дѣтскому понятію о правосудіи татарскихъ хановъ соответствуютъ и дѣтскіе ихъ вкусы въ выборѣ украшеній. Кабинетъ Менгли-Гирея, кажется, отличается особенно тщательнымъ и, по тогдашнему понятію, вѣрно, рѣдкимъ убранствомъ. Стѣны покрыты лѣпными изображеніями лимоновъ, винограда и разныхъ плодовъ; за стекломъ, въ верхней части стѣны, помѣщены маленькие цвѣтнички восковыхъ цвѣтовъ — чистые сады вавилонскіе. Теперь ребенокъ недолго бы утѣшался на эти лѣплюшки. Около есть комнаты, изъ которой старые баловники-дѣти утѣшали себя созерцаніемъ красоты, обнаженной отъ всѣхъ стѣсняющихъ ее покрововъ... Подъ окнами этой комнаты, окруженной стѣнами, цвѣтеть милый пустынныій садикъ, съ вѣчно-зелеными кустами букса, нарцисами, розами ирисами, миндалемъ и виноградною бесѣдкою... Тутъ посрединѣ бассейнъ и фонтанъ бѣлаго мрамора — мраморныя ступени и скамейки, на которыхъ нѣжились въ лѣтніе жары, недоступныя ничьему постороннему взору, гуріи гарема... Эту статью, впрочемъ, ханы обдѣльвали далеко не съ такою ребяческою наивностью, какъ дѣла народнаго правосудія. Гаремъ стоитъ сзади дворца въ такомъ уединенномъ и недоступномъ дворикѣ, среди такихъ высокихъ и глухихъ стѣнъ, что дѣйствительно нужно было много

безумія и ловкости, чтобы рискнуть проникнуть въ этотъ заповѣдный уголокъ.

Солдату почему-то казалось, что у Крымъ-Гирея было *семьдесятъ-семь женъ*, и что около стѣнъ было построено имъ *семьдесятъ-семь нумеровъ*, а главная его жена (опять-таки *Марья Потоцкая*) жила въ сохранившемся до сихъ поръ павильонѣ посреди двора. На дворѣ есть нѣсколько прекрасныхъ абрикосовыхъ и миндальныхъ деревьевъ, можетъ быть, сверстниковъ не одного Гирея... Около гаремнаго дворца возвышается высокая деревянная башня, прозванная Соколиною. Увѣряютъ, что на эту башню дозволялось всходить одалискамъ — любоваться на соколиную охоту хановъ.

Больше всего остатковъ старинной живописи и ста-ринной утвари сохранилось въ ханской мечети. Дворецъ такъ часто былъ разрушаемъ войною и пожарами, что почти ничего не осталось въ первоначальномъ видѣ. Въ 1836 году онъ сгорѣлъ почти до тла; наконецъ, въ севастопольскую войну онъ былъ обращенъ въ военный госпиталь, а это стоило и Миниха, и пожара вмѣстѣ. Его, конечно, старались реставрировать по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, и даже нарочно посыпали знающихъ караимовъ въ Константинополь запастись ста-ринной восточной мебелью и другою утварью для дворца; но, надо признаться, наши реставраторы совер-шенно не поняли духа восточной живописи, и своими отчетливыми, свѣжими и яркими узорами совершенно удалились отъ сливающейся и перепутывающейся пестроты восточного арабеска, въ которомъ трудно уло-вить отдѣльную черту, отдѣльную краску.

Персидскій коверъ — вотъ типъ восточной коло-ристики и восточной узорности. На хорахъ ханской мечети уцѣлѣли остатки настоящей татарской живо-писи; тамъ вообще больше старины, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ двора. Даже цѣла весьма интересная

изразцовая стѣна, чрезвычайно прочной работы. Признаться, я никогда до сего времени не видалъ внутренности мечети, и такъ-какъ крымскія мечети вообще отличаются крайнею тѣснотою и бѣдностью, то мнѣ любопытно было взглянуть на этотъ, сравнительно блестящій образчикъ татарского зодчества.

Общій характеръ внутренности мечети — простота и прозаичность — болѣе всего напоминаетъ лютеранскую церковь. Огромная, почти темная зала съ хорами, вся устланная старыми персидскими коврами, составляетъ мечеть. Съ потолка спускаются паникадила самой дѣвственной простоты: широкіе, деревянные трехугольники со стаканчиками и подсвѣчниками, весьма пыльные и некрасивые. Вдоль передней стѣны, увѣшанной хартіями, низенькия табуреточки съ закрытыми коранами и рядъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, разставленныхъ самыми несимметричными образомъ. По срединѣ этой стѣны небольшой альковъ, и въ немъ какая-то загадочная святыня: три мѣдные шара съ занавѣсочками; трудно, впрочемъ, понять, что именно... Ясно только, что это центръ моленій. Самая красавая вещь въ мечети — это каѳедры изъ рѣзного орѣха, весьма высокія и крутыя, похожія на обыкновенную лютеранскую или католическую. Путеводитель мой объяснилъ мнѣ, что «съ эстихъ лѣстницъ, ваше благородіе, *кураны читаютъ*». — Какіе кураны? — «А вотъ у нихъ по скамеекамъ кураны понакладены, все равно, какъ у насъ евангеліе», объяснилъ солдатъ. — «Ты бывалъ, когда служать?» спросилъ я. — Вата! у нихъ вѣдь часто служба; каждочасно, только не подолгу. Какія слова и понять можно: тоже это «господи-помилуй» и «аллилуйя», какъ у насъ. А большие всего кланяются.

Закончили мы ханскою усыпальницею. Она рядомъ съ мечетью, въ общей связи двора... Черезъ узенькую

калиточку входишь въ весело цвѣтущій миндальный садикъ, съ жужжащими пчелами и густою зеленою травою... Среди этой травы стоитъ нѣсколько высокихъ каменныхъ гробовъ съ каменными чалмами въ головахъ. Но это только придоверники. Изъ садика вы входите въ сырую и пустую, круглую башню, засаженную гробами... Тутъ уже мрачно и гнило. Тутъ не однѣ чалмы, тутъ и каменные женскія шапочки надъ гробницами ханскихъ женъ... На каждомъ гробѣ неизбѣжный стихъ изъ Алкорана. На нѣкоторыхъ изсѣчены какія-нибудь вооруженія; на Менгли-Гиреѣ, напримѣръ, грозная тяжелая сабля. Гробницы стоятъ враздробь и вообще находятся безъ всякаго призора. Нѣкоторыя даже разбиты. А между тѣмъ, по остаткамъ разноцвѣтныхъ повязокъ на шапочкахъ и чалмахъ замѣтно, что еще не очень давно какая-нибудь вѣрная рука воздавала почестъ покойникамъ. Пообѣдалъ я у коменданта дворца г. Ш., гостепріимство котораго пользуется за-служенною репутациею во всемъ Крыму. А между тѣмъ, у воротъ уже стояли осѣдланыя лошади, и проводникъ-цыганъ, терпѣливо скорчившись на солнечномъ жару, ожидалъ моего выхода.

IV.

Мертвый городъ.

Цыганскія слобода. — Успенскій скитъ. — Чуфутъ-Кале и его древности. — Іосафатова джина.

Одко и горячо пошлакоротенькая, словно вся собранная сама въ себя, татарская лошаденка; мой проводникъ и переводчикъ цыганъ, желавший, во что бы то ни стало, сойти за татарина, а если можно, то и за русскаго, не совсѣмъ поспѣвалъ за мною, чemu я былъ очень радъ. Какъ всѣ путеводители ex professio, онъ враль такъ много и такъ глупо, и такъ не во-время, и съ такою идіотскою самоувѣренностью, что совершенно отравлялъ наслажденіе созерцанія и спугивалъ хорошия мысли. Къ тому же, татарскій языкъ бытъ бы для меня, безъ сомнѣнія, понятнѣе, чѣмъ эта русская бесѣда цыгана.

Вотъ такъ дорога! она заставляетъ серьезно задуматься человѣка, развращеннаго вагонами желѣзныхъ дорогъ. Что это дорога — отрицать нельзя; всѣ идутъ по ней и даже ёдуть, и по сторонамъ дома, сады. Но

въ то же время, это, безспорно, и ручей; и совершенно настолько же ручей, насколько дорога, если быть очень снисходительнымъ. Странное дѣло, это не только ручей, но даже своего рода оврагъ — въ этомъ опять не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для путешественника, обладающаго зрѣніемъ или даже одними ребрами. *Тихо журчутъ дорога* подъ копытами лошади, пробираясь живописно между камнями. Низенькия, длинные скалы, въ трубу которыхъ можно заглядывать съ высоты моего сѣда, окаймляютъ эту дорогу-ручей, и вся внутренность ихъ незатѣйливыхъ дворовъ какъ на ладони передо мною... На заборахъ висятъ черныя женщины въ яркихъ лоскутахъ, голые дѣти... Это цыганская слобода Солончукъ; хотя эти цыгане и мухамеданского закона, однако съумѣли отстоять отъ Мухамеда всѣ свои языческія привычки; ихъ сразу выберешь изъ какой хотите толпы татаръ. Деревенька лѣпится тѣснымъ, вытянутымъ рядомъ вдоль подошвы горныхъ громадъ, которые едва только разступились въ стороны и совершенно подавляютъ своею сплошною массою ничтожныя клѣтушки изъ камешковъ и черепицъ, бѣльющіяся въ ихъ ногахъ... Иногда видишь въ серединѣ двора оборвавшійся сверху утесь или просто выступъ скалы, въ которомъ легкомысленный смѣльчикъ-человѣкъ успѣлъ уже выкопать и вырубить себѣ какой-нибудь сарай или подвалъ. Во многихъ мѣстахъ видна черная копоть людскаго жилья на стѣнахъ этихъ дикихъ скалъ. Человѣкъ не хочетъ уступить привилегію ласточки и стрижу, и угораживаетъ свои гнѣзда тамъ, гдѣ они гнѣздятся. Конечно, цыганамъ привольно жить въ этой расщелинѣ, гдѣ, должно быть, тепло и уютно, гдѣ такъ роскошно цвѣтутъ деревья, защищенные отъ вѣтровъ надежною естественною оградою, гдѣ даже само жилище почти готово для человѣка. Но, признаюсь, не сколько страшно смотрѣть со стороны человѣку съ

воображеніемъ на это копошеніе насѣкомыхъ вокругъ покоящейся могучей ступни, которая можетъ раздавить ихъ малѣйшимъ своимъ колыханьемъ. . Горная тѣснина вдругъ раздѣлилась на двѣ вѣтви, открывъ впереди всегда очаровательную перспективу далѣкихъ горъ: мы повернѣли направо, къ Успенскому скиту. Здѣсь стало еще глубже, еще поразительнѣе... Каменные стѣны пошли правильными бастіонами и люнетами, выступая, округляясь, впадая, точно настоящія укрѣпленія. Издали казалось, что ряды громадныхъ круглыхъ башенъ, тѣсно сближенныхъ, стоятъ другъ противъ друга сплошною оградою... Куда всѣ ваши Севастополи и Портсмуты, въ сравненіи съ этими твердынями! Наверху торчатъ, въ угрожающемъ положеніи, огромные сѣрые камни, будто ждутъ своего назначенія... Иногда они встрѣчаются по скатамъ, то у самой дороги, то на половинѣ горы, который гдѣ остановился... Нѣкоторыя сброшенныя сверху громады глубоко вонзились углами въ землю и, треснувъ, поросли травами и даже деревьями... Ихъ дикая, сѣрая окраска какъ-то зловѣще выдѣляется на фонѣ нѣжной зелени, довѣрчиво облѣпившей ихъ крутомъ. Еще страннѣе видѣть какое-нибудь молоденькое абрикосовое деревцо, все въ цвѣту, выростающее изъ разсѣченной каменной груды обвала...

Вмѣстѣ съ цвѣтами и зеленою, дѣти пріотились на этихъ импровизированныхъ балконахъ, и играютъ тамъ всласть, словно горы прислали эти игрушечки нарочно имъ въ гостинецъ... А мы все впередъ, да впередъ, бойкою рысцою... Я съ изумленіемъ разсмотрывалъ необыкновенную отчетливость и правильность наслоенія толщѣй; какъ будто ножомъ по линейкѣ разграфилъ ихъ досужій искусствникъ...

А между тѣмъ вечеръ спускался, ясный и благоуханный, какого не видать намъ у насъ въ черноземной Россіи... Скалы таяли въ золотомъ свѣтѣ, даль голубѣла

и алѣла; воздухъ стихалъ и съѣжѣлъ; зеленый садъ приблизившагося монастыря охватилъ насъ запахомъ каштановыхъ почекъ и цвѣтущаго персика... Но, что всего было неожиданіе и лучше, вдругъ гдѣ-то въ саду, очень близко, залился, восхищенный закатомъ, соловей, настоящій нашъ курскій соловей, которыхъ я вообще ниразу съ тѣхъ порь не слыхалъ въ Крыму. Можетъ быть, это былъ проѣзжій гость, который пропѣлъ свою вечернюю пѣсню въ саду Успенского Скита и полетѣлъ на зарѣ къ намъ на родину, въ наши смиренные сиреневые кусты... Увидѣть Успенскій Скитъ въ такую благоговѣйную минуту такого прекраснаго дня, вѣроятно, не всякому удавалось.

Видѣ монастыря непохожъ ни на что, съ чѣмъ мы знакомы по картинамъ и описаніямъ... Мнѣ онъ показался просто фантастическимъ. Въ глубинѣ пустыннаго и цвѣтущаго ущелья, вы вдругъ замѣчаете высоко въ стѣнахъ скаль окна, балкончики, переходцы и крылечки, прилѣпленные и выдолбленные какъ гнѣзда стрижей... Фигуры святыхъ, нарисованныя прямо на дикой скалѣ, кресты, сияющіе въ углубленіяхъ, убѣжддаютъ васъ, что это монастырь... Но долго не пріучишься понять это и наглядѣться на это... Никакъ не сообразишь, какъ и куда подниматься, не только какъ тамъ жить... Внизу скалы на огромной высотѣ: сверху виситъ такая же высокая и тяжкая громада... Издали эти кресты и окошечки, чернѣющіе на разныхъ высотахъ, кажутся маленькой, миленькой игрушечкой, устроенной для декорации. Цыганъ мой, нераздѣлявшій моихъ фантастическихъ воззрѣній,prehладнокровно гналъ лошадь черезъ садъ къ монастырскимъ зданіямъ, стоявшимъ внизу, на днѣ ущелья, которыхъ я сначала не замѣтилъ... Это уже все новыя прибавленія, проникнутыя новыми воззрѣніями на удобство жизни и на самую цѣль жизни. Тутъ пахнетъ монастыремъ, но монастыремъ подчинен-

нымъ особенному министерству, получающимъ штатное содержаніе изъ государственного казначейства, по ассигновкамъ и смѣтнымъ расписаніямъ, а не тѣми пустынническими скитами, въ которыхъ Ѳли кореня и спали на камняхъ. Тотъ монастырь, — вонъ тамъ наверху, ископанный уставшою и исхудалою рукою, скрывшой въ себѣ тѣхъ, кому дѣйствительно необходимо было скрываться, кто бѣжалъ міра и добровольно погребалъ себя въ камняхъ... Вотъ наверху его темныя окопечки, его тѣсныя и низкія пещерки... Тамъ не было коридоровъ и нумеровъ, и ковриковъ по крашеному полу, и чистенькихъ новенькихъ шторъ. Когда мы въѣзжали по довольно удобному подъему, монахъ въ бѣломъ балахонѣ, работавшій съ заступомъ около деревьевъ сада, поклонился намъ, не отрываясь отъ работы... Это былъ самъ настоятель монастыря. Здѣсь всѣ монахи за работой, кто въ саду, кто въ кузнѣ... Садъ у нихъ огромный и новый, требуетъ много ухода... Какъ жаль, что не вѣдѣ у насъ встрѣтишь такой трезвый взглядъ на занятія отшельниковъ!.. Въ монастырѣ я нашелъ только очень молоденькаго послушника, мальчика лѣтъ пятнадцати, да и тотъ былъ чѣмъ-то занятъ... Онъ повелъ меня по лѣстницамъ, вырубленнымъ въ скалѣ, въ старинныя бѣдныя церковочки, похожія скорѣе на часовни, которыхъ своды едва-ли позволяли вытянуть голову... Хотя золоченые образа и новая живопись нѣсколько измѣнили древній характеръ этихъ моледенъ, однако сущность не могла не сказаться... Видѣлъ неописанный... Все ущелье, съ самаго устья своего, видно à vol d'oiseau... Противоположный рядъ дикихъ укрѣплений смотрится на вѣсѣ, глазъ въ глазъ, и вершины ихъ, освѣщенныя уже невидимымъ для вѣса солнцемъ, кажутся чрезвычайно близкими, рукой достать... Передъ монастыремъ, за садомъ, тихое кладбище съ высокими крестами; это остатки севастопольскихъ воиновъ, привезен-

ныхъ сюда на вѣчный покой... Тутъ могилы несчастныхъ генераловъ несчастнаго дѣла при Черной Рѣчкѣ: Бревскаго и Веймарна. Оба лежать рядомъ, а вокругъ нихъ, безъ счету и безъ имени, русскіе солдатики. Почивайте, братцы! тутъ вамъ тихо и тепло!

Константиновская церковь уже въ новомъ вкусѣ; она выстроена какъ будто на балконѣ, или, скорѣе, въ альковѣ. Порохомъ вырвали пещеру въ стѣнѣ скалы, выровняли полъ, и подъ сводомъ этой пещеры, въ постоянной защите отъ дождя и непогоды, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ, сложили довольно большую и довольно хорошенькую церковь. Но эта большая церковь смотритъ такою куколкою, когда подъѣзжаешь къ монастырю снизу. Сводъ, широко ее покрывающій, составляетъ только мало замѣтную ямку въ цѣлой громадѣ скалы... Вообще, Успенскій Скитъ интересенъ только издали. Внутри почти нечего осматривать: только развѣ пройтись по внутреннимъ переходамъ изъ яруса въ ярусъ, да полюбоваться видами съ балкона, у кого не кружится голова...

Мы спѣшили до заката въ Чуфутъ. Тропинка поползла по карнизамъ скалъ, высоко надъ заленымъ ущельемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ выше, тѣмъ круче. Собственно говоря, тропинки не было, потому что подъ ногами не столько было видно слѣду, сколько камней, скатившихся сверху... Это вѣчный соръ горныхъ твердынь, сортъ, незамѣтный въ отношеніи къ нимъ, но весьма чувствительный путнику... Аршина земли нѣтъ безъ кучи камней; то свѣже-насыпанные, то вросшіе какъ надгробные памятники, они лѣзутъ наружу, словно ихъ вышираетъ изъ земли какая-то вражья сила... Издали, да еще вечеромъ, разыгравшаяся фантазія приметъ ихъ за безчисленные лики мертвѣцовъ, силящихся приподнять тяжкій покровъ земли...

Тутъ я узналъ, что за сокровище горская татар-

ская лошадка. Какой хотите балетмейстеръ. — будь это даже самъ чортъ, — переломаетъ ноги, путешествуя по этимъ кучамъ природнаго мусора, со всадникомъ на спинѣ, и притомъ, вѣзираясь подъ угломъ сорока-пяти градусовъ... Нужно гранитное копыто и стальную ногу для этихъ ныряний въ камняхъ. А она не только идетъ, она бѣжитъ веселой рысцой, и такъ смѣло, такъ уверенно отчеканиваетъ копытами всѣ эти камешки...

Ущелье поворотило круто влѣво, и тропинка наша тоже...

«Вашеродіе, здѣсь нашъ святой, очень праведный человѣкъ... Его гробъ!» — объяснилъ мнѣ цыганъ, гордившійся своимъ мюхамеданствомъ. Внизу, на днѣ ущелья, стоялъ домикъ, съ чуть замѣтнымъ полумѣсяцемъ, окруженній дворикомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, тянулась поперекъ ущелья и по горамъ, до самыхъ макушекъ, извилистая бѣлая стѣна, наскоро сложенная изъ горныхъ камней; это граница монастырскихъ владѣній. Подальше, наверху, видѣнъ весь Чуфутъ. Вотъ вамъ три святыни, чуть не рядомъ... Удивительные люди! Живутъ подъ одними и тѣми условіями, нуждаются въ одномъ, любятъ одно, боятся одного. Татаринъ копаетъ садъ такъ же, какъ еврей; живѣетъ торгуясь такъ же, какъ татаринъ; всѣ ѳздятъ верхомъ, всѣ обѣдаютъ и почиваютъ: а между тѣмъ, вотъ около двухъ тысячи лѣтъ никакъ не сойдутся на томъ, какіе дѣлать знаки и какія говорить слова, когда молятся, и около двухъ тысячи лѣтъ считаютъ другъ друга погаными и собаками, недостойными прикоснуться устами даже къ чашѣ съ водой, если сами пьютъ изъ нея.

Въ религії разомъ выказывается и богатство, и скучность духовныхъ силъ человѣка.

На стихшемъ вечернемъ небѣ, едва голубомъ, вы-

рѣзались обсыпавшіяся стѣны, башни и дома пустыннаго города, уединившагося вдали отъ дорогъ и жилыхъ мѣстъ, высоко на обрывистой скалѣ... Странно смотрѣли на меня эти обветшавшіе камни своими мертвыми окнами, своими бесполезными стѣнами... Внизу ихъ, изъ горныхъ толщъ, рядами зѣвали черныя отверстія пещеръ, недоступныхъ никому и ниоткуда.

Безмолвно, съ нѣсколько стѣсненнымъ сердцемъ, поднимался я по крутой тропинкѣ, осѣняемый и провожаемый сверху этими каменными мертвѣцами. Словно вѣзжалъ въ сказочный городъ, заснувший сто лѣтъ назадъ, или въ царство какихъ-нибудь невидимыхъ духовъ. Проводникъ повернулъ въ узкія желѣзныя ворота, спрятанныя въ складкѣ скалъ... Звонко стучали копыта нашихъ лошадей по пустой мостовой, отдаваясь въ пустыхъ дворахъ и пустыхъ домахъ... Должно быть, и лошадямъ было странно и неловко въ этой странной пустынѣ, гдѣ каждый шагъ напоминаетъ о дѣятельности и многолюдствѣ... Иные дома стоятъ совсѣмъ цѣлые, со ставнями, дверями, балкончиками; ждешь, что какой-нибудь старый караимъ выглянетъ въ это крошечное окошечко, что заскрипитъ дверь галлерейки... Но старый караимъ сто лѣтъ не выглядываетъ изъ этого окошка, и сто лѣтъ не скрипитъ стекляная дверь... Вонъ и лавки съ запертымъ наглухо входомъ, съ замкнутыми желѣзными засовами. Эти остатки, вирочемъ, исчезаютъ въ массахъ разоренныхъ, разсыпавшихся домовъ и оградъ... Куда ни взглянешь съ высоты своего сѣда, всюду блѣдые остовы, обглоданные, изуродованные: только абрикосы знать ничего не хотятъ и преснокойно цвѣтутъ-себѣ посреди опустошенія. Нарочно, что ли, старався кто такъ растоптать и расшвырять всѣ эти постройки? Только послѣ землетрясенія понятны подобные развалины. Улицы такъ узки, какъ онѣ могутъ быть только въ азіатскомъ городкѣ, да еще въ крѣ-

пости вдобавокъ... Вонъ и валъ, и крѣпостныя ворота; опять подъѣзжаемъ подъ нихъ. Изъ развалины выпрыгнула худая-прехудая кошка, посмотрѣла на насъ съ безконечнымъ изумленіемъ, и вдругъ понеслась безъ оглядки, черезъ камни и стѣны, вскидывая ногами. Можетъ быть, ей необходимо было съ быстротою молнии извѣстить о нашемъ прибытіи какую-нибудь туземную вѣдьму.

Молчаніе вечера, молчаніе горъ и молчаніе мертваго города, сливается въ одно тяжкое, могильное опущеніе... А копыта мѣрно и звонко стучатъ по сухимъ камнямъ... Вдругъ, впереди, на улицѣ появился человѣкъ, — живой человѣкъ. Это показалось мнѣ еще страннѣе, чѣмъ отсутствіе всего живаго... Мой цыганъ объявилъ мнѣ, что тамъ, на концѣ городка, живетъ нѣсколько караимскихъ семействъ, охраняющихъ развалины... Мы, дѣйствительно, скоро подъѣхали къ довольно сохранившемуся и довольно населенному двору; бородатый караимъ предложилъ свои услуги, показать и объяснить все чуфутскія достопримѣчательности.

Слѣзли съ коней и пошли за караимомъ. Замѣчательныхъ остатковъ, однако, немногого. Интереснѣе другаго двухъярусная пещера, — бывшая темница хановъ. Поглубже сидѣли преступники поважнѣе; тамъ еще видны выдолбленные въ каменныхъ столбахъ про бои и кольца, къ которымъ приковывали арестантовъ за руки и за ноги... Пошевельнуться было, дѣйствительно, нелегко... Полъ, повидимому, былъ постоянно сырой... Въ углу темницы, нашъ путеводитель указалъ мнѣ весьма невинную каменную скамеечку съ полу круглою выемкою и такими же пробоями; она была вырублена въ концѣ каменного, невысокаго закрома. Въ этотъ закромъ, или эту каменную ванну, клади несчастнаго осужденнаго, головой на скамейку; и здѣсь же, безъ дальнѣйшизъ прелюдій, мечъ варварскаго право судія совершаѣтъ варварскую казнь... Караимъ передалъ

мнѣ какую-то ужасную цифру погибшихъ, которую сохранила легенда; но, по счастію, я забылъ ее... Изъ ханской темницы мы зашли въ ханскую гробницу... Это главнѣйшая примѣчательность Чуфута. Погребена здѣсь Ненсекым-Ханымъ, дочь одного изъ крымскихъ хановъ, — по имени Тохтамыша. Мавзолей ея вполнѣ сохранился и построенъ въ легкомъ поэтическомъ стилѣ мавританъ... Ступени проросли травою: но еще ясна арабская надпись на мраморной доскѣ — безъ сомнѣнія, стихъ Алкорана; склепъ сверху нѣсколько разобранъ, и моему нагнувшемуся любопытству предстала въ глубинѣ его старая, пузатая жаба, неподвижно распластившаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ханъ Тохтамышъ думалъ сохранить грядущимъ вѣкамъ дорогой ему прахъ... Отъ ханской мечети даже развалинъ не разбрешь... Интересенъ показался мнѣ колодезь, выкопанный на этой огромной каменной высотѣ, для снабженія водою бани. Онъ имѣетъ видъ глубокой, круглой трубы, прикрытой сводомъ... Я нарочно нагинался къ нему и бросалъ въ него камни... Глубина, дѣйствительно, очень большая! не менѣе десяти сажень, какъ и сказалъ мнѣ караимъ. Онъ увѣряетъ, что у нихъ живѣ еще одинъ старикъ, который помнить хановъ, который еще мылся въ этой разрушенной банѣ, водою этого изсякшаго колодца. Это немудрено, если взять во вниманіе необыкновенную трезвость и спокойствіе караимскаго образа жизни и целительность чуфутскаго воздуха. Въ холеру сюда єздили просто спасаться, и точно спасались. Меня очень удивило, что среди мусорныхъ кучъ этого замогильнаго городка существуетъ еще школа (такъ-называемый медрашъ) и синагога. Караваны не покидаютъ вовсе своей старинной столицы. Они утѣшаютъ себя твердою вѣрою, что царь приказалъ возвестановить Чуфутъ, что изъ Польши переселять сюда на жительство тамошнихъ караимовъ. Они еще ходятъ мо-

литься сюда, они везутъ хоронить своихъ покойниковъ и дорожатъ своими развалинами. Караймское общество Бахчисарай помогаетъ тѣмъ немногимъ семействамъ, которыхъ живутъ въ Чуфутѣ для надзора и охраны. Въ школѣ господствуетъ священный порядокъ и чистота. Ничего похожаго на наши школы: ни скамей, ни кафедры, ни досокъ. Посреди длинный столъ подъ покрываломъ; кругомъ диваны, въ кисейныхъ и тому подобныхъ чахлахъ, все замѣчательной чистоты. Для учителя устроено возвышеніе или въ родѣ того, съ занавѣсками и коврами, не знаю, съ какою цѣлью: кажется, тамъ лежать и священные книги. Сей часъ замѣтенья теократической характеръ Востока, который постигаетъ школу только какъ приготовленіе къ религіознымъ упражненіямъ, и устраиваетъ ее во всемъ сообразно съ этимъ строгимъ взглядомъ. Тутъ уже шалости и пустяки не пойдутъ на умъ. Оттого, можетъ быть, такъ серьезенъ восточный человѣкъ, даже въ лѣта ранней молодости. Я не думаю, чтобы у него были такія откровенныя, веселыя движенія сердца, какъ у европейского ребенка. Учителя, котораго мы застали за уборкою школы, заставилъ меня снять калоши у порога, взамѣнъ башмаковъ; караимъ оставилъ за дверью свои туфли. Въ школу у нихъ входятъ, какъ въ церковь. На стѣнахъ школы виситъ нѣсколько надписей, посвященныхъ воспоминанію о посѣщеніи школы и Чуфута императоромъ и членами царской фамилии. Эта черта не случайная. Я имѣлъ случай убѣдиться и даже удивиться, какое просто мистическое значеніе придаютъ караимы посѣщенію государемъ ихъ городка. На каждомъ шагу готовьтесь встрѣтить воспоминаніе объ этомъ событии, или разсчетъ на него. Вамъ съ благоговѣніемъ показываютъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ государь, двери, въ которыхъ онъ входилъ.

Показывая синагогу, караимъ мой постоянно изви-

нялся, что нѣтъ здѣсь теперь того, другаго, потому что бережется для царскаго пріѣзда; подумаешь, что государь бываетъ у нихъ ежемѣсячно. «Какъ только бываетъ въ Крыму, никогда не проѣдетъ своего Чуфута; царь любитъ Чуфутъ!» съ гордостью и убѣжденiemъ объяснялъ мнѣ караимъ. Синагога смотрѣтъ настоящимъ монастыремъ, окружена крѣпкими стѣнами и совсѣмъ спрятана на дворѣ... Чистота и здѣсь замѣчательная. Въ первомъ отдѣленіи, гдѣ скидаются туфли, стоять скамьи, а далѣе сидѣній нѣтъ; лампады весьма страннаго формата и въ огромномъ множествѣ висятъ на деревянныхъ треугольникахъ, какъ въ мечетяхъ. Вмѣсто алтаря стоитъ родъ налоя, и на немъ богато-отдѣланное Пятикнижіе чрезвычайной старины... Вообще очень просто, тѣсно и бѣдно.. Рядомъ съ синагогою, въ томъ же пустынномъ и глухомъ дворѣ, заросшемъ травами и запертомъ тридевятью замками, стоитъ библиотека извѣстнаго караимскаго раввина, Фирковича. Этотъ Фирковичъ — патріархъ Чуфута. Ему принадлежитъ домъ, къ которому мы подѣхали, и его сынъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Но самого Фирковича не было тогда въ Чуфутѣ: онъ уѣзжалъ устраивать продажу своей замѣчательной рукописной библиотеки. Болѣе двадцати лѣтъ онъ усердно занимался отыскиваніемъ и объясненіемъ рукописей: еврейскихъ, сирійскихъ, арабскихъ и другихъ. Онъ обладаетъ, какъ говорятъ знатоки, особенною эрудиціею по своей специальности; проживъ много лѣтъ въ Дербентѣ, Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ Азіи, онъ досталъ рукописи чрезвычайной важности. Многія изъ нихъ, говорятъ, были просто откопаны изъ земли. Одно собраніе рукописей уже куплено у него правительствомъ. Теперь онъ возвратился изъ новаго путешествія съ запасомъ новыхъ библіографическихъ рѣдкостей, и дѣятельно приводить ихъ въ порядокъ... Я разсматривалъ эти полуистлѣвшіе перга-

менты, съѣденные ржавчиною листы, огромные свертки кожи съ непонятными для меня іероглифами семитической азбуки. Они разложены весьма тщательно на многихъ столахъ и полкахъ, но для непосвященнаго представляютъ безотрадную архивную массу.

Какое подвижническое терпѣніе нужно для разбора и приведенія въ ясность всѣхъ этихъ клочковъ и свертковъ. Эта темная комната, лишенная всякихъ удобствъ, заваленная хартіями, такъ живо перенесла меня въ міръ средневѣковаго монашества, когда наука составляла одинъ изъ подвиговъ отшельнической жизни, одно изъ средствъ распинанія плоти. Только духъ, посвятившій себя страданію и борьбѣ, рѣшался браться за служеніе этой многотрудной наукѣ. Въ тяжести фоліантовъ, окованыхъ мѣдью и прикрепленныхъ цѣпями, такъ вѣрно выражалась внутренняя тягость ихъ изученія. Фирковичъ можетъ называться, до нѣкоторой степени, монахомъ-ученымъ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова. Онъ глубоко проникнутъ своими библейскими вѣрованіями и съ монашескою строгостью соблюдаетъ предписанія своей религіи... Его имя wysoko чтится карантами. Пятикнижіе, видѣнное мною въ синагогѣ, открыто и пожертвовано имъ; онъ считаетъ этой книгѣ 700 лѣтъ. Онъ же, главнымъ образомъ, заботится о поддержаніи Чуфута, котораго не хочетъ низачто покинуть. Ему нравится эта приближенная къ небу и удаленная отъ земли пустыня, гдѣ такъ удобно предаваться молитвѣ, созерцанію и безмолвнымъ бесѣдамъ съ лѣтописями погибшихъ вѣковъ.

Возвращаясь изъ синагоги, мы взобрались на развалины крѣпостной стѣны... Широкая, величественная панорама горъ развернулась у нашихъ ногъ далеко кругомъ. На западѣ, въ свѣтѣ потухающей зари, далеко за горами, въ первый разъ представилось моимъ глазамъ безбрежное, словно къ облакамъ приподнятое море...

Его край сливался съ краемъ неба, и ни одной точки нельзя было различить, которая бы рѣзко отдѣлила его блѣдную пустыню отъ такой же блѣдно-голубой пустыни вечерняго неба. Караймъ сказалъ мнѣ, что въ крымскую кампанію имъ наперечетъ видны были въ этомъ морѣ всѣ непріятельскіе корабли... Шатрами и волнами уходили вдали горы, на востокъ, на съверъ и на югъ... Чатырдагъ, всегда и отовсюду видимый, еще сверкалъ полосами своихъ снѣговъ, возвышаясь настоящею Палать-горою надъ всѣми горами... Къ горамъ прилегли сплошные лѣса, которыми, какъ шерстью, обросли ихъ скаты... Между горами ползла, далеко видная, бѣлая каменистая дорога въ Мангушъ... По дорогѣ ползли крошечные, какъ микроскопическія мушки, волы и возы... Ущелья и долины тамъ темнѣли, тамъ зеленѣли...

— Здѣсь кругомъ было прежде море!—съ какою-то тихою торжественностью сказалъ мнѣ мой путеводитель, простирая впередь обѣ руки: — Чуфутъ быль островъ, и гдѣ теперь дорога, тамъ плавали корабли...

— Когда же это было и кто это узналъ?—спросилъ я также тихо.

— Это было 1000 лѣтъ назадъ, и это знаетъ одинъ нашъ старикъ,—съ непоколебимою увѣренностью отвѣтилъ мнѣ караймъ, и опять сталъ смотрѣть на далекія горы.

Древніе географы то же предполагали о всемъ горномъ Крымѣ.

Когда мы сѣли на лошадей, уже взошла бѣлая, полная луна... Кучка дѣтей какъ-то безмолвно и безшумно выросла на освѣщеныхъ мѣсяцемъ развалинахъ. Не до игры въ этой могилѣ... Сами дѣти какъ-то не идутъ къ ней... Мѣсяцъ одѣлъ въ блѣдные саваны полчища каменныхъ скелетовъ, и живописныя, нѣсколько страшныя тѣни протянулись съ развалины на развалину...

Еще рѣзче и страннѣе раздавались среди тишины шаги нашихъ лошадей, за которыми поползли длинныя, играющія тѣни... Мы уѣзжали въ другія ворота, мимо бойницы, и спускались въ Іосафатову долину... Снизу я оглянулся на Чуфутъ; онъ казался выше, болѣе и фантастичнѣе... Въ узенькомъ, единокомъ окошечкѣ высоко-высоко краснѣль огонекъ... Этотъ огонекъ не напоминалъ человѣческаго жилья, а скорѣе казался полуночнымъ огонькомъ какого-нибудь валтер-скотовскаго таинственного замка, въ родѣ башни вудстокской принцессы... Проклятіемъ Содома и Гоморры смотрѣли эти покинутыя развалины при мѣсячномъ освѣщеніи, въ могильной тишинѣ ночи...

На днѣ долины наскѣ встрѣтиль городъ другаго рода, тоже могильный... Тысячи надгробныхъ камней, двурогихъ, однорогихъ и безрогихъ, густою нивою уходили въ устье долины, болѣясь, какъ толпы мертвцевовъ... Ихъ осеняла старая каштановая роща, которой рогатые сучья вырѣзались на синемъ небѣ... Настоящая Іосафатова долина, долина воскресенія мертвыхъ. Могилы, горы, развалины на горахъ,— все пахнетъ, дѣйствительно, Іерусалимомъ... Вонъ внизу протекаетъ изсохшій Кедронскій ручей, а гробница мохамеданскаго святаго такъ удобно замѣняетъ Авессаломовъ мавзолей... Въ моей памяти востали всѣ поэтическія картины іерусалимскихъ окрестностей, которая мнѣ случалось видѣть. Не доставало арабскихъ пастуховъ на склонѣ горъ, совершающихъ вечернюю молитву. Они были бы такъ хороши въ своихъ благочестивыхъ позахъ, въ упоръ освѣщенные мѣсяцемъ... Еще тише и пустыннѣе показалась мнѣ тихая пустыня, въ которой пріютился Успенскій Скитъ, когда я проѣзжалъ ее теперь, облитую сияніемъ луны... Работы стихли, садъ стихъ, и соловей стихъ... Устья пещеръ чернѣли неясно и угрюмо. Въ нѣдрахъ скаль кой-гдѣ теплились звѣздочки лам-

надъ... Вместо соловья, изъ какой-то глухой трещины сычъ застональ намъ вдогонку... Даже лошадь вздрогнула. А цыганская деревня Солончукъ была еще вся на ногахъ... Когда мы спустились изъ безмолвнаго монастырскаго ущелья въ ихъ грѣховодническую долину, то просто были поражены криками и хохотомъ игравшихъ ребятишекъ... Черныя, почти нагія фигуры, съ безобразно худыми руками и ногами, какъ дьяволенки, кружились и визжали на заборахъ и подъ заборами, едва не попадая подъ ноги лошадямъ... Можно было вообразить, что мы странствуемъ по загробному міру, и вѣзжаемъ теперь отъ райскихъ обителей въ логвище нечистой силы...

Мечети были освѣщены, музѣзини нараспѣвъ гнули свои призываія, и правовѣрные цыгане не спѣша входили въ мечеть...

Я собирался ночью же уѣхать въ Севастополь, и потому гналъ лошадь, какъ могъ, не отвѣчая на монотонное: «ахшамъ хайресъ!» встрѣчавшее меня на каждомъ шагу.

Въ Бахчисараѣ меня задержали, однако, часа два. Опять моя несчастная коляска заковыляла по невообразимой бахчисарайской мостовой, едва не задѣвая концами осей за великолѣпные магазины, украшавшіе улицу. Все было уже заперто, и затхлая, неподвижная атмосфера восточной жизни, казалось, механически лежала надъ этими бѣдными и тѣсными домиками, изъ которыхъ угрюмое невѣжество и деспотизмъ изгнали самыя благородныя потребности человѣка и самыя законныя его наслажденія... Тускло и скучно свѣтились кой-гдѣ сальныя свѣчки, и никакого движения и звука не слыхать было на улицахъ. Разъ только встрѣтился мнѣ сътый, старый татаринъ въ бараньей шапкѣ и съ

фонаремъ въ рукахъ, за которымъ шла закутанная, какъ мумія, въ бѣлую чадру, высокая женщина; можетъ быть, такая же противная старуха, а можетъ быть какая-нибудь Зюльнара, стройная какъ пальма. Зато мѣсяцъ свѣтилъ великолѣпно, и видъ на спящій городъ, съ его минаретами, тополями и глубокими переулками, былъ неописанъ... Я много разъ вставалъ на ноги въ своей коляскѣ и глядѣть назадъ, не въ силахъ будучи наглядѣться. Востокъ, самый чистѣйшій, Востокъ Дамасковъ и Алеппо, разстипался кругомъ меня въ этомъ обаятельномъ сіянні... На шоссе меня скоро закачало, и я отлично заснулъ.

V.

Тъни Малахова қургана.

Видъ Севастопольскаго разрушениѧ.—Матресь-чичероне.—Погашеніе
послѣ битвы.

евастополь вышелъ такимъ, какъ я его совер-
шенно себѣ не представлялъ. Мы въ Россіи не
имѣемъ ничего похожаго на Севастополь, и русскаго въ
немъ ничего, кромѣ флага. Это не столица, не губерн-
скій городъ, и даже не уѣздный, а между тѣмъ онъ
приличенъ, какъ сама столица. Это юноша девятнадца-
таго вѣка, одѣтый совершенно по-европейски. Въ немъ
все хорошо, ему нечего прятать въ закоулкахъ и за-
дворьяхъ. Мнѣ показалось, въ немъ нѣтъ ни одного
деревяннаго домика, ни одного досчатаго забора; все
или прекрасные большиe дома изъ инкерманскаго камня,
ненуждающагося въ штукатуркѣ, или небольшиe чи-
стенькиe домики съ черепичными кровлями, тоже камен-
ные. Улицы широкія, хорошо мощеныя, прямыя и пра-
вильно разбитыя; церквей мало; но какія есть, тѣ
изящны. По улицамъ деревья, во дворахъ сады; сады

эти — персикъ, миндаль, черешня; они цвѣтуть такъ нѣжно и благоуханно, что пріѣзжаютъ лечиться ихъ запахомъ и видомъ. Но самое европейское въ этомъ европейскомъ городѣ — это море. Хотя Россія безспорно обладаетъ многими морями, исчисленными въ географіи Ободовскаго, но я все-таки почему-то не считаю моря русскимъ элементомъ. Ничего русскій не сдѣлалъ на морѣ, и почти не живетъ на морѣ; по его берегамъ или финны, или нѣмцы, или греки съ татарами, или киргизы съ трухменцами; только и есть наши, что на *мерзлыихъ моряхъ*, да и то пополамъ съ самоѣдомъ и лопаремъ. Поэтому море дѣлаетъ Севастополь какимъ-то нерусскимъ городомъ, какъ оно дѣлается, напримѣръ, Петербургъ. Истый русскій городъ долженъ быть на Окѣ, на Волгѣ, на Угрѣ, где пахнетъ рыбью и ползутъ по цѣльямъ мѣсяцамъ неуклюжія, какъ черепахи, баржи, на бичевахъ, на шестахъ, на всемъ, на чемъ Ѣзда особенно неудобна. Пароходъ — уже есть въ извѣстномъ смыслѣ какое-то отрицаніе Руси. Тамъ уже и прислуга, и начальство смотрятъ не по-русски, а по-заграничному; приходъ и отходъ быстры и точны, Ѣдятъ прилично, паспортовъ не требуютъ.

Море въ Севастополѣ, я увѣренъ, единственное не въ одной Россіи. Тутъ вмѣстѣ красота, удобство и здоровье. Море врѣзывается прекрасною глубокою бухтою верстъ на пять въ середину земли, раздвигая такие же прекрасные известковые холмы; въ Россіи мы считали бы ихъ высокими горами. Эта широкая главная бухта бросаетъ отъ себя въ стороны нѣсколько побочныхъ бухтъ, изъ которыхъ одна, — южная бухта, — есть средоточіе города. Въ ней просторная и безопасная стоянка кораблямъ. Съ одной стороны южной бухты поднимается амфитеатромъ весь городъ, съ другой находится множество важныхъ сооруженій морскаго вѣдомства, знаменитые доки, госпитали, казармы и разныя мастер-

скія адмиралтейства; все это вмѣстѣ составляеть осо-
бый городъ. Дальше за доками *Корабельная Слободка*,
примыкающая къ славной памяти Малахову-Кургану.
Сѣверная Сторона лежить черезъ главную бухту.

Не знаю, откуда лучше любоваться Севастополемъ. Я его видѣлъ и любовался имъ съ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ и въ самыя разнохарактерныя минуты. Я вѣзжалъ въ него на пароходѣ въ прекрасный полдень, когда море было спокойно, какъ тихій деревенскій прудъ, и вырѣзывалось своею густою синевою въ рамкѣ мѣло-
выхъ обрывовъ; вѣзжалъ бурною черною ночью, когда съ палубы не видно было мачты, и огни города каза-
лись мерцающими въ водной пучинѣ... Я смотрѣлъ на него съ высоты балкона въ минуту солнечнаго восхода, когда бухта только начинала золотиться первымъ лу-
чомъ, и первыя шлюпки скользили отъ Сѣверной и Ко-
рабельной къ городу, черезъ освѣщенный заливъ; тогда быль апрѣль въ началѣ, и миндаль и персикъ такъ пахли въ прохладѣ ранняго утра!.. Видѣлъ я его, на-
конецъ, съ башни Малахова-Кургана, оглоданной ядрами,
почти *à vol d'oiseau*, весь у своихъ ногъ; тогда уже не цвѣли прекрасныя душистыя деревья, но зато гре-
мѣла на верху гроза, неслись багровыя тучи съ Инкер-
манской долины, и молнія обливала своимъ фосфорнымъ
заревомъ безмолвные редуты, напоенные русскою
кровью... Со стороны и изнутри,— онъ отсюду оди-
наково хороши, нашъ доблестный городъ-подвижникъ.

И странно, такъ хороши, что я до сихъ поръ за-
былъ сказать вамъ самое главное: что онъ хороши даже
мертвый. Севастополь теперь мертвѣцъ,—это вѣ-
каго сомнѣнія. Что я говорилъ вамъ про прекрасныя
зданія, про широкія улицы,— все это отнесите къ трупу.
Прекрасныя зданія съ рядами свѣтлыхъ оконъ, съ ве-
личественными колонадами, стоять теперь раскрытыя,
разбитыя, обгорѣлые, съ слѣпыми глазами, съ пустою

внутренностю... Цѣлые улицы этихъ каменныхъ остововъ, цѣлые кварталы развалинъ, одни за одними, одни возлѣ другихъ, на огромномъ пространствѣ стоятъ, въ гробовомъ молчаніи, и будто ждутъ чего-то. Странно и страшно ходить по этимъ благоустроеннымъ улицамъ могилы въ свѣтлую лунную ночь, никого не встрѣчая, ничего не слыша, между двухъ стѣнъ высокихъ палатъ, которыя провожаютъ ваши шаги рядами своихъ черныхъ дыръ... Столько признаковъ шумной жизни, столько смѣлаго приготовленія къ ней — и между тѣмъ гробъ, громадный глухой гробъ!..

Обитаемые дома разбросаны кое-гдѣ среди развалинъ и мало нарушаютъ общее впечатлѣніе. Иногда только нѣсколько комнатъ, иногда этажъ, иногда флигелекъ разбитаго большаго дома приспособлены къ жилью; главныя улицы особенно пусты; нѣсколько возродилась та часть города, которая лежала на южной покатости холма, ближе къ базару; она была не такъ доступна ядрамъ и потому легче отстроилась. Теперьшнее скучное населеніе городка безъ труда размѣщается въ этомъ уголкѣ и кой-гдѣ среди развалинъ большихъ улицъ... Очень въ немногихъ мѣстахъ виденъ каменщикъ, штукатуръ, копошащийся въ грудахъ плитъ. Шостройка церквей надъ могилами адмираловъ-защитниковъ идетъ туда и мало замѣтно. Нельзя думать, чтобы свѣжая травка скоро пробилась изъ-подъ мусора, заполонившаго почву, и улыбнулась бы новою жизнью. Складываются тоже какой-то памятникъ на Малаховомъ, тоже медленно и робко. Далеко изъ-за Сѣверной, съ кладбища скромныхъ храбрецовъ, которые легли тысячами, не оставивъ намъ своего имени, высится еще памятникъ, огромная пирамidalная церковь, которой я не видаль вблизи. Все надгробные памятники. И Севастополю ничего теперь такъ не идетъ, какъ памятникъ. Только на водѣ его и жизнь... Вода никогда не станетъ тру-

помъ, хотя бы въ ней умеръ и цѣлый черноморскій флотъ... Этихъ покойниковъ я не видалъ: ни «Владиміра», ни «Двѣнадцати Апостоловъ», никого изъ утопленниковъ. Они гниютъ, погруженные живьемъ при входѣ въ главную бухту; я говорю — живьемъ, потому что ихъ топили со всѣмъ какъ они есть: съ провизіей, пушками, снарядами. Въ настоящее время купецъ Телятниковъ, съ своими *килекторами* и водолазами, возится надъ вытаскиваньемъ со дна моря ихъ останковъ. Горы ядеръ, картечи, якорей, пушекъ, извлеченныхъ изъ воды, покрываютъ берега южной бухты. Дѣло kleится очень вяло и даетъ мало выгоды предпринимателю. Говорятъ, будто американецъ, предшественникъ Телятникова, былъ счастливѣе и догадливѣе его. Онъ отлично обдиралъ съ кораблей мѣдь и другія цѣнныя вещи, и съумѣлъ выручить превкусныя деньги, не расчистивъ бухты. Зато изо всѣхъ портовъ Чернаго моря съѣзжались гости на его ужины; такого веселаго дома не скоро дождется Севастополь, потому что любезный хозяинъ во-время перенесъ свои ужины и свои бесѣды за Атлантическій Океанъ. Впрочемъ, продаю, за что купилъ.

Бѣдные, глупые матросы, уцѣлѣвшіе отъ погрома своего пепелища, глядятъ на утопленниковъ совсѣмъ не тѣмъ разумнымъ коммерческимъ взглядомъ, какимъ поглядѣть на нихъ американецъ — обдиратель мѣди и русскаго кармана. Они говорятъ о своихъ старыхъ корабляхъ, какъ объ умершихъ родныхъ, и сохраняютъ даже легенды о нихъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ матросикъ о гибели «Двѣнадцати Апостоловъ»; онъ ни разу не называлъ корабля кораблемъ, а просто: Владимиrъ, Пересвѣtъ, Двѣнадцать Апостоловъ, словно не хотѣлъ и подозрѣвать ихъ отличія отъ соименниковъ. «Три дни буравили въ немъ щели, сдѣлали четырнадцать дыръ, а онъ все не хотѣлъ тонуть. Не знали, что

съ нимъ дѣлать. Подошелъ Владимиръ, сталь изъ пушекъ въ него стрѣлять — онъ все стоитъ, не тонетъ. Хотѣли ужъ государю писать. Только матросъ одинъ догадался, полѣзъ и снялъ икону, снесъ на берегъ. Какъ только снялъ, ту-жъ минуту онъ — какъ ключъ ко дну. Это его чудотворная икона держала». Подите вы съ нимъ! Приведите теперь къ нему какого хотите очевидца, хотя самого завѣдывавшаго потопленіемъ, — онъ ему ни на гроши не повѣрить. Всѣ будутъ вамъ твердить исторію объ иконѣ, какъ-будто сами снимали ее.

На Сѣверной Сторонѣ почти всѣ батареи иѣлы. Константиновская лежитъ, какъ коварный хищный звѣрь, совсѣмъ пригнувшись къ морю; два яруса ея черныхъ амбразуръ угрожательно глядятъ и на море, и на заливъ. Это первая, авангардная батарея, услужливый привратникъ у воротъ гавани. Она вылѣзла на своеемъ широкомъ каменистомъ мысу довольно далеко въ море, настоящая сторожевая собака. Удивляюсь, какъ ее не расколотили въ щебень пловучія твердыни, пріѣжавшія къ намъ изъ-за морей цѣльными стаями. Онѣ растянули свой страшный полукругъ какъ разъ у входа въ бухту, какъ пеликаны, ловящіе рыбу, совсѣмъ возлѣ Константиновской батареи... Матросъ мнѣ объяснилъ, будто отъ нея ядра отскакиваютъ, потому что она изъ гранитъ-камня; но кажется, что она и не изъ гранитъ-камня, да и гранитный камень врядъ-ли отбросить отъ себя чугунный арбузъ, въ пудъ вѣсу, особенно когда эти арбузы сыпятся градомъ, день и ночь, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Скорѣе можно думать, что ядра высокихъ военныхъ кораблей перелетали черезъ низко прилегшую батарею, а можетъ быть, ее просто возобновили лучше другихъ.

Поглубже въ заливъ, почти противъ устья южной бухты, лежитъ также вполнѣ восстановленная и такая же каменная и двухъ этажная Михайловская батарея.

Междуд этими двумя и потомъ дальше Михайловской были прежде земляныя батареи; слѣды ихъ ясно замѣтны; не знаю, разбиты ли онѣ бомбардировкой, или срыты нами.

Насупротивъ этой линіи укрѣпленій сѣвернаго берега возвышались еще болѣе грозныя батареи южнаго берега главной бухты: Николаевская, въ самомъ городѣ, около бульвара; Александровская, въ pendant къ Константиновской, и далѣе къ Херсонесу еще нѣсколько бастіоновъ: десятый, девятый и т. д.; они заворачивали непрерывнымъ рядомъ окоповъ отъ берега кругомъ городской черты, называясь по нумерамъ 6-й, 5-й, 4-й, 3-й, и т. д., до самаго Малахова-Кургана, который почти примыкалъ къ верховью бухты посредствомъ Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго редутовъ. Между 5-мъ и 4-мъ идетъ дорога въ Балаклаву и Ялту; между 3-мъ и 4-мъ въ Симферополь. Эти пункты были самые опасные, какъ бы на углахъ линіи. Но еще опаснѣе было положеніе Камчатскаго редута, самого удаленнаго отъ оборонительной линіи, стоявшаго, можно сказать, въ зубахъ непріятеля. Онъ первый и паль. За нимъ его ближайшіе сосѣди, Волынскій и Селенгинскій, всѣ лежавшие слишкомъ одиноко.

Кто забудетъ эту неустанную ночную рѣзню, эти отчаянныя вылазки, освѣщенныя дождемъ бомбъ и ракетъ, эти брустверы изъ труповъ, за которыми умирала горсть храбрыхъ?.. Не знаю, что скажетъ военная исторія; матросы и народъ имѣютъ одно объясненіе нашего пораженія. «Армії у насъ не хватило,—говорили всѣ въ одинъ голосъ: — а то бы мы *его* не пустили; *у нихъ* все по череду: одна смѣна отвоюетъ, спать идетъ, другая застуپаетъ; а нашъ солдатъ все одинъ, пока самъ не упадетъ. Смѣнить некѣмъ. Пробились одиннадцать мѣсяцевъ, а тамъ уже силъ не стало... Пустили *его*».

Я объехалъ и осмотрѣлъ всю нашу линію и почти все пространство, занятое апашами непріятеля. Хотя я не военный, хотя вопросы фортификацій для меня совершенно темны, однако, я съ неодолимымъ влечениемъ стремился увидѣть и осязать всякую подробность, хранившую въ себѣ память скорбнаго подвига. Не знаю, что вы представляете себѣ, читатель, подъ именемъ бастіоновъ, редутовъ и вообще укрѣпленій города. Я только скажу вамъ, что привыкъ представлять себѣ все это совершенно въ иномъ видѣ. Читая ежедневныя реляціи, свыкаясь со всѣми названіями и терминами, конечно, составляешь себѣ весьма опредѣлительное, хотя произвольное представление о Махаевомъ-Курганѣ, батареяхъ, траншеяхъ и пр. Многимъ все это кажется такъ огромно, такъ эффектно, тѣсно сдвинуто между собою и съ городомъ въ непроницаемую твердыню, имѣетъ одинъ общий и грозный видъ, какъ Московский Кремль, какъ Петропавловская крѣпость: зубцы, каменные стѣны, подъемные мосты... Ничего похожаго нѣтъ и не было въ Севастополѣ. Укрѣпленія почти незамѣтны изъ города. Это просто загородные холмы и овраги, удаленные другъ отъ друга иногда на нѣсколько верстъ; холмы, на которыхъ могла стоять ферма или дача, куда вы часто прогуливались; оврагъ, по которому, можетъ быть, вѣтется дорожка, вамъ любимая или знакомая.

Эти мирныя ваши окрестности, оставаясь при всѣхъ прежнихъ качествахъ, порядкомъ взрыты, съ внѣшней стороны онѣ обрѣзаны въ ровъ и надсыпаны сверху, съ внутренней обращены въ змѣвидные земляные коридоры, укрытые насыпями. Эти рвы, весьма похожіе на зимнія тропинки въ сугробахъ нашихъ велико-русскихъ усадебъ, называются траншеями. Они нарочно дѣлаются глубокими и извилистыми, чтобы скрыть передвиженія войскъ отъ взоровъ и выстрѣловъ врага. Во-первыхъ, не видно, во-вторыхъ, трудно попасть: не одна,

другая, не другая — третья насыпь задержитъ ядро. По этимъ землянымъ русламъ притекала и утекала, спиваясь и разливаясь, немногочисленная армія нашихъ геройскихъ защитниковъ; по нимъ везли на бастіоны провизію и снаряды, по нимъ увозили съ бастіоновъ убитыхъ и умирающихъ. Если десятки тысячъ пали въ траншеяхъ, то сколько жепало бы ихъ безъ этой защиты?

Холмы со рвами и насыпями, называющіеся бастіонами, соединяются другъ съ другомъ такими же хитроизворотливыми, широкими канавами, выброшенная земля которыхъ высокимъ валомъ закрываетъ траншесъ со стороны непріятеля. Чтобы земля не очень осипалась, насыпи бастіона и траншей дѣлали изъ плетушекъ, наполненныхъ землею, изъ мѣшковъ съ разной разностью, изо всего, что стоитъ въ кучѣ довольно плотно, и въ чёмъ вязнетъ пушка и ядро. Вся эта рухлядь оказывалась надежнѣе гранита, и починки не требовали особенно искусныхъ мастеровъ; повалитъ одну плетушку — ее опять ставятъ; разсыплетъ другую, — принесутъ сейчасъ новую. Днемъ ядра изгрызутъ, изорвутъ и разметаютъ столько брустверовъ, а глядишь, къ утру все опять новенькие, — опять рви и разметывай... Только на немногихъ бастіонахъ были каменные башни или стѣны. Теперь ничего слѣда нѣтъ. Огромныя каменные казармы за пятымъ бастіономъ сравнены съ землею, словно сбрity; сама земля взбуравлена неимовѣрнымъ образомъ, — все кипчики наружу. Какъ-будто ее взрывали стада исполинскихъ свиней. И это на пространствѣ многихъ верстъ, широкимъ поясомъ кругомъ всего Севастополя. 5-й и 4-й бастіоны сохранили почему-то особенно разоренный видъ. Въ траншеяхъ, соединяющихъ бастіоны, съ передней ихъ стороны залегала постоянно цѣль стрѣлковъ. Пушки были только на батареяхъ бастіоновъ, которые могли взаимно обстрѣливаться.

Можно представить себѣ психологическое состояніе

тѣхъ отчаянныхъ смертныхъ, которые, не имѣя въ запасѣ ни второй, ни третьей головы, вылѣзали изъ своихъ ямъ и карабкались съ открытою грудью на эти холмы и овраги, начиненные по горло пушками и штурмовыми... Какой страшный дождь лился изъ-за этихъ земляныхъ насыпей, когда вдругъ ожидала вся оборонительная линія и начинала изрыгать изъ себя свинецъ и чугунъ! А гдѣ же Малаховъ? — спрашивалъ я недовольный и удивленный. Вонъ Малаховъ; смотрю по пальцу: чортъ знаетъ, что такое! Неужели это Малаховъ, вотъ тотъ глинистый пригородокъ? А вѣдь англичане перебѣждаютъ моря, чтобы только взглянуть на него. Просто не вѣрится. Изъ чего же столько толковъ, столько славы, столько горя? Почему же стоилъ онъ такъ много жизней и такъ долго продавалъ свою собственную жизнь?.. Малаховъ лежитъ совсѣмъ далеко за городомъ и былъ главнымъ охранителемъ доковъ, госпиталей и всѣхъ адмиралтейскихъ учрежденій города, лежащихъ по ту сторону южной бухты. Онъ значительно выше города, и потому былъ ключомъ къ нему. Взять Малаховъ — значило буквально взять Севастополь. Вези на Малаховъ!

Мыѣхали отъ четвертаго бастіона. Спускаясь къ бухтѣ, я былъ пораженъ величественною картиною разрушенія, которая раскрывалась надо мною и вмѣстѣ передо мною. За бухтою, на высокомъ и плоскомъ полуостровѣ, прежде всего бросающемся въ глаза, стоять особнякомъ громадные корпусы въ три и четыре этажа, иные чуть не четверть версты длины, превращенные въ рѣшето... Это не дома, а цѣлые города. Это былъ самый эффектный пунктъ севастопольского пейзажа, который встрѣчалъ первый взоръ путешественника, вѣзшаго въ гавань. Это были госпитали и казармы моряковъ,— гордость и краса города. Надо было проѣзжать у подножія, между ихъ развалинами.

Все, чѣмъ поражаетъ пустота и мертвеннность севастопольскихъ ўлицъ, здѣсь соединено въ самой сильной дозѣ.

Та же могила, но еще въ болѣе мрачныхъ размѣрахъ. Не знаю, кто собственно разорилъ такъ эти исполнинскія постройки. Говорятъ, наши взорвали ихъ, уходя. Можетъ быть, и такъ; но, во всякомъ случаѣ, не мало сдѣлали и ядра непріятелей. Уцѣлѣвшія стѣны избиты ядрами и даже пулями.

Я видѣлъ ядра, засѣвшія глубоко въ стѣну; другія пробили себѣ навылетъ слуховыя окна; множество оставили только впадины и слѣды прикосновенія. Но ни одна постройка не хранитъ на себѣ столько подобныхъ слѣдовъ, какъ стѣна доковъ, выходившая лицомъ къ непріятелю. Это была, повидимому, любимая мишень французскихъ и англійскихъ батарей. Къ ея несчастію, она приходится какъ разъ въ интервалѣ между третьимъ бастіономъ и Малаховымъ Курганомъ, а противъ нея, какъ нарочно, высится холмъ, который былъ занятъ непріятельскими орудіями. На этой стѣнѣ буквально нѣтъ живаго мѣста; она кажется со стороны рабою. Это была какая-то бѣшеная шутка, игра безконечно азартная. Тутъ замѣтно больше, чѣмъ одно исполненіе необходимости: тутъ замѣтно наслажденіе. Можно легко представить себѣ этихъ низкорослыхъ, толстенькихъ артиллеристовъ, съ козлиными бородками, сдвинутыми на затылокъ кепи, какъ они, вдоволь выпавшись и набѣвшись, и напившись рому, придутъ веселые и сытые въ какое-нибудь свѣтлое утро, и остря, не выпуская изъ зубовъ сигаръ, начнутъ забавляться, сбивая чугунными мячиками эту каменную игрушечку. Одному удалось выбить простѣнокъ между двухъ оконъ; другой откололъ уголъ этажа; ядро третьяго пролетѣло насквозь домъ, какъ сквозь бумажный футляръ. Кто кого перегонитъ: раззудѣлись руки, благо пороху хва-

тить! А что дѣлается въ домѣ, что за домомъ — того никто не увидитъ и обѣ этомъ чтобъ думать!

Проехавши доки, это драгоценное сооруженіе, стоившее миллионы и вконецъ погубленное догадливымъ врагомъ, встрѣчаете слѣды армейскихъ казармъ. Онъ также сравнены съ землею. Должно быть, ядра и бомбы, не подавшія въ Малаховъ, заночевывали въ этихъ казармахъ. Онъ какъ разъ за Малаховымъ, а бомбы хватали даже на Сѣверную, то-есть верстъ на 5, на 6.

Одна изъ многихъ траншей, вползающихъ на Малаховъ, обращена теперь въ довольно сносную дорогу, по которой Ѵздаѣтъ даже въ экипажахъ, что именно я и сдѣлалъ. Лѣзть на Малаховъ пѣшкомъ не совсѣмъ пріятно, хотя издали онъ не пугаетъ крутизною. Отъ бухты мѣстность такъ сильно поднимается къ кургану, что утомившись вконецъ, добравшись только до подошвы его.

Среди обычныхъ взбуравленныхъ кучъ глины, на самомъ верху кургана, я съ удивленіемъ замѣтилъ колодезь. Матросъ сказалъ мнѣ, что это вырыли солдатики, чтобы не бѣгать далеко за водою; на Малаховѣ не должно было быть особенно прохладно, и напиться водицы, дѣйствительно, иной разъ не мѣшало Много, я думаю, смертельныхъ ранъ обмывала эта мутная вода и многія умирающія уста припадали къ ней съ тщетною надеждою... Подальше мы встрѣтили фундаментъ новостроющагося памятника изъ простаго инкерманскаго камня; можетъ быть, часовня. Солдатъ, зачѣмъ-то тутъ бывшій, врядъ-ли только сюда приставленный, остановилъ вдругъ подъ уздцы лошадь и грозно спросилъ извоющика, кто ему позволилъ Ѵздить сюда по ночамъ? Всего было часовъ семь; извощикъ мой весьма смущился нападеніемъ импровизированаго начальства; но когда я энергически ругнуль незваннаго блюстителя благочинія, и тотъ, взявъ подъ козырекъ, назвалъ меня

высокоблагородiemъ (объ этомъ званіи онъ очевидно заключилъ по выразительности моего ругательства), то и извозчикъ мой расхрабрился и даже погрозилъ сдѣлать съ солдатомъ что-то весьма для него скверное.

Мы взирались все выше: дорога, какъ траншея, шла улиткою. Этихъ улитокъ было кругомъ множество — настоящій лабиринтъ. На самой макушкѣ холма, была расчищена площадь и стояла каменная башня; уцѣлѣла только нижняя половина ея, весьма невысокая; башня такъ окружена земляною насыпью, что ея стѣны должны были быть совершенно маскированы отъ непріятелей; это было крайнею необходимостью, потому что все цѣлило въ Малахову башню, она била сверху, куда хотѣла, и всѣмъ хотѣлось прежде всего разбить ее. Это, и по внѣшнему виду, былъ кульминаціонный пунктъ севастопольскихъ укрѣплений.

Въ башнѣ каменныея стѣнки также идутъ улиткою, какъ и насыпи траншей. Еще ясно видны помѣщенія пушекъ. Въ нижнемъ этажѣ — родъ блиндажа, гдѣ жили начальники; еще ниже — подвалъ для пороху. Отверстія минъ, вѣроятно взорванныхъ, сіяютъ въ глубинѣ темнаго блиндажа. Говорятъ, въ нихъ не разъ падали любопытные, не берущіе съ собою проводника.

На памятникахъ великихъ дѣлъ почтеть таинственная тѣнь исторіи. Какъ послѣ дорогаго мертвца, въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, на предметахъ, къ которымъ онъ прикасался, долго чудится его незримое присутствіе, такъ и въ этихъ развалинахъ, обагренныхъ родною кровью, русская душа будетъ долго чуять смутные образы тѣхъ, кто пролилъ здѣсь свою кровь. Все это фантазія. Нашъ вѣкъ и наши характеры слишкомъ реальны, чтобы видѣть видѣнья. Тутъ, разумѣется, ничего нѣтъ, кроме взрытыхъ массъ земли, обломковъ желѣза, старыхъ подметокъ, костей, обглоданныхъ тѣми, кто теперь сами кости, да нѣсколько осколковъ

бомбъ, не замѣченныхъ еще туристами. Но почему же фантазія ваша работаетъ? Почему при видѣ этой корявой подметки, рисуется вамъ цѣлая грозная картина изъ давно-протекшихъ и никогда невиданныхъ вами дней?.. У насть мало писали о Севастополѣ, еще меньше разсказывали. Но все-таки каждый изъ насть, жившихъ и думавшихъ въ ту роковую эпоху, сохранилъ въ своемъ сердцѣ неизгладимый отпечатокъ событий, гремѣвшихъ тогда здѣсь, въ далекомъ уголкѣ отечества. Даже бѣглые разсказы графа Толстого рисуютъ достаточно тотъ безсмѣнныи ужасъ, который тяжелою тучею надвинулся и лежалъ одиннадцать мѣсяцевъ на каждой живой груди въ окопахъ Севастополя,— ужасъ, превратившійся наконецъ въ равнодушіе, можетъ быть, еще болѣе ужасное.

Офицеръ, свертывающій на пушкѣ папироску изъ желтой бумаги и, ради визита товарища, посылающій нѣсколько ядеръ въ толпу непріятелей; матросы, играющіе въ засаленныя карты подъ брустверомъ бастіона и прекращающіе игру потому, что два или три партнера вдругъ *выбываютъ*; равнодушные шаги кованыхъ сапоговъ по разбрзганнымъ мозгамъ, по вытекшимъ внутренностямъ; рвы, сравненные съ землею трупами убитыхъ; хохотъ и прибаутки добродушной толпы при видѣ удачного взрыва бомбы въ рядахъ непріятеля,— вотъ что еще страшнѣе, чѣмъ быть убиту! Десятки тысячъ спрятались на однихъ холмахъ, десятки тысячъ на другихъ, и одиннадцать мѣсяцевъ сряду, то есть цѣлыхъ триста тридцать дней, съ зари до зари, не жалѣя денегъ, усилий, жизни, одушевленно хлопочутъ о томъ, чтобы на холмахъ за оврагомъ было больше покойниковъ или, по крайней мѣрѣ, калѣкъ... И мы такъ наивны, что еще отъ души удивляемся, какъ это у древнѣйшихъ народовъ грабежъ замѣнялъ торговлю, а убийство человѣка составляло священный обрядъ ре-

литії! — какъ-будто будущей цивилизації не покажутся наши воинственные подвиги тѣмъ, чѣмъ намъ кажутся пляски дикихъ вокругъ человѣческой жертвы!

Для меня поразительнѣе всего въ трагическомъ со-
бытии та будничная, пошлая сторона его, которая со-
провождаетъ все на свѣтѣ. Когда въ картинахъ, рисую-
щей намъ битву при Термопилахъ или пораженіе Ат-
тилы, мы созерцаемъ то величественныхъ героевъ съ
античной осанкой, торжественно падающихъ, торже-
ственно разящихъ, то свирѣпыхъ варваровъ, для кото-
рыхъ рѣзня есть жизнь, и закованныхъ въ мѣдь легіо-
неровъ, которыхъ, повидимому, чуждо все, кроме чув-
ства солдатскаго долга,— тогда намъ война представля-
ется и достаточно прекрасною, и достаточно есте-
ственнаю, и даже успокаивающею нашу чувствитель-
ность. Кажется, такъ легко и пріятно уступать своему
страстному влечению къ бою и кончить жизнь при ве-
личественной обстановкѣ, за величественный принципъ!
Но когда изъ лучезарной сферы художественной лжи,
называемой классическимъ облагороженіемъ сюжета,
спустимся мы въ сѣренѣкій день реализма,—мы не уви-
димъ ни эпическихъ страстей, ни скѣльптурныхъ позъ,
но зато содрогнемся ужасомъ совсѣмъ не риториче-
скимъ. Смерть въ обстановкѣ смерти, когда все кру-
гомъ дышитъ ею, и только ею, когда все готовится къ
ней, еще не поразительная смерть.

Но когда вы живете въ обстановкѣ вашей ежеднев-
ной жизни; утромъ пьете кофе со сливками, читаете
газету, пишете письмо къ роднымъ, обдумываете, что
бы заказать къ обѣду; по вечерамъ собираетесь побол-
тать у пріятеля, поиграть въ карты; сердитесь, что
проиграли пять рублей, довольны, что выиграли ихъ;
хотите спать, хотите погулять по саду, по полю, на-
рвать цвѣтовъ, покупаться въ морѣ, покататься на
лодкѣ, потанцевать, покутить; словомъ, когда вся, даже

пустѣйшие элементы вашей натуры въ полномъ и нормальномъ дѣйствіи, не настроены ни на особенный гнѣвъ, ни на особенную ненависть.— тогда вдругъ видѣть надъ своею головою постоянно занесенную косу,— вотъ это я называю ужасомъ. Быть раздавленнымъ въ лепешку какимъ-нибудь безумнымъ чугуннымъ мячомъ, неизвѣстно чѣмъ, неизвѣстно въ кого пущеннымъ съ окрестнаго холма, на которомъ прежде такъ долго сѣяльщицу вашъ пріятель Иванъ Ивановичъ,— и раздавленнымъ въ то время, когда вы беззаботно сидите за столомъ, уставленнымъ бездѣлушкиами, чистя себѣ ногти,— вотъ это я называю истинною трагедіею. И провести въ подобной обстановкѣ одиннадцать мѣсяцевъ сряду.— называю истинныя подвижничествомъ. Оттого-то старая солдатская подошва, прѣюющая на Малаховомъ-Курганѣ, сказала моей фантазіи больше, чѣмъ сказалъ бы памятникъ съ изображенiemъ плачущей Викторіи. Я стоялъ на Малаховомъ-Курганѣ, взволнованный святыми воспоминаніями, какъ средневѣковый пилигримъ на Голгоѳу. Кости и кровь подвижниковъ освятили для меня эти глиняныя насыпи, и я едва не былъ способенъ унести съ собою, какъ реликвию, горсть священнаго праха. Но его во время замѣнилъ матросскій мальчишка нѣсколькими пулями, образками и обломками ядеръ, которые онъ, археологъ еще неопытный въ своей коммерціи, уступилъ мнѣ за пятнадцать копѣекъ серебра съ величайшею радостью. Онъ цѣлый день роется въ этихъ кровавыхъ остаткахъ для полученія пятиалтынного за подвиги погибшихъ героевъ. Можетъ быть, это были его отцы, и онъ получаетъ законное наслѣдство...

Случилось, что когда я вошелъ на верхъ Малаховской башни, гроза, давно шумѣвшая, надвинулась прямо надъ курганомъ, и ея громъ, молнія и дымовыя тучи такъ живо перенесли воображеніе въ тѣ дни, когда

болѣе страшная гроза гремѣла съ тѣмъ же пламенемъ и тѣми же мраками пониже и поближе. Я смотрѣлъ на Севастополь, котораго бѣлые дома вырѣзались на свинцовомъ небѣ, и на море, въ которомъ были корабли, въ которое глядѣли еще, какъ угрюмые глаза, амбразуры Константиновской батареи. Такъ легко было представить себѣ на этомъ морѣ линію другаго флота, роковую типину города, освѣщаемую пожарами. У ногъ моихъ, параллельно окопамъ, лежала лощина, довольно глубокая и хорошо прикрытая, по которой, безъ сомнѣнія, текли французскія колонны на послѣдній приступъ. Пространство, отдѣляющее ее отъ нашихъ насыпей, очень небольшое, и въ лощину, почти подъ самыемъ курганомъ, впадаетъ сверху другая лощина, естественный выходъ, которымъ штурмовая колонна не могла не воспользоваться. Когда аппроши непріятелей подошли такъ близко, понятно, что успѣхъ приступа сдѣлся несомнѣннымъ. Стоило немножко зазѣваться, и половина пути пройдена врагомъ; а разъ очутившись на валахъ, онъ уже не сойдетъ съ нихъ: его колонны были слишкомъ близки. Собственно говоря, смотрѣть было нечего, но мнѣ ненасытно смотрѣлось. Все хотѣлось представить себѣ во-очію: обоянскаго ратника въ сермягѣ, съ топоромъ, съ крестомъ на шапкѣ, упирающагося съ воловьею силою и воловьею неловкостью; африканскія физіономіи зуавовъ, лѣзущихъ сквозь дымъ, съ проворствомъ и энергию пантеръ; ужасъ надежды съ одной стороны, ужасъ гибели съ другой; живые потоки людей, втекающіе на окопы. и другіе потоки, стекающіе въ нихъ въ то же самое время; крикъ смерти и крикъ ликованья; чужое знамя, взвившееся надъ русскою твердынею, и взрывы минъ, какъ предсмертный ударъ побѣдоносному врагу... А въ это время какой-нибудь щедушный матросикъ, съ желтыми волосами, прилипшими къ его лицу, прокопченному по-

томъ и солнцемъ, ничего не зная объ исходѣ боя, бредетъ себѣ обычной чредой изъ Корабельной, подъ градомъ пуль и ядеръ, уже давно не отмахиваясь и не присѣдая отъ нихъ, а на удачу что Богъ пошлетъ: пройдетъ — пройдетъ, не пройдетъ — туда и дорога! и бредетъ вѣдь сквозь этотъ страшный *сквозь-строй*, въ которомъ охотится за нимъ смерть, неся какое-нибудь ведрушки прокислой капусты или шкаликъ водки земляку-товарищу. Онъ не ждетъ и не хочетъ знать никакой трагедіи, и никому не повѣрить, чтобы французъ могъ сбить съ Малахова нашего брата, пока не побѣжитъ вмѣстѣ съ этимъ братомъ назадъ, къ себѣ въ Сѣверную. Я слышалъ и читалъ, что войска наши нѣсколько разъ ходили отбивать Малаховъ, тотчасъ по занятію его. Но здѣшніе матросы говорили мнѣ, что войска наши сразу стали уходить и торопились сжечь мостъ. «Арміи у насъ не было, посыпать было некого; а то бы куда *ему!*» былъ обыкновенный припѣвъ. Да и странно было бы отбивать взятую твердыню черезъ эти узкія змѣевидныя дорожки, для защиты которыхъ достаточно было бы небольшаго отряда. Матросикъ много разъ рассказывалъ мнѣ о приступѣ; но я его мало слушалъ, частью потому, что былъ увлеченъ своимъ воспоминаніемъ и думами, частью потому, что онъ очевидно вралъ. Матроса особенно обидѣло то, что «онъ поднялъ трезубъ» и выкинулъ флагъ, какъ только вошелъ въ Корабельную; мы было съ 4-го еще *его*шибко пужали, да ужъ онъ городу много пагубы дѣлалъ съ Малахова; взорвали наши Александровскую и Николаевскую батареи, и ушли себѣ на Сѣверную по двумъ мостамъ; пущай теперь входить: — *сами пустили!*» добавляя онъ простодушино.

Малаховъ окружаютъ достойныя его жертвы: нѣмой, могильный городъ, величественный въ своей смерти. Его смерть была дѣйствительно честная смерть. Мил-

люны недвижимые и миллионы живые легли вмѣстѣ,
другъ на друга и другъ подлѣ друга въ общей гибели.
Ничто и никто себя не пожалѣль: все подставляло
грудь, солдатъ такъ же прямо, какъ каменный дво-
рецъ. Эти бѣлые, обглоданные остатки, эти зданія-мерт-
вецы стерли съ себя кровь, которою были облиты. Но
это только наружность; здѣсь, собственно, что ни шагъ,
то кровь, что ни камень, то жизнь. Вся эта глина и
извѣсть замѣшаны на крови; тутъ ей мѣры нѣть; я
поднялъ сейчасъ кусокъ бомбы: онъ весь въ красной
накипи; я сохраню его на память, этого несомнѣннаго
убийцу многихъ душъ, со всѣми уликами его зла-
дѣйства.

VI.

Горькое прошлое.

Закорский Западъ и Православная Русь.— Русской зодать.— Какъ мы ждали врага.— Кто быль нашъ истинный врагъ.— Иемъна татаръ.

А не удовлетворился Малаховымъ и обѣзжалъ даже тѣ мѣста, гдѣ были непріятельскіе лагери, траншеи, батареи: пришлось проѣзжать и нашимъ русскимъ становищемъ. Могу сказать, что увидѣлъ все громадное поле громадной борьбы. Оно тянется на многія версты, на необозримое пространство. Лагери были разбросаны отдельными группами, отъ Камышевой бухты, Георгіевского монастыря и Балаклавы, съ одной стороны, до Черной Рѣчки съ другой. Это были цѣлые города деревянныхъ бараковъ, красиво устроенныхъ, города съ улицами, магазинами, театрами, храмами, гостиницами, библіотеками, кондитерскими, даже съ цветниками и огородами. До сихъ поръ видны каменные фундаменты этихъ бараковъ. Чувство человѣческаго достоинства въ человѣкѣ Запада не снимается и не надѣвается какъ перчатка. Онъ уважаетъ свои

вкусы и нужды, и требуетъ потому удовлетворенія имъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ не считаетъ возможнымъ оставаться грязнымъ и голоднымъ въ дѣржавѣ, потому только, что это не гостиная и не родной домъ. Онъ не сочиняетъ своихъ качествъ, а имѣетъ ихъ дѣйствительно, поэтому имѣетъ постоянно тѣ же потребности. Англичанинъ ежедневно мѣняетъ бѣлые на Островѣ Вознесенія точно такъ же, какъ въ клубахъ Лондона: и солдатъ, привыкшій у себя дома къ кофе и ростбифу, не видитъ причины отказаться отъ него на Таврическомъ полуостровѣ. Это богатство потребностей не есть слабость или изнѣженность, и она вовсе не вредитъ воинственности духа. Это есть сознаніе своихъ силъ и своихъ правъ, увѣренность, что я *всё состояніи достать все, что мне нужно*. Эта увѣренность окрываетъ духъ человѣка и стремитъ его къ энергической дѣятельности, къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ. Неизбѣжность потребностей преодолѣваетъ препятствія и указываетъ постоянную цѣль настойчивости. Солдатъ съ такимъ духомъ можетъ быть настоящимъ воиномъ, осмысленнымъ и воодушевленнымъ. Кромѣ того солдатъ сытый, хорошо выспавшійся, хорошо согрѣвшійся и вѣмъ довольный, — работаетъ больше и дольше голодныхъ, холодныхъ и ропщущихъ. Трудно бороться съ расами, которыхъ даже лагерная обстановка, — у насъ символъ всякихъ неудобствъ и беспорядка, — способна пристыдить комфорть нашей осѣдлой жизни; съ расами, которые проводятъ желѣзныя дороги и шоссе въ полѣ, въ которомъ остановились на нѣсколько мѣсяцевъ, въ то время, когда у насъ не было шоссе отъ Симферополя до Севастополя; а мы владѣли ими 75 лѣтъ и ихъ окрестности завалены каменьями.

До сихъ поръ въ крымскихъ городахъ вы найдете множество прекрасной посуды и другихъ предметовъ домашнаго потребленія, доставшихся намъ отъ англич-

чанъ и французовъ. Нѣкоторыя хорошія растенія разводятся на южномъ берегу только со временеми войны, изъ сѣмянъ, привезенныхъ и разведенныхъ непріятелемъ.

Матросъ разсказывалъ мнѣ кое-что и объ немъ. Онъ не раздѣлялъ ясно въ своемъ представлѣніи отдѣльныхъ націй, а говорилъ просто: «онъ»; это онъ звучало у него какъ-то особенно выразительно и какъ бы нѣсколько испуганно. Повидимому, въ фантазіи матроса всѣ непріятельскія арміи олицетворялись въ одномъ страшномъ и могущественномъ лицѣ — именно, въ этомъ «онъ», о которомъ матросикъ говорилъ, какъ объ отдѣльномъ человѣкѣ. «Тамъ онъ хлѣбъ пекъ», «тамъ у него штабъ былъ», разсказывалъ онъ мнѣ. «Хутора онъ берегъ, ничего не трогалъ, въ монастырь Георгіевскій даже свѣчи даваль и все, что слѣдуетъ, и въ обѣдню самъ ходилъ: турокъ было смущался, да онъ его отстригнилъ; турка и въ бой не пускали: онъ большие рвы копалъ, насыпи работалъ. А ушелъ, — все въ чистую намъ оставилъ: бараки, посуду, постель; только ранецъ взялъ. А наши жгли, какъ изъ Севастополя уходили, ничего ему не оставили.»

Здѣсь нельзя не засвидѣтельствовать съ особыннмъ удовольствиемъ, что я ни разу, ни отъ кого изъ мѣстныхъ свидѣтелей войны, не слыхалъ другаго отзыва о поведеніи западныхъ солдатъ, кроме самаго для нихъ лестнаго. Всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что нельзя было желать большей гуманности въ обращеніи съ людьми и имуществомъ враждебной стороны. Французы не только сами не грабили, но даже систематически охраняли имущество русскихъ отъ грабежа турокъ. Турки поступали съ безумною ненавистью, достойною Азіи; если остались въ Крыму развалины и опустошенія вдали отъ поля битвъ, то это дѣло турецкой руки. Они замышляли поголовно вырѣзать рус-

скихъ, жечь до тла города. Нужны были самыя энергическия мѣры, самыя безцеремонныя угрозы со стороны союзниковъ, чтобы обуздать этихъ оборванныхъ и голодныхъ варваровъ, согнанныхъ азиатскимъ деспотизмомъ изъ разныхъ глухихъ норъ Азіи. Когда французскіе отряды входили въ Бурлюкъ, офицеры ихъ сами приказывали русскимъ прятать иконы и другія дорогія вещи отъ хищничества турокъ. Евпаторію сдѣлали отъ нихъ поджоговъ. Когда монахи разбѣжались изъ Георгіевскаго монастыря, тамъ остался одинъ горбатый монахъ, котораго я и теперь видѣлъ въ томъ же монастырѣ.

Онъ неуклонно продолжалъ обычныя службы, не стѣсняясь присутствіемъ враговъ, которые учредили въ монастырѣ одну изъ главныхъ квартиръ какого-то отдѣла арміи. Монахъ этотъ можетъ самъ разсказать вамъ, съ какою деликатностью и просвѣщенною внимательностью англичане и французы посѣщали русское богослуженіе, давали денегъ на масло, свѣчи и прочія потребности, и не только ничѣмъ не обидѣли рѣшительнаго инока, но даже дали ему возможность собрать препорядочный запасъ непріятельскихъ гуидоровъ и гиней. Вместо разрушенія они созидали, хотя знали, что созидаются на нѣсколько дней, стѣдовательно нѣ для себя. Они обратили балаклавскую гавань въ такую, какой мы еще не видали у себя на южномъ берегу, и надо думать, что имъ она стоила немало денегъ и труда. Но въ нашихъ рукахъ и готовая вещь оказалась бесполезною: теперь эта превосходно устроенная гавань совершенно разрушается отъ неприсмотра, невѣжества и скудости средствъ. Я нарочно останавливаюсь на этомъ вопросѣ, который долженъ быть дорогъ всякому другу человѣчества; такъ пріятно и такъ радостно сознать, что сила просвѣщенія наконецъ пробивается сквозь тьму враждебныхъ элементовъ, заслоняющихъ ее столько вѣ-

ковъ, и зоологические обычаи средневѣковой войны уступаютъ мѣсто гуманности. Если несчастныя судьбы міра еще не освободили человѣчество отъ необходимости проливать кровь, если англійскій гражданинъ долженъ быть солдатомъ, по крайней мѣрѣ, онъ уже не можетъ быть турецкимъ солдатомъ.

Чтобы оставаться вѣрнымъ исторической истинѣ, которая особенно чутко постигается общественнымъ мнѣніемъ, я долженъ признаться, что нашихъ казаковъ и даже солдатъ мѣстные жители гораздо болѣе обвиняютъ въ беспорядкахъ, пожарахъ, насилияхъ, чѣмъ западныхъ иноплеменниковъ.

Мнѣ не хочется передавать разсказовъ о тѣхъ грубыхъ и несправедливыхъ поступкахъ, которыми иногда пятнали себя нѣкоторые изъ нашихъ. Это не должно быть особенно удивительно, если вспомнимъ, что чувство справедливости и уваженія чужаго права не составляетъ принадлежности невѣжества.

Я бывалъ, какъ уже сказатъ, на мѣстѣ русскихъ лагерей. Отъ нихъ тоже остались слѣды, весьма явственные. Но странная вещь! Даже на этихъ остаткахъ вы видите большую разницу между нами и европѣцами. У нихъ изъ-за нѣсколько морей могли привезти дома и постели, а у насъ, въ родномъ краю, гдѣ углы помогаютъ, ничего не нашлось, кроме хворостянныхъ шалашей да наруссинныхъ палатокъ; у нихъ бараки ставили на фундаментахъ, чтобы не подтекала вода, не повредила земляная сырость; а у насъ копали въ земль ямки, чтобы грязь никоимъ образомъ не миновала палатки и нескоро бы въ ней высыхала. Нашъ станъ былъ разбросанъ какъ-то по кустарникамъ и буеракамъ, безъ всякаго приюта. Я не думаю, чтобы въ немъ были не только цвѣтники или кондитерскія, а даже сухія дорожки. Словно нашей національной жизни вѣчно должна достаться на долю нѣкоторая доза цыганства.

Неумѣлое устройство лагеря само по себѣ еще не-
важная вещь. Но оно важно какъ мѣрило, какъ ха-
рактерный признакъ того низкаго уровня, на которомъ
стоитъ наша общественная жизнь. Это только единица
изъ весьма длиннаго числа тяжкихъ недостатковъ на-
шего народнаго характера; они обнаружились въ досто-
инамятную войну наряду съ нашимъ великою доблестью,
и можно сказать смѣло. они, а не оружіе враговъ вы-
копали этой доблести ту мучительную могилу, въ ко-
торую она честно пала, при благовѣйномъ удивле-
ніи самихъ враговъ. Солдатъ шелъ пѣшкомъ изъ Твери
и Владимира, неся на широкой спинѣ свой ранецъ и
свое тульское ружье, пожевывая свой черный сухарь;
приходилъ и умиралъ, безбоязненно и безмолвно, не вы-
давая своей земли, своей чести, своей вѣры въ русскую
 силу. Облитый потомъ, терпя нужду, задавленный пре-
восходствомъ всевозможныхъ средствъ со стороны врага,
которымъ была едва не вся Европа, онъ смѣло гля-
дѣлъ въ глаза ихъ силѣ, и смѣло отвѣчалъ своимъ
двухрублевымъ тулякомъ штуцерамъ Минье.

Оторванные прямо отъ сохъ, еще не стряхнувшіе
съ себя запаха овиновъ, сохранивъ во всемъ сырцѣ свои
пенечныя бороды и свою медвѣжью походку, ратники
бѣжали десятками тысячъ изъ каждой губерніи, съ
родными топорами за поясомъ, съ мѣднымъ крестомъ
на шапкѣ. Не зная совсѣмъ причины войны, не зная
хорошенько имени врага, они бѣжали схватиться съ
нимъ, съ воодушевленіемъ крестоносцевъ, почитая себя
истинно крестоносцами. Этотъ топоръ, купленный на
какомъ-нибудь фатежскомъ базарѣ, бросался не раздумы-
вая на шестистрольный револьверъ, на жерла паксто-
новыхъ пушекъ, и бороды, топоры, кресты — ложи-
лись, какъ подкошенная трава.

Они бѣжали на врага-грабителя, а ихъ ждалъ воръ,
называющійся роднымъ именемъ и не прячущійся ни въ

какую засаду, — воръ, который систематически краль у раненаго повязку съ его раненаго члена, краль кусокъ хлѣба у обезсилленаго боемъ, краль клочки сѣна даже у издыхающаго скота. Намъ нечего скрывать нашей язвы, которую само правительство и открыло, и покарало.

Сознаніе этой глубокой, смертельно-опасной гангрены и стало спасенiemъ Россіи... Съ публичнаго обличенія золь, обнаружившихся, какъ причина временныхъ бѣдствій нашихъ, началась та знаменитая эпоха, которую будетъ гордиться наша исторія и которая еще не кончилась. Я возвращаюсь къ старому только потому, что память о немъ вполнѣ свѣжа въ мѣстномъ населеніи; война какъ будто прошла только вчера, и свидѣтели тщетнаго геройства нашего воина не могутъ скоро простить тѣмъ нечестивцамъ, которые, на ихъ глазахъ, подкапывали всѣ плоды этого геройства своею безсознательностью и алчностью. Трудно и грустно передать всѣ позорные разсказы, которые ходятъ среди жителей о закулисной сторонѣ великой войны. Слѣдствіе, нараженное правительствомъ, разобрало многое; но результаты его неизвѣстны въ достовѣрности публикѣ, а многое, конечно, осталось неизвѣстнымъ и слѣдствію.

Для насъ неважна строгая историческая истина этихъ разсказовъ; весьма вѣроятно, что въ подробностяхъ ихъ много выдуманного: намъ важно одно въ этомъ дѣлѣ, — это общій характеръ сказаній. Въ немъ сказывается съ несомнѣнною историческою достовѣрностью то чувство негодованія, которое возбудили въ жителяхъ и оставили по себѣ до сихъ поръ служители общественнаго дѣла, губившіе его хуже, чѣмъ сами враги. Недобросовѣстность, примѣшившись къ обычной русской беспечности, доводила слабость нашихъ средствъ до комерическихъ размѣровъ. Въ минуту высадки непріятеля; никому словно въ голову не приходило, что

онъ можетъ высадиться. Въ иностранныхъ газетахъ о мѣстѣ и способѣ высадки писали и спорили нѣсколько мѣсяцевъ сряду, а у насъ въ Крыму смѣялись надъ всяkimъ подобнымъ извѣстіемъ, какъ надъ хвастливою уткою газетъ. Смѣялись не жители, а тѣ, кто оберегалъ ихъ. Старая фраза: «шапками закидаешь» казалась несокрушимымъ символомъ вѣры. Въ Севастополѣ шли кутежи и праздники; веселились какъ передъ Богъ-знаетъ какимъ счастливымъ событиемъ; трунили надъ осторожными людьми, задумавшими спасаться внутрь Россіи; приглашали дамъ подъ защиту своихъ пушекъ. Въ Евпаторіи, которая была крайнимъ портомъ отъ Турціи, жители были въ болыномъ переполохѣ; у всѣхъ достаточныхъ людей на дворѣ стояли уложенные экипажи и возы, чтобы бѣжать при первой тревогѣ. Дня за два до высадки прїѣзжалъ въ Евпаторію мѣстный начальникъ и ободрялъ жителей, увѣряя ихъ, что всѣ слухи пущь, чтобъ они разобрали свои уложенные по-житки и спали себѣ спокойно. Начальнику сдѣлали блестательный пріемъ, пировали съ нимъ на бульварѣ, жгли на радости фейерверкъ; а англичане издали любовались праздникомъ въ свои телескопы, да заряжали понемножку орудія. Черезъ нѣсколько дней тотъ же начальникъ-ободритель, торжественною процессіею, съ полиціею, жандармами и присутственными мѣстами бѣжалъ изъ губернского города, провожаемый плачемъ и крикомъ бѣдныхъ жителей, думавшихъ, что онъ оставляетъ ихъ на жертву туркамъ. Говорятъ, будто курьеръ съ Дуная отъ князя Горчакова прїѣхалъ узнанть, гдѣ произошла высадка; его обласкали, накормили и сказали, что высадки не было, нѣтъ и не будетъ; князь Горчаковъ зналъ уже навѣрное, что союзный флотъ выступилъ въ море и идетъ въ Крымъ, а въ самомъ Крыму не успѣли еще увѣровать даже въ возможность этой высадки! На Бурлюкѣ, правда, стояль

лагеремъ одинъ нашъ отрядъ; но никто изъ моряковъ не допускалъ мысли, чтобъ флотилія громадныхъ судовъ могла совершить здѣсь высадку. И однако высадка совершилась. Почти наканунѣ главнокомандующій былъ въ упомянутомъ отрядѣ и увѣрялъ, что ничего не будетъ. А между тѣмъ, иѣсколько сотъ судовъ протянулись линіею отъ Евпаторіи къ устью Альмы. Высадка произошла собственно не въ Бурлюкѣ, а въ Кантуганѣ, имѣніи одной изъ значительныхъ крымскихъ фамилій. Однимъ прекраснымъ утромъ будятъ хозяина дома и говорятъ, что у сада собралось что-то много народа. Хозяинъ спѣшитъ и видитъ, въ веретѣ отъ дома, тысячу двадцать непріятелей. Семейство тотчасъ уѣзжаетъ въ другую деревню; хозяинъ верхомъ мчится въ отрядъ, донести о случившемся. Въ Бурлюкѣ ему не вѣрять; говорятъ: не можетъ быть, недавно самъ князь былъ, ничего не сказалъ. А между тѣмъ, корабли, десантъ у всѣхъ на глазахъ. Послѣ несчастнаго дѣла на Альмѣ, выиграть которое не было никакой возможности, весь Крымъ былъ въ рукахъ союзниковъ. Объ арміи не было ни слуху, ни духу. Если союзники не двинулись прямо на Севастополь и не окончили кампаніи въ одну недѣлю, то въ этомъ, конечно, они были не совсѣмъ виноваты. Имъ, привыкшимъ уважать всякое дѣло и готовиться къ нему основательно, разумѣется, не могла придти въ голову возможность такой баснословной безпечности съ нашей стороны, въ ожиданіи войны съ такими могущественными и дѣятельными противниками, какъ они. Самое отсутствіе наружныхъ приготовленій къ защите, отсутствіе войска въ странѣ, гордившейся двумя миллионами солдатъ, должно было внушить имъ особенную осторожность, заставляя ожидать на всякомъ шагу какой-нибудь хитро-разсчитанной западни. Севастополь, прошумѣвшій славою своей неприступности по всей Европѣ, этотъ чер-

номорской Гибралтаръ, вдругъ лежить передъ ними, открытый со всѣхъ сторонъ, какъ мирная ферма. Но неволѣ самый опытный и рѣшительный полководецъ призадумается прежде, чѣмъ сунется въ такое слишкомъ заманчивое мѣсто. «Это его татары обманули, кругомъ обвели!», разсказыватъ мнѣ матросыкъ: «а когда бы онъ съ Бельбека прямо пошелъ на Сѣверную, такъ всѣхъ бы насы, какъ барановъ, живьемъ побралъ. Онъ мины боялся, оттого и не пошелъ сразу въ городъ; сталъ строить батареи: *а мы тоже себѣ стали строить; онъ насыпетъ — и мы насыпимъ, онъ ровъ — и мы ровъ;* такъ и стоямъ другъ противъ дружки. Потомъ ужъ онъ стать палить; два мѣсяца очень страшно было, а потомъ ничего. Ему было способно, а мы въ кругѣ. Его ядро никогда попустому не пропадало: въ батарею не попадеть, домъ разбѣсть, народъ побѣсть. У насъ все одинъ бѣться, пока самъ не упадетъ, а у нихъ все свѣжіе: одинъ отошелъ, другаго пускаютъ. Ихъ такая сила,— конца нѣту! четыре земли. Въ Камышѣ какъ станутъ корабли,— лѣсь дремучій. А тутъ еще нашихъ главнокомандующихъ настоящихъ побили: Нахимова, Корнилова, Истомина, командовать некому. Шесть мѣсяцевъ ничего еще было: торговля шла, и народъ жилъ. Потомъ стали силомъ народъ гнать, кого на Сѣверную, кого куда: бомбардировка пошла. Три раза *его* отбивали. Послѣдній разъ уходить уже собрали: *дай, говорятъ, всѣмъ войскамъ подарю: войду — войду, не войду — пойду совсѣмъ прочь.*».

Этотъ безхитростный разсказъ съ особеною образностью и наивностью нарисовалъ мнѣ положеніе нашей знаменитой твердыни въ моментъ появленія предъ нею непріятеля. «Онъ строитъ — мы строимъ; онъ насыпь — мы насыпь!» Чего же лучше? Настоящая Спарта, ограждающая себя, вмѣсто стѣны, храбростью своихъ гражданъ. Можетъ быть, это бы вышло хорошо

въ древней исторіи, противъ європы или персовъ, но *немножко слишкомъ простодушино* въ вѣкъ штуцеровъ и стальныхъ пушекъ. Столько же было подготовленій стратегическихъ, сколько фортификаціонныхъ. Увѣряютъ, что въ моментъ высадки, въ отрядѣ, стоявшемъ на Бурлюкѣ, не было ни одного офицера генерального штаба. Да и войска къ альминскому дѣлу были собраны насокро, кой-откуда: московскій полкъ, говорятъ, прибѣжалъ наканунѣ изъ Керчи въ самомъ плачевномъ видѣ, и двинуть было въ дѣло совершенно уже утомленный. За то и осталось его много! жители не могутъ вспомнить безъ ужаса, сколько стоила намъ альминская битва. Въ Бахчисарай, въ Симферополь, везли безконечные обозы раненыхъ, изувѣченныхъ, а арміи нигдѣ не было. Немудрено, что присутственный мѣста бѣжали. Жители Симферополя выѣзжали за городъ на близайшіе холмы, и видѣли оттуда мѣсто высадки; отъ нальбы дрожали окна въ городѣ. Раненыхъ везли обозы за обозами, а въ городѣ не было ни одного военнаго госпиталя, ни одного фельдшера, не говоря уже о корпіяхъ, лекарствахъ и проч. Завозили прямо въ обычательскіе дома и сваливали кому попало, не освѣдомляясь послѣ, живъ ли, умеръ ли. Мнѣ показывали сараи, где вповалку, *на голой землѣ*, лежали смертельно раненые. Солома была роскопъ не для всѣхъ. Всѣ публичныя зданія и множество частныхъ завалены были ранеными, оставленными не только безъ леченія, но и безъ помощи, безъ приемотру. Жители приняли энергическое участіе въ судьбѣ несчастныхъ, и первое время одни замѣняли, сколько могли, комисариатъ и докторовъ. Но и потомъ, когда устроились госпитали, когда ихъ линія протянулась до самаго Харькова, и тогда бѣдные герои, неудостоившіеся смерти, должны были много страдать. Читатель, можетъ, не вѣритъ, и я желаю бы не вѣрить тому, что помнятъ очевидцы. Отъ

Бахчисарай до Симферополя, въ невылазной грязи, стояли или ползли подводы, въ которыхъ люди съ оторванными руками, съ прострѣленою грудью, съ размозженными головами, лежали почти другъ на другѣ, безъ постилки и покрышки, истекая кровью. Некормленные волы и надорванныя клячи лежали въ грязи, потерявъ надежду дотянуть по баснословнымъ грязямъ свои возы; некормленные и неоплаченные погонщики съ суровымъ равнодушіемъ стаскивали съ воза скончавшихся во время пути, и оставляли ихъ на дорогѣ. Люди, лошади, телеги, валялись на пространствѣ тридцати верстъ. Когда же, наконецъ, сутокъ въ трое, добирались до города, начиналось скитаніе по улицамъ, отъ дома къ дому: тамъ не принимаютъ, тамъ нужно исполнить разныя формальности: одинъ пересыпаетъ къ другому, одинъ за другимъ отказывается, словно ни на комъ не лежала обязанность принять этотъ печальный поѣздъ изувѣченныхъ героевъ. А несчастные солдатики, стоявшие грудью за безопасность этихъ самыхъ бессердечныхъ эксплуататоровъ своихъ, лежатъ себѣ часы за часами, иногда буквально цѣлый день, на своихъ возахъ некормленные, несогрѣтые, облитые только собственою честною кровью. Нѣкоторые замерзали на возахъ. Изувѣченные солдаты встрѣчались на дорогахъ просияющими Христа ради, и я знаю людей, подававшихъ имъ милостыню. И это не сцена изъ египетскаго похода, не экспедиція въ безлюдныхъ и невѣдомыхъ мѣстахъ Азіи, а война долго ожидавшаяся и долго подготавливавшаяся на родной землѣ, среди края всѣмъ обильного, среди всѣхъ учрежденій правильного государственного порядка. Особенно по горную славу пріобрѣли себѣ такъ-называемые *погонщики*; они были учреждены въ видахъ облегченія разныхъ комиссаріатскихъ формальностей для перевозки снарядовъ, припасовъ, раненыхъ и проч. Каждому офицеру давалась команда

погонщиковъ, телеги, волы, и отпускалась, по разсчету, въ безотчетное распоряжение определенная сумма на содержание людей, скота и повозокъ. Симферопольцы долго не забудутъ этихъ благородныхъ дѣятелей общественного дѣла. Офицеры эти, набранные изъ людей довольно низкаго разбора, необразованныхъ, бѣдныхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени стали первыми гостями города: завели кареты, стали вести огромную игру, держать любовницъ, заливать шампанскимъ разные веселые пріюты: евреи ухаживали за ними, какъ за откупщиками. Зато ихъ команды далеко не кутили. Ни людямъ, ни животнымъ не отпускалось ровно ничего. Тошнѣ волы бродили по опустошеннымъ окрестностямъ, а люди кормились ради Христа, по дворамъ жителей, или таскались по дорогамъ. Этотъ грабежъ совершился съ такою наглою откровенностью и съ такою послѣдовательностью на глазахъ общества и начальства, что поистинѣ смущаетъ всякое соображеніе.

Слушая про это голоданье нашихъ солдатъ, про ихъ хроническія лишенія всякаго рода, я съ недоумѣніемъ вспомнилъ о тѣхъ несметныхъ количествахъ провіанта, которыя наши губерніи съ такимъ трудомъ высыпали въ пособіе крымской арміи. Я живо помню, какъ все мы снаряжали лошадей и людей, тогда еще крѣпостныхъ, отрывая ихъ надолго отъ необходимой работы; покупали телеги, насыпали мѣшки мукою, пекли сухари и отправляли все это на свой счетъ, за тысячу и болѣе верстъ, безконечными обозами. Но мнѣ сказали, что наши мѣшки погнули и попрѣли, не дойдя до солдатскихъ желудковъ. Говорятъ, они долго стояли исполинскими стѣнами, на выгонахъ Симферополя и другихъ городовъ, обуреваемые стихіями; и пока комисаріатское вѣдомство нашло минуту освидѣтельствовать ихъ, чтобы внести ихъ въ свои вѣдомости, они успѣли покориться общему закону всего земнаго, ненуждающемся въ

нѣдомостяхъ. Замѣчательно, что мужики, привозившіе нации *пожертвованія*, принуждены были *платить за право сдать это пожертвованіе*; иначе, ихъ держали безконечно долго, а кормить лошадь и себя въ странѣ, разоренной войною, сдѣлавъ тысячеверстный путь по столько же разореннымъ дорогамъ, составляѣтъ немаленький расчетъ.

Это обстоятельство извѣстно мнѣ не изъ однихъ крымскихъ источниковъ. Одна изъ подгородныхъ владѣлицъ рассказывала мнѣ, между прочимъ, какъ тоили въ ея прудѣ многія тысячи мѣшковъ съ мукою, до того испортившіеся подъ дождемъ, что ея не Ѣль даже скотъ.

Странная вещь! вмѣсто того, чтобы гнать и разстрѣливать на мѣстѣ воровъ-чиновниковъ, у насъ гнали и разстрѣливали самое честное изъ крымскихъ племенъ — татарь. Никого такъ не обидѣли въ эту войну, какъ это тихое и полезное племя. Его опозорили измѣною; его заставили покинуть древнюю родину, гдѣ только одинъ татаринъ можетъ жить счастливо и безъ нужды. Кто былъ въ Крыму хоть одинъ мѣсяцъ, — тотъ тотчасъ же узнаетъ, что Крымъ погибъ послѣ удаленія татаръ. Они одни переносили этотъ сухой зной степи, владѣя тайнами извлеченья и проведения воды, разводя скотъ и сады въ такихъ мѣстахъ, гдѣ долго не уживается нѣмецъ или болгаринъ. Сотни тысячъ честныхъ и терпѣлихъ рукъ отняты у хозяйства, стада верблюдовъ почти исчезли; гдѣ прежде ходило тридцать отаръ овецъ, тамъ ходить одна: гдѣ были фонтаны, тамъ теперь пустые бассейны; гдѣ была многолюдная, промышленная деревня, — тамъ пустыри; и эти пустыри, какъ прежнія деревни, наполняютъ теперь цѣлые уѣзды. Проехжайте, напримѣръ, Евпаторійскій уѣздъ, и вы подумаете, что путешествуете по берегамъ Мертваго моря. Дороговизна рукъ и жизненныхъ припасовъ, съ ухо-

домъ татаръ, возросла до невыносимыхъ размѣровъ, которые просто могутъ разогнать послѣднее скудное населеніе крымскихъ городовъ. Словомъ, Крымъ по уходѣ татаръ, — это домъ послѣ пожара. Но, можетъ быть, татары дѣйствительно измѣнили, и уходъ ихъ сдѣлался необходимъ, какъ бы онъ ни былъ достоинъ сожалѣнія? Я думалъ такъ, вѣзжая въ Крымъ, и мнѣ даже на дорогѣ разсказывали объ измѣнѣ татаръ русскій ямщикъ, который меня везъ. У насъ въ Россіи этотъ фактъ видѣлся всякаго сомнѣнія. Но здѣсь я не встрѣтилъ ни одного старожила, который не презиралъ бы отъ всей души этихъ гнусныхъ нареканій на татарина, сдѣлавшихъ несчастіе цѣлаго края. Въ одинъ голосъ говорятъ, что безъ татаръ мы пропали бы въ крымскую войну: всѣ перевозочные средства и всѣ жизненные припасы были исключительно въ ихъ рукахъ. Послѣ альминской битвы, весь полуостровъ къ сѣверу отъ горъ былъ безъ войска; непріятельские разѣзды подѣвѣзжали къ Бахчисараю, въ которомъ было десять казаковъ; въ Евпаторії стоялъ непріятель, а Евпаторія отъ Симферополя въ 63 верстахъ пути, гладкаго, какъ плита. Начальство и полиція покинули Симферополь. Какого бы, кажется, ждать лучше случая для возмущенія? Бахчисарай сплошь весь татарскій; тамъ центръ мусульманскаго фанатизма, мусульманскихъ преданій, мусульманскаго богатства и разума; Симферополь на три четверти состоялъ изъ татаръ... Вокругъ по степи, по долинамъ многолюдныя и старинныя татарскія селенія.

Кто же и что же мѣшало ноголовному возстанію? И, надо признаться, у татаръ были немалые поводы къ неудовольствію. Они были въ тискахъ мурзаковъ хуже, чѣмъ крѣпостные. У нихъ отнималось все время и весь трудъ за право жить на землѣ помѣщика; имъ ежеминутно грозили выгономъ. «Мы бы пошли отъ мурзаковъ въ огонь, а не только въ Түрцию», говорилъ

мнѣ одинъ татарскій либералъ. Что дѣлали, сверхъ того, чиновники, это можно себѣ представить по тому, что они дѣлаютъ теперь; съ другой стороны, наши чиновники, умѣющіе хорошо блести за поборами, не съумѣли во-время остановить пропаганду мюхамеданскихъ фанатиковъ, которые задолго до войны распространились по Крыму, подосланные Портою, и всѣми средствами возбуждали въ жителяхъ религіозную ненависть.

Немудрено, что отдѣльные личности были вовлечены тѣмъ или другимъ способомъ въ борьбу противъ Россіи. Но спокойствіе городовъ и округовъ, въ которыхъ сосредоточивалось татарское населеніе, есть безспорное доказательство того вѣрноподданническаго и миролюбиваго настроенія, которое выказали татары, говоря о нихъ вообще. Полицеймейстеръ Бахчисарай г. Ш.. одно изъ самыхъ компетентныхъ лицъ въ сужденіи о чувствахъ и поведеніи татаръ, былъ на той же должности еще въ день высадки. У него, въ теченіе самыхъ опасныхъ дней, пока наша армія не заняла еще бельбекскихъ высотъ, не было въ городѣ ни одного случая неповиновенія; въ Симферополь громко говорили, что, по отъѣзду жандармовъ и полиції, татары пережгутъ русскихъ: нѣть никакого сомнѣнія, что татары знали объ этихъ публичныхъ толкахъ и были раздражены ими; и однако — жандармы вышли, и ни у одного жителя не слетѣло волоса съ головы. Обыкновенно, въ доказательство измѣны приводятъ дѣло подъ Евпаторіей, когда татары стрѣляли въ русскихъ; но, спрашивается, многіе ли бы и не изъ татаръ не стали стрѣлять въ своихъ, когда бы за ними стояли плѣнившіе ихъ враги, съ наведенными на нихъ ружьями; а это буквально было подъ Евпаторіей, гдѣ союзники выставили татаръ впередъ и велѣли имъ стрѣлять, а сами выстроились за ними. Вообще Евпаторійскій уѣздъ счи-

тался особенно возмущающимся. Действительно, татары уже бельше не слушались русскихъ становыхъ, которые бѣжали прочь или сидѣли въ плѣну, а слушались нового начальства, которое было введено союзниками, по занятіи уѣзда. Но развѣ мы, русскіе, также не слушались бы ихъ? Татары, дѣйствительно, оскорбляли и наказывали свое бывшее начальство, попавшееся имъ въ руки; но я знаю изъ словъ человѣка, бывшаго тоже становымъ въ занятой мѣстности и также попавшаго въ плѣнъ, что татары позорили и били только тѣхъ взяточниковъ и притѣснителей, которыхъ прежнее жестокосердіе съ ними не давало никакихъ поводовъ къ снисхожденію: напротивъ того, люди добросердечные и непріятательные были охраняемы ими въ плѣну, какъ гости, и не получили ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Опять спрашивается, развѣ это добровольная измѣна правительству? Даже въ самой мѣстности высадки, татары оставались спокойными и вѣрными. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ помѣщиковъ, на другой день высадки, пріѣхалъ въ свое имѣніе, находившееся недалеко отъ Бурлюка, и приказалъ жечь сѣно и хлѣбъ, при первомъ приближеніи непріятеля: татары приложили руки къ сердцу и обѣщали исполнить приказъ. Пріѣхать непріятель, и сѣно было зажжено. Вотъ вамъ измѣнники! Впрочемъ, еслибы татары, наконецъ, дѣйствительно измѣнили, ихъ слѣдовало бы оправдать. Нужно быть истиннымъ поклонникомъ Аллаха и Фаталистомъ, чтобы спокойно переносить то, что дѣлали съ этими бѣднымъ народомъ во время кампаніи. Одинъ изъ военныхъ начальниковъ, прославившійся позорнымъ пораженіемъ, своимъ недалеко отъ Евпаторіи, первый разъ унизвшій русское знамя и отдавшій безъ боя русскія шушики, въ оргіяхъ своихъ, свидѣтели которыхъ еще живы, раздѣвалъ стариковъ татаръ до-гола, завертывали въ простыни, и нещадно сѣкъ фухтелями. въ при-

существи своихъ собутыльниковъ. Онъ называлъ это истреблениемъ измѣны; измѣнникъ былъ виноватъ только въ томъ, что шелъ изъ одной деревни въ другую и былъ встрѣченъ казакомъ. Если собиралась гдѣ кучка татарь, человѣкъ въ двадцать, въ нее стрѣляли. Это была тоже измѣна. Казакамъ такъ понравилась эта идея, что они на весь Крымъ стали смотрѣть, какъ на измѣнниковъ. Подъ этою фирмой они угоняли стада овецъ, выжигали цѣлые деревни, даже усадьбы русскихъ помѣщиковъ, которыхъ я могъ бы назвать по именамъ и которыхъ знаетъ весь Крымъ; они врывались въ дома, какъ завоеватели; били зеркала, кололи перины, мебель, отыскивая сокровища; татары бѣжали отъ нихъ то въ лѣсъ, то къ непріятелю.

Да и солдатики наши невсегда отставали отъ казаковъ. Характеренъ разсказъ одного очевидца о высадкѣ въ Кантуганѣ. По выѣздѣ помѣщиковъ, въ домѣ оставалась только прислуга, лакей и нѣсколько женщинъ. Первый входить въ домъ маршалъ Сент-Арно; онъ спрашиваетъ: гдѣ хозяева? Ему говорятъ: уѣхали.— Напрасно; они бы могли спокойно оставаться здѣсь; а гдѣ кабинетъ хозяина? — Показываютъ кабинетъ. — Гдѣ спальня? — Ведутъ въ спальню. Маршалъ видитъ иконы и приказываетъ убрать ихъ, чтобы турки не оскорбили ихъ; женщина снимаетъ иконы, и маршалъ, тщательно завернувъ ихъ, прячетъ въ кабинетъ. Онъ живеть въ домѣ, оставляя все въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ, не позволивъ себѣ коснуться ни до одной бумажки. Всѣ солдаты и офицеры живуть въ деревнѣ такъ же скромно, какъ самые вѣжливые гости. Когда лакей владѣльца пожаловался маршалу, что солдатъ портитъ деревья, привязывая къ нимъ лошадей, виновный тотчасъ былъ выведенъ передъ фронтъ и вздутъ линьками. «Мы не для того пришли сюда, чтобы разорять чужія хозяйствства», объявилъ ему маршалъ. Правда, въ деревнѣ за-

хватили стадо быковъ, не спрашивая согласія; но заплатили за нихъ чистымъ золотомъ. Татаринъ-пастухъ, впослѣдствіи, передалъ своему помѣщику нѣсколько десятковъ гиней, уплаченныхъ непріятелемъ. Когда Сент-Арно выѣхалъ изъ Кантугана, онъ заперъ кабинетъ на ключъ и приказалъ передать его хозяину, вмѣстѣ съ собственоручнымъ письмомъ. Тотчасъ по выходѣ французовъ, нахлынули въ деревню и наши. Братъ владѣльца былъ по близости и поспѣшилъ посѣтить домъ; въ кабинетѣ онъ засталъ двухъ офицеровъ, съ большимъ вниманіемъ разбирающихъ хозяйскія бумаги; одинъ офицеръ былъ даже его сослуживецъ. Все было въ крайней степени беспорядка и разрушенія; на рояли нацарапанъ былъ кремнемъ, большими буквами, плодъ поэтическаго армейскаго досуга: «ахъ, какъ жаль, прекрасная рояль»; даже потолки были пробиты пиками казаковъ, которые, повидимому, вездѣ предполагали золотыя кубышки.

Это мнѣ разсказывалъ очевидецъ, принадлежащий къ семейству владѣльца.

VII.

Трахейскія святыни.

Общая картина Трахеїскаго полуострова и его исторія.—Херсонесский монастырь.—Георгиевский монастырь.—Благословѣнъ моремъ.

Не успокоительны для меня окрестности Севастополя. Хотя многочисленныя могилы его обнесены оградами и освѣнены крестами, однако, мнѣ почему-то кажется, что и здѣсь, въ чистомъ полѣ, я на могилахъ. Здѣсь, собственно говоря, нѣтъ нашего русскаго чистаго поля; здѣсь все кругомъ, на многія verstы, беспорядокъ и разрушеніе; остатки лагерей, траншей и редутовъ, всѣ эти памятники войны—еще не главный элементъ разрушенія.

Какая-то сильнейшая и древнейшая сила работаетъ здѣсь втихомолку. Камни выпираются изъ подъ земли, какъ кости обглоданного трупа, камни сыпятся съ горъ; на каждую пядь земли придется камень. Плугъ и даже соха безсильны въ этой тучной и теплой почвѣ, чреватой всяkimъ обиліемъ. Она просто не дается человѣку. Кой-гдѣ только, въ долинахъ, обрабатываются небольшія полоски.

Признаюсь, мнѣ, жителю чисто-русскаго края, немного здѣсь страшно и неуютно.

Мы не привыкли къ такой неопределенноти и къ такому своеолію мѣстности: у насъ все гладко и ровно, все приоровано къ хозяйству, хотя бы самому нехитрому: поле, такъ поле, парень, такъ парень, выгонъ такъ выгонъ. Эта десятина принадлежитъ Ивану Петрову, а эта Петру Иванову, съ незапамятныхъ лѣтъ. Здѣсь умеръ дѣдъ этого Ивана Петрова, сюда же пріѣдетъ и внукъ его.

Не то вокругъ Севастополя и вообще въ большей части крымскихъ мѣстностей. Тутъ хутора и экономіи кажутся затерянными въ пустыхъ каменныхъ буера-кахъ; словно они явились совершенно нежданно-негаданно, на одну минуточку, а завтра опять пропадутъ... Ихъ именно почти никто не знаетъ. Нынче принадлежитъ одному, завтра другому.

Въ кучахъ мусора, наполняющихъ мѣстность, жилища эти кажутся только большими кучами. Какъ-будто никому они не нужны, никѣмъ не берегутся, какъ-будто вся окрестность — одинъ громадный неубранный дворъ, лишенный своего хозяина. А между тѣмъ, среди этого мусору растетъ миндаль, персикъ, такъ же легко, какъ у насъ на черноземѣ ракита: а въ двухъ шагахъ отъ этого разоренного поля — теплое море съ прекрасными бухтами.

Грустно и неловко. Такъ долженъ чувствовать себя впечатлительный путешественникъ Сирії, полирая останки великихъ городовъ и великихъ империй.

Кругомъ сонъ и тишина; прошедшее со всей полнотой своей жизни стоитъ въ мрачной дали, совершенно чуждое скучному настоящему...

Не даромъ эти камни производятъ впечатлѣніе разоренныхъ могилъ.

Земля, на которой стою я, действительно могила,— великая тысячелѣтняя могила.

Мы такъ свыкаемся съ своими предразсудками, что дѣлаемся не въ состояніи анализировать ихъ. Вѣра въ исторический прогрессъ часто затемняетъ намъ столь же несомнѣнное зреюще исторического регресса, которое внимательному глазу встрѣчается чаще, чѣмъ, можетъ быть, разсчитываютъ.

Если вспомнишь, что Цицероны и Тациты, въ 18-ть или 19-ть столѣтій, развились до современного неаполитанца и римского капуцина, а Периклы и Сократы до настоящихъ членовъ афинскаго законодательного собрания, то невольно призадумаешься, прежде чѣмъ поклонишься прогрессу.

Трахейскій полуостровъ, составляющій теперь ничтожную часть Ялтинскаго и Симферопольскаго уѣздовъ, подвѣдомственный, въ числѣ прочаго, уѣздной земской полиціи, въ болѣе счастливое для него время быль отдельнымъ, довольно могущественнымъ государствомъ, посыпалъ флотиліи, отражалъ флотиліи, воздвигалъ и бралъ крѣпости, велъ дѣятельную торговлю съ далекими странами міра и считался у сосѣдей опаснымъ врагомъ и дорогимъ союзникомъ.

Въ то время этотъ пустынныи уголокъ быль однимъ изъ немногихъ центровъ свѣта и жизни, ярко сверкавшихъ среди неподвижнаго мрака невѣжества.

Въ немъ горѣлъ благородный геній грековъ, освѣтившій путь всей нашей европейской исторіи.

Мы, русскіе, тоже почерпнули здѣсь свѣта, въ лицѣ нашего равноапостольнаго князя.

Трахейскій полуостровъ значитъ *каменистый полуостровъ*. Онъ называется тоже Гераклейскимъ, по имени гераклейскихъ поселенцевъ, основавшихъ на немъ знаменитый Херсонесъ; временемъ основанія его считается начало VI вѣка до Р. Х.; въ это же время были осно-

ваны и другія древнѣйшія колоніи грековъ на Крымскомъ полуостровѣ: Феодосія, Пантикапея, Каркинитъ и пр. Гераклейскій полуостровъ составляется съ одной стороны (съвер.) Севастопольскою бухтою, древнимъ Ктенунтскимъ заливомъ, а съ запада и юга окружено моремъ, которое изрѣзываетъ его множествомъ бухтъ и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи весьма похожимъ на Пелопонезъ; немудрено, что этотъ юго-западный уголъ Крыма, такъ напоминавшій грекамъ Грецію, первый обратилъ на себя ихъ вниманіе. На юго-востокѣ полуостровъ нѣсколько отрѣзывается отъ остального Крыма узкою Балаклавскою бухтою, названною у Страбона *узкоустою*. Съ съверо-востока же его отрѣзаетъ отъ остального Крыма Черная рѣчка (*Біюкъ-Узень*, *Чоргунъ*, и проч.), бѣгущая въ направленіи отъ юго-востока къ съверо-западу. Ея болотистая долина проходима только въ немногихъ мѣстахъ. Такъ образовался крошечный уголъ земли, которымъ овладѣли гераклейскіе колонисты. Обладая самыми широкими средствами къ развитію морской торговли, онъ въ тоже время былъ почти совершенно отдѣленъ отъ соѣдніхъ народовъ, сначала тавроскиѳовъ, потомъ готоѳовъ, потомъ половцевъ, казарь и т. д. Кромѣ того, гераклеицы провели стѣну для защиты своей восточной границы, начиная отъ Балаклавской бухты прямо къ устью Черной.

Еще недавно видѣли по этому направленію ея слѣды наши ученые путешественники: Кларке, Палласъ, Муравьевъ.

На этомъ пространствѣ, въ нѣсколько квадратныхъ верстъ каменистой почвы, процвѣталъ, почти двѣ тысячи лѣтъ, знаменитый городъ, со множествомъ окрестныхъ селеній, заводовъ и всякаго рода торговыхъ и хозяйственныхъ учрежденій; здѣсь были разведены прекрасные сады, проведены водопроводы; вся страна, по свидѣтельству современниковъ, представляла видъ цвѣ-

тущаго сада или оживленного города; въ городе было много статуй и храмовъ; въ Инкерманѣ добывался отличный камень; по берегамъ Каламитскаго залива выволакивали соль; рыбу ловили не только по крымскимъ берегамъ, но и при устьѣ Днѣпра. Все это везли въ Грецию, въ Малую Азію, въ Египетъ, и Херсонесъ былъ предметомъ удивленія и зависти окрестныхъ племенъ. Но, имѣя богатство, онъ имѣлъ и силу.

Гунны, столько сокрушившіе на своемъ пути, осаждали его тщетно; турки въ VI вѣкѣ также отступили отъ него безъ успѣха; мы знаемъ потомъ, какъ крѣпко держалась Корсунь противъ нашего Владимира; а ужъ это было время упадка. Корсунь выдержала много враговъ: владѣли Крымомъ и понтийцы, и римляне, и татары, но она при всѣхъ повелителяхъ умѣла сохранять независимость своей жизни. Въ IX вѣкѣ она признавалась главою греческихъ городовъ. Она долго составляла особую епископію, чуть-ли не съ IV вѣка; полагаютъ, между прочимъ, что апостолъ Андрей Первозванный прїѣзжалъ проповѣдывать именно въ Херсонесъ.

Кто же откроетъ подъ этими кучами мусора, заваливающими Трахейскій полуостровъ, слѣды широкой и шумной дѣятельности многихъ столѣтій? Деревня Карану и нѣсколько разсѣянныхъ хуторовъ,— вотъ что уцѣлѣло теперь на немъ, взамѣнъ сплошныхъ сельбищъ прежняго времени... Изсякли водопроводы, надѣ разоренiemъ которыхъ трудился князь Владимиръ; мраморные храмы сравнялись съ землею, и даже плиты ихъ расхищены каменщиками для постройки солдатскихъ казармъ въ Севастополѣ. Молчить торговля, посѣщающая эти многочисленныя глубокія бухты въ гораздо труднѣйшія времена и, вмѣсто золотыхъ талантовъ, морскія волны высыпаютъ на трахейскіе берега только разноцвѣтные голыші. Куда улетѣло все это? Чей таинственный плугъ такъ безслѣдно запахалъ исторію въ

безответную каменистую почву? Для насть неважны въ этомъ случаѣ исторические факты, неважна осада Владимира, неважно даже послѣднее разрушеніе Херсонеса Ольгердомъ Литовскимъ въ 1363 году. Онъ паль, какъ падаетъ все на землѣ — это, разумѣется, само собою. Но мысль спрашивается: отчего же нѣтъ третьаго Херсонеса, такого же торгового и могущественнаго, на мѣстѣ, оказавшемся столь удобнымъ, и въ вѣкъ, несравненно болѣе счастливый? Вѣдь разорены же были зданія первого Херсонеса и пересены были на другой пунктъ полуострова, гдѣ возникъ новый Херсонесъ, второй, или такъ-называемый Корсунъ; и однако же судьба херсонесцевъ не измѣнилась черезъ это къ худшему.

Почему же нашъ Севастополь, имя котораго означаетъ знаменитый городъ, не сталъ дѣйствительно такимъ же знаменитымъ, какъ Корсунъ, на могилѣ которой онъ выросъ? Севастополь, правда, знаменитъ, но далеко не тѣмъ, про что мы говорили. Историки много толкуютъ о вліяніи географическихъ и климатическихъ условій на исторію; но кромѣ географіи, какъ видно, есть этнографія, которой выводы дѣлаютъ иногда ничтожными всѣ другіе выводы. Видно, не даромъ въ рабочемъ скотѣ верблюджъ сильнѣе буйвола, буйволъ сильнѣе вола, какой хомутъ ни надѣвайте на нихъ.

Племена людскія имѣютъ тѣ же различія и характерные свойства. Чѣмъ былъ на Трахейскомъ полуостровѣ гераклейскій грекъ, тѣмъ, значитъ, не можетъ быть русскій купецъ или русскій чиновникъ.

Зеленый садъ, въ рукахъ одного, превращается въ рукахъ другаго въ бесплодный сухой пустырь, хотя вода, почва, небо и солнце остаются безъ перемѣны.

Большая разница, когда жизнь кипитъ свободно и самостоятельно, безпрепятственно выбирая для себя пути и средства, принимая на собственный страхъ свое

счастіе и несчастіе, свой барышъ и убытокъ; или когда она вгоняется въ рамки, приготовленныя для нея постороннею рукою, и заводится, какъ безсознательная машина, на опредѣленный срокъ, для опредѣленной цѣли, по опредѣленному размѣру.

Разсчеты и размѣры, предначертанные заранѣе, рѣдко оправдываются единственнымъ ихъ знатокомъ и критикомъ.— текущою жизнью.

Чиновничий города, разумѣется, будуть бессильны въ томъ дѣлѣ, которое спорилось въ рукахъ свободной общины.

Исторія Херсонеса, конечно, много обязана тому гражданскому устройству, подъ которымъ жили обитатели Херсонеса, и которое у разныхъ племенъ, въ разные вѣка, у финикийцевъ, какъ у голландцевъ, при самыхъ разнообразныхъ географическихъ и климатическихъ обстоятельствахъ, въ Америкѣ, точно также какъ въ Африкѣ и Европѣ, приводить всегда къ одному и тому же благому и естественному результату.

Херсонесский первоклассный монастырь стоитъ какъ разъ на мѣстѣ развалинъ знаменитаго Херсонеса. Караантинная бухта отдѣляетъ его отъ Севастополя, а море стелется у самыхъ его ногъ. Развалины древняго города занимаютъ большое пространство; но онѣ такъ смѣшаны съ развалившимися насыпями батарей и траншеи, съ разореннымъ лагеремъ, что пропадаетъ охота разыскивать ихъ подробно. Монастырь неуютенъ, некрасивъ и не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи. Подобно усадьбамъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, онъ словно вчера построенъ и завтра опять исчезнетъ.

Его дворы и немногія церкви какъ-то оторваны другъ отъ друга и будто еще не выкарабкались изъ тысячелѣтняго мусора, на которомъ возникли.

Общее впечатлѣніе — неустройство и беспокойство.

Впрочемъ, настоящій монастырь — новый, только что строится.

Хотя храмъ св. Владимира, надъ мѣстомъ крещенія равноапостольного князя, едва выведенъ до половины нижняго этажа, но зато совершенно отстроены великолѣпныя палаты для помѣщенія архимандрита съ братію.

Палаты эти значительно громаднѣе двухъ бѣдныхъ церквей, построенныхъ въ первый разъ на развалинахъ Херсонеса, еще при преосвященному Иппонентіи.

Но эти палаты также не имѣютъ никакой архитектурной физіономіи, и уже во всякомъ случаѣ болѣе похожи на французскій замокъ, чѣмъ на греческій или русскій монастырь.

Вокругъ дома большая чистота и порядокъ; садикъ дѣятельно разводится кругомъ, у крылецъ оранжерейныя растенія въ кадкахъ, вездѣ лакъ, блескъ, парадѣт; недостаетъ швейцара съ булавой и красною перевязью.

Храмъ Владимира, судя по плану и началу кладки, будетъ простъ и величественъ, вполнѣ въ русскомъ стилѣ. Посерединѣ его еще стоитъ древній мраморный престолъ, нѣсколько обломанныхъ мраморныхъ колоннъ да нѣсколько мраморныхъ ступеней. Тутъ же что-то въ родѣ колодца. Увѣряютъ, что это именно тотъ храмъ, въ которомъ крестился Владимиръ; но, кажется, нѣтъ на это серьезныхъ данныхъ.

Рядомъ съ этимъ храмомъ уцѣлѣли остатки другаго или, можетъ быть, только придѣла его. Мраморныя ступени въ немъ идутъ амфитеатромъ, и форма постройки храма ясно замѣтна.

Повидимому, эти сидѣнья полукругомъ были устроены въ алтарѣ для духовенства, стало быть, храмъ этотъ былъ мѣстомъ соборного служенія.

Подалѣе, я нашелъ сѣды еще двухъ храмовъ, совершенно подобныхъ этимъ; все они небольшіе, имѣютъ

въ планѣ форму креста, всѣ обдѣланы бѣлымъ мраморомъ. Обломковъ колоннъ, карнизовъ, престоловъ, сидѣній, крестовъ — до сихъ поръ такое множество, что они сложены кучами въ монастырскихъ дворахъ. Но цѣнныхъ или интересныхъ находокъ уже не открываютъ въ послѣднее время. Французы во время войны много разорили Херсонесъ, частію своими археологическими раскопками, а еще болѣе батареями.

Еще недавно путешественники видѣли въ развалинахъ Херсонеса гораздо болѣе цѣльного и любопытнаго.

При работахъ вырываютъ множество череповъ и другихъ костей. Ихъ собираютъ въ особенный склепъ подъ крестомъ, открываясь какъ-то съ боку. Я заглянулъ въ него и увидѣлъ цѣлый магазинъ могильнаго товару, опрятно сложеннаго по сортамъ, бедра къ бедрамъ, черепа къ черепамъ — богатый кладъ для краинологовъ. Покопавшись въ разныхъ грудахъ и ямахъ, которыми покрытъ берегъ, и набравъ себѣ дешевую археологическую коллекцію, я отправился изъ Херсонеса, весьма мало удовлетворенный всѣмъ, что видѣлъ.

До Георгіевскаго монастыря отъ Севастополя 12 верстъ.

Ѣдешь по самой постылой дорогѣ. Пустырь и разоренъ. Разрушенные хутора, осипавшіяся траншеи, холмы батарей, и во всемъ и на всемъ камни. Откуда только берутся они?

Когда Ѣдешь, съ одной стороны видишь Камышевую бухту, гдѣ жили наши враги, съ другой стороны — церковь и ограду кладбищъ, гдѣ они похоронены. Ихъ кладбище похоже на маленькую опрятную деревеньку; особый смотритель-французъ и сторожъ живутъ при немъ, оберегая прахъ, священный для отечества даже на далекой чужбинѣ.

Бхалось долго, и хотя извощикъ разсказывалъ мнѣ въ это время много интереснаго объ осадѣ Севастополя, все-таки соскучилось. Вижу вдругъ на пустынномъ полѣ какая-то неуклюжая колокольня, около нея длинныя казармы. Это что? Георіевскій монастырь...

Признаюсь, стоило трястись 12 верстъ по камнямъ и платить 3 рубля, чтобы увидѣть эти казармы. Во-кругъ ни клочка моря, ни клочка горы. Пустыня сама поднимается горою къ горизонту, и на краю торчить самый прозапечскій монастырь. Недовольный, подъѣзжанъ къ оградѣ: не легчаетъ: все тотъ же солдатскій ранжиръ и солдатское безвкусіе... Куда идти?

Проходитъ монахъ по двору.

— Батюшка, я желалъ бы осмотрѣть монастырь!

— А пдите-себѣ съ Богомъ, вонъ внизъ, подъ колокольню, тамъ все увидите.

Пошелъ въ подъѣздъ подъ колокольню; тамъ ступени внизъ. Спускаюсь, вышелъ — Господи! да гдѣ я?

Одинъ шагъ изъ мертвой, безобразной пустыни, и меня вдругъ охватило могущественное и грозное великолѣпіе... Передо мною, на страшной глуби и на страшное пространство, колыхалось синее, волнующееся море, переливавшее зеленью, багряцемъ, серебромъ и чернью. Громадные утесы, обглоданные, оборванные, шагнули съ обѣихъ сторонъ въ это ревущее море.

Больше ничего не было: это была какая-то безумно-смѣлая, волшебная декорациѣ, ничего похожаго на то, что я когда-нибудь видѣлъ. Она горѣла и сверкала свѣтомъ и красками. Она шумѣла и колыхалась одна въ своей великколѣпной пустынности, безъ человѣка, безъ птицы, безъ живаго дыханья. Она дышала, говорила, смотрѣла сама, не нуждаясь ни въ чёмъ и ни въ комъ, сама нѣмая и безокая красота. Образы искусства и поэзіи, когда-то восхищавши, мечты и сны, когда-то расцвѣтавши, тихо всколыхались въ душѣ отъ

этого внезапного озарения. Но живая красота все заполонила, все оттеснила на задний планъ, очаровавъ даже чувство...

Въ это мгновеніе я понялъ всю глубину смысла истерпаго книжнаго выраженія: *онъмъть отъ удивленія*; я стоялъ и «не вѣрилъ своимъ глазамъ», въ буквальномъ значеніи словъ, безъ стилистического преувеличиванія. Островерхіе великаны сурово стояли среди колыханія и ропота, ступивъ неподвижною пятою... одинъ старый, спозеленый, обросшій мохомъ; другой — бурый, желтый малиновый, лоснящійся своими каменными ребрами... Много ихъ тутъ, этихъ угрюмыхъ отшельниковъ. На нихъ нѣтъ возможности забраться ни съ какой стороны. Только вонъ кипарисы всползли на одну изъ верхушекъ, острыхъ какъ сахариныя головы, одинъ впереди другаго, словно на перегонку, — кто кого перещеголяетъ безумной отвагою. Передний уже взбѣжалъ туда, где выше его только облака да птицы. Тотъ послѣдній высокій утесь, за которымъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу, и у ногъ котораго съ особенной злобой грызутся и пляшутъ волны, это — знаменитый мысъ *Фиолентъ*... Его еще называли *Партигуумъ*... На немъ возвышалось, три тысячи лѣтъ тому назадъ, капище кровавой богини-дѣвственницы; если это правда, то мысль, воздвигнувшая его здѣсь, была мысль художника и поэта.

Болѣе дѣвственно-дикаго трона и болѣе дѣвственно-дикой обстановки нельзя сыскать для дѣвственно-дикой богини...

Къ этому мысу сама собою прибивастъ волна все, что пожираетъ она... У ногъ этихъ скаль, какъ при подножіи кроваваго жертвеннника, издревле совершаются моремъ его безмолвныя гекатомбы...

Здѣсь было удобно тавро-скиемъ караулить добычу,

похищаемую моремъ, и принимать его обильныя жертвы на алтарь своей богини...

Вонъ черная пещера въ подошвѣ утеса, выглоданная волнами; на эту работу — столѣтій мало...

Говорятъ, Орестъ съ своимъ другомъ прятался въ пещерѣ Партеніума... Говорятъ, есть слѣды ступеней на утесѣ со стороны моря. Я не вижу этого; но я безъ того вѣрю, что здѣсь стояло грозное капище, и что здѣсь рука дѣственной жрицы подвергала священному закланию иноzemца, ступившаго на завѣтную почву. Въ это вѣрится не столько исторически, сколько художественно вѣрится.

Еслибы Гете посѣтилъ этотъ мысъ, на которомъ стояла его Ифигенія: «Das Land der Griechen mit der Seele suchend», можетъ быть, въ его удивительной трагедіи прибавились бы страницы, которыхъ онъ самъ не чуялъ...

Нескоро я оторвалъ глаза отъ чудной панорамы: я подошелъ къ рѣшеткѣ монастырскаго двора, и глянулъ внизъ... Подо мною была бездна. Монастырь виситъ на карнизѣ этой бездны; голова нѣсколько кружится отъ непривычки, когда смотришь внизъ. Послѣ, можетъ быть, пріучишься, но теперь страшно. Именно море страшно. Оно шевелится и ворчитъ тамъ внизу, ластясь по камнямъ, и сверкаетъ оттуда на меня сволми искрящимися волнами; такъ хищный звѣрь изъ ямы своего звѣрища жадно поглядываетъ вверхъ на наклонившагося надъ нимъ ребенка, пригинается и шевелить хвостомъ, и сладострастно мурлыкаетъ, облизываясь на него кровавымъ языкомъ своимъ.

Страшно глядѣть отсюда на море. Еще страшнѣе лѣзть къ нему въ пасть. А лѣзть надо; къ нему зоветъ неотразимо; говорятъ, кролика такъ зоветъ въ пасть баа...

Обрывъ къ морю круть и спадаетъ многими эта-

жами... Кипарисы странной формы, распластанные, встрепанные, низенькие, нисколько не напоминающие столь знакомымъ крымчакамъ пирамидальныхъ кипарисовъ, сбѣгаютъ отъ монастыря къ морю, по камнямъ и скаламъ.

Они все, конечно, зелены. По этимъ же обрывамъ тѣснятся съ ними персики и миндальныя деревья. Бѣлый и розовый снѣгъ ихъ пахучихъ цвѣтовъ круглыми шапками вырѣзается среди темной зелени... Но эти цвѣты и запахъ не въ состояніи маскировать безплодныхъ обваловъ берега. Глубоко внизу торчатъ среди моря обломки утесовъ, когда-то возвышавшихся наравнѣ съ обстоящими меня великанами...

Безсмысленою и безустанною чредою бьютъ волны въ эти утесистые островки, колонны и камни, разсыпаясь вокругъ нихъ и раздаваясь въ обѣ стороны...

Кажется, что сдѣлаютъ онѣ имъ, и зачѣмъ несутся онѣ на нихъ съ такимъ тупымъ упорствомъ? Но онѣ лучше настѣ знаютъ свое дѣло, и точатъ, точатъ, не теряя терпѣнія, базальтъ и кварцъ, и трахитъ, зная, что все имъ по зубамъ, что все помаленьку будетъ въ ихъ власти...

Густая, яркая синь, какъ синь берлинской лазури, окрашиваетъ темныя воды въ тѣни каменныхъ утесовъ... А въ то же время, береговая зыбь, лижущая бѣлые голыши, играетъ прозрачною свѣтлозеленою ярью, опушонною бѣлою пѣною...

Тутъ только поймешь чарующіе переливы красокъ, которые такъ удивляютъ настѣ въ картинахъ Ахенбаха и Айвазовскаго, и которые такъ часто готовъ счастье за прикрасы артистической фантазіи.

О нѣть, въ нихъ далеко нѣть преувеличенья и каприза; въ нихъ только скромное и покорное стремленіе къ истинѣ, только блѣдный отсвѣтъ той могучей, живой красоты, въ присутствіи которой не смѣеть

пошевельнуться на душѣ капризъ или фантазія. Айвазовскій невольно вспоминается при созерцаніи этого моря и скалъ. Ясно, что это море и скалы воспитали его художественную кисть. Всѣ его картины найдешь здѣсь или, по крайней-мѣрѣ, почуешь. Тутъ обнаружена тайна его воздушности, его безтѣлесныхъ перспективъ, его колорита.

Красота рождаетъ живописца, какъ земля — травы. На этомъ берегу и подъ этимъ небомъ нужно бы устроить академію пейзажистовъ. Можетъ быть, здѣсь она пошла бы удачнѣе, чѣмъ на Васильевскомъ Острову, по сосѣдству съ англійскими горками и оленями лопарей.

Спускаешься гораздо страшнѣе, чѣмъ даже казалось. Я былъ одѣтъ позимнему, въ шубѣ и мѣховыхъ сапогахъ, принаравливаясь къ московскому марта; у меня не было палки. Провожатаго тоже не было.

Вѣтеръ былъ съ берега, теплый, но порывистый и сильный.

Тропинка вилась съ камня на камень и между грудъ камней, описывая Богъ-знаетъ какие извороты, чтобы сколько-нибудь ослабить крутизну обрыва.

То и дѣло казалось, вѣтеръ сорветъ меня съ шатающагося камня и унесеть «туда». Это «туда» безотвѣтно преслѣдовало меня. Выбирая дорожку, хватаясь за вѣтки, отогивая ногою камень, даже любясь временами далью, я не выпускалъ изъ мысли этого страшнаго «туда», куда мнѣ такъ не хотѣлось, этого поджидавшаго меня внизу кровожаднаго звѣря. Я не переставалъ чувствовать на себѣ, даже отворачивая глаза, его пристальный безокій взглядъ, не переставалъ слышать изнизу это алчное облизыванье и хищническій шорохъ засады... Признаюсь откровенно, мнѣ было жутко.

Я никогда не жилъ съ моремъ и не зналъ на опыте его привычекъ и опасностей; я не зналъ даже, какъ

люди карабкаются по скаламъ и горнымъ тропинкамъ, и тѣмъ менѣе зналъ мѣстность, въ которой находился. Можетъ быть, камни эти легко обсыпаются, какъ я отчасти убѣдился, можетъ быть, на полпути раскроется пропасть; можетъ быть, этотъ приморскій вѣтеръ въ состояніи сбить человѣка, задыхающагося подъ шубой, утомленнаго непривычнымъ лазаньемъ и притомъ спускающагося прямо по обрыву. Это была логика страха. Но главнѣе всего былъ его инстинктъ.

Просто-напросто, меня запугалъ этотъ внезапно открывшійся видъ безбрежнаго бурнаго моря. Нервы были такъ смущены и взволнованы, что даже ноги дрожали при спускѣ.

Скоро поть прошибъ меня до корня волосъ, но не отъ одного физического жару. Это былъ какой-то лихорадочный потъ. Часто приходилось опускаться въ безспаси на камни обрыва и сидѣть надъ колыхающейся бездной, держась одною рукою за вѣтку кипариса, другою за шапку, неистово срываемую вѣтромъ. Спускъ оказался гораздо длиннѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Безпрестанные изгибы тропинки растягиваютъ его, какъ говорятъ монахи, версты на двѣ, хотя это мнѣ кажется преувеличеніемъ. То, что казалось на днѣ пропасти, вдругъ оказывается на полути, а подъ нимъ открывается такая же пропасть; слѣзешь къ ней на дно, дно еще разъ превращается въ вершину, и еще разъ приходится добираться до новаго дна...

Послѣ я испыталъ, что это обычная исторія горныхъ странствованій. Впрочемъ, обрывъ этотъ былъ когда-то заселенъ въ своей верхней части. Тутъ стоялъ каменный домикъ, гдѣ жилъ адмиралъ Лазаревъ; во времена крымской кампаниіи буря сорвала съ него крышу, и въ настоящее время эта поэтическая дача предоставлена въ распоряженіе ласточекъ, въ подражанье которымъ, вѣроятно, и устроили ее на этомъ обрывѣ. Еще ниже

увидѣль я развалины каменнаго павильона, окруженаго прелестнымъ цвѣтущимъ букетомъ миндалевыхъ деревьевъ. Хорошо напиться чаю въ такой бесѣдкѣ, въ тихій, розовый вечеръ, когда море убѣгаеть изъ глазъ неподвижною водною равниною и высокие утесы безмолвно смотрятъ въ него. Но морской вѣтеръ не охотникъ до птицъ, и ревниво оберегаетъ отъ хозяйства и поэзіи человѣка дикие утесы, которыхъ онъ хочетъ быть единственнымъ обладателемъ.

Когда я былъ на половинѣ пути, вдругъ надъ моремъ пронеслись словно двѣ бабочки. Онѣ летѣли робко и низко, словно не имѣли надежды долетѣть до берега... Это были утки. Когда онѣ сѣли на воду, я уже не могъ различить ихъ, хотя это было на моихъ глазахъ. Все тонетъ и исчезаетъ въ громадной пучинѣ. Тогда же мнѣ стало замѣтно, что и на скалахъ есть птицы.

Когда онѣ летали, онѣ казались крошечными мушками: когда садились, то безразлично сливались съ камнемъ. Можетъ быть, онѣ и кричали, но крикъ ихъ въ этой пустынѣ казался молчаньемъ: эта крошечная мгновенная жизнь не смѣла заявить себя въ присутствіи другой безпредѣльной жизни, которая здѣсь царила...

Я вздохнулъ глубоко и свободно, когда очутился внизу...

Отсюда видъ совершенно другой, еще болѣе грозный: утесы кажутся надвинувшимися надъ твоей плотжной фигурой, и новые ряды ихъ далекою перспективою открываются слѣва...

Все голубѣе, все туманнѣе становятся эти береговья твердыни, по мѣрѣ ухода вдали...

Это горы Балаклавы и настоящаго южнаго берега. Что сверху казалось камешкомъ, упавшимъ въ воду, то превращается вблизи въ тяжелую и угрююю скалу. Что казалось оттуда чуть слышнымъ шорохомъ, то

здесь превращается въ оглушительный рокотъ. Всѣ точки зрења разомъ перемѣняются.

Первый разъ въ моей жизни я знакомился здѣсь съ настоящимъ южнымъ моремъ и съ его берегами. Меня поразили изумлениемъ эти неисчерпаемыя груды прекрасныхъ разноцвѣтныхъ голышей, засыпавшихъ берегъ: синіе, лиловые, зеленые, бурые, красные, черные и полосатые, нѣжно-розовые и ослѣпительно-блѣлые, всѣхъ тоновъ и всѣхъ узоровъ, лежали эти камни, отточенные и выполненные, какъ прелестныя кабинетныя бездѣлушки, лучше всѣхъ яшмъ и мраморовъ; тутъ все: прессованье и каменные яйца, ядра и пули, и малыя блюда, разноцвѣтныя облатки и микроскопическая пуговки.

Облизанныя волною, они сверкали, какъ подъ лакомъ.

Посмотрѣвъ на нихъ, поймешь,— почему наши сказки строятъ морскимъ царицамъ подводные чертоги изъ камней самоцвѣтныхъ.

Ближе къ водѣ и въ водѣ лежали немножко большаго калибра: обмылочки по нѣсколько сотъ пудовъ каждый. Они были раскинуты по берегу, какъ мраморная мебель на мозаиковомъ полу; нерукотворенные диваны и кресла, столы и скамейки. Волна выточила въ нихъ такія покойныя выбоины, что и прекомфорtabельно могъ разлечься и отдохнуть на одномъ изъ такихъ диванчиковъ.

Можетъ быть, 300 лѣтъ назадъ, эта кушетка покола другихъ хозяевъ, не совсѣмъ похожихъ на меня.

А утесы, на которые глядѣли они, были все тѣ же, и море, разбивавшееся у ихъ ногъ, было все то же. Отсюда взглянуль я на монастыри; онъ висѣлъ надо мною своими живописными колокольнями и рѣшеточками, будто занесенный въ облака...

Вотъ истинное мѣсто для молитвы, для созерцанія Бога; тутъ, дѣйствительно, поклонишься Ему со стра-

хомъ и трепетомъ; тутъ невольно сознаешь, вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ,— *прахъ еси и во прахъ отыдеши.*

Я не могъ долго оставаться на берегу.

Страшно непривычному человѣку наединѣ съ моремъ и утесами.

Подавленнымъ и ничтожнымъ чувствуешь себя, и не шевелится мысль о борьбѣ.

Я полѣзъ назадъ тѣмъ же тернистымъ и долгимъ путемъ, какимъ спустился. Стихъ Полежаева инстинктивно звучалъ у меня въ ушахъ:

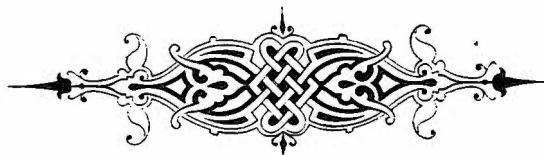
Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его,
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его извѣрилъ...

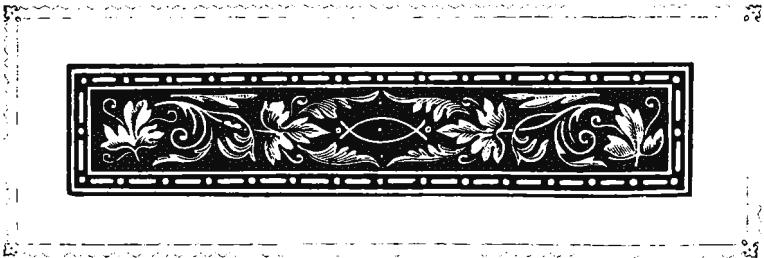
Провѣрилъ-ли я свою силу духа передъ лицомъ этого моря? Не знаю, насколько былъ поэтъ искрененъ. Но я, съ своей стороны, былъ вполнѣ искрененъ. Море сразу меня поразило, подавило, притянуло къ себѣ, и возможность борьбы не чудилась мнѣ... Это — вѣчная, всемогущая бездна, одна волна которой — жизнь человѣка...

Развѣ возможенъ здѣсь споръ, состязанье? Возможно одно забвеніе, привычка, этотъ счастливый талисманъ человѣка, съ которымъ спокойно живется подъ кратеромъ вулкана и на могилахъ дорогихъ своихъ... И я, черезъ двѣ-три недѣли, равнодушно ввѣрялъ себя этимъ страшнымъ волнамъ и гремящимъ утесамъ, равнодушно зѣвалъ на эту безбрежность, которая такъ поразила меня здѣсь стихійною мощью. Куда ни уходите, и сколько ни живите, вы не отдѣлаетесь отъ самого себя. Человѣкъ — вездѣ человѣкъ. Этотъ зрачекъ, привыкшій столько лѣтъ сряду спокойно глядѣть на поля спѣлой ржи, на ряды деревенскихъ избъ подъ соломенными крышами, скоро тѣмъ же манеромъ будетъ взирать на разныя дива южной природы, на скалы и бури,

на зиму безъ снѣга и на виноградники вмѣсто коноплянниковъ, на верблюдовъ, на мечети...

Нужно подумать, ужъ не въ этомъ ли состоить та сила духа, которая бравируетъ стихіями и ставить себя въ уровень съ ними?

VIII.

Инкерманъ.

Годъ русской арміи,—день 24 октября.—Древний Инкерманъ.—Инкерманскія пещеры и киновія.—Ветхозавѣтныя мечты.

аннимъ золотымъ утромъ ранней весны быстро несусь я по когда-то грозной дорогѣ изъ Севастополя въ Инкерманъ. Весело на душѣ отъ утра, отъ весны, отъ новизны, отъ быстрой рыси лошадей; розовая стезя, упитанная роднымъ потомъ и родною кровью, этотъ скорбный путь, водившій нашего русского солдата на нашу русскую Голгоѳу, проносится верста за верстою, легко и весело, какъ гладкая дорожка парка. Глубокая лощина, блѣюща каменоломнями, начинаетъ насъ провожать справа, заставляя дорогу бѣжать по своему узкому карнизу. Это знаменитый инкерманскій камень, бѣлый, мягкий, легко рѣжущійся, не требующій штукатурки; изъ него построенъ весь Севастополь.

Эти обрывистыя каменоломни не только дали намъ много и взяли у насъ много. Это было гнѣздо погибели нашихъ несчастныхъ героевъ въ несчастный день 24 октября 1854 года.

Здѣсь кипѣлъ 7 часовъ сряду остервенѣлый руко-
лашный бой. Эта страшная балка стала могилою ты-
сячъ, бесполезно рѣзавшихъ и бесполезно зарѣзанныхъ.
Страшенъ и поучителенъ день 24 октября...

Не нужно быть специалистомъ, чтобы понять его
роковыя ошибки... Профану совершенно ясно, что сол-
датъ—человѣкъ, что солдатъ—работникъ; что человѣкъ
выспавшися, сытый, сухой и согрѣтый, будетъ рабо-
тать всякую работу лучше, чѣмъ промокшій до костей
бѣднякъ, утомленный безсонницею и мучительными
странствованіями по глинистымъ горамъ, въ непролаз-
ную грязь.

Работа солдата — колоть и рубить, взлѣзать на ба-
тареи, ворочать пушки, бороться грудью съ грудью въ про-
долженіе многихъ часовъ — потруднѣе всякой косьбы и
молотьбы.

Этотъ физиологический фактъ надоѣло имѣть всегда
въ виду распорядителю боя.

Выкидывать суворовскія штуки съ восьмидесяти-
верстными переходами, съ тревогою по *кукуреку*, пусть
ужь и берется Суворовъ.

Призванникамъ не начертишь пути ни наукою, ни
здравымъ смысломъ; имъ дана взамѣнъ своя особенная
искра, которая вспыхиваетъ въ нихъ, когда это нужно,
и мгновенно озаряетъ имъ пути предлежащаго дѣла,
другимъ невидимые.

Отрядъ генерала Павлова, главная сила инкерман-
скаго боя, только ночью съ 22-го на 23-е пришелъ на
свою позицію въ дождь и слякоть. На развѣтѣ 24-го
уже назначенъ бой. Солдаты почти не спали двѣ ночи
сряду, проведя одну изъ нихъ въ труднѣйшемъ походѣ.

Неужели этотъ дождь, эта безсонница, были страт-
егически необходимы для удачи дѣла?

Право, это все зависитъ отъ какого-то помѣщичьяго
взгляда нашего на солдата, какъ на существо, изъятое

изъ-подъ вліянія обычныхъ естественныхъ условій. Это тотъ же взглядъ, который признавался когда-то, что лакею не нужно постели, не нужно комнаты, что лакей не можетъ устать, не слѣзая по цѣлымъ суткамъ съ козель несущейся кареты, въ которой такъ покойно почивалъ его баринъ.

Очень удобно вычеркивать изъ своихъ соображеній эти непріятныя статьи; но вычеркиванье не всегда соединяется съ дѣйствительнымъ уничтоженіемъ, и часто приходится не во-время убѣждаться въ благополучномъ существованіи того, отчего такъ охотно мы стараемся отѣлаться.

День 24-го октября былъ днемъ славы для русской отваги, для русской стойкости; днемъ славы русского солдата, не только рядового, но и офицера и генерала, со стороны ихъ солдатскаго долга; но онъ былъ и днемъ нашего позора. Опозорилась наша военная распорядительность, наше военное хозяйство, все, что можно назвать военною интеллигентіею.

Можно объяснить въ немногихъ словахъ существенные моменты дѣла. Замыселъ былъ таковъ: къ концу октября союзники облегли южную часть Севастополя такъ тѣсно, что окружили ее со всѣхъ сторонъ, кроме сѣверной.

Англійскій лагерь укрѣпился между южною и большою бухтами на горной возвышенности, изрытой оврагами и называющейся *Сапунъ-гора*.

Опасались, что городъ не вынесетъ такихъ тисковъ, и рѣшились выбить англичанъ, то-есть правый флангъ союзной арміи, съ Сапунъ-горы, гдѣ мы предполагали тотчасъ же укрѣпиться. Это было, дѣйствительно, крайне необходимо, какъ показалъ исходъ кампаніи. Еслибы планъ удался, городъ, имѣя врага только впереди себя, съ одной юго-западной стороны, могъ разсчитывать на долгое сопротивленіе. Исполненіе замысла

было также разсчитано весьма разумно и, повидимому, практически.

На разсвѣтѣ отрядъ Павлова, состоявшій изъ самыхъ надежныхъ боевыхъ полковъ, долженъ былъ перебраться черезъ Черную рѣчку, взобраться различными путями на Сапунъ-гору и ударить на сиящаго врага, именно на правый край англійскаго лагеря; въ тотъ же самый часъ отрядъ Соймонова, выйдя ночью изъ Севастополя, долженъ былъ ударить на лѣвое крыло англійскаго лагеря. Разсчитано было на неожиданность, энергию и одновременность удара въ два противоположные пункта. Пока вѣсть достигнетъ французскаго лагеря, дѣло должно быть кончено. Но чтобы французы и турки не посыпали двинуться изъ своихъ окоповъ, чоргунскій отрядъ Горчакова, именно 25,000 человѣкъ, съ 100 орудіями, подъ начальствомъ Липранди, долженъ былъ сдѣлать фальшивую атаку на всходы Сапунъ-горы, защищаемые французами, на линію такъ называемыхъ кадыкайскихъ укрѣплений, а севастопольскій гарнизонъ въ то же время сдѣлать вылазку изъ шестаго бастіона. Такая смѣлая атака разомъ въ четырехъ мѣстахъ, разумѣется, могла бы смутить врага и дать время отрядамъ Соймонова и Павлова, находившимся въ распоряженіи генерала Данненберга, исполнить задуманное.

Но у насъ одинъ вѣчный грѣхъ въ этихъ случаяхъ: «*Ладно выйдетъ на бумагѣ, да забудутъ про овраги, а по нимъ ходить!..*» Оврагъ частью и погубилъ дѣло.

Говорятъ, что виноватъ во всемъ Соймоновъ; что онъ перепуталъ правый берегъ пресловутой съ тѣхъ поръ Килинъ-балки съ лѣвымъ, наконецъ, что онъ бросился въ бой, не дождавшись Павлова.

Но профанъ можетъ предложить только одинъ вопросъ: почему при отрядѣ Соймонова, который самъ не присутствовалъ на послѣднемъ совѣтѣ и не могъ въ

точности знать всѣхъ подробностей плана, непередаваемыхъ бумагой, не было офицера генерального штаба, напримѣръ, кого-либо изъ составителей и участниковъ проекта?

Отрядовъ было всего два, мѣстность очень запутанная, предпріятіе очень важное; кажется, ничто не препятствовало спеціалиста извѣстнаго дѣла употребить именно въ это дѣло, въ которомъ никто не могъ замѣнить его. Если уже необходимо было за три часа до боя менять диспозицію, неужели было бы менѣе благоразумно послать живаго и вполнѣ компетентнаго руководителя вмѣсто краткой и двусмысленной бумажки, которая къ тому же опоздала? Разстояніе, во всякомъ случаѣ, было такое небольшое, что можно было постоянно имѣть сношенія съ движущимся отрядомъ и во-время исправить его ошибку. Распорядиться мало, надо еще умѣть наблюсти за выполнениемъ; въ этомъ главнѣйшая обязанность боеваго генерала. Мостъ строился подъ носомъ арміи, а послали узнать о ходѣ его только тогда, когда армія стояла уже подъ ружьемъ, и узнали, что онъ еще не готовъ. Такія пустыя вещи легко обезпечить заранѣе. Немудрено, что отрядъ Соймонова, не зная о задержкѣ, и очутившись на разсвѣтѣ передъ оконами врага, бросился на нихъ въ одиночку.

Подобныя нечаянности долженъ предупреждать не отрядный генералъ, а распорядитель боя. Еще одно важное обвиненіе было поднято противъ распорядителя: ни одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ не зналъ хорошо мѣстности боя и не получилъ карты ея; игрокъ не зналъ доски, на которой ставилась такая громадная ставка, на которой решалась судьба цѣлой партіи. Это уже что-то легкомысленное, даже и въ теоретическомъ отношеніи. Начальникамъ объявлена была только диспозиція для выхода отрядовъ на гору, а что дѣлать дальше — предоставлялось распорядителю указать на

мѣстѣ. Отряды вошли, одинъ ползъ за другимъ, нѣтъ ни сказа, ни указа, а непріятель жаритъ картечью и ядрами. Указъ самъ непріятель. Коли меня бить, конечно, и его надо бить. Вотъ что сдѣлалось съ первого же мгновенія единственнымъ ключемъ и единственную цѣлью битвы. Генералы дрались сами, кидались въ огонь; солдаты и субалтернъ-офицеры распоряжались боемъ.

Все было перевернуто.

Ошибка Соймонова сдѣлала то, что русская армія вся стѣснилась въ одномъ углу, на правомъ крылѣ англійского лагеря. Тѣснота и овраги перемѣшали полки и лишили начальниковъ всякой возможности не только распорядиться чѣмъ-нибудь, но даже видѣть что-нибудь далѣе нѣсколькихъ саженъ.

Ударъ нашихъ былъ молодецкій, энергический, какъ всегда. Но вместо удара одной цѣльной скалы, это былъ рядъ послѣдовательныхъ ударовъ одного камня за другимъ.

Сила верженія была та же, но результатъ никакъ не похожий.

То, что цѣликомъ раздавило бы, то, раздѣльное, ударялось и отскакивало назадъ...

Бросились томцы и колыванцы, изрубили англичанъ, захватили батарею, отбили приступы, на нихъ обратилась вся ярость врага, всѣ его полки, всѣ батареи, а наши еще внизу, собираются лѣзть на горы. Долго держатся герои, дѣлаютъ чудеса, наконецъ, уступаютъ наплыву спиль, чугуну, огню, оставляютъ свою добычу и, разстроенные, перемѣшанные, перебитые, спасаются назадъ.

Они — герои, они — львы, но они разбиты и не могли не быть разбиты.

Наши внизу видятъ, что наверху плохо, что врагъ на ногахъ, а лѣзть надо, лѣзть безъ дорогъ, по отвеснымъ крутизnamъ, по грязи.

Лѣзутъ, разумѣется, кто гдѣ можетъ, вразсыпную. Взлѣзли охотцы, — ихъ уже ждутъ; градъ ядеръ, картечи, обдастъ ихъ; всѣ жерла направлены имъ на встрѣчу; а у насъ наверху ни насыпи, ни окопа; въ диспозиціи сказано: построиться и ждать указанія. Но вотъ бѣда: англичане не только не ждутъ указанія, то даже и строиться не даютъ.

Что тутъ остается дѣлать, какъ не прибѣгнуть къ спасительному всероссийскому боевоему методу, не требующему для своего примѣненія ни стратегическихъ знаній, ни плана, ни даже фантазіи: *взять, да спросту повести ихъ прямо къ мосту: ну-ка, на уру! и уру мы прошумъли, да резервы не поспѣли...*

Охотцы дѣлаютъ то же, что и колыванцы. Они смили англичанъ, отбили редутъ и засѣли въ немъ. И опять окопы и батареи цѣлаго лагеря изрыгають на нихъ чугунъ и огонь, опять колонны за колоннами стремятся на нихъ, бѣгутъ отъ нихъ и опять стремятся.

Долго держатся охотцы, трупы растутъ, ряды пустѣютъ; а нѣтъ подмоги, и нѣтъ цѣли въ ихъ отчаянной рѣзинѣ; и вотъ натискъ, стоявшій столько жизней, обращается въ бѣгство, стоящее ихъ еще болѣе, и они опять герои, опять львы, и все-таки опять разбиты.

А ужъ тарутинцы взлѣзли полѣвѣ тоже на гору, по узкой почтовой дорогѣ, черезъ оврагъ каменоломни, около котораго я теперь єду. Тарутинцевъ ждутъ тѣ же гостицы, но тарутинцы не отстаютъ отъ своихъ товарищѣй; берутъ редутъ, и бываютъ англичанъ, и проходятъ, въ свою очередь, весь крестный путь, которымъ проходили товарищи; огненная душа и ихъ выжигаетъ изъ окоповъ, отнятыхъ ихъ кровью, и они также мѣшаются и отливаются назадъ. А якуты тутъ,

какъ тутъ! тою же дорожкой, къ тѣмъ же редутамъ, съ тою же желѣзною храбростью, тѣмъ же дружнымъ народомъ, какъ и товарищи ихъ охотцы.

И тѣ же пушки въ ихъ рукахъ, тѣ же трупы кругомъ ихъ, тоже потрясеніе въ вражьемъ станѣ отъ нихъ, какъ и отъ товарищей охотцевъ.

Это работаетъ 11-я дивизія, самая страстотерпная изо всѣхъ севастопольскихъ страстотерпцевъ, бессмертная и безсмертная защитница Малахова.

На выручку якутцевъ — селенгинцы, на выручку селингинцевъ — екатеринбурцы, послѣдний запасный полкъ обоихъ отрядовъ!.. Тутъ уже все перепуталось, сбились въ необъятную беспорядочную толпу: стоны, ругательства, выстрѣлы, рукопашная рѣзня, натискъ и бѣгство, свои и чужіе, солдаты и генералы, — все это смѣшалось въ нераспутываемую кашу... Битва превратилась въ кулачки, въ дуэли, въ отдѣльныя сшибки, ничѣмъ не связанныя другъ съ другомъ, неимѣвшія никакой цѣли, кроме рѣзни, никакого исхода, кроме труповъ.

Видѣть врага,—стрѣляеть въ него: видѣть пушку,—бросается на нее, а зачѣмъ, куда, что потомъ будетъ,—объ этомъ перестали думать.

Убитые и раненые завалили балки, особенно камено-ломню: фуры ускакали за рѣку, перевязочный пунктъ едва найдутъ; прикрыть отступленіе нечѣмъ, густыятолпы солдатъ сбились внизу, не зная что дѣлать, куда идти. Въ такую-то минуту вдругъ словно электрическая искра пробѣгаєтъ по толпамъ измученныхъ героевъ. Проносится тревожная вѣсть: — турки идутъ!

Въ дыму, нальво, показались зеленые чалмы; но это не турки, ребята; это что-то пострашнѣе турокъ; это зуавы Бурбаки!..

Зуавы ударили съ неистовою энергией. Они бѣгутъ какъ на потѣху, эти когорты бронзовыхъ дьяволовъ,

съ горбатыми носами и черными напольонками, въ своихъ африканскихъ юпкахъ и башмакахъ, съ штыкомъ на перевѣсть.

По счастію, русскій солдатъ не страдаетъ излишней фантазіей и не разыраетъ въ бою, кто турокъ, кто зуавъ. Сдвинулись якутцы, охотцы, плечомъ къ плечу, и бросились на встрѣчу африканскимъ гостямъ, и черезъ минуту зуавы Бурбаки, съ тѣми же грозными напольонками, въ тѣхъ же башмакахъ, бѣжали, опрокинутые назадъ.

Подоспѣли новыя силы; страшная густая колонна, приведенная Боскѣ, ринулась по тому же пути, и ей на встрѣчу снова бросились охотцы и якутцы, и снова была опрокинута французская колонна. Но уже больше не было силъ!

Тутъ началась бойня!

Перемѣшанные, перебитые полки потекли съ горъ въ овраги... Французскіе штуцерники, спокойно залегши за камни, били на выборъ; шальныхъ пуль уже не было. Даже картечъ и ядро не промахивались, обсыпая вдогонку удалявшуюся массу. Когда полки наши потянулись, тѣснясь и давя другъ друга, черезъ узенький и длинный мостъ, казалось, они прогонялись черезъ какой-то кровавый *сieveоз-строй*.

Каменоломня наполнилась убитыми, разбившимися и ранеными...

Кучи лежали на кучахъ.

Надо объяснить себѣ страшнымъ утомленіемъ непріятеля то странное обстоятельство, что онъ не рѣшился преслѣдовать наше разстроенное войско.

Что же дѣлалъ чоргунскій отрядъ? — спросить читатель. Какимъ образомъ Боскѣ могъ бросить свою позицію и нанести нашимъ утомленнымъ героямъ такой неожиданный ударъ?

Чоргунскій отрядъ сказалъ себѣ: *нѣтъ, атанде, я*

молѣ, не пойду. и пугалъ-себѣ французовъ попечножжку, изъ безопаснаго далека, громомъ своихъ выстрѣловъ: пусть, дескать, думаютъ, что я пойду на нихъ. Но французы были тоже догадливы; они поняли фальшиву диверсію, и рискинули задать шахъ и матъ однимъ дерзкимъ ходомъ. Боскѣ оставилъ въ укрѣпленіяхъ ничтожный отрядъ и со всѣмъ почти войскомъ бросился на поле битвы... Вотъ вамъ и разгадка. Кто тутъ виноватъ, пусть разбираетъ историкъ.

Долина Черной рѣчки, надъ которой стоитъ старый Инкерманскій замокъ, одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Крыма. Вся Севастопольская бухта, ярко-голубая, видна отсюда, въ рамкѣ бѣлыхъ скалистыхъ береговъ...

Въ другую сторону уходитъ сырья зеленая долина, сначала раздвигающая ближайшія горы, потомъ исчезающа въ синевѣ далекихъ горъ... При устьѣ долины, словно на камennомъ балконѣ, стоитъ Инкерманъ. Передъ нимъ бухта, подъ ногами его рѣчка, надъ нимъ уходятъ выше и выше скалы... Отъ крѣпости упѣлѣли зубцы стѣнъ, остовы башенъ.

Чѣмъ-то дѣтскимъ, слабосильнымъ и ограниченнымъ глядятъ эти зубцы, опоясывавшіе каменную клѣтку, называвшуюся замкомъ.

Кто видѣлъ севастопольскія развалины и севастопольскіе бастіоны, тому, дѣйствительно покажется жалкимъ этотъ старый кремль. А въ свое время онъ громилъ и отражалъ громы, населенія спасались въ немъ, населенія погибали у его стѣнъ.

Въ древности Инкерманъ составлялъ отдѣльное княжество и не только умѣлъ сохранять свою независимость, но владѣлъ даже Балаклавою и южнымъ берегомъ.

Греки его звали *Θεοδόρα*, или *Θεόδορο*. Въ XV столѣтіи онъ палъ, какъ и другія крымскія твердыни, подъ ударами турокъ и сталъ называться *городъ пещеръ*, то есть *Ин-керманъ* (татары зовутъ его большіе *ак-керманъ*, бѣлый городъ). Уже бѣглый взглядъ съ почтовой дороги убеждаетъ васъ, что Инкерманъ рано долженъ быть сдѣлаться стоянкою колонистовъ. Изъ всѣхъ частей крымскаго берега Трахейскій полуостровъ былъ болѣе всего на пути греческихъ мореплавателей. Изъ всѣхъ бухтъ Трахейскаго полуострова самая доступная и самая соблазнительная была теперешняя севастопольская бухта. Она врѣзается на шесть верстъ вънутрь материка, защищеннаго горами, съ широкимъ, без опасныхъ входомъ, съ глубиною въ 10 саженъ, съ прекраснымъ илистымъ дномъ и со множествомъ боковыхъ заливовъ.

Это одинъ изъ драгоценнѣйшихъ и одинъ изъ огромнейшихъ рейдовъ во всемъ свѣтѣ. Ясно, какъ дожили имъ смѣльчаки мореплаватели, которыми бури носили по *негостепріимному* Понту, за тысячи лѣтъ до изобрѣтенія компаса.

Въ глубинѣ бухты они находили все, что нужно для торговли и жилья: рѣчную воду, великолѣпныя ломки камня, естественную дорогу на полуостровъ, луга и лѣса, иаконецъ, неизѣстинную почву. Мѣсто-положеніе Инкермана природою назначено для факторіи всѣхъственныхъ торговцевъ. Тутъ ключъ разомъ и къ морю, и къ землѣ.

Кеппенъ приводитъ одно весьма интересное мѣсто изъ Греціи: по словамъ послѣдняго, основатели древнейшаго Херсонеса прежде всего поселились въ Мегарике, а мегаре на турецкихъ языкахъ значитъ пещера, какъ *инъ* по-арабски; такъ что есть поводъ считать Инкерманъ древнейшимъ населеніемъ грековъ въ Крыму, на что безъ того наводитъ его географическое положеніе.

Теперь Никерманъ извѣстенъ своимъ монастыремъ да своими каменоломнями.

Монастырь крошечный, нищенскій, но очень замѣтный. Его маленькая церковь вся высѣчена въ одномъ камнѣ и притомъ, говорятъ, руками мученика папы Клиmentа, просвѣтавшаго Крымъ въ I столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Въ церкви этой довольно пяящ-ныят круглый ниши и балконъ, висящій надъ бездною долины... Изъ церкви идутъ ходы въ многочисленныя пещеры, которыми изрыты скалы, составляющія русло долины... Эти пещеры чередуются пѣтьми этажами и почти всѣ связаны между собою; но лазить въ нихъ весьма неудобно: ходы и пѣтья стѣны выѣхѣлись и обрушились; иногда вдругъ пещеры открываются, какъ полки отворешаго ніака, прямо въ провалъ долины.

Ихъ фасовыя стѣны насквозь прогрызло время. Признаюсь, и пѣти лазить по этимъ погребамъ — иѣть никакой... Шадисей и остатковъ, которые еще встрѣчались недавно, — теперь слѣда иѣть... Если люди пользовались когда-нибудь этими пещерами, то, конечно, въ очень тяжелыя минуты жизни... Безъ сомнѣнія, это были только осадные жилища, куда прятались, подъ прикрытиемъ крѣпости, окрестные поселенцы, занимавшіеся въ спокойное время садоводствомъ и всякимъ хозяйствомъ. Многія пещеры, если не большая часть, несомнѣнно служили прѣтомъ для скота, не только въ военное время, но и просто по ночамъ или въ сильный жаръ. Этотъ обычай загонять скотъ въ пещеры держится до сего времени въ Крыму и на Кавказѣ. Одна изъ никерманскихъ пещеръ — огромная, но низкая; съ камнями у входа, съ почвой изъ отвердѣвшаго навоза, она очень напоминаетъ пещеру гоме-ровскаго Поліеема, въ которой этотъ одноглавый пастырь закусывалъ несчастными и такійцами; невольно хочется согласиться съ предположеніемъ Карла Риттера,

что хитроумный Одиссей посетилъ нашъ Крымъ во время своего бѣдственнаго странствованія.

Сама инкерманская крѣпость невелика; но окрестности ея покрыты слѣдами протекшой жизни человѣка... Даже, напротивъ, на томъ берегу долины, есть остатки домовъ, пещеръ, водопроводовъ и подземныхъ галлерей... Есть развалины часовни. Нѣкоторые думаютъ, что водопроводъ Черной рѣчки былъ именно тотъ, который снабжалъ водою Херсонесъ, и который былъ перенять княземъ Владиміромъ по внушенію Анастаса.

Въ самой крѣпости слѣды валовъ и блиндажей, весьма напоминающихъ обыкновенные наши крѣпости. Очень можетъ быть, что это позднѣйшія приදѣлки; въ севастопольскую кампанію здѣсь стояли наши, и, очень можетъ быть, какіе-нибудь штурмовники воспользовались руинами для своихъ засадъ.

Становилось уже жарко, когда, набродившись по пещерамъ, монастырю и крѣпостнымъ развалинамъ, въ утомленіи присѣль я на зеленомъ валу, около трехъ одинокихъ могилокъ подъ каменными крестами. Пчелы жужжали въ травѣ и воздухѣ, покачивая золотые одуванчики, въ которыхъ они добывали свой медъ. Цвѣты и бабочки ярко пестрѣли на солнцѣ... Надо мною стоялъ каменный остовъ башни съ разбитою амбразурою, который, можетъ быть, встрѣчалъ свою тысячу весну.

Съ него вѣяло исторіею, давно исчезнувшими народами, давно затихшими интересами, давно прошумѣвшую жизнью... А у ногъ разстилалась зеленая долина, разстилалась за нею голубая бухта, за бухтою синее

море... Все молчало и неподвижно стояло въ солнечномъ жару: горы, воздухъ, воды.

Сердце было охвачено простымъ и свѣжимъ чувствомъ, которое рѣдко испытывается.

Сцены Библіи и Одиссеи, этой тихой, несложной жизни на сыромъ лонѣ природы — незамѣтно, какъ облако, вставали въ головѣ, и таяли незамѣтно, какъ облака: серьезныя, высокорослые дѣвы, свободно драпированныя въ легкія одежды юга, съ высокими кувшинами на головахъ, ожидающія своей очереди у колодца; молодые пастухи у стадъ, съ головами Антиноя, съ голенями фарнезскаго Геркулеса, облокотившіеся на длинные посохи; разумные старцы-патріархи, кроткіе, но беспрекословные властители, и безмолвно-послушныя Сарры-хозяйки. Эти пастухи — цари; эти царицы — водоносы и ткальщицы.

Вся жизнь состоить изъ двухъ-трехъ элементовъ. Такъ мало мыслей, такъ цѣльно и крѣпко міровоззрѣніе.

Все на своемъ мѣстѣ, все всѣмъ понятно, потому что еще ничего никому не стало понятно.

Стадо, руно, ключевая вода,— вотъ весь интересъ, вся политика, вся наука. Любовь, ожидающая два раза по семи лѣтъ, и честолюбіе, довольствующееся пасенiemъ стадъ. Хитрость дѣтски-наивная, которая распарываетъ тайкомъ прежде сотканную одежду, и мудрость, затыкающая воскомъ уши для удаленія соблазна.

Все сосредоточено, опредѣлено, ничто не развлекаетъ. Извѣстны два сосѣда, а что за ними, — обѣ этотъ знаетъ только боговдохновенный слѣпой пѣвецъ; никто не спѣшитъ, не борется, не отчаивается, а, главное, не сомнѣвается. Живутъ и умираютъ спокойно. Хозяина неѣтъ десять лѣтъ, а въ кладовыя попрежнему сносятся запасы, въ его ожиданіи, и старая ключница терпѣливо вздыхаетъ о запоздавшемъ господинѣ...

Первенца ждутъ до 90 лѣтъ, за пшеницею посы-

лаютъ въ другую часть свѣта. О, какъ успокоятельна для мысли такая устойчивость жизни!

Первы тихи, радости и печали тихи. Неудивительно, если и проживали по 200 лѣтъ, этой жизнью овецъ и верблюдовъ, среди которыхъ она протекала...

Монахи, которые выбрали Инкерманъ своею обителью, были истинные поэты. Такъ чисто мыслится и такъ свѣжо чувствуется на этихъ безмолвныхъ и счастливыхъ высотахъ! Здѣсь, въ этихъ камняхъ, наединѣ съ Богомъ, овцами, птицами и цвѣтами, еще могутъ повторяться величественные сцены библейской жизни. Первобытность такая полная, что еще нѣтъ нужды въ шалашѣ, въ кибиткѣ...

Еще нора служить жилищемъ, и камень дверью.

Но камень покажется мягкимъ и темная пещера свѣтлою — подъ этимъ небомъ и въ виду этого моря...

Да и часто-ли бывалъ нуженъ каменный сводъ, когда такъ хорошо спится и живется прямо подъ голубою сѣнью полуденного неба!..

IX.

Пустыня и море.

Шейзакъ берега. — Жизнь моря. — Дельфины. — Свѣченіе моря. — Ночи на морѣ. — Историческое значеніе берега. — Вліяніе моря на духъ человѣка. — Морское купанье.

живу, какъ пророкъ Илія на своей горѣ. Я охваченъ со всѣхъ сторонъ пустынею. Я заслоненъ и удаленъ отъ міра, который тутъ за спиной, подобно рыбаку Ундины, хотя меня еще не совсѣмъ отмыло въ океанъ. Горы, громадными каменистыми шатрами, заступили мнѣ всѣ пути, сдвинувшись ширмою съ трехъ сторонъ, и оставили только одинъ ходъ впередъ — и этотъ ходъ въ море. Въ море — безъ всякаго преувеличения, потому что единственное сообщеніе моей пустыни съ жилыми мѣстностями — это прибрежная отмель, образовавшаяся въ теченіе вѣковъ, морскимъ прибоемъ, изъ грудъ хряща и голышей, у подножія гористаго берега. Въ бурю тутъ нѣтъ проѣзда, по крайней мѣрѣ, сухопутнаго... Но и въ спокойное время Ѵздятъ только верхомъ, много-много въ мажарѣ на буйволахъ. Тихо, зелено и здорово жить въ складѣ этой громадной

каменной ширмы. Надъ головой лѣса, — куда ни посмотри. Кое-гдѣ только изъ-за лѣсовъ свѣтится лысый черепъ каменного великаны... Прямо надъ трубою дома, осѣняя меня своими тѣнями, стоитъ Кастель. Она также похожа на Шатеръ-Гору, какъ и Чатырдагъ. Она вся въ лѣсахъ до самаго гребня. На нее взбираться, кажется, такъ же трудно, какъ на пирамиду. Однако, татары возятъ оттуда лѣсъ, и путешественники лазятъ туда. На Кастели, высоко на вершинѣ, до сихъ поръ еще замѣтны слѣды древне-греческой постройки, вѣроятно замка, имя котораго окрестило гору. По ту сторону, на скатѣ, пріютились аѣонскіе старцы... Но ничего этого не видно мнѣ изъ моего лѣснаго домика. Онъ спрятался на полугорѣ, среди сбывающихся отъ него въ разныя стороны виноградниковъ, и среди лѣсовъ, набѣгающихъ на него сверху, со всѣхъ сторонъ. Онъ заслонился, совсѣмъ съ крышею, окружающими его кипарисами, тополями и орѣхами, и только рѣшетка его тѣнистыхъ балконовъ, да колонки, увѣнчанныя оленьими рогами, заманчиво сквозятъ сквозь зелень. Кипарисы рѣдко и неправильно улицею сбываются отъ него черезъ виноградникъ къ наружнымъ воротамъ усадьбы. Какъ башни замка, они попарно сторожатъ входы и углы сада.

Кипарисъ — это какое-то мohамеданскоe дерево. Его траурныя, почти черныя вѣтви, съ терпѣniемъ и покорностью фатализма ощетиниваются въ тѣсно-скрученныя, геометрически-правильныя метелочки, и торчатъ прямо и неподвижно, словно неживыя, подъ припекомъ южнаго солнца и на морскихъ вѣтрахъ.

Южные народы, особенно мohамедане, давно сдѣлали кипарисъ деревомъ кладбищъ, и, дѣйствительно, кладбище не могло себѣ избрать лучшаго сторожа. Больѣе безжизненной жизни, болѣе неподвижнаго движенія и менѣе зеленоj зелени — нельзѧ найти. Любопытно

изъ близи разсмотрѣть черную пирамиду кипариса. Она внутри почти совсѣмъ пуста; но зато по окружности почти непроницаема: такъ плотно сближаются между собою вѣтви, вѣточки и хвоя... Кипарисъ обыкновенно увѣшанъ, какъ бубенчиками, своими орѣшками, или шишками; но эти вонючіе орѣшки нисколько не развеселяютъ его могильной наружности и пахнутъ не то гробомъ, не то ладаномъ. Не даромъ птицы такъ рѣдко садятся на кипарисъ.

Но, совсѣмъ тѣмъ, кипарисъ удивительно какъ хорошъ въ томъ пейзажѣ, о которомъ я говорю и которымъ я неутомимо наслаждаюсь съ балкона моего дома. Хорошъ потому, что кстати; онъ особенно вразумительно говоритъ моей пустынѣ, что она пустыня... Онъ особенно рѣзко выдѣляетъ веселую зелень плода, дающаго веселье; эти юношески-свѣжіе, кудрявые и хмѣльные виноградники, которые буйными толпами растутъ и тѣснятся кругомъ — беззаботное подростающее поколѣніе вокругъ мертвцевъ.

Съ балкона моего, широкаго, огороженнаго сквозною рѣшеткою въ восточномъ вкусѣ, обставленнаго снутри тепличными растеніями и цвѣтами, снаружи вѣтками деревъ, переросшихъ домъ, видна какъ въ рамкѣ широкая картина моря и крутой долины, къ нему спадающей съ горъ... Море очень удивляетъ, очень страшитъ, когда его видишь въ первый разъ. Но оно все-таки кажется хуже, чѣмъ ждешь. Оно меныше и проще фантазіи. Оно болѣе похоже на то, что мы уже знаемъ, чѣмъ бы хотѣлось намъ. По крайней мѣрѣ море безъ особенной обстановки. Но когда живешь съ моремъ глазъ на глазъ, какъ живу теперь я, когда пьешь свой чай съ моремъ, обѣдаешь съ моремъ, съ моремъ мечтаешь, съ моремъ засыпаешь,— потому что оно вотъ тутъ передъ вами всякую минуту, съ балкона, изъ окна вашей комнаты, изъ аллеи сада,— о, тогда вы, конечно,

влюбитесь въ море, влюбитесь просто какъ въ женщину. Васъ будетъ манить къ морю, вамъ будетъ скучно безъ него, съ нимъ вамъ будетъ такъ хорошо; вамъ станетъ казаться, что нѣтъ возможностей жить не на морѣ, что не на морѣ душно и мертво; что несчастные живутъ далеко отъ моря. Когда море дышетъ на васъ своимъ освѣжающимъ, всемирно-широкимъ дыханіемъ, когда оно укачиваетъ вашу мысль — этого болѣзньочно-капризного, беспокойного и безсильного ребенка — ритмомъ своего прибоя и могучимъ однообразиемъ своей безконечной пучины, — тогда вы покойны и довольны, какъ бывали довольны въ старые годы, на добрыхъ колѣняхъ, въся нянчивашихъ.

Вы инстинктивно чувствуете, какъ чувствовали тогда, что не о чемъ хлопотать, что вами владѣеть сила сильнѣе вашей, которая, все равно, понесетъ васъ, куда она знаетъ и какъ она знаетъ.

Ребенку такъ хочется быть большимъ, такъ нетерпѣливо жаждется самостоятельности.

Но большому, взамѣнъ, такъ часто хочется разстаться съ своею волею и своимъ долгомъ, отдаться кому-нибудь въ материнскія руки — неси, куда хочешь, и какъ хочешь, только сними съ насъ бремя мысли и желаний и убаюкай насъ!

И море снимаетъ это бремя, и убаюкиваетъ... По крайней мѣрѣ, мое тихое южное море.

Послѣдніе кипарисы, тамъ глубоко внизу, вырѣзаются на голубой волнѣ. Красивы и дики сѣрые камни, разсыпанные по долинѣ и взморью, и по скатамъ горъ.

Точно окаменѣвшія стада титановъ, когда-то обитавшихъ землю.

Настоящія стада кажутся мушками между этими каменными овечками. Не пройдетъ, не пройдетъ никто. На далекомъ синемъ морѣ не видно паруса или мачты... Только въ виноградникѣ, и то рѣдко-рѣдко

вырѣжется на зелени бѣлая фигура верховаго татарина, пробирающагося горною тропинкою въ ближайшее селеніе. Такъ же рѣдко проскрипить внизу, по песчаной приморской окраинѣ, длинная мажара съ ѿномъ или дровами... Долго тянется она передъ вамиши глазами, сначала увязая въ песокъ, потомъ едва тащась на каменную гору, и вы вволю наслушаешься отрывистыхъ возгласовъ погонщика-татарина и жесткаго визгу колесъ; черные буйволы, коренастые и жилистые, словно нарочно созданные для татарскихъ мажаръ и для крымскихъ горъ, съ угрюмымъ терпѣніемъ, медленно и тяжко, шагъ за шагомъ взносятъ на мощныхъ шеяхъ своихъ громадный возъ на такую высоту и по такой дорогѣ, которыя только для нихъ и существовать могутъ...

Пройдуть, скроются въ лѣсъ, еще разъ покажутся совсѣмъ съ колесами на голой макушкѣ горы, и перевалить за нее, чтобы не показаться больше. Другой нескоро дождется... Иногда увидите, пожалуй, и парусъ; но это такъ далеко и такъ нечасто, и за то, какъ кажется живописно! Въ большой штиль, случается, стоять пять-шесть бѣлыхъ неподвижныхъ лоскутовъ на голубомъ горизонте. Простоять иногда дня два, утромъ приходите искать ихъ, и находите опять одну и ту же безконечную голубую пучину, какъ и всегда. Но вмѣсто кораблей видны зато горы.

Эти горы такъ же безсмѣнно передъ вами, какъ и море. Это сѣверо-восточный рогъ полукруглаго залива, въ которомъ пріютились Алушта, Судакъ и много другихъ мѣстъ. Кажется, взялъ бы да и поплылъ себѣ вразмашку прямо къ тому гористому мысу: а до него, говорятъ, верстъ 50 по прямой линіи, по берегу же до 70 верстъ. Такъ обманывается на безбрежной равнинѣ моря обычный глазомѣръ человѣка. По горамъ легче узнавать часъ дня и погоду, чѣмъ по морю. Го-

лубые и розовые, дымно-сърые и золотистые тоны то вспыхиваютъ, то потухаютъ на нихъ. Иногда онѣ густо-синимъ, довольно грознымъ хребтомъ загораживаютъ восходящее солнце. Тогда онѣ кажутся ближе и выше. Но въ знойный полдень онѣ почти совсѣмъ таютъ и расплываются въ горячемъ туманѣ; онѣ уходятъ тогда Богъ-знаетъ какъ далеко, и только блѣдный, перламутровый рисунокъ ихъ, тонкій и прозрачный, какъ облачко, воздушною тѣнью стоитъ на горизонте...

Я смотрѣлъ на восходы и закаты, на знойные полдни, на лунные и звѣздные ночи, и всѣмъ наслаждался такъ тихо и глубоко, какъ будто бы это наслажденіе было молитвою. Это, можетъ быть, и есть настоящая молитва, ее нельзя понимать въ одномъ ея дѣловомъ, прикладномъ смыслѣ. Гдѣ искреннее умиленіе, тамъ и молитва. Такъ, можетъ быть, молились мудрецы древности, безмолвно бесѣдовавшіе съ природою о ея великихъ тайнахъ, на берегахъ теплыхъ голубыхъ морей, подъ вѣчно-голубымъ небомъ. Такъ молились, далеко прежде изобрѣтенія молитвенныхъ формулъ, ветхозавѣтные пастухи, окруженные своими стадами и чадами своихъ чадъ...

Вечеръ опускается съ горъ тихо и плавно. Лѣсныя долины, съ которыхъ разомъ сбѣжалъ золотой отблескъ, будто чья-то рука смахнула его вверхъ, ярко и холодно зазеленѣли; а на Чатырдагѣ, на Бабуганѣ, на Кастели еще дымятся ползучіе золотые косяки... Тишина та же, что и утромъ, и въ полдень, и въ глубокую ночь,—тишина пустыни. Только морской прибой перекатываетъ голышы по голышамъ, словно свинцовую дробь. Но въ этотъ немолчный шорохъ такъ втягиваешься, что, наконецъ, перестанешь замѣтить его...

Что-то черное, большое, вдругъ вынырнуло изъ

глубины и, перекатившись, опять исчезло... Не успѣть глазъ одуматься, опять взвился изъ воды какъ-будто край чернаго колеса съ кулаками, прокатился подъ водой, опять вынырнуль, опять исчезъ, и опять, опять... Шагахъ въ десяти отъ него появилось новое, черное колесо съ тѣми же кулаками, и покатилось туда же, исчезая и вылѣзая... Это дельфины начали свою вечернюю охоту. Они не умѣютъ плыть прямо и ровно, или, по крайней-мѣрѣ, не хотятъ. Они, какъ охотники и разбойники по призванію, исполняютъ свое ремесло съ аристократическимъ ухарствомъ. Весело смотрѣть, какими дерзкими скачками взмывають они дугою снизу вверхъ и сверху внизъ, отчаянно гоняясь за убѣгающею рыбью; увлеченные удалою погонею, они часто теряютъ власть надъ своими движеніями, и иногда случается, что дельфинъ, совершенно выскочивъ изъ воды, опишетъ свою дугу въ воздухѣ на нашихъ глазахъ. Когда же ихъ соберется много, и они плывутъ другъ за другомъ, показывая только изгибы спинъ съ плавниками,— кажется, будто подъ водою быстро работаютъ какія-то мельницы...

Дельфины едва не единственныя животныя моего моря. Хотя много пишутъ о наполненіи водныхъ безднъ существами всякаго рода и о безчисленномъ множествѣ птицъ, обитающихъ берега Чернаго моря, однако я съ большимъ сожалѣніемъ убѣдился, что на нашемъ и въ нашемъ деревенскомъ прудѣ въ десять разъ больше звѣрей, птицъ и гадовъ, чѣмъ на крымскихъ берегахъ Чернаго моря. Изрѣдка залетить бѣлая рыбалка, покружится, погарцуєтъ надъ бездною, клюнетъ раза два соленую воду и полетитъ себѣ обратно, откуда пришла. Должно быть, ничто не манитъ птицу сюда на каменныя скалы и на гольши, которыми трудно замѣнить камышевые заросли нашихъ рѣкъ. Утки также иногда спускаются сюда на море,

но какъ-то тайкомъ, втихомолку, и вертятся гдѣ-нибудь на серединѣ, сами не свои. Весь ихъ видъ какой-то испуганный... Летятъ, не смѣя отдалиться на поларшина отъ воды, даже взрѣзая ее крыльями, и такъ торопливо, не раздумывая и никуда не сворачивая. Словѣмъ узнать нельзя полета нашихъ старыхъ сухопутныхъ знакомцевъ; видно, безбрежная пучина дѣйствуетъ не на одну фантазію человѣка: видно, "у птицъ не безъ фантазіи..." Напрасно ищу я также ракушекъ, раковъ и всякой подобной твари между камней и въ пескѣ поморья... Голышы, круглые и обточенные, какъ на фабрикѣ, насыпанные глубокими грудами, въ которыхъ утопаетъ нога, — вотъ все, что вы найдете на берегу... Въ свѣтѣ нѣть такой громадной и такой дѣятельной гранильной фабрики, какъ волны моря. Онѣ день и ночь безъ отдыха грызутъ и обмыливаютъ куски скалъ, ими же оторванные, и каждымъ прибоемъ подсыпаютъ въ свои несчетные склады новаго товару.

Поразительно это стремленіе всего въ природѣ къ окруженію: отъ земного шара и кажущагося небеснаго свода до яйца, плода, водной капли и этого голыша...

Въ тихое жаркое утро стоишь по поясь въ водѣ и не вышелъ бы изъ нея долго... И смотришь въ глубь, прозрачную какъ воздухъ, на разстилающейся подъ ногами яркій мозаичный полъ изъ «каменій самоцвѣтныхъ», который гнется и колышется вмѣстѣ съ водою, и въ которомъ ясно, какъ подъ свѣжимъ лакомъ, рисуется каждый камешекъ. Полъ сказочнаго великолѣпія, но въ то же время полный коварства. Онъ зоветъ къ себѣ довѣрчивую ногу соблазнительно какъ русалка, его обитательница. Но берегитесь ступать необдуманно на эти узорчатые мраморы... Они вовсе не такъ близки, какъ кажутся, и если вы не пловецъ, то, разъ ступивши на нихъ, врядъ ли съ нимъ разстанетесь.

Цногда, плывя на лодкѣ, смотришь внизъ и любуешься на ясно видный сквозь зеленую воду этотъ каменный морской помостъ, отливающій настоящимъ сибирскимъ малахитомъ. Раздѣтайся и прыгай прямо на него: а между тѣмъ рыбаки, везущіе васъ, скажутъ вамъ, что, даже нырнувши, вы здѣсь не достанете дна; этотъ помостъ сажени четыре подъ поверхностью моря; онъ зеленъ какъ ярь не отъ того, чтобы обросъ травами, а именно отъ густоты водяного слоя, сквозь который видѣнъ. Такъ сильно лучепреломленіе въ морской водѣ.

Стоишь и паришься на горячемъ солнцѣ, готовый погрузиться въ воду, какъ буйволъ, совсѣмъ съ головою, и лежать тамъ, пока хочется.

Хотя утро, а ужъ на небѣ и на землѣ давно стоятъ жара.

Небо густой и горячей синевы, только надъ горами наростаютъ понемножку бѣлыми столбами серебристыя кучевые облака...

Лѣсныя вершины Кастели и Яйлы уже совершенно чисты, и голые утесы Демерджи, Парагильмана и Бабугана стоять раскаленные въ горячихъ лукахъ... Какая тишина и какая прелестъ!

Неподвижно смотри кругомъ, не думая, не издавая звука...

Упругая зыбь незамѣтно колышется тебя и уноситъ твоё жаркое испареніе въ неизмѣримый холодильникъ, тебя охватывающій. Ша что тебѣ неизмѣнно мысль, воспоминанье, ожиданье?

Настоящая жизнь должна быть въ настоящей минутѣ, но мы такъ мало умѣемъ наслаждаться настоящею минутою; именно потому не умѣемъ, что только это одно наслажденіе есть наслажденіе реальное и конкретное.

Всѣ остальныя радости наши непремѣнно абстрактны

и идеальны, потому что онъ всѣ основаны на искусстvenномъ пережевываніи умомъ протекшихъ минутъ или на воображаемомъ предвкушениі минутъ, еще не наступившихъ.

То, что проходитъ для насъ мало замѣтно и даже совсѣмъ безъ удовольствія, — окрашивается совсѣмъ новымъ цвѣтомъ въ нашемъ воспоминаніи; оттого-то воспоминанія, самыя добросовѣстныя, почти всегда лгутъ.

Точно также мы съ счастливымъ замираньемъ сердца приготовляемся къ ожиданію того, что встрѣтится нами съ холодной или вялою разсѣянностью. Какъ всякий абстрактный выводъ, воспоминанья и ожиданья кажутся совершеннѣе всякой реальности; именно потому, что приемъ абстракціи заключается въ очищеніи, въ отбрасываніи всего не подходящаго подъ общую мысль и въ систематическомъ собираніи того, что не связано въ дѣйствительности.

Испорченные со школьнай скамью систематическою замѣнною непосредственныхъ ощущеній духа рефлексіею, мы не умѣемъ жить, то-есть смотрѣть, слышать, осязать, а умѣемъ размышлять или еще чаще фантазировать. Поэтому-то такъ дороги для насъ тѣ мѣста и тѣ обстоятельства, которыхъ жизненная сила такъ велика, что овладѣваетъ нами, вопреки нашему недугу, и становится передъ нами всѣмъ своимъ ча-рующимъ живьемъ, не допуская ни думать, ни фантазировать, принуждая созерцать себя «не яко зерцаломъ въ гаданіи, но лицомъ къ лицу...»

Въ водѣ здѣсь хотя такая бѣдная жизнь, однако, все-таки жизнь...

Ее сразу не откроешь. Я, напримѣръ, долго не видѣлъ ея. Но когда глазъ привыкъ къ переливамъ жидкаго хрустала по пестрымъ мозаикамъ дна, онъ начинаетъ отличать другое движеніе среди этихъ камешковъ...

Вотъ притаилась между ними събирая съ тигровыми пятнами головастая рыбка, и ея прожорливые глазки смотрятъ наверхъ...

Вы шевельнули ногою, и ея уже нѣтъ здѣсь. Едва касаясь камней концами своихъ длинныхъ грудныхъ плавниковъ, почти лишенныхъ перепонки, она извивается между ними съ проворствомъ и гибкостью змѣй... Вотъ ихъ поднялась цѣлая стая, одна другой меныше, изъ разныхъ щелей, которыхъ вы до сихъ поръ не замѣтили... Вотъ онѣ джигитуютъ вокругъ пальцевъ вашей ноги, ловко щипля ихъ снаружи и пугливо бросаясь въ стороны послѣ каждого удачнаго щипка. Это *бычки*. Оглянитесь, и вы увидите нѣчто иное. Къ вамъ плыветъ, вытянувшись совершенно вертикально, не то змѣйка, не то стебелекъ водоросли... Вамъ хочется тотчасъ отстраниться отъ этой подозрительной штучки, пока она не уколола васъ; но вы не бойтесь и нагнитесь поближе къ этому созданію. Это *шила-рыба*, съ заостренною какъ карандашъ головкою, которая имѣеть такимъ образомъ видъ шильца. Она, при взмамѣ вашей руки, безгрѣшно опустится на дно и, присосавшись хвостикомъ къ камню, начнетъ тихонько раскачиваться... Ихъ иногда попадаются цѣлыя шайки.

Вотъ когда хорошо въ морѣ! Эта ванна не на грѣется даже такимъ солнцемъ, которое печетъ теперь всякий день, съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера. Море освѣжаетъ совсѣмъ не такъ, какъ рѣчная вода; погружаясь въ его упругій, словно на кремни настоенный, разсоль, чувствуешь, что это не вялое, тепленькое объятіе, къ которому пріучила насъ лѣтняя вода прудовъ и рѣкъ. Какая-то мужская и смѣлая сила охватываетъ и поднимаетъ васъ, и весь жаръ вашего крошечнаго организма испаряется мгновенно въ этихъ неизѣмѣримыхъ запасахъ прохлады... Волны нѣтъ, но васъ качаетъ и двигаетъ что-то живое, неподдаю-

щеется вамъ и знать васъ нехотяще... Съ этимъ чудовищемъ, шевелящимся подъ вами, надо посчитаться, даже когда оно спокойно терпитъ васъ на своеемъ упругомъ хребтѣ. Но оставьте всякия самолюбивыя надежды, когда оно хоть немножко разсердится и разворчится... Вы для него значите ничѣмъ не больше одного изъ тѣхъ голышей, грудами которыхъ оно играетъ, какъ ребенокъ горстью гороха...

Я пробовалъ разъ войти въ волну довольно сильного прибоя въ то время, когда само море было почти совсѣмъ спокойно. Меня опрокидывало и выносило на берегъ, не смотря на всѣ усилия удержаться. Что же бываетъ во время дѣйствительного волненія, когда пѣна долетаетъ до прибрежныхъ горъ!

Зато какъ легко и весело плывется! Какое смѣлое чувство развивается мало-по-малу отъ постояннаго обращенія съ этою могущественною волною. Весьма хорошее свойство моря — не возбуждать лихорадочной дрожи. Оно до такой степени свободно отъ всякихъ болотистыхъ и гнилыхъ примѣсей, такъ минерально въ своемъ составѣ, что только крѣпитъ и свѣжитъ, не заставляя зябнуть. Случалось купаться въ поту послѣ заката солнца, не имѣя чѣмъ отереть тѣло, и въ довольно вѣтренные вечера — и все-таки выходишь бодрый и отлично здоровый... Понятно, что станешь здоровъ и красенъ, какъ солонина, просаливаясь нѣсколько лѣтъ сряду въ этой минеральной ваннѣ. Татары здѣсь поразительно здоровы, и мнѣ говорили, что они купаются круглую зиму. Съ другой стороны, благодѣтельно дѣйствуетъ вѣчная гимнастика лазанья по горамъ и цѣлебный климатъ лѣсныхъ горъ, «гдѣ свободный вѣтеръ воздухъ и дышать свободно груди». А можетъ быть, также вино и виноградъ. Единственная непрѣятность морскаго купанья — это камни, если нѣтъ песчанаго берега, и соленость воды. Забываешься, и ежеминутно

глотаешь изрядные порции глауберовой соли... Хотя это и полезное слабительное, однако, иногда попадает въ желудокъ совсѣмъ некстати. Не совсѣмъ также приятно, когда вы попадаете въ стадо прозрачныхъ, полу-жидкихъ медузъ, прилипающихъ къ тѣлу. Они здѣсь невелики ростомъ: самыя большія, какія я видѣлъ, въ пригоршню мальчика. Наблюдать ихъ въ водѣ довольно любопытно, хотя весьма однообразно; но, разъ взявшись въ руки, проститесь съ ними. Они распльваются, какъ жидкий крахмаль или кисель. Разъ я захватилъ одну медузу между двумя листочками самой тонкой почтовой бумаги, чтобы понести ее домой; дома раскрыть, и увидѣлъ одну мокрую бумагу; отъ животнаго не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Животныя не чувствуютъ ни одного изъ неудобствъ морскаго купанья, которыя я сейчасъ назвалъ, особенно буйволы. Эти добрые и трудолюбивые работники, неоцѣненные при перевозкѣ тяжестей по горнымъ дорогамъ, гдѣ даже сила воли оказывается недостаточною, просятъ у судьбы только трехъ вещей: воды, еще воды и опять воды. Они какъ свиньи лежатъ въ лужахъ, закопавшись въ грязь, если нѣтъ для нихъ болѣе чистой купальни; въ морѣ же они блаженствуютъ. Они по цѣлымъ часамъ лежатъ въ водѣ, медленно пережевывая жвачку, съ наслажденiemъ хлестаютъ свои мокрые бока мокрыми хвостами и щурятъ глаза съ нѣгою безусловныхъ счастливцевъ. Въ сильные жары они ухитряются погружаться въ воду съ головой и рогами, и лежать тогда недвижимы, какъ колоды, едва только высунувъ носы; я долго не могъ разгадать, что бы это было такое, въ первый разъ увидя въ морѣ въ пяти шагахъ отъ себя эти неподвижно торчащіе носы. Можно было даже испугаться, ибо какихъ чудовищъ не предполагается въ пучинѣ морской?

Утромъ и весь день здѣсь было шумно не по обыкновенію. Зной былъ особенно сильный. Я купался четыре раза и каждый разъ съ наслажденіемъ и подолгу. Хотѣлось бы поселиться въ водѣ и спать въ водѣ... Дельфинамъ было душно и тяжко въ морѣ; они фыркали громко и тяжко, какъ купающіеся буйволы, и поминутно выскакивали изъ воды. Никогда ихъ не было видно такъ много. Въ полдень они гонялись другъ за другомъ, ныряли и катались колесами, цѣлыми вереницами. Вечеромъ они проносились парами такъ близко другъ къ другу, что, казалось, сидѣли одинъ на одномъ; ихъ спинной плавникъ стоялъ высоко и прямо, совсѣмъ не такъ, какъ въ другіе дни. Иногда они выскакивали до половины и кувыркались въ воздухѣ, сѣпившись одинъ съ другимъ; а то вдругъ появятся на поверхности два вертикальные черные шипы и торчать долго и недвижимо на одномъ мѣстѣ, тѣсно рядомъ... Ясно было, что въ волнахъ происходило что-то не совсѣмъ обыкновенное: «морскія ласточки» праздновали свои свадьбы... Ихъ страстныя погони и счастливыя перегонки паръ вспугнули стада кефали, начинающей уже заплывать подъ наши берега. Какъ мѣтко пущенные стрѣлы, перелетали бѣдныя рыбы цѣлья сажени надъ водой, выскакивая даже на воздухъ отъ слишкомъ энергическихъ усилій — уйти отъ страшного врага.

Мнѣ это зрѣлище было совершенно ново и очень интересно.

Весь этотъ день и намъ было какъ-то душно. Даже вечеромъ хотѣлось въ море. Четыре охотника отправились на берегъ среди совершенной темноты. Тишина была необыкновенная. Словно укради море. Мы быстро раздѣлись, чтобы всѣмъ вмѣстѣ разомъ броситься въ воду и поплыть.

Жутко было входить по одному.

Шоха съ моремъ не свыкся, оно долго кажется коварнымъ врагомъ, отъ него всего ждешь.

Шумно вошли мы въ воду... Вдругъ вокругъ насы забѣгали, запрыгали искры; каждый шагъ ноги раздвигалъ струи блѣднаго пламени, каждый всплескъ брызгалъ огнемъ.. На одно мгновеніе я былъ страшно озадаченъ. Я никогда не видалъ фосфоресценціи моря, хотя такъ много читалъ объ ней. У нашего берега фосфоресценція не была сильна, но и въ этой степени, въ какой была, она поражаетъ до остолбенѣнія... Вода насквозь проникается огнемъ... Пламя незримо скрыто въ волнѣ и отъ ничтожного удара вырывается изъ него искрами, какъ изъ кремня. Это не пламя горящей свѣчи, горящаго костра, а какое-то волшебно-фосфорическое, сказочное. Оно будто не освѣщаетъ, а между тѣмъ свѣтится даже сквозь воду. Странно было намъ плыть въ этой огненной влагѣ, окруженными искристыми брызгами... Эта атмосфера саламандръ, несмотря на свой крайній интересъ, не манила на долгое купанье.

Хотя и хорошо знаешь существенную причину явленія, однако умъ—одна, чувство-другая вещь; русскому человѣку, питомцу нянькиныхъ сказокъ, все-таки немножко неловко въ этой горящей водѣ, въ этомъ текущемъ огнѣ...

Когда мы возвратились къ нашимъ дамамъ съ рассказами объ открытомъ чудѣ, на всѣхъ столахъ балкона уже дымились самовары. Хотя мы выкупались и въ горѣвшей водѣ, однако было очень пріятно послѣ морской прохлады присесть за горячій душистый чай. Ночью всѣ дамы отправились съ нами къ морю, и мы долго потѣшались, зажигая иллюминаціи разнаго рода въ морской водѣ; отъ каждого брошеннаго камня сыпались изъ воды блѣдныя искры; а когда кто-нибудь

начиналъ болтать въ водѣ палкою, казалось, что онъ мѣшиалъ расплавленную жидкость...

Пустое сердце и легкомысленная голова человѣка проникаются чѣмъ-то строгимъ и священнымъ, созерцающимъ ночное небо. Только ночью человѣкъ видитъ свой міръ въ сообществѣ другихъ міровъ.

Эти миллионы чудныхъ міровъ свѣтятся и роятся вокругъ него, какъ песокъ морской, а свой привычный міръ, привлекающій и отвлекающій отъ всего осталь-наго, теперь скрытъ темнотою.

Эгоизмъ и узкость земныхъ стремленій, царящіе беззастѣнчиво при шумѣ и блескѣ дневнаго существованія, когда освѣщенъ только ты и все твое, смущаются безмолвныхъ свидѣтелей, отовсюду взирающихъ, и пригинаются въ темные углы, гдѣ они чувствуютъ настоящее свое мѣсто; а вмѣсто нихъ тихо выступаютъ другія, кроткія, невоинственные силы, которымъ не стыдно звѣздъ и которымъ не чуждо небо...

Чувство поэтическое ждетъ ночи, какъ робкая ночная птица.

Ночью все, придавленное эгоизмомъ или жадностью человѣка, спѣшитъ подышать свободно: звѣрь точно такъ же, какъ и мысль.

Съ балкона, торчащаго wysoko на горѣ, какъ гнѣздо ласточки, сквозь кипарисы и тополи, видны высокія горы и широкое море, и надъ нимъ высокій и широкій сводъ, переливающій звѣздами, какъ золотымъ пекскомъ.

Когда этотъ звѣздный сводъ и это море наполнять вашу грудь, вы чувствуете вдругъ какую-то боль разочарованья. Было время, когда звѣзды говорили вамъ что-то ясное и сладкое и тогда понятна была благоговѣйность вашего созерцанія. Но что она теперь, этотъ

досадный остаток лжи, въ которую иногда такъ хочется увѣровать? Зачѣмъ она дразнить душу?

Тихо сошли мы по крутымъ ступенькамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, въ виноградникъ. Балконъ и галлереи, освѣщенные красноватыми огнями, заслоненные черными фигурами кипарисовъ, глядятъ на насъ сверху; мы спускаемся все ниже и ниже, тихо и молча; виноградникъ со всѣхъ сторонъ дышетъ на насъ прохладою; кипарисы темнѣютъ въ синевѣ ночи, тонкие и легкіе, какъ минареты. Но гораздо выше ихъ сіяютъ небесные звѣзды...

Горы, облегшія окрестъ нашу долину, рѣзко вырѣзаются своими сплошными черными силуэтами на звѣздномъ небѣ, всѣ одинаково близкія, всѣ равно высокія. Мы спускаемся къ морю... Его нѣтъ. Оно слилось туманною степью съ туманнымъ синимъ небомъ, и казалось, что прямо отъ чернаго берега поднимается небесный сводъ.

Юпитеръ горитъ ярко и блѣдо, и его блѣдное отраженіе, словно отраженіе луны, широкимъ столбомъ перепоясываетъ незримыя воды...

Тихо опустились мы на каменистый берегъ и стали слушать ночь... Прибой рѣдко и слабо плескалъ о гольши; забывшись, чудилось, что изъ туманной воды кто-то силится осторожно выплыть на берегъ... На далекомъ скалистомъ мысу отрывисто и рѣзко прокричала морская птица.

Изъ лѣсной долины, на которую спустились влажные облака, слышался плачъ филина.

Страшно человѣческой мысли въ ночномъ безмолвіи; но еще страшнѣе, когда сверху бездонная тьма неба, снизу темная пучина моря. Что тамъ, въ этой неисповѣдимой темнотѣ, въ этихъ недостижимыхъ глубинахъ? Зачѣмъ нуженъ этотъ несчастный кусокъ мозгу, мучающій себя, ничего невѣдающій, ничего не-

могущій? Зачѣмъ эта безконечная цѣль безответныхъ вопросовъ, зачѣмъ это бѣличье колесо порывовъ, ни къ чему не ведущихъ, кружящихся вокругъ самихъ себя?

Не счастливѣе ли насть этотъ сыръ, меланхолическій житель ночи, который посягаетъ и плодится, охотится и пожираетъ, не думая о глубинахъ и темнотахъ... Что-то могущественное живеть въ темную ночь въ морской пустынѣ; эта незримая жизнь придавливаетъ твою.

Чужда она тебѣ и страшна она тебѣ. Это жизнь вѣчности, жизнь стихій и міровъ.

Лучше всѣхъ насть ощутилъ ее древній индусъ, которого она раздавила болѣе, чѣмъ всѣхъ насть. Волна, вѣтеръ, планета живутъ этою страшною безличною жизнью. Ею живеть и наша могила, оттого намъ душно отъ ея прикосновенія. Оттого тяжело ночью на пустынномъ берегу безбрежнаго моря.

Жизнь въ пустынѣ Чолмекчи, если хотите въ скитѣ Чолмекчи, протекаетъ въ философской простотѣ, въ монашескомъ однообразіи. Съ Чолмекчи не нужно Оиваиды.

Не мудрено, что монастыри издревле гнѣздились здѣсь, по теплымъ скаламъ юга. Впрочемъ, имя Чолмекчи — далеко не монастырское. Строго говоря, Чолмекчи значитъ — Тюильри. Чолмекчи по-татарски — чеперичный или горшечный заводъ.

Когда онъ былъ, трудно догадаться, хотя слѣдовъ завода много; и находимые остатки посуды совершенно схожи съ амфорами и другими, столь известными сосудами древнихъ грековъ.

Вставать надо рано: иначе пропадешь отъ жару; не смотря на море, не смотря на лѣса и высокія горы, жарко здѣсь на камennомъ берегу. Все камень — бе-

рекъ, дороги, гора, виноградникъ; когда раздѣнешься, чтобы лѣзть въ море, босой ногѣ нѣтъ силь выдер-жать прикосновенія горячихъ голышей. Точно сту-паешь на разожженные утюги. Никакая чаша вѣсть не спасетъ, крымское солнце — не наше русское, да и крымскіе лѣса — не наши русскіе. На прибрежныхъ горахъ, если онѣ не поднимаются въ прохладный вѣ-душный слой, какъ Кастель, дубы и вязъ — карлики и уроды. Они худосочны, мелкорослы, искривлены, какъ семья несчастнаго пролетарія, воспитавшаяся на лишеніяхъ всякаго рода. Листъ мелкій, сухой, сучки обращены въ колючки; травы нигдѣ нѣтъ, нигдѣ мягкаго чернозема или даже глины, гдѣ бы можно было уставшему пѣшеходу растянуться, по русскому обы-чаю, руки подъ голову, носомъ кверху.

Какъ иногда просится тѣло, измученное карабканьемъ по горамъ, на зеленую постель, но, кроме камней да черепковъ ничего не отыщете; лучше и не ложитесь, даже и не садитесь.

Вся растительность — растительность пустыни пах-нетъ Палестиною и Синаемъ.

Смолистые теребинты, сухіе вѣнки тамарикса, неиз-бѣжное *держи-дерево*, на которомъ больше иголокъ, чѣмъ листьевъ, и которое многіе считаютъ за тѣ именно терніи, изъ которыхъ былъ сплетенъ вѣнецъ Христа,— шиповникъ, ежевика, боярышникъ да мушмула — вотъ кусты и деревья морскаго берега.

Но по голышамъ, обливаемымъ морскимъ прибоемъ, на почвѣ, на которой не ожидаешь встрѣтить никакого признака жизни, растутъ, между тѣмъ, сочные и тол-стые стебли *glaucium'a* съ яркими, желтыми цвѣтами, молочай особаго рода, тоже очень жирный и кустистый; немножко повыше, по обрывамъ скаль, кустятся ярко-зеленые букеты кермека, стелются длинныя плети ка-персовъ съ ихъ великолѣпными бѣлыми цвѣтами, и еще

болье великолѣпными зелеными плодами съ мякотью, малиновою какъ карминъ.

Утромъ хорошо бродить по этой пустынѣ, не видя живаго человѣка, не слыша даже птичьяго голоса. Если море совершенно спокойно, то тишина берега нѣсколько пугаетъ — такъ непривычна она намъ.

Съ одной стороны неподвижныя горы съ нѣмыми лѣсами стоять надъ вашею головою, въ густой, жаркой синевѣ. Съ другой стороны море стелется въ необозримую даль, будто стекая за горизонтъ всею этою безбрежною скатертью. Страшно стоять на послѣднемъ вершкѣ земли, имѣя впереди себя на многія сотни верстъ одну только пучину водъ. Послѣдній вершокъ русской земли — послѣдній вершокъ Европы; тамъ, за этими водами уже другая часть свѣта, другая семья народовъ...

Священный духъ исторіи вѣтъ на этихъ водахъ и этомъ берегу. Моя береговая пустыня, которая кажется дѣвственno-свѣжей исторической почвой, еще не-початой цивилизаціею, далеко не дѣвственна. Ея пустынность не признакъ младенчества, а признакъ истощенія, слѣдъ жизни, давно отцвѣтшей. Цивилизациѣ гнѣздилась здѣсь еще въ тѣ далекіе вѣка, когда народы-вожди современной цивилизациѣ не названы были даже по имени.

Заря исторіи, съ ея драматическими миѳами, съ живописными фигурами ея героевъ, осіяла въ свое время берега Крыма. Аргонавты и ахейцы, бравшіе Трою, не миновали Эвксинскаго Понта. Улісъ приставалъ къ южному берегу Тавриды (какъ думаютъ нѣкоторые), и Ахилль спасаль сюда Ифигенію.

Первые торговцы, первые колонисты, первые завоеватели, первые цивилизаторы Европы — пробовали свои силы на этой благодатной прибрежной полосѣ около теплago моря, подъ теплымъ небомъ.

Греція, южная Италия, Крымъ — вотъ первые

листы европейской исторіи. Первые христіане тоже принесли сюда свои молитвы и свои мученическіе вѣнцы.

Трудно найти болѣе сложную историческую формацию, какъ исторія того узкаго каменнаго берега, на которомъ я стою въ настоящую минуту. Пласти за пластами покрывали въ ней старыя наслойнья, и одна органическая жизнь быстро смынялась въ ней другой.

Къ сожалѣнію, такъ мало характерныхъ окаменѣлостей, такія скучныя данныя исторической палеонтологии остались нашей любознательности въ этихъ разнородныхъ формацияхъ. Тутъ, что ни камень, то развалина, что ни шагъ, то событие. Дерзкій духъ грека обслѣдовалъ эти пустынныя берега еще въ эпоху полнаго подавленія человѣка силами природы; не научась еще строить надежный корабль, не умѣя еще вѣрно различать направлений, лишенный всѣхъ тѣхъ средствъ къ побѣдѣ стихіи, къ спасенію себя, которыя выработалъ человѣкъ въ сотни вѣковъ упорной борьбы съ природою, безстрашный гений грека, идеаль и родоначальникъ современного европейскаго духа, прорѣзалъ во всѣхъ направленіяхъ водныя пучины, отыскавая довольства, свободы и власти... Онъ долго называлъ это Черное море *моремъ негостепріимнымъ* (понтъ аксенось), и только послѣ продолжительной борьбы съ нимъ, узнавъ его силы и привычки, побѣдилъ его и принудилъ сдѣлаться *гостепріимнымъ моремъ* (понтъ евксинось).

Милетцы и гераклеи не основали первыя поселенія на крымскихъ берегахъ. Колоніи, основанныя ими, разрослись въ могущественные республики и жили по двѣ тысячи лѣтъ. Прахъ крымскихъ береговъ — это прахъ ихъ мраморныхъ кумировъ, ихъ дворцовъ и храмовъ. Орды дикарей, разрушавшія сильныя царства, не осиливали этихъ твердынь цивилизаций, защищенныхъ духомъ свободы и изобрѣтеніями просвѣтленнаго ума.

Камень, родяще колючие кусты, пустыня, выжигаемая зноемъ, у нихъ были житницею другихъ странъ. Босфорскій царь Левконъ отправляетъ въ Аеины за одинъ разъ изъ ѿедосійского порта 375,000 четвертей пшеницы. Пшеница рождается самъ-тридцать; стада лошадей, овецъ, наполняютъ крымскія степи по свидѣтельству древнихъ географовъ; рыбы страшное изобилие; льномъ, пенькою, солью, даже желѣзомъ снабжаются другія страны. Крымъ ни въ чемъ не нуждается. Города, селенія, замки — сплошь покрываютъ берега. Отъ Керчи до ѩеодосіи — какъ будто одно поселеніе; каждый заливчикъ, каждый замѣтный мысъ, каждая значительная излучина морскаго берега запичены замками.

До сихъ поръ въ названіяхъ рѣкъ и урочищъ звучатъ греческія имена, часто исковерканыя. *Ламбатъ* (Лампасъ), *Партенитъ*, *Алустонъ* (теперь Алушта), *Кастель*, указываютъ на давноисчезнувшія поселенія древнихъ грековъ. До сихъ поръ въ нихъ найдете древнія развалины, чаще всего груды камней надъ ямами, но иногда остатки башенъ, стѣнъ. Это тысячная доля того, что было. Больше города пропали безъ вѣсти; археологи спорятъ о самомъ мѣстѣ построенія ихъ.

Мирликіонъ, Ктенусъ, Портміонъ, Нимфеумъ, Малакіонъ, Неаполисъ и многіе другіе не оставили по себѣ никакого достовѣрного слѣда. Между тѣмъ, каждая татарская деревушка, каждый колодезь, поворотъ дороги, ущелье, — носятъ весьма загадочныя и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вразумительныя названія.

Кучка мирныхъ хижинъ носитъ вдругъ воинственное название *Кермена*, или *Исара*, или *Кале*, иногда *Кастеля*, *Кастрана*; всѣ эти слова, по-турецки, по-татарски или по-гречески, означаетъ одно и то же: *крепость*. Въ лѣсу, которымъ вы проѣзжаете, вамъ указываютъ вдругъ на небольшой подъемъ дороги, называя

его *Темиръ-хану*, то-есть *желѣзныя ворота*. Этихъ *темиръ-хану* множество въ Крыму.

Въ другихъ мѣстахъ вы встрѣчаете название *эндекъ*, то-есть *окопъ, вила* (стражи по-гречески), знакомитесь съ татарскими деревнями, которыя зовутся *ай-Даниль*, *ай-Василь*, *ай-Петри*: *ай* — значитъ святой, — святаго Даниила, святаго Василія, святаго Петра. Тутъ безъ глубокихъ историческихъ изслѣдований многое придется въ голову, и многое станетъ понятнымъ. Главная загадка остается въ одномъ: куда же все это дѣвалось и неужели дѣвалось безвозвратно?

Ѳеодосія еще при занятіи русскими имѣла, какъ говорятъ, до 20,000 домовъ, 111 мечетей и до 100 фонтановъ. Сумароковъ разсказываетъ, что въ ней помѣстили до пяти нашихъ полковъ, а въ его время могли расположить только одну роту.

Посмотрѣвъ своими глазами на огромный обхватъ полуразрушенныхъ стѣнъ и башень, окружающихъ Ѣеодосію, на множество заглохшихъ фонтановъ и на великолѣпіе Ѣеодосійскаго порта, безопаснаго отъ бурь, поневолѣ повѣришь этимъ разсказамъ.

Ближе ко мнѣ, на половинѣ морской дороги отъ Ѣеодосіи къ Алуштѣ, стоитъ другой знаменитый торговый центръ древности — *Сурожъ*, или *Суражъ*, теперь Судакъ.

Онъ далъ свое имя цѣлому морю; купцы сурожане, торговавшие азіатскими и византійскими товарами, были дорогие гости въ Москвѣ, а рядъ ихъ и ихъ товары до сихъ порь называются суровскими. Сурожъ былъ долгое время окномъ изъ Азіи въ Россію. Его рѣдко кто миновалъ; его посѣщали братья Паоло, черезъ него шли къ нашимъ боярамъ и князьямъ шелковыя ткани, а арабскіе, греческіе и итальянскіе купцы вывозили дорогихъ русскихъ соболей.

Въ немъ было тоже болѣе 100 церквей; онъ былъ

столицею цѣлой метрополії; быль резиденцією, знаменитой въ крымскихъ легендахъ, царицы Федоры и считался при ней однимъ изъ неприступиѣйшихъ городовъ. Теперь это скучное мѣстечко, затерянное въ устьѣ горной долины. Въ него не приходитъ почти ни одно судно, и только судацкое дешевое вино сколько-нибудь напоминаетъ его имя.

Живутъ въ немъ только одни садовники да управляющіе. Владѣльцы прѣѣжаютъ только къ сбору винограда, около Покрова, недѣли на двѣ. Таковъ теперь пресловутый Сурожъ, которому *дивъ кличетъ върху древа* въ «Словѣ о полку Игоревѣ»

Многое встаетъ въ памяти, въ воображеніи, когда бредешь по безмолвному берегу, черезъ который прошла тысячелѣтняя исторія. *Было — и нѣтъ ничего.* Простыя слова, къ которымъ наше ухо слишкомъ прислушалось, но въ которыхъ страшная философія исторіи, гораздо болѣе послѣдовательная и доказательная, чѣмъ всѣ эти теоріи вѣчнаго прогресса, теоріи цикловъ и пр. сочинительства человѣческаго разума.

А море, а Кастель-гора, а синее небо все тоже, какъ и при появлениі міра... Вместо царицы Федоры въ этой волнѣ купаюсь теперь я, мирный пришелецъ изъ снѣжнаго сѣвера; вместо богатыхъ монастырей, подъ Кастеллю, живетъ-поживаетъ солдатикъ изъ безсрочныхъ, какого-нибудь апшеронскаго полка, карауля за 10 р. сер. чьи-то покинутые виноградники и воюя вместо генуэзцевъ съ барсуками. Вместо византійскихъ кораблей, проплываетъ подъ тѣнью этихъ береговъ про-зицкій кордонный вахтеръ, раздобывшійся зелена *сина* на всю свою казарму.

Надъ всѣми этими тавро-скиѳами, милетцами, босфорцами, византійцами, генуэзцами, готами съ ихъ подвигами и вооруженіями, со всей *мышией блготней* ихъ жизни,— можетъ цинически смеяться море, этотъ сто-

рукій Бриарей, страшный Олимпійцамъ. Оно колыхалось, ревѣло и гладало каменные бока горъ тогда еще, когда ни одно разумное существо не появлялось надъ его поверхностью

Оно гладало эти горы, когда онѣ застроились замками, зазеленѣли виноградниками; гладало, когда онѣ обратились въ могилы, глаждеть теперь, и вѣчно будетъ гладать, насыпая у подножья ихъ груды каменнаго сора, вѣчно будетъ биться и стенать въ берегахъ своихъ, даже тогда, когда уже некому будетъ слушать и трепетать отъ этихъ дикихъ стенаний Титана...

Хорошо дѣлали тѣ, кто бѣжалъ въ пещеры горъ, на берега пустыннаго моря, чтобы умереть тамъ для міра и жить для вѣчности. Лучшей школы не найдти имъ, какъ море и горы! Этотъ громадный скитъ, безъ писаныхъ уставовъ, безъ бичеваній, безъ крѣпкихъ стѣнъ, сдѣлаетъ человѣка молчальникомъ и созерцателемъ.

Черная зимняя ночь на Черномъ морѣ мрачнѣе всякой схимы охватить подавленную душу человѣка; а этотъ неотразимый прибой, вѣчно разрушающій, уносящій и покрывающій, переживающій вѣка и царства, какъ мимолетныя волны, эта всесильная мощь стихіи, заставить всякаго увѣровать, что все на свѣтѣ тленъ и суета...

Можетъ быть, иноки, жившие по зеленымъ горамъ южнаго берега, и знали минуты наслажденія; можетъ быть, ихъ восторгало ни съ чѣмъ несравнимая минута восхода солнца за судацкими горами въ тихое безоблачное утро... Можетъ быть, алые тѣни крымскаго вечера, обливающія такимъ томнымъ огнемъ небо, лѣса и горы, радовали ихъ, какъ радуютъ теперь и меня. Но я знаю, что эти наслажденія и радости неразлучны съ грустью. Общій фонъ всякаго чувства — здѣсь, въ приморской пустынѣ — грусть... Пойте, танцуйте,

смѣйтесь, а на заднемъ планѣ стоять темное облако грусти...

На пустынномъ морѣ въ глаза пристально глядитъ вѣчность; вы отъ нея не заслонитесь, не отвернетесь; она охватываетъ васъ, какъ воздухъ или волна. Здѣсь все вѣковѣчное, стихійное, все — могила индивидуального и случайного...

Можетъ быть, оттого птицы не поютъ на морѣ; можетъ быть, оттого такъ сурово и неподвижно всякое дерево, всякая трава, растущая у моря.

Я говорилъ ужѣ, что нѣкоторыя птицы боятся моря; я убѣдился въ этомъ своими глазами... Человѣку тоже не поется надъ моремъ; даже въ простомъ разговорѣ голосъ его невольно спадаетъ и становится серьезнѣе, словно въ присутствіи кого-то страшнаго... Море, говорить, было началомъ мира, море, говорить, будѣтъ концомъ его. Въ хаосѣ духъ Божій носится надъ водами,— онѣ одни предшествуютъ всякому существу.

Я не видалъ моря въ веселыхъ берегахъ Неаполитанского залива, обставленного смѣюющимися виллами, цвѣтующими садами, исполненного шумною жизнью.

Безъ сомнѣнія, не то говоритъ наблюдателю такое море. Но часто бываетъ тяжело его впечатлѣніе здѣсь, на этихъ безлюдныхъ и бесплодныхъ берегахъ, напоминающихъ Палестину и обожженные солончаки Мертваго моря. Здѣсь ничто не развлечетъ васъ, не отуманитъ иллюзіями, и конечный вопросъ всякаго существованія звучитъ здѣсь съ неотразимою и невыносимою ясностью...

Насколько море страшитъ, настолько ласкаетъ васъ и убаюкиваетъ голубой день и золотое солнце... Подходишь близко-близко къ водѣ, съ сачкомъ въ рукѣ, и начинаешь слѣдить за колыханіемъ цѣлаго стада медузъ, прибитыхъ къ берегу. Прозрачныя, точно едва очерченныя на водѣ какимъ-нибудь нѣжнымъ рѣзцомъ,

эти пузыри жидкаго хрустала, однако, дышать, ёдять и двигаются...

Вытягиваются какиа-то неосязаемыя нити, мелькаютъ сотни микроскопическихъ рѣсничекъ, и безцвѣтная пустота въ безцвѣтномъ тѣлѣ сжимается и раздувается. происходитъ какой-то процессъ, проявляется какая-то жизнь... Много энергіи своего рода, дѣятельнаго стремленія къ цѣли, много борьбы... и вдругъ легкій всплескъ; набѣжавшая волна толкнула прибрежную волну, и прозрачные пузыри неслышно ударились о камни; они всплыли выше, но уже не двигаются ихъ рѣснички, пустота не глотаетъ, и вся прозрачная горбушка разсѣлась по краямъ на лопасти, какъ шляпка прозрачнаго гриба, раздавленнаго ногою. *Было — и нѣтъ ничего!* А въ стадѣ было много молодыхъ, недавно сформировавшихся.

Тысячи такихъ медузъ разбиваются ежедневно въ каждый маленький прибой, на томъ клочкѣ берега, гдѣ я купаюсь; многія тысячи-тысячъ на всемъ берегу. И онѣ родятся, растутъ, хлопочутъ о себѣ. Такъ сложно и вмѣстѣ художественно, просто ихъ устройство, такъ красива ихъ нѣжная жизнь въ этой влагѣ, которая, кажется, гуще ихъ самихъ; вѣрно онѣ нужны для чего-нибудь. Но на пути ихъ голышъ, случайно столкнутый мою ногой,— и онѣ исчезаютъ, *онѣ ненужны больше!..* А мы философствуемъ о судьбѣ народовъ, о законѣ прогресса...

Тишина морѣ для меня страшнѣе волнъ. Волны не даютъ думать, а для человѣка нѣть ничего страшнѣе собственной думы. Волны наполнятъ ваши чувства и вашу мысль; изъ-за ихъ плеска, рева, изъ-за ихъ скачки вы ничего не увидите и не услышите; штурмъ шумитъ у васъ въ груди и голосѣ, и, смущенный шумомъ,

момъ его, притихаетъ капризный хозяинъ, мучающій вѣсль внутри. Когда плывешь въ спокойную погоду отъ берега прямо въ море, въ ту сторону, гдѣ предѣлы пучины недостижимы никакому глазу, совершенно одинъ съ своею фантазіею, и вдругъ дашь себѣ невольный отчетъ въ томъ, что кругомъ тебя, дѣлается дѣйствительно жутко.

Все больше пропадаетъ берегъ, все дальше втягиваетъ вѣсль въ себя море, все глубже становится водная бездна, надъ которой висите вы, напрягая свои слабосильные мускулы.

И кажется, что вы теперь совсѣмъ во власти моря, что оно не дастъ вамъ вернуться назадъ, а будетъ нести вѣсль все дальше и дальше...

Ваша маленькая голова, потерянная въ безбрежной, колыхающейся равнинѣ, одна только чуть виднѣется надъ бездонными хлябями; самый слабый всплескъ волны закрываетъ ее отъ взора... И надъ этой-то крошечной головкой, которая какъ Ноевъ ковчегъ одна несетъ въ себѣ смыслъ и жизнь среди разрушительной стихіи, надъ всѣмъ воцарившейся, надъ этою головою вдругъ тихо начинаетъ вспухать и подниматься легкою горою все необъятное пространство моря, отъ трапезундскихъ и синопскихъ береговъ и отъ одного края горизонта до другаго; поднимается прямо на вѣсль, на вашу крошечную торчащую голову... Прошло, колыхнуло вѣсль на минутку, очистился передъ вами горизонтъ, и опять вся морская равнина медленно начинаетъ подниматься на вѣсль сплошнымъ фронтомъ, опять напирая на вѣсль и колыша вѣсль... Это не волна, это такъ называемый прибой.

Море совсѣмъ тихо, а прибой, гряда за грядой, удаляетъ о берегъ и разсыпается на немъ, шурша голышами. Я не понимаю причины этихъ ритмическихъ, весьма правильныхъ ударовъ. Словно въ морѣ пульсъ бьется. Иногда прибой слабъ, иногда усиливается до

того, что трудно войти въ море. Можно даже замѣтить нѣкоторую периодичность этого усиленья и ослабѣванья.

Невольно хочется видѣть въ этомъ прибоѣ слабые слѣды морскихъ приливовъ. Отъ волненія на морѣ прибой мало зависитъ; случается, что въ большую волну нѣтъ совсѣмъ прибоя, и, наоборотъ, при сильнѣйшемъ береговомъ прибоѣ, остальное море спокойно.

Большой прибой очень красивъ. Берегъ, обыкновенно покрытый водою, обнажается на значительное разстояніе, и вамъ дѣлается видна вся влажная мозаика береговыхъ скатовъ.

Прибой у крутаго берега бьетъ однимъ валомъ, не образуя параллельныхъ грядъ, догоняющихъ одна другую, какъ это замѣчается у мелкихъ береговъ. Валь прибоя густой и тяжелый, грязно-бураго цвѣта, съ пѣнистою гривою на хребтѣ, поднимается иногда выше человѣческаго роста, и, остановившись у подошвы обнаженнаго ската, вдругъ переламывается по всей безконечной линіи своей и тяжело рухаетъ внизъ... Кажется, что онъ обрывается черезъ какой-нибудь невидимый барьеръ. Гуль, плескъ, шипѣніе оглушаютъ васъ; цѣлая скатерть расплещенной воды, кружась и шипя, взбѣгааетъ вверхъ по скату берега, обливая песокъ и голыши на далекое пространство. Отъ бѣлой сплошной пѣны берегъ кажется облитымъ сметаною... Быстро сбѣгааетъ эта водная скатерть опять внизъ, съ шумомъ унося за собой камешки. Интересно входить въ прибой въ моментъ его перелома. У кого спина и грудь не очень церемонны, тотъ только и можетъ пробовать это удовольствіе. Слабогрудому можетъ быть худо. Рѣдко устоишь подъ ударомъ водной массы, обрушающейся на васъ сверху; ноги подlamываются сами собою, камни бѣгутъ изъ-подъ ногъ, и вы описываете такие курбеты, на которые нельзя смотрѣть со

стороны безъ смѣху; прибой закрутить васъ, какъ ловко пущенный волчокъ, и выкинетъ на берегъ вмѣстѣ со щепками и медузами. А прорвитесь сквозь барьеръ прибоя, будете себѣ спокойно плавать по не-подвижной поверхности. Когда смотришь на сильный прибой съ прибрежной горы и можешь окинуть однімъ взглядомъ всѣ входящіе и выходящіе углы боевой линіи берега, всѣ эти бастіоны, образуемые мысами и заливами, то движеніе прибоя кажется энергическимъ штурмомъ огромной арміи, которая дружнымъ, развернутымъ строемъ бросается разомъ на всю линію укрѣплений.

Громъ и стонъ паденія прибоя и несмолкаемая дробь катящихся голышей еще болѣе увеличиваетъ сходство; а бѣлая пѣна, дымящаяся и клубящаяся вдоль всего берега,— совершенный дымъ канонады...

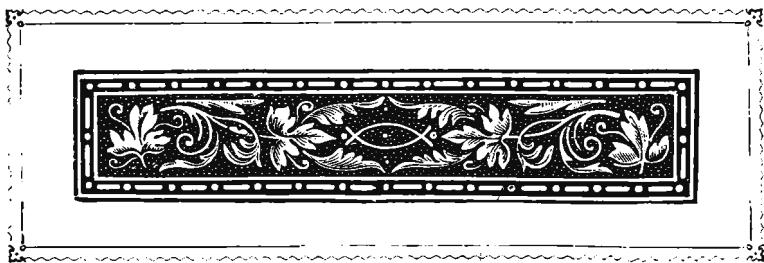
Веселѣе всего плыть по морю въ довольно крупную волну въ компаніи надежныхъ пловцовъ. Вы несетесь на хребтѣ кого-то живаго, упругаго и сильнаго; подъ вами проносятся и ныряютъ какія-то влажныя чудовища, неуловимыя, неудержимыя. Ничто не покоряется вашей волѣ; распущенные, бѣшеные стаи, очертя голову, перегоняютъ другъ друга, и вы — хотите не хотите — неситесь съ ними.

Вотъ вздохъ моря вскинуль васъ высоко, какъ на качеляхъ; вы повисли на макушкѣ волны, мгновенно создавшейся, одно мгновеніе существующей и въ одно же мгновеніе исчезающей. Подъ вами и передъ вами нѣдра моря распахнулись глубокою черною лощиною. Съ пріятнымъ замираніемъ сердца вы стремглавъ падаете въ нее легко и неслышно, будто скатились съ англійской горки; не успѣли очнуться внизу, уже васъ опять взнесло на гребень дрожащаго, прозрачнаго холма, и оттуда открылась опять ожидающая васъ внизу разинутая пасть моря, и вы опять скользите

внизъ, опять на горѣ, опять въ лощинѣ, пока не прибьетъ васъ къ каменистому берегу.

Тутъ нѣтъ никакой опасности; она воображается только людямъ, непробовавшимъ плавать въ волну. Васъ не заливаетъ, не обдаетъ, если вы хоть немного искусный пловецъ. Вы только послушно слѣдите за всѣми изгибами морской поверхности, оставаясь постоянно выше ея, внизу ли вы, вверху ли,— все равно. Одно только скверно въ такомъ купанье: голова кружится, какъ отъ корабельной качки.

X.

Походъ на Кастель.

Утренняя прогулка.— Стены из циклонических постройки Кастели.— Легенда о царице Феодорѣ.— Видъ въ Кастели.— Кратеръ.— Цазада.— Асанскій пустынникъ.— Камышъ-бурунь.

лавно вставать рано. Только четыре часа; солнце хотя надъ моремъ, но еще безъ огня. Даже деревья еще спятъ. Всюду тѣни, всюду роса; что уже живетъ, то еще живетъ въ полуснѣ, не владѣя еще собою.

Оттого такая поразительная тишина. Коровы у дойника молча оглядываются, ожидая доенья, и не мычатъ. Птицы еще не поютъ, да тутъ нѣтъ и птицъ. Мы идемъ, нагруженные сумками, вооруженные палками, холодною лѣсною тропинкою, черезъ горы, къ горѣ Кастели.

Никому не говорится, но всѣмъ хорошо въ этой зеленой, безмолвной степи. Изрѣдка испуганно переползетъ дорогу и спрячется въ лѣсѣ проворная змѣйка, съ хорошенькою и злою головкою, вся въ сѣромъ кружеvѣ. Есть женщины, такія же красивыя, такія же

опасныя Кастель стоитъ такъ близко, когда смотришь на нея изъ окна. А гора за горою перелѣзается, одна выше другой, а она все еще далека и высока по-прежнему. Когда начинается подъемъ на него, море видно хорошо и широко. Дорожка каменистая, усыпанная обломками, вся въ лѣсу. Тутъ кругомъ, впрочемъ, лѣсь, куда ни пойди; сама Кастель въ лѣсу съ пяты до макушки. Этимъ она отличается отъ старѣвшихъ великановъ, своихъ сосѣдей, Бабугана, Чатырдага, Демерджи, на которыхъ поясъ лѣсовъ кончается ниже макушки. Дорожка скоро кончается. Теперь надо ползти вверхъ; камни скользятъ и обрываются; если бы не деревья,— не взлѣзть бы. Но за то деревья держать больше, чѣмъ бы нужно. Тутъ есть прескверный кустъ *эржи-дерево*, съ длинными колючками, которая не любятъ выпускать того, что въ нихъ разъ попало. Самъ кустъ очень красивъ; я уже говорилъ, что имъ обросли всѣ скалы морскихъ береговъ, вмѣстѣ съ бальзамическимъ тамариксомъ, худосочнымъ дубнякомъ и какою-то другою колючею породою, въ родѣ бересты.

На горѣ къ нимъ присоединяется колючій шиповникъ, колючій терновникъ и колючій боярышникъ.

Если еще прибавить, что три четверти растеній, растущихъ на глинистыхъ камняхъ, тоже колючки, то нельзя будетъ не сознаться, что семья горныхъ колючекъ достаточна для того, чтобы сдѣлать горный путь любопытному туриstu буквально тернистымъ.

На полугорѣ змѣи уже не попадаются, зато безконечное множество самыхъ маленькихъ ящерицъ; особенно красива мѣдяница, зеленая какъ ярь и золотистая какъ бронза.

Удивленныя шумомъ шаговъ, онѣ выбѣгаютъ изъ-подъ камней и съ быстротою полета спасаются подъ другое камни. Трава долго остается погорѣлою и жел-

тою, несмотря на подъемъ; отъ этого еще пуще скользить нога; деревья становятся крупнѣе и разнообразнѣе, по мѣрѣ движенія вверхъ, видно, здѣсь ихъ не такъ легко достаетъ татарскій топорь. Впрочемъ, и ихъ рубятъ сильно.

Часто встрѣчаешь ровненькие дубки, безъ вѣтокъ, скученные сверху, и видишь на глинистой почвѣ борозды, ими оставленныя. Эти постоянныя скатыванія бревенъ также немало сглаживаютъ неровности склоновъ и затрудняютъ путь.

Лѣзть на Кастель долго и очень трудно. Въ первой половинѣ своей она едва не отвѣсна; отдохать надо часто. Сумки съ бутылками и провизіей немало обременили насть. Немного выше половины горы, тамъ, гдѣ склонъ изъ очень крутаго дѣлается покатымъ, лежать широкимъ и длиннымъ поясомъ развалины стѣны, окружавшей когда-то гору Кастель.

Камень небольшой, очевидно наломанный, очень крѣпкій и звонкій, трахитовой породы. Онъ былъ кладенъ насухо, и потому, можетъ быть, стѣна рухнула до основанія.

Повыше встречается другая стѣна, совершенно такая же и въ совершенно такомъ же состояніи. Кастель была защищена двойнымъ кольцомъ укрѣплений.

Вершина Кастели плоская, зеленая равнина, вся въ цвѣтахъ и въ древнихъ тѣнистыхъ деревьяхъ. Ясени особенно красивы и многочисленны. Они до самой макушки, и до послѣдняго сучка, въ длинномъ, можнатомъ и сѣдомъ лишай. Этотъ лишай виситъ, какъ шерсть животнаго и придаетъ деревьямъ старческій и таинственный видъ. Онъ овладѣлъ здѣсь всѣми деревьями, но ясению въ особенности. Вѣроятно, утреннее пребываніе облаковъ на темени горы и вообще постоянная сырость лѣсистой вершины, въ соединеніи съ палиющимъ жаромъ дня, вызываютъ въ такихъ размѣрахъ

развитіе паразитовъ. Очень старые ясени, очевидно, прожившіе многія столѣтія, большою частію пусты внутри и даже нѣсколько распахнуты, такъ что ихъ сухой футляръ видѣнъ и снутри, и снаружи, — можете влѣзть въ него, если хотите. Вотъ это, что называется, остались кости да кожа... Травы и цвѣты наверху совершенно наши, русскіе. Я это замѣтилъ съ особыннымъ удовольствіемъ. Но деревьевъ много мѣстныхъ,— кизиль, мушмула и другія. Поляны, лужайки и тѣнистыя природный бесѣдки — самыя завлекательныя, особенно послѣ глины и жару. Но почти на всякомъ шагу натыкаешься на груды камней.

Эти камни — слѣды давнихъ жилищъ, неизвѣстно кѣмъ строенныхъ и неизвѣстно когда покинутыхъ. Они лежать обыкновенно между купами деревьевъ круглою кучею, въ круглой ямѣ. Слѣдовъ известки и другихъ строительныхъ матеріаловъ рѣшительно нѣтъ; мы копались немного въ камняхъ, разбрасывая ихъ до порядочной глубины, но не находили ничего, кроме черепковъ весьма крѣпкой каменной посуды, да и тѣ попадались рѣдко. Иные развалины ясно показывали, что жилище состояло изъ нѣсколькихъ отдѣленій, но все-таки круглая форма была господствующею. На самой срединѣ верхней площадки Кастели, также между деревьями, мы нашли развалины, значительно отличающіяся отъ всѣхъ другихъ.

Слѣды известковой кладки были сразу замѣтны; правильно тесаныя плиты прекраснаго красноватаго камня во множествѣ встрѣчались въ кучахъ; остатки посуды были многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; сами развалины составляли порядочный холмъ, разъ въ пять обширнѣе и выше всѣхъ остальныхъ: хорошо еще замѣтно раздѣленіе постройки на отдѣленія, которыхъ не менѣе пяти. Это единственный остатокъ, сколько-нибудь напоминающій о жилищѣ цивили-

зованныаго человѣка; остальные скорѣе похожи на слѣды каменныхъ шалашей первобытныхъ обитателей Европы, чѣмъ на развалины византійскаго жилища. Можетъ быть, развалины, о которыхъ я сказалъ, были прежде тѣмъ самыемъ монастыремъ св. Прокла, который многие предполагали на самой вершинѣ Кастели, а Кеппенъ относитъ къ одному изъ склоновъ Кастели, гдѣ и теперь мѣсто носитъ татарское название: «Ай-Брокуль». Про этотъ монастырь существуютъ весьма подробныя легенды, живущія, говорятъ, и досель въ памяти народа. Онъ связаны преимущественно съ имѣнемъ царицы или княгини сугдайской Феодоры, которая почитается въ народѣ какъ-бы святою, и которой жизнь, какъ увѣряетъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей старины, описана въ нѣкоторыхъ греческихъ лѣтописяхъ.

Этой царицѣ-монахинѣ, добродѣтельной и вмѣстѣ неустршимой, принадлежалъ, говорятъ, въ XIV столѣтіи весь южный берегъ.

Кастель съ монастыремъ были любимымъ ея мѣстомъ-пребываніемъ, а настоятель монастыря, отецъ Иоаннъ, былъ довѣреннымъ совѣтчикомъ дѣственной государыни.

Изъ Кастели, говорятъ, шель колодезь въ подземелье, которымъ спускались въ море и къ источнику. На Кастели было нѣсколько церквей, много башенъ и разныхъ жилищъ. Когда каѧне отняли, одну за одной, всѣ крѣпости благочестивой царицы, Судакъ, Алустонъ и другія,— она удалилась на свою любимую Кастель. Рассказывается весьма романическая исторія ея кончины. Она была красавица собою и обожаема всѣми. Въ нее влюбился ея пріемный братъ, человѣкъ съ властолюбивымъ и страстнымъ характеромъ.

Онъ долго и напрасно преслѣдовалъ ее, наконецъ, рѣшился погубить.

Ночью онъ отворилъ врагу ворота крѣпости Кастели.

Царица, сражавшаяся всегда впереди войскъ, погибла въ кровавой ночной сѣчѣ, вмѣстѣ съ другимъ названнымъ братомъ и множествомъ воиновъ.

Татары до сихъ порь показываютъ на югозападной сторонѣ Кастели слѣды кровавыхъ ручьевъ, стекавшихъ по скаламъ; я видѣлъ эти ручьи: въ нихъ дѣйствительно замѣтно вѣнчнее сходство съ запекшуюся кровью, что, вѣроятно, и подало поводъ къ повѣрю.

Впрочемъ, и татарскія названія скаль свидѣтельствуютъ то-же. Замѣчательно, что, въ 1832 году г.. по свидѣтельству Кеппена, продавецъ Кастели говорилъ нынѣшнему владѣльцу, что на Кастели находятся три церкви: св. Иоанна, св. Константина и св. Николая. Совпаденіе этихъ именъ съ именами приведенной легенды заслуживаетъ вниманія, хотя Кеппенъ никогда не нашелъ остатковъ этихъ церквей. Не бывть ли это одинъ храмъ о трехъ придѣлахъ надъ могилами почитаемыхъ людей, и не его ли слѣды замѣтны въ большой развалинѣ, о которой я говорилъ?

Преданіе о подземномъ ходѣ сохранилось свѣжѣе всякаго другаго; всѣ окрестные татары и даже многіе образованные владѣльцы вѣрятъ, что подъ Кастель можно пройти сквозь заваленныя камнемъ желѣзныя ворота; мѣсто этихъ воротъ и теперь носитъ название Темиръ-Хапу (желѣзныя ворота).

Думаютъ, что въ подземельѣ скрыты образа и разная драгоценная утварь соудѣднихъ монастырей и церквей.

Бывший владѣлецъ Чолмекчи разсказывалъ, что, проѣзжая разъ Темиръ-Хапу, онъ встрѣтилъ тамъ сидящаго старого грека изъ Цареграда, который нарочно прибылъ сюда съ книгами для розыска; но, увидя трудность предпріятія и не имѣя времени, долженъ былъ уѣхать обратно. Онъ совѣтовалъ разскащику проникнуть въ подземелье и говорилъ о большихъ богатствахъ, въ немъ скрытыхъ.

Болѣе достовѣрные люди говорили мнѣ, что при Воронцовѣ дѣйствительно были найдены въ указанномъ мѣстѣ желѣзныя ворота, замыкавшія стѣну, и что онѣ были увезены по приказанію князя.

Тогда же найдена была на вершинѣ Кастели мраморная колонна, тоже куда-то увѣзенная, кажется, та самая, которая лежитъ въ алупкинскомъ саду.

Владѣтельница Чолмекчи, хорошо знакомая съ археологическою литературою Крыма и съ его живыми преданіями, разсказывала мнѣ, что, лѣтъ двѣнадцать назадъ, она еще видѣла и даже часто посѣщала остатки каменного жилища съ тремя окнами, наподобіе готическихъ, и дверями,— стоявшаго въ складѣ горы, на ея склонѣ; впослѣдствіи все было разрушено. Она же видѣла много череповъ и костей въ древнихъ могилахъ, разрытыхъ на западной сторонѣ Кастели, у самой вершины.

Недавно еще, устраивая новый виноградникъ, недалеко отъ Кастели, находили остатки обжигательныхъ печей, уголь и множество битой посуды и черепицы.

Ясно, что въ долинѣ между Кастелью и Алустономъ приготавлялись необходимые матеріалы для хозяйства крѣпости и монастырей. Вѣроятно, здѣсь же приготавлялись и тѣ водопроводныя трубы, которыя были найдены при устройствѣ новой шоссейной дороги въ 1831 г., и посредствомъ которыхъ вода проводилась встарину на Кастель, съ одной изъ ближайшихъ вершинъ Яйлы. Слѣды водопроводной канавы доселѣ замѣтны.

Интереснѣйшее мѣсто Кастели — это юго-восточный ея носъ, самая возвышенная точка всего горнаго шатра. Тамъ сгруппированы огромные трахитовые камни въ видѣ разрушенныхъ башенъ, господствующихъ надъ обширною окрестностью.

Очень можетъ быть, что эти естественные твер-

дыни входили въ составъ древнихъ укрѣпленій; трудно было не воспользоваться такими готовыми бойницами и такими удобными сторожевыми пунктами.

Мы замѣтили возлѣ главной группы этихъ камней весьма явственный, довольно широкій сходъ, спускающійся спиралью въ пропасть; ступеней семь сряду были дѣлы.

Путешественникъ, попавшій на Кастель, доставить себѣ большое удовольствіе, если вскарабкается на самый высокій камень, и огляднется кругомъ. Онъ будетъ тамъ въ области орловъ и въ положеніи орловъ.

Вся мѣстность отъ Аю-Дага, съ одной стороны, до Судацкихъ горъ съ другой — будетъ подъ нимъ; онъ можетъ разматривать ее буквально, какъ на ладони.

Аю-Дагъ прилегъ къ самому морю и далеко въ море, и его темная горбатая спина тяжкою грудью навалилась на медвѣжью морду, припавшую къ водѣ. Аю-Дагъ значитъ *медвѣжья гора*; русскіе такъ и зовутъ ее. У европейцевъ она верблюдъ-гора; ясно, что сутуловатая спина и звѣриная морда рисуются каждому при взгляде на гору.

Аю-Дагъ выступаетъ въ море такъ далеко, какъ ни одна гора Крыма. Кроме того, при Аю-Дагѣ юго-восточный берегъ дѣлаетъ рѣзкое колѣно. Все это дѣлаетъ положеніе горы весьма важнымъ и весьма замѣтнымъ. На Аю-Дагѣ въ древности была также крѣость, изъ которой сигналы легко были видны въ Кастели.

Собственно, настоящая Кастель-гора и есть Аю-Дагъ. Ее часто зовутъ *Бюкъ-Кастель*, въ отличіе отъ *Кучукъ-Кастели*, той, на которой я стою. *Бюкъ* значитъ большой, *кучукъ* — малый; а Кастель греческое слово — замокъ или крѣость; иначе сказать, «малая крѣпостная гора» и «большая крѣпостная гора». Построенная на выдающемся углу берега, въ точкѣ его сильного поворота, крѣость Аю-Дагъ должна была

играть у грековъ особенно важную стратегическую роль; оттого въ его тѣни, между нимъ и Кастелью, укрылись древне-греческія урошица,—Партенитъ и два Ламбата, въ которыхъ археологи узнаютъ древне-греческую колонію Лампасъ, единственную исторически-извѣстную колонію собственно на южномъ берегу. О ней, какъ говорятъ изслѣдователи крымскихъ древностей, еще въ 90-мъ году до Р. Х. упоминаетъ греческій писатель Скинъ.

Всѣ прочія поселенія южнаго берега дѣлаются извѣстными только въ византійской исторіи грековъ. Для нась, впрочемъ, интереснѣе то обстоятельство, что нашъ Пушкинъ любовался Аю-Дагомъ и почтилъ его своимъ золотымъ стихомъ.

Кучукъ-Ламбатъ, имѣніе кн. Гагариной, выступаетъ въ море какимъ-то игрушечнымъ мысикомъ; въ его зелени бѣлѣются маленькия точки, вѣроятно — постройки изрядныхъ размѣровъ.

Поближе къ намъ другой мысикъ, такой же микроскопической; однако, это тоже цѣлое имѣніе, именно Карабагъ, принадлежащее покойному академику Кеппену, тому самому, котораго капитальными изслѣдованіями необходимо пользуется всякий любопытный обозрѣвателъ Крыма.

Повыше, на склонѣ предгорій — старая татарская деревня *Бюкъ-Ламбатъ*, на почтовой ялтинской дорогѣ; тамъ и станція. Всѣ деревни называются здѣсь по имени своихъ горъ.

Надъ Бюкъ-Ламбатомъ громоздятся уже очень большія горы; сплошные лѣса круто уходятъ вверхъ и покрываютъ зелеными покровами всѣ склоны, доступные взору. Только Парагильменъ стоитъ костлявой и сѣрий, словно обглоданный, среди этихъ волнъ зелени.

Отсюда, сверху, видна вся громадность горъ, мас-

кируемая внизу предгорями. Онъ кажется гораздо ближе и гораздо выше.

Но нисколько не менѣе интересна другая перспектива, открывающаяся съ утесовъ Кастели.

Утесы эти не висятъ прямо надъ моремъ, и даже не составляютъ крайняго обрыва горы. Они висятъ не надъ моремъ, но надъ хаосомъ.

Подъ ними огромный кратеръ, засыпанный, можетъ быть, на страшную глубину, глыбами и цѣльными утесами трахита. Кратеръ этотъ уходитъ къ срединѣ воронкою, а по краямъ кончается такими же утесами, какъ и тѣ, съ которыхъ я любуюсь на него. Его нельзя предчувствовать, стоя отъ него въ двухъ шагахъ: такъ плотно онъ заслоненъ зеленью ясеней и торчащими утесами. Но влѣзьте на утесъ, — и вы надъ хаосомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное землетрясеніе раскололо макушку Кастели. Я не думаю даже, чтобы оно было въ доисторическую эпоху.

Писатели о Крымѣ цитируютъ византійскаго лѣтописца Кедрина, который упоминаетъ о страшномъ землетрясеніи, распространившемся изъ Греціи даже до Крыма, въ XIV столѣтіи. Нѣтъ ничего удивительного, если и Кастель треснула только тогда.

Мѣстные жители тоже разсказываютъ о великомъ землетрясеніи, какъ о событии вполнѣ историческомъ; уверяютъ даже, будто на мѣстѣ кратера стоялъ дворецъ Феодоры или монастырь, и будто въ камняхъ этого провала нашли ту мраморную колонну, о которой я упоминалъ.

Рѣдко можно видѣть мѣстность болѣе дикую и грозную.

Я не думаю даже, чтобы наши крымскіе туристы были хорошо знакомы съ ней... Стихія искрошили громадныя скалы въ этотъ каменный соръ такъ же легко, какъ пальцы человѣка крошатъ кусочекъ хлѣба...

Всякая изъ этихъ соринокъ вѣситъ одна тысячи и сотни тысячъ пудовъ.

Съ первого разу кажется, что какое-то предиамѣре-
ніе участвовало въ этомъ тщательномъ раздробленіи ка-
менной громады; скорѣе хочется вообразить, что сюда
обрушилась какая-нибудь неизвѣрная циклопическая
постройка. Камни лежать точно куски колотаго са-
хару, еще совершенно свѣжіе. Между ними иногда
растутъ груша или ясень, но больше торчатъ обнажен-
ные трупы грушъ и ясеней. Деревья выживаютъ не-
долго въ трещинахъ этихъ обломковъ; они зелены, пока
еще дѣти, но скоро изсыхаютъ и умираютъ голодною
смертью.

Мы спустились внутрь этого хаоса, перебираясь
довольно удобно по огромнымъ камнямъ, и выкарабка-
лись изъ него на противоположной сторонѣ на такіе же
высокіе утесы.

Ящерицы встрѣчали настъ и разбѣгались во всѣ сто-
роны. Должно быть, не часто доставляютъ имъ это
развлеченіе.

Выспавшись подъ тѣнью ясеней, на весьма мягкой
подстилкѣ изъ моха, который цѣлыми войлоками сни-
мается съ камней, напившись довольно мало воды и
довольно много вина и закусивши кой-чѣмъ, двинулись
мы съ Кастели уже совершенно другою дорогой, именно,
стали спускаться по западному склону ея, въ виду
Аю-Дага, Парагильмена и зеленої Яйлы...

Съ этой стороны спускъ гораздо легче, и лѣса
почти нѣтъ: когда-то здѣсь проходилъ водопроводъ, о
которомъ я упомянулъ. Мы напрасно искали слѣдовъ
его. Я былъ очень радъ, что мы выбрали для возвра-
щенія эту дорогу. Точка зрѣнія на море, когда вы очу-
титесь въ головицѣ долины, единственная по своей
поразительной живописности. Строгая простота и величе-
ственность пейзажа доставляютъ высокое наслажденіе;

если вы сколько-нибудь художникъ внутри души вашей, вы остановитесь, объятые безмолвнымъ восторгомъ, и не скоро сойдете съ вашего мѣста.

Описывать тутъ нечего: все состоитъ изъ двухъ вѣщей, и все скажется въ двухъ словахъ.

Справа у васъ Кастель, поднимающаяся изъ глубокой долины, но Кастель не зеленая, а закованная съ пятокъ до макушки въ трахитовую броню; съ лѣвой—зеленая предгорья Аю-Дага, и въ рамкѣ этихъ двухъ горъ, въ какой-то особенно далекой глубинѣ, какою-то особенно чарующею синевою колышется безмѣрное море.

Все дѣло въ сопоставленіи отвесной горной крутизны съ удивительною глубиною, на которой видно отсюда море, поверхъ макушекъ лѣсистаго ущелья. Вы спускаетесь къ этому зовущему васъ морю тѣнистыми лѣсными дорогами, по карнизамъ сырыхъ ущелій. Сколько этажей въ этомъ спускѣ — трудно запомнить.

Я уже говорилъ, какъ обманываетъ неопытнаго человѣка горное странствованіе.

Десятки разъ вы тщетно надѣетесь, что сейчасъ будете на песку морскомъ, и десятки разъ горько убѣждаетесь, что подъ вами еще цѣлые этажи горъ, которые нужно перешагнуть вершокъ за вершкомъ собственными подошвами.

Кажется, протянулъ руку, и тамъ; а смотришь, прошелъ битыхъ два часа. Точно такъ же обманчивы и разстоянія горизонтальныя.

Никакъ не хочешь вѣрить, чтобы до горы, которую едва не ощупываешь пальцами, и на которой вамъ ясень каждый кустъ, было такъ далеко.

А между вами и ею нѣсколько сель, много большихъ имѣній, даже полей и лѣсовъ. Ясно, что не пройдешь скоро.

Впрочемъ, самый нетерпѣливый человѣкъ не имѣлъ бы повода претендовать на разстояніе, путешествуя по

этимъ дикимъ горнымъ садамъ. Здѣсь уже много юга, много новаго и необыкновеннаго для жителя сѣвера.

Незнакомыя породы деревъ, незнакомая спла растительности. Особенно интересны и хороши ліаны. Здѣсь два сорта ліанъ: дикій виноградъ и ломоносъ или клематисъ. Клематисъ — владыка и краса здѣшнихъ лѣсовъ.

Онъ охватываетъ васъ своимъ нѣжнымъ запахомъ, какъ только нога ваша вступаетъ подъ сѣни лѣса... Онъ заставляетъ цвѣсти для васъ густыми бѣлыми цвѣтами и дубъ, и ясень, и грушу, которые давно уже отцвѣли... За всѣхъ цвѣтеть и пахнетъ, и зеленѣеть онъ самъ. Вы его не отличите отъ деревьевъ, которыхъ онъ одѣваетъ своими цѣплыми плетями; онъ взбирается на самыя высокія вершины столѣтнихъ великановъ и наряжаетъ ихъ, какъ молодыхъ на свадьбу; его бѣлые кисти ползутъ по стволу и свѣшиваются съ вѣтокъ обильными и пахучими гирляндами; онъ цвѣтущимъ мостомъ и кудрявыми цѣпями перекидывается съ одного дерева на другое, заполоняя цѣлья чащи.

Но не думайте, чтобы легко было отдѣлаться отъ нѣжныхъ объятій этого цвѣтущаго красавца; не довѣрайте мнимой воздушности его гирляндъ... Онъ ползетъ отъ земли такими упругими и толстыми канатами, которые крѣпче любого ствола. На старомъ дубѣ можно найти десятки этихъ змѣвидныхъ тяжей, уже одеревѣнѣвшихъ, но крѣпко натянутыхъ; ихъ можно принять за воздушные корни. Они свиты внутри изъ безчисленнаго множества тягучихъ волоконъ и закручены какъ жгуты. Обыкновенная толщина ихъ въ ружейное дуло; но попадаются и толще.

Канаты дикаго винограда еще крѣпче и доходятъ до толщины руки. Изъ дикаго винограда приготовляютъ здѣсь красивыя и крѣпкія палки, отъ тоненькой тросточки до самой массивной дубины; свѣжій стволъ

гнется въ рукояткѣ довольно легко, но черезъ нѣсколько времени твердѣетъ и дѣлается несокрушимыемъ.

Въ каменныхъ мѣстахъ вы найдете еще плющъ, онъ самымъ невиннымъ образомъ устилаетъ своею живописною зеленою углы и впадины камней.

Еще одинъ признакъ юга, признакъ гористаго и сухаго юга, это — цикада...

Слыхали ли вы когда звонъ цикады, читатель? Если не слыхали, то не поймете меня. Вамъ кажется сначала, что въ лѣсу зачирикало безчисленное множество птичекъ; весь воздухъ наполняется зычнымъ и жесткимъ крикомъ; онъ несетъ съ вершины деревьевъ и разсыпается кругомъ, какъ барабанная дробь. Это продолжается не полчаса, не часъ, даже не два часа, это продолжается десять, двѣнадцать часовъ сряду, и болѣе...

Какъ только солнце пригрѣтъ землю, цикада затрещала... Но юбилей ея — это полдень.

Кажется, каждый сучокъ, каждый листочекъ надрывается отъ крику; вы оглушены этими мириадами жестяныхъ бубенчиковъ, назойливо болтающихъ вамъ въ уши свою однообразную ноту; такъ дружно и такъ настойчиво горланятъ, повременамъ, развѣ только лягушки, и то если имъ очень уже привольно въ ихъ болотѣ.

Трудно вѣрить, чтобы этотъ оглушительный трескъ производило насѣкомое. Я долго ухитрялся, какъ бы увидѣть цикаду: она обыкновенно садится на верхнихъ сучьяхъ и чаще всего на сухихъ; а на сухомъ сукѣ трудно разглядѣть сѣрую одежду цикады. Однако, мнѣ удалось видѣть ихъ, такъ-сказать, на мѣстѣ преступленія. Глазатая, съ четырехугольною головою, цикада сидѣла, пристывъ плотно къ засохшей вѣточкѣ, которой кора совершенно не отличалась отъ окраски насѣкомаго; прозрачныя, длинныя крылья были неподвижно

вытянуты, а брюшко быстро колебалось внизъ и вверхъ, кажется, ударяя о крылья.

Когда мы согнали цикаду, она полетѣла съ особенно рѣзкимъ крикомъ и заколотила въ свой барабанъ на ближайшемъ деревѣ. Мне показалось даже, что при приближеніи человѣка музыка значительно усиливается, словно лѣсной оркестръ играетъ намъ тушу. Скоро привыкаешь къ этому треску, и перестаешь замѣчать его, какъ мельникъ перестаетъ замѣчать вѣчный шумъ своего колеса.

Однако, какъ ни ново, какъ ни очаровательно было кругомъ, жара и камень измучили нась. Становилось просто невтерпѣжъ; лѣсъ не могъ защитить отъ палиящихъ лучей, лившихся отовсюду: сверху съ неба, снизу изъ камней дороги, сбоку — съ утесовъ горы.

Скоро забыли любоваться яркими теребинтами и другими невиданными породами деревъ, забыли рвать цвѣты и оглядываться на каждое ущелье, открывавшееся на пути. Громче всѣхъ желаній вопило одно: — напиться и укрыться въ тѣнѣ; вожатый нашей компании велъ теперь насть въ избушку аѳонского старца, который живетъ съ этой стороны Кастели, среди лѣсовъ, прямо надъ моремъ. Кушниковъ, владѣтель Кастели, уступилъ свое имѣнье во временное владѣніе аѳонскому монастырю, и монастырь прислалъ этого старца управлять лѣсами и камнями Кастели.

Мы нескоро добрались до избушки, однако, добрались-таки. Виноградники выдали ее прежде всего: выдали потомъ стожки сѣна и пирамидальные тополи, окружающіе усадебку. Среди рѣдкаго лѣса открылся мирный, уютный скитъ инока.

Длинная татарская изба, прислоненная, по обычаю, задомъ къ горѣ, съ плоскою крышею, на которой было навалено цѣлое хозяйство, съ открытой, самодѣльной

галлерейкой вокругъ всей избы, подъ которой стояло, лежало и висѣло столько же разныхъ потребностей хозяйства, сколько на крышѣ; крошечный сарайчикъ съ погребкомъ, крошечный огородъ, крошечная пасека въ деревьяхъ усадьбы, да невинный лѣнивый песь, неизвѣстно за что привязанный на цѣпь,— вотъ и весь скитъ... Тутъ такъ же тихо, какъ и на темени Ка-стели...

Тонкіе, стройные тополи неподвижно вырѣзаются на глубокой синевѣ неба; ярко блѣдѣтъ въ зелени безмолвная, освѣщенная солнцемъ изба; листья, травы не шевельнутся; ни пѣтуха, ни воробья, ничего голоса, ничего шага, словно вымерло все; даже собака лежить въ канурѣ, не подавая признака жизни.

Надъ крышей избы, такъ, кажется, близко поднимается крутымъ шатромъ каменная Ка-стель; изъ нея льется безмолвіе и неподвижность на всю окрестность...

Впереди, глубоко у ногъ, море. Оно струится си-нею рѣбью, но такъ же безшумно, какъ и все кругомъ.

Нельзя представить себѣ болѣе характернаго жилища отшельника. Мы молча вошли во дворикъ, густо заросшій высокой травой; змѣя, грѣвшаяся на солнцѣ, испуганно зашумѣла травой, спасаясь въ ней отъ давно неслыханного ею движенія и звука.

Обошли хату — никого; пріотворили дверь, заглянули — никого. А все здѣсь подъ рукою; бери, кто хочеть: на галлерею и постель, и вино, въ открытой комнатѣ образа.

Видно, Петръ Лѣонскій сторожить эту довѣрчивую пустынку.

На многократныя воззванія наши появился, наконецъ, мужчина лѣтъ 60, въ монашескомъ ватошномъ подряснике, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, и въ высокой войлочной шапкѣ. Онъ былъ заспанъ и весь въ сѣнѣ; нашъ крикъ поднялъ его съ прохладнаго ложа

въ стогѣ свѣжаго сѣна, окруженному деревьями... Несмотря на эту прохладу, онъ былъ красенъ и мокръ, какъ московскій купчикъ, по выходѣ изъ бани.

Удивляюсь, почему монаху необходима такая тяжелая, жаркая одежда, и какое устраненіе грѣха заключается въ этой обязанности вѣчной нечистоты?

Старикъ принялъ насъ вѣжливо, но сонно; ввелъ въ комнату, усадилъ, старался побесѣдоватъ, на сколько позволяли ему слипающіеся глаза и разслабленіе всѣхъ членовъ отъ солнечнаго зноя. Келейка его была убрана аккуратно, хозяйственно и обильно. Много иконъ въ хорошихъ окладахъ, много лампадокъ, налойчики, изрядное собраніе духовныхъ книгъ огромнаго формата, опрятно разставленныхъ въ шкафчикѣ, на гвоздикѣ рясы и шляпы, въ углу нѣсколько посоховъ, кадило.

Задняя часть комнаты была превращена въ мастерскую; тутъ висѣли и лежали всевозможные столярные и плотничныи инструменты. Старикъ дѣлалъ все самъ и, повидимому, имѣлъ домовитую жилку. Самъ вариль себѣ кушать, самъ дѣлалъ вино, копался въ виноградникѣ. Впрочемъ, онъ былъ русскій человѣкъ, и потому, несмотря на иконы и налой, отъ него породично несло водочкой.

Первый его вопросъ намъ былъ: «не хотите ли, господа, винца?» Онъ очень удивился, когда мы, вместо вина, пожелали воды, однако ничего не сказалъ и принесъ воды.

— Вы двое тутъ живете? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я одинъ, да старичекъ со мною, работникъ, — отвѣчалъ мнѣ монахъ, замѣтно задѣтый за живое тѣмъ, что я смѣшалъ его съ простымъ работникомъ.

Нѣсколько времени разговоръ нашъ держался на Аeonѣ, на монашеской жизни. Кастельскій пустынникъ говорилъ какъ-то натянуто, безъ желанія и безъ умѣнья, и постоянно сворачивалъ на другую тему.

Видно, что эта тема слишкомъ прискучила ему и мало интересовала его. Но когда свели бесѣду на хозяйственныя вопросы, монахъ нашъ совсѣмъ разошелся. Откуда взялась болтливость, русская сметка и наблюдательность. Сквозь сонную физіономію аeonскаго инока незамѣтно проглянула здоровая и умная рожа какого-нибудь русскаго старосты. Болѣнь винограда, сѣнокость, дороговизна припасовъ — увлекли пустынника, какъ и всякаго грѣшнаго хозяина.

Онъ очень плакался на барсуковъ и дикихъ козъ, которые жрутъ по ночамъ виноградъ, и рассказалъ намъ свою охоту на нихъ.

Цѣны на красное вино заинтересовали его болѣе, чѣмъ самый важный вопросъ церковной догматики. А одного изъ спутниковъ нашихъ, опытнаго винодѣла, передававшаго ему секретъ лечения винограда, пустыннослужитель слушалъ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто ему открывалась вдругъ тайна достиженія царства небеснаго.

Нашъ русскій народъ кажется попреимуществу практикъ, попреимуществу неспособенъ къ умозозерцаніямъ и платонизму всякаго рода. Даже когда вопросы наши относились къ Аeonскимъ горамъ, онъ и тутъ сѣумѣль придать разсказамъ своимъ тотъ хозяйственныій, прозаически-разсчетливый тонъ, который былъ вообще свойственъ ему.

Этотъ старецъ, отрекшійся отъ суетъ міра, съ весьма обстоятельными подробностями и не безъ зависти, рассказывалъ намъ, какъ много разнаго добра собираетъ игуменъ Пантелеимонова монастыря и какъ мало даетъ онъ монахамъ.

Желая слышать отъ него о внутренней жизни монастырей, о настроеніи духа иноковъ, о красотѣ аeonской природы, мы усlyхали, взамѣнъ, отчетливую табель мѣстныхъ рыночныхъ продуктовъ и цѣнъ на

нихъ. Лукъ, капуста, ржаная мука, были у него на первомъ мѣстѣ, при сравнительной оцѣнкѣ удобствъ той или другой монастырской жизни. Между прочимъ, онъ говорилъ, что прежде Аѳона долго жилъ въ одной изъ русскихъ лавръ.

— Гдѣ же было лучше? — спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать? Для души-то, оно, положимъ, тамъ лучше, *ну, а для тѣла будто бы здѣсь!*

И тонъ его голоса ясно показалъ намъ, какая изъ двухъ категорій жизненныхъ удобствъ заслуживаетъ его искреннее одобреніе.

Мы всѣ предполагали, глядя на его тихое, домовитое хозяйство, что онъ донельзя доволенъ своею участью: независимый, здоровый образъ жизни, прекрасная природа и необходимая степень довольства — все, чего можетъ желать человѣкъ, тѣмъ болѣе монахъ, — дано ему въ этой зеленої пустынкѣ.

Но на повѣрку оказалось, что отець-инокъ считаетъ себя весьма несчастнымъ: труды его просто каторжные, холодно, голодно, ничего нѣть, никто не помогаетъ.

Мы хотѣли упомянуть о морѣ, о скалахъ, но онъ ихъ-то и выставилъ, какъ главныя неудобства.

Сапоги изобѣешь, шляясь къ ключу, внизъ да вверхъ, по скаламъ; а съ моря вѣтры холодные, туманы.

Владѣльца, отдавшаго монастырю имѣніе, инокъ нашъ считалъ чуть не личнымъ оскорбителемъ и притѣснителемъ своимъ и безпощадно ставилъ ему на счетъ все то, чего не достаетъ его имѣнію.

Видно, онъ на своеемъ Аѳонѣ позабылъ старую русскую пословицу: «дареному коню въ зубы не смотрятъ».

Отдохнувъ въ кельѣ, мы попросили инока проводить насъ къ знаменитымъ Темиръ-Хапу, о которыхъ я уже говорилъ.

Бесѣда въ кельѣ навела меня на грустныя мысли о нашемъ национальномъ характерѣ.

Всегда всего мало, всегда все дурно, и ни одного шагу къ большему, къ лучшему; эта ругня для ругни, это органическое недоброжелательство ко всѣмъ, соединенное съ полнѣйшею собственною распущенностью — явленіе далеко не случайное. Если монаху неудобна кастьская пустынька, то я не знаю, гдѣ ему будетъ хорошо.

Для духа, который способенъ съ страстью искренностью отдаваться идеаламъ вѣчной жизни и разорвать свою связь съ міромъ, для него это трижды блаженный уголокъ! Древніе пустынножители, монахи-поэты, монахи-страдальцы, монахи-молитвенники, бѣжали въ такие уголки издалека и вопреки всему. Здѣсь они обрѣтали то, по чемъ томился духъ ихъ, подавленный суетнымъ шумомъ и возмущающими неправдами міра.

Здѣсь надъ ними было теплое голубое небо, усыпанное звѣздами, всегда открытое молящемуся взору; здѣсь кругомъ была тихая, свѣжая, прекрасная природа, смиряющая страсти, цѣлящая душу и тѣло, природа покорная первобытнымъ законамъ своимъ, невозмутившаяся, невозмущающая. Здѣсь ждали ихъ горы, съ которыхъ молитвѣ ближе до неба, и до которыхъ не достигало дыханіе грѣха, пресмыкавшагося на землѣ.

Здѣсь готово имъ было море, этотъ вѣчный собесѣдникъ-философъ, въ которомъ, какъ въ безпредѣльной книгѣ мудрости, размыщеніе черпаетъ неисчерпаемую пищу... Тишина, здоровье, трудъ и свобода — съ этими дарами нестрашна пустыня...

У Темиръ-Хапу мы простились съ аѳонскимъ ино-комъ. Самъ Темиръ-Хапу оказался грудою беспорядочно накинутыхъ другъ на друга каменьевъ, или, вѣрнѣе, утесовъ.

Нельзя себѣ представить, чтобы это было дѣло человѣческихъ рукъ. Скорѣе этотъ потокъ камней вырвался изъ кратера Кастели или обрушился съ крайнихъ утесовъ ея. Вообще, весь склонъ Кастели къ морю усыпанъ такими обвалами камней, впадающими въ море, какъ ручьи. Между ними замѣчаются и несомнѣнныя развалины огромныхъ стѣнъ; но главные потоки камней все-таки — слѣды геологическихъ переворотовъ.

Лѣсъ густой и яркій, съ самыми красивыми природными бесѣдками, группами, альковами, маскируетъ эти громадные каменные водопады и пріобрѣтаетъ чрезъ нихъ такой характеръ дикой живописности, которую нечасто встрѣчаешь даже въ лѣсахъ южного берега. Что ни шагъ, то что-нибудь новое, оригинальное. Разнообразіе отдѣльныхъ лѣсныхъ картинъ дѣлаетъ путешествіе по этой части берега особенно занимательнымъ.

Тропинка скоро пошла по великолѣпному карнизу скалы, висящему надъ моремъ.

Слѣва лѣсъ со своими пахучими и цвѣтующими ліанами, со своими друидическими камнями, убранными, какъ бархатомъ, зеленымъ мохомъ, лѣсъ, глядящій на насъ своими черными нишами, полными сырости, краснѣющій гроздами теребинта и ягодами кизиля; справа, глубоко внизу — скалы и камни, засорившіе въ теченіе вѣковъ всю сплошь окраину моря.

Преданіе говоритъ, что камни эти насыпаны по повелѣнію царицы Феодоры, чтобы сдѣлать берегъ недоступнымъ для кораблей. Но міръ не родилъ еще такихъ царицъ, которая бы могла устраивать подобныя насыпи. Тутъ не только громадные камни, но и цѣлые обрушившіяся скалы.

Онѣ опоясываютъ море на многія версты, вдоль всѣхъ изгибовъ южного берега, далеко за предѣлы царства полу-миѳической царицы. Волны шумятъ въ

темномъ лабиринтъ этихъ камней, даже въ спокойное время.

Въ бурю здѣсь подымается дикая пляска пѣны и волнъ. Татары называютъ такіе обвалы морскаго берега, большою частью, *бурунами*. Въ нихъ гнѣздятся крабы, раковины пателли, говорятъ, даже змѣи. Лѣса фукусовъ заполняютъ воду кругомъ ихъ и между ними.

Мы искали теперь одинъ изъ такихъ обваловъ, известный подъ названіемъ *Камышъ-буруна*.

Въ каменистомъ, безводномъ уголкѣ нашемъ онъ славится прекрасною, всегда холодною водою, которая просачивается къ морю, сквозь трахитовыя и известковыя толщи Кастели.

Хотя жаръ давно спалъ и мы шли въ прохладныхъ лѣсныхъ тѣняхъ, освѣжаемые дыханіемъ моря, однако, пить хотѣлось смертельно. Мы спустились къ Камышъ-буруну по цѣломъ хаосу камней; въ самомъ низу, почти въ уровень моря, въ чистенькую ямку изъ гольшишей, звеня падала ледяная струя горнаго источника.

Среди сухихъ обломковъ сланца и трахита, оживляемые сосѣствомъ воды, роскошно разбросались кусты ежевики, обсыпанной яркими ягодами, и полевые цветы. Они окружали цветущимъ и колыхающимся вѣнкомъ прозрачный бассейнъ, въ который упадаль ключъ.

Было уже недалеко отъ дома, и мы, напившись, присѣли отдохнуть и полюбоваться вечеромъ на морѣ.

Единственная нимфа Камышъ-буруна — девятилѣтний мальчуганъ съ бѣлыми откровенными зубами; онъ спустился съ боченкомъ и кружкой изъ Боспи-ера, черезъ ограды и камни, за водою. Камышъ-бурунъ онъ считаетъ своимъ владѣніемъ, и его никто у него не оспариваетъ.

Онъ проворно, какъ бѣлка, прыгалъ въ своихъ под-

кованныхъ башмакахъ по острымъ и огромнымъ камнямъ, ниразу не оступившись и не пошатнувшись. Онъ ведетъ войну на нихъ съ крабами, рыбами и змѣями.

Маленькие черные крабы, одни не больше паучка, другіе съ лягушку, осыпаютъ обыкновенно всѣ камни, пограничные съ водою. Они такъ чутки и зрячи, что не дадутъ вамъ приблизиться пять шаговъ: при первомъ звукѣ вашего салога начинается тревожная бѣготня и скатыванье съ камня въ воду. Бочкомъ да бочкомъ, они такъ проворно забираются лапками, какъ будто ихъ сдуваешь вѣтромъ. Подошли,— и ужъ камень голый.

Но ундине Камышъ-буруна знаетъ, гдѣ искать ихъ, и безъ малѣйшей церемоніи вытаскиваетъ ихъ пригоршнями изъ подводныхъ щелей въ камняхъ.

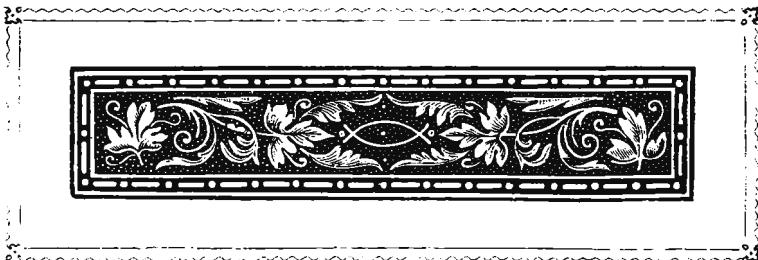
Пресмѣшно смотрѣть, какъ искусно и тщательно онъ сковываетъ ихъ злые клещи своими привычными пальчиками и увертывается отъ ихъ щипковъ.

Мы сидѣли на хаотической грудѣ обвала, надъ моремъ, въ которомъ тихая волна колыхала густые лѣса фукуса, и любовались на догоравшій вечеръ, а этотъ удалой духъ горъ стоялъ въ кустахъ посѣщающей еже-вики, опутавшей родникъ, съ своимъ боченкомъ и кружкою, и весело смѣющимися зубами, и пугалъ насть рассказами о живущихъ здѣсь огромныхъ и толстыхъ змѣяхъ съ краснымъ пузомъ: какъ онъ пьютъ кровь изъ маленькихъ птичекъ, какую онъ ловитъ здѣсь вкусную рыбу, какъ обижаютъ его тятю ежи и барсуки, лопающіе виноградъ, и какъ они ходили съ тятею на Кастель искать лисицыну нору.

Онъ хвастался передъ нами Кастелью, и моремъ, и барсуками точно такъ же, какъ своимъ безстрешемъ, словно дѣйствительно все, что мы видѣли кругомъ, было въ полновластномъ господствѣ его, этого крошечнаго дикаря.

Судацкія горы на далекомъ горизонтѣ — гдѣ холо-
дѣли и темнѣли, гдѣ тепло вспыхивали зарею; родникъ
Камышъ-буруна звонко урчалъ за ежевикою въ свой
каменный бассейнъ, и наивная болтовня хохленка такъ
незамѣтно сливалась съ тихимъ плескомъ прибоя и съ
 журчаніемъ ключа.

XI.

Въ горахъ и лѣсахъ.

Значеніе древняго Алустона.— Корбеклы.— Внутренній бытъ татаръ.— Буковые лѣса.— Чагары.— Татарскій скотъ.— Вѣзде на Чатырдагъ.

Алушта должна была всегда считаться важнымъ мѣстомъ. Алушта — это ворота съ моря, съ южнаго берега, внутрь полуострова. Титаническая каменная стѣна, которая тянется отъ Балаклавы къ Отузамъ, и которую flankируютъ титанические редуты, въ родѣ Аю-Дага и Парагильмена, обрывается надъ долинами Алушты. Бабуганъ, Урага, Паратла исполненными контрфорсами подпираютъ этотъ край стѣны... По другую сторону долинъ — отвесный обрывъ, тысячи въ четыре футовъ, зачинаетъ собою новый рядъ сплошныхъ укрѣленій, идущихъ къ Феодосіи. Этотъ обрывъ, источенный и изрѣзанный сверху стихіями, кажется сооружениемъ рукъ человѣческихъ. Башни, зубцы, статуи, смотрятъ на васъ съ вершины; огромная каменная женщина сидитъ, закутанная въ чадру, высоко надъ бездною. Солнце никогда не играетъ такъ капризно и такъ

очаровательно, какъ на красноватыхъ, голыхъ изломахъ Демерджи. Въ Крыму нѣтъ горы красивѣе и громаднѣе на видъ. Она кажется оттого особенно большою, что передъ вашими глазами весь подъемъ ея, отъ пятокъ до макушки, отъ глубокой зеленой долины, где копошится деревня Демерджи, до рѣзныхъ утесовъ, кулачащихся въ холодной синевѣ. За Демерджи идетъ высокая Караби-Яйла, а далѣе горы уже сильно понижаются. Понижаются тоже и на западѣ отъ Алуштинской долины. Бабуганъ, Урага, Чатырдагъ, Демерджи — вотъ центръ и высочайшій пунктъ крымскихъ твердынь. Чатырдагъ имѣетъ болѣе 5,000 футовъ, Бабуганъ столько же, если не болѣе, Ялтинская Яйла немного менѣе.

А между тѣмъ, высочайшіе пункты около Алупки, напримѣръ, Ай-Петри, не доходятъ до 4,000 ф.

Алуштинскія долины образуются двумя рѣчками, которыя раздѣлены невысокимъ переваломъ, Улу-узень и Демерджи-узень... По низовью второй рѣчки идетъ почтовая дорога, подымающаяся потомъ черезъ Шумскую гору, на лѣсныя крутизны, прилегающія къ Чатырдагу и идущія въ Таушанъ-базарь.

По долинѣ Улу-узень идетъ другая дорога, черезъ татарскую горную деревню Корбеклы, прямо на Палатъ-гору... Палатъ-гора (то-есть Чатырдагъ) не связана ни съ одной изъ каменныхъ стѣнъ, защищающихъ южный берегъ. Она стоитъ, отступивъ назадъ, въ провалѣ Алуштинской долины, отдѣльнымъ редутомъ, обстрѣливающимъ проходъ. Отъ этого положенія Чатырдага, Алуштинскія долины служатъ какъ бы отдушникомъ или вентиляторомъ, черезъ который воздухъ степи прорывается къ морю, а морской воздухъ въ степь. Въ самомъ дѣлѣ, въ Алуштѣ какъ-будто постоянный сквозной вѣтеръ. Если изъ Чолмекчи, спрятанного въ теплой пазухѣ горъ, вѣберешься въ Алушту, чув-

ствуешь значительную разницу въ температурѣ, хотя разстояніе не болѣе двухъ верстъ.

Оттого, можетъ быть, такъ часто страдаютъ алуптинскіе сады и виноградники, особенно, во время таянья чатырдагскихъ снѣговъ. Чатырдагъ дышетъ прямо на Алушту, и холодныя испаренія его льда проносятся какъ-разъ надъ плодоносными долинами Узеней. Прокопій, византійскій историкъ, упоминаетъ, что Юстиніанъ *возобновилъ* замокъ Алустонъ. Стало быть, въ VI столѣтіи уже были тамъ развалины древнѣйшаго укрѣпленія.

Легенды, занесенные въ монашескія хроники, говорятъ объ Алустонѣ, какъ о важной прибрежной твердынѣ. Иначе и быть не могло. Колонисты глубокой древности, безстрашные обслѣдователи и посельники черноморскихъ береговъ, основавши Пантикею, Феодосію и Херсонесъ, не могли, мнѣ кажется, обойти такого важнаго пункта, какъ Алушта. Алушта даетъ ключъ ко всему южному берегу. Изъ нея такъ же легко пройти береговою дорогою въ Судакъ, какъ и въ Балаклаву; изъ нея же главный, почти единственный въ восточной цѣпи горъ путь внутрь полуострова. Чтобы запереть кочевникамъ доступъ къ морю и къ колоніямъ, необходимо было владѣть алустонскими долинами. Кроме того, Алушта лежитъ въ глубинѣ значительной бухты, которой устье обращено на юго-востокъ; корабли могутъ удобно приставать къ ней, особенно могли въ прежнее время, когда береговыя скалы менѣе засоряли море своими обломками, и когда корабли были съ болѣе плоскимъ дномъ и небольшаго размѣра.

Въ такихъ укромныхъ уголкахъ болѣе всего любятъ селиться заморскіе пришельцы.

Что Алуштою дѣйствительно дорожили владѣльцы берега — это доказываютъ остатки укрѣпленій. Собственно Алустонъ, укрѣпленіе, замокъ Алустонъ,

сохранился яснѣе многихъ развалинъ древняго Крыма. Три высокія башни, будто расколотыя молніей, упѣлѣли своимъ наружными половинами почти до самой вершины. Цѣлы и остатки стѣны. Татары заполонили всю площадку холма, господствующаго надъ обѣими рѣчками, и тѣсная куча ихъ саклей жмется теперь между обглоданныхъ остововъ башенъ и стѣны. Многія сакли сложены только на половину изъ камней развалинъ, остальное прямо замѣняется старою стѣною. Только этимъ удобствомъ постройки можно себѣ объяснить, почему татары взобрались вдругъ въ Алуштѣ на высокій холмъ, когда ихъ всегдашній вкусъ влечетъ ихъ въ долины и балки. Не знаю, какъ смотрятъ они на остовы башенъ, осѣняющія ихъ жилища. Что они рухнутъ очень скоро — въ этомъ нельзя сомнѣваться; что рухнувшъ, они завалятъ поддеревни — это также внѣ всякаго сомнѣнія. Поистинѣ, нужно быть истинному мюхамеданину, чтобы такъ безстрастно ждать неминуемой катастрофы. Агустонъ, служившій посредствующимъ звѣномъ между укрѣпленіями собственно южнаго берега и берега судацкаго, подававшій руку съ одной стороны Кастели, съ другой стороны — Чобанъ-Кулѣ (башня пастуха), въ то же время начиналъ собою рядъ крѣпостей, защищавшихъ приходы изъ степи.

У подножія Демерджи, какъ разъ надъ долиною, до сихъ поръ видны остатки довольно обширной крѣпости, называемой татарами *Исарчикъ* (*Исарчикъ* значитъ вообще крѣпость). Преданіе говоритъ, что и на вершинѣ Демерджи, во времена генуэзцевъ, стоялъ замокъ. Это не было необходимо, хотя и было возможно. Гораздо несомнѣнѣе, что сплошная стѣна съ укрѣплѣніями шла по восточной цѣпи Яилы и переходила на Чатырдагъ. Пройдзжая буковые лѣса на юго-западныхъ скатахъ Чатырдага, мы видѣли вполнѣ уцѣлѣвшіе обрывки стѣны. Татары въ Карбеклы называютъ эту

стѣну *Tashz-Xabaхъ*, что значитъ каменная стѣна, и приписываютъ ея построеніе Темиръ-Аксаку. Именемъ же Темиръ-Аксака называются многія мѣста на Караби-Ялѣ, гдѣ замѣтны слѣды стѣны. Ясно, что преданіе приписываетъ Темиръ-Аксаку устройство всей оборонительной стѣны. Но именемъ Темиръ-Аксака называется въ русскихъ лѣтописяхъ знаменитый Тимуръ, или Тamerланъ, а стѣна построена, какъ указываютъ византійскіе историки, не въ концѣ XIV или началѣ XV столѣтія, а еще въ VI вѣкѣ.

Этюю стѣною преграждался путь степовникамъ въ алуштинское ущелье. Историческія розысканія, основываясь главнымъ образомъ на Прокопіѣ, обыкновенно приписываютъ императорамъ Анастасію и Юстиніану постройку крѣпости и стѣнъ южного берега. Безспорно, что они могли и должны были укрѣплять его. Но, кажется, что задолго до Юстиніана, и даже до Рождества Христова, должны были быть здѣсь подобныя постройки. Кто видѣлъ своими глазами многія крымскія развалины, тотъ не можетъ отѣлаться отъ мысли приписать ихъ народу, несравненно менѣе образованному и менѣе избалованному, чѣмъ византійцы VI вѣка. Иногда развалины носятъ совершенно циклопической характеръ. Скорѣе пхъ хочется прикинуть таврамъ или кимерийцамъ, первобытнымъ обитателямъ Крыма; несомнѣнно также, что и готы, жившіе съ IV столѣтія на южномъ берегу, должны были принять участіе въ этихъ постройкахъ. Малочисленный остатокъ готскаго племени, отказавшійся идти къ Дунаю вмѣстѣ съ своими собратами, спасался въ горахъ южного берега отъ натиска гунновъ, а потомъ отъ разныхъ наслѣдниковъ ихъ по степи; естественно имъ было замѣнить недостатокъ личныхъ силъ стѣнами, башнями и недоступными пещерами. Однѣ и тѣ же развалины могутъ служить памятникомъ многихъ народовъ.

Этимъ только и можно себѣ объяснить, почему на вершинахъ Кастели, вмѣстѣ съ очевидными остатками зданій образованнаго народа, попадаются развалины грубыхъ циклопическихъ шалашей изъ камня, сложенныхыхъ насухо. И греки, и тавры одинаково понимали, что въ данномъ мѣстѣ нѣтъ пункта неприступнѣя Кастели, и благочестивой царицѣ Феодорѣ, съ ея монахами и сановниками, поэтому не было никакого повода отказаться отъ мѣста, въ которомъ прежде могли укрываться скотоподобные дики. Археологическія изслѣдованія о Крымѣ, можетъ быть, грѣшатъ именно тѣмъ, что добиваются слишкомъ одностороннихъ выводовъ, и что они не столько руководятся естественнымъ теченіемъ историческихъ событий, сколько тѣмъ или другимъ отрывочнымъ показаніемъ лѣтописца.

На Чатырдагъ юдуть долиною Улѣ-узень. Это громадный орѣховый садъ. Орѣхи тутъ такие, какихъ вы не увидите, читатель, въ другомъ мѣстѣ. Иногда кажется, что четверть десятины покрыта вѣтвями одного дерева. Не знаю, есть ли деревья съ болѣе обширнымъ лиственнымъ покровомъ; по моимъ измѣреніямъ, нѣкоторые сучья протягиваются тутъ на 20 аршинъ параллельно землѣ; недоумѣваешь, какою силу держатся они? И эти сучья толщиною въ хорошее дерево. Подъ шатромъ ихъ, высоко приподнятымъ и вмѣстѣ тѣнистымъ, отъ густоты большихъ листьевъ и многочисленности вѣтвей, помѣстилось бы нѣсколько татарскихъ хатъ. Видъ орѣховыхъ деревьевъ необыкновенно красивъ и оригиналенъ. Листья правильно-яйцевидные, очень большие и очень яркие; орѣхи висятъ среди нихъ чуть не гроздами и съ первого взгляда похожи на наши незрѣлые яблоки.

Кто не видаль орѣховыхъ садовъ, тотъ не имѣть

понятія объ одномъ изъ удивительнейшихъ растительныхъ организмовъ: я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большимъ удивленіемъ.

Корбеклы лежитъ уже значительно выше Алушты, на подъемѣ къ Чатырдагу. Это послѣдняя, самая возведенная деревнѣ, выше — одни лѣса.

Корбеклы — гдѣя татарщина; даже Алушта передъ нею Европа. Изъ Алушты въѣзжаешь въ Корбеклы, какъ изъ Симферополя въ Бахчисарай. Ручей, составляющій главную улицу всякой горной, татарской деревни, бѣжитъ здѣсь довольно быстро на встрѣчу лошадинымъ копытамъ, и подъемъ нельзѧ назвать очень легкимъ. Только въ горахъ, и притомъ въ каменныхъ горахъ, и еще въ такихъ жаркихъ горахъ, какъ горы Крыма, человѣкъ способенъ понять, что значитъ для жизни вода. Ручей — здѣсь синонимъ всѣхъ удобствъ. Безъ ручья, поселеніе невозможно. потому что о колодцахъ, въ этихъ трахитовыхъ и сланцевыхъ глыбахъ, трудно думать. Земля, гдѣ бѣжитъ ручей, стѣтъ всегда въ нѣсколько разъ болѣе всякой другой.

Татары ишутъ ключей, какъ золота, и дорожатъ ими какъ золотомъ. Они выстораживаютъ всякое мокрое мѣстечко въ стѣнѣ скалы и разрабатываютъ его мало-по-малу въ ключъ.

Въ горахъ вы не увидите лужи, изъ которой бы не сдѣлано было басейна въ нѣсколько уступовъ. Капля по каплѣ, но все-таки наливаются эти скучные цистерны, а современемъ родникъ успѣваетъ совершенно прососаться сквозь горную породу, и тогда ручей вами готовъ. Татары имѣютъ такое же чутье подземной воды, какъ золотопро мышленники чутье рудоносныхъ жиль. Съ необыкновеннымъ искусствомъ и терпѣніемъ они сберегаютъ воду и отводятъ ее на свои плантаціи и сады. Какъ бы высоко ни встрѣтили вы табачную плантацію, будьте увѣрены, что она аккуратно орошается

водами ближайшаго ручья. Часто вы найдете на большей высотѣ прудки и каменные водохранилища съ самодѣльными шлюзами, которые периодически питають всю окрестность своими водными запасами. Надобно видѣть веселую суетную и торопливую дѣятельность хозяевъ, когда придетъ ихъ чередъ, и вода, скрытая Богъ вѣсть гдѣ, хлынетъ по канавкамъ къ ихъ огородамъ и садамъ. Татаринъ — маэстро орошенія и проведенія водъ. Поэтому же самъ онъ такъ высоко цѣнитъ благодѣяніе оводненія.

Устроить на дорогѣ фонтанъ — это высшая земная добродѣтель; оттого устроители фонтановъ считаютъ необходимымъ помѣстить на немъ свое имя. Оттого же на фонтанѣ, какъ на святынѣ, вы почти всегда найдете высѣченнымъ какое-нибудь изреченіе корана.

Наконецъ, мы и въ самомъ Корбеклы; ручей бѣжитъ уже не одинъ. По сторонамъ его не то землянки, не то шалаши бобровъ. Вѣриѣ, и то и другое. Въ самомъ дѣлѣ, трудно изобрѣсти болѣе дюгеновскую систему постройки. Хаты такъ низки, что не надѣешься войти въ нихъ прямо; до половины они въ скалѣ, остальное, большею частию, сплетено изъ хворосту, и плотно смазано сверху желтою глиною; дверочки — просто дырочки; оконъ почти совсѣмъ нѣть; такие блиндажи, можетъ быть, и удобны въ окопахъ крѣпости, но очень удивляютъ здѣсь, на горѣ, среди такого обилия лѣса. Интереснѣе всего крымскія трубы. Крыша настоящая восточная, плоская и гладкая, какъ плита; съ горы съѣзжаютъ на нихъ совсѣмъ съ лошадью и даже съ мажарою. Сверху она крѣпко убита глиною и, вѣроятно, не протекаетъ даже въ сильные дожди.

На ней всегда является особенного рода ручной катокъ, которымъ ее, при нуждѣ, убиваютъ плотиѣ. Я, съ своей стороны, нахожу весьма экономнымъ такое обращеніе кровли разомъ въ балконъ, въ столовую,

въ сушильню и въ улицу. Это даже необходимо въ горахъ, гдѣ крыша единственная плоскость. Когда солнце не печетъ, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ отдохнуть на этой плоской кровлѣ; особенно хорошо, должно быть, спать здѣсь въ звѣздную лѣтнюю ночь. Я понимаю, почему старики мусульмане любятъ удаляться сюда на солнечномъ закатѣ и, разостлавъ свой маленький коврикъ, обращаться съ неслышною молитвою къ далекой Меккѣ. На гладкой плоскости крыши стоять по одному, по два, глиняныхъ шалаша: это трубы. Они придаютъ деревнѣ наружный видъ боброваго поселенія. Такіе же хворостяные, густо смазанные глиною шалаши стоять у избъ и посреди двора. Это печи для хлѣба. Хотя кругомъ лѣсь, хотя мы высоко на горѣ, однако, замѣтно, что и здѣсь единственная забота человѣка съискать прохладу. И она здѣсь дѣйствительно отыскана. Свѣтъ, повидимому, не особенно нуженъ татарамъ; вѣроятно, ихъ домашнія занятія несложны и немногочисленны. Татаринъ дома почти исключительно на своемъ войлокѣ. Лѣто такъ длинно, зима такъ коротка, работы въ виноградникахъ и садахъ такъ много, что дворъ поневолѣ дѣлается домомъ.

Сухой, каменистый грунтъ поддается обработкѣ, только разрыхляясь зимними дождями. Поэтому вся зима проходитъ въ перекопкахъ и пересадкахъ. Сборъ винограда, давленіе вина продолжаются до глубокой осени. Я нарочно входилъ въ нѣкоторыя хаты. Женщины обращаются къ вамъ совершенно свободно и радушно, особенно старые; лицъ онѣ не закрываютъ, какъ степные татарки, и только молоденькия девушки немного «стыдятся», то-есть закрываютъ рукавомъ, когда вы пристально глядите на нихъ, а иногда, пожалуй, спрячутся за уголь. Но эта же история происходитъ и въ нашихъ русскихъ избахъ. Нарядъ женщинъ довольно характеренъ, но не особенно красивъ:

онѣ носятъ на головѣ низенькия круглые шапочки съ плоскимъ дномъ, часто расшитыя золотомъ и всегда очень яркія; волосы заплетены во множество тоненькихъ косичекъ, висящихъ змѣйками по плечамъ; отъ трехлѣтней дѣвочки до сѣйдой старухи всѣ заплетаются такъ волоса. Голова — самая восточная часть всего наряда; остальная одежда довольно похожа на нашу: длинный, въ обтяжку, бешметъ съ узкими рукавами, и широкія шаровары, падающія на ступни. Лица совершенно европейскія: блѣдныя, правильныя, иногда красивыя; глаза, исполненные темнаго огня, и тѣнистыя рѣсницы. Особенно дѣти близки къ нашимъ. Въ нихъ нѣтъ, повидимому, ни капли монгольской крови. Когда вспомнишь про многіе обычай южнобережскихъ татаръ, свободу ихъ женщинъ, почитанье нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ и памятниковъ, ихъ любовь къ осѣдлымъ занятіямъ, и сопоставишь эти данные съ ихъ наружнымъ видомъ, то не можешь не убѣдиться съ первого же взгляда, что эти, такъ-называемые татары, такъ же близки кавказскому племени, какъ и мы сами.

Въ хатахъ былъ прохладный полусумракъ и замѣчательная чистота. Крѣпко убитый земляной полъ былъ тщательно выметенъ; всякая посудина была или на подложкѣ, или гдѣ-нибудь у мѣста. Нигдѣ не валялось ничего безъ пути.

Насиженныхъ, належанныхъ угловъ, въ которыхъ плодятся тараканы и клопы, и безъ которыхъ не обойдется истинная русская изба, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Русскому человѣку безъ такого привычного гнѣзда можетъ даже показаться непріятно. Въ комнатахъ, въ разныхъ мѣстахъ, лежать войлока; но, повидимому, ихъ переносятъ куда придется или куда захочется. Определенныхъ спаленъ не видно.

Но страннѣе всего для русского глаза — совершен-

ное отступлениe отъ святаго завѣта старины, отъ незыблемыхъ распорядковъ єды и молитвы, установленныхъ предками. Нѣтъ краснаго угла съ иконами, нѣтъ лавоекъ по стѣнамъ, солонки и ширинки на столѣ, — къ татарину зашелъ, непремѣнно думаетъ русскій человѣкъ. И вы видите, что онъ думаетъ довольно вѣрно. Отдѣльныхъ комнатъ для женщинъ я не находилъ; безъ сомнѣнія, ихъ и не бываетъ у южно-бережскихъ татаръ. Женщины, вполнѣ привѣтливыя къ проѣзжимъ, показались мнѣ злыми ругательницами въ отношеніи своихъ домочадцевъ. Старухи кричали и грозились изъ-за пустяковъ на крошечныхъ ребятъ, какъ настоящія вѣдьмы. Непонятный для меня и непріятный языкъ ихъ придавалъ еще больше сварливости тону ихъ рѣчи. Мужчины были, напротивъ, вполнѣ спокойны и не обращали ни малѣйшаго вниманія на хриплую брань своихъ старухъ. Съ такимъ равнодушiemъ хозяинъ проходитъ мимо бѣснующейся цѣпной собаки, твердо увѣренный, что она не укуситъ его.

Мы побывали сначала въ нѣсколькихъ простыхъ татарскихъ хатахъ, у кузнеца, у мясника; хотѣлось побывать у зажиточнаго татарина. Османъ, проводникъ нашъ, пригласилъ зайти къ его пріятелю Селяметть-Бею; уже одно прибавленіе къ имени титула бея указываетъ на нѣкоторую привилегированность положенія. Это не дворянинъ, не мурза, а что-то среднее: зажиточнаго поселянина съ значеніемъ, съ дворянскою роднею, называютъ обыкновенно беемъ; вѣроятно, и происхожденіе его дворянское, я не знаю навѣрное. Селяметъ-Бей встрѣтилъ насъ любезно: лошадей принялъ, насъ ввели въ парадную комнату. Идея ея та же, какъ и всякой татарской хаты: возможность лежать въ тѣни; комнатка низенькая, темная, но просторная; маленькия окна смотрѣть на галлерею, нигдѣ нѣть оконъ прямо на Божій свѣтъ. Весь полъ въ чистыхъ

разноцвѣтныхъ коврахъ, вдоль всѣхъ стѣнъ низенькие, сплошные, восточные диваны съ подушками; они по выше нашихъ подножныхъ скамеекъ. Круглый столикъ въ углу той же высоты, просто доска на полу. Надъ диванами, кругомъ стѣнъ, такія же сплошныя полки; тутъ же все богатство хозяевъ, вся ихъ кладовая: ярко вычищенная оловянная посуда, платья хозяеки, опрятно сложенные. Сафьянныя терлики, пояса тонкаго серебряного филиграну, дорогія шапочки для головы, обложенныя червонцами, словомъ, все, что есть въ домѣ параднаго.

Надо объяснить образцовою честностью татарь этотъ оригиналный обычай раскладывать самыя дорогія вещи въ приемной комнатѣ, безъ замка, прямо на открытыхъ полкахъ. Хозяинъ, жирный татаринъ съ лоснящимся красивымъ лицомъ, въ мягкихъ желтыхъ мештахъ, которые онъ снялъ у порога, въ курткѣ съ позументами, смотрѣлъ бариномъ. Онъ съ полнымъ достоинствомъ усадилъ насть на диваны, усадилъ туда же друга своего Османа и началъ съ нами бесѣдоватъ черезъ его посредство. На низенькомъ столикѣ поставленъ былъ свѣжій черносливъ, на полу курильница съ углемъ. Османъ спросилъ длинную трубку и преважно сталъ курить, не обращая на насть ни малѣйшаго вниманія. Я спросилъ пить, принесли кружку съ какимъ-то молочнымъ питьемъ; хлебнуль — такая гадость: какъ будто жидкое кислое молоко, немного протухшее, смѣшанное съ мяломъ и разбавленное водой; Ѣдко и кисловато. Однако, для приличія я выпилъ еще глотокъ, не зная куда выплюнуть его. Это была язъма, кислый овечій творогъ съ водою. Это любимое питье татарь; при немъ они не смотрятъ на воду; Османъ накинулъся на нее съ такою жадностью, что хозяинъ былъ крайне доволенъ; онъ три раза наполнялъ ему кружку. Послѣ я видѣлъ, что татары, осо-

бенно чабаны, истребляютъ его невѣроятныя количества; они увѣряютъ, что ничто не утоляетъ такъ жажды.

Пришли посмотреть на насъ рабочіе Селяметъ-Бея: овчары, садовники. Они были одѣты очень бѣдно и грубо, всѣ въ буйволовыхъ сандалияхъ, которыя оставляли всѣ за порогомъ; но всѣ они держали себя такъ же независимо, съ такимъ же достоинствомъ, какъ Османъ и Селяметъ. Сказали тихо: *сабанъ-хайресъ*, и усѣлись спокойно на диванъ, рядомъ съ хозяиномъ; одинъ изъ нихъ сталъ єсть поставленный на столъ черносливъ съ такою увѣренностью, будто его поставили именно для него. Селяметъ не обращалъ на нихъ вниманія; видно было, что все это въ обычаяѣ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли кофе, но уже не въ татарскихъ чашкахъ, а въ русскихъ стаканахъ; это меня нѣсколько огорчило. Впрочемъ, онъ былъ съ гущей и безъ сливокъ. Пришелъ молодой братъ Селямета, одѣтый франтомъ, но, конечно, босой; на немъ, поверхъ татарской куртки, была какая-то люстриновая накидка на городской манеръ. Это меня окончательно скандализировало. При разговорѣ, Селяметъ и особенно цивилизованный братъ его обнаружили большой конфузъ, что не знаютъ ни слова по-русски; они смотрѣли на Османа, какъ на особяного счастливца, какъ на сверхъ-естественный талантъ, и не могли скрыть своего завистливаго изумленія, слыша, какъ бѣгло объяснялся онъ съ нами. А Османъ тутъ-то и задавалъ тону.

«Безъ русской рѣчи татаринъ — дуракъ!» передалъ намъ черезъ Османа братъ Селямета, юный поклонникъ симферопольской цивилизациіи и городскихъ бульваровъ. Когда мы вышли полежать на галлереѣ, съ которой была отлично видна вся деревня съ террасами ея крыши и съ живыми изваяніями, стоявшими на нихъ, изъ оконъ другихъ комнатъ, еще болѣе темныхъ, съ хихиканьемъ

и прячась другъ за дружкою, высматривали на насть женщины Селямета; одна изъ нихъ была въ нарядномъ бешметѣ, молода и красива: она смѣялась и пряталась больше всѣхъ. Я нѣсколько разъ ловилъ взоръ ея большихъ пугливыхъ глазъ, но Селямету, кажется, это не нравилось, и онъ старался обратить мое вниманіе на другие предметы.

Прощаясь, мы, по совѣту нечестиваго Османа, предложили Селямету деньги. Признаюсь, мнѣ было очень совѣстно платить за гостепріимство, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что мы оскорбимъ этимъ Селямета. Но какъ же стало скверно на душѣ, когда толстый бей принялъ отъ насъ рублевую бумажку и поблагодарилъ насть, какъ христаславящій будочникъ. Вотъ тебѣ и татарское гостепріимство и патріархальная жизнь!..

Чѣмъ выше вы поднимаетесь въ гору, тѣмъ дальше и шире видно море. Горы, которыя стояли надъ вашей головою, когда вы были у моря, дѣлаются дномъ глубокихъ долинъ, когда вы поднимаетесь въ высшій горный поясъ; а этотъ высшій поясъ, въ свою очередь, кажется низменною приморскою плоскостью, когда вы взберетесь на какой-нибудь великанъ съ именемъ. Только это послѣдовательное измѣненіе отношений между горами разной высоты и только потъ, струящійся съ васъ при наблюденіяхъ этого измѣненія, убѣждаютъ васъ въ дѣйствительной высотѣ и дѣйствительномъ разстояніи горъ.

Природа надѣлила человѣка даромъ, вмѣстѣ и дорогимъ и презрѣннымъ — даромъ ограниченности. Онъ ничего не можетъ обнять и постигнуть во всей цѣлости и полнотѣ; его наука есть архивъ отрывочныхъ документовъ, сшитыхъ на удачу и на живую нитку; его искусство есть рядъ лоскутковъ съ изображеніемъ крошечныхъ уголковъ міра. Его внутреннее міросозерцаніе

ограничено такимъ же магическимъ непроходимымъ кругомъ, какъ и созерцаніе вѣнчшее.

Умственныи горизонтъ мудрѣйшаго человѣка, все-таки, есть горизонтъ человѣка, и кажется намъ широкимъ потому, что превосходитъ нашъ собственный на нѣсколько дюймовъ. Самый смѣлый и богатый духъ въ состояніи только уразумѣть роковую границу и возмутиться противъ ея существованія.

Прометеи, Манфреды и Фаусты — только мятежники, но не побѣдители. Какое бы великое горе ни обрушилось на нась, какое бы безмѣрное счастіе ни осѣнило нась — мы все-таки остаемся существами, слѣпленными изъ глины. Мы чувствуемъ одни кончики этихъ прикоснувшихся къ намъ огромныхъ крылья, одну за одною всѣ точки ихъ протяженія...

Мы не можемъ созерцать божества иначе, какъ въ образѣ несгораемой купины или въ образѣ голубя.

Фаустъ падаетъ въ изнеможеніи при появленіи духа земли. Намъ не под силу все то, что не человѣкъ и не человѣческое. Точно также и съ явленіями природы. Мы только отвлечеными соображеніемъ постигаемъ громадность океана и высоту горныхъ массъ. Мы никогда не видимъ, не ощущаемъ ихъ. Мы видимъ ихъ по клочкамъ, по маленькимъ порціямъ, сообразно размѣру нашихъ духовныхъ желудковъ, и уже изъ клочековъ, силою отвлеченія, строимъ идею цѣлаго.

Океанъ и озеро для нашего взгляда одинаково безпредѣльны. Но, разумѣется, что въ этомъ безсиліи часто спасеніе наше. Взвѣшивши практически всѣ шансы жизни, согласившись помириться на этихъ мѣщанскихъ условіяхъ, не столько почетныхъ, сколько покойныхъ.

Въ картинахъ и гравюрахъ Калама читатель, на-
вѣрное, не разъ наслаждался необыкновенною игрою
лѣсныхъ тѣней на свѣтлосѣрыхъ пняхъ и стволахъ са-
мыхъ капризныхъ очертаній. Признаюсь, я не разъ
удивлялся, откуда бралъ Каламъ эти прекрасные, ни-
когда мною невиданные стволы? Наконецъ, я нашелъ
отвѣтъ: въ первый разъ въ жизни я вѣзжалъ въ бу-
ковые лѣса.

Намъ, жителямъ ракитового царства, простительно
незнакомство съ этимъ весьма обыденнымъ деревомъ
Европы.

Послѣ горячаго голубаго зноя сверху и раскален-
наго острого камня внизу, вы вдругъ вплываете неза-
мѣтно въ глубь тихаго лѣснаго моря... Вы движетесь
среди необозримыхъ сѣрыхъ колонадъ, охваченные кру-
гомъ зеленою колыхающейся сѣткою, равно необозри-
мою... Высоко надъ вами и далеко вокругъ васъ ды-
шутъ миллионы зеленыхъ устъ и мерцаютъ миллионы
золотыхъ глазъ... По стволамъ, по землѣ, по листвѣ,
по вѣтвямъ, безшумно перепалзываетъ что-то дро-
жащее, мигающее и осеняющее. Тихо на мягкому днѣ
этого живущаго моря...

Ковры сухихъ листьевъ выстлали широкія, покойныя
лощины, которыя неглубокими чашами идутъ внизъ и
вверхъ отъ дороги. Въ этихъ мягкихъ и безмолвныхъ
лощинахъ растутъ прекрасныя деревья, о которыхъ я
говорю.

Много есть на свѣтѣ прекрасныхъ деревьевъ, и
много прекраснаго есть въ каждомъ деревѣ для чело-
вѣка, у котораго есть органъ для чувства прекраснаго.
Въ сферѣ этой деревенской красоты не забудьте бука.
Красота бука совсѣмъ оригиналная. Она почти вся въ
стволѣ, въ пнѣ. На Чатырдагѣ есть буки въ два или
въ три обхвата; они, навѣрное, помнятъ генуэзцевъ и
первыхъ сподвижниковъ Батыя, если еще не жили при

таврахъ. Стволъ такихъ стариковъ особенно живописенъ: вамъ кажется, что цѣлый букетъ стволовъ сросся вмѣстѣ, перевившись и перепутавшись.

Округленные наплывы древесины, странные повороты и сочетанія вѣтвей, толстыхъ, какъ деревья, темные дупла, наконецъ изгибы такихъ же толстыхъ и такихъ же сбрыхъ корней, которые со всѣхъ сторонъ лѣзутъ изъ земли, горбами и клубами, будто семья удавовъ, придавленныхъ землею — вотъ что преимущественно мнѣ понравилось въ букѣ. Почти всегда онъ растетъ при глыбѣ дикаго сбраго камня, съ которымъ кажется нераздѣльнымъ: такъ схожъ ихъ цвѣть, стущеванный мохнатыми лишайами, которыми тотъ и другой обильно обростаютъ; и такъ тѣсно обнимаютъ камень, вростая во всѣ его трещины, жилистые корни. Листъ бука самой простой формы, безъ вызубринъ, безъ складокъ и вмѣстѣ такой же желѣзистый, какъ листъ дуба; вполнѣ идетъ къ его мощному стволу. Кроны распространяются густыми, широкими шатрами, высоко на верху, и мастиные стволы стоятъ довольно рѣдко другъ отъ друга, всякий видный и доступный самъ по себѣ, какъ подобаетъ благородной расѣ. Оттого въ буковомъ лѣсу вмѣстѣ и очень тѣнисто, и видно далеко кругомъ...

Эту просторную сѣнъ особенно оцѣниши, путешествуя по горамъ въ горячій полдень. Кавалькада всадниковъ и всадницъ, въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, съ бѣлыми развѣвающимися повязками на шляпахъ, разсѣявшихись по прихотливымъ скатамъ лѣсной дорожки, то воинственными группами, то одинокими мирными путниками, мелькаетъ сквозь стволы и чрезвычайно оживляетъ ничѣмъ ненарушимую торжественную тишину горнаго лѣса.

Но глазъ, радуясь на эти веселыя краски и на эти красивыя фигуры, искалъ другой красоты, не столь ему знакомой. Эти прохладныя рощи, пребывающія въ

таинственномъ молчаніи, какъ священныя дубравы языческихъ боговъ, приподнятыя такъ высоко въ горнаго пространства надъ послѣдними обиталищами человѣка, не лишены жизни. Сюда укрываются, тревожимые охотниками и людскимъ хозяйствомъ, вѣчные аборигены горъ и лѣсовъ — олени и козы. Ихъ несложная, безхитростная жизнь неслышно течетъ подъ этими мирными шатрами буковъ. Они здѣсь наслаждаются тѣмъ счастіемъ, которое человѣкъ отнимаетъ и у себя, и у животныхъ: наслаждаются покоемъ, прохладою, красотою природы и любовью. Здѣсь, съ зари до зари, пасутся они, счастливые дикари, не знающіе ни прошедшаго, ни будущаго, съ своими самками и телятами; здѣсь они растутъ, любятся и плодятся. Жары ихъ угоняютъ выше въ гору, холода — опять гонятъ поближе къ равнинѣ. Пастухи говорили мнѣ, что часто встрѣчаются цѣлья семейства оленей, штукъ по 15, по 20 въ стадѣ.

Вотъ этой-то, еще мало знакомой, красоты я ждалъ, проѣзжая неспѣшно по безконечнымъ галлереямъ сѣрыхъ стволовъ... Ждалъ, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь на пустынной полянкѣ увижу сквозь эти стволы группу встрепенувшихся вѣтвисторогихъ головокъ съ черными дикими глазами и потомъ быстрый, какъ молния, взмахъ звонкихъ ногъ. Но чтобы дождаться этого несравненнаго зрѣлища, мало проѣхать нѣсколько верстъ по лѣсной дорогѣ. Хотя убивать оленей здѣсь строго воспрещено, однако, записные охотники не стѣсняются закономъ. Именно около Чатырдага стѣзжаются въ свое время любители этого благороднаго кровопролитія.

Иногда прерывались буровые лѣса, и зеленыя травянистыя террасы открывались на пути.

Онѣ лежали тысячи три футовъ надъ поверхностью моря, и прохлада воздушнаго слоя сказывалась роскошною луговою растительностью. Точно вы вѣхали въ

благословенныя, черноземныя пастбища Малороссии. Знакомая яркость травъ, знакомые цветы, знакомая равнина — среди скаль, сухости и чуждой флоры — заставили сердце весело засмѣяться... Видно, какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ смотрить! Впрочемъ, какъ сердцу не смѣяться... Съ этихъ свѣжихъ луговъ, окаймленныхъ съ одной стороны живописными купами, рощами и сплошными лѣсами бука, съ другой стороны открывается видъ, какимъ не всякому доставалось любоваться. Огромныя горы, обросшія лѣсомъ, какъ густою травою, волнами, шатрами и пирамидами, тѣснятся у подножія нашей яркой равнины.

Изъ-за нихъ поднимаются другія, высочайшія горы, съ голыми хребтами и макушками. Тонкій, синій туманъ, признакъ той дали, которой человѣкъ неспособенъ различать въ высокихъ горахъ, все гуще и гуще оттѣняетъ эти волнующіеся хребты, по мѣрѣ отхода ихъ къ морю. Темнозеленая пирамида Синабдага у базиса своего плаваетъ въ туманѣ, какъ островъ на водѣ. Параллѣль рѣзко отдѣляется теперь отъ матовой зелени Биюкъ-Ураги, заслоненной прозрачнымъ, знайнымъ туманомъ.

Кастель рисуется на фонѣ моря, маленькая и далекая, глубоко внизу. Только море, какъ небо, то же самое. Ярко и нѣжно-синее, оно подымается высокимъ горизонтомъ къ синему небу. Никогда еще я не видаль такъ много моря, такой огромный обхватъ его. Холмы Алушты выступалъ мысомъ въ эту яркую синеву, и ея бѣлые татарскіе домики рѣзко выдѣлялись изъ зелени садовъ... Хотя лошадь бѣжала довольно скоро по ровному лугу, я не отрывалъ глазъ отъ широкой, ни съ чѣмъ несравненнной панорамы горъ, лѣсовъ и моря, развернувшейся подъ моими ногами.

Междудѣньемъ, прекрасные душистые чаиры провожали насъ справа. Лѣсь то подходилъ къ дорогѣ круг-

лыми полуостровами, то отливалъ къ самымъ подножиямъ голыхъ утесовъ, на которые еще предстояло намъ подниматься. У чаиревъ и у опушекъ иногда встречались намъ уединенные стада буйволовъ. Черные, какъ желѣзо, и крѣпкіе какъ желѣзо, они лежали въ грязи полуизсохшихъ дождевыхъ лужъ и изумленно сѣдили за нами, вытянувшись шеи. Въ другомъ мѣстѣ, такомъ же уединенномъ, встрѣтилось стадо коровъ. Ихъ никто не сторожилъ, и обѣ нихъ никто не заботился. Охраняя ихъ длинный, сѣдлистый отъ старости бугай съ свирѣпыми глазами, налитыми кровью. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ своего сераля, ближе къ дорогѣ; при нашемъ приближеніи, онъ нагнулся къ землѣ свой короткій упрямый лобъ и сердито стала взрывать копытами землю. Нужно думать, что волкъ не поживится въ этомъ стадѣ.

Вообще отношеніе крымскихъ хозяевъ къ своему скоту не лишено занимателности. Дѣлается понятнымъ, какъ образовалась эта безконечно-выносливая и безконечно-умѣренная порода, которую мы называемъ крымскою лошадью. Татаринъ живетъ еще во многихъ отношеніяхъ на дѣственномъ лонѣ природы. Какъ изъ жилища своего онъ норовитъ сдѣлать только чисто-выметенную землянку, нисколько не устраниая отъ нея ея природныхъ свойствъ, такъ и съ скотиною свою онъ обращается съ строгою простотою матери природы. Лѣтомъ «подъ каждымъ кустомъ ей готовъ и столъ и домъ», а зимою, какъ зимою; что же дѣлать! онъ не въ силахъ измѣнить временѣнъ года. И лошадь, и корову, и овцу онъ пускаетъ круглый годъ на волю. Овцу съ чабаномъ, благо на одного можно прикинуть цѣлую тысячу, а корову и лошадь просто подъ защитой Мухамеда.

Лѣтомъ, иногда мѣсяца четыре сряду хозяева не видятъ табунныхъ лошадей. Они бродятъ по лѣсамъ и

горнымъ оврагамъ, поѣдая сначала траву, потомъ листья, взбираясь все выше и выше, по мѣрѣ высыханія травъ. Рѣдко табунъ сойдетъ съ горъ въ гости къ хозяину, попросить у него съ голодухи сѣнца посвѣжѣе. повидается съ роднымъ дворомъ и опять въ лѣсныя пустыни!.. Коровы ведутъ такую же независимую кочевую жизнь. Только дойные разъ въ день являются къ обычному доеню. Когда хозяину понадобится лошадь или корова изъ стада, ему стонть не мало труда сыскать ихъ. Горскій образъ жизни сдѣлалъ крымскую корову и крымскую лошадь истинными горцами. Крымская корова легко перепрыгиваетъ заборы и карабкается по скалистымъ крутизnamъ, какъ коза; лошадь и подавно. При этихъ привычкахъ не легко предвидѣть, куда заведеть ихъ въ теченіе лѣтнихъ дней духъ предпріимчивости и голодухи. Оттого вы увидите тропинки въ самыхъ, повидимому, недоступныхъ мѣстахъ лѣсныхъ горъ. Ихъ пробиваетъ частью самъ скотъ, а еще больше татары, его отыскивающіе. Чтобы не потерять надолго слѣдъ своего стада, хозяева повременамъ ходятъ на развѣдки и въ общихъ чертахъ, стало быть, все-таки слѣдятъ за его кочевкою. Этотъ патріархальный, дешевый способъ содержанія скота возможенъ только при патріархальной честности татарскаго нрава. Я почти не слыхалъ жалобъ на покражу, а отбившіяся лошади иногда отыскивались очень далеко.

Экономическая теорія *laissez faire, laissez passer*, не можетъ достигнуть болѣе блестательного примѣненія; можетъ быть, эти гражданскія права крымского скота навели бы на размышеніе нѣкоторыхъ ярыхъ любителей бюрократической опеки.

Но какъ всякая свобода, свобода крымской лошади и крымской коровы соединена съ значительной долею злополучія. Природа не балуетъ этихъ дѣтей свободы. Горы представляютъ только весною сносное пастбище.

Лѣтній зной сжигаетъ траву на каменистомъ грунтѣ еще въ началѣ іюня...

Остаются сухія, колючія травы, рѣпьи всякаго рода, молочай и прочая негодная растительность, до которой охотники только козы, эти самыя эксцентричныя изъ всѣхъ гурмановъ. Скотъ щиплетъ скудные остатки жженой травы, отыскивая ее подъ страшно колючими кустами держи-дерева, боярышника, шиповника и др., лазая по горячимъ острымъ камнямъ горъ. Только на верху самыхъ большихъ горъ, на плоскихъ равнинахъ, приподнятыхъ далеко въ прохладные воздушные слои, зеленѣютъ скрытые отъ настѣ и нами неподозрѣваемые роскошные луга. Такое заоблачное пастище татаринъ называетъ Яйла. Яйла — это нарицательное имя: есть Бабуганъ-Яйла, Демерджи-Яйла, Караби-Яйла, но есть и просто Яйла, какъ бы *Яйла попреимуществу*, которая такъ знакома туристамъ и учившимся географіи, и которая тянется сзади Ялты отъ Байдарскихъ Воротъ до Алушты. Каждая татарская горная деревня, Алушта, Ламбатъ, Корбеклы, имѣетъ непремѣнно свою долю на какой-нибудь Яйлѣ.

Это неизбѣжное угодье, безъ котораго было бы такъ же плохо, какъ безъ лѣсу или безъ воды. Стада овецъ, ощипавъ лѣсныя поляны и овраги, въ концѣ іюня поднимаются на Яйлы и остаются тамъ со своими чабанами до осени. Имъ тамъ холя и раздолѣ; къ зимѣ холода и снѣга выгоняютъ не только съ Яйлы, но и вообще съ горъ; чабаны перекочевываютъ въ степи, большую частью, поближе къ Севастополю, то есть къ морю и югу. Тамъ зима не такъ жестока, какъ внутри полуострова. Но снѣгъ все-таки морозить. Вода остается доступною въ немногихъ мѣстахъ. А между тѣмъ, никакой ограды, никакого следа покрова, ни

клочка съна изъ руки пастуха. День и ночь въ снѣгу или подъ дождемъ, они отрываютъ себѣ скудныя былинки. Тутъ бѣдныя овцы чахнутъ и падаютъ сотнями. Къ веснѣ стада представляютъ самый жалкій видъ; и до сихъ поръ татаринъ не сообразитъ, что дешевле за-пастишь сѣномъ на зиму и хлѣбомъ, чѣмъ терять еже-годно значительную часть стада. Оттого же такъ плохо и скудно молоко горныхъ крымскихъ коровъ: такая трата мускульной силы, какая нужна коровамъ для рысканья по лѣсистымъ дебрямъ и скаламъ, не можетъ вознаграждаться скуднымъ пойломъ и кормомъ, тамъ находимымъ; между тѣмъ, какъ степныя коровы нѣ-мецкихъ колоній даютъ ведра жирнаго удоя, — южно-бережскія доятся стаканами почти снятаго молока. Каждая порода скота воспитывается въ себѣ особенное свойство: одна — молочность, другая — мясистость, третья — густую шерсть, четвертая — способность бѣга. Южно-бережскій скотъ весь безъ исключения, отъ овцы до коня, воспиталъ въ себѣ одно главное качество — сносливость. Это полезнѣйшее качество въ русскомъ и татарскомъ хозяйствѣ, гдѣ скотина немного разживется насчетъ ухода за ней.

Татаринъ проводникъ, или *суруджи*, преспокойно нарубилъ вѣтокъ и бросилъ по вязанкѣ каждой изъ лошадей нашихъ, когда мы остановились передохнуть въ лѣсу.

Это еще большая милость съ его стороны. Коньки чаще обходятся безъ этого, только поглядывая кругомъ да погрызывая поводья. Имъ иногда не даютъ пить по цѣлымъ днямъ отъ двѣнадцати до двѣнадцати — и ничего! Наша тяжелая русская лошадь давно бы запалилась или разбилась на ноги, еслибы попробовала вынести десятую долю того, что равнодушно выносить крымская.

Я уже не говорю о томъ, что она бы разбилась въ

пухъ и прахъ на тѣхъ страшныхъ обрывахъ, по которымъ нога крымской лошади ступаетъ съ вѣрнотью и легкостью акробата. У васъ кружится голова, глядя внизъ, камни летятъ изъ-подъ ногъ, спускъ подъ угломъ 50°, а вы совершенно покойно сидите на своемъ сѣдлѣ, увѣренные, что она бережно снесетъ васъ всюду, куда вамъ нужно. И я ни разу не ошибся въ своей увѣренности. У каждого богатаго татарина есть въ горахъ свой чапрѣ, то-есть небольшая лѣсная луговина, обнесенная заборомъ, куда уже не пускаютъ скотъ. Сюю съ этихъ чапровъ и другихъ мѣстъ собирается на зиму. Его держать на крайній случай и на покормку, потому что просто кормить имъ скотъ не достанеть на мѣсяцъ. Мы, привыкшіе къ мягкому сѣну русскихъ луговъ, не можемъ смотрѣть безъ смѣха на эти кучи колючекъ и бурьяну, величаемыя тоже сѣномъ. Нельзя взять охапки его, чтобы не проколоть или не разорвать себѣ рукъ. И между тѣмъ, здѣшній скотъ ютъ его съ наслажденiemъ, съ азартомъ. Этому можно не удивляться только послѣ того, какъ увидишь, что козы здѣсь живутъ съ добродушнѣйшимъ аппетитомъ головки рѣпья, усаженные крѣпкими и острыми иглами въ дюймъ длины.

Мы сдѣлали привалъ, конечно, у ручья; иначе онъ немыслимъ. Когда мы закусывали, набѣжалъ на насъ маленький табунокъ лошадей, преслѣдуемый по пятамъ людьми и собаками.

Какой-то мурзакъ съ своими челядинцами ловилъ лошадей, одичавшихъ на долгой волѣ. Онъ, кажется, не хотѣли понять его правъ и прелести узды, потому что мчались, какъ одурѣвшія, распустивъ хвосты и гривы, на весь лѣсъ заявляя горделивымъ ржанiemъ свою любовь къ свободѣ. Мурзаку не удавалось никакія хитрости, и потѣ обильно прошибъ его жирную, лоснившуюся фигуру, запако-

ванную въ восточный бешметъ. Если онъ и побѣдилъ, въ чёмъ я не сомнѣваюсь, то, покрайней-мѣрѣ, не даромъ.

Мы снялись съ мѣста, оставивъ его еще съ пустыми веревками. Еще долго тянулись лѣса; все тѣ же буковые и грабовые лѣса, которыхъ красота никогда не надобѣстъ.

На полянахъ трава свѣжѣла все ярче и ярче; мы поднимались замѣтно.

Моря уже не было видно, но синева горѣ свѣтила сквозь стволы, совершенно какъ море. Вдругъ направо, надъ лѣсами, выросла блѣдая, ослѣпительно-яркая громада; это были утесы Чатырдага, подъ которыми мы прокрадывались, огибая ихъ; солнце ударяло теперь сбоку, совершенно перпендикулярно въ известковую стѣну.

Онъ казался отсюда особенно высокимъ и особенно живописнымъ. Онъ провожалъ насъ нѣкоторое мѣсто, приковавъ наши глаза и тѣсно надвинувшись надъ нами; выше его сияло мягкое небо и летали орлы.

Они не казались маленькими даже надъ утесами Чатырдага. Потомъ мы опять потонули въ лѣсахъ. То, что называется въ географіяхъ и картахъ Чатырдагъ, есть отдѣльная плоская возвышенность, столомъ стоящая, близъ дороги изъ Симферополя въ Алушту; высота ея около четырехъ съ половиною тысячъ футовъ. Она сплошь состоитъ изъ тяжелыхъ слоевъ юрскаго известняка, приподнятыхъ почти вертикально, такъ что ребра слоевъ выходятъ на верхнюю поверхность правильными слоями, словно разливанными грядами. Это придаетъ горной равнинѣ чрезвычайно странный и характерный видъ.

Татары называютъ эту известковую плоскую возвышенность, покрытую травою, Яйла, какъ и другія ей подобныя, именно *Біюкъ-Янкой-Яйла*, потому что

она принадлежитъ сосѣдней деревни Бюкъ-Янкой. На юго-восточной сторонѣ этой Яйлы, какъ разъ по всему ея краю, возвышается гора въ видѣ продолговатаго шатра, растянутаго отъ сѣверо-востока къ юго-западу, которая собственно и называется Чатырдагъ или Палатъ-гора, а у древнихъ грековъ называлась Трапезусъ.

Она сама по себѣ, то есть считая отъ плоскости Бюкъ-Янкой-Яйлы, имѣеть только 700 футовъ высоты; вмѣстѣ съ Яйлою, служащею ей какъ-бы пьедесталомъ, около 5,170 футовъ. Когда ёдешь изъ Алушты, то видишь именно ту сторону горы, гдѣ на Яйлѣ стоить Трапезусъ, то-есть самую высокую и величественную ея часть. Трапезусъ видна изъ большагодалека: изъ Алешекъ, Перекопа, — говорятъ даже изъ Молочной, следовательно, верстъ за 300; когда ёдешь изъ Одессы на полуостровъ, Трапезусъ также видѣнъ очень рано. Мы теперь должны были обѣхать подножіе Трапезуса, и подняться съ юго-западной стороны на Бюкъ-Янкой-Яйла, чтобы, отдохнувъ тамъ у ея чабановъ, къ разсвѣту взобраться на самую Палатъ-гору — встрѣтить восходъ солнца. Таковъ неизмѣнныи обычай чатырдагскихъ пилигримовъ.

Мы безмолвно вѣзжали, собравшись всею кавалькадою, какъ витязи-побѣдители въ завоеванную крѣпость. Только подковы звенѣли о сухой известнякѣ.

Если хорошъ лѣтній вечеръ внизу на горячей степи, то онъ еще лучше, еще трогательнѣе въ воздушной области, гдѣ царствуетъ вѣчная прохлада, на подоблачныхъ зеленыхъ лугахъ, откуда вы можете окинуть однимъ спокойнымъ взглядомъ всѣ горы южнаго берега и всю степь полуострова. Степь отсюда кажется моремъ: такъ она ровна и безконечна. Настоящее море едва свѣтится на послѣднихъ предѣлахъ горизонта; горы тоже настоящее море, только море съ исполнинскими окаменѣвшими волнами. Эти синія волны заполо-

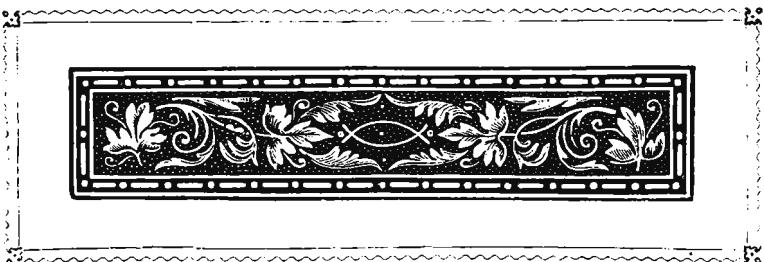
нили всю южную сторону горизонта, поднимаясь почти до самаго Чатырдага. Воздухъ пропитанъ розовымъ вечеромъ, и известковыя скалы Янкой-Яйлы тоже стоять всѣ розовыя...

Ясность и прохлада охватываютъ насъ. Удовлетворенное сердце бьется съ веселымъ спокойствиемъ, и свѣтлая, широкораспахнувшаяся кругомъ насъ панorama красоты незамѣтно вливается сквозь всѣ органы чувствъ въ изумленную душу... Эта гора оказывается цѣлымъ степнымъ уѣздомъ, котораго границъ не видишь; степь казалась бы продолженiemъ горной плоскости, если бы ее не отѣнялъ блѣдный туманъ, признакъ дали. Сотни верстъ подъ ногами. Особенное чувство овладѣваетъ человѣкомъ на большой открытой и пустынной горѣ. Кажется, будто приподнятъ къ небу, и смотришь на міръ не съ той тѣсной земной точки зрѣнія, съ которой смотришь обыкновенно. Міръ подъ тобою, едва различаемый, совсѣмъ неслышный. Его красота и величие широко развернуты передъ тобою, но тебѣ не видна мелочь и бѣдность подробностей. Города, поля, лѣса, дороги — все слито въ одну картину, ясную, дышащую миромъ. Отсюда кажется, что земля покоится въ безмятежномъ счастіи, эта многогрѣшная и вѣчно волнующаяся земля...

Понятно, что духъ, стремившійся къ божеству, уходилъ на горы. Здѣсь возможно самосозерцаніе, молитва. Міръ обнимаешь, какъ что-то вѣтъ лежащее.

Понятно, отчего возмутилась душа вождя народа Божьяго, когда, проникнутый пустыннымъ величиемъ высотъ Синайскихъ, сошелъ онъ съ нихъ опять на землю и увидѣлъ ея жалкія суety...

XII.

Пещеры Чадырдага.

Бийбашъ-Коба — пещера 4000 головъ. — Наше эхушенъе. — Холодная пещера или Султу-Коба.

ы всеѣ хали молча, настроеніе было нѣсколько торжественное; душа невольно подчинялась впечатлѣнію вечерняго часа и той горной высоты, на которой мы очутились теперь. Суруджи повернуль къ пещерамъ, но до нихъ было неблизко.

Что это? провалъ? на вершинѣ горы вдругъ сильный и широкій уступъ. Такими уступами Чатырдагъ спускается къ сѣверу.

Кавалькада сѣѣзжаетъ осторожно, всадникъ за всадникомъ. Оглядываются, ищутъ глазами — гдѣ пещера. Нѣсколько темныхъ живописныхъ отверстій виднѣются въ разныхъ мѣстахъ. Суруджи спѣшивается, мы за нимъ. Съ нами еще чабаненокъ-татаринъ, захваченный проводникомъ на дорогѣ отъ стада. Я подозрѣваю, что нашъ суруджи или ни разу не былъ въ пещерахъ, или боится лѣзть въ нихъ. Хотя онъ до послѣдней минуты

божится и хвастаетъ, что знаетъ всѣ чатырдагскія пещеры, какъ свой виноградникъ, однако, къ концу концовъ, остается у лошадей, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ опасно поручить незнакомому чабану.

Ведутъ насъ къ скалѣ; пещеры нѣтъ, замѣтна какая-то узкая трещина, прикрытая утесомъ, но не вѣрится, чтобы это была знаменитая *Бимбашъ-Коба*, «Пещера тысячи головъ». Пастушенокъ, однако, идетъ именно къ этой щели. «*Бимбашъ-Коба*,» торжественно улыбаясь, обращается онъ къ намъ, уставивъ свой палецъ на трещину. Въ публикѣ нашей волненіе. Никто не думалъ, чтобы приходилось лѣзть въ такую лисью нору, и никто не разсчитывалъ на особенныхя наслажденія въ этой пещерѣ. Къ тому же вечеръ, скоро будетъ темно. Суруджи между тѣмъ распечаталъ свѣчи и зажигалъ ихъ. Сомнѣвающіеся обратились къ нему: оказалось, что надобно съ первыхъ же шаговъ ползти по грязи, и что платье совсѣмъ пропадетъ. Это рѣшило всѣ колебанья. Любопытныхъ оказалось только трое, я въ ихъ числѣ. Свѣчи въ рукахъ, чабаненокъ, помолившись Аллаху, лѣзетъ впередъ, за нимъ мы, скорчившись въ три погибели. Пророчества весьма остроумныя, но самаго мрачнаго характера, напутствуютъ насъ. Но они скоро смолкаютъ. Глухой, тѣсный, сырой коридоръ безслѣдно проглатываетъ всякие звуки. Съ каждымъ шагомъ онъ дѣлается значительно ниже и уже; чабаненокъ впереди уже лежитъ на брюхѣ; батюшки, что же это такое? Это водосточная труба, а не пещера. Одинъ изъ моихъ товарищѣй просто кричитъ; онъ со злобою увѣщеваетъ насъ вернуться назадъ, пока не поздно, изъ этой эмѣйной лазейки. Духота воздуха спираетъ ему грудь, и онъ безъ отвращенія не можетъ взглянуть на свои грязныя ладони. Мы предоставляемъ ему возвратиться рачимъ манеромъ, пятками впередъ, а сами до конца рѣшаемся испить чашу: все равно,

уже все въ грязи! Мы опять полземъ. Полземъ теперь буквально на четверенькахъ, ступая ладонями въ вонючую бурую грязь. Свѣчи едва не тухнутъ у насъ въ рукахъ, потому что нѣтъ возможности держать ихъ прямо. Въ грязи попадаются ключицы, позвонки, челюсти, человѣческие черепа; немножко скверно: иногда по всему тѣлу пробѣгаетъ нервная дрожь, когда вдругъ невзначай попадешь рукою на человѣческую кость. Отъ нихъ-то и вонь; и грязь, повидимому, отъ нихъ же; замѣтно что-то органическое въ этой бурой грязи, точно перегнившій прахъ. Откуда бы иначе зашла сюда грязь, въ эти известковыя трещины? Скорѣе всего, мы полземъ въ перегноѣ труповъ. По крайней мѣрѣ, я былъ увѣренъ въ этомъ. торопясь проползти отвратительную подземную щель. Скоро и начетверенькахъ мнѣ было невозможно ползти; спина скребла объ известковый сводъ и надо было уподобиться проклятому Богомъ змію, осужденному пресмыкаться на чревѣ своеемъ. Признаюсь, я въ эти мгновенія совершенно не понималъ, что за интересъ заставляетъ меня претерпѣвать подобныя истязанія? Становилось даже нѣсколько стыдно за свою необдуманную рѣшимость. Но, что становишь дѣлать? Когда стать лѣзть, то уже не имѣешь силъ остановиться.

Въ человѣкѣ много силы инерціи, столько же въ страдательномъ, сколько въ активномъ смыслѣ. Многое въ дѣйствіяхъ его напоминаетъ движение брошенного камня; воля двигаетъ человѣкомъ далеко не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ это иногда намъ кажется. Можетъ быть, и сомнѣваешься начать то или другое дѣло, не видишь достаточнаго повода къ нему, но разъ началъ — и пошелъ работать! Работать, имѣя въ виду одну цѣль — привести работу къ концу. Это работа для работы, искусство для искусства. Такъ, вѣроятно,

льзъ и я, одушевляемый одною естественною мыслю— скорѣе долѣзть куда-нибудь.

Нора тянулась не особенно долго, всего нѣсколько саженъ. Она поднималась слегка въ гору и извивалась въ стороны. Вдругъ чабаненокъ нашъ словно нырнуль куда-то. Я пріостановился, поглядѣль впередъ. Мы были у устья высокой темной пещеры, въ которую уже спустился чабанъ. Мнѣ никто не описывалъ заранѣе Бимбашъ-Коба, и я совсѣмъ не готовился встрѣтить въ ней то, что я встрѣтилъ. Оригинальность и неожиданность зрѣлища поразили меня. Я вдругъ очутился въ мрачной и таинственной индійской пагодѣ. Высокіе своды пропадали въ темнотѣ; колонны узорчатыя, витыя, будто сплетенные изъ коралловъ цѣлыми букетами, поднимались кверху по стѣнамъ и угламъ; ихъ расписала какими-то чудесными іероглифами невѣдомая рука... Со сводовъ падали десятками каменные и хрустальные паникадила; стояли посреди подземнаго храма великолѣпные массивные свѣщники, странной работы, тоже сверкающіе какъ хрусталь... Стояли огромные престолы и органы изъ тяжелаго хрустала, безобразные каменные идолы, то коротенькие, уродливо-толстые, съ круглыми грудями, то высокіе, какъ столбы колоннъ. Одинъ подземный храмъ слѣдуетъ за другимъ, поднимаясь все выше и выше въ гору. Освѣщаемые мерцающими огнями нашихъ свѣчей, эти могильныя капища кажутся еще таинственнѣе: ихъ безчисленные сталактиты, вылившіеся во всевозможныя формы, гдѣ обрисовываются въ голубоватомъ фосфорическомъ туманѣ, гдѣ сверкаютъ яркими искрами на черномъ фонѣ глубокихъ сводовъ... Тѣни длинныя, неуловимыя и неуловимыхъ формъ, ползутъ по стѣнамъ широко и медленно, или быстро перебѣгаютъ, какъ крыло вспущанной ночной птицы, переплетаясь, пересѣкаясь, сливаясь другъ съ другомъ, смотря по движению нашихъ

огней... Колоннады, жертвеники, идолы, курильницы, то выплываются изъ мрака, то тонутъ въ немъ, чтобы дать мѣсто новымъ рядамъ колоннъ, люстръ и идоловъ... На полу, между каменными сидѣніями, у подножія истукановъ, насыпаны страшною грудою человѣческіе черепа. Желтые, какъ рѣпа, съ черными дырьами вмѣсто глазъ, съ оскаленными рядами зубовъ, покрытые землею и плѣсенью, гниютъ эти черепа въ своемъ великолѣпномъ сталактитовомъ склепѣ.

Они лежатъ безъ счета и призора, какъ кавуны на малороссійскомъ базарѣ. Въ каждомъ придѣлѣ пещеры та-кія же кучи. Ихъ безъ вниманія топчетъ нога туриста, изумленно оглядывающаго эти известковые наплывы, придавшіе величіе храма темному склепу. Ребра, ноги, кости рукъ человѣческихъ, черепа, вскрытые какъ устрицы — составляютъ отвратительную мозаику, ко-торою вымощенъ подземный храмъ.

Душою овладѣваютъ какая-то непобѣдимая чара. Все кругомъ такъ странно и ново, что совсѣмъ выби-ваетъ человѣка изъ живой колеи... Забываешь, что ты на Чатырдагѣ, пріѣхалъ изъ Алушты съ проводникомъ Османомъ; начинаешь впадать въ какое-то мистическое сновидѣніе, начинаешь невольно мечтать объ элефан-тинскихъ подземельяхъ, о храмахъ кровавой богини Бахвани, требующей себѣ въ жертву смерти и одной смерти... Это дѣйствительно обстановка сновидѣнія: чуетъся на этихъ молчащихъ алтаряхъ, подъ этими пу-стынными сводами, невидимое присутствіе какой-то страшной богини... Для кого же эти сотни лампадъ, эти останки отъ тысячи жертвъ?..

Съ возбужденію и смущенною фантазію двига-лись мы, не мѣняясь ни однимъ словомъ, не развлекая ничѣмъ своего мистического созерцанія, изъ подземелья въ подземелье. Нельзя было проникнуть во всѣ его таинственные углы. Часто чернѣли у насть по сторо-

намъ темныя отдушины, ведущія Богъ знаетъ куда. За ними, можетъ быть, опять такие же ряды храмовъ. Рискнувъ полѣтѣ туда, кто знаетъ, когда бы мы возвратились, да и возвратились ли бы еще. Известковые слои Чатырдага, перевернутые ребрами вверхъ, должны имѣть безконечныя подземныя пустоты.

Не даромъ во всѣхъ сторонахъ Чатырдага есть пещеры. Онѣ, безъ сомнѣнія, сообщаются между собою отдушинами, трещинами, переходами, извивающимися между каменными толщами; кому по силамъ этотъ лабиринтъ Плутона?

Отбивъ нѣсколько красивыхъ кусковъ сталактита, и осмотрѣвъ все, что было доступно безъ крайняго риска, мы поспѣшили назадъ... Прошли опять залы храмовъ; видимъ — дыра. Чабанъ въ нее, мы за нимъ. Полземъ — что же это такое? Ходъ двоится; встречаются признаки, незамѣченные прежде.

— Эй, чабанъ? Да туда ли ты?

Чабанъ не знаетъ ни слова порусски, то-есть ровно столько же, сколько мы знаемъ потатарски. Однако, онъ понялъ сущность вопроса и объясняетъ намъ знаками, что онъ самъ не знаетъ, куда надо ползти.

Немножко екнуло сердце. Минута была весьма скверная. Стоитъ разъ сбиться съ пути, а тамъ трудно поправиться, въ подземныхъ норахъ и подавно.

Между тѣмъ свѣчки наши сильно обтаяли; онѣ легко могли даже потухнуть, потому что свѣчи, при ползаніи на рукахъ, почти лежали въ грязи. Если чабанъ, туземецъ Чатырдага, остановился въ недоумѣніи, намъ трудно поправить дѣло.

Мы переговорили другъ съ другомъ; осмотрѣлись хорошенько — ясно, что мы не были здѣсь. Рѣшились ползти назадъ въ первое отдѣленіе сталакитового храма. Приползли, чабанъ за нами. Онъ такъ растерялся, что

на все наши вопросы отрицательно кивалъ головою и, казалось, самъ ждалъ отъ насъ указаний.

Недаромъ, слышаъ я потомъ, татары такъ боятся Бимбашъ-Кобы: порядочный татаринъ не вѣзть нее ни за какія деньги, что и доказалъ намъ нашъ суруджи Османъ. Разсуждать было не о чемъ, и было торопиться и не рѣбѣть. Мы осмотрѣли съ внимательнымъ образомъ разныя отдушины, чернѣвшія въ стѣнахъ пещеры. Освѣщая грязь всѣми тремя свѣчами и внимательно взглядываясь въ нее, наконецъ, замѣтили мы въ одной изъ отдушинь свѣжіе слѣды рукъ, ногъ и колѣнъ. Не было сомнѣнія, что это настоящій выходъ. Словно тяжесть свалилась съ груди, и мы сейчасъ смѣло поползли въ открытый нами ходъ. Только татарченка уже не пустили впередъ, убѣдившись въ его полной безполезности.

Объ настъ начинали уже беспокоиться, и суруджи даже готовился лѣзть въ пещеру со спичками и свѣчками, предполагая, что у настъ потухъ огонь. При видѣ настъ, лица просіяли; мы были блѣдны отъ затхлаго воздуха и страшно испачканы. Настъ заставили разсказывать, а компания между тѣмъ двинулась къ другой пещерѣ, которую мы рѣшили осмотрѣть въ тотъ же вечеръ: она находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бимбашъ-Коба.

Суруджи рассказалъ намъ при этомъ что очень давно, еще при ханахъ, въ Бимбашъ-Кобѣ спрятались 1,000 человѣкъ татаръ; ихъ розыскали тамъ не то турки, не то казаки, и чтобы выгнать оттуда, зажгли передъ входомъ костры; дымъ задушилъ всѣхъ, спрятавшихся въ пещерѣ, но никто изъ нихъ не вышелъ и не сдался. Съ тѣхъ поръ эта пещера называется тысяче-головою, т. е. Бимбашъ-Коба. Незнаю, на сколько спра-ведливъ разсказъ татарина, слышанный мною послѣ отъ многихъ. Но, признаюсь, по прекрасной идеально

правильной формѣ череповъ, они скрѣбѣ кажутся греческими. Мы нарочно искали маленькихъ череповъ, чтобы узнатъ, были ли въ числѣ погибшихъ дѣти, но не отыскали ни одного; какой же поводъ былъ прятаться въ пещеру однимъ мужчинамъ, особенно если ихъ было 1,000 человѣкъ? Что-то не въ нравахъ татарскихъ кочевниковъ подобная безполезная и беззащитная смерть.

Пещера *Сулу-Коба* значить *холодная*. Входъ ея самый поэтическій. Онъ широкъ, какъ ворота дворца, но совершенно маскированъ сначала утесами, потомъ деревьями и кустами. Для бѣглецовъ не можетъ быть лучше убѣжища; за неимѣniемъ бѣглецовъ, туда хорошо загонять стада. Въ ней помѣстятся всѣ кошары Чатырдага, и еще много останется мѣста. Пещера эта совершенно противоположна Бимбашъ-Коба. Не лисьей норою, а тріумфальною аркою, украшенною зеленью, вы вступаете въ подземный гротъ; вамъ не нужно пригнуться и ползти, вы сразу очутитесь въ высокомъ, обширномъ чертогѣ. Онъ уходитъ внизъ легкою покатостью, спускаясь на большую глубину въ недра горы. На всемъ протяженіи своемъ онъ также высокъ, также свободно раздинутъ. Вы идете по немъ вольно и быстро, какъ по паркету бальной залы... Только паркетъ этотъ, разумѣется, такъ же сыръ, какъ и полъ Бимбашъ-Коба. Сулу-Коба не храмъ, не пагода; въ немъ не найдете идоловъ и обильной колоннады. Въ немъ нѣтъ и таинственности храма, но это роскошный, заколдованный дворецъ подземного духа. Пробѣгая его обширныя пустыя залы, въ которыхъ словно теряются огоньки вашихъ жалкихъ свѣчъ, для освѣщенія которыхъ надо сотни люстръ, вы не вѣрите, чтобы никто не обиталъ въ этомъ чудномъ гротѣ. Повсюду признаки какого-то преднамѣренного комфорта; сталакиты и сталагмиты здѣсь далеко не достигаютъ грандіозныхъ

размѣровъ тысячеголовой пещеры, но они обилии стѣны и потолки подземелья изящнѣйшею лѣпною работою; передъ вами то темная, заманчивая ниша, то каминъ изъ точеныхъ колоннокъ, замысловатые рѣзные шкафчики по угламъ, кронштейны, карнизы, самый тонкій горельефъ, на сводахъ и панеляхъ... Вы спускаетесь барельефъ, и видите, что въ сторонѣ отъ прохладныхъ большихъ залъ убѣгаютъ темные коридоры, галлерей, пещерки; сверху смотрятъ черныя отверстія хоръ. Вамъ дѣлается понятно, что вы только въ парадныхъ комнатахъ чертога, что лабиринтъ внутреннихъ покоевъ идетъ направо и налево отъ васъ, вверху и внизу. Чѣмъ ниже сходите вы по наклонному полу грота, чѣмъ глубже опускаетесь въ толщи земли, тѣмъ влажнѣе становится почва подъ вашими ногами, вода сбѣгаетъ иногда ручейками и заливаетъ каждую ямку; сталактитовъ и сталагмитовъ становится больше; форма ихъ — причудливѣе и характернѣе. Иногда пустое основаніе разбитаго ста-лагмита образуется въ бассейнѣ воды, которая набирается въ немъ, какъ въ каменному сосудѣ. Фонтаны и бассейны вообще обильно украшаютъ нижніе своды грота; съ молодыхъ сосулекъ сталактитовъ вода капаетъ холодными, тяжелыми и медленными каплями... Звукъ ихъ паденія глухо, но громко раздается подъ пустыми сводами... Дальше уже встрѣчаются мраморныя ванны, до краевъ наполненные водою, наконецъ, цѣлые купальни и сажалки... Своды здѣсь совершенно опускаются къ полу, это предѣль чертога. Но выходъ и здѣсь есть. Низкія, черныя подземелья идутъ за сажалками въ невѣдомыя глубины. Сталактиты раздѣляютъ ихъ на арки, стоятъ рѣшетками...

Можетъ быть, пребравшись черезъ нихъ, опять бы очутился въ высокихъ, просторныхъ залахъ, уходящихъ въ таинственное царство гномовъ. Кто знаетъ, гдѣ конецъ имъ? Я спускался глубоко въ земныя нѣдра въ

въ шахтахъ рудниковъ. Но первый разъ въ жизни пришлось мнѣ посѣтить эти пустынные нерукотворные чертоги, скрытые въ глубинѣ земныхъ толщъ. Я никогда не воображалъ, чтобы столько простора и столько таинственного великолѣпія скрывала въ чревѣ своемъ тяжелая кора нашей темной планеты.

XIII.

Ночь въ облацахъ.

Гроза въ заоблачномъ царствѣ. — Чабакы и ихъ собаки. — Варенье сыру. — Ночное нападеніе — Болынка. — Рассказы сбъ Алимѣ разбойниковъ. — Денежные звѣзда. — Карз-Кеба. — Завтракъ на Трапезусѣ. — Возвращеніе.

льма — ни зги не видать!

Откуда пронеслась эта страшная, сырая мгла, охватившая вдругъ небо и землю черными складками своихъ крыльевъ? Вздрагивають и шелестятъ эти крылья, и пугливо вздрагиваетъ въ нихъ объятіи душа опоздавшаго путника.

Послѣ яснаго и радостнаго вечера такая безумная ночь. Вѣтеръ, словно звѣрь, сорвавшійся съ цѣпей, несется черезъ пустынную, каменную площадь Янкой-Яйлы, которую предстоитъ намъ проѣхать изъ конца въ конецъ. Онъ гонитъ тучи, какъ стада, трубя, свища, раскатываясь такими угрожающими воплями, что въ самомъ дѣлѣ кажется злымъ чудовищемъ, обладателемъ этого воздушнаго царства. Тучи проносятся такъ низко, такъ близко... молнии обливаютъ ихъ блѣдными потоками огня, пронзаютъ стрѣлами, рвутъ какъ занавѣсъ;

и, вслѣдъ за вспышкой молніи, гора трясется, какъ отъ подземнаго взрыва, отъ ударовъ грома. Онъ тоже близокъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Иногда представляется, что мы попали въ самое жерло грозы, что она бѣснуется и кругомъ насъ, и внизу насъ. Каюнада, прогремѣвшая надъ головою, оглушившая и ослѣпившая насъ, еще не успѣеть земереть въ отдаленныхъ раскатахъ, какъ уже проносится на воздушныхъ коняхъ новая баттерей. обдастъ насъ опять громомъ своихъ залповъ, также быстро мчится далѣе — бомбардировать другія твердыни, а на смѣну готова уже новая, и еще. Все это лѣзетъ съ моря, изъ-за хребтовъ Яйлы; ужь не дьяволы ли вырвались на свободу!

Скверно въ такую грозу и въ обыкновенномъ мѣстѣ, на обыкновенной дорогѣ. Но еще сквернѣе на пяти тысячахъ футовъ высоты надъ поверхностью моря брести ночью, безъ дорогъ, въ безмолвной пустынѣ, обитаемой только волками, наполненной оврагами и провалами, натыкаясь ежеминутно то на кустъ, то на большие камни, и не видя головы своего собственнаго коня.

Къ счастію, можно сказать, даже къ спасенію нашему, съ нами еще чабаненокъ, показывавшій намъ пещеры. Онъ ведеть насъ теперь. Онъ знаетъ макушку Чатырдага, какъ дворъ своего дома, потому что безъ-исходно живетъ на ней по три мѣсяца ежегодно. Но и онъ ежеминутно сбивается. Онъ двигается смѣлымъ и ходкимъ шагомъ, какимъ ходятъ чабаны, крѣпко ступая на острые камни, на ребра известковыхъ слоевъ, торчащія изъ почвы, своими терпкими ногами, обутыми въ буйоловыя сандаліи. Въ рукахъ у него надежный саженный шестъ, которымъ онъ въ одно время и опирается и щупаетъ дорогу; онъ никого и ничего не боится — ни бури, ни опасной встрѣчи, ни проваловъ.

Вѣтеръ ежеминутно срываетъ его истертую, лохматую шапку, но онъ ловитъ ее въ темнотѣ, ползая на

четверенькахъ, испуская какие-то дикіе, непонятные намъ крики.

Эти хриплые нечеловѣческие звѣки страшно гармонируютъ съ пустынею горы, съ грозою и тьмою.

Наши лошади, утомленныя юздою цѣлаго дня, особенно подъемомъ на гору, смущенные бѣснующеюся грозою, медленно двигаются за чабаномъ, осторожно перенося ноги черезъ огромные камни. Онъ фыркаютъ и кашляютъ отъ усталости, но не спотыкаются. А между тѣмъ мы буквально ёдемъ по каменнымъ грядкамъ, на которыхъ наша русская лошадь послѣ первыхъ же шаговъ упала бы съ переломленными ногами.

Нужно имѣть чабана проводникомъ и крымскую лошадь подъ сѣдломъ, чтобы выбраться благополучно изъ этой кромѣшной тьмы.

Мнѣ казалось, что мы ёхали не менѣе трехъ часовъ, но очень можетъ быть, что темнота и беспокойство удвоили время. Никто не говорилъ и не жаловался; вниманіе всякаго сосредоточилось на сѣдлѣ и на конѣ, какъ бы не полетѣть черезъ голову или не наѣткнуться на кустъ. Дождя, къ счастію, не было, хотя мы его ожидали съ минуты на минуту. Чабанъ вѣрнастъ къ самому подножью Трапезуса. По его словамъ, тамъ, въ лѣсу, есть землянка, въ которой можно переночевать; это стоянка чабановъ другой отары, не той, къ которой принадлежалъ самъ проводникъ. Онъ обѣщаешьъ, что скоро доѣдемъ, но когда же это скоро? Не вѣрится, чтобы была въ этой проклятой пустынѣ иная живая душа, кромѣ настъ грѣшныхъ, осужденныхъ на безконечное странствованіе. Еще менѣе вѣрится крову и ночлегу. А между тѣмъ страхъ и холодъ не заставляютъ молчать аппетитъ; мы, изнѣженные сыны цивилизациіи, съ своими разслабляющими привычками, кажемся такими жалкими въ суровой обстановкѣ этой пастушьей жизни; мы страдаемъ уже отъ того одного,

что вечеромъ не будемъ сидѣть возлѣ самовара и пить свой неизмѣнныи чай; страдаемъ и отъ того, что вмѣсто мягкой мебели, на которой привыкли покоиться, простиасись двѣнадцать часовъ на татарскомъ сѣдлѣ. Пожалуй, не одинъ изъ настѣ помечталъ и о каминѣ, и о газетѣ, и о гостиной съ лампами, ежась подъ холоднымъ дыханіемъ горнаго вѣтра.

О, когда же это землянка! Нашъ суружи Османъ потерялъ бодрость не хуже настѣ и ёдетъ повѣся нось, изрѣдка переводя намъ возгласы чабана, срываляемые вѣтромъ.

Вдругъ, гдѣ-то внизу раздался лай. Лошади разомъ остановились, потому что впереди остановился чабанъ.

— Волки! — закричалъ онъ по-татарски. Собаки за волкомъ погнались.

Мы стали спускаться въ какой-то провалъ, продираясь сквозь кусты, черезъ груды камней. Надобно было слѣзть съ лошадей, чтобы не оставить безъ ноги и себя и лошадь.

Лай ожесточенный и дружный уносился въ одну сторону. Признаться, я очень боялся, чтобы онъ не обратился вдругъ съ тою же дружностью и тѣмъ же ожесточенiemъ въ нашу сторону. Я слишкомъ много слышалъ о чабанскихъ собакахъ, чтобы желать съ ними встрѣтиться въ подобную минуту, и еще спѣшенному. А между тѣмъ, дѣло было, кажется, неизбѣжно. Спускъ въ провалъ весьма неглубокъ, но безобразенъ до-нельзя. Кое-какъ пробрались черезъ кусты и камни. Въ черной тьмѣ, въ непонятномъ для глаза разстояніи, можетъ быть въ десяти шагахъ, можетъ быть за три версты, сверкнулъ красный огонекъ. «Ну, теперь приѣхали», — повеселѣвшимъ голосомъ объявилъ суружи. «Это у чабановъ огонь».

Онъ поболталъ что-то по-татарски съ проводникомъ. «Стойте, господа, теперь нельзя дальше, собаки

съѣдять», скомандовалъ онъ намъ, останавливая коня. Всѣ остановились, чабанъ впереди всѣхъ. Я съ значительнымъ беспокойствомъ ждалъ, что будетъ.

Вдругъ раздался пронзительный, дикий крикъ, отъ котораго всѣ мы вздрогнули. Такъ кричитъ иногда въ полночь пугачъ-филинъ.

Это нашъ чабаненокъ подаль голось чабанамъ-хозяевамъ.

Взволнованный собачий лай мгновенно отвѣтилъ ему. Хриплые, задыхающіеся и ревущіе голоса псовъ приближались сквозь темноту, неизвѣстно откуда... Чуялось только, что несутся разъяренные звѣри, и что несутся они къ намъ и на насъ. Крики чабана становились все болѣе пронзительными, все болѣе дикими. Никогда еще не слыхалъ я, чтобы такъ кричалъ человѣкъ. И это не были безмыслиенные звуки, но были слова, призывающіе человѣкомъ человѣка.

Только дикая пустыня и жизнь среди дикихъ звѣрей научатъ такому дикому языку. И, надобно сказать правду, въ эту бушующую ночь, среди воя вѣтра, раскатовъ грома и брѣха собакъ, только такой крикъ и могъ быть услышанъ, только такой языкъ и могъ быть понятъ. Надобно равняться съ звѣрями и стихіями, чтобы они не подавили тебя.

Далекій голось, относимый вѣтромъ, отвѣтилъ, наконецъ, на взвыванье чабана. Въ это время мы были уже охвачены цѣльнымъ стадомъ собакъ. Лохматые бѣлые псы, высокіе и худые, заливаясь неистовыемъ лаемъ, кружась и прыгая, и грызя землю, рвались на насъ черезъ каменную насыпь, за которой мы стояли вмѣстѣ съ лошадьми, сбившись въ тѣсную кучку. Чабаненокъ, держась за середину шеста, отмахивалъ ихъ отъ насъ обоими концами и отчаянно кричалъ на нихъ, повидимому, нисколько не опасаясь за самого себя. Суруджи тоже довольно хладнокровно встрѣчалъ ихъ

атаки; но я, не стыжусь признаться, былъ испуганъ и взволнованъ до крайности. Я зналъ хорошо, что чабанская собака въ одиночку рветъ волка, и что нерѣдко вместо волка она поступаетъ такимъ же способомъ съ человѣкомъ. Быть изорванному собакой не составляетъ особенного удовольствія; къ тому же этотъ звѣрскій оглушилительный концертъ такъ скверно дѣйствовалъ на нервы. Чабаны прибѣжали очень скоро и еще издали разогнали собакъ крикомъ и свистомъ; но волненіе ихъ долго еще не успокоивалось. Когда мы двинулись къ землянкѣ, страшные псы шли кругомъ насъ — рыча, глухо воя, вытягивая свои кровожадныя морды и враждебно обнюхивая насъ и лошадей нашихъ.

Онѣ покорились волѣ хозяевъ, скрѣпивъ сердце, и, казалось, до послѣдней минуты ждали сигнала броситься на насъ и растерзать, какъ зайцевъ.

Мы сидимъ и лежимъ въ низкой землянкѣ, едва прикрытой сверху и полуоткрытой съ боковъ... На чабанскихъ войлокахъ, на сырыхъ шкурахъ убитыхъ овецъ, на потникахъ и сѣдахъ — разлеглись наши усталые путешественники; яркій, веселый огонь горитъ въ другомъ концѣ шалаша, и дымъ его красноватыми клубами вылетаетъ въ незабранный верхъ стѣны, черезъ который видно небо, уже расчищающееся отъ грозы. Огромные плоскіе котлы съ овечимъ молокомъ стоятъ на огромныхъ таганахъ по сторонамъ костра. Плечистый и огромный чабанъ, хозяинъ землянки, въ своей остроконечной бараньей шапкѣ, возится у огня и котловъ, что-то мѣшаетъ, сливая и подкладывая. Это варится овечій сыръ. Теперь сезонъ сыра, и цѣлыми ночи напролетъ работаютъ надъ нимъ чабаны. Другой чабанъ, безмолвный старикъ съ сѣдыми бровями, жарить намъ на желѣзной спицѣ знаменитый татарскій шаш-

лькъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, словно насъ и нѣтъ здѣсь, вполнѣ сосредоточивъ свой строгій взглядъ на кусочкахъ баранины, нанизанныхъ на спицу. Важно и неспѣшно поворачиваетъ онъ ее надъ горячими угольями, подрумянивая сочные, жирные кусочки, и, подрумянивъ, такъ же важно и неспѣшно, въ полномъ безмолвіи, ссыпаетъ ихъ въ чашку, изъ которой мы съ жадностью поглощаемъ это душистое мясо.

Не думаю, чтобы многіе изъ читателей Ѳдали татарскій шашлыкъ въ болѣе оригиналной обстановкѣ и съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ Ѳль я его въ эту незабвенную ночь.

Послѣ голода и холода — прекрасное, горячее мясо, неимѣюще себѣ подобнаго! Баранины тутъ слѣда нѣтъ, той, по крайней мѣрѣ, баранины, которую знаетъ русская публика.

Въ шашлыкѣ не баранина, а конфета. Я одинъ съѣлъ его два вѣртела. Наши дамы нашли какой-то глиняный кувшинъ и, въ то время какъ мы истребляли шашлыки, ухитрялись приготовить въ этомъ кувшинѣ чай. Вышелъ настоящій калмыцкій чай, жирный и темный, какъ подобаетъ въ такой калмыцкой юртѣ; я его, однако, пилъ съ наслажденіемъ, тѣмъ болѣе искреннимъ, что потерялъ-было на него всякую надежду. За чаемъ слѣдовала отвратительная пшеничная каша на овечьемъ молокѣ, придымяленная, вонявшая овцою; чабанъ скотовилъ намъ ее въ котлѣ, способномъ напитать пять тысячъ человѣкъ безъ всякаго вмѣшательства чудесъ. Сначала мы и на кашу накинулись съ азартомъ, но потомъ согрѣлись, наѣлись, и на четвертой ложкѣ смекнули, что она скверная.

Своей провизіи мы не вынимали, потому что ея было мало, а завтра предстоялъ еще цѣлый день пути.

Ужинъ нашъ стоитъ кисти Сальватора Розы. Мы

сидимъ на земляномъ полу, поневолѣ поджавъ ноги, вокругъ смѣшнаго круглаго столика, который вдвое ниже тѣхъ скамеекъ, что наши бабушки ставили себѣ подъ ноги. Передъ нами чугунный котель, изъ кото-раго всѣ, мужчины и дамы, профессора и профессорши, черпаютъ другъ черезъ друга скверными деревянными ложками скверную кашу. Кругомъ нась, по стѣнамъ и угламъ и на полкахъ, стоитъ и виситъ незатѣйливая посуда пастушескаго хозяйства, лежать стопки свѣжаго каймаку, въ кадкахъ знаменитый *катыкъ*, разведенныій водою.

Всего этого попробовалъ я по обязанности присяж-наго туриста, и на силу отплевался! Каймакъ — это жир-ныя маслянистыя пѣнки, снимаемыя съ овечьяго молока, когда готовятъ сыръ: можетъ быть, теплый онъ еще возможны; но отвѣдать кусочекъ холоднаго кай-мака — все равно, что откусить отъ сальной свѣчки. У татаръ, однако, нѣтъ выше лакомства, нѣтъ дороже угощенья.

Катышъ совершенно противоположнаго рода. Это свернувшееся овечье кислое молоко, что-то въ родѣ творогу. Я говорилъ уже, что его размѣшиваютъ съ водою и пьютъ какъ воду, какъ квасъ, какъ чай.

Нѣсколько Ѣдкій, очень для меня непріятный, а глотнуть его было необходимо уже потому, что ча-банъ угощалъ имъ особенно радушно и очевидно не допускалъ даже мысли о возможности такого отноше-нія къ катышу, какое имѣлъ я внутри своей неопыт-ной души.

Мы скоро улеглись. Ъсть спѣшили, спать еще бо-льше спѣшили.

Половина компаний, несмотря на холодъ ночи и со-бакъ, должна была лечь на дворѣ, подъ открытымъ небомъ; укутанные, кто какъ могъ, вооруженные, кто чѣмъ пришлось, удалились наши абреки, подъ прикры-

тиемъ чабана, на свои жесткія ложа, и мы слышали, какимъ враждебнымъ ропотомъ встрѣчали ихъ овчарки, мимо которыхъ они проходили.

Я думалъ, что засну какъ убитый, а мнѣ совсѣмъ не спалось. Мнѣ такъ стало хорошо въ этой землянкѣ кочеваго пастуха, что душа проснулась и наслаждалась созерцаніемъ.

Поэзія вальтер-скоттовскихъ горцевъ, такъ утѣшавшая и соблазнявшая мое дѣтство, живая стояла кругомъ меня.

Спутники мои въ живописныхъ позахъ, всегда сообщаемыхъ неподдельностью, спали на шкурахъ и войлокахъ въ темной глубинѣ хижинки. У огня сидѣли неподвижныя фигуры чабановъ, исполненные своей особенной красоты и силы. Съ ножами у пояса, защищые въ бараны куртки, съ широкою черною перевязью черезъ плечо, на которой, въ черномъ футлярѣ, хранился молитвы Мохамеду — молитвы, которыхъ ни одинъ чабанъ не умѣетъ прочесть, но безъ которыхъ ни одинъ же чабанъ не рискнетъ выйти на пастбище,— обутые въ буйволовыя сандалии, въ остроконечныхъ бараныхъ шапкахъ, глубоко надвинутыхъ на голову, загорѣлые, закаленные, съ мускулами, вылитыми изъ чугуна,— сидятъ эти здоровенные пастухи, незнающіе ни простуды, ни страха, и, одичалые въ своемъ горномъ уединеніи, безмолвно изумляются на чуждыя имъ одежды и чудныя рѣчи. Тутъ не одни большие, между ними сидятъ молодые ребята, такие же безмолвные и серьезные, въ такой же точно одеждѣ. Они особенно дико озираются на насъ и слѣдятъ за разговоромъ нашимъ, задумчиво вперивъ въ говорящаго свои черные, широкооткрытые глаза. Такъ смотрятъ на человѣка волчата и орленки, попавшіе въ неволю. Эти строгія маленькая лица мало похожи на дѣтскія. Видно, недолго знали они ласки матери и отраду домашняго очага. Ихъ вос-

питала суровая дисциплина холода, опасности и труда, которая стоитъ всякой школы.

Изъ этой школы не выйдетъ ни болтуна, ни лѣнтия, ни бездѣльника. Изъ нея выходить только сносливые труженики. Эти серьезные глаза навѣрное почтятъ отца и вѣрятъ въ Бога.

Чабаны сидятъ не шевелясь, не перекидываясь словомъ. Пустыня не располагаетъ къ болтовиѣ.

Они назяблисъ въ бурную ночь на своихъ сторожевыхъ постахъ и сошлисъ теперь погрѣться къ костру.

За нихъ теперь караулятъ вѣрные псы, разсыпавшіе свою цѣпь кругомъ стада; эти часовые не пропсять и не выдадутъ. Когда дымъ костра стихаетъ, и очищается отъ него отверстіе плетеной стѣны, глядить сквозь него въ освѣщенную землянку синее небо, уже безъ тучъ и молний, тихо мигая звѣздами...

Нашу крошечную хижинку изъ вѣтвей и земли кругомъ обложила армія овецъ... Ихъ чиханье и перхота, беспокойное блѣянье во снѣ и глухой шелестъ многихъ тысячъ переминающихся ногъ — слышны всю ночь... Иногда вскочить одна, чѣмъ-нибудь напуганная овца, и цѣлая отара вдругъ всколыхнется за нею, затопчется, и слышенъ нѣсколько минутъ шумъ безсмысленной давки...

Время отъ времени подаетъ голосъ сторожевой песь, почувствій волка, и по всей цѣпи, какъ бѣглый огонь, пробѣгаєтъ беспокойный брѣхъ...

Охрипшій голосъ чабана свиститъ и уськаетъ гдѣ-то на краю, произвая холодную ночь... Псы надрываются и несутся въ одну сторону...

Лай ихъ дѣлается все глуше и глуше...

Грѣвшіеся чабаны подымаются и уходятъ къ своимъ отарамъ, низко сгибаясь въ дверяхъ... Только старшій чабанъ возится съ своими котлами и своимъ сыромъ. Онъ одинъ знаетъ секретъ его варки и поминутно

подбавляетъ въ котлы какие-то кусочки, подкладываетъ и отгребаетъ угли. Но вотъ и онъ начинаетъ успокаиваться. Онъ снялъ свою баранью шапку и сидѣть теперь, рѣзко вырѣзаясь на фонѣ огня своею гладко выбритою головою, съ пучкомъ волосъ посреди макушки... Мы смотримъ другъ на друга, и онъ, повидимому, понимаетъ мое любопытство.

Огонь, между тѣмъ, мало-по-малу стихаетъ, и черные тѣни гнѣздятся уже по угламъ... Мои спутники легонько похрапываютъ, и во всей землянкѣ не спимъ только мы двое, я да старый чабанъ.

Вдругъ раздались нѣжные, за душу хватающіе, звуки; казалось, запѣлъ сильный женскій голосъ. Переливаясь, но и плача, съ какимъ-то особенно жалобнымъ выраженіемъ, дрожащими трелями, разносились звуки этой неожиданной пѣсни изъ полуосвѣщенной землянки въ синюю темноту ночи, погасая въ холодномъ воздухѣ. Это старый чабанъ игралъ на волынкѣ. Я въ первый разъ услышалъ игру на волынкѣ.

Игралъ мастеръ своего дѣла, и игра меня поразила. Такую близость поэтически-настроенной души къ инструменту, выражавшему это настроеніе, рѣдко найдешь въ другомъ инструментѣ.

Кромѣ того, я въ первый разъ слышалъ теперь хорошо спѣтую татарскую пѣсню. Въ ней много прелести. Это прелестъ какого-то наивнаго, дѣтскаго характера: дѣтски-шаловливая и дѣтски-плачущая: главное богатство ея въ короткихъ, нѣжно переливающихся треляхъ, въ какомъ-то безпрестанномъ дрожаніи, подниманий и упаданій голоса...

Дудки поютъ, какъ свирѣль, только полнѣе и рѣзче, а мѣха гудятъ и ревутъ, давая общий фонъ переливамъ тѣмы. Дудки тутъ солисты, мѣха — хоръ подъ сурдинку. Вообще игра оригинальная и чрезвычайно пріятная. Чабанъ игралъ для меня, и когда я поблагодарилъ

его, онъ сыгралъ мнѣ еще веселую татарскую пѣсеньку. Она игрива и мила, какъ невинная шалость ребенка. Странно, что безмолвный и равнодушный татаринъ могъ создать такие жизненные и нѣжные напѣвы...

Но ни прелестъ пѣсни, ни искусство музыканта, ни оригинальность игры не могутъ объяснить той полноты наслажденія, какую испытывалъ я, слушая пѣніе ча-бана. Минута была тутъ все.

Послѣ страшной горной грозы и ночного путешествія по дебрямъ, здѣсь, въ заоблачной пустынѣ, среди спящихъ отаръ овецъ, среди стай волковъ, осаждающихъ отары, при свѣтѣ костра, въ земляномъ шалашѣ, услышать нѣжно-стонущую пѣснь на инструментѣ шотландского гайландера, пѣснь, пропѣтую полупастухомъ, полуразбойникомъ, въ звѣриныхъ шкурахъ — это не часто приходится испытать въ рутинѣ нашей цивилизованной жизни.

Неудивительно, что сильнѣйшее наслажденіе получаемъ мы именно тамъ, гдѣ открывается намъ еще что-нибудь невѣдомое.

Невѣдомое у насъ такая рѣдкость, что дѣлается драгоценностью. Можетъ быть, оно-то и гонитъ въ полярныя моря, къ истокамъ Нила и въ кратеры вулкановъ.

Еще не замолкли очаровавшіе меня звуки, какъ вдругъ, въ глубокой тишинѣ, бѣшено рванулись собаки.

Чабаны пронзительно, съ какимъ-то особеннымъ отчаяніемъ загоготали въ разныхъ мѣстахъ. Пѣвецъ мой быстро вскочилъ на ноги; въ углу стояло его ружье, онъ схватилъ его и, сгибаясь какъ хищный звѣрь, широко шагая, выбѣжалъ изъ шалаша. Я ждалъ, чтѣ будетъ?

Выстрѣль раздался сухой, короткий, но его тотчасъ же разнесло громомъ по скаламъ и оврагамъ; чѣмъ

далъше, тѣмъ глупше; казалось, онъ скатывался съ Чатырдага въ подземную пропасть. Собаки лаяли на бѣгу, все удаляясь.

Чабанъ возвратился черезъ $\frac{1}{4}$ часа, попрежнему спокойный и угрюмый, зарядилъ опять ружье, опять поставилъ его въ уголъ и подсѣлъ опять къ своимъ котламъ.

— Кто-то подходилъ, — объяснилъ онъ мнѣ.

— Волкъ?

— Нѣтъ, человѣкъ подходилъ. — Меня удивило, откуда тутъ возьмется человѣкъ, кромѣ своихъ же чабановъ. Лѣзть на Чатырдагъ въ глубокую ночь, за одною овцою, зная чабановъ и ихъ собакъ — промыселъ довольно невыгодный. Чабанъ зналъ скверно по-русски, и мы съ нимъ разговорились. Онъ рассказалъ мнѣ, что чабаны другихъ отаръ часто крадутъ овецъ, зная хорошо натуру собакъ и все обычай кочевья.

Многихъ сами собаки знаютъ; это облегчаетъ самое воровство. Причина воровства весьма проста: чабаны нанимаются у хозяевъ не за деньги, а за овецъ; получаютъ все готовое, пищу, одежду и награду штукъ 20 или 16 овецъ, по договору.

Это вполнѣ библейский способъ, напоминающій пастушество Іакова и Моисея. Овцы пастуха остаются въ стадѣ, пока пастухъ при немъ. У нѣкоторыхъ молоденькихъ чабановъ, которыхъ я видѣлъ у огня, есть уже по 40 и по 50-ти овецъ. У старыхъ бываетъ по сотнямъ. Такимъ образомъ, чабанъ, оберегая стада хозяина, оберегаетъ и свою собственность; онъ не простой наемникъ, а какъ бы пайщикъ, участникъ въ хозяйствской выгодаѣ. Чѣмъ лучше уходъ за стадомъ, тѣмъ удачнѣе плодится оно, тѣмъ меныше овецъ погибаетъ. Собственный интересъ чабана заставляетъ радѣть о хозяйствскомъ добрѣ; волкъ, голодъ, болѣзни не будутъ разбирать, чтѣ хохтическое, чтѣ чабанское.

Оттого-то чабанъ просто роднится съ своими стадами; это отцы овецъ, а не погонщики; конечно, грубыe и жестокие отцы, отцы-дикари. Они знаютъ въ лицо каждую овцу, каждого барана. А намъ кажется ихъ стадо однообразнымъ и беспечнымъ, какъ волны моря, какъ поля ржи. Чабаны не считаются обыкновенно овецъ: но вечеромъ и утромъ они *переглядываютъ* ихъ, и тотчасъ замѣчаютъ, если нѣть одной, двухъ, десяти.

Замѣ чаютъ не по числамъ, а по физіономіямъ; какъ опытный надзиратель, войдя въ классъ, безъ переклички замѣ чааетъ отсутствіе Петрова или Иванова, ибо не видитъ слишкомъ знакомой физіономіи ихъ, такъ легко замѣ чааетъ отсутствіе своихъ питомцевъ чабанъ. Счетъ производится только старшимъ чабаномъ, атаманомъ цѣлой отары, въ известные сроки, съ цѣлью учета и пропрѣки подчиненныхъ ему чабановъ. Такимъ образомъ отара, какъ полкъ на батальоны, разбивается на отдѣльные стада, и каждое стадо имѣеть своего патрона, отца, руководителя, съ которымъ днюетъ и ночуетъ, на полной ответственности котораго лежитъ всякая овца.

Съ политico-экономической точки зрењia, это весьма удобное устройство, самое современное и либеральное, несмотря на всю патріархальность: каждая хозяйственная община живеть вполнѣ самостоятельно, на свой страхъ и по своей волѣ; паси, где хочешь, какъ хочешь; чабану дается только одна задача: сбереги, наплоди овецъ; средства зависятъ отъ него. Ему не предписывается каждый шагъ, а только повременамъ контролируютъ его дѣйствiя. Нехорошъ, невыгоденъ — его отстраняютъ. Собственная выгода принуждаетъ его быть старательнымъ и даже честнымъ. Сами хозяева не въ состоянiи слѣдить за дѣйствiями чабана. Чтобы учитьывать ихъ и наблюдать за ними, необходимъ ма-

стакъ изъ нихъ же самихъ. Поэтому всѣ заботы хозяина направлены къ тому, чтобы отыскать надежного атамана. Онъ пользуется безграничнымъ довѣріемъ; онъ пріискиваетъ другихъ чабановъ; онъ требуетъ съ нихъ отчета, не давая самъ отчета хозяину; онъ получаетъ деньги и припасы на содержаніе, собираетъ молоко, сыръ. Ему ничего не стоитъ обмануть хозяина, ничѣмъ не рискуя: сѣдль волкъ, упала въ пропасть, подохла, мало ли что можетъ случиться съ хилой овцою. Его не уличить, поэтому ему необходимо довѣрять; но его самого трудно провести: онъ знаетъ всякую норку въ горѣ, куда волкъ можетъ загадить овцу; онъ разыщетъ каждую косточку и узнаетъ всю подноготную про неисправнаго чабана. У чабановъ свои принципы чести, отъ которыхъ они рѣдко отступаютъ. Есть же такие принципы у разбойниковъ, у отъявленныхъ бездѣльниковъ. Каторжникъ, совершившій не одно человѣкоубийство, гнулается скромнымъ въ великую пятницу, а безстыдный взяточникъ считаетъ иногда невозможнымъ пройти мимо нищаго, не сунувъ ему копѣчку. То же съ чабанами. Большею частью, они строго соблюдаются хозяйственную выгоду: не зарѣжутъ, не продадутъ его овцы, данной имъ на сохраненіе Своихъ собственныхъ овецъ тоже жаль. Остается украсть изъ соѣдней отары не нашего прихода, поэтому и грѣха нетъ. И вотъ, тотъ же чабанъ, который такъ сурово нравственъ по отношенію къ своему хозяину, опоясанный молитвою Мухамеда, лѣзетъ какъ волкъ въ чужое стадо и крадетъ. Мало — крадеть: открои его чабанъ-хозяинъ, напади на него, онъ вынетъ ножъ и, если можетъ, зарѣжетъ его. Прежде это случалось очень часто, какъ говорилъ мнѣ разсказчикъ.

До выселенія татаръ, отаръ было множество; на одномъ Чатырдагѣ кочевало ихъ до 35-ти, по нѣсколько тысячъ каждая. Тогда-то чуть не каждую ночь проис-

ходили стычки и убийства. Отыскать было невозможно: чабаны проводятъ мѣсяцы на яйлахъ, пока встрѣтится кто изъ родныхъ, заглянуть на горы, справиться. «Не знаемъ, да не знаемъ; былъ у насть, взялъ разсчетъ, и пошелъ!» Тутъ вѣдь ни паспортовъ, ни контрактовъ, ни квитанцій! Обыщи-ка, ступай, всѣ провалы и пещеры Чатырдага! Должно быть, было хорошее времячко и хорошие молодцы, когда этотъ дикарь-чабанъ говорилъ про нихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ про разбойниковъ. А онъ самъ, признаюсь, казался мнѣ настоящимъ разбойникомъ, и я невполнѣ былъ увѣренъ, что встрѣча съ нимъ въ одиночку на глухой лѣсной дорогѣ окончилась бы всегда дружелюбно.

Вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ невѣжество похоже само на себя. Хваленое гостепріимство бедуина, который, тотчасъ по выходѣ путника изъ шатра его, садится на лошадь, чтобы подстеречь его въ пустынѣ,— буквально повторяется въ жизни этихъ горныхъ дикарей; намъ можно было спать спокойно, хотя бы вмѣсто чабана у косгра сидѣть настоящій бандитъ.

Гостепріимство священно даже для невѣжества, даже для разбойниковъ по ремеслу. Кому изъ насть не случается быть радушно принятymъ, обласканымъ, накормленнымъ въ домѣ человѣка, котораго каждый кусокъ хлѣба украденъ у нуждающихся въ немъ и зависѣвшихъ отъ него.

Суровые анекдоты про чабанскую жизнь рассказывали мнѣ атаманы: кто переносить съ дѣтства такія опасности и невзгоды, кто полжизни проводить въ пустынѣ за облаками, въ обществѣ волковъ и овецъ, тотъ поневолѣ станетъ дикаремъ и здоровякомъ. Волки постоянно осаждаютъ чабана; они къ нимъ такъ же привыкаютъ, какъ мы къ грачамъ, воробьямъ и крысамъ. Днемъ они встрѣчаются въ лѣсахъ Чатырдага штукъ по 20 волковъ вмѣстѣ. Ночью волки не сходятъ съ до-

рогъ съ тропинокъ: въ лѣсу на цѣлинѣ ихъ не увидите. Чабанъ увѣрялъ меня, что собственоручно убилъ уже ѿ-хъ волковъ съ начала лѣта, то-есть въ теченіе одного мѣсяца. Волки — отчаянныи и хитрые воры: они умѣютъ такъ забиваться въ камни Чатырдага, между выдающимися ребрами земныхъ слоевъ, что ихъ не замѣтить въ сумерки даже опытный глазъ. Иногда волкъ лежитъ тамъ по нѣсколько часовъ, ожидая приближенія замѣченного имъ стада. Онъ даетъ ему стать просто надъ головою своею, и тогда безъ малѣйшаго шума, разомъ хватаетъ овцу, которая ему понравилась. Овца никогда не крикнетъ въ зубахъ волка, по увѣренію чабана: зарѣзавъ одну овцу, онъ спокойно переходитъ къ другой, не распространяя ни малѣйшей тревоги. Но бѣда, если онъ наткнется на козу; коза реветъ благимъ матомъ при одномъ появлѣніи волка, и отчаянныи крикъ ея лучше всякой сигнальной трубы подниметъ на ноги собакъ и пастуховъ. Волки не терпятъ козъ. Чабаны говорятъ о волкахъ, какъ о врагахъ съ хорошо знакомой имъ физіономіей и съ весьма опредѣленнымъ именемъ.

Это для нихъ не безразличная масса, а отдельныи личности. Говорятъ не только о волкахъ, но и о та-комъ-то именно волкѣ. «Бѣтыи волкъ» пришелъ на Чатырдагъ вотъ уже три года, сообщилъ мнѣ атамант; а съ прошлаго года зашелъ сюда какой-то черный волкъ, совсѣмъ куцый, и остался зимовать.

Встрѣча съ волками — это для чабана такая вещь, которую онъ едва замѣчаетъ. Одинъ старый чабанъ изъ ихъ отары (я видѣлъ его у огня), по словамъ атамана, отбивался палкою отъ 16 волковъ, пока прибѣжали на помощь собаки.

Самого атамана, когда ему было три года, волкъ утащилъ въ зубахъ солнаго, принявъ его за овцу; волки и движенія ребенка испугали звѣря, и онъ бросилъ его

на дорогѣ. Чабаненокъ былъ боленъ три мѣсяца, по-тому, вѣроятно, совсѣмъ забылъ объ этомъ эпизодѣ, потому что продолжалъ ночевать среди отаръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Собаки — главные спасители стадъ и людей. Чабанская собака, по словамъ атамана, въ одиночку душитъ волка; на видъ онѣ не особенно огромны, только необыкновенно свирѣпы; онѣ на высокихъ ногахъ, поджары, лохматы и съ очень длинными челюстями: почти вся бѣлая, а глаза словно кровью налитые. Атаманъ передалъ мнѣ живописный разсказъ о томъ, какъ собака боролась въ оврагѣ съ волкомъ: «они обхватились, какъ человѣкъ, и боролись долго, какъ человѣкъ, вставъ на заднія ноги; и собака загрызла его!» — говорилъ торжествуя атаманъ.

При свирѣпости и силѣ своей, пастушыя собаки чрезвычайно умны. Онѣ умѣютъ сами собой раскидывать цѣль кругомъ стада, отрѣзать волку дорогу, собираясь разомъ на одинъ пунктъ: по голосу хозяина онѣ узнаютъ даже оттѣнки его воли и слушаются его, несмотря на свою дикость, какъ учителя благонравные ученики.

— Какъ же подходятъ къ вамъ чужіе люди? Вѣдь они на смерть заѣдятъ? — спросилъ я чабана.

— Какъ? — отвѣчать онѣ весьма спокойно. — Чужой придетъ — на дерево лѣзетъ, кричитъ: «чабанъ, отбей собакъ!» Я и самъ по лаю знаю — человѣкъ или волкъ; а когда чабанъ сказалъ, собака не тронетъ!

Ему казалось, что этотъ способъ доклада о себѣ посредствомъ взлѣзаній на дерево и отчаянныхъ криковъ — вполнѣ удобенъ и естественъ.

Но хорошо, когда есть дерево, хорошо, когда умѣешь лазать на него: а если нѣтъ? Онѣ самъ рассказывалъ мнѣ столько исторій о солдатахъ и крестьянахъ, растерзанныхъ овчарками...

Перешли къ Алиму. Алимка разбойничать лѣтъ 15

тому назадъ; его имя живеть въ Крыму, какъ въ Шотландіи имя Робингуда. Это — разбойникъ-рыцарь, по понятію народа, особенно по понятію татаръ. Татары считаютъ его скорѣе героемъ, чѣмъ разбойникомъ. Они прославляютъ его подвиги даже въ пѣсняхъ.

Исторію Алимки знаетъ въ Крыму всякий мальчишка: живы люди, среди которыхъ онъ геройствовалъ, цѣлы предметы, по чьему-либо ознаменованные его именемъ; но о немъ самомъ уже составились саги.

Алимка былъ богатырь и воръ. Онъ считался карасубазарскимъ мѣщаниномъ, и потому воровалъ въ Карасубазарѣ. Общество караймовъ, самое зажиточное сословіе Карасубазара, тяготясь подвигами Алимки, отдало его за воровство въ солдаты. Алимка попалъ въ Бобруйскую крѣпость и велъ себя пріемѣрно. Но истечениіи извѣстнаго срока, сдѣлали въ Карасубазарѣ запросъ; не желаетъ ли онъ опять водворить у себя Алимку; отзывъ о немъ дали вполнѣ хороший. Но караймы единодушно отказались отъ Алимки.

Говорятъ, этотъ отказъ глубоко оскорбилъ Алима. «Коли вы меня, честнаго человѣка, боитесь какъ вора — такъ буду я настоящій воръ!» — сказалъ онъ самъ себѣ. Изъ крѣпости онъ бѣжалъ и, послѣ разныхъ походженій, прибылъ въ родной Карасубазаръ.

Съ этой минуты начинается Илліада Алима. Онъ является уже не уличнымъ воромъ, пьяницей-мѣщаниномъ, а могучимъ степнымъ разбойникомъ. Онъ ъздитъ въ одиночку безъ товарищей и безъ шайки, верхомъ на степномъ скакунѣ, съ ружьемъ да ножомъ. Онъ ни съ кѣмъ не дѣлитъ ни опасности, ни добычи, ни богатырской славы. Гдѣ онъ покажется, онъ властвуетъ; двери передъ нимъ отираются, нагибаются и головы. Его кормятъ и поятъ, одѣваютъ и обогреваютъ.

Онъ ночуетъ въ лучшей комнатѣ мурзака, охраняемый имъ, какъ повелитель; онъ выбираетъ изъ его та-

буна лучшаго коня и ѿдетъ на немъ, не спрашиваясь хозяина.

Царемъ крымскихъ степей, крымскихъ дорогъ—сталъ Алимъ. О борьбѣ съ нимъ нельзѧ думать. Гдѣ только завидѣлась его шапка, тамъ бѣгство.

Нѣсколько фургоновъ, набитыхъ мужчинами сильными и здоровыми, останавливаются по знаку руки Алима и отдаютъ ему все, что онъ требуетъ. Дворники и хозяева трактира смотрятъ на этотъ дневной грабежъ въ почтительномъ безмолвіи, и готовятъ заранѣе угощеніе Алиму.

Но Алимка—разбойникъ-патріотъ, великодушный покровитель бѣдныхъ. Онъ не трогаетъ ни одного татарина; бѣдному даетъ деньги и платье; татары и боятся, и любятъ его; любить, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ боятся.

Вся ненависть татарина Алимки обращается на караимовъ; вся ненависть пролетарія Алимки на богатыхъ купцовъ. Жестоко отомстилъ онъ главнымъ притѣснителямъ своимъ въ Карасубазарѣ. Но этого мало ему. Онъ одинъ, своею личною храбростью и проворствомъ, блокируетъ всѣ караимскіе города; караимскіе купцы не осмѣливаются выѣхать изъ Евпаторіи, Бахчисарая и Карасубазара: торговля замѣтно останавливается.

Ежедневно новые слухи о новыхъ грабежахъ Алима; того убилъ, у того отнялъ весь товаръ. Безпокойство распространяется на весь Крымъ.

Не хотятъ вѣрить, чтобы Алимка былъ одинъ; онъ кажется вездѣющимъ. Сегодня даютъ знать, что видѣли Алима у Карасубазара, что онъ остановилъ тамъ обозъ; евпаторійскіе купцы пользуются случаемъ, спѣшить поскорѣе въ Симферополь, а уже на дорогѣ Алимъ! Опять пропалъ товаръ, купцы избиты, иногда убиты.

У него вездѣ были агенты. Кто они были? исчис-

лить трудно: скорѣе всего — всѣ татары. Алимъ никогда не носилъ одного платья два дни сряду; у каждого мурзака онъ переодѣвался заново. То онъ мурзакъ, то онъ чабанъ, то онъ военный. Слѣды его обрывались на каждомъ шагу, да никто и не выдавалъ его. На народъ такое вездѣсущіе, такое всесиліе Алима производило необыкновенное впечатлѣніе. Его считали заколдованнымъ, его сила почиталась сверхъестественною. Пойти противъ него могъ тотъ, у кого двѣ головы на плечахъ. Видѣли собственными глазами, что съ нимъ, съ однимъ человѣкомъ, съ бѣднымъ карасубазарскимъ мѣщаниномъ, не можетъ справиться ни начальство, ни войско. Отряды солдатъ были вызваны съ исключительной цѣлью поимки Алима. По дорогамъ ходили патрули; полиція, жандармы, сами обыватели то и дѣло были тревожимы устройствомъ ночныхъ облавъ и экстренныхъ обходовъ.

Всячески пытались изловить Алиму: подкупомъ, хитростью, открытою силою, а онъ преспокойно разѣзжалъ по своимъ обычнымъ дорожкамъ, на знакомой всѣмъ лошадкѣ, заѣзжалъ пойстъ въ трактиры на большихъ дорогахъ, при дневномъ свѣтѣ, не стѣсняясь публикою, даже гулялъ по губернскому городу, посмѣиваясь надъ полиціей, какъ-будто дѣло касалось совсѣмъ не его. Однако, поймали-таки Алиму. Остановилъ онъ разъ на большой дорогѣ карету съ шестеркой почтовыхъ лошадей. Въ каретѣ былъ генералъ съ дочерью, гласитъ сказанье, на козлахъ лакей и ямщикъ, на лошади другой ямщикъ. Алиму былъ одинъ на своей лошадкѣ. Онъ приказалъ людямъ не трогаться съ мѣста, а генералу велѣлъ выбросить бумажникъ. Генералъ сталъ ругаться, гнать ямщика, но Алимъ поднялъ ружье и далъ 5 минутъ срока. Ямщики стояли, какъ вкопанные, а генералъ сталъ торопиться доставать бумажникъ. Обычай Алима при нападеніи былъ всегда одинъ:

онъ становился отъ дороги нѣсколько поодаль, и требовалъ, чтобы остановленная имъ публика выходила изъ экипажа, оставляя на землѣ деньги и пожитки, и удалялась шаговъ на 50. Когда приказъ исполнялся, Алимъ спокойно подѣжжалъ къ экипажу, выбиралъ, что ему было нужно, и ѿхалъ затѣмъ такъ же спокойно назадъ. Рѣдко онъ прибѣгалъ къ силѣ, къ выстрѣламъ; обыкновенно достаточно было его одного имени, одного вида, а поднятое ружье смиряло всякаго храбреца.

Ограбленный генералъ не могъ простить себѣ своего позора; онъ былъ заѣзжій, и никакъ не хотѣлъ понять обаянія алимкинской славы, отъ которой опускаются руки у четырехъ передъ однимъ. Онъ поѣхалъ въ Одессу и поднялъ шумъ. Приказано было принять чрезвычайныя мѣры для освобожденія Крыма отъ степнаго царька. Поняли, что его сила въ татарахъ; что безъ поголовнаго прикрытия его татарами, онъ недолго бы геройствовалъ. Стали доѣзжать татарскія селенія, въ которыхъ чаще скрывался Алимъ, военными постами, стали налагать денежныя пени; словомъ, дали почувствовать татарамъ, что они отвѣчаютъ за подвиги Алима. Больше всего сердить былъ на Алима одинъ русскій мужичекъ, здоровякъ и молодецъ не хуже самого Алима, волостной голова въ селеніи Зуяхъ. Онъ далъ себѣ слово поймать Алиму и гонялся зъ нимъ, гдѣ только могъ, какъ борзая за волкомъ.

Разъ онъ совсѣмъ было окружилъ и схватилъ пьянаго. Народу было много, но богатырь Алимъ отбился отъ всѣхъ, отрубилъ одному руку и ускакалъ въ степь; за нимъ гнались, дѣваться было некуда, и Алимъ рѣшился спастись въ Симферополь. Онъ вѣѣхалъ въ городъ ночью, и чтобы долго не разыскивать помѣщенія, завернулъ въ городской садъ, прямо противъ дома губернатора. Тамъ въ бесѣдкѣ, въ которой мы

такъ часто наслаждаемся музыкою богемцевъ, легъ онъ себѣ отдохнуть отъ похмѣлья и отъ трудовъ недавней схватки, привязавъ тутъ же къ бесѣдкѣ своего знаменитаго конька.

На бѣду его былъ праздникъ, и полицейскій обходъ подбиралъ въ саду запоздавшихъ пьяницъ. Наткнулись на коня, потомъ и на спящаго Алимку: посвѣтили фонаремъ: татаринъ-городовой съ ужасомъ узnaетъ Алимку; глядить на лошадь — Алимова! И татаринъ и рекрута, бывшіе въ обходѣ, хотятъ дать тягу: однако опомнились, видя, что сонный, начинаютъ вязать. Алимъ былъ пьянъ, не могъ расправиться по обычаяю: рекрута сидѣли у него на рукахъ и ногахъ, и онъ волочилъ ихъ на себѣ, стараясь сбросить; ихъ было шесть на одного; на силу удалось имъ втолкнуть его подъ скамейку; тутъ его прижалы; послали за подмогою, пришло еще людей, но и съ ними едва удалось связать Алима

— Эхъ, кабы не пьянъ, — говорилъ Алимъ, когда его вели въ острогъ.

Посадили Алима въ сокретную, подъ строгій карауль; но не долго укараулили. Алимъ подговорилъ часоваго солдата; тотъ отперъ ему штыкомъ дверь, и оба бѣжали изъ острога. Черезъ стѣну перелѣзли, поставивъ дверь на дверь; а двери заранѣе сняли съ петель.

Поймали Алима и второй разъ. Тутъ выдалъ его свой же братъ мурзакъ. Облаву устроили съ большими предосторожностями.

Цѣлый батальонъ, переодѣтый въ разные костюмы, разными дорогами былъ посланъ къ назначенному мѣсту. Алимъ ночевалъ у чабановъ; мурзакъ навѣть на нихъ.

Солдаты навалились кругомъ, и чтобы не ошибиться, перевязали всѣхъ чабановъ, съ ними попался и Алимъ.

На этотъ разъ ис откладывали въ долгій ящикъ: пур-

стили Алима, какъ бѣлага солдата, по зеленої улицѣ. Когда узнали, что Алима будутъ гонять сквозь строй, сбѣжались старъ и малъ; не было ребенка, — говорили мнѣ очевидцы,—который бы тогда остался дома.

Солдаты ненавидѣли Алима за вѣчные патрули и почные походы по степи, въ которые гоняли ихъ по его милости. Они колотили его на смерть съ безпри-мѣрнымъ ожесточенiemъ; палки, — говорили мнѣ,—едва были видны, только слышался свистъ ихъ и удары, словно дробь били. Алимъ безпрестанно падалъ подъ градомъ ударовъ, но оправлялся и шелъ далѣе, не издавая звука; окровавленное мясо висѣло у него на спинѣ ключьями.

Всей прогулки онъ не выдержалъ и упалъ безъ чувствъ; когда онъ выздоровѣлъ, ему досчитали недоданное; онъ не выдержалъ и второй разъ, и только на третьемъ приемѣ расквитался окончательно.

Говорятъ, что послѣ того Алимъ бѣжалъ въ Турцию и живетъ тамъ до сихъ поръ въ богатствѣ и спокойствіи. Это, очевидно, татарская фантазія, вѣнчающая своего героя благочестивымъ концомъ. Очень можетъ быть, что вообще изъ переданнаго мною половина преувеличениѣ; но въ такой формѣ живетъ въ Крыму память о знаменитомъ крымскомъ разбойнику Алимѣ, а для насъ это важнѣе исторического факта.

Надобно было проснуться рано, встрѣтить восходъ солнца. Да и невозможно было не проснуться рано. Земля подъ спиною, сѣдло подъ головою — не располагаютъ къ утренней нѣгѣ; чабаны были на ногахъ задолго до солнца. Костры еще тлѣли подъ котлами, но уже ни одного чабана не было въ землянкѣ. Шумъ и движение рабочаго утра слышались на дворѣ. Я вышелъ изъ землянки, осторожно оглядываясь на собакъ. Мы спали въ облакѣ. На землянкѣ, на стадахъ, на окрестныхъ скалахъ сидѣло густое, бѣлое облако. Оно но-

чевало на насъ. Сыро и туманно было кругомъ, и этотъ бѣлый туманъ едва только сталъ колыхаться и расплазываться.

Овечьи голоса стояли въ этомъ густомъ воздухѣ. Ягната, отдѣленные на ночь въ особенное стадо, проголодавшись и соскучившись безъ матерей, жалобно плакали; было что-то человѣческое, что-то дѣтское въ ихъ нетерпѣливомъ блѣяніи. Вытаращивъ уши и хвостики, безнокойно бѣгая глазами, скакали они другъ къ другу, судорожно дергали другъ друга за несуществующіе сосцы, въ своей торопливости принимая за мать первого встрѣчнаго.

Странно было смотрѣть на это безсмысленное волненіе: то вдругъ перескочитъ одна овца черезъ другую, то вдругъ пугливо шарахнется въ сторону; безъ всякой видимой причины, цѣлое стадо вдругъ заколышется однимъ инстинктивнымъ содроганіемъ, прильетъ, какъ волна, отольетъ какъ волна; задвигается и запутмитъ, словно распущенная школа.

Козы и козлы расположились особнякомъ, на каменныхъ высотахъ. Они охотники до живописной, эффектной позировки и надменно относятся къ овечьему стаду. Важно и самоувѣренno, закинувъ назадъ красивые рога, шевеля бородами и лохматыми шубами, они ожидаютъ выступленія въ походѣ въ челѣ арміи, какъ гвардія среди иррегулярныхъ войскъ.

Доили матокъ — это доенѣе начинается до разсвѣта и длится около трехъ часовъ. Въ особыхъ плетеныхъ загородкахъ, прямо на землѣ сидѣли рядомъ на корточкахъ чабаны; атаманъ былъ въ серединѣ. Передъ каждымъ стояла огромная лохань. Несмотря на утреннюю прохладу, чабаны были безъ шапокъ и безъ куртокъ, въ однѣхъ рубашкахъ, съ засученными рукавами. Бритыя, лосниящіяся головы, съ длиннымъ чубомъ на макушкѣ, дикія, загорѣлые физіономіи, съ бѣлыми эу-

бами, и мощная мускулатура придавали имъ видъ какихъ-то кочевыхъ варваровъ—печенѣговъ или комановъ. Работа была трудная, потъ лилъ съ нихъ градомъ. Другіе чабаны хвостинами вгоняли матокъ въ узкія отверстія загородокъ, изъ которыхъ онѣ попадали къ доильщикамъ. Грубо хватали чабаны испуганныхъ матокъ прямо за полные сосцы, и приподнимали за нихъ на воздухъ весь задъ, быстро выдавливая молоко въ свои огромныя лохани; овцы бились и кричали отъ этихъ мучительныхъ пожатій. Оттолкнувъ одну, чабанъ такъ же грубо схватывалъ и подтягивалъ къ себѣ за сосцы другую овцу, и такъ же встряхивалъ ее задомъ вверхъ, чтобы послѣшно выдоить какія-нибудь дѣвѣ-три ложки молока. Немудрено, что при этомъ способѣ овцы не даютъ много. Съ жадной дрожью, съ ребяческимъ крикомъ встрѣчали выдоенныхъ матокъ ягната, иногда больше ростомъ, чѣмъ сами матери, и бросались подъ нихъ, судорожно дергая и кусая опустѣвшіе сосцы.

Пока сѣдали лошадей, я пошелъ за чабаномъ посмотретьъ, откуда берутъ они себѣ воду. Странную вещь увидалъ я, оригиналную и живописную до изумленія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ землянки, въ густомъ лѣсочкѣ, мы спустились на дно глубокаго оврага, уходившаго внизъ воронкою. На днѣ воронки зияла черная яма. Это была пещера Каръ-Коба, то-есть синевовая. Я полѣзъ туда вслѣдъ эъ старымъ, хромымъ татариномъ, который намоталъ себѣ на плеча не то одѣяло, не то рядно; мы спускались по суковатому бревну, приставленному къ краю отверстія, взамѣнъ лѣстницы; это было цѣлое ободранное дерево съ обрубленными вѣтками; внизу было не совсѣмъ темно.

Сверху и изъ разныхъ внутреннихъ отверстій лился голубоватый свѣтъ. Передо мною были высокія, темные арки, обвитыя яркою зеленью мхомъ и травой; такъ въ балетахъ представляютъ гроты морскихъ ца-

рицъ. Мхи висѣли гирляндами, баҳромами. Арки вели въ новыя пещеры, еще глубже. Непонятно, откуда проникалъ сюда свѣтъ, словно въ камняхъ скрывались искусно маскированныя окна. Идти было нельзя: надо было ползти, и то было опасно; спуски состояли изъ обледенѣвшаго, но уже разрыхленнаго снѣга, съ котораго можно скатываться только на салазкахъ; сырость и холодъ были очень чувствительны, нога ежеминутно скользила. По сторонамъ открывались различные пасты, ведущія въ бездонныя пропасти. Ко многимъ я пригинался и бросалъ туда камни. Звукъ ихъ паденія не долеталъ до меня, словно они пролетали въ преисподнюю; снѣговыми холодомъ дышали эти темныя дырья; снѣгъ набивалъ всѣ отверстія и впадины этой пещеры-горы. Чѣмъ глубже спускались мы, тѣмъ его было больше, и онъ былъ крѣпче. Хромой старикъ ползкомъ залѣзъ въ одну изъ черныхъ дыръ, и вылезъ оттуда съ огромною глыбою снѣга на спинѣ; онъ завернуль ее въ одѣяло, и стать теперь съ усиліемъ выбираться изъ глубины пещеры по скользкому ледяному скату; я едва послѣвалъ за нимъ.

Пещера Каръ-Коба — единственный источникъ воды для чабановъ, снѣгъ въ ней не растаиваетъ въ самыя жаркія лѣта; да и какое у нея отношеніе съ жаромъ и холодомъ атмосферы? Въ началѣ лѣта снѣгъ берутъ въ самомъ верху пещеры, но чѣмъ дальше подвигается лѣто, тѣмъ ниже спускается снѣгъ, тѣмъ затруднительнѣе доставать его. Чабанъ разсказывалъ мнѣ, что провалы этой пещеры идутъ сквозь весь Чатырдагъ, сверху до низу; что чабаны ихъ спускаются иногда гораздо ниже и нигдѣ не находятъ ничего похожаго на дно; безъ сомнѣнія, подобныя трещины, набитыя вѣчнымъ снѣгомъ, служатъ главнымъ источникомъ множества ключей, которые сочатся, какъ черезъ фильтру, сквозь

пористый известнякъ Чатырдага и кормятъ собою столько горныхъ рѣчекъ.

Долго оставаться въ этой пещерѣ невозможно; безъ калошъ и теплого платья можно простудиться на смерть. Я изумлялся несокрушимому здоровью и силѣ этого искалѣченного старика, который спускался въ ледникъ въ одной дырявой рубашкѣ и съ ловкостью дикой козы карабкался по льду, потомъ по стволу дерева, неся на своей спинѣ ворохъ снѣгу. Снѣгъ этотъ онъ положилъ въ большой ушатъ, стоявшій посреди двора; солнце мало-по-малу обратитъ его въ чистую, какъ ледъ холодную воду.

Облака несутся мимо насть и черезъ насть, какъ дымъ: утренній вѣтеръ сметаетъ ихъ съ горы, и чистое небо голубѣеть уже наверху. Опять на коняхъ наша бодрая кавалькада. Никто не выспался, а никому не хочется спать.

Всѣхъ освѣжalo веселое горное утро. Теперь приходилось подниматься на настоящій Чатырдагъ, на тотъ каменный шатеръ, который еще на 100 саженъ выше Биюкъ-Янкойской Яилы. Кажется, такъ бы и взбѣжалъ на этотъ зеленый холмикъ, а на дѣлѣ далеко не то; этотъ подъемъ значительно труднѣе всѣхъ, сдѣланныхъ нами до сихъ поръ. Мы взирались часа три или четыре: роса въ густой травѣ обливала ноги, какъ дождь; лошади, непоенный цѣлый день, съ трудомъ карабкались на гору, оказавшуюся чуть не отвѣсною; они останавливались на каждомъ шагу, чтобы вздохнуть; низкие кусты можевельника, распластавшіеся какъ трава по выбоинамъ камней, прикрывали ямы, въ которыхъ постоянно оступались лошади. Гора, казавшаяся издали сплошною зеленью, обнаружила теперь всѣ свои неровности; камни, острія ребра торчали на всемъ пути.

Не было ни одной тропинки; надобно было шагать то черезъ глыбы, то черезъ впадины. На половинѣ горы мы послѣзали съ измученныхъ лошадей и потащили ихъ въ поводу; но и это было также трудно.

Останавливались ежеминутно и садились отдыхать на камняхъ, наслаждаясь перспективой, все болѣе и болѣе расширявшуюся. Лошади жадно ѳли горныя травы и съ неудовольствіемъ возобновляли мучительный подъемъ. Компания наша растянулась по всей горѣ: кто отсталъ, кто отдыхалъ, кто торопился на гребень горы. Наконецъ взъехали. Небо уже совсѣмъ чистое, ясное, и наверху луга, зеленые какъ бархатъ. Что за травы! душистая, яркая, сплошнымъ, мягкимъ ковромъ одѣваютъ камень. Всѣ травы, словно запоздавшія: весеннія незабудки, какъ въ маѣ, анютины глазки, эспарцетъ, всѣ веселые цвѣты русскихъ сухихъ луговъ. Ожидаешь на верху Чатырдага встрѣтить почти острый гребень, а находишь опять обширную равнину; на этой равнинѣ опять гора, она стоитъ на самомъ краю, съ юго-западной стороны. Это высшая точка Чатырдага; вокругъ нея идутъ котловины и холмистая возвышенія, настоящій каменный амфитеатръ, устланный зеленымъ бархатомъ. Надо завершить подвигъ—взобраться на послѣднюю вершину. Это уже нетрудно, потому что на вершинѣ Чатырдага большие холмы, а не горы; такъ мягко и покойно вѣзжать на зеленый холмъ послѣ мучительного карабканья по камнямъ.

Мы разочли невѣрно и прогуляли восходъ солнца; но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ восходъ этотъ что-нибудь прибавлялъ къ нашему наслажденію.

На высотѣ 5,200 футовъ надъ поверхностью моря, въ царствѣ облаковъ, стояли мы, горсточка людей, владычествующая взоромъ надъ цѣлью полуостровомъ. Горы были видны всѣ, отъ края до края; они были видны въ темя, *à vol d'oiseau*. Степь охватывала гору

съ одной стороны, море—съ другой. Степь такая же безграницная и ровная, какъ море. Зеленыя долины съ своими садами, деревьями и усадьбами извивались узкими ленточками, черезъ ея сплошную, необъятную гладь. Но нимъ можно было видѣть теченіе рѣкъ. Салтиръ, Альма, Кача, Бельбекъ обозначались одна за другой, почти вплоть до своего впаденія. Симферополь съ своими домами и храмами ничтожною игрушечкою бѣлѣлся у самой горы, до которой отъ него по прямой дорогѣ 30 верстъ. То пространство, которое виднѣлось за нимъ, было впятеро больше. Увѣряли меня, что видѣнъ Перекопъ и Сивашъ; я, признаюсь, ничего этого не видалъ въ далекомъ туманѣ. Яснѣ было море: на немъ отчетливо вырѣзалась севастопольская бухта и всѣ выступы горъ.

Мысъ Меганомъ, который ограничиваетъ въ большомъ далекѣ западную перспективу Алушты, казался теперь на срединѣ, и за нимъ открылись новые берега, новые виды. Можетъ быть, вдали было видно и устье Керченского пролива. Знакомые намъ великаны казались отсюда холмами.

Даже близкая Демерджи виднѣлась иная и иначе. Мы долго занимались отгадываніемъ разныхъ мѣсть; отыскивали въ сплошныхъ лѣсахъ Яйлы бѣлую точку монастыря Савлукъ-су, отыскивали въ горахъ столообразныя скалы Чуфута и Бахчисарая, Алушту, прикрепленную къ морю, Корбеклы, прикрепленную къ горѣ... Море было совершенно особенного цвѣта, съ какой-то нѣжною, блѣдно-голубою зыбью; оно было видно чуть не до Азіи; линія, на которой двигаются обыкновенно корабли и которая съ берега кажется на краю горизонта, видна была теперь на самой серединѣ. Ее обозначали бѣлые точки парусовъ. Мы расположились завтракать на краю утеса, выше котораго нѣть ни одного камня на Чатырдагѣ. Это буквально point

culminant Чатырдага. Утесы этой стороны Чатырдага обрываются внизъ стѣною, почти отвесною; снизу она кажется совершенно гладкою и блѣлою, но отсюда мы видимъ, изъ какихъ каменныхъ конусовъ, зубцовъ и башенъ состоить эта сѣрая твердыня.

Мы не могли отказать себѣ въ тщеславномъ и вмѣстѣ артистическомъ удовольствіи сѣсть на краю утеса, висящаго надъ бездною въ нѣсколько тысячъ футовъ.

Есть какая-то непобѣдимая потребность доказать самому себѣ, что ты смѣешь, что ты не отступаешь передъ опасностью.

Впрочемъ, вся опасность въ томъ, чтобы не закружила голова. Въ сущности же, можно было лежать себѣ преслѣдовано и беззаботно на зеленої травѣ обрыва.

Прямо подъ нами были теперь тѣ огромные буковые лѣса, которыми мы недавно проѣзжали Тысячелѣтнія деревья казались травою. Кое-гдѣ, по полянамъ паслись стада быковъ — настоящія разноцвѣтныя букашки. Высоко сидѣли мы, и легко дышалось намъ. Но орлы были еще выше насъ, и имъ, должно быть, дышалось еще легче. Распластавъ свои зѣбчатыя крылья, сверкая на солнцѣ своими блѣдыми головами, вольно плавали они на такой же высотѣ надъ нами, на какой мы были въ ту минуту надъ жилищами другихъ людей.

Десятки орловъ кружились и кричали вверху: можетъ быть, они удивлялись нашему приходу въ ихъ царство и обдумывали, что сдѣлать за это съ нами.

Но не одни орлы летали надъ Чатырдагомъ: летали тутъ мухи и бабочки, какъ въ садахъ и на лугахъ береговыхъ равнинъ; какъ онѣ залетѣли сюда, въ эти выси, доступныя только орлу? Мы видѣли съ Чатырдага и облака, которые собирались на него въ сторонѣ; вѣтеръ задумывалъ гнать ихъ на голову великана, и

они уже шевелились понемногу, подвигаясь впередъ. Облака были видны намъ совсѣмъ не въ той проекціи, въ какой обыкновенно видимъ мы ихъ снизу, а какъ-то сбоку, особенно рельефно и, такъ сказать, матеріально.

Однако, не резонъ было дожидаться, пока сопиравшіяся облака подвинутся на гору. Суруджи очень торопилъ насъ, угрожая серьезною опасностью. Въ туманѣ Чатырдагъ чрезвычайно опасенъ: найдти дорогу съ него тогда невозможно: тропинокъ нѣтъ, только и руководишься окрестностью. Ничего не стоитъ попасть въ провалъ или кружиться около однихъ и тѣхъ же утесовъ. Мы торопились завтракать, дойдая послѣдніе путевые запасы: опустошенныя бутылки эффектно разбивались объ утесы пропасти, куда мы низвергали ихъ. Недойденное оставили полакомиться орламъ. Обратная поѣздка стоила немалыхъ трудовъ. Самъ суруджи щахъ неувѣренno и мѣняль иногда направления.

Пэзъ опасенія ли дѣйствительно грозы, или просто изъ желанія возвратиться поскорѣе домой, онъ повелъ насъ назадъ кратчайшимъ путемъ. Эта краткость равнялась отсутствію пути. Непривычному трудно было сидѣть на лошади и еще труднѣе было вѣрить, что лошадь благополучно спустится съ крутизны. Вместо слѣдовъ зато было несчетное множество каменьевъ. Онисыпались и катились изъ-подъ ногъ лошадей, не прибавляя всадникамъ особой увѣренности. Глядя внизъ, самъ не вѣрилъ, что проѣдешь, и, совсѣмъ тѣмъ, спокойно проѣзжалъ. Впрочемъ, большинство смалодушествовало, и спѣшилось. Крымская лошадь обнаружилась во всемъ блескѣ своихъ достоинствъ. Она несла на своемъ хребтѣ тяжкую ношу, какъ заботливая кормилица, а не какъ безсловесная скотина. Она ступала каждымъ копытомъ съ такою внимательною осторож-

ностью, какъ будто сознавала свою нравственную ответственность, постигала опасность порученного ей всадника.

Но ума тутъ мало, необходима еще каменная нога; у ней было четыре такихъ каменныхъ ноги, гдѣ нужно гибкихъ, гдѣ нужно недвижимыхъ. Мало того, что онъ спускали: некоторые изъ насъ скакали съ горы, крутой какъ горбъ, по грудамъ съпучихъ камней, и ни одна нога не споткнулась на скалу объ эти камни. Кто не ъздилъ на Чатырдагъ на горской лошадкѣ, тотъ откажется вѣрить. Но и на Чатырдагѣ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ такой кручи, такихъ дебрей, по какимъ мы теперь спускались. Зато мы выкидывали семь верстъ. Татаринъ-проводникъ не хотѣлъ замѣтать нашихъ затрудненій и опасеній, онъ удиралъ помаленьку впередъ своимъ ходкимъ аяномъ, заботясь только объ одномъ — скорѣе приѣхать. Какъ ему было войти въ наше положеніе, когда онъ съ ребячества привыкъ считать шустриками всѣ эти прогулки по стремнинамъ и оврагамъ? Онъ знаетъ, что ихъ буйволы постоянно возятъ съ Чатырдага въ огромныхъ мажарахъ лѣсъ и сѣно, что такія же мажары они втягиваютъ туда по каменнымъ колеямъ; что же тутъ говорить о верховомъ? Мучительно сѣзжать верхомъ съ крутой горы насколько часовъ безъ всякихъ промежутковъ; съ непривычки, очень больно и досадно. Дамы наши почти плакали отъ утомленія: жаръ и жажды увеличивали мученіе. Какое всѣ почувствовали удовольствіе, когда послѣ многихъ часовъ нестерпимой тряски, сначала по голымъ камнямъ и рѣтвинамъ, потомъ по крутымъ, лѣсистымъ оврагамъ, мы вѣхали, наконецъ, на большую дорогу. Нельзя было отказать себѣ въ удовольствіи отчаянной скачки на-перегонки вплоть до самой Алушты. Даже лошади этого хотѣли. Но еще было пріятнѣе,бросивъ свое потное, насколько изломанное тѣло съ потной и

усталой лошади, раздѣться и броситься въ холодную волну всеосвѣжающаго моря и плыть, плыть на встрѣчу плещащимъ хлябамъ; и послѣ ночи на голой землѣ, съ сѣдломъ подъ головой, какъ хорошо было заснуть въ свѣжихъ простыняхъ своей постели... Пещеры, во-лынка, овцы, чабанъ съ собаками—мерещились мнѣ всю ночь напролетъ, перепутываясь въ безобразно-затѣйливые сны...

XIV.

Древности Сурожа.

—♦—

Маракхеръ Судакскихъ горъ.—Судакское винодѣліе.—Развалы Сурожа.—Данныя для его исторіи изъ археологии.—Очеркъ исторіи Кафы.—Безустроенное устройство генуэзскіхъ колоній.—Турецкое разореніе.

Сли вы не большой охотникъ карабкаться по скаламъ и обрывамъ, и не особенно лихой наездникъ, то не огорчайтесь необходимостью проѣхать въ Судакъ почтовою дорогою изъ Симферополя вмѣсто перевала верхомъ изъ Алушты черезъ дикую горную мѣстность надъ берегомъ моря.

Вы оставляете плодородную степь, орошающую Карасу, въ двадцати верстахъ за Карабузаромъ, и со станціи Бурундуки сворачиваете направо въ горы, которые постоянно провожали васъ издали. Въ половинѣ мая зеленые предгорья Крыма вездѣ очаровательны. Но въ єеодосийской части горъ они особенно свѣжі и роскошны отъ обилія горныхъ водъ, стекающихъ въ Сивашъ цѣлою сѣтью рѣчекъ. Два Карасу, или по-русски Карасовки, Булганакъ, два Эндола, — вотъ конечные русла этихъ многочисленныхъ горныхъ ручьевъ.

Долина Мокраго Эндола прежде всего встречаетъ вѣсъ послѣ поворота въ горы.

Она вѣется зеленою эмбѣю черезъ свѣтлую степь до самыхъ Сивашей, мерцающихъ сквозь туманъ. Долина Эндола, какъ всѣ крымскія долины, — сплошная густая поросль садовъ, подъ сѣнью которыхъ бѣжитъ узенькая, проворная рѣчка. Въ эти влажныя, цвѣтущиа и плодоносныя впадины жадно стремится забиться и укрыться отъ степнаго зноя, отъ степной непріютности всякая жизнь: ветла и груша, птица и человѣкъ. Человѣкъ, какъ звѣри, какъ насѣкомыя, ищетъ трещинъ и норъ. Обширный и богатый Кишлавъ, колонія болгаръ, захватилъ весь горный склонъ Эндола; ниже его засѣли въ своемъ Цюрихталѣ нѣмцы; сейчасъ возлѣ Кишлава, на притокѣ Эндола, богатое русское село Салы. Вы проѣзжаете какъ разъ посрединѣ и поднимаетесь въ лѣсныя горы.

Горы Крыма, зачавшиись у Балаклавы отвѣсными прибрежными стѣнами, по мѣрѣ движенія на востокъ все болѣе отступаютъ отъ моря, все больше захватываютъ подъ себя мѣста, на сколько ширятся, на столько же и плющатся, такъ что вмѣсто грознаго, сплошного хребта, тѣснящаго къ морю южный берегъ отъ Байдаръ до Кикинеиза, за Алуштою до самой Феодосіи видите только систему разнообразно перепутанныхъ, широко раскинутыхъ горъ, среди которыхъ торчатъ отдѣльные каменные гребни и скалы причудливой формы. Характерная крымская Яйла, Альпы Крыма — эти заоблачныя столообразныя пастища — почти исчезаютъ въ єеодосійской части горъ; только Караби-Яйла отдѣльнымъ островомъ попадается при самомъ началѣ єеодосійской цѣпи. Но, потерявъ въ грандіозности, горы єеодосійскія, особенно же судацкая часть ихъ, много выиграли въ прелести и удобствахъ. Нигдѣ въ Крыму нѣть такихъ прохладныхъ лѣсовъ, такихъ лѣсныхъ лу-

говъ, такихъ сочныхъ и веселыхъ долинъ, какъ вокругъ Судака. Здѣсь царство виноградарства, обильнаго и дешеваго. Здѣсь разводятся не тѣ дорогіе, нѣжные сорты винограда съ бальзамическимъ запахомъ, съ струею, густою какъ масло, которыми гордится южный берегъ: здѣсь качество вознаграждено количествомъ. Влажная, поливная почва долинъ осыпаетъ лозу крупною, водянистою ягодою, которой величина напоминаетъ нашу русскую сливу. Изъ этой сочной, большой ягоды обильно льется дешевое, легкое вино, которое называется судацкимъ, и которое распространяется по Россіи въ громадномъ количествѣ подъ всевозможными названіями и во всевозможныхъ превращеніяхъ. Въ Россіи вы платите за бутылку этого вина, испорченного сандаломъ или свинцовымъ сахаромъ, по меньшей мѣрѣ 1 руб.; въ Судакѣ, въ Отузахъ за это самое вино русскій купецъ заплатить за ведро тотъ же 1 руб., иногда и 50 коп.

Десятина хорошаго поливнаго виноградника даетъ въ Судакѣ 400 — 500 ведеръ, иной добрый кустъ въ одиночку даетъ ведро. Судите о доходѣ такихъ виноградниковъ, когда на ежегодную обработку десятины нужно не болѣе 40 — 50 рублей. Не мудрено, что цѣлья семьи существуютъ съ одной десятиной, и что доходный виноградный садъ продается въ Судакѣ отъ 3,000 до 4,000 руб. за десятину. Нужно еще сказать, что настояще положеніе судацкихъ виноградниковъ въ высшей степени стѣснительно.

Правильнаго морскаго сообщенія виноградныхъ долинъ съ торговыми центрами не существуетъ. Пароходъ заходитъ въ Судакъ рѣдко, и то только въ извѣстное время года. Цѣны на вино держатся крайне низкія, потому что жители находятся въ рукахъ немногихъ случайныхъ покупателей. Мелкіе садовладѣльцы, которыми кишатъ долины, дѣйствуютъ всякий самъ по

себѣ, безъ уговора и плана, по русской непривычкѣ дѣйствовалъ съобща.

Такимъ образомъ, главный барышъ остается въ рукахъ скупщиковъ разнаго рода. Больше всего помогаетъ сохраненію низкихъ цѣнъ на вино мohамеданскій взглядъ татарина. Татары до сихъ поръ еще владѣютъ здѣсь огромнымъ количествомъ садовъ, составляющихъ ихъ единственный доходъ. Но они поставлены въ безвыходное положеніе: вина татаринъ, по закону своему, не смѣеть ни дѣлать, ни держать, ни пить. Онъ принужденъ, во что бы то ни стало, продать свой виноградъ на корню. Купецъ получаетъ отъ татарина вино прямо изъ-подъ тарапана, пока оно еще виноградный сокъ, а не вино. Ясно, что при такомъ условіи хозяину немного надежды отстоять свою цѣну. Впрочемъ, общий недостатокъ у хозяевъ оборотнаго капитала заставляетъ и русскихъ, и греческихъ владѣльцевъ поступать по примѣру татаръ. Большинство ихъ запродаѣтъ вино по контрактамъ на иѣсколько лѣтъ впередъ, прельщаясь возможностью получать задатки въ тяжелыя минуты хозяйствской дѣятельности.

Судацкіе виноградники въ этомъ отношеніи еще счастливѣе южнобережскіхъ: рабочіе здѣсь нѣсколько дешевле, почва удобнѣе, засухи рѣже, и болѣзни винограда до сихъ поръ не посѣтила судацкихъ садовъ, такъ что расхода на сѣру и инструменты для осыпки судацкій виноградарь еще не знаетъ. Безвременные морозы, да иногда саранча составляютъ его единственныхъ враговъ.

Мы, русскіе, знаемъ почти исключительно одинъ судацкій виноградъ. Московскіе и харьковскіе извоющики пріѣзжаютъ обыкновенно тройками въ Карасубазаръ, и оттуда єдутъ на татарскихъ мажарахъ въ Отузы или Судакъ грузиться виноградомъ. Самые грубые, толстокожіе и крупные сорта, безъ запаху, переносятъ легче

всего далекій переѣздъ и осеній холодъ: къ тому же, они поспѣваютъ позднѣе другихъ и менѣе годятся на вино. Этими сортами очень богаты долины Отузъ, Чудака, Куру-Узеня и проч. Чаущъ, шабанъ, осма, кадынъ-пармакъ (длинный, какъ палецъ, и потому называемый татарами «дѣвичій палецъ») идутъ обыкновенно въ наши великорусскія губерніи, изумляя неопытныхъ любителей величиною и красотою своихъ ягодъ, на которыхъ истый крымчакъ не захочетъ и посмотрѣть послѣ нѣжныхъ, душистыхъ сортовъ шасла, изабеллы, александрийскаго мускатя и прочихъ сортовъ такъ-называемаго столоваго винограда.

Виноградники начинаются въ южныхъ долинахъ горъ, глядящихъ къ морю; долины, сбѣгающія на сѣверъ, къ степи, слишкомъ страдаютъ отъ морозовъ, чтобы тамъ заниматься виноградарствомъ, какъ главнымъ промысломъ. Въ этихъ долинахъ — пріютъ крымскаго огородничества. Область обоихъ Карасу и Эндовъ, старый Крымъ, Кишлавъ, Салы и прочія окрестныя мѣстности снабжаютъ овощами виноградныя долины и степь и ближайшіе города. Въ Крыму, гдѣ вода такъ рѣдка и цѣнна, гдѣ камень, солнце и сухіе вѣтры изсушаютъ уже въ іюнѣ всякую растительность, огородничество возможно только въ очень немногихъ мѣстностяхъ, и притомъ въ такихъ, гдѣ не выгѣсняютъ его болѣе выгодные промыслы: винодѣліе, разведеніе табаку и садоводство. Поэтому немногіе центры крымскаго огородничества поставлены въ выгодныя условія, и цѣны на овощи въ Крыму, сравнительно съ Россіею, необыкновенно высоки.

Татарская полуопустѣвшая деревня Эли-Бузла составляетъ раздѣльный пунктъ между огородными и виноградными долинами, между степнымъ и морскимъ склономъ горъ. Съ нея начинается спускаться горная дорога къ югу, и горные ручьи начинаютъ течь въ

море. Если вы не очень спѣшите, совѣтую вамъ побродить по лѣснымъ холмамъ этой тихой, затерянной деревушки, пока не склынетъ невыносимый даже въ маѣ крымскій жаръ. Верстъ шесть отъ Эли-Бузлы, почти на дорогѣ, но спрятанное въ глубокой долинѣ, — живописное Суукъ-Су графа Мордвинова, обильное прекрасною водою, которая поить сады нижней долины. Въ тѣни лѣсовъ и лѣсныхъ горъ, между зеленыхъ лужаекъ, вы незамѣтно доѣзжаете до поворота долины, откуда открывается для васъ уже иной видъ: лѣсныя круглые горы раздвигаются, чтобы дать мѣсто скаламъ — предѣстникамъ моря.

Длинная каменная стѣна, изгрызенная съ верхняго края капризными зубцами, поднялась слѣва и загородила далі. Это — «Гребенокъ-скала» — «Таракъ-Ташъ» по-татарски. За нею два богатыхъ и многолюдныхъ Таракташа, большой и малый: Бюкъ-Таракташъ и Кучукъ-Таракташъ, и богатая виноградная таракташская долина, соседняя съ Судакомъ. Тополи, греческие орѣхи, сплошные фруктовые и виноградные сады, журчащіе ручьи и водопроводные канавы наполняютъ разсѣлину между скалистыми стѣнами, бѣгущую въ море. Темно-зеленые лѣса глядятъ изъ-за скалъ, сквозь ущелья.

Большой Таракташъ спрятанъ въ складѣ горъ, и смотритъ совершеннымъ кавказскимъ ауломъ: дома темнаго камня, двухъ-этажные надъ обрывами, — бойницы бойницами; малый Таракташъ кругомъ дороги, съ ярко-раздѣтыми татарками, съ бѣлыми стариками въ чалмахъ. Тутъ сплошное, неизчатое мусульманство; ничто чуждое еще не расшатало его, не прососалось въ него. Выселеніе татаръ, нанесшее смертельный ударъ крымскому мусульманству, не коснулось Таракташей. Въ нихъ, я слышалъ, не тронулся ни одинъ человѣкъ, и обѣ деревни сохранились поэтому во всей чистотѣ ханскаго времени. Видно, привольна для татарина жизнь

въ судацкой долинѣ, если его не выбилъ оттуда ни фанатизмъ, ни паническій страхъ, овладѣвшій цѣлымъ илеменемъ. За Таракташами, какъ только выѣдешь за ихъ причудливыя скалы, за Гребешокъ-гору слѣва, лягушечью скалу (Бака-Ташъ) справа (называется такъ по огромному, отдѣльному камню, сидящему въ видѣ лягушки, на груди скалы), начинается собственно судацкая долина. Вокругъ нея стоятъ такія же отдѣльные горы: Перчамъ-Кайя, Кушъ-Кайя съ запада, съ востока — Голая и друг.

Глянулъ изъ-за горъ уголь синяго моря, отъ него взыграло радостью сердце, посвѣжѣло и повеселѣло все внутри.

Давно ужь не видалъ его въ весеннемъ нарядѣ. Старая башня, словно сросшаяся со скалою, того же цвета, того же камня, чуть не той же древности, съ романтическою живописностью вырѣзалаась вдругъ впереди на своемъ высокомъ пирамидальномъ утесѣ, загораживая имъ море.

Это развалины древняго Сурожа: крѣпость древняго Сурожа, Судака, стояла на высокой прибрежной скалѣ, надъ входомъ въ пристань, служа маякомъ для мирныхъ торговцевъ, твердынею для враговъ. Подъ ея прикрытиемъ, отъ берега моря до самыхъ Таракташей по руслу ручья, по всѣмъ изгибамъ широкой горной долины, по лазухамъ и склонамъ горъ, съ глубокой древности зеленѣютъ кудрявые виноградники и сады, въ которыхъ разсѣяно множество хуторовъ, дачъ и землянокъ.

Теперь это и есть мѣстечко Судакъ, отодвинувшій свой официальный центръ, т. е. свою церковь, базарь и почтовую станцію версты за двѣ отъ моря, версты за три отъ старой крѣпости.

Долина Судака — широкая, роскошная, усыпанная бѣлыми домиками, тополями и виноградниками, осѣненная съ разныхъ сторонъ самыми живописными горами.

Изобиліе и тихая простота жизни глядитъ отовсюду. Красота Судака напоминаетъ красоту Алушты, но она обозрѣвается лучше, свободнѣе, самая панорама обширнѣе; а живописная скала съ обширными своими развалинами дѣластъ видъ оригинальнымъ, несравнимымъ ни съ чѣмъ другимъ.

Вечеръ уже начналъ золотить вершины скалъ. Станціонный смотритель вызвался быть нашимъ провожатымъ, и мы всѣ, съ дѣтьми и дамами, отправились къ морю. Теперь на мѣстѣ стараго Судака, бокъ-о-бокъ съ крѣпостною стѣною, немного въ сторонѣ отъ Судацкой долины и немного выше ея, находится нѣмецкая колонія, которую нѣмцы горделиво величаютъ «Die Festung».

Сурожъ въ плѣну у нѣмцевъ. Они пасутъ внутри его твердыни своихъ лошадей и воловъ, они засадили виноградниками и огородами его рвы и окопы, они растаскали его камни на свои дома, ограды и цистерны. Подниматься въ крѣпость нужно обходомъ и входить въ нее какъ разъ при началѣ колоніи. Тамъ стоятъ двѣ входныя башни, хорошо сохранившія не только каменную кладку, но даже наружную штукатурку.

Въ стѣны этихъ башенъ и многихъ другихъ врѣзаны каменные плиты съ разными историческими надписями; скрижали эти частью давно вынуты и перенесены въ музеи, гдѣ уже описаны учеными, частью растасканы сосѣдями Судака. Профессоръ Юркевичъ нашелъ одну доску съ надписью, вѣланную въ тарапанъ судацкаго садовладѣльца, другую — около колонистской церкви, третью — заштукатуренную въ развалинахъ церкви. Сколько ихъ уничтожено или скрыто — кто знаетъ! Теперь еще въ судацкой башнѣ цѣлы восемь такихъ досокъ съ латинскими надписями и гербами различныхъ генуэзскихъ дворянъ и генуэзской республики. Я видилъ эти доски, которыхъ надписи,

кромѣ привратной, читаются съ болѣшимъ трудомъ. Онъ однако всѣ теперь прочтены и содержаніе ихъ всѣхъ одно и то же: время постройки и имя Солдайскаго консула, при которомъ постройка совершилась. Древнѣйшая надпись съ интересными рисунками гербовъ находится въ привратной башнѣ и относится къ 1385 году. Въ крымскомъ сборнике Кеппена она передана вполнѣ, но съ ошибкою въ имени. Онъ прочелъ Горзево вмѣсто Торселло. Самая новѣйшая, т. е. послѣдняя надпись вырѣзана на камнѣ, перенесенномъ колонистами. Она 1414-го года.

Начиная отъ двойной привратной башни прямо на востокъ, стѣна поднимается въ гору надъ обрывомъ, потомъ на углу скалы поворачиваетъ на югъ, и поднимается чрезвычайно круто на юго-западъ на самую вершину утеса. Съ другой стороны стѣна шла отъ воротныхъ башенъ на юго-западъ и опять на югъ, и соединялась на верху съ восточною стѣною. Части стѣны, идущія въ восточномъ и южномъ направлѣніи, сохранились достаточно. Во многихъ мѣстахъ еще замѣтны зубцы и остатки бревенъ, поддерживавшихъ деревянные мостики, на которыхъ стояли обыкновенно защитники стѣнъ. Везде замѣтны низко помѣщенные амбразуры, снаружи чрезвычайно узкія, снутри широкія, съ отлично выведенными сводами. Стѣны кладены изъ чрезвычайно крѣпкаго и разнороднаго камня на извести, перемѣшанной съ битою черепицею, что сообщало имъ значительную крѣость.

Изъ шести башенъ, помѣщенныхъ въ стѣнѣ, шедшей на востокъ, отъ первой осталось только нижнее основаніе, другая треснула пополамъ съ вершиной до фундамента и грозитъ скорымъ паденіемъ. Остальная еще съ зубцами и окнами. Стѣна западная наиболѣе пострадала, по сосѣству съ колоніею. При поворотѣ стѣны на югъ, на половинѣ высоты скалы, вмѣсто оди-

нокой башни, стоитъ цѣлый замокъ, въ которомъ можно еще различить маленький внутренний дворъ, три угловыя башни и сравнительно просторныя помѣщенія.

Чичероне нашъ увѣрялъ, что это былъ дворецъ греческой царицы Феодоры, легенды о которой живутъ десетъ въ памяти народа, и которой принадлежали въ XIV столѣтіи Судакъ, Алустонъ, Кастель и весь берегъ между Судакомъ и Людагомъ. Въ мнимомъ дворцѣ Феодоры достойно любопытства огромное подземное водохранилище со сводами, куда была проведена вода трубами, сквозь крѣпостныя стѣны изъ вершины съѣдныхъ лѣсныхъ горъ. Изъ комнаты дворца опускается въ это водохранилище круглый колодезь. Во дворцѣ видна еще печь съ трубою, напоминающая татарскіе камины, углубленія для помѣщенія вещей, ниша какъ бы для образницы и другіе слѣды домашняго быта. Изъ двухъ угловыхъ башенъ замѣтны потайные выходы, одинъ къ морю, другой внутрь крѣпости.

Главная башня дворца, называемая Катара-Кулле (нѣкоторые переводятъ это имя съ гречес资料: башня проклятия), изукрашена рѣзьбой и зубцами особенно тщательной работы.

На этой башнѣ находится очень высоко, почти недоступно для глаза, доска съ надписью, которая служитъ опроверженiemъ разсказа нашего чичероне, такъ какъ это одна изъ новѣйшихъ генуэзскихъ башенъ, оконченная 1-го іюля 1394 г.

По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ скалы и къ юго-западу, стѣна представляеть все больше развалинъ, на конецъ является совсѣмъ разсыпавшеся, почти сровненою съ почвою. Недалеко отъ замка, внутри крѣпости сохранились весьма хорошо развалины церкви, имѣющей форму мечети. Это строеніе не очень большое, но изящной архитектуры, съ совершенно круглымъ сводомъ. Порталы этого зданія исполнены особен-

наго вкуса и окна украшены каменною рѣзьбою. Кеппенъ, Палласъ, Броневскій считаютъ это зданіе за христіанскую церковь. Палласъ говоритъ о немъ, какъ о большомъ и прекрасномъ соборѣ, уцѣлѣвшемъ на восточномъ склонѣ города.

Дѣйствительно, и архитектура и каменная рѣзьба, и изображеніе св. Георгія, замѣченное мною въ углу оконнаго украшенія,—все заставляетъ думать, что первоначально это былъ христіанскій храмъ.

Но нельзя ни минуты сомнѣваться, что этотъ храмъ былъ обращенъ впослѣдствіи въ мечеть. Снаружи видно, какъ съ южной стороны придалъ къ зданію характерный магометанскій альковъ, замѣняющій нашъ алтарь. Изнутри этотъ альковъ и помѣщеніемъ своимъ и отдѣлкой до такой степени напоминаетъ обычные альковы мечетей, что не остается никакого сомнѣнія; наконецъ, при входѣ справа, совершенно почти цѣлѣ узенькій, круглый минаретъ со стѣнами вьющейся лѣсенки для музѣдзина.

Историческія данныя положительно подтверждаютъ, что храмъ этотъ былъ дѣйствительно обращенъ татарами въ мечеть. Кроме мечети, замѣтны внутри крѣпости: засыпанный колодезъ, погреба, какая-то уединенная небольшая башня у подошвы верхней скалы и многое множество каменныхъ кучъ, указывающихъ на мѣсто когда-то стоявшихъ здѣсь строеній. Развалины длинныхъ и обширныхъ домовъ съ стоящими еще стѣнами не принадлежать древности. Это развалины казармъ русскихъ войскъ, стоявшихъ въ Судакѣ гарнизономъ, по присоединеніи Крыма. Судацкая крѣпость названа была тогда Кирилловскою, и въ ней поставленъ oberъ-комендантъ съ цѣлою канцеляріею и войскомъ.

На устройство казармъ расхищены были всѣ остатки древностей, а солдаты и потомъ жители разбি-

вали и перекапывали все остальное, добиваясь кубышекъ и кладовъ.

Крѣпость, въ которой находятся храмъ и казармы, была нижнею крѣпостью; стѣны ея упирались въ уголь скалы, которая со стороны моря была неприступна, и потому, повидимому, не защищалась стѣною. ('тѣна же, идущая на югъ вверхъ отъ замка, отступаетъ нѣсколько отъ подводнаго обрыва скалы, и отрѣзывается отъ остальной крѣпости самую возвышенную, ближайшую къ морю часть скаль; такимъ образомъ. она служила какъ бы внутреннею цитаделью, кремлемъ Судака. Замѣтно, что оборона ея устроена была не противъ моря, а противъ крѣпости, слѣдовательно разсчитывалось защищаться въ цитадели, если даже крѣпость будетъ въ рукахъ непріятеля. Въ этой стѣнѣ Палласъ видѣлъ еще водопроводные трубы, а мы видѣли только развалины одной жилой башни съ печью.

Подниматься вверхъ на пирамидальную вершину скалы надъ морскимъ обрывомъ не всякому покажется пріятнымъ. Само посѣщеніе замка (Катара-Кулле) для неопытныхъ представляетъ нѣкоторыя трудности и заставляетъ сердце биться сильноѣ обычнаго. Изъ нашей компаніи только двое полѣзли за проводникомъ на пикъ скалы. Береговой вѣтеръ, неизбѣжно поднимающійся послѣ заката солнца, дулъ довольно сильно на высотѣ и, казалось, срывалъ насъ въ море.

Оголенный скатъ утеса, при послѣднемъ поворотѣ къ верхней башнѣ, можетъ первому человѣку причинить головокруженіе, особенно когда онъ взглянетъ внизъ направо и неожиданно увидитъ въ глубинѣ, прямо подъ собою колышающуюся бездну водъ, которая до того мѣста сопровождали его слѣва и нѣсколько по-одаль. Отъ этого мѣста приходится карабкаться вверхъ черезъ высокіе и неровные пороги торчащихъ камней. Пикъ скалы вѣнчается другимъ замкомъ, нѣсколько

меньшаго размѣра. Татары называютъ его *Кызыл-Кулле* — «башня дѣвъи». Съ вершины этой башни открывается грандиозная панорама моря, береговыхъ мысовъ, идущихъ на востокъ къ Феодосіи, обрывистыхъ утесовъ, заслоняющихъ западные горизонты, и назадъ, на сѣверъ, стелющейся у ногъ крѣпости зеленої, кудрявой долины, сдавленной отовсюду то скалами, то лѣсными горами.

Преданіе говоритъ, что этотъ верхній замокъ быль любимымъ жилищемъ легендарной царицы инокини Феодоры, которой дѣственныи и вмѣстѣ мужественныи образъ вообще связанъ въ народной легенды съ недоступными вершинами Судака, Кастели, Аю-Дага. Проводникъ нашъ съ увѣренностью показывалъ намъ даже тропу, по которой царица, невѣдавшая страха, ходила сюда наверхъ и спускалась къ морю. Онъ увѣрялъ, что она засѣла въ верхнемъ замкѣ, когда генуэзцы взяли крѣпость и нижній замокъ, и билась здѣсь до послѣдней возможности. По его мнѣнію, она даже и погибла здѣсь, и я бы охотно повѣрилъ этому поэтическому разсказу, еслибы не прочелъ гораздо прежде легенды о царицѣ Феодорѣ. Оттуда я узналъ, что смѣлая царица спаслась изъ Судака въ древній свой любимый замокъ Кастель, на скалѣ еще болѣе высокой, еще менѣе доступной, и погибла тамъ отъ измѣны своего брата, послѣ кровопролитной и долгой осады.

Въ Кызыл-Кулле почти тѣ же остатки, что и въ Катара-Кулле, кромѣ остатковъ живописи, которые доказываютъ, что одна половина замка была прежде часовнею или молельнею. Проводникъ нашъ быль положительно этого мнѣнія. Въ другой половинѣ сводистая цистерна въ скалѣ, слѣды печи и жилья, — ничего болѣе. Ясно, что это быль центральный складъ крѣпости, цитадель въ цитадели, послѣднее убѣжище осажденныхъ.

Палласъ называетъ почему-то эту башню маякомъ, и безъ сомнѣнія здѣсь долженъ быть быть маякъ. Съ правой стороны скалы, т. е. къ западу, между крѣпостною скалою и утесами Чикенынъ-Каясы, находится обширный лиманъ, болѣе закрытый отъ бурь и вообще болѣе удобный, чѣмъ теперешняя судацкая гавань на востокѣ отъ крѣпости. Татары не даромъ называютъ его до сихъ поръ Судакъ-лиманъ; и Палласъ положительно говоритъ, что здѣсь была древняя пристань; на берегу ея до сихъ поръ видны остатки церкви съ замѣтными слѣдами живописи и какъ бы монастыря.

Положеніе судацкаго маяка относительно старой пристани совершенно напоминаетъ положеніе Кучукъ-Ламбата, т. е. малаго Лампаса, «малаго маяка» — въ имени котораго сохранилось доказательство того, что греческія крѣпостцы на береговыхъ утесахъ устраивались поблизости удобныхъ бухтъ, въ одно и то же время какъ маяки, и какъ защита.

Мартинъ Броневскій видѣлъ въ 1578 г. въ Судакѣ три крѣпости, или замка: верхнюю, среднюю и нижнюю, окруженныя стѣною и башнями.

Стало быть, верхній замокъ составлялъ третій, самыи внутренній кругъ укрѣплений. Изъ устава генуэзскихъ колоній можно видѣть, что въ Судакѣ было двѣ крѣпости или замка: св. Креста и св. Ильи; сверхъ того и самъ городъ былъ окруженъ стѣною. Вѣроятно, крѣпостью святаго Креста назывался верхній замокъ, мнимый дворецъ Феодоры — крѣпостью св. Ильи, а нижнюю крѣпость составляла городская стѣна съ башнями, обведенными рвомъ, слѣды котораго еще очень замѣтны, и черезъ который, противъ входныхъ башенъ, былъ перекинутъ подъемный мостъ.

Еще недавно остатки древняго Сурожа были гораздо многочисленнѣе и интереснѣе. Палласъ разсказы-

ваетъ, что въ первое его путешествие (1793) онъ еще видѣлъ внутри крѣпости множество зданій готического стиля, изящной архитектуры; но во второй прїездѣ его, постройка казармъ уничтожила всѣ слѣды. Тотъ же авторъ говоритъ, что съ западной стороны судацкой скалы, безъ сомнѣнія тамъ, где теперь нѣмецкая колонія, — было при немъ татарское селеніе съ мечетью, изъ котораго большинство жителей ушло въ Турцію. Остальные разбрѣжались въ другія мѣста, послѣ постройки русскихъ казармъ, а при насъ черезъ какія-нибудь 70 лѣтъ, на мѣстѣ татаръ и деревни ихъ спокойно себѣ живутъ и хоziйничаютъ вестфальскіе нѣмцы.

Такъ быстро стираетъ исторія свои собственные слѣды.

Митрополитъ Сестренцевичъувѣряетъ, будто въ древности въ Судакѣ было болѣе ста церквей. А Мартинъ Броневскій, посѣтившій Судакъ въ 1578 году, слышалъ отъ тамошнихъ греческихъ христіанъ, которыхъ въ его время оставалось уже немногого, что чи-слу церквей доходило до нѣсколькихъ сотъ, потому что, по словамъ этихъ грековъ, отцы ихъ, у которыхъ генуэзцы отняли потомъ Судакъ, опасаясь постоянной междоусобицы, не хотѣли ходить въ общественные храмы и стали строить собственные церкви, каждый для своего семейства. Броневскій самъ видѣлъ множе-ство греческихъ церквей, нѣсколько часовень, еще уцѣлѣвшихъ, по большей части лежавшихъ обломками среди развалинъ. Въ нижней крѣпости онъ видѣлъ три большия католическія церкви, дома, стѣны, ворота и красивыя башни, украшенныя узорами и гербами генуэзскими.

Какъ ни малы вообще бывали старинные храмы Крыма, однако, помѣстить ихъ нѣсколько сотъ на тѣсной горѣ, въ предѣлахъ стѣнъ, не было бы никакой

возможности. Да и слѣдовъ ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ никто въ Судакѣ не видалъ.

Изъ единственной хроники Сурожа, приписки къ Халкисскому Синаксарю, видно, что главная святыня, соборный храмъ древняго Сурожа, былъ храмъ св. Софіи, въ которомъ покоялись въ IX-мъ вѣкѣ мощи св. Стефана Сурожскаго. Кроме того упоминаются храмы во имя св. Стефана, великомученицы Варвары, св. Аѳанасія, св. Дмитрія, св. Николая, Богородицы Одигитріи, Скутаріонтиссы (въ монастырѣ). Судя по множеству именъ скончавшихся монаховъ и священниковъ, упоминаемыхъ въ этой припискѣ, надо думать, что названные выше церкви и монастыри были упомянуты случайно изъ числа многихъ другихъ, тогда существовавшихъ. Имена этихъ церквей странно противорѣчатъ съ именами, приписываемыми существующимъ развалинамъ въ запискѣ о христіанскихъ древностяхъ Крыма, составленной преосв. Гавріломъ, бывшимъ въ 1844 году архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ. Если даннія, на которыхъ основана эта записка, достойны вѣроятія, то слѣдуетъ заключить, что большинство настоящихъ развалинъ принадлежитъ не греческимъ, а латинскимъ церквамъ, что отчасти видно изъ самыхъ названий св. Георгія и др. Дѣйствительно, мы увидимъ ниже, что въ XIII-мъ столѣтіи греческій Судакъ былъ почти совершенно уничтоженъ татарами, и если онъ возникъ опять въ XIV-мъ столѣтіи, то уже подъ властью и по пинціативѣ генуэзцевъ, латинское духовенство которыхъ, какъ доказывается историческими документами, сильно тѣснило греческую Церковь. Приписка къ синаксарю съ 750 г. по 1282 годъ упоминаетъ 11 архіепископовъ и 1 митрополита судацкой епархіи, между тѣмъ въ слѣдующія 130 лѣтъ, до 1419 года, упоминается только 1 архіепископъ Лука, и тотъ погребенъ уже въ Кафѣ.

Греческая епископія была въ XIV-мъ столѣтіи замѣнена латинскою, и изъ устава колоній видно, что въ XV-мъ столѣтіи въ Судакѣ, уже низошедшемъ со степени международного торгового центра на степень маленькаго военного форта, было 13 латинскихъ церквей, пользовавшихся правительственными пособіями.

Во всякомъ случаѣ, многочисленные остатки церквей кругомъ крѣпости Судака въ связи съ отзывами старыхъ авторовъ о количествѣ церквей въ древнемъ Сурожѣ, доказываютъ, кажется, несомнѣнно, что въ древности, именно въ греческую эпоху свою, этотъ торговый городъ занималъ значительное пространство внизу крѣпостной горы, а не ограничивался однимъ горнымъ укрѣплениемъ, что было бы несобразно ни съ его населенностью, ни съ его торговлею.

Архимадрить Антонинъ нашелъ и издалъ въ 1863 году очень интересную приписку къ одному греческому синаксарю (житія святыхъ), писанному почеркомъ XII-го вѣка. Въ этой припискѣ, подъ известными днями и годами, точно такъ, какъ наши старосвѣтскіе помѣщики отмѣчали на пустыхъ страницахъ календарей интересующія ихъ события обыденной жизни — кратко отмѣчены события, касавшіяся исторіи Судака и особенно его монастырей до 1419 года. Судя по этой припискѣ, основаніе Судака нужно отнести къ 212 году нашей эры. Слово «*Су-дагъ*» на языцѣ большей части восточныхъ народовъ означаетъ *вода-гора*, то есть горное мѣсто, обильное водою; но въ разныя времена онъ носилъ разныя названія. Съ VIII по XIII вѣкъ греки его называли Сугдая или Сугдея; русскіе называли его Сурожемъ, какъ видно изъ памятниковъ поэзіи и исторіи; при Броневскомъ, въ XVI-мъ вѣкѣ, греки называли его Сидагіозъ, генуэзцы — Судакъ. Рубруквісъ и генуэзцы XV-го вѣка называли его Солдайя. Кромѣ того, его называли Солдадія, Сурдакъ,

Судокъ, Сордая, Судакъ, Солтакъ, Седакъ. Такое разнообразіе кличекъ неудивительно при крайней разнородности племенъ, населявшихъ Крымъ, и при неточности большинства древнихъ авторовъ, которыхъ описанія часто служатъ къ запутанію и искаженію фактовъ, а не къ разъясненію ихъ. Восточные писатели положительно утверждаютъ, что жители Судака были смѣсью разныхъ народовъ и разныхъ вѣроисповѣданій, хотя основаніе его приписываютъ грекамъ. Съ начала восьмаго столѣтія уже упоминается особый епископъ сугдайскій. Св. Стефанъ Сурожскій вносить свою проповѣдь и потомъ епископствуетъ въ Судакѣ въ томъ же VIII-мъ столѣтіи. Есть очень интересное сказаніе, связанное съ именемъ этого святаго. Оно сохранено въ памятникахъ письменности и является почти историческимъ фактомъ. Извѣстный нашъ историкъ, г. Погодинъ, нашелъ въ рукописномъ житіи св. Стефана Сурожскаго, а также въ житіи пр. Димитрія Прилуцкаго, составленномъ игуменомъ Макаріемъ въ началѣ XVI вѣка, весьма интересныя подробности о походѣ на Сурожъ нашихъ предковъ, руссовъ, за цѣлую сотню лѣтъ до призванія Рюрика, и болѣе чѣмъ за два вѣка до херсонесского похода св. Владимира. Св. Стефанъ былъ родомъ изъ Кападокіи и при патріархѣ св. Германѣ (въ 716 или 717 году) пришелъ въ Константинополь для своего образованія. Его успѣхи въ наукахъ и благочестіе обратили на него вниманіе патріарха, который приблизилъ его къ себѣ и полюбилъ. Однако св. Стефанъ скоро удалился въ монастырь, чтобы подвизаться въ уединеніи. Черезъ 30 лѣтъ послѣ того, въ Сурожѣ скончался епископъ, и жители обратились къ константинопольскому патріарху съ просьбою поставить имъ новаго епископа. Патріархъ вызвалъ св. Стефана изъ монастыря, убѣдилъ принять новый подвигъ и, посвятивъ его, отправилъ въ Сурожъ.

Онъ крестилъ многихъ, и когда Левъ Исавръ поднялъ иконоборство и изгналъ патріарха, то св. Стефанъ не только воспротивился уничтоженію иконъ, но самъ отправился въ Константинополь въ глаза обличить царя и его иконоборческихъ совѣтниковъ. «По смерти святаго», продолжаетъ «житіе»: «мало лѣтъ мину: пріиде рать велика русская изъ Новаграда, князь Бравлинъ силенъ зѣло» и т. д. О походѣ Руси съ княземъ Бравлиномъ изъ Киева «на Царьградъ и на греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурожа» при царѣ Михаилѣ въ лѣто 6360 (852 г.) упоминаетъ и Карамзинъ, заимствуя свои свѣдѣнія изъ Демидовскаго хронографа. При этомъ нашествіи князя Бравлина, Судакъ уже является богатымъ и укрѣпленнымъ городомъ, центромъ котораго была христіанская святыня — роскошно украшенный храмъ св. Софіи. Этотъ походъ Бравлина — былъ ли онъ новгородскій или кіевскій князь — вовсе не случайный набѣгъ дикой орды. Онъ указываетъ на постоянную связь, существовавшую еще въ тѣ далекіе вѣка между крымскимъ побережьемъ и жителями русскихъ равнинъ. Сынъ первого князя нашего, Игорь Рюриковичъ, въ 10-й статьѣ своего договора съ греками 945 г., говоритъ уже о правахъ русскихъ князей на херсонескіе (т. е. крымскіе) города. Когда тотъ же Игорь бѣжалъ изъ-подъ Царьграда съ оставшимися у него 10 ладьями изъ нѣсколькихъ тысячъ, которыхъ онъ повелъ на Греки, то онъ спасался черезъ Босфоръ Кимерийскій, а не въ устье Днѣпра. Значитъ, онъ смотрѣлъ на берега Азовскаго моря, какъ на родные. Итальянскіе географы XIV вѣка изображали на своихъ картахъ въ Азовскомъ морѣ недалеко отъ Азова городъ *Rossia* или *Casal di Rossi* (русская деревня). Объ этомъ городѣ *Rossia* весьма точно говорятъ и арабскіе писатели, Эдризи и Ибент-Сайдъ. Рубруквисъ на томъ же мѣстѣ описываетъ рус-

ское селеніе. Генуэзцы въ 1170 году, по договору съ греками, обязались не приставать къ Rossia. Тѣ же самые арабскіе писатели (т. е. Ибенъ-Сайдъ и Эдризи) упоминаютъ *Русскую рѣку*, а Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, что Днѣпръ изливался тремя рукавами въ *Русское море*. Такъ-какъ долгое время смѣшивали Днѣпръ съ Дономъ, Міусомъ и даже Волгою, а Черное море съ Азовскимъ, то скорѣе всего можно предположить, что Русскимъ моремъ называлось Азовское. На генуэзской картѣ 1447 года Днѣпръ дѣйствительно изображенъ впадающимъ однимъ рукавомъ въ Азовское, другимъ въ Черное море. Другія карты XIV и XV столѣтія на томъ же самомъ мѣстѣ представляли Fl. Rosso.

Существованіемъ древнихъ русскихъ поселеній на берегахъ Азовскаго моря объясняются тѣсныя торговые связи, существовавшія издревле у русскихъ съ азовскими венеціанцами. Уже во время Рюрика, при нижнемъ Днѣпрѣ обитали угличи, то есть жители Угла, образуемаго Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, племя вѣроятно славянское; некоторое время вся страна между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ называлась Унгуломъ. Русскіе купцы уже съ XII столѣтія єздили барками по Днѣпру за крымскою солью. Св. Владиміръ идетъ походомъ на Корсунь уже по старымъ слѣдамъ и для возстановленія старыхъ правъ. Левъ Діаконъ говоритъ, что онъ покорилъ, кроме Корсуня, еще 10 городовъ и 50 деревень. Безъ сомнѣнія, и Сурожъ былъ въ числѣ покоренныхъ городовъ. Полуостровъ Тамань, составлявшій всегда часть Тавріи, Владиміръ отдаетъ своему сыну Мстиславу, уже какъ отчину. Послѣ того до XII вѣка владѣютъ Таманью Олегъ Святославичъ и Ольговичи. Въ развалинахъ древней крѣпости Тамани, нашей Тмутаракани и древней греческой Метархи, найденъ былъ камень съ любопытною и убѣди-

тельною надписью: «въ 6756 г. индикта (то есть 1068 г.) князь Олеіг мѣрилъ море по льду отъ Тмутаракани до Керчева 8045 саженей». Но послѣ XII столѣтія слѣды русскаго владѣнія исчезаютъ изъ азовскаго побережья, и въ Тамани являются уже половцы. Является посостѣству еще одно очень загадочное племя, которое лѣтопись называетъ *бродниками*, которые бывали въ спорѣ съ русскими и повидимому были христіане. Передъ битвою при Калкѣ русскіе встречаютъ бродниковъ у Азовскаго моря. Тамъ же они находятся и черезъ 30 лѣтъ при Рубруквпсѣ, который видѣлъ среди нихъ много русскихъ. Послѣ Калкскаго погрома вождь бродниковъ, Плоскиня, *цѣлуєтъ крестъ* князю Мстиславу кіевскому даровать русскимъ свободу за выкупъ и обманываетъ ихъ. Весьма вѣроятно, что древніе русскіе жители азовскаго побережья, при напорѣ кочевниковъ, образовали это смѣшанное, бродячее племя, ставшее, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, родоначальникомъ черкасовъ и послѣ донскихъ казаковъ. Удалые запорожцы — ближайшіе наслѣдники правъ старины — не забывали знакомыхъ путей въ Тмутаракань и Керчево. По свидѣтельству французскаго инженера Бопланна, который составилъ въ XVII столѣтіи описание Украины, казаки очень часто возвращались изъ Чернаго моря въ Запорожье не Днѣпромъ, а че-резъ Керченскій проливъ, Донской лиманъ и Міусъ, впадающей въ этотъ лиманъ. Изъ Міуса они тащили волокомъ свои лады не болѣе мили до рѣчки Taczwoda (очевидно «тащивода»), впадающей въ Самару, а по Самарѣ вѣзжали въ Днѣпръ. Казаки избрали этотъ далекій путь только тогда, когда силы ихъ были невелики, членовъ 20 или 25, или когда турки совершенно преграждали устье днѣпровское. И до сихъ поръ есть рѣчка, впадающая въ Самару и истокомъ своимъ очень близкая къ верхнему теченью Кринки

(или Крымки), впадающей въ Міусъ; но она называется уже не Тащивода, а Волчья-вода. Нѣтъ сомнѣнія, что название это происходит не отъ «волкъ», а отъ «волокъ»; Тащиводу обернули въ однозначащую Волочиводу, или Волочью-воду.

Возвращаемся къ судьбѣ Сурожа. Послѣ разгрома Херсонеса Владиміромъ, Сурожъ въ одно столѣtie задавилъ его торговлю и сталъ главнымъ портомъ крымскаго побережья, окномъ изъ Европы и Малой Азіи въ степи половцевъ, въ Татарію, въ Россію. Товары, шедшие съ сѣвера, востока и юга, между прочимъ изъ самой Индіи, проходили черезъ Сурожъ. Венеціанскіе купцы Матео и Николо Паоло высаживались въ Сурожѣ. Посоль Людовика Святаго, Рубруквисъ, въ 1253 году ѻхалъ къ хану Мангу черезъ Сурожъ. Море Азовское, а по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, само Черное море называлось у нась встарину моремъ Сурожскимъ. Купцы, торговавшие шелковыми и другими привозными византійскими тканями, назывались въ Москвѣ сурожскими, и ихъ товаръ, ихъ гостиный рядъ сохранилъ и доселъ съ небольшимъ извращеніемъ это имя (Суровской рядъ). Карамзинъ въ 3-мъ томѣ своей Исторіи говоритъ, что «Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ, или Судакъ, богатый и цвѣтущи, горностаевы и др. мѣха драгоценныя, чтобы обмѣнивать ихъ у купцовъ восточныхъ на бумажныя, шелковые ткани и пряные корены».

Нѣтъ сомнѣнія, что Судакъ, подобно другимъ греческимъ городамъ крымскаго побережья, въ видахъ спокойствія и самосохраненія, постоянно платилъ дань тѣмъ кочевникамъ, которымъ поочереди доставалась во владѣніе Таврія; сначала, можетъ быть, готамъ, потомъ (съ XI вѣка) половцамъ и наконецъ въ XIII ст. татарамъ.

Въ припискѣ халкисского синаксаря отмѣчено подъ

1223 годомъ, первое пришествіе татаръ. Потомъ въ 1239 гуду новое нашествіе. Черезъ 10 лѣтъ, подъ 1249 годомъ, записано: «въ тотъ же день очищено отъ татаръ все». Въ 1299 г. однако татары опять присылаютъ за чѣмъ-то войско въ Сурожъ, платившій имъ дань. Въ годъ первого нашествія татаръ Судакъ принадлежалъ еще къ имперіи «великихъ Комниновъ», вмѣстѣ съ южнымъ берегомъ. Въ 1249 г. онъ уже находится подъ властью трапезунтскихъ императоровъ. Наконецъ въ 1322 г. татары совершенно покоряютъ Сурожъ. Это горестное событие въ синаксарѣ отмѣчено такъ: «пришелъ Толактемиръ и апокрисиарій Узбековъ, имя ему Карабулатъ, и взялъ Сугдею безъ войны; сняли колокола всѣ и сломали иконы и кресты, и затворили ворота и была скорбь, какова не была никогда». Потомъ, подъ 1323 годомъ: «Закрыли безбожные агаряне божественную и священную икону Спаса нашего Иисуса Христа въ царскихъ вратахъ богоспасаемаго города Сугдei»; и наконецъ подъ 1327 годомъ: «разорилъ крѣпость, св. Софию Сугдаи, и св. Стефана, и св. Варвару нѣкто именемъ Агачъ-Пасли, сквернавецъ дрѣвоголовый». Вѣроятно, послѣ этого погрома жители Судака разбрѣжались, и городъ опустѣлъ, потому что около этого времени папа Іоаннъ XXII просилъ Узбека о позволеніи возвратиться христіанамъ въ Судакъ и обѣ обращеніи церкви судацкой изъ-подъ мечети опять въ христіанскій храмъ. Вообще послѣднее татарское нашествіе потрясло окончательно могущество Судака. Съ тѣхъ поръ, этотъ многолюдный, богатый и вольный городъ, имѣвшій болѣе 100 церквей, привлекшій въ свои стѣны своею вѣротерпимостью промышленныхъ людей всевозможныхъ племенъ и толковъ, почти стирается со страницъ исторіи, какъ самостоятельный центръ жизни. Судьба его, со второй половины XIV столѣтія, дѣлается нераздѣльною

съ судьбою генуэзскихъ колоній Крыма, съ судьбою Кафы, которая унаследовала славу и богатство Судака. Кафяне овладѣли Судакомъ въ 1363 или 1365 году. Старожилы Судака рассказывали въ XVI столѣтіи Броневскому, что кафяне воспользовались междуусобіями какихъ-то сварливыхъ греческихъ князьковъ, управлявшихъ тогда Судакомъ, и присоединили къ себѣ въ 1365 городъ и 18 селеній, ему принадлежавшихъ. Это сказаніе не только не противорѣчить, а почти подтверждаетъ существующую въ Крыму легенду о царицѣ Феодорѣ, у которой генуэзцы будто бы отняли Судакъ, Алустонъ, Кастель и прочія береговыя владѣнія. Скорѣ Феодоры съ братомъ легенда приписываетъ побѣду генуэзцевъ. Въ 1380 г. 28 ноября генуэзскій консулъ Джаноне дель-Боско заключилъ договоръ «при 3 колодцахъ» съ ханомъ Тохтамышемъ, по которому генуэзцы получаютъ въ свое владѣніе весь берегъ Тавріи отъ Балаклавы до Судака, включая и принадлежащія къ нему 18 селеній. Очевидно, это было только печальное освященіе уже прежде совершившагося захвата со стороны nominalnаго обладателя Судака, то есть со стороны татаръ, получавшихъ съ него дань. Вмѣстѣ съ торговою жизнью угасла, повидимому, въ Судакѣ и та широкоразвитая религіозная жизнь, о которой осталось столько свидѣтельствъ. Многочисленныя святыни Судака опустѣли или разрушились. Судакъ пересталъ быть съ 1386 г. метрополіею епархіи. Генуэзцы придавили греческую Церковь въ пользу своей латинской. Въ XIV столѣтіи упоминаются въ Судакѣ только латинскіе епископы, а судацкіе греки причислены уже къ сосѣдней готейской епархіи, между тѣмъ какъ до того времени греки самой Кафы, Ялты и другихъ мѣстъ подчинялись митрополиту Сугдану. Вѣроятно, главною причиной этого было обезлюденіе Судака. Все заставляетъ думать, что послѣ погромовъ татар-

скихъ и генуэзского плѣненія даже древнія укрѣпленія Судака были болѣею частью разрушены. Изъ сохранившихся на башняхъ Судака надписей на каменныхъ плитахъ оказывается, что въ 1385 году генуэзцы стали строить вокругъ Судака укрѣпленія, кото-рыя были окончены только въ 1414 году, слѣдовательно постройка ихъ продолжалась около 30 лѣтъ. Такимъ образомъ, мы вправѣ считать большинство уцѣлѣвшихъ теперь башенъ и стѣнъ Судака за памятники генуэзскаго, а не греческаго владычества.

Съ половины XIV столѣтія начинается вторая. генуэзская эпоха жизни Судака. Задавленный разраставшимся могуществомъ Кафы, своей ближайшей соседки и своей обладательницы, Судакъ дѣлается однимъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ генуэзской колоніи и попутною стоянкою генуэзскихъ кораблей; но уже торговое значеніе его болѣе не существуетъ.

Можно сдѣлать краткій очеркъ устройства и внутренней жизни Судака въ этотъ періодъ времени, руководствуясь чрезвычайно интереснымъ уставомъ генуэзскихъ колоній, сохранившимся въ рукописи въ архивахъ банка св. Георгія, въ Генуѣ. Князь М. С. Воронцовъ, посѣтивъ Геную, видѣлъ эту латинскую рукопись и поручилъ сдѣлать съ нея точный списокъ, который теперЬ хранится въ библіотекѣ князя въ Алупкѣ и недавно только изданъ въ свѣтъ.

Говоря о Судакѣ, необходимо сказать и о Кафѣ, безъ которой онъ уже не имѣетъ больше смысла. Откуда явилась эта Кафа, о которой ничего никто не зналъ въ то время, когда Судакъ былъ уже знаменитымъ вольнымъ городомъ? По всей вѣроятности, первое поселеніе генуэзцевъ въ Кафѣ совпадаетъ съ 4-мъ крестовымъ походомъ и съ основаніемъ Латинской имперіи. Крестовые походы развили вкусъ къ смѣлымъ рыцарскимъ предпріятіямъ, которыя часто кончались

созданиемъ новыхъ государствъ. Какой-то рыцарь-авантюристъ, обозначенный въ историческихъ памятникахъ только одною буквою К, съ дружиною подвижниковъ, вѣроятно, отдѣлившійся отъ общей рати крестоносцевъ, овладѣлъ въ началѣ XIII столѣтія мѣстностью, на которой стояла древняя греческая Феодосія. По крайней мѣрѣ, въ числѣ «памятниковъ отечественной истории генуэзской республики» находится привилегія, дарованная въ 1234 году владытелемъ Кафы генуэзцемъ R, по которой всякий гражданинъ республики получалъ право вести торговлю безъ налоговъ и пошлинъ во всей землѣ, принадлежащей R и его сподвижникамъ. Слѣды этого частнаго владѣнія Кафою сохранялись долго. Въ древнѣйшемъ уставѣ для генуэзскихъ колоній 1290 года есть статья, «чтобы никто посторонній не могъ взимать таможенныхъ пошлинъ во вредъ сыновьямъ Бонифація Дель-Орто». То же подтверждается и въ уставѣ 1316 года.

Колонія Кафа, созданная частною предпріимчивостью, расширявшаяся изъ маленькой факторіи въ цѣлое морское государство, подобно остяндскимъ колоніямъ Англіи, перешла впослѣствіі, въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка, изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ во власть своей старой метрополіи, генуэзской республики. При переходѣ она уже имѣла полное республиканское устройство, и уставъ 1316 года, изданный въ Генуѣ для черноморскихъ колоній, упоминаетъ о мѣстномъ *кафскомъ консулѣ* наряду съ консуломъ, присылаемымъ изъ Генуи. Смѣлые и дѣятельные моряки, давшіе миру Христофора Колумба, съумѣли воспользоваться прекрасными заливами и плодоносными землями, на которыхъ они поселились. Свойственный свободнымъ общинамъ духъ ассоціаціи и вѣрное чутье коммерческихъ выгодъ, заставило генуэзцевъ войти сначала въ дружественные сношенія со всѣми торговыми городами черно-

морского и азовского побережья. Везде они выхлопотали себѣ права, мѣста для факторій, земли. Феодосійскую факторію окопали широкимъ рвомъ, обнесли валомъ, понавезли на своихъ корабляхъ строительныхъ матеріаловъ для стѣнъ и зданій, — и изъ пепла старой греческой Феодосіи незамѣтно возродилась новая Кафа, такая же торговая и богатая. Венеція встревожилась этимъ, и начался рядъ войнъ. Византійскіе Палеологи, восстановленные съ помощью генуэзцевъ, послѣ 58-милѣтняго изгнанія изъ Византіи, на престолѣ римскихъ императоровъ, отнятомъ у нихъ венецианцами во время 4-го крестового похода, соединились съ Генуею противъ Венеції. Генуя заперла Венецію всѣ таврическіе порты. Пизанцы 7 лѣтъ воевали съ Генуею, и только усилили ея славу и богатство. Но въ 1307 году молодой колоніи былъ нанесенъ неожиданный и страшный ударъ совершенно съ другой стороны. Кафа была взята и разрушена монголами. Новапри, жившій въ Египтѣ въ 1308 году, записалъ это событие: получили известіе въ Египтѣ, что Тукта (Тохтагу-ханъ), разгневавшись на франковъ-генуэзцевъ, живущихъ въ Крыму, и на сѣверныхъ язычниковъ за то, что они, какъ дошли до него слухи, похищали дѣтей татаръ и продавали ихъ въ страны мусульманскія, послалъ войско противъ города Кафы, въ которомъ они жили. Франки, устрашенные, сѣли на свои корабли и ушли въ море, такъ что войска не могли взять ни одного, но Тукта завладѣлъ ихъ имуществомъ въ городѣ Сараѣ и въ окрестностяхъ». Это было второе разореніе Кафы, потому что въ 1260 году венецианскій вождь Соранцо уже овладѣлъ разъ Кафою. Надобно было восстановлять заново необитаемый городъ, и 1308 годъ долго считался поэтомъ годомъ основанія Кафы. Генуэзскій дворянинъ Бальдо Доріа первый поселяется среди развалинъ запустѣлаго города, вызываетъ множество новыхъ поселенцевъ, строить

дома амфитеатромъ наподобіе Генуї, и дѣлается та-
кимъ образомъ вторымъ основателемъ Кафы. Въ 1316
году генуэзская республика распоряжается о немедлен-
номъ укрѣплениіи возрожденного города, и посылаетъ
ему оружіе для обороны. Въ 1340 г. Кафа уже обно-
сится укрѣпленіями; въ томъ же году армяне, пересе-
лившіеся изъ покоренной татарами Арmenіи на берегъ
Крыма между Феодосією и Судакомъ, подкрѣпили ко-
лонію ремесленными и торговыми силами. Татары до
XV столѣтія не имѣли въ Крыму отдельного ханства,
и довольствовались нѣкоторою данью отъ приморскихъ
городовъ, не вмѣшиваясь въ ихъ быть и даже во много-
томъ покоряясь вліянію ихъ богатства и цивилизації.
Огромный флотъ кафянъ, множество великолѣпныхъ
храмовъ, башенъ, дворцовъ, дѣятельная, торговая жизнь
города, въ которомъ сталкивались всѣ племена, импони-
ровали на степнаго кочевника, считавшаго себя хозяиномъ
всего Крыма. Татары совѣтовались съ кафинами
даже о выборѣ властителей, и многіе владѣтельныіе
князья Тавріи просили судить ихъ распри въ Кафѣ.
По трактату съ татарами — Судакъ, Керчъ, Балаклава,
Мангупъ, Ялта — вся такъ-называемая Готеія перешла
въ руки кафянъ. Чтобъ сдѣлаться центромъ не только
матеріальной, но и умственной жизни края, кафяне за-
вели у себя большое училище для всѣхъ жителей Тав-
ріи, и просили въ 1318 году папу Ioанна XIIІ сдѣ-
лать Кафу столицею особой обширной епархіи. Рѣдкія
ссоры кафянъ съ татарами кончались такъ плохо для
татаръ, что повторять ихъ было невыгодно. При Джанибекѣ, въ половинѣ XIV столѣтія, кафяне держали
татаръ на полуостровѣ въ совершенной осадѣ, отгоняли
всѣ суда и кровопролитными высадками истребляли
множество татаръ. Джанибекъ едва успѣлъ спастись
отъ крестового похода, приговарившагося противъ него
генуэзцами и папою Климентомъ VI, во-время испро-

сивъ мира. Мамай быль даже убить въ Кафѣ. Тамерланъ, отнявши въ 1395 году у венецианцевъ Азовъ, облегть-было и Кафу. Но Готфридъ Зоагліо блестящими побѣдами на землѣ и на водѣ освободилъ свой городъ отъ варваровъ. Черезъ три года, Кафа была, однако, сожжена кипчакскими татарами вмѣстѣ съ другими городами Крыма. Когда Хаджи-Гирей объявилъ себя независимымъ ханомъ Крыма, Кафа и другіе города, которые она завоевала, то есть Керчь, Судакъ, Ялта, Балаклава и Мангупъ, остались въ тѣхъ же отношеніяхъ къ новому властителю, то-есть давали ему деньги, и были совершенно независимы. Гибель генуэзцевъ шла не съ этой стороны: она двигалась, угрожая не только морскимъ державамъ: Генуѣ, Венеціи, Грекіи, а всему европейскому миру, всему христіанству. Въ 1357 г. султанъ никейской Солиманъ, съ помощью генуэзцевъ, желавшихъ отомстить враждебной тогда Византіи, отнялъ у императора Кантакузена европейскую Фракію. Менѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ, Византія была въ рукахъ Мохамеда II. Генуэзскій вождь Юстиніанъ съ 3,000 воиновъ геройски погибъ подъ развалинами защищаемой имъ Византіи, гдѣ генуэзцамъ принадлежали издавна два богатыя предмѣстья: Пера и Галата. Но Мохамедъ II еще не наложилъ на генуэзскія колоніи своей тяжелой руки: свободное плаванье по Черному морю было предоставлено генуэзцамъ цѣною постыдной подати дѣтими для султанскаго сераля, на которую вынуждены были согласиться генуэзскія предмѣстья Царьграда. Еще 22 года длилось существованіе крымскихъ колоній. Генуя, подорванная въ своей торговлѣ и богатствахъ Венеціей, Византіей, потомъ Турціей, все еще продолжала считать себя наравнѣ съ величайшими государствами Европы и требовала у Мохамеда II отчета въ совершенныхъ имъ насилияхъ. Собственность Кафы была переведена въ банкъ св. Георгія, эту

могущественную торговую общину, которая своими кораблями, крѣпостями, войскомъ и богатствомъ затмѣвала даже саму республику. Банкъ имѣлъ свой со-вѣтъ, своихъ правителей, военачальниковъ, судей, отдельныя части города. Но судьба Кафы была предуготовлена самою республикою, и всѣ вѣликия средства были безнадежны противъ внутренняго разложенія. Черноморскія колоніи были подточены въ сердцѣ ревнивою политикой метрополіи, которая болѣе заботилась о своихъ коммерческихъ выгодахъ, чѣмъ о жизненной прочности колоній. Въ XV столѣтіи Кафа страдаетъ, столько же отъ постоянныхъ нападеній татаръ, сколько отъ продажности чиновниковъ, наглаго взяточничества и казнокрадства; правосудіе, которымъ когда-то славилась Кафа даже среди татаръ, уже не существовало болѣе. Кредитъ колоніи также упалъ. Въ 1457 годичный дефицитъ колоніи доходитъ до 492,000 аспровъ (аспро кафинское равнялось почти 3 коп. сер.), да сверхъ того 4,020 скудовъ нужно было высыпать дани турецкому султану. Иванъ Васильевичъ III, послыавъ въ 1474 г. боярина Беклемишева къ Менгли-Гирею въ Кафу, наказалъ послу: «объявить консулосу кафинскому и кафинцамъ, чтобы они возвратили отнятые у российскихъ купцовъ на 2,000 руб. товаровъ, и впередъ бы подобными насилиями не пресѣкали пути въ своей землѣ для взаимной торговли». Въ 1475 г. русскій посолъ Прокофій и кущцы опять ограблены на нѣсколько тысяч рублей. Католические еписконы всѣми средствами тѣснили иновѣрцевъ и заставляли ихъ переселиться въ другіе города. Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ татары, обитавшіе во множествѣ въ Кафѣ, обратили всѣ свои помыслы къ хану и служили ему постоянными орудіями для смутъ, интригъ и нападеній. Отцы генуэзской республики, любившіе держать свои колоніи на короткомъ поводу, горевали не столько

о нравственномъ растлѣніи кафинцевъ. сколько обѣ ущербахъ своей казны, и предпринимали для излеченія рядъ тѣхъ бесплодныхъ, хотя хитро сплетенныхъ бюрократическихъ операций, которыми гордятся современныя правительства Европы. Въ Генуѣ созывались комиссіи для улучшенія дѣлъ въ Крыму; комиссіи смѣняли одна другую, отмѣняли старые, вырабатывали новые уставы, учреждали надсмотрщики за надсмотрщиками. Учрежденъ даже особый попечительный восточный комитетъ изъ знатныхъ персонъ, живущихъ, конечно, въ той же Генуѣ, — словомъ, труда было понесено довольно, бумаги исписано много, а дѣла не поправлено ни на юту. Въ высшей степени поучительна эта жалкая система недовѣрія и фискальства, которая всегда кончается смертью общества, ею управляемаго, и которая, однако, до нашихъ дней продолжаетъ стоять, какъ панацея, на первой полкѣ нашихъ политическихъ аптекъ. Приведемъ читателю нѣкоторые примѣры этого заплѣсневшаго канцелярского макіавеллизма, взятые изъ генуэзскаго устава для черноморскихъ колоній 1449 года. Вотъ сколько было тогда разныхъ начальствъ въ нынѣшней нашей маленькой Феодосіи: 1) консулъ Кафы, «начальникъ города и всего Чернаго моря въ царствѣ Казарскомъ», присылаемый ежегодно изъ Генуи; 2) викарій консула; 3) совѣтъ старѣйшинъ изъ 8-ми членовъ; 4) 2 управляющихъ финансами; 5) 4 генеральныхъ *синдика* г. Кафы; 6) совѣтъ казначейства изъ 4-хъ членовъ; 7) попечительный комитетъ также изъ 4-хъ членовъ для управления собственно городомъ; 8) четыре синдика генуэзскихъ, какъ высшій контроль надъ управлениемъ; 9) комитетъ торговый казарскій; 10) комитетъ продовольствія; 11) военный начальникъ Готіи; 12) военный начальникъ крѣпости; 13) военный начальникъ огрузіевъ; 14) военный начальникъ воротъ Кайдагарскихъ; 15) во-

енний надзиратель башни св. Константина; 16) военный надзиратель предмѣстя; 17) полицейскій приставъ; 18) приставъ базарный; 19) смотритель за улицами; 20) смотритель за водопроводами, не считая нотаріевъ, секретарей, переводчиковъ, приказныхъ и пр.

Всѣ эти власти были обязаны присягою зорко наблюдать другъ за другомъ и доносить обо всемъ синдикамъ, приставленнымъ отъ матери-республики. Обязанность каждого правителя была опредѣлена до мелочей, исчислены всевозможныя нарушенія ея и заранѣе сдѣланы необходимыя угрозы. Даже самъ главный правитель — самъ губернаторъ Кафы и всего Чернаго моря рассматривается уставомъ какъ естественный врагъ и зложелатель общины, котораго нужно водить не иначе какъ въ намордникѣ и котораго нужно учить до послѣдняго гроша. Назначается ему, напримѣръ, жалованья 500 сонмовъ въ годъ, — и сейчасъ же прибавляется, что «прежніе доходы подъ различными предлогами» строго запрещаются, что онъ не смѣеть «вмѣшиваться въ судъ и налоги» подъ страхомъ такого-то штрафа, «не смѣеть брать налоги на откупъ, ни торговать тайно или явно» (опять штрафъ отъ 500—100 сонмовъ); «сборщики таможенныхъ пошлинъ не смѣютъ вести съ упомянутыми консулами никакой торговли, ни вводить ихъ въ искушеніе, ни даже говорить имъ о ней, подъ опасенiemъ штрафа». Подарковъ консулъ брать на смѣеть ни отъ кого, даже отъ царей, а все отдавать въ казначейство съ роспискою. Позволяется принимать только «сѣйстное или питье, которое онъ въ состояніи употребить умѣренно въ продолженіе сутокъ». Въ исчисленіи обязанностей уставъ отличается неменьшою предупредительностью. Такъ, напримѣръ, консулу приказывается имѣть «на свой счетъ»: 1 всадника, 6 слугъ, 1 щитоносца, 1 повара, 6 лошадей: если не имѣсть — штрафъ. Сверхъ того консулъ

обязанъ имѣть «на свой счетъ, *не на счетъ казначейства*» постоянный огонь въ каминѣ, въ зимнее время, въ большой залѣ консульского дворца. Въ этой же залѣ долженъ онъ имѣть машину для пытки, «чтобы никто не смѣлъ и не рѣшился вынести ее оттуда». Какъ видите, заботливость устава простиралась даже на домашній комфортъ чиновниковъ, и известная степень внѣшняго блеска была имъ предписана статьею закона. Даже смѣненный губернаторъ — левъ уже съ подшипленными когтями — и тотъ казался еще опаснымъ для интересовъ казны и общества. Онъ обязанъ былъ уѣхать изъ Кафы съ тѣми же кораблями, которые привезли его преемника, притомъ *«путемъ удобѣнѣйшимъ, скорѣйшимъ и кратчайшимъ, подъ описаніемъ штрафа въ 100 — 200 сонмовъ»*. Такія предосторожности были принимаемы противъ всѣхъ другихъ органовъ власти; никому не приходилось класть пальцы въ ротъ. Недвѣрное огульное ко всѣмъ и ко всякому — было душою всей правительственной системы. Всѣ совѣты и коллегіи, названные выше, избирались только на 6 мѣсяцевъ, какъ римскіе диктаторы; всегда на половину кафянѣ, на половину генуэзцы, половина почти всегда изъ дворянъ. Въ выборѣ ихъ участвовали исключительно власти прежняго срока. Граждане только могли ждать, кого имъ посадятъ въ начальники. Это управление, однако, называлось республиканскимъ. Оно во всякомъ случаѣ было очень патріархально, что приличествовало подобному патриціату. Генеральныи синдики Кафы могли призывать къ своему суду «всѣхъ консуловъ и чиновниковъ Чернаго моря, кромѣ консула Кафы», и наказывать ихъ; викарій и другіе чиновники консула могли быть *наказываемы даже тѣлесно*. Этихъ синдики и самого консула контролировали еще четыре другихъ синдика: тѣ уже были всѣ генуэзцы, имѣли право пытки, на ихъ рѣшеніе апелляціи не было, и

особа ихъ была священна. Что касается гражданъ, то наказанія ихъ, повидимому, не были большою рѣдкостью, такъ какъ они составляли узаконенную и постоянную доходную статью полицейскаго пристава, а именно: за каждого высѣченаго онъ получалъ 25 аспровъ, за повѣшенаго, обезглавленаго и вообще казненнаго 50 аспровъ, за заклейменье 30, за отрѣзанье какого-либо члена 35; за пытку, какъ за дѣло слишкомъ обыденное, не полагалось ничего: пытка отпускалась бесплатно и какъ бы сверхъ абонемента. Но зато республиканскій полиціймайстеръ имѣлъ еще доходъ съ прохожихъ, пойманыхъ ночью послѣ колокольного звона, и съ питейныхъ домовъ, незапертыхъ въ этотъ часъ. Вообще чиновники больше были на кормежкѣ, чѣмъ на жалованьї. За все и со всего бралось въ ихъ пользу, какъ и слѣдуетъ въ благоустроенному государству. Военный начальникъ Кафы собиралъ доходъ съ лавокъ, съ питейныхъ домовъ, съ ссорящихся, съ публичныхъ женщинъ, и, судя по угро-замъ устава, видно, что эти узаконенные сборщики чаще всего обращались въ грабителей. Базарный приставъ получалъ доходъ со ввозимыхъ продуктовъ; съ каждого судна, вѣзвѣвшаго въ портъ, требовалась барка камней. За опредѣленіе къ должности съ приставовъ бралась подать. Съ соли бралась пошлина. Всѣ консулы и наемники должны были платить нотарию кафинскаго казначейства, первые 300, вторые по 6 аспровъ въ годъ. Всѣ промыслы и доходы были на откупу: былъ откупъ сѣстныхъ припасовъ, былъ откупъ лѣса, травы, зелени, даже угля. Попечительною матерью-республикою было принято въ соображеніе, предусмотрѣно, установлено все, что касается до благоустройства кафинской колоніи, даже до мельчайшихъ подробностей, и кафинскимъ властямъ сдѣланы строжайшія внушенія радѣть о благѣ жителей. Уличный

приставъ обязанъ быть уставомъ держать городъ «чистымъ, блестящимъ и безъ всякой нечистоты» и брать штрафъ съ жителей, если они осмѣяются выливать за дверь воду или нечистоту. Уставомъ опредѣлено, до какого часа долженъ горѣть огонь на постоянныхъ дворахъ, въ какіе часы должно звонить въ какой колоколь и сколько разъ; предписаны подробныя правила для церковныхъ народныхъ празднествъ, въ которыхъ не забыто не только число свѣчей, жертвуемыхъ въ церковь, но даже веревки и нитки, необходимыя въ разныхъ случаяхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: казначейство должно отпускать по 4 восковыхъ свѣчи въ 30 церковныхъ праздниковъ, поименно исчисленныхъ, въ 18 церквей, исчисленныхъ также поименно. Кромѣ того, въ дни большихъ праздниковъ назначается иллюминація и фейерверкъ на счетъ того же казначейства. Исчисляется расходъ на вино, пряники, яблоки, виноградъ солдатамъ и полицейскимъ, «назначается 350 аспровъ на изюмъ, миндаль, конфекты», извѣстная сумма на свѣчи, за аллилуйя, «грекамъ, которые приходятъ пять Калигерасъ, мальчикамъ, которые бросаются въ воду на Крещеніе, за звонъ въ колоколъ, за кувшины и пр.».

Въ день св. Георгія, патрона республики, сверхъ другихъ расходовъ, предписанъ расходъ на скачку: на цветную матерію, напримѣръ, штуку кармазина, 1,200 аспровъ, и на камку 80. На живопись герба, на ленту, на пару шпоръ, на хлѣбъ и сыръ глашатаемъ, на лицицу — 6 аспровъ, на пѣтуха — 6 аспровъ, на веревки и нитки — 10, на шесть для скачки, на ужинъ, когда консулъ отправляется къ Кайдагарскимъ воротамъ, т. е. изюмъ, салатъ, уксусъ и вино.

Точно также въ день Иоанна Крестителя, сверхъ прочаго, назначается сумма за «шербеты, за ель, за ситникъ, вишни» и проч. О другихъ праздникахъ такая

же заботливость. За столомъ консула, по требованію устава, 2 трубача должны трубить туши. 1 музыкантъ играетъ на дудкѣ, когда консулъ отправляется въ церковь. Военный начальникъ долженъ сопровождать консула въ церковь верхомъ, подъ угрозою штрафа.

Вообще угрозы чередуются въ уставѣ съ прямymi распоряженіями: эти угрозы очень характерны для вѣрнаго представленія о внутреннемъ бытѣ колоній.

Такъ одна статья устава требуетъ, «чтобы дома не были разрушаемы сборщикомъ поземельной подати»: въ другой статьѣ строжайшее подтверждение военнымъ начальникамъ воротъ «не обижать жителей, вѣзжающихъ съ товарами». Строго запрещено «продавать, вместо невольниковъ, жителей Кафы».

Строго запрещено Тудуну какихъ-то канлюковъ (вѣроятно, монголовъ), бравшихъ таможенные пошлины съ жителей. «вмѣшиваться въ дѣла кафянъ и судить ихъ, если они живутъ въ Кафѣ не менѣе года».

«Поелику епископъ гор. Кафы», — сказано въ другомъ мѣстѣ устава: — «тревожить, говорятъ, иногда иновѣрцевъ, притѣсняетъ ихъ и грабить, что можетъ быть причиною уменьшенія числа жителей въ городѣ и предмѣстяхъ и послужить къ явной опасности и вреду Кафы, то узаконено, «чтобы епископъ гор. Кафы, теперешний и вся будущіе не посягали на жатву другаго народа и чтобы упомянутые греки, армяне, евреи и другіе иновѣрцы были безопасны отъ всякаго грабительства, посягательства на имѣнія, когда кто умреть безъ завѣщанія, и другихъ притѣсненій упомянутыхъ епископовъ».

Мы нарочно остановили читателя на этихъ характерныхъ выдержкахъ. Политический и общественный бытъ генуэзскихъ колоній, какъ Кафы, такъ равно Солдаи, Чембalo и другихъ, дѣлается послѣ этого довольно

ясенъ. Остается развѣ прибавить нѣсколько подробностей, касающихся устройства собственно Солданы (Судака). Солдая имѣла особаго консула, который получалъ отъ кафинской общины 100 сонмовъ въ годъ, т. е. ровно въ пять разъ менѣе кафинскаго консула, и обязанъ былъ на этотъ счетъ содержать служителя и 1 лошадь. Онъ соединялъ въ своемъ лицѣ, кроме того, должности коменданта крѣпости, управляющаго финансами и военачальника. Онъ не имѣлъ права имѣть ни поля, ни виноградника. Ему строго запрещались поборы и «облавы». Запрещалось распоряжаться барками и манеріями, идущими въ Кафу, и посыпать ихъ къ кому бы то ни было въ Кафу, «ибо люди Солданы», — сказано въ уставѣ: — «должны быть свободны и никѣмъ не стѣсняемы». Консулъ Кафы и синдики были его высшею инстанціею. Все указываетъ на то, что въ XV столѣтіи Судакъ былъ важенъ только какъ военный фортъ, что о его прежней, широкой торговлѣ и многолюдствѣ уже не было помину. Все гражданское чиновничество (удака состояло въ это время изъ одного нотарія, писавшаго за деньги прошенія и наблюдавшаго тарифную табель, изъ торгового пристава да письмоводителя по греческому языку. Очевидно, что Кафа была въ это время административнымъ и судебнымъ средоточиемъ всѣхъ черноморскихъ колоній, а ихъ самостоятельная жизнь уже совершенно погасла. Несомнѣнно также, что внутренняя жизнь судакскихъ гражданъ въ XV столѣтіи была крайне тревожна и необезпечена. Судакъ былъ самимъ уставомъ поставленъ на строго-военное положеніе. Интересы форта были на первомъ планѣ, и забота о нихъ вызывалась, повидимому, крайнею необходимостью. «Поелику очень опасно отворять ночью ворота», — сказано въ уставѣ, — «повелѣваемъ, чтобы ворота въ означенномъ мѣстѣ Солдай не отворялись въ ночное время, но стояли всегда за-

перты до самого дня, исключая только крайнюю и явную необходимость, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы мостъ, находящійся передъ воротами, былъ всегда поднятъ».

Помощниками консула по военной части были два коменданта: одинъ въ крѣпости св. Креста, другой въ крѣпости св. Ильи, оба не изъ гражданъ Солдай, какъ самъ консулъ, нотарій и другіе. Въ крѣпости св. Ильи должно было находиться налицо не менѣе 4-хъ солдатъ, въ крѣпости св. Креста — не менѣе 6-ти. Оба подкоменданта, тотчасъ послѣ захода солнца, обязаны были быть въ своихъ крѣпостяхъ и не смѣли выйти изъ нихъ до самаго восхода. Музикантъ долженъ быть цѣлую ночь караулить стѣны, играя на своей дудкѣ. Кроме того, на стѣнахъ всю почь должны были оставаться: сторожъ съ турецкимъ барабаномъ и 2 трубача. У вѣнчанихъ воротъ предмѣстій и у базарныхъ воротъ было еще по два караульныхъ каждую ночь. Гарнизонъ былъ, впрочемъ, весьма невеликъ: 8 казаковъ-организевъ на лошадяхъ, съ оружіемъ и плащами «хорошимъ и крѣпкимъ», да 20 наемныхъ солдатъ съ двумя баллистами у каждого и прочимъ оружіемъ. Было строго запрещено отпускать въ Кафу солдатъ, стоящихъ въ замкахъ, а другихъ позволялось консулу отпускать не болѣе, какъ по два, по-очереди и на короткій срокъ. Даже самому консулу уставъ запрещалъ оставлять землю Солдай и ночевать въ другомъ мѣстѣ, какъ прозвонять на Ave Maria. Кого встрѣчали на улицахъ послѣ этого звона, того штрафовали. Недостатку гарнизона отчасти обязаны были помогать жители, изъ которыхъ выбирались консуломъ и попечительскимъ совѣтомъ города ночные караульные стѣнъ. Этотъ попечительскій комитетъ выбирался консуломъ и старымъ попечительскимъ комитетомъ; онъ состоялъ изъ одного латинца и одного грека и былъ чисто хозяйственнымъ

учрежденiemъ: сохранялъ стѣстные припасы, оружіе, заботился о городскихъ работахъ и починкѣ укрѣплений, а вмѣстѣ съ тѣмъ доносилъ консулу о всемъ, что находилъ полезнымъ и нужнымъ.

Судакъ былъ уже въ то далекое время гнѣздомъ винодѣлія, чѣмъ остался и до сихъ порь. Сельско-хозяйственный характеръ его дѣятельности ясенъ изъ устава. Забота о сохраненіи воды, безъ которой гибель для судацкихъ виноградниковъ, была такая же, какъ и въ наше время. Консулъ и 8 лучшихъ жителей ежегодно 1-го марта выбирали двухъ честныхъ людей: одного латинца, другаго грека, и эти выборные составляли попечительскій комитетъ о водѣ: они должны были принимать мѣры, чтобы въ Солдаѣ былъ постоянно изобильный запасъ воды, и чтобы каждый хозяинъ виноградника пользовался водою только въ свою очередь, въ размѣрѣ, назначенному комитетомъ. Такое распределеніе воды между жителями и выборъ смотрителей за водою соблюдался въ Судакѣ и въ настоящее время. Въ распоряженіи этого комитета былъ особый мастеръ, умѣвшій устраивать и исправлять водопроводы. Виноградники, впрочемъ, не могли давать большихъ доходовъ хозяевамъ, потому что половина этихъ доходовъ взималась на починку укрѣплений и расходы по караулу. Къ Солдаѣ принадлежало въ то время 18 деревень, которыхъ жители выбирали изъ себя старость, утверждаемыхъ кафянскимъ консуломъ. Жители самой Солдан имѣли право выбирать изъ своей среды только 4-хъ кандидатовъ на должность начальника сотни, для чего консулъ ссыпалъ «всѣхъ мѣщанъ и жителей Солдан» черезъ глашатая въ ратушу общины. Но утвержденіе въ должности одного изъ 4-хъ кандидатовъ опять-таки зависѣло отъ консула Кафы, такъ что можно сказать безъ преувеличенія, что генуэзскіе колонисты Чернаго моря были лишены всякой тѣни самоуправленія.

Жители Судака состояли въ это время частью изъ итальянцевъ, частью изъ грековъ и частью изъ татаръ, потому что уставъ требовалъ отъ переводчиковъ знанія всѣхъ этихъ трехъ языковъ. Латинскихъ церквей въ Солдай насчитывалось тогда 13, судя по предписаннымъ пожертвованіямъ, а мѣстнымъ праздникомъ считался день Гервасія и Протасія, въ который устраивалась скачка и народное празднество. Не только значительной торговли, но даже рыбной ловли въ значительныхъ размѣрахъ Судакъ въ то время не производилъ. Уставъ солдайскій не упоминаетъ ни слова о пошлинахъ рыбной ловли, между тѣмъ какъ онъ обстоятельно говорить объ этомъ предметѣ, касаясь устройства Чембало, т. е. Балаклавы. Понятно, каковъ долженъ быть исходъ столкновенія черноморскихъ колоній, — подточеныхъ внутри безправiemъ и безнравственностью, лишенныхъ самою матерью-республикой всякой патріотической энергіи и всякаго духа инициативы, — съ страшнымъ племенемъ, овладѣвшимъ Византію.

Внѣшній поводъ къ этому столкновенію представился очень скоро послѣ паденія Византіи.

Для управлениія сельскимъ округомъ кафинскихъ владѣній обыкновенно назначался татарскимъ ханомъ, съ утвержденія кафинского правительства, особый префектъ изъ уроженцевъ Крыма. Назначеніе префектовъ служило нескончаемымъ поводомъ къ столкновенію колоніи съ ханами, и. наконецъ, оно послужило къ окончательной гибели Кафы, Судака и всѣхъ генуэзскихъ владѣній Крыма. Въ 1475 году, префектъ кафинского сельского округа, Эминекъ, былъ лишенъ мѣста по проискамъ вліятельного генуэзца Оберто Скарчіафика, бывшаго совѣтникомъ въ Кафѣ въ консульство Антоніетто делла-Кабелла. Эминекъ, не желая уступить партии Скарчіафика и не видя другаго средства къ защите, отдался подъ покровительство Мухамеда II. Мо-

хамед II, посадивъ визирия Ахмета-пашу съ 20,000 десанта на корабли, велѣлъ ему разорить Кафу. Ханъ Менгли-Гирей, захваченный 14 лѣтъ тому назадъ въ плѣнъ кафянами въ первую изъ стычекъ съ отцомъ его ханомъ Гаджи-Гиреемъ, и въ теченіе 8-ми лѣтъ воспитывавшійся въ Кафѣ со вниманіемъ и почетомъ, подобавшимъ его сану, попробовалъ-было защищать Кафу, но видъ турецкаго флота навелъ паническій ужасъ на генуэзцевъ и татаръ. Префектъ Ширишъ-Сейтакъ, противникъ Эминека, изъ-за котораго собственно и поднялось все дѣло, бѣжалъ изъ города. Турецкая артиллериya разбивала толстыя стѣны, подъ замокъ вели подкопы. Одинъ изъ вождей армянского народа принялъ-было начальство надъ войскомъ, оставшимся безъ главы, но скоро рѣшился сдаться. Великолѣпный городъ былъ преданъ безчеловѣчному грабежу. При взятіи Кафы народонаселеніе было разнообразно до крайности. Армяне, греки, евреи, франки, волохи, русскіе, поляки, даже грузины, мингрельцы и черкесы. Русскіе съ 1318 года имѣли въ Кафѣ даже православную церковь. Всего народу считалось до 60,000. Часть ихъ была избита безъ милосердія, часть разбѣжалась въ горы и въ татарскіе аулы, гдѣ они смѣшались съ татарскимъ населеніемъ, омусульманились для спасенія своей жизни и собственности, и сдѣлались такимъ образомъ однимъ изъ племенныхъ элементовъ теперешнихъ горныхъ татаръ Крыма, которыхъ даже вицѣшній видъ такъ мало похожъ на степныхъnomadovъ и такъ сильно напоминаетъ правильный типъ греко-римского племени. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ южнаго берега, между Алупкою и Ялтою, особенно въ Симеизѣ, Лименѣ и пр., генуэзцы сосредоточились въ особенномъ числѣ. Еще Палласъ былъ пораженъ удлиненнымъ очертаніемъ черепа жителей этихъ татарскихъ деревень и невольно призналъ въ нихъ ясно сохранившійся генуэзскій типъ ихъ пред-

ковъ. Свободные обычаи южнобережскихъ татаръ, ихъ уваженіе къ древнимъ христіанскимъ святынямъ, участіе въ паломничествахъ къ священнымъ мѣстнымъ, источникамъ, празднованіе нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ, имена многихъ ихъ сельбищъ, какъ, напримѣръ, Ай-Сава, Ай-Годоръ, Ай-Василь, Ай-Петри, т. е. св. Саввы, св. Феодора, св. Василія, св. Петра; наконецъ, наклонность къ садоводству и другимъ осѣдлымъ занятіямъ, столь отличающая южнобережского татарина отъ кочеваго ногайца степей, — все это неопровергимые признаки смѣшанного, полуевропейскаго происхожденія горныхъ татаръ. 40,000 колонистовъ были посланы плѣнниками въ Стамбуль для заселенія его опустѣвшихъ частей; они дошли до Стамбула не разомъ; на пути одинъ смѣльчакъ, по имени Симеонъ Формаріо, взбунтовалъ плѣнниковъ, стражу связали и пристали къ городу Монкастро (Акерманъ). Но комендантъ крѣпости, боясь турокъ, воспользовался скорою генуэзцевъ, овладѣлъ судномъ и опять отославъ его въ Царьградъ Всѣ невольники Кафы были также отосланы къ султану. 1,500 мальчиковъ отвезены въ его сераль. Въ ратушу было потребовано все оружіе и 40,000 червонцевъ. Жителямъ оставили только половину имѣнія и наложили тяжелую дань. Дворцы и храмы разрушены; только самые некрасивые обращены въ мечети. Чтобы показать, до какой степени разорена была Кафа, упомянемъ, что изъ двухъ десятковъ латинскихъ церквей, упоминаемыхъ въ уставѣ 1449 года, и нѣсколькихъ монастырей, Бопланъ видѣлъ въ 1660 году только соборную церковь св. Петра, очевидно, возстановленную уже впослѣдствіи, потому что Броневскій, въ XVI столѣтіи, не нашелъ въ Кафѣ ни одной латинской церкви. Храмы грековъ и армянъ были, повидимо, пощажены или, по крайней мѣрѣ, имъ было позволено впослѣдствіи возстановить нѣкоторые изъ нихъ. Бопланъ,

въ тотъ же 1660 годъ, насчиталъ въ Кафѣ 22 армянскихъ и 12 греческихъ церквей. Въ концѣ XVIII вѣка, около 1784 года, когда Тунманъ составлялъ свое описание Крыма,— и римская церковь св. Петра, и множество армянскихъ и греческихъ церквей Кафы лежали въ развалинахъ, безъ сомнѣнія, послѣ разгрома Крыма русскими войсками.

Въ русской лѣтописи, подъ 1475 годомъ, такъ записано о разореніи Кафы турками: «Того же лѣта 6983 туркове взяша Кафу, и гостей московскихъ много поубиша, а иныхъ поймаша, а иныхъ пограбивъ, на окупъ даваша....» Польскій посолъ Броневскій, посѣтивший Кафу въ XVI столѣтіи, сохранилъ намъ одинъ эпизодъ изъ осады Кафы турками:

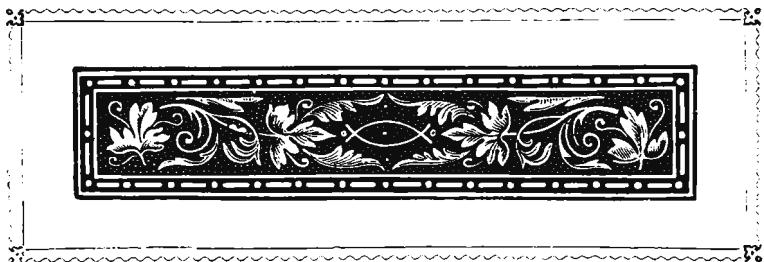
«Отъ митрополита греческаго, мужа почтеннаго и честнаго, который съ греческихъ острововъ прибыль для осмотра церквей, я узналъ,— говоритъ Броневскій,— что, когда турки осаждали этотъ городъ съ моря многочисленнымъ войскомъ, генуэзцы храбро и сильно защищали его; но когда уже не могли болѣе переносить голода и выдерживать безпрерывную осаду столь сильного войска, тогда почти тысяча отборныхъ воиновъ, затворившись въ большой церкви, которая и до сихъ поръ еще цѣла, и нѣсколько дней защищаясь въ нижней крѣости, въ которую турки ворвались, одержали надъ ними славную победу; но, наконецъ, побѣженные числомъ непріятеля, въ храмѣ томъ все погибли. Турки заложили камнями дверь и окна церкви; а трупы убитыхъ и теперь еще лежатъ безъ погребенія. Какой-то турокъ изъ Кафы, по имени Сенякъ (т. е. комендантъ), постоянно тамъ живущій, запретилъ мнѣ входить въ эту церковь».

На девятый день, въ приморскомъ дворицѣ Франкъ-Лазуръ визирь далъ большой обѣдъ армянскимъ вождямъ, предавшимъ городъ. Когда гости, послѣ пира, сходили

съ узкой лѣстницы внизъ, ихъ ждалъ палачъ съ поднятымъ топоромъ — и головы ихъ падали одна за другою. Только одного Оберто Скарчіафика повезли въ Царыградъ на болѣе торжественную казнь. Онъ погибъ, повѣшенный за подбородокъ на желѣзномъ крюкѣ. Кафянскій епископъ Симонъ былъ тогда въ Кіевѣ, чтобы просить помощи у Мартына Гастольда, воеводы польскаго. Услышавъ за столомъ вѣсть о гибели Кафы, епископъ упалъ мертвый.

Судакъ, Балаклава, Инкерманъ, Херсонесъ, Керчь, Тана — все побережье было разорено турками. Мангупъ, въ который укрылись бѣжавшіе генуэзцы, на своей Столовой горѣ, защищался долѣе всѣхъ. Его называли стальнымъ городомъ, потому что никакія стрѣлы не долетали до него, и онъ почитался неприступнымъ. Ахметъ обложилъ его кругомъ, думая покорить его голодомъ. Но скоро начальникъ города схваченъ былъ турками при выходѣ на охоту. Генуэзцы бѣжали въ противоположныя ворота; жители были избиты, часть ихъ отослана въ Царыградъ. Оставался въ рукахъ генуэзцевъ одинъ старый Крымъ, обнесенный крѣпкими стѣнами. Черезъ хана Менгли-Гирея, сосланнаго султаномъ въ ссылку, генуэзцы напрасно хлопотали о мирѣ и смягченіи своей участіи. Менгли Гирей, дѣйствительно, былъ опять посанженъ на ханство; но съ нимъ пришло турецкое войско — и старый Крымъ палъ. Всѣ генуэзцы, кромѣ немногихъ личныхъ друзей Менгли-Гирея да грековъ и армянъ, были истреблены. Кафа, Судакъ и всѣ генуэзскіе города достались татарамъ. Но въ 1577 году турки выгнали оттуда хана Мохамеда, и съ этого времени, до присоединенія Крыма къ Россіи, Судакъ, Кафа, Балаклава и всѣ приморскіе города Крыма оставались постоянно во власти турокъ.

XV.

Благодѣянія христіанской цивилизаціи невѣрному татарину.

Посѣдка въ Кизильташъ. — Памятникъ игумену Парѳенію. — Исторія его жизни и смерти. — Кизильташский скитъ. — Протоієрей татаръ. — Сравненіе нынѣшнаго положенія Крыма въ прошломъ. — Какимъ цѣнамъ мы купили землю Крыма. — Какую пользу мы, русскіе, принесли татарамъ.

ыть въ Судакѣ и не посѣтить Кизильташской пустынѣки — большой грѣхъ. Можно нанять мажару на волахъ, или, еще лучше, дилижансъ тройкою. Крымскій дилижансъ — это обыкновенная нѣмецкая, дышловая телега, крѣпко-кованная и помѣстительная сравнительно съ лыкомъ вязанною телегою русскаго мужика. Если на такой телегѣ виситъ на ремняхъ рессорное креслѣцо, то нѣмецъ зоветъ экипажъ штульвагономъ и возитъ на немъ весыма удобно жену и дѣтей. Тогда это настоящій рессорный экипажъ.

Выѣзжайте рано, если не хотите, чтобы васъ затомило и зажарило крымское солнце. Отъ Судака до самаго поворота въ Кизильташкіе лѣса, т. е. вѣрныхъ верстъ 10, приходится юхать по открытой каменистой

дорогѣ, черезъ Таракташи. Камни внизу, камни со всѣхъ сторонъ, чуть не изъ-подъ облаковъ. Вынести нельзя. Но зато, когда вы поворотите въ лѣсистыя горныя долины, направо отъ дороги, вы не нарадуетесь. Тяжелая поѣздка обращается въ чудную прогулку по необъятному тѣнистому парку. Вѣтви лѣзутъ въ экипажъ, сплетаются надъ нимъ; никуда не уйдешь изъ-подъ дышащихъ и колеблющихся сводовъ; солнце свѣтить здѣсь какимъ-то зеленымъ золотомъ. Радостная свѣжесть весны стоитъ между стволовъ и вѣтвей, лабиринты которыхъ обнимаютъ васъ кругомъ. Тѣни ползутъ по лицу, какъ нѣжныя опахала, свѣтъ глядитъ на васъ сквозь листву тысячью веселыхъ, ясныхъ глазъ. Дорога обыкновенно трудная, теперь выровнена, и сытая тройка дружно ныряетъ съ нами въ тѣнистыя лѣсныя лощины и выносить насъ на цвѣтущи лѣсные холмы. Какія травы, какой сосредоточенный южный ароматъ, какая сочная яркость! Розовая чина великолѣпными гирляндами опутываетъ кустарникъ, обсыпая его молодую зелень нѣжнымъ румянцемъ своихъ мотыльковъ. Пахучая рута перерастаетъ кусты, орхидеи разныхъ породъ высокими султанами пестрятъ лѣсной лугъ. Этихъ травъ не найдешь у насъ внизу, въ горячей степи. Это все жители зеленыхъ горъ, гдѣ есть солнце, и вода, и лѣсныя сѣни. Вамъ прохладно и весело. Весенний лѣсъ какъ-будто принялъ насъ въ свою семью и раскрылъ предъ нами всѣ свои майскія радости. Мы рвемъ его чудные цвѣты, мы пьемъ ледянную воду его родниковъ, мы безмолвно бесѣдуемъ съ его зелеными вѣтвями. Мы живемъ съ нимъ и въ немъ. Съ нимъ особенно подружился мой семилѣтній блокурый мальчуганъ, котораго золотыя кудри такъ подходятъ къ выюющимся плетямъ розового горошка, и котораго счастливый голосенокъ такъ родственно сливаются съ чириканьемъ и щебетаньемъ лѣс-

ныхъ птицъ. Весна вездѣ себя узнала и вездѣ себя привѣтствуетъ: въ ребенкѣ, въ птицѣ, въ цвѣткѣ и въ ручьѣ. Въ самой гущѣ лѣса, не доѣзжая часу до Кизильташского монастыря, въ тихой, полу-темной лощинѣ, мы поровнялись съ бѣло-мраморнымъ памятникомъ, осѣненнымъ высокихъ крестомъ. Крестъ этотъ, сложенный изъ необтесанныхъ стволовъ деревъ, обвитъ гирляндами дикаго винограда и, въ обстановкѣ пустыннаго лѣса, представляетъ поэтическую картину, невольно возбуждающую любопытство туриста.

Мы, жители Крыма, знаемъ этотъ крестъ, даже не видавъ его. Всѣмъ еще живо помнится кровавая трагедія, которой интродукція разыгралась въ этомъ лѣсу, а финалъ на єеодосійской висѣлицѣ.

Памятникъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, где таракташскіе татары убили въ августѣ 1866 г. игумена Пароенія, настоятеля Кизильташской киновіи. Пароенія всѣ знали и всѣ помнятъ. Это былъ мужественный и дѣятельный хозяинъ Кизильташскихъ лѣсовъ. Онъ изъ пустыни стремился сдѣлать домовитое, всѣмъ обильное хозяйство, и уже почти достичь своей цѣли. Онъ первый, съ зари до зари, работалъ на своихъ заводахъ и въ своихъ плантаціяхъ. Горсть монаховъ помогала ему, рабочихъ нанимать было не начто. Въ Кизильташской киновіи, до Пароенія, была только пещера съ цѣлебнымъ источникомъ, да двѣ, три плененные мазанки. Пароеній добыть все осталъное. Онъ проскаль здороги, ломалъ камень, пилилъ доски, жегъ известку и кирпичи, прививалъ черенки въ лѣсныхъ грушахъ, разбивалъ виноградники, копалъ колодцы.

Изъ пещерки въ скалѣ сдѣлался цѣлый скитъ, съ двумя гостиницами, съ церковью, съ кельями и разными службами. Лѣсъ кругомъ обратился въ садъ, въ огородъ, въ виноградникъ, въ хлѣбное поле, застучала мельница на высотѣ горъ, завелся табунъ лошадей и

рогатый скотъ, богомольцы хлынули въ Кизильташскую киновію въ дни, освященные старыми воспоминаніями. Энергія, предпріимчивость и хозяйственная опытность Пароенія сдѣлали его, въ нѣкоторомъ родѣ, руководителемъ окрестныхъ владѣльцевъ. Онъ былъ мастакъ во всемъ: архитекторъ, инженеръ, столяръ, печникъ, садовникъ, скотоводъ, что хотите. Это былъ маленький кизильташский Петръ-Великій въ рясѣ инона. Къ нему обращались за советами, ему поручались дѣла. Посѣщавшіе Кизильташъ возвращались изъ пустыни, очарованные ея лѣсными красотами и простосердечнымъ радушіемъ умнаго хозяина. Татары вообще тоже очень уважали Пароенія и боялись трогать лѣса, принадлежавшіе скиту, зная строгость игумена. Судакъ, когда-то бывшій Ливерпулемъ Чернаго моря, предпринимавший войны и выдерживавший осады, — давно уже сталъ мирною и глухою деревнею, въ которой живутъ одни только мелкие садовые владѣльцы, большую частью мѣщане и крестьяне разныхъ племенъ и исповѣданій. Большеіе владѣльцы-помѣщики съѣзжаются въ Судакъ только на винодѣліе около Покрова и проводятъ тогда недѣли двѣ, оживляя тихій Судакъ незнакомымъ ему шумомъ и движениемъ. Въ остальное время садами ихъ завѣдываютъ управляющіе или садовники, въ прежнее время чаще всего таракташскіе татары, какъ ближайшіе союзни и опытнѣйшіе садоводы. Практическій глазъ Пароенія скоро разоблачилъ плутни этихъ татаръ, управлявшихъ судацкими садами русскихъ владѣльцевъ и доводившихъ ихъ почти всегда до грустнаго состоянія. Нѣкоторые изъ управляющихъ лишились своихъ мѣстъ, по добруму совету Пароенія. И вотъ этотъ-то, повидимому, пустой, обыденный случай послужилъ роковою завязкою всего дѣла. Два татарина изъ влиятельнѣйшихъ семействъ Таракташа поклялись отомстить игумену за то, что онъ разоблачилъ ихъ управитель-

скія продѣлки и лишилъ ихъ хлѣбныхъ мѣсть. Восточная кровь требовала мести кровью. Фанатизмъ магометанина помогъ видѣть въ христіанскомъ инокѣ смертельного врага. Заговорщики были строгіе мусульмане, почитаемые своими. Они втянули въ заговоръ еще двоихъ родственниковъ своихъ, изъ которыхъ одинъ былъ молодой студентъ духовнаго татарскаго училища, братъ главнаго заговорщика. Татары называютъ софами этихъ воспитанниковъ своихъ медрессе, готовящихся въ муллы. Заговорщики, вооруженные ружьями, подстерегли Пароенія на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоить памятникъ. Пароеній возврашался, по обычаю, одинъ, верхомъ, на Судака, часа въ 4 дня. Пуля сразу повалила его. Убійцы выскочили изъ засады и стали колоть его кинжаломъ. Между тѣмъ бѣдный таракташскій татаринъ Якубъ, искавшій по лѣсу своихъ воловъ, набрелъ на эту сцену. Онъ слышалъ выстрѣль, видѣлъ убійцъ, убійцы тоже увидѣли его. Подъ угрозою смерти и подъ страшными клятвами, они приказали Якубу набирать дрова и тащить въ глубокую лѣсную балку налево отъ дороги. Якубъ долженъ былъ съѣсть земли, по обычаю татаръ, въ знакъ вѣчнаго молчанія. Трепеща за свою жизнь, онъ сталъ участникомъ убійства. Убитаго игумена стащили въ балку и сожгли на костре вмѣстѣ съ конемъ. Нашли на немъ рублей 18 десятка и кое-какія мелочи. Якуба отпустили, обѣщаю, въ случаѣ измѣны, погубить не только его самого, но весь его домъ и весь родъ его. Я видѣлъ балку, въ которой сожгли Пароенія. Это глубокая и глухая дебри: немудрено, что никто ни въ монастырѣ, ни въ лѣсу не замѣтилъ разведенаго на днѣя жаркаго огня, пожравшаго цѣлаго коня съ всадникомъ; немудрено, что и сыщики не набрели на это мѣсто. Якубъ долго крѣпился. Всѣ розыски о пропавшемъ игуменѣ кончились ничѣмъ. Цѣлые волости были согнаны въ лѣса,

чтобы осмотреть каждую тропу, каждый оврагъ. Чиновники безплодно смыняли одинъ другаго. Подозрѣнія на убийцъ не было не малѣйшаго. Это были почтенные, домовитые татары, хорошо известные окрестнымъ русскимъ помѣщикамъ. За нихъ даже послѣ обвиненія, въ началѣ слѣдствія, ручались сами помѣщики. А совѣсть не давала между тѣмъ Якубу покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ бросилъ свои дѣла, не спалъ ночей, худѣлъ, мучился. Жена долго приставала къ нему съ разспросами, наконецъ ему стало невтерпежъ, и онъ выдалъ секретъ женѣ. Жена передала сосѣдкѣ,сосѣдка — мужу; мужа звали Ибрамъ. Онъ бросился къ старшинѣ, старшина послалъ его къ муллѣ. Мулла совѣтовалъ молчать. Ибрамъ обратился къ кордонному маюру, оберегавшему берегъ Судака отъ контрабандистовъ, и на другой день Якубъ и всѣ убийцы были схвачены и отвезены въ Феодосію. Якубъ повинился и показалъ все. По указанію его, найдены были кости, пепель, слѣды крови. У убийцъ нашли поличное. Наряженъ былъ, по просьбѣ русскихъ владѣльцевъ, военный судъ, который долго не могъ найти несомнѣнныхъ доказательствъ убийства. Убийцы запирались во всемъ. Доносчикъ Ибрамъ умеръ въ тюрьмѣ, какъ говорили, отъ отравы. Якубъ кое въ чемъ противорѣчилъ себѣ. До сихъ поръ многіе утверждаютъ, что вина татаръ сомнительна, что ихъ невозможно бы было обвинить обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ. Но какъ бы то ни было, подписанъ былъ смертный приговоръ тремъ предполагаемымъ убийцамъ. Они осуждены на повѣшеніе, а юноша — софта на каторжныя работы. Казнь совершилась въ Феодосіи, гдѣ производился и судъ. По распоряженію губернатора, депутатовъ отъ Таракташскаго общества пригнали смотрѣть казнь, на поученіе остальнымъ. Татарское населеніе, пораженное ужасомъ отвѣтило на этотъ поступокъ демонстрацію гораздо бо-

лѣє гу манрою и естественною. Ни одинъ свободный татаринъ не явился на площадь. Всѣ мусульманскіе жители ѡеодосіи затворили свои лавки, бросили дома и собрались въ мечети — молиться объ осужденныхъ. Осужденные не признались даже и подъ петлею. Одинъ изъ нихъ, надѣвая на шею петлю, громко закричалъ: «Мусульмане и христіане! будьте свидѣтелями, что я умираю невинно!»

Ужасъ отъ повѣшенья собратьевъ до сихъ поръ не прошелъ въ Таракташѣ. Русскіе владѣльцы, такъ недавно проклиниавшиѣ своеvolіе таракташскихъ татаръ, съ удовольствіемъ говорятъ теперь объ ихъ уступчивости во всѣхъ хозяйственныхъ, столкновеніяхъ, объ ихъ вѣжливости и честности. Не знаю, дѣйствительно ли нуженъ былъ этотъ ужасъ для обузданія татарского буйства, и дѣйствительно ли наши чиновники и помѣщики страдали отъ татаръ, а не татары отъ нихъ

Уже народная легенда овладѣла характерною личностью и характерною судьбою кизильташскаго игумена и начинаетъ переплетать ихъ обычною нитью фантазіи. Грекъ, бывшій моимъ возницей, съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ ужасомъ рассказалъ мнѣ, что онъ самъ, въ прошломъ году, проѣзжая съ товарищемъ подъ вечеръ мимо страшнаго оврага, гдѣ сожгли Пароенія, явственно слышалъ громкіе стоны и выстрѣль изъ ружья; лѣсничіе и дровосѣки постоянно слышатъ по вечерамъ эти сверхъестественные выстрѣлы и стоны въ оврагѣ. Мы однако не слышали, къ сожалѣнью, ни того, ни другаго, хотя мой мальчуганъ, единственный изъ слушателей,увѣрова вшихъ въ исторію выстрѣла, расширилъ зрачки и навострилъ уши.

Подъемъ къ Кизильташу очень круть и дологъ. Если встрѣчается мажара съ дровами, что случается весьма часто, то разѣхаться нѣтъ никакой возможности. Возница нашъ, заслышивъ чуткимъ слухомъ

еще издали знакомый скрипъ буковыхъ колесь, останавливаетъ тройку и бѣжитъ что есть мочи впередъ — разыскать удобное мѣстечко для свороту мажарѣ. Но изъ этихъ лѣсныхъ дорогъ, глубоко прорѣзанныхъ въ каменной почвѣ, рѣдко представляется возможность выбраться благополучно въ сторону. Чаще всего мажарѣ приходится ломиться прямо на лѣсъ и на скалу, пригиная молодую поросль и ложась совсѣмъ на бокъ. Только неисповѣдимая терпкость черныхъ буйволовъ и ихъ мощныя плечи могутъ сдержать въ такомъ положеніи и вытянуть на верхъ, черезъ острые камни, громадный возъ, нагруженный какъ домъ. То-то наслышавшися татарского крику! Вдругъ, послѣ самаго тяжкаго и долгаго подъема, панорама нежданно расширилась; Кизильташская киновія выглянула изъ моря лѣсовъ, въ которыхъ потонула она, со всѣхъ сторонъ обставленая исполинскимъ амфитеатромъ скалъ. Мы добрались до вершины горы, господствовавшей надъ окрестностью. Кругомъ, какъ волны моря, лѣсныя горы. Скалы Кизильташа, красныя сами по себѣ (Кизильташъ, по-татарски — красный камень, или красный утесъ), облиты были багрянцемъ заката, оттѣнившаго такъ рѣзко весь ихъ рельефъ — впадины, трещины, выступы, уступы. На вершинѣ двухъ высочайшихъ пиковъ виднѣлись два огромные креста, служащіе издали маякомъ для богомольцевъ, пробирающихся глухими лѣсными дорожками. Пещера, осѣненная крестомъ и окруженная благочестивыми фресками, писанными прямо по сырцу скалы, темнѣла высоко впереди нась, и отъ нея сбѣгалася капризными поворотами живописная и предлинная лѣстница, то прятавшаяся въ зелени деревьевъ, то лѣшившаяся около утесистаго обрыва. Ниже виднѣлись разбросанные среди лѣса верхи монастырскихъ зданій и куполь маленькой церкви. Все это рисовалось такъ цвѣтно, весело и неожиданно среди однообразія лѣс-

ныхъ горъ, что я самъ обрадовался не менѣе своего мальчишки. Путешествіе протянулось гораздо долѣе, чѣмъ мы думали. Запасъ, взятый на дорогу, былъ истребленъ въ началѣ пути, и теперь такъ хотѣлось пойти чего-нибудь горячаго и сытнаго. Тихо вѣхали мы въ совершенно тихій, словно вымершій монастырь. Никто не вышелъ на встрѣчу, никто случайно не встрѣтился. Гостиница для прїезжихъ стояла съ закрытыми ставнями, и только толпы куръ и пѣтуховъ шевелились подъ тѣнью огромныхъ дубовъ, окружавшихъ нижній дворъ монастыря. Хозяйственная физіономія его совершенно заслоняла иноческую. Только и видишь: стойла, хлѣвы, погреба для разныхъ припасовъ; тутъ конная мельница, птичники, молочня, тамъ виноградникъ, тщательно перекопанный, тамъ садъ, тамъ огородъ, на всякомъ шагу хозяйственная упряжь, хозяйственный инструментъ. Мы стали потихоньку взбираться по крутой тѣнистой тропинкѣ къ верхнему монастырю. Цвѣтничекъ съ дорожками, съ клумбами, съ виноградною крытою аллеюкою — украшаетъ подножіе террасы. Два домика для монаховъ, крошечная церковь, — все скромность и простота. Нѣсколько каменьщиковъ работали здѣсь надъ фундаментомъ новаго храма. Монахи въ бѣлыхъ балахонахъ, съ мозолистыми рабочими руками, въ широкихъ шляпахъ самодѣльной соломы, возили песокъ, воду, копали землю. Ни одного не было безъ дѣла. Я спросилъ игумена. Сказали, что онъ на сѣнокосахъ, что другіе братья — кто стережетъ скотину въ лѣсу, кто рубить дрова. Здѣшній монахъ долженъ быть дѣйствительнымъ работникомъ, добывающимъ хлѣбъ въ потѣ лица. Насъ проводили дальше наверхъ, по лѣстницѣ, поклониться мѣстной святынѣ — пещерѣ въ красномъ утесѣ; въ глубинѣ ея бьетъ ключъ, снабжающій монастырь прекрасною водою и почитаемый, конечно, за цѣлебныій, за чудотворный. Сводъ пещеры очень

низокъ, исподъ пропитанъ сыростью. Рядъ ликовъ, совершенно искаженныхъ кистью невѣжды-художника, выставленъ надъ ключемъ взамѣнъ иконъ; эта уродливая, мрачная живопись и непріютность темной пещерки производятъ впечатлѣніе какой-то идолопоклоннической божницы. Но зато совсѣмъ другое чувство овладѣваетъ вами, когда вы выходите изъ этой норы на божій свѣтъ и смотрите на этотъ свѣтлый, безпредѣльный храмъ, въ которомъ сіаетъ бездоннымъ куполомъ голубое небо, въ которомъ дышать несмѣтныя полчища зеленыхъ вѣковыхъ деревьевъ, въ которомъ поютъ лѣсные родники и лѣсныя птицы. Съ пещерной террасы открывается видъ на цѣлую область горъ и лѣсовъ. Монастырь у вашихъ ногъ. Вершины далекихъ, большихъ горъ, которыхъ вы давно не видали, смотрятъ теперь вамъ въ лицо изъ-за плечъ десятка другихъ. Закатъ то вспыхиваетъ на нихъ, то стаиваетъ, втекая все выше и выше. Въ церкви стали протяжно благовѣстить.

«Теперь отецъ игуменъ воротился», сказали мнѣ монахъ, непонимавшій, чего это я такъ долго глазѣю на лѣсъ. Мы нашли игумена въ нижнемъ дворѣ въ горячихъ распоряженіяхъ по хозяйству. Коровы, красные и пестрыя, отѣвшіяся на сочныхъ, горныхъ лугахъ майскою травою, шумно ломились черезъ лѣсъ къ молочнѣ, гдѣ ихъ собирались доить. Сѣдая мать игумена, высокая и прямая, съ строгимъ лицомъ и вся въ черномъ, завѣдала молочнею. Игуменъ потащилъ насть сейчасъ же къ себѣ наверхъ. Мы усѣлись на балконѣ наслаждаться послѣдними минутами заката, а служка угощаль насть горячимъ чаемъ со сливками и всѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ. Игуменъ былъ совершенно такой, какой нуженъ въ этомъ заоблачномъ скитѣ: человѣкъ не книжный, но зато бравый и дѣятельный хозяинъ, который отлично знаетъ, какъ прививать че-

ренки, какъ обѣздить лошадь, какъ подкараулить татарина на порубкѣ монастырскаго лѣса. Онъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ о своей скотинѣ, особенно о ея необыкновенной сметливости, о своихъ коммерческихъ проектахъ, обѣ урожаѣ, о воровствѣ татаръ. Онъ былъ въ мірѣ торговыми человѣкомъ и не покинулъ своихъ практическихъ вкусовъ, надѣвъ рясу. Онъ трудился много; онъ заставлялъ трудиться монаховъ; онъ, по слѣдамъ Парроенія, обращалъ лѣсныя дебри въ сады, поля и огороды, удалившись отъ міра на Кизильташскій утесь. Развѣ это не истинное пустынно-жительство? Развѣ это не христіанскій подвигъ? Правда, онъ говорилъ языкомъ не библейскимъ, а простымъ языкомъ умнаго мѣщанина, и врядъ ли зналъ тексты, чтобы посыпать ими назидательную бесѣду, какъ хлѣбъ солью; да, признаться, никакой назидательной бесѣды онъ съ нами и не велъ, если не считать за назиданье разсказъ о томъ, какъ коровы отбиваются отъ волковъ; онъ не стѣснялся даже при своихъ монахахъ, при духовной наставѣ своей, выражать восторженную любовь къ чаю, который онъ, по его словамъ, готовъ пить съ утра до ночи; но это, однако, не помѣшало ему, тотчасъ же послѣ чаю, надѣть ризу и отправиться въ церковь служить всенощную. Хотя я и не слушалъ всенощной, но увѣренъ, что этотъ естественный иночъ молился у себя на Кизильташской скалѣ нисколько не менѣе искренно и не менѣе благоговѣйно, чѣмъ дѣлаютъ это въ просвѣщенныхъ губернскихъ городахъ нарядно-одѣтые дипломатические мужи, извѣдавшіе тонкости академической философіи.

Была уже глубокая ночь, когда мы возвратились въ Таракташъ. Мою голову осадили воспоминанія о повѣщенныхъ татарахъ, о Парроеніѣ и о многомъ другомъ, что дѣгалось у насъ въ Крыму.

Русскіе ненавидятъ таракташцевъ. Они считаютъ

ихъ разбойниками, готовыми на всякое зло христіанину. Они постоянно жалуются на ихъ воровства, ссоры, грубость, неуступчивость. Владельцы даже составляли прошения, за общимъ подpisомъ, и просили начальство оградить ихъ отъ обидъ татаръ, обезопасить ихъ собственность и жизнь.

Такія жалобы, конечно, не лишены основанія. Трактаскій татаринъ, какъ и татары многихъ другихъ первобытныхъ татарскихъ сельбищъ, еще не вполнѣ растлѣнныхъ цивилизациею почтовыхъ дорогъ, дѣйствительно, не любитъ въ русскомъ своего грабителя.

Иновѣрецъ тутъ, кажется, на заднемъ планѣ. Какъ бы то ни было, татаринъ не можетъ не признавать въ себѣ такого же туземного звѣря, какъ олень и коза, не можетъ забыть, что онъ жилъ въ этихъ лѣсахъ и владѣлъ этими степями и долинами сотни лѣтъ, никѣмъ не стѣсняемый и неоспариваемый; не можетъ забыть, что вдругъ пришелъ къ нему казакъ, прогналъ его хана, забралъ его земли и сады, понастроилъ въ его городахъ и селахъ свои церкви.

Какія ни представлайте ему межевые книги и планы, купчія крѣпости и дарственныя записи,— онъ твердо знаетъ одно, что у васъ ничего не было, и вдругъ все почти очутилось, что у него въ рукахъ все было и не осталось почти ничего.

Этотъ сортъ доказательствъ особенно убѣдителенъ для нецивилизованныхъ головъ, незнакомыхъ со своимъ закономъ и практикою земскаго суда.

Вы ему докажете судомъ и закономъ, что владѣете по суду и закону, а онъ чувствуетъ своею шкурой и своею злобою, что вы его ограбили. Вы ли, вашъ ли отецъ, вашъ ли сосѣдъ—онъ не разбираетъ. Вы, т. е. казакъ, русскій (татары промежъ себя называютъ гсѣхъ русскихъ поголовно «казакъ»), вы для него всѣ безразличны, всѣ грабители. Такъ мы, русскіе, чув-

ствовали въ свое время нашествие *француза*, этого единичнаго врага, имѣвшаго сотни тысячъ безразличныхъ для насъ головъ. Такъ нами владѣлъ когда-то *поганый татаринъ*, татарва, а кто именно — Ахметъ, Узбекъ, Мамай, мы не разбирали. Помоему, надо еще удивиться добродушію и кротости крымскаго татарина; уже въ сколькихъ мѣстностяхъ Крыма онъ сжился съ своимъ общчикомъ — «казакомъ», какъ со старымъ пріятелемъ, и даже въ такихъ мѣстностяхъ, где духъ племени, мусульманство и историческая воспоминанія должны быть особенно сильны. А между тѣмъ раны татарь очень свѣжи. Онъ, во всякомъ случаѣ, свѣжѣе ирландскихъ. Кто знакомъ сколько-нибудь, по мѣстнымъ архивамъ и мѣстнымъ преданіямъ, съ способами разселенія въ Крыму русскихъ, греческихъ, иѣменскихъ и вслкіхъ другихъ владѣльцевъ, тотъ недоумѣваетъ, какъ могло такъ скоро улечься въ душѣ татарина чувство мести.

Пользуясь его безправностью, какъ побѣжденнаго, его незнаніемъ русскаго языка, какъ татарина, его невѣжествомъ въ законахъ и довѣрчивостью дикаря, пользуясь обычною неурядицею переходнаго состоянія страны, отсутствіемъ добросовѣстныхъ блюстителей правосудія, отдаленностью власти, отсутствіемъ общества, которое могло бы, по крайней мѣрѣ, нравственно осудить поступокъ, назвать дурное дурнымъ,— первыя шайки чиновничества, налетѣвшія на Крымъ, предприняли его вторичное завоеваніе, болѣе прочное и вѣрнѣе обдуманное, чѣмъ военные предприятия Іотемкиныхъ, Долгорукихъ и Суворовыхъ.

Татары изстари не знали никакихъ другихъ актовъ на владѣніе, кроме семейного преданія и много-много *сенета*, т. е. бумаги, написанной муллою со словъ окольныхъ жителей, которою удостовѣряется въ самыхъ неопределенныхъ чертахъ законность владѣнія.

Представьте себѣ положеніе несчастнаго татарина, по-
лоненнаго со всею землею, видящаго въ каждомъ рус-
скомъ казака, приведеннаго въ изумленіе и ужасъ но-
вой жизнью, вдругъ закипѣвшую поверхъ его соб-
ственной, давней жизни, и гораздо сильнѣе ея! Ему
приходится доказывать передъ русскою полиціею и рус-
скимъ судомъ конца XVIII и начала XIX вѣка свои
юридическія права на садъ, на пользованіе лѣсомъ или
водою. Ему, забранному татарину, приходится вести
процессъ въ русскомъ судѣ на русскомъ языкѣ, съ
русскими начальниками, объявившими его землю своею.

При Потемкинѣ, значительная часть татаръ (Сума-
рковъ въ «Досугахъ крымскаго суды» увѣряетъ, что
300,000) выселается; въ 1812 году значительная часть
татаръ выселается, хотя обѣ этомъ выселеніи врядъ
ли сохранились точныя статистическія свѣдѣнія; остав-
шіяся земли отказываются родственникамъ и мечетямъ;
но не легче ли имъ перейти къ судьямъ и администра-
торамъ? Въ Петербургѣ шлются представленія и хо-
датайства о награжденіи пустопорожними землями, ни-
кому не принадлежащими, такихъ-то и такихъ-то чи-
новниковъ, за такія-то и такія заслуги Петербургъ,
конечно, не знастъ Крыма: распоряженіе слѣдуетъ, и
подъ именемъ пустопорожней, никому не принадлежа-
щей земли, отходятъ въ руки почтенныхъ цивилиза-
торовъ Крыма сады и виноградники татаръ. Землемѣры
ошибаются, и по ошибкѣ, вместо 5,000 десятинъ, от-
межковываютъ 13,000.

Какой-нибудь татаринъ вдругъ, къ изумленію сво-
ему, узнаетъ, что онъ продалъ свое имущество та-
кому-то русскому барину и получилъ за него столько-
то денегъ, а за неграмотность его, при такихъ-то
свидѣтеляхъ, росписался такой-то.

Вопли татаръ доходили и до престола. Александръ
употреблялъ энергическія мѣры къ раскрытию, пре-

кращеню и наказаню преступныхъ дѣйствій крымскаго чиновничества.

Одна коммісія смыняла другую, и нѣсколько честныхъ государственныхъ дѣятелей, вопреки усилиямъ легіоновъ плутовъ, успѣли сколько-нибудь пріостановить дерзкій, повальныій грабежъ татаръ, кой-кому возвратить отнятое, кой-кого покаратъ по заслугамъ.

Исторія этихъ коммісій, сохраняющаяся въ многотомныхъ дѣлахъ таврическаго губернскаго правленія и губернаторской канцеляріи, въ высшей степени любопытна, какъ характерный бытовой эпизодъ изъ исторіи не только Крыма, но и Россіи вообще.

Удивительно ли послѣ этого, что до сихъ поръ не окончены въ сенатѣ полуувѣковые процессы татарскихъ деревень съ сосѣдними владѣльцами, что до сихъ поръ татары нѣкоторыхъ мѣстностей отказываются признавать права русскихъ владѣльцевъ на лѣса и воды, и рубятъ ихъ, и отводятъ ихъ, несмотря на всѣ запрещенія, разъясненія и наказанія.

Удивительно ли, что и таракташскій татаринъ, видя, какъ чужое племя отрѣзalo его совершенно отъ моря и со всѣхъ сторонъ стѣснило то частными, то казенными, то монастырскими запретными лѣсами, въ которые онъ еще на своей памяти єзжалъ какъ въ свою собственность за всѣмъ, что было ему нужно,— удивительно ли, говорю, что и онъ постоянно твердитъ о грабежѣ.

Въ старыхъ кляузахъ нашихъ старыхъ судовъ легальность неубѣдительна даже и не для татарина, которому наездъ какого-нибудь временнаго отдѣленія для ввода во владѣніе чужимъ имуществомъ своего брата-подьячаго могъ напомнить только о наѣздахъ его отцовъ и дѣдовъ на украинскіе хутора, но никакъ не объ олимпійскихъ вѣсахъ Фемиды.

Имя знаменитаго Палласа не разъ упоминается въ дѣлахъ упомянутыхъ мною комиссій, и хотя его участіе въ процессахъ съ татарами за земли почти невольное, и имя его не запятнано въ этомъ отношеніи никакою лично къ нему относящеюся виной, однако ясно, что безпристрастный умъ этого великаго натуралиста, во всѣхъ его сужденіяхъ о татарскомъ племени, былъ сбитъ съ прямаго пути вліяніемъ тогдашней борьбы его и другихъ владѣльцевъ съ татарами за землю.

Во второмъ томѣ своихъ путешествій въ южныя губерніи Российской имперіи, предпринятыхъ въ 1793 и 1794 годахъ, Палласъ высказываетъ тѣ же странныя мысли на счетъ спасенія крымскаго хозяйства, которыя такъ любы были нѣкоторымъ мѣстнымъ администраторамъ, и впослѣдствіи, приведенные въ исполненіе, послужили къ совершенному упадку благосостоянія Крыма. Разсказавъ, что во время второй турецкой войны, при Екатеринѣ II, всѣ татары, жившіе у береговъ Крыма, были временно удалены изъ своихъ жилищъ, на 10 верстъ отъ моря, внутрь страны, для воспрепятствованія сношеній съ турками, Палласъ изъявляетъ сожалѣніе, что ихъ совсѣмъ не переселили въ степь и не предоставили населенныхъ ими цвѣтующихъ долинъ, съ садами и домами, въ руки трудолюбивыхъ колонистовъ, которые стали бы воздѣлывать маслину, хлопчатникъ, шелковицу и виноградъ, «чего никогда не сдѣлаютъ эти лѣнтия».

Этотъ голосъ и до сихъ поръ нерѣдко слышится въ Крыму изъ устъ людей, которыхъ корысть слившимъ нетерпѣлива и нецеремонна; но зато все, что есть въ Крыму мыслящаго, видящаго интересы страны не въ одномъ только немедленномъ приглашеніи своего собственнаго кармана, всѣ коренные наслѣники Крыма, знакомые съ нимъ и сроднившіеся съ нимъ, — всѣ съ

горечью и негодованьем слушаютъ эти грубыя, политico-экономическая теоріи, напоминающія грубые вѣка драгонадъ, изгнанія гугенотовъ и морисковъ. Теперь и въ народномъ хозяйстввѣ, какъ въ медицинѣ, потеряли вѣру въ спасительность кровопусканій цѣлыми тазами, и не пробуютъ губить здоровье пациентовъ, самонадѣянно переливая въ вѣны человѣка телячью кровь.

Организмъ народного быта, какъ организмъ индивидуума, не есть манекенъ изъ палье-маше: онъ имѣть свои, глубоко-коренящіяся жизненныя силы, на которыхъ нельзя играть, какъ на клавишиахъ, вынимать и опять вставлять.

На сколько татары были вредны Крыму — провѣрить не трудно. Сличите описание Крыма прежнихъ вѣковъ съ нынѣшнимъ состояніемъ его. Мы всѣ знаемъ, какими семимильными шагами шагаетъ въ послѣднее время человѣчество во всемъ, что касается его материальнаго благосостоянія. Степь обращается въ два-три десятка лѣтъ въ цветущій городъ, трясины болотъ — въ парки и нивы; гдѣ полстолѣтія назадъ грабили разбойники, тамъ идутъ желѣзныя дороги; гдѣ горы песку засыпали караваны, тамъ теперь волны моря несутъ флотиллю пароходовъ. Стадіи исторического пути уменьшаются до баснословныхъ размѣровъ: что прежде достигалось вѣками, то въ послѣднее время достигается днями. Вспомните, напримѣръ, мастерской очеркъ народного хозяйства Англіи въ XVII столѣтіи, сдѣланный Маколеемъ, и сравните его съ Англіею всемирныхъ выставокъ, или вспомните еще ближе нашу Московскую Русь, торговавшую мѣхами, и сравните ее съ тѣмъ, что поднялось теперь кругомъ нась. По всей справедливости, при сравненіи такого рода, естественно ждать отъ Крыма несказаннаго благосостоянія, рядомъ съ которымъ его прежнее полукочевое татарское гла-

госостояніе должно казаться намъ смѣшнымъ до жалости.

Посмотримъ же, чѣмъ владѣлъ Крымъ прежде и чѣмъ онъ теперь владѣетъ.

Настоящее экономическое положеніе Крыма достаточно стало извѣстно даже и людямъ, въ немъ небывавшимъ. Степи, составляющія $\frac{9}{10}$ всего пространства полуострова — совершилія пустыни, трава въ нихъ мелкая, выродившаяся, и въ іюнѣ, вплоть до глубокой осени, выгорающая на-желто. Воды почти нѣть. Поселенія такъ рѣдки, что отъ одного до другаго ёдешь на почтовыхъ по нѣсколько добрыхъ часовъ. Какія есть — не поселенія, а развалины. Изъ десяти хатъ обитаемы двѣ; на одну уцѣлѣвшую — 10 лежатъ въ кучахъ мусора. Изъ 10 фонтановъ, 8 навѣрное разбиты или пересохли. Гдѣ на памяти старожиловъ были еще лѣсныя мѣста, — теперь голъ голью. Вы ёдете по балкѣ, по руслу ручья — кругомъ васъ груши, садовая мушмула, тополь, черешня — и ни слѣда поселенія. А это между тѣмъ остатки садовъ. По нѣкоторымъ рѣчкамъ идутъ на цѣлья версты сплошные, одичавшіе сады съ чаирами.

Татарскія названія уроцищъ, повидимому, безпричинно относимыя къ пустыннымъ мѣстностямъ, напоминаютъ вамъ имена населенныхъ и богатыхъ деревень, бывшихъ здѣсь прежде. Эти имена такъ часты, что вы поражаетесь сравнительною многолюдностью, которая должна была быть здѣсь когда-то. На придорожныхъ холмахъ, вдали отъ поселенія, вы часто натыкаетесь на густонасаженные божыи нивы, на обширныя татарскія кладбища, въ которыхъ узкие камни съ чалмами и фесками, исписанные стихами корана, торчатъ въ разныя стороны, какъ расшатавшейся частоколъ. Половина ихъ вросла въ землю, половина разсыпана и растаскана.

Судите, какія сельбища должны были быть около такихъ погребальницъ. Животной жизни также убыло. Верблюды стали рѣдки, буйволовъ почти нѣтъ, лошадиные косяки держатся только немногими мурзаками, и на степи вы рѣдко встрѣчаете небольшой табунокъ.

Что касается достоинства лошадей, то смѣшно сравнивать теперешнюю малорослую татарскую лошадку съ прежними татарскими конями, которыхъ воспитывали для наѣздовъ, для джигитской удали, кровь которыхъ систематически благородили арабскою и турецкою кровью. Отъ этого и ростъ ихъ, судя по отзывамъ путешественниковъ, былъ выше теперешняго.

Вообще, рѣдко что можетъ быть безотраднѣе, какъ впечатлѣніе степи въ разгаръ лѣта, когда она желтою и сухою могильною скатертю лежитъ обезлюденная, обезводенная, разоренная и заброшенная.

Не то, конечно, впечатлѣніе производятъ горы, зеленѣющія лѣсами, синѣющія вершинами скаль.

Но и въ горахъ,— разоренные могилы по дорогамъ, одичавшіе сады по ручьямъ, названія, утерявшія смыслъ, деревни, потерявшія жителей.

А все что есть, все почти было и тогда, при татарахъ.

Вотъ какое впечатлѣніе производило экономическое состояніе Крыма на путешественника въ 1787 году, три года спустя по занятію Крыма;

«Крымъ можетъ прокормить цѣлое войско произведеніями своей земли, которая еще плодороднѣе, чѣмъ украинская. (Очевидно, здѣсь говорится не о горной, а о степной части). Я видѣлъ татарина, засѣвающаго невспаханное и не унавоженное поле: какъ скоро дождь смягчилъ землю, то онъ запрягъ лошадь въ борону, сѣялъ на нее и, новѣссивъ черезъ плечо корзинку съ сѣменами, сѣялъ ихъ проѣзжаясь. Черезъ два мѣсяца сжалъ онъ хлѣбъ, прогналъ скотину свою по снопамъ,

вывѣялъ его на томъ же полѣ, отвезъ ночью въ ближайшій портъ и на другой день возвратился въ нѣдра своего семейства съ горстью піастровъ. Лѣса служать убѣжищемъ множества дичи, сады наполнены пріятными плодами, и виноградники весьма изобилыны. Термометръ Реомюра рѣдко опускается ниже 8°, и небольшие морозы рѣдко стоять болѣе трехъ дней».

Многочисленныя стада, говорить тотъ же путешественникъ, пасутся на вершинѣ горъ южнаго берега, который, по красотѣ, теплотѣ и здоровью, онъ уподобляетъ Гіерскому берегу южной Франціи. Судацкіе сады и виноградники онъ называетъ «богатыми», про долину Кабарды (Бельбака) онъ говоритъ какъ про «прекраснѣшую страну, которой виды представляютъ противоположность *богатѣшаю земледѣлія* развалинамъ древнихъ жилищъ», и проч. Феодосійская часть Крыма, т. е. мѣстность къ востоку отъ рѣки Карасу, по свидѣтельству того же автора, даетъ и всегда прежде давала самъ-30.

Недаромъ, еще въ дотатарское время, эта мѣстность служила житницей Греціи. Страбонъ разсказываетъ очень подробно, какъ босфорский царь Левконъ, завоевавшій въ IV вѣкѣ до Р. Х. Феодосію, поощрялъ земледѣліе и торговлю этой мѣстности, и какъ онъ доставилъ въ Аѳинны изъ Феодосіи, въ голодный годъ, за одинъ разъ 385,000 четвертей пшеницы, за что и былъ награжденъ почетнымъ тогда званіемъ аѳинскаго гражданина.

Митридатъ также получалъ отсюда огромное количество хлѣба. Мартинъ Броневскій, въ своемъ описаніи Крыма 1578 г., постоянно отзываетъся о немъ, какъ о плодоносномъ и цвѣтущемъ краѣ; земли Феодосійскаго уѣзда онъ много разъ называетъ «изобильными хлѣбомъ, замѣчательными по своему плодородію». Вокругъ города Феодосіи онъ видѣлъ «виноградники и сады,

которые тянутся на бесконечное пространство». Въ Судакѣ, по его словамъ, жители воздѣлываютъ прекрасные сады и виноградники, простирающіеся болѣе чѣмъ на 2 мили». «На всемъ Таврическомъ полуостровѣ рождается отличное вино». Въ Бахчисараѣ «есть сады яблонь и другихъ плодовъ, виноградники, прекрасныя поля, орошаемыя чистыми ручьями». «Та часть полуострова, въ которомъ живетъ ханъ съ своими татарами, отъ Перекопа къ озеру до Крыма (т.-е. до Эски-Крыма), стало быть Симферопольскій и Перекопскій уѣзды, почти вся крымская степь», обработана, ровная, плодородная и изобилуетъ травами; но къ сторонѣ моря, ханскаго дворца, его замковъ и селеній почва очень гориста и лѣсиста, но чрезвычайно плодородна и обработана.»

Около пустыннаго теперь Инкермана Броневскій видѣлъ «сады, яблони и др. плоды, и превосходные виноградники».

(О Трахейскомъ полуостровѣ или «Маломъ Херсонесѣ», представляющемъ теперь обожженную скалистую возвышенность, Броневскій говоритъ, что «по лѣвую сторону къ Черному морю, онъ очень ровенъ и плодороденъ, а по правую, хотя также имѣеть поля довольно плодоносныя, но покрыты холмами и пригорками, на которыхъ находятся бесконечные сады и виноградники». Проехавая по степи, Броневскій часто встрѣчалъ «колодцы, чрезвычайно глубокіе, выкопанные съ изумительнымъ трудомъ и искусствомъ прежними обитателями.» Въ степи онъ находилъ «очень мало городовъ, но много селеній».

Стада татаръ онъ называетъ безчисленными, породу лошадей превозноситъ.

Вотъ общій отзывъ его о земляхъ между Кафою и Крымомъ: «Почва этой части полуострова плодоносна, изобилуетъ рѣками, ручьями, рыбью, лугами, пастби-

щами, многими лѣсными звѣрьми, оленями, сернами, вепрями, медведями, также виноградными садами, нивами, полями, городами, селеніями, деревнями, дачами, многочисленными и отличными».

Самъ Палласъ, такъ нерасположенный къ экономическому быту татаръ, описывая долины рѣкъ, предгорья и берегъ моря, не можетъ не отзываться съ похвалою о виноградникахъ, садахъ и пажитяхъ этихъ самыхъ татаръ. «Прекрасные сады и виноградники, хорошо обработанные лѣсные луга» у него на каждомъ шагу.

Вездѣ онъ находитъ множество тѣхъ плодовыхъ и парковыхъ деревьевъ, которыми славятся теперь наши виллы южного берега. Для примѣра извлечемъ буквально все характерное изъ его описанія Алупки, тогда глухой татарской деревни, никому почти недоступной: «Эта деревня со всѣми своими домами, садами игодными для обработки землями расположена на громадныхъ обломкахъ скаль. Долина ея — одна изъ самыхъ жаркихъ изо всѣхъ долинъ южного берега, потому что, будучи открыта съ юга и защищена отъ холодныхъ вѣтровъ, она въ теченіе цѣлаго дня сосредоточиваетъ на себѣ жаръ солнца. Было бы очень трудно возвращать зерновые хлѣба на поляхъ, разсѣянныхъ по террасамъ и каменистымъ скатамъ горъ, еслибы многочисленные ручьи не давали средствъ къ поливѣ, которыми татары струмъли воспользоваться. Всѣ произведенія Востока, требующія жаркаго климата, могли бы быть навѣрное разведены въ этой долинѣ. Оттого-то на каждомъ шагу видишь, что смоковница, гранатное дерево, масличина — растутъ безъ обработки между скалами, не считая разводимыхъ въ садахъ. Нигдѣ я не встрѣчалъ столь часто лавра, дикихъ плодовыхъ деревьевъ всѣхъ сортовъ, виноградной лозы, теребинта, каркаса (*celtis*), хурмы (*dyospyros*). Нѣсколько кипа-

рисовъ, лавровишия, древесная акація, самшитъ (*buxus*), и другія растенія, привезенные изъ Константиноополя, растутъ здѣсь на-диво... Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Крыма я не видалъ столько старыхъ деревъ грекскаго орѣха, какъ здѣсь. Стволъ многихъ изъ нихъ имѣеть въ обхватѣ 3 и 4 туаза (около 8 и 10 аршинъ). Лозы дикаго винограда и масличныя деревья здѣсь чудовищной величины... Горные татары содержатъ очень немного маленькихъ лошадей, сильныхъ и очень проворныхъ; но они пасутъ многочисленныя стада козъ, большею частью черныхъ, съ рыжеватымъ брюхомъ, ногами и щеками; другія же всѣ рыжія или красновато-коричневыя. Овцы, такія же мелкія какъ козы, имѣютъ жирные курдюки и очень тонкую шерсть. Шерсть эта продается въ торговлѣ гораздо дороже шерсти степныхъ овецъ. Рогатый скотъ мелкій, лазаетъ по горамъ не хуже мулловъ, онъ очень проворенъ и привыкъ бѣгать рысью, какъ и кавказскій скотъ».

Правда, изъ словъ Палласа приходится заключить, что винодѣлія на южномъ берегу въ его время не существовало, хотя присутствіе дикой виноградной лозы, непринадлежащей къ числу туземныхъ растеній, указывало на существованіе южнобережскаго винодѣлія въ прежнія эпохи крымской исторіи. Причина уничтоженія винодѣлія на южномъ берегу очевидна, и она лежитъ вовсе не въ хозяйственной негодности татарскаго племени. Палласъ очень хорошо знаетъ, что жители горъ и теплого побережья Крыма — не монголы, а потомки тѣхъ именно трудолюбивѣшихъ южныхъ колонистовъ, итальянцевъ, грековъ и даже нѣмцевъ (готовъ), которыхъ онъ желалъ бы вызвать для спасенія Крыма. Въ путешествіи самого Палласа, не говоря уже о множествѣ другихъ свидѣтелей, говорится объ особыхъностяхъ физическаго типа южнобережскихъ жите-

лей, нисколько ненапоминающего монгола и очень близко напоминающего грека, итальянца, даже специально генуэзца, какъ, напримѣръ, жители Симеиза, Кикиненза, Лимена, Алушки и проч. Степной татаринъ недаромъ отказывалъ горнымъ жителямъ въ своемъ имени и называлъ ихъ, вмѣсто «татаринъ», презрительнымъ именемъ «тать» (муръ-татъ — по-турецки отступникъ, ренегатъ). Если эти упорныя, предпріимчивыя расы, — первые цивилизаторы европейскихъ пустынь — съумѣвшіе обратить каменные берега Крыма въ одинъ цвѣтущій и богатый садъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ исторіи, принуждены были наконецъ запустить свои взрошенныя вѣковымъ трудомъ виноградныя и масличныя плантаціи, то причина этого не могла лежать въ свойствѣ расы. Она лежала только въ роковыхъ историческихъ обстоятельствахъ, противъ которыхъ не могла устоять самая стойкая раса. Съ XIV столѣтія, въ исторіи Крыма разрушенія слѣдуютъ за разрушеніями. Вмѣсто обычныхъ набѣговъ кочевыхъ ордъ, которымъ было несподручно въ горахъ и на морѣ, которыя удовлетворялись легкою данью, которыя были безсильны противъ каменныхъ бойницъ, — на сцену крымской исторіи является истребительная борьба морскихъ итальянскихъ республикъ и потомъ Османская Порта съ своимъ непобѣдимымъ флотомъ, передъ которымъ были совершенно беззащитны сады южного берега. Когда турки овладѣли крымскимъ побережьемъ и сосредоточились въ немногихъ крѣпостяхъ его, — турецкій янычаръ сталъ хозяиномъ всего хозяйства трудолюбивыхъ береговыхъ поселенниковъ. Винодѣліе осталось только въ наиболѣе защищенныхъ и наиболѣе удобныхъ долинахъ, вблизи главныхъ центровъ Крыма: Бахчисарая, Эски-Крыма, Кафы и Судацкой крѣпости. Какъ только кончились опустошительные походы Ласси, Миниха, Долгорукова, Су-

ворова, и Крымъ, присоединенный къ Россіи, успокоился отъ хронической войны и повальныи выселеній на чужбину, — тотъ же южнобережскій житель сталъ опять виноградаремъ и табачнымъ плантаторомъ и до сихъ поръ считается на южномъ берегу искусѣйшимъ воздѣльвателемъ этихъ растеній. Переселите во внутренность перекопскихъ степей этого, такъ-называемаго, татарина, этого прирожденного садовода, еще болѣе не-привыкшаго къ безводію и безлѣсію, чѣмъ нашъ братъ, русскій, и вы погубите его точно такъ, какъ гибнетъ растеніе, пересаженное изъ горнаго зеленаго луга въ песчаную степь.

Палласъ, который не скучится обзывать татаръ вредными лѣнтями, не скучится вмѣстѣ съ тѣмъ передавать и такія подробности ихъ хозяйства, которыя дѣлаютъ наивными до странности его собственные отзывы. Такъ оказывается, что у татаръ разводились всѣ рѣшительно сорты хлѣбовъ и другія растенія, которыя мы разводимъ теперь въ Крыму, а именно: пшеница озимая (давала самъ-десять и рѣдко самъ-двадцать), пшеница яровая, арнаутка, рожь яровая, ячмень озимый и яровой (двурядный), овѣсъ, манѣсъ, просо двухъ сортовъ, бухарское просо (родъ сорго), горохъ, ленъ, табакъ; изъ овощей — арбузы, дыни, тыквы разныхъ сортовъ, кабачки, огурцы, баклажанъ, топинамбуры, капуста, лукъ, чеснокъ, порей, рѣпа, сельдерей, петрушка, морковь, свекла и проч. Описавъ разведеніе этихъ растеній, Палласъ выражаетъ сожалѣніе, что татары не разводятъ кунжутъ, шафранъ, марену, хлопчатникъ и даже сахарный тростникъ. Дѣйствительно, жалко, но мы должны прибавить, что и въ послѣдующія 80 лѣтъ ни русскіе, ни нѣмцы не сумѣли удовлетворить этимъ требованіямъ слишкомъ требовательнаго знаменитаго натуралиста. Виноградарствомъ занимались во всѣхъ долинахъ отъ Алушты до

Ѳеодосіи, то-есть въ Узеняхъ, Кутлакѣ, Капсихорѣ, Токлауکѣ, Козахѣ, Судакѣ, Таракташѣ, Отузахѣ и проч.; сверхъ того, по рѣкамъ Альмѣ, Качѣ, Бельбеку и, по видимому, еще въ другихъ мѣстахъ. Однѣ Судацкая и Козская долины давали въ годъ до 30,000 ведеръ отличного вина, которое Палласъ считаетъ наравнѣ съ венгерскимъ. Татарамъ были известны различные способы посадки лозы и облагороженія винограда искусствомъ прививкою. Палласъ вычисляетъ 35 различныхъ сортовъ винограда, разводимыхъ и отличаемыхъ татарами, и прибавляетъ, что многіе еще ему неизвестны. Между сортами этими находится душистый мускатъ и другіе, доселѣ наиболѣе распространенные, сорты. Про плодовые сады татаръ Палласъ говоритъ, что они ему напоминаютъ сады нѣмецкихъ крестьянъ.

«Горные татары», пишетъ онъ: «обрабатываютъ свои сады, поливаютъ ихъ, чистятъ, унаваживаютъ; они очень искусны въ искусствѣ прививки, и ничто не можетъ превзойти способъ, употребляемый около Бахчисарая, гдѣ прививаютъ прямо къ корню, на одну четверть глубже поверхности земли, что не только даетъ совершенно здоровый стволъ, но впослѣдствіи даетъ еще корни самому прививку и обеспечиваетъ этимъ долголѣтіе деревъ». Породы крымскихъ грушъ, по словамъ Палласа, были чрезвычайно многочисленны и вкусны; онъ только для примѣра называетъ 14 болѣе замѣчательныхъ сортовъ. Породы яблонь были также разнообразны, и синапъ, составляющій теперь главный предметъ яблочной торговли Крыма, у татаръ игралъ ту же роль. Затѣмъ, въ татарскихъ садахъ разводились три прекрасныхъ сорта айвы, разные сорты сливы, вишень, черешень; персики, абрикосы, миндаль и фиги Палласъ не хвалитъ и находитъ ихъ плоды почти полудикими; но ими и теперь не тщеславится

Кримъ. То же говоритьъ онъ о гранатѣ и маслинѣ, но и ихъ судьба не измѣнилась до сего времени. Орѣхи грецкіе, стоявшіе до рубля тысяча, фундуки, простые орѣхи лещилы, три сорта тутового дерева съ очень вкусными ягодами, кизиль садовая, мушмула, рябина съ большою грушевидною ягодою, хурма, каркасъ, также съ съѣдобными плодами, въ одномъ мѣстѣ даже сладкій каштанъ — вотъ изъ чего состояли татарскіе сады. Кажется, они не побоялись бы соперничества съ настоящими садами Крыма. Количество скота, бывшаго прежде въ Криму, повидимому, значительно превосходило настоящее количество его. Палласъ говоритъ, что когда въ 1769 году закупили у крымскихъ татарь 1,000 верблюдовъ для арміи, воевавшей въ Персіи, то уменьшеніе числа этихъ животныхъ решительно не было замѣтно, а между тѣмъ, цѣна породочнаго верблюда доходила тогда до 150 рублей. Въ степяхъ воспитывалось множество лошадей; мурзаки имѣли значительные косяки, «хорошо содержимые»; средняя цѣна лошади была 30—60 р. «Всякая степная деревня владѣла многочисленными стадами рогатаго и мелкаго скота». Овецъ было три породы, и онѣ давали значительный доходъ не только шерстью, но и смушками. Однѣхъ сѣрыхъ смушекъ продавалось въ Польшѣ свыше 30,000 и до 60,000 черныхъ. Шкурка стоила отъ 3 рублей и выше. Козы разводились въ огромномъ множествѣ въ горахъ и давали большой доходъ своими цѣнными шкурками, употреблявшимися на сафьянъ. Продавали также много заячьихъ шкурокъ (до 20,000). Всякая домашняя и дикая птица водилась во множествѣ, чего теперь далеко нельзя сказать о Кримѣ. Даже павлинъ и лебедь плодились чрезвычайно легко.

Соль составляла издавна важную отрасль народнаго богатства Крыма; разрабатываемы были не только тѣ

озера, въ которыхъ сосредоточена теперь наша соляная промышленность, но и другія, теперь почти оставленныя: и по знакомымъ намъ путямъ, точно также какъ теперь, суда и обозы чумаковъ увозили въ окрестные страны массы соли. Въ 1788 году крымскія озера доставили около $1\frac{1}{2}$ миллиона пудовъ соли, а въ 1790 году до 2 миллионовъ 300 тысячъ.

Изъ этихъ немногихъ данныхъ, во всякомъ случаѣ ясно, что состояніе Крыма во времена татарского владычества отстояло вовсе не такъ далеко отъ современаго⁸ его состоянія, и мы, русскіе, во всякомъ случаѣ возьмемъ грѣхъ на душу, если, вмѣстѣ съ Палласомъ и другими голосами, менѣе его образованными и болѣе корыстными, вздумаемъ относиться съ презрѣніемъ ко всему, сдѣланному до насъ. Наша собственная доля въ развитіи благосостоянія Крыма окажется слишкомъ ничтожною, если результатъ сравнить съ періодомъ времени нашего владѣнія, который, по масштабу новѣйшей исторіи, равняется многимъ прежнимъ столѣтіямъ. Вопросъ о народной пользѣ долженъ быть решаемъ съ самою безцеремонною логичностью и искренностью. Мы привыкли слишкомъ дешево вѣровать въ справедливость многихъ недоказанныхъ положеній, изъ какого-то предубѣжденія въ ихъ мнѣмой неизбѣжности. Мы, русскіе, europейцы, полонили татарина. Христіанская цивилизація покорила мусульманскаго варвара. Одного этого факта достаточно, чтобы мы увѣровали въ спасительность нашей власти для татарина, въ ниспосланіи на его главу изъ всероссійскаго рога изобилія всевозможныхъ даровъ счастья. Однако взглянемъ дѣлу прямо въ глаза и, положа руку на сердце, скажемъ откровенно, дѣйствительно ли дали мы крымскому татарину лучшую жизнь?

Перечислимъ некоторые факты. Чтобы пріобщить Крымъ къ пользованію тѣми благами христіанской ци-

вилизації, которыми мы сами пользовались, нужно было прежде всего покорить его. Это покорение совершилось въ иѣсколько весьма рѣшительныхъ пріемовъ. Въ 1736 г. графъ Минихъ, прогнавшій 100,000-ную армію татаръ и самого хана Капланъ-Гирея изъ Пере-копской крѣпости, такъ аккуратно занялся чисткою Крыма, что Бахчисарай и другіе главные города, по уходѣ Миниха, обратились въ кучу развалинъ, а степи совершенно опустѣли. Въ 1737 году, другой русскій фельдмаршалъ, графъ Ласси, прошелся тоже по всему Крыму, но зашелъ съ другихъ воротъ, черезъ Геничи по Арабатской стрѣлкѣ. Когда ханъ Менгли-Гирей думалъ его запереть и уничтожить на этой узкой косѣ, занявъ Арабатскую крѣпость, то находчивый фельдмаршалъ сдѣлалъ себѣ плоты изъ бочекъ и повозокъ своихъ и преспокойно переправился черезъ Сивашъ въ степи по Карасу. Перебивъ войска Менгли-Гирея и взявъ приступомъ его окопы, графъ Ласси, съ тою же нѣмецкою отчетливостью, занялся опустошенiemъ степей и разоренiemъ городовъ. Онъ сжегъ 1,000 деревень, уцѣлѣвшихъ отъ рукъ Миниха, по той только причинѣ, что они были въ сторонѣ отъ его пути. Удачная работа разлакомила знаменитаго фельдмаршала, и на слѣдующій годъ (1738) онъ опять отправился походомъ въ Крымъ, уже не черезъ Геничи, а прямо черезъ Сивашъ, обмелѣвшій отъ западныхъ вѣтровъ. Но походъ оказался невозможнымъ, по той простой причинѣ, что въ Крыму ничего не осталось послѣ походовъ 1736 и 1737 годовъ и войско не находило себѣ никакихъ средствъ къ прокормленію, вопреки геніальному афоризму великаго военнаго генія: война питаетъ войну. Конечно, и намъ, русскимъ, эта трехлѣтняя война обопласла не даромъ: она стоила намъ, сверхъ многихъ миллионовъ денегъ, 100,000 тысячъ храбрыхъ солдатъ, не считая разоренія пограничныхъ областей

татарскими набѣгами. Въ 1771 г. князь Василій Долгорукій, обелискъ котораго украшаетъ нынѣ площадь гор. Симферополя, вновь взялъ приступомъ и разорилъ города: Перекопъ, Арабатъ, Кафу, Керчь, Еникале, Балаклаву, Козловъ (Евпаторія), Балбекъ и Тамань. Послѣ этого татарамъ, казалось, можно было успокоиться: имъ дали въ ханы Сагинъ Гирея, который все дѣлалъ, чтобы примириться съ европейскою и христіанскою цивилизацією: отдалъ Россіи нѣкорыя крѣпости, ъездилъ въ каретѣ, ъль сидя, наряжалъ свою гвардію въ европейское платье и даже конфузился собственной своей магометанской брады, кої концы пряталъ обыкновенно подъ широкій галстукъ. Конечно, при такомъ любезничаніѣ съ европейскою цивилизацією полезно было переселиться изъ Бахчисарай въ приморскую Кафу подъ защиту русского войска. Однако татары не раздѣлили вкусовъ своего хана относительно брады и уступки крѣпостей гляурамъ. Они выбрали другаго хана, а Сагину пришлось бѣжать. Извѣстно, что русское войско убѣждало потомковъ Чингиса въ достоинствахъ цивилизованнаго хана. 7,000 татаръ изрублены близъ Бахчисарай. Бахчисарай, Кафа опять взяты, опять сожжены. Большая часть жителей Кафы избита за измѣну. Другое татарское войско, вмѣстѣ съ новымъ Селимомъ-ханомъ, побито у Балаклавы.

Начинается убѣжденіе другимъ способомъ. Суворовъ получаетъ повелѣніе переселить изъ Крыма всѣхъ христіанъ, т. е. грековъ, армянъ, въ числѣ которыхъ были лучшіе ремесленники и торговцы Крыма. Болѣе 3,000 человѣкъ, наиболѣе способныхъ и дѣятельныхъ, перегоняются въ 1778 году на берега Азовскаго моря, на земли между Бердянскомъ и Дономъ. Множество ихъ погибаетъ на путяхъ отъ жестокой зимы. Цѣлые округи пустѣютъ. 8-го апрѣля 1783 года — манифѣстъ о присоединеніи Крыма къ Россіи. Сагинъ-Гирей ъдетъ

пенсіонеромъ въ Калугу, чтобы оттуда пройхать на Родось за полученiemъ султанскаго снурка на шею.

Пріобщеніе татаръ цивилизації наконецъ началось. Въ 1785 — 88 годахъ тысячи татаръ, особенно сосѣднихъ съ портами, продаютъ за ничто свои земли и хо-зяйство и бѣгутъ въ Натолію, въ Румелію. Туда же бѣжитъ множество мурзъ и всѣ родичи Гиреевъ. Крым-скій судья Сумароковъ, бывшій въ Крыму въ 1802 году, считаетъ число переселившихся до 300,000 и увѣряетъ, что переселеніе было сдѣлано по волѣ Потемкина. Какъ бы то ни было, народонаселеніе Крыма, равнявшееся прежде болѣе чѣмъ 500,000, по первой переписи, произведенной въ 1793 году, равнялось 205,617 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, счи-тая тутъ русское войско, казаковъ, чиновниковъ и всѣхъ русскихъ и другихъ пришельцевъ, поселившихся въ теченіе 10 лѣтъ со дня присоединенія Крыма; соб-ственно же татаръ насчитано было нѣсколько болѣе 60,000. Перепись была провѣрена черезъ 3 года, по-томъ въ 1800-мъ, и тогда татаръ всѣхъ возрастовъ оказалось 120,000. Между тѣмъ, еще при Минихѣ одну только крѣпость Крыма защищало 100,000 татаръ. Броневскій говоритъ, что войско татаръ простидалось въ его время (въ XVI ст.) до 130,000 и болѣе. Зна-чительное выселеніе татаръ было потомъ въ 1812 году, но о немъ сохранились только изустныя преда-нія. Наконецъ, послѣ крымской войны, въ 1860 — 1863 годахъ переселились въ Турцію изъ Крыма, по официальнymъ свѣдѣніямъ, 192,360 душъ обоего пола, т. е. ровно ² ₃ всего населенія. Жители Крыма убѣждены, что еще значительный процентъ выселившихся не попадъ въ официальные списки. Въ счетъ не вхо-дятъ также тѣ татары, которые исчезли изъ Крыма во время севастопольской кампаниіи и исчезали поне-множку въ прежнее время, то подъ предлогомъ бого-

молья въ Мекку, то безъ всякихъ предлоговъ. По официальнымъ же даннымъ, въ 1863 году совершенно опустѣли 784 татарскія деревни и аула въ Таврической губерніи; въ одномъ Перекопскомъ уѣздѣ опустѣло 278 ауловъ. Если прибавить эти 784 опустѣвшія деревни къ 1,000 деревнямъ, сожженнымъ графомъ Минихомъ, да къ неизвѣстно сколькимъ другимъ, сожженнымъ княземъ Италійскимъ и княземъ Долгоруковымъ, да къ неизвѣстно сколькимъ деревнямъ, опустѣвшимъ въ 1788 и 1812 годахъ, по выходѣ многихъ тысячи татаръ, то вопросъ о благодѣяніяхъ европейской цивилизациіи мусульманскому варварству по меньшей мѣрѣ долженъ остаться вопросомъ. Но, пожертвовавъ $\frac{3}{4}$ -ми племени для цивилизованія остальной $\frac{1}{4}$, мы этою дорогою цѣною уже, конечно, достигли полнаго и дѣйствительно дорогаго результата,— подумаетъ читатель. Объ этомъ справки нетрудны. Какія серьезныя блага можетъ внести въ жизнь народа христіанская цивилизаци?— высокую христіанскую мораль, которая перерождаетъ неправду человѣческихъ отношеній, широкое европейское образованіе и безчисленныя удобства правильно организованной экономической дѣятельности, — словомъ, европейско-христіанская цивилизациія должна развить нравственное сознаніе, силу мысли и материальное благосостояніе общества. Дѣлаются ли крымскіе татары христіанами? Я думаю, что не было ни одного крещенаго крымскаго татарина отъ 1783 до 1869 года. Если же и были, то какіе-нибудь случайные отброски татарского общества, которые исчезли, не обративъ на себя даже бѣглого вниманія. Но, можетъ быть, татаринъ, оставался еще пока въ своей вѣрѣ, уже смягчился вліяніемъ ученія Христа, примирительно глядѣть на него и такимъ образомъ подготовился вступить въ послѣдующую фазу своего сближенія съ христіанствомъ? На это можно отвѣтить, что

въ горной части Крыма строились даже православные церкви на счетъ татарскихъ сбровъ, между прочимъ, церковь въ Алуштѣ, только сами татары въ подобныхъ прославленіяхъ на ихъ счетъ чужой религіи не были виноваты ни сномъ, ни духомъ; ихъ отчужденность отъ христіанскаго ученія абсолютная, незыблемая. Никто ихъ, кажется, и не пытался познакомить съ ними; и я мало вѣрю, чтобы нашлось въ Крыму 10 священниковъ, знающихъ по-татарски. Правда, у насъ есть въ губернскомъ городѣ официальное лицо съ титуломъ миссіонера и, безъ сомнѣнія, съ штатнымъ окладомъ, но гдѣ сфера его дѣятельности и гдѣ результатъ ея — обѣ этомъ неизвѣстно ни миссіонеру, ни православнымъ, ни татарамъ. Извѣстно только, что татары, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они сознаютъ необходимость учиться по-русски, не посылаютъ дѣтей своихъ въ русскія школы, потому что въ школахъ этихъ учатъ и православные священники. Замѣчательно, что въ селеніяхъ Дуванкоѣ, Карапеѣ, Даирѣ, Сарабузахъ — нѣсколько татарскихъ мальчиковъ охотно посѣщають русскую школу, но въ этихъ именно школахъ нѣтъ священниковъ, потому что нѣтъ церквей. Когда пробѣжалъ въ 1863 году слухъ обѣ отдѣленій Таврической губерніи въ особую таврическую епархію, татары стали уходить въ Турцію, и такимъ образомъ, «пріѣзжъ большого попа», какъ выражаются татары, быль одною изъ важныхъ причинъ послѣдняго ихъ выселенія.

Интересно теперь знать, насколько проникло въ среду крымскихъ татаръ, по крайней мѣрѣ, свѣтское европейское образованіе, хотя бы простая грамотность? Отвѣтъ и тутъ весьма незатруднителенъ: совсѣмъ не проникла, ни на одну іоту. Правда, нѣкоторые татарские беи и мурзы побывали въ петербургскихъ кадетскихъ корпусахъ и даже послужили въ блаженной па-

мяти крымскомъ татарскомъ эскадронѣ. Эти мурзы очень величаются званіемъ ротмистровъ и поручиковъ и шинелью съ краснымъ воротникомъ и серебряною пуговицею; одинъ изъ беевъ даже учили и зналъ на память въ кадетскомъ корпусѣ православный катихизис Филарета (по его собственному мнѣю признанію) и можетъ подписать свою фамилію не только русскими, но даже и нѣмецкими буквами. Но дальше этихъ подвиговъ они не стремятся. Ихъ красная шинель и умѣніе кое-какъ объясняться по-русски съ начальствомъ ставятъ ихъ такъ высоко надъ остальною массою татаръ, что они становятся естественными вожаками и запѣвалами своего племени. Чего имъ больше? Было въ Крыму устроено и особое татарское училищное отдѣленіе, существовавшее въ Симферополѣ отъ 1827 года до 1865, исключительно для татарскихъ дѣтей, на которое тратилось по 3,000 рублей въ годъ. Это отдѣленіе выпускало среднимъ числомъ менѣе, чѣмъ по 1 воспитаннику въ годъ, считая въ числѣ выпускемыхъ и тѣхъ, которыхъ выгоняли за неспособность. Эти 25 полуграмотныхъ юношей, стоившихъ около 108,000 руб. сер., одолѣли номинально кто курсъ I-го, кто курсъ IV-го класса гимназіи, потомъ канули въ море мусульманства и исчезли въ немъ безъ слѣда. Были еще устраиваемы палатою государственныхъ имуществъ въ 1841 году школы для волостныхъ писарей изъ татаръ, въ Таракташахъ, Сарабузѣ, Сакахъ и Ушюнѣ; построены были хорошия дома, выписаны книги. Татарскихъ мальчиковъ заставляли учить «Сборникъ постановленій для государственныхъ крестьянъ», русскую грамматику, непрерывныя дроби и пропорціи. Содержаніе училищъ и поступленіе въ нихъ сдѣлано обязательнымъ для татарскихъ обществъ, и десятилѣтняя служба учениковъ волостными писарями также обязательна. Кажется, всѣ мѣры къ просвѣщенію варварства были

приняты. Въ 1837 году, въ Бахчисараѣ и Кабарасу-
зарѣ открыты особые татарскіе классы, въ родѣ при-
ходскихъ училищъ. Въ три уѣздныя русскія училища
назначены учителя татарскаго языка (въ 1824 году въ
Ѳеодосію и Перекопѣ, въ 1859 году въ Симферополь).
И что же, однако? Въ татарскихъ классахъ Бахчиса-
рая черезъ два года уже почти нѣтъ ни одного уче-
нича татарина, «а большую часть татарскаго класса
составляютъ греки и армяне, татары же обучаются
преимущественно въ частныхъ школахъ», какъ доно-
сится въ началѣ 1840 года директоръ училищъ. Въ
волостныя училища татарскаго общества нанимаютъ
охотниковъ изъ сиротъ и бѣдняковъ, разныхъ оборы-
шней населенія, какъ нанимали наши русскіе крестьяне
охотниковъ въ рекруты. Эти неавторитетные цивили-
заторы, разумѣется, внесли въ татарское населеніе
такъ же мало образовательного движенія, какъ мало
получили его въ своихъ волостныхъ школахъ, и ис-
чезли незамѣтно, какъ сами школы. Чѣмъ дѣлали учи-
теля татарскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ — этого
даже и слѣдовъ не осталось. Кажется, что они суще-
ствовали только въ распоряженіяхъ начальства.

Вотъ вами очеркъ всей исторіи европейскаго обра-
зованія крымскихъ татаръ. Въ гимназію иногда пробу-
ютъ поступить 2 — 3 татарина. Помаются въ двухъ и
трехъ классахъ годочка по два, по три, и сплываютъ
обратно, безсильные одолѣть массу латинства, славян-
ства, нѣметчины, французяни и всѣхъ гуманнѣхъ
и реальныхъ наукъ, которыми вплоть до краевъ на-
литы наши гимназіи. Затѣмъ, остается все то же не-
початое, никакими вѣтрами неволнуемое, море мусуль-
манскаго невѣждества. Однако, вы думаете, крымскій
татаринъ дѣйствительно невѣжда и хочетъ быть не-
вѣждо? Посмотримъ, такъ ли это? По татарскому за-
кону, *обученіе дѣтей обязательно*. Дѣти отъ 6 до 15

лѣтъ. мальчики и девочки должны посѣщать школу. Каждая деревушка, гдѣ есть только мечеть, имѣеть свой мектебъ. На 100,000 татарскаго населенія въ Крыму находилось въ 1867 году 154 татарскихъ училища; изъ нихъ 131 мектебъ, т. е. начальныя училища, и 23 медрессе, т. е. духовныя академіи для приготовленія муллъ и учителей. Учащихся въ нихъ было 5,081 человѣкъ, считая 901 женскаго и 4,180 мужескаго пола. Эта цифра выражаетъ собою состояніе татарскаго образованія въ періодъ величайшаго упадка ихъ національности, такъ какъ послѣ выхода татаръ многія училища были закрыты, другія опустѣли. У татаръ въ 1867 году приходилась одна школа на 21,4 жителя, и 1 учащійся на 27,9. За тотъ же годъ, въ русскомъ населеніи губерніи 1 школа приходилась на 2,747 жителей и 1 учащійся на 66,1. Татарское племя, составляющее 17,85% всего населенія Таврической губерніи, доставило въ 1867 году 23% всего учащагося юношества; русское племя, составляющее 62 $\frac{1}{2}$ % населения, доставило только 28 $\frac{1}{2}$ % учащагося юношества. Эти цифры весьма поучительны. Между тѣмъ, ни одна изъ вышеисчисленныхъ татарскихъ школъ не получаетъ пособія ни изъ казны, ни отъ земства, ни отъ городскихъ обществъ. Всѣ существуютъ на счетъ родителей или на счетъ благодѣтельныхъ завѣщаній по-коиниковъ. Эти имущества, завѣщаемыя мечетямъ и школамъ и называемыя вакуфами, въ Крыму простираются до 100,000 десятинъ земли, не считая нѣсколько десятковъ тысячи капиталовъ и разныхъ доходныхъ статей другаго рода.

Всѣ приведенные факты говорятъ одно: что татары и до нась цѣнили народное образованіе, что они развили его у себя въ Крыму гораздо болѣе, чѣмъ мы развили свое собственное образованіе у себя въ Россіи, что они жертвуютъ на него нешуточныя сред-

ства, что они опередили насть въ сознанії общей обязательности образованія. Еще Броневскій (писатель XVI ст.) разсказываетъ, что татары его времени «сыновей съ молодыхъ лѣтъ отдаютъ обучаться арабскимъ письменамъ». Мы, русскіе, овладѣвъ Крымомъ, не научили татарина ничему своему, европейскому; мы только стѣснили количественные размѣры его собственного прежняго образованія, сокративъ, вмѣстѣ съ сокращенiemъ населенія, число татарскихъ школъ. Но не сдѣлали ничего существеннаго для привлечения татаръ въ собственные школы и для облегченія имъ пути въ нихъ. Въ 1867 году, депутаты татарскихъ мурзъ усиленно ходатайствовали о дозвolenіи ихъ дѣтямъ не слушать въ гимназіяхъ латинскаго языка, такъ какъ они не имѣли въ виду поступать въ университеты и такъ какъ, по словамъ ихъ, русскій языкъ для нихъ такъ же былъ труденъ, какъ русскимъ дѣтямъ латинскій. Но они получили совершенный отказъ. Мы, русскіе, въ теченіе 80-ти лѣтъ не распространили среди татаръ ни малѣшаго общаго образованія, ни малѣшихъ техническихъ знаній. Мы даже не попробовали повліять на улучшеніе нелѣпыхъ методовъ обученія въ ихъ многочисленныхъ мехтѣбахъ и медрессе. На счетъ такъ называемаго татарскаго сбора производились въ Крыму всѣ работы, для которыхъ не находили другихъ источниковъ: устраивалось шоссе для прогулокъ туристовъ по южнобережскимъ дачамъ, воздвигались православные храмы, содержались православныя приходскія училища и т. п., но татарскія горныя дороги остались тѣ же, какія были при ханѣ Менгли-Гиреѣ, тѣ же школы, тотъ же внутренній бытъ, тѣ же орудія и способы обработки, та же мажара съ колесами изъ буровыхъ обрублковъ, та же темная хата безъ стеколь съ хворостяною трубою. Мы и не могли дать ничего, потому что мы, во-первыхъ, сами были во многомъ бѣд-

нѣе татарина, а во-вторыхъ, съ татарами имѣли дѣло не мы, народъ, а мы — чиновники. Чиновничество — это обманчивая маска ловкаго европеизма на простодушномъ деревенскомъ лицѣ русскаго человѣка. Это строгая классификація всѣхъ и вся, это кипучая дѣятельность переписки, это всевѣдѣніе безчисленныхъ таблицъ и отчетовъ. Эти всеобъемлющія программы, эти гениальные, все предусматривающіе проекты и мѣропріятія, звуки и тѣни, взятые и отъ нѣмцевъ, и отъ англичанъ, и отъ французовъ — все это ослѣпляетъ издали и помогаетъ звуки и тѣни принимать за жизнь, маску — за дѣйствительное лицо. Чиновничество, отрава русской народной жизни, отравою стало и для народной жизни татаръ. Какъ вездѣ, оно много отнимало и мало давало: какъ вездѣ, оно гордило декораціи и пускало фальшфейеры, за которыми не слыхать и не видать было горькой правды. Какъ вездѣ, оно весь вопросъ государственного и народного существованія искусно сводило на расчисление своего собственнаго пути къ покою, довольству и почести, играя для этого и въ религію, и въ образованность, и въ народное благоустройство. Было бы составлено, представлено, предписано, донесено и къ 1-му января отчетнаго года производствомъ окончено. Живыхъ русскихъ силъ до сихъ поръ не было въ столкновеніи съ татариномъ. Живыя силы вызываются понемножку только теперь: подождемъ, что онѣ сдѣлаютъ во всякомъ случаѣ больше, гораздо больше, чѣмъ эта поплырованная, складно вертящая свои валики и колесики бюрократическая машинка — въ этомъ я убѣжденъ, и это уже почти видно. Машинка самаго лучшаго устройства, съ самымъ лучшимъ ярлычкомъ на переднемъ фасадѣ, будь этотъ ярлычекъ даже «европейско-христіанская цивилизациѣ», бессильна передъ явленіемъ духа. Она уже потому не можетъ повлиять ни на чью

совѣсть и разумъ, что слѣпа для нихъ, не имѣетъ органовъ даже ощутить ихъ существенное, не только понять его.

Судацкіе, алуштинскіе и нѣкоторые другіе владѣтели не знаютъ, какъ спасти себя отъ преступныхъ посягательствъ, отъ безнравственности сосѣдей-татаръ. Одинъ мировой посредникъ предлагалъ даже завести въ Таракташахъ школу для обученія татаръ русской грамматикѣ и ариѳметикѣ, куда бы изъ половины уѣзда сгонялись татарскія дѣти, «хотя бы по 2 со 100 ревизскихъ душъ», для развитія въ нихъ нравственности и предотвращенія преступленій на будущее время. Разумѣется, для этого потребенъ новый сборъ съ татаръ, «хотя бы по 50 к. сер. съ ревизской души, что нисколько бы не отяготило ихъ». Другой ревнитель нравственности предлагалъ закрыть всѣ татарскія училища, такъ какъ онъ «пришелъ къ убѣждѣнію, что, до закрытія мехтэбовъ и медрессе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ». Академикъ Палласъ находилъ, что важнымъ средствомъ противъ злоупотребленій татаръ должно послужить требование отъ нихъ, вместо обыкновенной клятвы на алкоранѣ, какой-то особенно торжественной, въ которой присягающій, между прочимъ, говоритъ, что «въ случаѣ лживой клятвы, его можно будетъ разлучить съ его законными женами на 3 или 9 даллаковъ». Не знаю, почему вдругъ татаринъ оказался у нашего брата русскаго такимъ клятвопреступникомъ, убийцею и воромъ, противъ котораго нужны необычайныя мѣры строгости. Посмотримъ, то ли говорятъ о татарахъ люди, которые знали ихъ близко еще тогда, когда не коснулось ихъ влияніе европейской цивилизаціи. Посоль Стефана Баторія при дворѣ крымскаго хана Мухамедъ-Гирея, польскій дворянинъ, Мартинъ Броневскій изъ Бездзфедеа, жилъ въ Крыму болѣе 9-ти мѣсяцевъ, въ свое

двукаратное посольство, въ 1578 году, и оставилъ намъ весьма интересное описание Крыма. Послушайте, какъ отзыается онъ о нравственномъ состояніи тогдашняго татарского общества: «У нихъ нѣтъ ни ябедничества, ни доносовъ, ни обвиненій и оправданій, излагаемыхъ въ порядкѣ судоопроизводства. Простые татары и чужестранцы, въ присутствіи судей и самого хана, который выслушиваетъ каждого и скоро даетъ рѣшеніе, очень свободно излагаютъ свои жалобы, ибо всѣ имѣютъ къ нему свободный доступъ. Когда ханъ является всенародно, тогда самые бѣдные и ничтожные люди обращаются на себя его вниманіе. Онъ ихъ выслушиваетъ, разспрашиваетъ и отвѣчаетъ благосклонно. Законы исполняются съ большою строгостью. Суды почитаются у татаръ людьми вдохновленными, непоколебимой справедливости и честности. Начальники и чиновники исполняютъ приказанія вѣрно, скоро и съ большимъ страхомъ. Татары вовсе чужды всякихъ ссоръ, преступлений, судейскихъ крючковъ, зависти, ненависти, честолюбія и излишней роскоши въ одѣяніи и въ домашнемъ быту. Я жилъ тамъ болѣе 9-ти мѣсяцевъ, но не слыхалъ ни объ одномъ уголовномъ преступленіи; никто не поступилъ вопреки законамъ, никто не дѣлалъ ни доносовъ, ни сплетень, чтобы повредить врагу». «Путешественниковъ и бѣдныхъ странниковъ татары принимаютъ съ большимъ человѣколюбиемъ и гостепріимствомъ», говоритъ Броневскій въ другомъ мѣстѣ своего описанія Тавріи.

Литовскій митрополитъ Богушъ-Сестренцевичъ, котораго, какъ и католика Броневскаго, трудно заподозрить въ пристрастіи къ мусульманской нравственности, въ такихъ выраженіяхъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей истории Тавріи о нравственномъ состояніи современныхъ ему крымскихъ татаръ XVIII столѣтія: «Судьбы были производимы у татаръ гораздо съ большею спра-

ведливостю, чѣмъ у турокъ». «Наказаніе было одинаково для всѣхъ состояній государства». «Народъ не былъ въ рабствѣ, но токмо обязанъ отправлять воинскую службу». «Въ своихъ собраніяхъ и пирахъ, они (татарскіе дворянѣ) наблюдали въ точности заведенную учтивость въ разсужденіи чиновъ; никто не спорилъ о первенствѣ, но дворянинъ знатнѣйшей породы уступалъ часто място дворянину низшей степени, если онъ былъ гораздо старѣе его лѣтами». «Они жили весьма благопристойно въ своихъ помѣстьяхъ, передавая отъ отца сыну чувства чести, каковыя находятся въ Европѣ у народовъ, наиболѣе образованныхъ. Они показывали наиболѣе возвышенность духа и щедрость въ приемѣ иностранцевъ. Но почитали поединокъ за безчестіе. По ихъ правиламъ, истинное мужество должноствовало быть оказываемо только на войнѣ». «Первое чувство, которое было въ обыкновеніи вперять молодымъ князьямъ (при воспитаніи ихъ), была щедрость. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть ихъ почитала за стыдъ прілѣпляться къ какой-либо вещи; они отдавали все, даже и свою одежду; поелику же султанъ имѣлъ только одно платье, то просили за день предъ тѣмъ, въ который онъ надѣлъ оное, и первый проситель былъувѣренъ въ полученіи. Самъ ханъ былъ почитаемъ по мѣрѣ своей щедрости, яко истиннаго свойства величія». «Прібылки къ превратностямъ частной жизни прежде достиженія престола. они (т. е. ханы) видѣли слишкомъ близи бѣдность и несчастіе низшаго состоянія, чтобы могли помышлять объ угнетеніи онаго, и знали лучше людей, свой народъ и придворныхъ, нежели знаютъ государи, видѣвшіе только свой дворъ».

«Несмотря на пріятность климата и умѣренность въ пицѣ, дѣятельная ихъ жизнь (т. е. крымскихъ татаръ) содѣлываетъ ихъ весьма крѣпкими. Нѣтъ людей, кои могли бы сносить, какъ они, жаръ, стужу, голодъ,

жажду и всю военные тягости. Соединенные неразрывнымъ союзомъ при появлениі непріятеля, все они становились въ боевой порядокъ за своимъ ханомъ: одни для защищенія своихъ преимуществъ, другіе — для сохраненія своихъ мечетей, а все — для поддержанія престола и свободы. Соединенная съ силою, глубокая политика Екатерины II могла одна *ниспровергнуть все оное*.

«Татары, хотя весьма приверженные къ магометанской вѣрѣ, оказывали себя не столько изувѣрными, какъ турки, потому что они имѣли болѣе познанія по сему предмету. Училища ихъ были многочисленны и наполнены учащимися».

«Хотя терпимость вѣръ и мало позволяетъ Кораномъ, однако, общая польза клонила умы къ содержанию общественного спокойствія и къ подкѣплению государя, а оттого и происходила взаимная снисходительность въ разсужденіи различныхъ догматовъ: греки, армяне имѣли свои епархіи, церкви, монастыри; іезуиты имѣли домовую церковь и пользовались долгое время великою свободою. Евреи, караимы были также терпимы».

Мнѣ кажется, въ строкахъ, приведенныхыхъ выше и взятыхъ на-удачу изъ нѣкоторыхъ писателей, бывшихъ у насъ подъ рукою, заключается несомнѣнное опроверженіе всѣхъ корыстныхъ клеветъ на безнравственность татарского племени. По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, искренно желалъ бы своему родному племени многаго и многаго изъ того душевнаго добра, которое замѣтили старые писатели въ крымскомъ татаринѣ, и которое все безпристрастные наблюдатели замѣтятъ и теперь въ коренныхъ основахъ татарского характера. Конечно, завоеваніе его уничило, развратило, озлило. Конечно, во многихъ мѣстахъ и обстоятельствахъ, онъ является ожесточеннымъ ненавистникомъ русскаго эле-

мента. Но о крымскомъ татаринѣ вообще, какъ о цѣломъ племени, нельзя не сказать, что онъ найденъ нами почти добродѣтельнымъ, сравнительно съ русскимъ пришельцемъ, и что простая первобытная добродѣтель пастырей и горцевъ еще продолжаетъ отличать его отъ насть, плутоватыхъ и полуобразованныхъ горожанъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія. Съ татариномъ до сихъ поръ можно заключать на-слово всевозможныя сдѣлки; татаринъ пищется на южномъ берегу для услуги, какъ кладъ. Татары большей части крымскихъ мѣстностей не знаютъ воровства, замковъ, обмана. Въ ихъ сады и дворы смѣло входить всякий, и недавно еще миновало время, когда прохожій могъ рвать и есть виноградъ и фрукты татарина сколько душѣ его угодно. Отрадно видѣть то чувство человѣческаго достоинства, которое не покидаетъ татарина ни въ какихъ обстоятельствахъ его жизни. Исполняя у васъ самыя низкія и трудныя работы, онъ спокойно протягиваетъ вамъ руку, садится рядомъ съ вами на диванъ и бесѣдуетъ съ вами, какъ съ равнымъ. Онъ не откажется исполнить безропотно какое бы то ни было ваше приказаніе, если вы имѣете на то право, но вы не отыщете въ немъ слѣда подобострастія. Чабанъ входитъ въ гостиную своего хозяина въ своихъ буйоловыхъ сандаліяхъ, съ достоинствомъ закуриваетъ, опустившись на коверъ, свою трубку и протягиваетъ руку къ стоящему угоженію, не сомнѣваясь никако, что имѣеть на него равное со всѣми право. Угостить пришельца грушами въ саду и кофе въ хатѣ — для татарина неизбѣжная обязанность и первое удовольствіе. Въ хатѣ его всегда необыкновенный порядокъ, чистота и приличіе, — сейчасъ видно, что человѣкъ уважаетъ себя. Самыя бѣдныя женщины и самыя маленькия дѣти одѣты довольно изысканно: нѣтъ этой повальной сермяги, поскони, войлока и лыка, этихъ от-

цовскихъ эпуновъ на грудныхъ дѣтяхъ, мужицкихъ тулузовъ на бабахъ. У каждого ребенка своя, нарочно для него сшитая курточка со шнурками, съ узорами, синяя или полосатая, непремѣнно цветная; у каждого свои сафьянныя или кожаныя мешты, своя красивая шапочка, пригнанная въ мѣру. Гдѣ этихъ, повидимому, мелочныхъ признакахъ сказывается заботливый глазъ отца и матери, признающихъ своимъ нравственнымъ инстинктомъ и за ребенкомъ такое же человѣческое право и такое же человѣческое достоинство, какъ и за самими собою. Татарскіе мужчины, даже молодые, а особенно старики, необыкновенно любятъ дѣтей; видѣть ихъ суровыя фигуры, терпѣливо нянѣщающія ребенка и наивно играющія съ нимъ, всегда мнѣ доставляло большое нравственное успокоеніе. Уваженіе къ своему слову, сосредоточенность, близкая къ молчаливости, спокойная увѣренность рѣчи, движений и всѣхъ почти поступковъ, простота и вѣковѣчная твердость правиль, крайняя умѣренность образа жизни и крайняя сносливость, въ соединеніи съ почтеною внѣшностью, дѣлаетъ изъ каждого пожилаго татарина какого-то практическаго философа, Натана мудраго, отыскавшаго истинный ключъ жизни.

Конечно, татаринъ не знаетъ многихъ потребностей цивилизованной жизни и быть его отличается скучностью всякаго рода. Ремесла его немногочисленны и не далеко развиты. Трудъ его не имѣетъ того лихорадочнаго, энергически-напряженного характера, съ которымъ онъ неразлученъ въ цивилизованной Европѣ. Но зато и корысть его не имѣетъ того цивилизованнаго ожесточенія, которое всю жизнь европейскаго человѣчка обращаетъ въ погоню за пріобрѣтеніемъ, въ безжалостную и безконечную войну съ своимъ же братомъ-человѣкомъ за кусокъ золота. Гдѣ нѣтъ торговли, тамъ мало нужны и ремесла. Татаринъ, въ своемъ счастливомъ

углѣ, имѣль всѣ существенныя условія земнаго благополучія: теплое небо, чистыя воды, тѣнистые лѣса, сочныя пастбища, сады, кишашіе виномъ и плодами, стада для мяса и молока, скотъ для работы, каменные горы и дерево для жилищъ. При такихъ широкихъ условіяхъ, торговля долго не бываетъ необходима. У татарина же она еще замѣнялась такъ долго воиною съ гяуромъ, этимъ религіознымъ и племеннымъ догматомъ каждого мусульманина.

Меня постоянно удивляетъ, что люди цивилизациі до такой степени ослѣплены нѣкоторыми ея несомнѣнными преимуществами, что нераздумывая принимаютъ за преимущества даже несомнѣнное зло, порождаемое цивилизациєю; осыпаные сами ея язвами, мучась ими, не зная, какъ отъ нихъ отдѣлаться, они имѣютъ наивность, при встрѣчѣ со счастіемъ еще неиспорченной жизни, упрекать его и стыдить, и тянуть на свой болѣзненный одръ, какъ на единственно-спасительный путь. Вотъ, напримѣръ, что ставить въ вину крымскимъ татарамъ профессоръ Палласть:

«Часто видишь, какъ сидятъ они подъ тѣнью какого-нибудь дерева или на холмѣ, съ трубкой въ рукахъ, иногда совсѣмъ пустою, и *безсмысленнымъ* взглядомъ созерцаютъ прекрасный пейзажъ, открывающійся ихъ глазамъ; они даютъ себѣ длинные роздыки между работой и иногда совсѣмъ прекращаютъ ее, *коїда представляется возможность*. Бездѣйствіе — вотъ высшее блаженство этого народа».

Признаюсь, я не безъ зависти думаю о возможности такихъ преступлений противъ цивилизациі для себя самого. Особенно, когда Палласть, немножко далѣе, прибавляетъ: «Эти татары, живущіе воздержно, не знающіе никакого беспокойства, одѣтые даже лѣтомъ въ теплое платье и не дозволяющіе себѣ слишкомъ утомительныхъ упражненій, мало подвержены болѣзнямъ, особенно

желчнымъ и перемежающимъ лихорадкамъ, которая для прѣзжихъ въ Крыму часто бываютъ смертельны. *Многие изъ нихъ достигаютъ до глубокой старости и сохраняютъ большую веселость».*

Впрочемъ, будированье знаменитаго натуралиста на лѣнъ, невѣжество и безнравственность крымскихъ татаръ, не соглашавшихся уступать русскимъ чиновникамъ, безъ спора и жалобъ, наследственные свои земли, слѣдуетъ счастье скорѣе за временное раздраженіе крымскаго землевладѣльца, чѣмъ за дѣйствительныя убѣждѣнія великаго европейскаго ученаго. Онъ самъ, въ концѣ концовъ, а именно въ концѣ втораго своего путешествія, растрогался прелестью крымской жизни и посвятилъ ей нѣсколько безпристрастныхъ строкъ, не лишенныхъ поэзіи, но зато вполнѣ противорѣчащихъ всѣмъ его прежнимъ обвиненіямъ:

«Соединеніе ужасающаго великолѣпія горъ, поднятыхъ въ облака, и громадныхъ, обрушившихся скаль съ роскошнейшею зеленою садовъ и лѣсовъ, съ ручьями и водопадами, отовсюду сбѣгающими, наконецъ, сосѣдство моря, разстилающаго свои безбрежныя дали, — все это дѣлаетъ эти долины самыми живописными и самыми очаровательными, какія только можетъ вообразить или нарисовать самый восторженный, поэтическій геній. Простая жизнь добрыхъ татарскихъ горцевъ, которые населяютъ эти райскія долины, ихъ хижины, покрытыя землею, наполовину высѣченныя въ каменистыхъ скатахъ горъ и почти спрятанныя въ густой листвѣ окружающихъ садовъ; стада козъ и маленькихъ овецъ, разсыпавшіяся по обрывамъ уединенныхъ скаль, стоящихъ вблизи; звукъ пастушьей свирѣли, раздающійся среди этихъ скаль, — все здѣсь рисуетъ въ воображеніи золотой вѣкъ природы. Все заставляетъ любить простую, уединенную сельскую жизнь и снова начинать обожать это жилище смертныхъ, которое сдѣ-

лялось почти невыносимымъ для сосредоточенного въ себѣ мудреца черезъ ужасы войны, черезъ ненавистный духъ торгового плутовства, распространенный въ городахъ, и черезъ порождающую пороки роскошь большаго общества».

XVI.

Южный берегъ.

—♦—

Балаклава. — Вайдарскія ворота. — Щиначею южнаго берега для наезда русскихъ. — Мердзень, скамы южнаго берега, грофа, сілость крымскихъ дачъ, Срібница, Ливадія, Ялта, волопадъ Чанъ-Су, сілость винодѣлія Гурзуфъ, скрѣстности Аю-Дега, парки и замокъ Алупки.

попалъ въ настоящую воробынью ночь; даже ямщику татарину дѣлается жутко, жутко даже лошадямъ. Куда ѿдешь, гдѣ ѿдешь — не знаешь; все окутано, какъ чернымъ сукномъ, непроглядной темью грозовой ночи. Огни Севастополя исчезли за горою, и только красный глазъ малка одиноко вращается въ черномъ хаосѣ, то исчезая, когда онъ глядитъ на море, то ярко разгораясь, когда оборачивается на нашу дорогу. Въ этой страшной обстановкѣ, при завываніи бури, при потокахъ молній, безпрерывно обливающихъ небо и землю, — онъ представляется глазомъ чудовища, отыскивающимъ въ тьмѣ свою добычу.

До Балаклавы дотащились глубокою ночью. Несколько разъ наѣзжали на дома; станцію насилу различили, дверь ея насилу нащупали.

Вхожу — тьма. Кричу смотрителя. Никого не слыхать! Вдругъ, хорошо мнѣ известный женскій голосъ окликнулъ меня. Я попалъ на noctlegъ знакомой компаніи; это была цѣлая геологическая экспедиція съ участиемъ молодой дамы, моей пріятельницы.

Всѣ, повидимому, обрадовались случаю прекратить неудобный noctlegъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Зажглись огни, явился на столъ чай съ разными разностями, поднялся говоръ, смѣхъ подъ неперестававшій вой бури.

Балаклава — прескучный и прегрязныій городишко, теперь даже просто мѣстечко, биткомъ набитое горбоносыми, черноволосыми и геноглазыми греками. Это чисто племя коршуновъ, пріютившееся на пустынныхъ скалахъ уединеннаго, рыбообильнаго залива. Они ловятъ эту рыбу, ёдятъ эту рыбу, продаютъ эту рыбу и, кажется, больше ничего не знаютъ и знать не хотятъ.

Это потомки греческихъ корсаровъ, поселенныхъ тутъ послѣ Наваринскаго боя. На меня производятъ особенно непріятное впечатлѣніе эти физіономіи хищной птицы, носатые, узколобые, съ выраженіемъ алчности и тупоумія въ глазахъ.

Балаклавская бухта — узкимъ и глубокимъ языкомъ вдается въ гористый берегъ; трудно найти болѣе скрытую и болѣе безопаснную стоянку кораблямъ, болѣе удобное разбойничье гнѣздо. К. Риттеръ очень убѣдительно доказываетъ, что Балаклава — Гомеровъ городъ Лестригонскихъ людоѣдовъ. Большинство крымскихъ археологовъ, основываясь наозвучіи именъ, признаютъ Балаклаву древнимъ Палакіономъ, который, по словамъ Страбона, былъ построенъ противъ Митридата Евпатора скиѳскимъ вождемъ Палакомъ, сыномъ царя Скилура. Страбонъ во всякомъ случаѣ зналъ Балаклавскую бухту; онъ очень мѣтко называетъ ее уз-

коустою и говоритъ, что въ ней было сборное мѣсто тавроскихъ пиратовъ, грабившихъ черноморскихъ мореходцевъ. Итальянцы называли Балаклаву Чембало (*Portus symbolorum* Страбона), а русскie а турки Балыклея (какъ думаютъ, отъ турецкаго слова балыкъ, т. е. рыба).

Исторія Балаклавы дѣлается точно извѣстною только съ половины XIV столѣтія, когда она въ числѣ про-чихъ мѣстъ южнаго берега изъ-подъ власти грековъ перешла къ генуэзцамъ. Крѣпость Чембало была одна изъ важнейшихъ генуэзскихъ факторій Чернаго моря какъ по неприступности своей, такъ и потому, что защищала лучшую пристань Чернаго моря. До сихъ поръ вы видите на недоступной скалистой горѣ, живописно нависшей надъ бухтою, башни и стѣны древняго Чембalo. Онѣ сообщаютъ пустынному городку и пустынному заливу еще болѣе печальный видъ. Онѣ же составляютъ и единственный интересъ для туриста, посѣщающаго теперь Балаклаву.

Ламармора съ своими сардинцами увезъ изъ роднаго итальянцамъ Чембало послѣдніе археологическіе памятники, уцѣлѣвшіе до Севастопольской войны, и теперь вы ничего не найдете въ древней крѣпости. За то англичане оставили въ подарокъ Балаклавѣ отличную деревянную пристань, но балаклавскie арнауты, кажется, продаютъ теперь ее на дрова.

Въ Балаклавѣ не засидитесь долго. Спѣшите черезъ широкую, водообильную, древообильную Байдарскую долину, черезъ прекрасныя лѣсныя горы, на ночлегъ въ Байдарскую станцію. Тамъ вамъ нужно подняться до солнца, чтобы къ моменту его восхожденія непремѣнно поспѣть къ Байдарскимъ воротамъ. Этотъ обычай священенъ для крымскихъ туристовъ.

Вы ёдете все въ гору и въ гору, не видя, не предчувствуя моря; дорога все труднѣе; въсъ задвигаетъ все тѣснѣе въ скалы и въ лѣсъ, и пейзажъ почти исчезаетъ. Трудность подъема настраиваетъ въсъ на самый прозаический тонъ и выбиваетъ изъ головы радостныя мечты, съ которыми вы, можетъ быть, выѣхали со станціи. На самой крутизнѣ подъема, гдѣ каменные стѣны заслоняютъ вамъ половину неба, трещина, по которой ползетъ дорога, загорожена тяжелыми каменными воротами, такими же темными и несокрушимыми, какъ окружающія ихъ скалы. Еслибъ не правильно тесанные камни, ихъ бы призналъ за природный тунель. Вотъ вы подъ ихъ темной и тяжкой аркой; она такъ кстати вѣнчаетъ своимъ мрачнымъ видомъ мрачную обстановку всего подъема.

И вдругъ лошади останавливаются, и въсъ чутъ не отbrasываетъ назадъ отъ внезапности, отъ изумленія; весь строй прежнихъ мыслей уносится мгновенно, какъ пыль вихремъ, словно вы вдругъ попали изъ одного міра въ другой. Вы проѣхали сквозь Байдарскія ворота. Кончилось поднятіе, трудность и тѣснота; горы вдругъ широко разступились, глубоко разодрались ябдра земли, и ты, до сихъ поръ тяжко карабкавшися вверхъ, вдругъ повисъ, какъ на крыльяхъ птицы, надъ необъятной бездной. Эта бездна — цѣлое море, цѣлая страна. Южный берегъ Крыма съ своими лѣсами, скалами и деревеньками лежитъ распростертый глубоко подъ вашими ногами. Вамъ вдругъ открываются волны Азіи и далекіе горные мысы, до которыхъ нужно ёхать многіе дни. Декорація перемѣняется мгновенно и неожиданно, словно въ какой-нибудь волшебной оперѣ. Голова, непріготовившаяся къ нежданному контрасту, смущается и туманится надъ этой чарующею бездною; не вѣрится, что нужно, что можно спускаться — туда внизъ; оттуда цѣлые посе-

ленья кажутся белыми точками, а скалы камешками. Но, помимо крайней неожиданности и резкости перехода,— панорама, открывающаяся изъ Байдарскихъ воротъ, сама по себѣ одна изъ грандиознѣйшихъ, какія гдѣ-либо можно увидѣть. Я знаю знаменитыя живописныя мѣста Европы и думаю, что врядъ ли въ ней найдется болѣе счастливое сочетанье самыхъ противоположныхъ элементовъ пейзажа. Гигантская скала Фороса, переливающая всѣми цветами яшмы, голая, обглоданная вѣтрами и водами, выдвинулась въ море направо отъ васъ, кажется, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, вся отъ пяты до макушки видная вамъ, загораживая все, что за нею — море, небо и скалы. Восходящее солнце ударяетъ своими лучами прямо въ грудь ея. На голой вершинѣ, на голыхъ бокахъ сверкаетъ солнце, а пятна еще закутана въ белые туманы, курящіеся надъ моремъ. Какъ клубы дыма, туманы эти свиваются и спалзываются съ неподвижной морской поверхности, и яркая, утренняя синева волнъ прорывается озерами сквозь рѣдѣющую дымку тумана, разростаясь все шире, сливаясь все ближе. Надѣво отвесная стѣна Яйлы, увѣнчанная, какъ гривой, лѣсами сосенъ, упирается въ самыя облака и отрѣзаетъ отъ вашего взгляда весь горизонтъ лѣвой стороны. Слѣва эта не-проступная, подоблачная стѣна, на которой еще покоятся тѣни ночи, справа страшный утесъ Фороса, облитый огнями восхода, составляютъ чудную рамку этой чудной картины. Угрожающая, надвинутая близость этихъ твердынь, ихъ рѣзкія краски и громадность очертаній составляютъ поразительную противоположность съ мягкими, туманными тонами, въ которыхъ видишь отсюда на безконечное разстояніе море и зеленые скаты южнаго берега, будто вставленные въ каменную раму. Отъ Байдарскихъ воротъ начинается южный берегъ. Екатерина II-я окончила здѣсь

свое роскошное путешествіе. Говорять, Потемкинъ довезъ императрицу до того самаго мѣста, гдѣ теперь стоятъ ворота, и съ высоты его царица Сѣвера созерцала райскій уголокъ, добытый для нея кровью ея сѣверныхъ сыновъ. Въ то время путешествіе по скаламъ южнаго берега еще было невозможно. Шоссе отъ Байдарскихъ воротъ — мастерское произведеніе искусства. Когда князь Воронцовъ провезъ по немъ въ 1-й разъ императора Николая, императоръ выразился, что у него теперь «свой Симплонъ». Когда вы смотрите отъ воротъ внизъ въ эту страшную, бездонную воронку, куда сбѣгаеть бѣлая нитка шоссе, нитка эта кажется вамъ чистою спиралью. Кажется, пѣшему не сойти съ этой гигантской винтовой лѣстницы, а по ней стремглавъ съѣзжаютъ грузные дорожные дормезы шестериками и восьмериками. Дѣйствительно, только южно-бережскій ямщикъ можетъ взяться за это рискованное дѣло. Тормаза тутъ ничего не помогутъ, и остается только разсчитывать на ловкость поворотовъ, на гладкость шоссе да на жалѣзныя ноги крымскихъ лошадей. Я долго не могъ понять, какимъ чудомъ, при этихъ крутыхъ круговыхъ поворотахъ, на всемъ бѣгу не сносить въ бездну высокаго, неустойчиваго экипажа, который летитъ вниѣ съ быстротою салазокъ, пущенныхъ съ англійской горки. Какъ ни великолѣпно отсюда зрѣлище моря, но я больше смотрѣлъ назадъ, чѣмъ впередъ; я не могъ оторвать глазъ отъ скалы Фороса, господствующей надъ всѣмъ пейзажемъ. Утесы, камни цѣлымъ потокомъ сбѣгаютъ отъ него внизъ къ морю, и дорога вѣтается между этихъ живописныхъ утесовъ, обѣгая ихъ то справа, то слѣва. Деревеньки, виноградники, лѣсные участки въ далекой глубинѣ тоже лѣпятся между этимъ хаосомъ камней, который构成ляетъ характеръ мѣстности. Это поколѣніе Фороса, которое онъ расплодилъ до самаго моря, до тѣхъ кра-

сивенькихъ маленькихъ голышей, которыми шуршить береговой прибой. Вообще, можетъ быть, ни въ какой части Крымскихъ горъ нѣтъ такого хронического состоянія разрушенія, какъ въ скалистыхъ горахъ, между Байдарскими воротами и Алупкой. Тутъ мы застаемъ геологическія силы еще на мѣстѣ преступленія.

Дорога кажется чрезвычайно короткой, но не спѣшите; вы десять разъ будете около одного и того же утеса, почти на одной и той же высотѣ. Техникъ, устраивавшій дорогу, обманулъ и пропасть, и проѣзжихъ. Проѣзжему кажется, что онъ постоянно на гладкой дорогѣ и постоянно вертится на одномъ мѣстѣ по карнизу обрыва. Колѣна дороги, какъ комфорtabельныя лѣстницы аристократическихъ отелей, такъ незамѣтно покаты, что должны поворачиваться ежеминутно въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ; только быстрота Ѣзды, захватывающая духъ, говорить вамъ, что вы спускаетесь въ пропасть страшной глубины. Но и этихъ поворотовъ оказалось мало; необходимо было прорвать внутренность утеса, совершенно заграждавшаго дорогу, и теперь вы, еще въ виду Байдарскихъ воротъ, проѣзжаете черною дырою туннеля За нею берегъ поворачиваетъ, и начинаются другіе виды. Безспорно, это живописнѣйшія мѣста южнаго берега. Только здѣсь отъ Байдаръ до Алупки, отъ м. Ласпи до м. Айтодоръ, берегъ можно назвать строго-южнымъ. За Айтодоромъ, тамъ, где лежатъ царскіе дворцы и дачи Ялты, берегъ значительно поворачиваетъ и обращается въ юго-восточный. До Ласпи онъ скорѣе юго-западный, чѣмъ южный.

Если тебѣ хочется, читатель, въ нашъ обыденный и прозаический вѣкъ погрузиться на нѣсколько недѣль въ живой родникъ неподдѣльной красоты, неподдѣльной поэзіи, — тебѣ нечего искать Италии и Андалузіи, ты

найдешь все, чего жаждешь, у себя на родинѣ, на южномъ берегу Крыма. Екатерина II назвала Крымъ жемчужиной своей короны, но она видѣла только издали, съ высоты утеса, тотъ волшебный уголокъ, который можно назвать жемчужиной самаго Крыма. Италия, читатель, не поразить тебя такъ, какъ поразить нашъ крымскій южный берегъ. Въ Италію ты переходишь черезъ цѣлый рядъ постепенностей и подготовокъ. Красота и новизна не разомъ усиливаютъ свой тонъ, а густѣютъ незамѣтно съ твоимъ движеніемъ къ югу. Уже Саксонская Швейцарія, уже Рейнъ, уже Шварцвальдъ настраиваютъ твою душу на поэтический восторгъ, говорятъ тебѣ о томъ, чего ты не испыталъ, не вѣдалъ. Швейцарія еще дальше окодовываетъ твое воображенье, и ты перевалигаешь въ Италію, уже переполненный впечатлѣніями всевозможныхъ красотъ природы, всевозможными наслажденіями формъ, красокъ, тепла и свѣта. Чуждыя тебѣ народы, незнакомые обычаи, невѣдомыя мѣста пройдутъ передъ твоими очами въ нѣсколько очередей, прежде, чѣмъ ты взглянешь на сициліанку и неаполитанского бандита. Но южный берегъ Крыма востаетъ передъ твоими очами, предъ душою твою, во всей своей изумительной нечаянности, какъ что-то нежданное, негаданное, непохожее ни на что, тобою прежде видѣнное, неподготовляемое ничѣмъ, тобою только-что пройденное. Послѣ безпредѣльного однообразія малороссійскихъ и новороссійскихъ степей, послѣ унылыхъ и безводныхъ солончаковъ Перекопа, вымѣженныхъ солнцемъ, ты попадаешь вдругъ въ бушующее изобиліе воды, зелени и утесовъ. Русская равнина превращается въ швейцарскія пропасти, швейцарскія вершины горъ. Черная грязь дѣлается камнемъ. Сѣренъкое, низенькое небо съвера раздвигается въ глубокую синеву итальянскаго неба; яркія краски, рѣзкія, рельефныя тѣни

ложатся тамъ, гдѣ ты до сихъ поръ видѣлъ безцвѣтность и плоскость. Коноплянникъ, съ своимъ снотворнымъ запахомъ, съ своимъ сплошнымъ лѣсомъ прямыхъ стеблей — исчезаетъ; вмѣсто него является кудрявая виноградная лоза, вьющаяся, сквозящая золотомъ, осипанная гроздами; она тоже дышитъ ароматами и полна ароматами, но ея ароматы бодрятъ и вызываютъ веселье, а не навѣваютъ сна. Исчезаютъ вмѣстѣ съ коноплянникомъ и эти неизмѣримыя, неохватныя моря хлѣбовъ, которыя мы зовемъ черноземною Россіею, — все однихъ и тѣхъ же хлѣбовъ, идущихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ области въ область, одною непрерывною стѣною. Эта горячая южная земля, подъ напѣемъ этого южнаго солнца, родить изъ чрева своего, можетъ быть, менѣе полезные, но зато болѣе изящные и болѣе драгоценныя плоды. Она одаряетъ траву и дерево не сухимъ крахмаломъ зерна, а благовонными маслами, сахаристыми соками, яркими красками. Это царство плодовъ и цвѣтовъ. Тутъ зреютъ олива, винная ягода, персикъ; тутъ цвѣтутъ круглую зиму розы и фіалки. Ракиты — сырой, дуплистой, развалистой, которой древесина рѣжется какъ рѣдька, которая прѣбываетъ какъ рѣдька — этого неизмѣнного, всероссійскаго дерева нашего — нѣтъ. Вмѣсто нея стоитъ кипарисъ — стройный, сжатый, крѣпкій какъ желѣзо, не-гніючій какъ желѣзо. Животная жизнь измѣняется съ такою же волшебною поразительностью. Длинную ма-жару тащитъ черный буйволъ, къ лѣсному ручью собираетъ съ горъ стадо оленей, дельфины перекатываются въ волнахъ моря, подъ скалами берега. Все ново. Даже человѣкъ новъ: европейца и христіанина замѣнилъ здѣсь бритый азіатецъ въ чалмѣ, многооженецъ, съ Магометовымъ кораномъ въ рукахъ; онъ сидитъ не на скамьѣ, а на полу, поджавъ ноги; онъ не снимаетъ шапки, а снимаетъ сапоги; землемѣльца замѣнилъ садоводъ и

виноградарь. Даже видъ жилищъ не тотъ, къ которому привыкъ глазъ: вместо бревна и соломы — камень и черепица; вместо огромной дымной печи — окна безъ стеколъ, съ деревянной решеткой для теплоты; тамъ крестъ и благовѣсть колокола, здѣсь полуимѣющій и крикъ муэдзина. Наконецъ тамъ земля, одна только земля, и все одинаковая земля, — здѣсь море и горы, высота и глубина, движенье и неподвижность.

Вотъ что, читатель, въ одно и то же время смущаетъ и чаруетъ твою фантазію, когда ты переносишься на южный берегъ Крыма. Между твоимъ настоящимъ и твоимъ прошедшимъ разверзается бездна, и ты чувствуешь себя въ плѣну у какого-то новаго для тебя міра. Оттого ты смотришь на все, какъ во снѣ, обольстительномъ и невѣроятномъ снѣ. Ты долго будто не вѣришь волшебнымъ декораціямъ, развертывающимся кругомъ тебя: этому синему морю, слитому съ небомъ, этой подоблачной стѣнѣ скалъ, этимъ деревенькамъ-игрушкамъ, которыя словно уронилъ кто въ хаосъ утесовъ и зелени. Зато, когда ты покидаешь южный берегъ, когда волшебныя декораціи остаются вдали отъ тебя, душа твоя томится по нихъ, какъ по потерянному раю; мнимое сновидѣніе дѣлается действительнымъ сновидѣніемъ на-яву; оно дразнитъ тебя своими картинами, которыя яркость закутана теперь туманомъ, но которыя тѣмъ привлекательнѣе и назойливѣе, чѣмъ онѣ стали неопределеннѣе. Люди, пожившие въ Крыму и извѣдавшие наслажденія, которыя даетъ только одинъ Крымъ, никогда не забываютъ его; они, какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ, «сидяху и плакаху, егда помянутъ имъ Сіона»

Въ Россіи только одинъ Крымъ, и въ Крыму только одинъ южный берегъ. Когда мы сдѣлаемся просвѣщеніе и привыкнемъ цѣнить не однѣ выгоды барыша и не однѣ утѣхи чрева, южный берегъ обратится, безъ сомнѣнія, въ одну сплошную дачу русскихъ столицъ. На немъ не останется клочка, не обращенного въ паркъ, въ виноградникъ, въ жилье. Такая дача слишкомъ мала для страны въ 80 миллионовъ. Капиталъ овладѣетъ ею съ азартомъ, который будетъ равняться его теперешнему равнодушію къ русской жемчужинѣ. Женщина, погубившая здоровье свое и исказившая свой духъ въ уродливой обстановкѣ великосвѣтской жизни, захочеть вдохнуть въ себя возрождающую струю теплого и влажнаго воздуха, которымъ дышать долины южнаго берега. Она захочеть разогнать угаръ безсонныхъ ночей и фальшиваго одушевленія цѣлебнымъ сокомъ крымскаго винограда и живой водою крымскаго моря. Сюда, къ теплу, къ свѣту, къ морю, къ винограду, прильнетъ все, что только будетъ въ силахъ прильнуть. Сюда, къ простотѣ и правдѣ природы, бросится спасаться исковерканная ложь столичной жизни. Трудно предвидѣть, до какой баснословной величины возрастутъ цѣны земли на южномъ берегу въ ближайшемъ будущемъ, послѣ проведения желѣзной дороги въ Севастополь.

Уже лѣтомъ 1868 г. пустынныя, каменистые косогоры около Ялты и Алупки, напоминающіе грудыбитой черепицы, продавались — по 10 и 12 р. за квадратную сажень, т. е. по 24,000 и по 36,000 р. за квадратную десятину. Соответственно этому, поднимется наемная цѣна дачъ и вся стоимость дачной жизни. Мелкие владельцы южнаго берега не въ состояніи будутъ выдержать этого наплыва чуждой имъ стихіи; они или будутъ задавлены напоромъ капитала, или соблазнятся его предложениями и мало-по-малу очистятъ весь южный берегъ для предпріятій одного капитала. Тогда,

конечно, исчезнетъ патріархальная прелестъ южно-бере́жской жизни, какъ уже она стала исчезать въ Ялтѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ. Безпокойный духъ торговой эксплоатациіи закипитъ среди роскошныхъ, теплыхъ долинъ, которыхъ главное оча́рованіе составляетъ это безмолвіе полудикой пустыни и эта первобытная простота быта. Расчистится лѣсь, убѣжитъ звѣрь, смолкнетъ журчанье горныхъ ручьевъ, татарина въ его азіатскомъ нарядѣ будутъ показывать только въ циркахъ, вмѣсто буйоловъ и мажаръ будетъ двигаться локомотивъ, вмѣсто глиняныхъ татарскихъ саклей съ хворостяными трубами, вездѣ появятся комфорtabельные европейскіе домики, пустыня превратится въ городъ, безмолвный лѣсь — въ шумный базарь, но... но кто выиграетъ отъ этого, читатель? Станетъ-ли отъ этого прелестиѣе прелестный уголокъ Крыма? Станетъ-ли тебѣ отраднѣе отъ этого переодѣванія азіатца въ нѣмецкое платье?

Южный берегъ — это титаническая теплица. Сплошной каменный хребетъ въ 4,000 и 5,000 футовъ высоты, верстъ во 100 длины, отгородилъ отъ набѣга полярныхъ вьюгъ и изсушающаго степнаго зноя узкую ленту морскаго берега, который южное море нѣжить своимъ влажнымъ и теплымъ дыханьемъ. Въ одномъ мѣстѣ эта лента всего въ нѣсколько сотъ сажень, въ другомъ — цѣлья версты шириной. То ёдешь — не видишь на многія версты никакого выхода съ берега, сквозь эту каменную стѣну; подвинешься дальше — то и дѣло встрѣчаешь влажныя, зеленыя долины, прописнувшіяся черезъ исполнинскую ограду, эмѣйкою вьющіяся между ея тяжкими твердынями, звенящія горными ключами, открывающія дорогу и на вершину самой стѣны, и за нее, на просторъ степей. Устья

этихъ долинъ въ одно и то же время пьютъ влагу изъ нѣдръ горъ и тепло южнаго солнца, благорастворенное морскою свѣжестью. Оттого-то въ нихъ и кишитъ въ чудномъ изобилии всякая жизнь. Оттого-то между Крымомъ по ту сторону Яйлы и Крымомъ южнаго берега — такая же разница въ климатѣ и растительности, какъ между двумя странами, отодвинутыми другъ отъ друга на нѣсколько градусовъ. Хребетъ Яйлы проводить эту роковую черту, не мысленно, какъ мы проводимъ на нашихъ картахъ разныя изотермическія и другія линіи, а на самомъ дѣлѣ. Онъ разграничиваетъ два климатические пояса такъ наглядно и осозательно, что съ его вершины вы можете видать и тотъ, и другой. На той сторонѣ горъ тополь, грецкій орѣхъ, персикъ, на южномъ берегу кипарисъ, маслина, разныя породы вѣчно-зеленыхъ лавровъ, магноліи и олеандры. Весь пейзажъ не тотъ, даже время года бываетъ не то. Часто, когда въ Симферополѣ снѣгъ, въ Ялтѣ цвѣтутъ розы. Въ Симферополѣ топятъ печи и вставляютъ двойныя рамы — Ялта знаетъ одинъ каминъ и не знаетъ двойныхъ оконъ; въ Ялтѣ, въ Алупкѣ окна открываются круглый годъ, круглый годъ можно обходиться безъ мѣху, круглый годъ можно рвать полевые цветы и кормить скотъ на пастбищѣ. Южный берегъ, за своею каменною ширмою, не хочетъ ничего знать о томъ, что дѣлается въ не-объятной равнинѣ русскаго царства, отъ морозовъ и засухъ котораго ничто не защищаетъ отовсюду открытые степи и предгорія Крыма. Какъ же не назвать этотъ счастливый уголокъ теплицею нашей отчизны? Это клочекъ Италии, по странной игрѣ природы, присошій къ Скиѳии, край вѣчной весны во власти снѣжнаго царства.

Не удивительно же, что и попасть въ этотъ рай стоитъ труда. Обрывъ каменной ограды тутъ не допустилъ никакихъ компромиссовъ, никакихъ постепенно-

стей. Стѣна кончается, лѣзъ съ нея какъ знаешь, хоть по лѣстницѣ. И дѣйствительно, вовсе не такъ давно на южный берегъ такъ-таки и спускались по лѣстницѣ. По какой еще лѣстницѣ! Татары называютъ ее *чортовою лѣстницею*, *Шайтанъ-Мердвенъ*, и нельзя не назвать. Эта чортова лѣстница, которую еще древніе генуэзцы звали *Scala* (по-итальянски — лѣстница), теперь чаще называется просто Мердвенъ; впрочемъ, уцѣлѣло и итальянское имя ея Скала. Она немного подальше Байдарскихъ воротъ, въ окрестностяхъ деревни Кикинеиза и въ сторонѣ отъ шоссе. Вѣрно, еще Лестригонскіе людоѣды Гомера строили ее или ходили по ней. Для жалкихъ размѣровъ нашего человѣческаго племени, она слишкомъ громадна. Она приоровлена къ шагамъ титановъ, она по вкусу и по плечу однимъ циклопамъ. Гигантскія ступени вырублены почти въ отвѣсной скалѣ. Маленькая крымская лошадь должна ложиться чуть не на брюхо, чтобы растянуть ноги отъ одной ступени до другой. Верхомъ сидѣть уже невозможно, нужно спускаться пѣшкомъ. Ступени обломались, приглодались въ теченіе вѣковъ, какъ зубы древняго старца; кое-гдѣ онѣ уже замѣнены обрубками дерева, всѣченного концами въ скалу. Мнѣ многіе рассказывали о томъ времени, когда не было другаго спуска къ южному берегу, со стороны Байдарской долины. Шоссе построено всего только въ 1828 году. На верхъ по Мердвеню многіе взбираются не иначе, какъ держась за хвостъ лошади; конечно, крымской лошади, этой лошади-козы, которая одна въ состояніи совершать подвиги подобныхъ подъемовъ, немыслимые ни для какой другой лошади. Пѣвецъ Бахчисарайскаго фонтана совершилъ въ свое время такое трагикомическое странствованіе и рассказалъ о немъ своему другу-поэту (Дельвигу) съ тонкимъ пушкинскимъ юморомъ. Сидѣть во время подъема можетъ не всякий. Безнадежная от-

вѣснность скаль вверху и глубина приморской бездны, зияющая внизу подъ копытами лошади, безпрерывно обрывающимися то съ оглаженной плиты, то съ осипающагося камня, смущаетъ даже и твердый духъ. Ежеминутные рѣзкие повороты лѣстницы, безъ которыхъ подъемъ бытъ бы рѣшительно невозможенъ, еще болѣе усиливаютъ страхъ и опасность. Говорятъ, этихъ поворотовъ чутъ не полсотни, но, конечно, и въ голову не придетъ сосчитать ихъ. Древность Мердвеня должна быть просто цикlopическая; эта лѣстница, безъ сомнѣнія, видѣла всѣ періоды крымской исторіи и пропустила черезъ себя по-очереди всѣ народы, обитавшиѳ когда-нибудь на южномъ берегу. О происхожденіи ея не сохранилось даже намека.

Если путешественникъ не обязанъ теперь испытывать на себѣ оригинального ужаса Чортова спуска, то онъ все-таки наслаждается оригинальною и нѣсколько ужасною красотою, сбѣгая безъ удержа по прекрасному южно-бережскому шоссе отъ Байдаръ до Кикинеза. Это самая характерная часть южнаго берега. Только отъ Байдаръ до Кикинеза горы дѣйствительно придвижнуты къ морю и стоятъ стѣна стѣною! Какою стѣною! Иногда не знаешь, стоитъ она или виситъ надъ вами. Вмѣсто кирпичиковъ, въ ней обозначились продольными и поперечными трещинами цѣлые четырехугольные утесы; иногда эти страшные кубики едва держатся на вершинѣ стѣны и нависаютъ прямо надъ дорогою, тѣсно вьющимися кругомъ ея подножія, съ самыми зловѣщими и угрожающими видомъ. Цѣлые часы ждете вы подъ ними и не можете оторвать отъ нихъ глаза. Мнѣ случалось послѣ проѣзжать эти мѣста съ спутницею, для наслажденія которой и предпринята была поѣзда. Женскій духъ оказался рѣшительно не въ со-

стояніи выносить этого рокового сосѣдства каменныхъ громадъ. Моя спутница со страхомъ отворачивала свой взглядъ отъ стѣны скалъ, чтобы встрѣтить такую же страшную бездну моря, и отъ этой бездны, чтобы встрѣтить опять непроницаемую твердыню скаль. Я былъ принужденъ торопить ямщика, чтобы онъ скорѣе избавилъ насъ отъ объятій грозной красоты, оказавшейся слишкомъ мужественной, слишкомъ не по силамъ для впечатлительности, привыкшей наслаждаться однимъ вѣжнымъ и милымъ. Таковы скалы южного берега. Онѣ непрерывны и вмѣстѣ разнообразны. На солнцѣ Крыма онѣ переливаютъ разными красками, отъ черной, отъ темно-красной до яркой бѣлизны мѣла. То стоитъ уединенный обрывистый пикъ, недоступный даже козамъ, надежное гнѣздилище орловъ. то сплошная, словно обрѣзанная сверху стѣна, чисто-крѣпостная ограда, изъ-за которой титаны могли бы бомбардировать Олимпъ. Въ серединѣ этихъ тяжкихъ толщъ, выдвинутыхъ изъ глубины земли непобѣдимою силою, вы замѣчаете черныя щели, черныя трещины. Это — червоточина титанической ограды. Это — первые намеки на дробленіе, распаденіе. Отъ этихъ жиль пойдетъ незамѣтное, но неотразимое движеніе, и самыя грозныя твердыни потихоньку превратятся въ свое время въ тотъ хаосъ, среди котораго мы теперь пробираемся, въ каменный соръ, осыпающій теперь ихъ подножіе и устилающій всѣ скаты къ морю. Эти розовые, зеленые, лиловые, полосатые камешки, то обточенные какъ яйцо, то вѣжные и тонкіе какъ облатки, мириадами которыхъ, будто драгоценными игрушками, шалилъ морская волна въ минуты прибоя, изъ которыхъ она набираетъ узорную мозаику морскаго дна, — все это тѣ самые пики и стѣны, которые въ настоящую минуту величественно купаютъ въ облакахъ свои вершины. Всѣхъ ихъ изгложетъ Кроносъ — всеядное и

ненасытное чудовище, для которого нѣтъ непригодной пищи, передъ которымъ нѣтъ безсмертія даже для неодушевленной природы; всѣхъ ихъ пожретъ море, въ утробѣ котораго и рожденіе, и могила сущаго.

Деревья растутъ на утесахъ южнаго берега, какъ вѣники на старой оградѣ, пучками и въ одиночку. Особенно приземистая, угловато-искривленная сосна. Куда не залѣзла она, за что не зацѣпилась! Иногда просто будто прилѣплена сбоку. А то, видишь, набыются онѣ въ узкія трещины; сама зажата, какъ въ тиски въ своей каменной тѣмницѣ, такъ высунется оттуда краѣнистая вѣтка и тянется ими къ свѣту, будто заключенный страдалецъ своими изсохшими руками. И у всѣхъ макушки къ небу! Желѣзная чудодѣйственная сила загибаetъ ихъ вверхъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ. У иной, смотришь, почва идетъ строгою параллелью къ стволу. Чѣмъ сыты, чѣмъ живы эти деревья-отшельники, какъ роются нѣжныя мочки ихъ корней въ этихъ каменныхъ глыбахъ? — Однако они не только живы, эти деревья утесовъ, они несокрушимы. Морскія бури ихъ треплютъ безъ жалости, будто волосы на обнаженной головѣ, а они попрежнему крѣпко держатся за свои камни, попрежнему тянутся верхушками къ небу и свѣту. Видно, и скала можетъ родить, можетъ питать своимъ жесткими грудями собственное порожденье. Часто считаютъ безплодною душу человѣка, которая виновата только тѣмъ, что умѣетъ производить свой особый специфическій плодъ, а отказывается приносить плоды по заказанному образцу.

Слѣва у васъ скалы, справа южный лѣсъ, заполнившій собою хаосъ обваловъ. Онъ сбѣгаetъ къ морю, по обрывамъ, вмѣстѣ съ этими сѣрыми камнями. Вы его видите въ темя; онъ теперь ярко-зеленъ, ярко-

свѣжъ; ліаны дикаго винограда и пахучаго клематиса убираютъ его фантастическими гирляндами и бесѣдками. Дачи, деревеньки, глубоко внизу, вырѣзаются на фонѣ зелени, сѣрыхъ камней и синяго моря, игрушки игрушками. Сначала Форосъ, потомъ поочереди Мухалатка, Мшатка, Мелазъ, всѣ одинаково живописныя, одинаково дикія. Вы и не заподозрите отсюда съ высоты, что въ этой горной дичи ютятся изящныя виллы, обрабатываются прекрасные, обширные виноградники; все это, конечно, поселенья сѣйдой древности, хотя не о многихъ извѣстно что-нибудь вѣрное. Только Форосъ — имя совершенно историческое. На его мѣстѣ была генуэзская колонія Фори, а прежде того греческое поселеніе.

Я наслаждался горами только до 12-й версты. Тучи, носившія дождь, всю ночь собирались овладѣть небомъ, но до сихъ поръ солнце разгоняло ихъ ползучія полчища. Наконецъ онѣ сдвинулись, сплотились и разразились дождемъ. Это былъ не нашъ русскій дождь, а страшный тропическій ливень, какихъ я никогда не видывалъ. Въ теченіе 2-хъ часовъ, непрерываясь, сплошнымъ потокомъ, съ непостижимой быстротою лились небесныя воды изъ прорвавшихся тучъ. Шоссе уже не было видно. Перекладная неслась по руслу бѣшеной рѣки, стремглавъ катившейся подъ гору. Съ боку, съ горъ и утесовъ прыгали, разбиваясь, кружась и пѣняясь, обдавая лошадей своими брызгами и подмывая имъ ноги, дикие горные потоки; они такъ ревѣли и сверкали, перебѣгая дорогу и низвергаясь въ лѣсныя пропасти, чтобы дорваться до моря, глухо шумѣвшаго глубоко внизу, что ихъ можно было принять за злыхъ духовъ горной пустыни, поднявшихъ неистовую пляску. Молнія не вспыхивала,

а разливалась почти непрекращаясь, широкимъ, ослѣ-
пительнымъ заревомъ. Вѣтеръ гналъ дождь и градъ
прямо въ лицо, на встрѣчу мнѣ и лошадямъ, и они
сѣкли настъ, какъ заряды дроби; градъ засыпалъ въ
перекладной всѣ вещи сплошною бѣлою скатертью.
Бурка, зонтикъ — обратились въ ничто. Привычныя
татарскія лошади, не боящіяся ничего, останавливали-
лись съ смущенiemъ и дрожью; видно, и у нихъ кру-
жилась голова отъ этихъ несущихся во всѣ стороны
водъ, отъ шума и вихря, наполнявшаго воздухъ. Ям-
щикъ нѣсколько разъ бросалъ возжи и прятался отъ
ударовъ града подъ навѣсомъ скалъ. Но надобно было
наконецъ погнать и ямщика, и лошадей. Мы неслись
подъ гору съ тою же безумною удалью, съ какою
неслись подъ нами, впереди настъ и сзади настъ, горныхъ
воды. Не знаю, отчего мы не опрокинулись десять разъ.
Мы вомчались во дворъ Кикиненской станціи вскачь,
словно по пятамъ преслѣдуемые врагомъ. Станція пла-
вала среди пруда. Пройти и проѣхать было нельзя. Съ
большими затрудненіями, черезъ телеги и дрова, провели
меня заднимъ дворомъ въ кухню, и то въ водѣ выше
щиковки. На мнѣ не было сухой нитки. Къ моему ве-
ликому благополучію и радости, я засталъ смотрителя
станціи за утреннимъ самоваромъ, въ кругу опрятной
и благочинной семьи. Горячій чай съ деревенскими
сливками и возможность сбросить съ себя насквозь про-
мокшіе доспѣхи — чего другаго могъ еще пожелать,
послѣ этой крымской душі, самый избалованный
счастливецъ!

Отъ Кикиненза до Алупки та же дичь, тотъ же
хаосъ; видъ скалъ дѣлается менѣе поразительныиъ,
зато пейзажъ морскаго ската здѣсь разнообразнѣе и
прекраснѣе. Вы проѣзжаете дальше отъ горъ, но ближе

къ паркамъ и дачамъ. Это мѣсто усыпано развалинами древностей; многочисленные мысы и бухты призывали поселенцевъ; бухты обращались въ уютныя пристани, на неприступныхъ скалахъ, выступающихъ въ море, возвигались укрѣпленія. Такія укрѣпленія оберегали доступы на южный берегъ не съ одного моря, а и че-резъ горные проходы, отъ набѣговъ горныхъ жителей или степныхъ кочевниковъ. Развалины крѣпостей видны на мысѣ Кикинейзѣ, на Лименской скалѣ, на скалахъ около «Старого прохода» черезъ Яйлу, Эски-Богазъ, какъ разъ противъ Кикинейза.

Такою красотою и такимъ удобствомъ нельзя было не воспользоваться въ тѣ времена, когда человѣкъ еще свободно могъ выбирать себѣ уголъ на земномъ шарѣ. Множество одичавшихъ плодовыхъ деревьевъ, несродныхъ Крыму маслинъ, грецкихъ ореховъ, смоковницъ и одичавшаго винограда, говоритъ о древней цивилизациѣ этого края. Конечно, слѣдовъ древности было бы здѣсь еще болѣе, еслибы Яйла постояннымъ разрушениемъ своихъ береговыхъ скалъ не погребала садовъ и жилищъ человѣка подъ своими обвалами. Особенно мѣстность отъ Байдаръ до Симеиза поражаетъ хаотическимъ беспорядкомъ. Тутъ утесы и камни насыпаны не только до моря, но и въ самое море. Живописная Лимена вся обсыпана этими осколками Яйлы. Верхніе пласты известняка, иногда сильно наклоненные къ морю, нерѣдко лежатъ въ кряжѣ Яйлы на слой рыхлого глинистаго конгломерата. Когда горныя воды подмоютъ въ теченіе лѣтъ эту зыбкую опору, тяжелый известковый пластъ ползетъ внизъ къ морю по своей покатости, коробится и разваливается въ куски. Татары рассказываютъ, что встарину не одна деревня въ окрестностяхъ Байдара и Кикинейза спалзывала въ пропасть. А о провалѣ деревни Кучукъ-Кой (у Кикинейза), со всѣми ея дворами и мечетями, остался даже исто-

рическій документъ въ донесеніи князя Таврическаго императрицѣ Екатеринѣ.

За древнею пристанью Лимены, за ея дикими, скалистыми мысами, вы проѣзжаете какъ разъ надъ Симеизомъ и видите, какъ на ладони, обширныя палаты владѣльца (г. Мальцова), его парки и веселыя дачки.

Но и послѣ такихъ подготовокъ, вѣзда въ Алупку является чѣмъ-то особеннымъ, непохожимъ ни на что другое на южномъ берегу, ни по ту, ни по эту сторону. Алупка — это святая святыхъ южнаго берега, это самое сердце его. Вся прелестъ его красоты, вся его дикая поразительность, вся нѣга его воздуха, роскошь красокъ и формъ, какъ въ фокусѣ сосредоточена въ Алупкѣ. Кто знаетъ Алупку — тотъ знаетъ южный берегъ Крыма въ его самыхъ типическихъ и самыхъ драгоцѣнныхъ чертахъ. — За Алупкой дачи и парки дѣлаются просто сплошными. Сначала привольный Мисхоръ съ своими знаменитыми старыми рощами лавровъ и маслинъ, единственными въ Крыму, со множествомъ прекрасныхъ домиковъ, потонувшихъ въ паркѣ, одно изъ любимѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣстъ для жизни туристовъ. За Мисхоромъ, Куреизъ, Гаспра, тѣсно населенные, тѣсно застроенные, перемѣшавшія свои каменные замки, свои изящныя, залитыя цвѣтами виллы съ глиняными татарскими саклями. Здѣсь вы проѣзжаете то по грязной, вьющейся улицѣ татарской деревни, среди плоскихъ крышъ, грязныхъ лавочонокъ, подъ далеко вытянутыми сучьями гигантскихъ орѣховыхъ деревьевъ, то мимо затѣйливо изукрашенныхъ рѣшетокъ, воротъ, бесѣдокъ аристократическихъ садовъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, здѣсь жили довольно замѣчательныя личности, игравшія серьезную роль въ общественной жизни Россіи, вожди той мистической

партии, которая такъ сильно и такъ вредно вліяла на волю императора Александра Благословенного, въ послѣднюю половину его царствованія: князь Голицынъ, известный министръ народного просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, насадитель библейскихъ обществъ, преславователь свободной науки, княгиня Анна Сергеевна Голицына, баронесса Крюднеръ. Okolo Голицыной здѣсь составился цѣлый кружокъ мистиковъ, также какъ и прежде, въ придворную петербургскую эпоху ея жизни.

Мысъ Ай-Тодоръ дѣлаетъ рѣшительный переломъ въ южномъ берегѣ; отъ него берегъ поворачиваетъ уже къ с.-в. цѣлымъ рядомъ дугообразныхъ заливовъ. Оттого вы ясно видите Ай-Тодоръ и изъ-за Алупки, и изъ-за Ялты. Оттого на Ай-Тодорѣ одинъ изъ главныхъ маяковъ Крымского побережья; оттого же Ай-Тодоръ играетъ роль въ мореплаваніи и географіи не только генуэзцевъ, но и древнихъ грековъ. Рѣдко гдѣ найдется столько развалинъ самого разнообразнаго характера, какъ на этомъ плоскомъ и высокомъ мысѣ, далеко выдающемся въ море. Тутъ и кладбище, и развалины храма, и циклопическіе памятники; тутъ были находимы колонны, водопроводы, статуи, монеты. Несомнѣнно, что здѣсь былъ когда-нибудь христіанскій монастырь во имя св. Феодора; также несомнѣнно, что здѣсь было въ древности постоянное и значительное поселеніе и, конечно, крѣпость. — Отъ Ай-Тодора до Ялты берегъ можно назвать царскимъ. Это область царскихъ дачъ. Сначала дикая, запустѣвшая Верхняя Оріанда великой княгини Елены Павловны, потомъ Нижняя Оріанда великаго князя Константина Николаевича и наконецъ Ливадія, принадлежащая царствующей императрицѣ. Всѣ эти имѣнія чрезвычайно обширны, по масштабу южнобережскихъ владѣній.

Самое замѣчательное изъ нихъ — Оріанда величаго князя. На южномъ берегу нѣтъ мѣстности красивѣе и оригинальнѣе Оріанды. Природная красота ея даже выше Алупки. Хотя главный хребетъ Яйлы здѣсь уже отходитъ отъ моря далѣе, чѣмъ въ Байдарахъ и Алупкѣ, однако очень высокія отвесныя скалы на-двигаются на самую дорогу и напоминаютъ собою Байдарскую тѣснину. Лѣсь гуще, чѣмъ гдѣ-нибудь. Но главная красота не въ дорогѣ, а вправо и внизъ отъ нея. Огромныя отдѣльныя скалы разнообразной формы стоятъ надъ самымъ моремъ,ничѣмъ не маскируя своихъ недоступныхъ ликовъ. Одна голая, другая въ лѣсахъ, какъ въ волосахъ. На самой высокой водруженъ крестъ, царящій надъ окрестностью. Если взобраться къ этому кресту, окинешь однимъ взоромъ лучшіе уголки южнаго берега. На другой скалѣ, полѣвѣ, пониже, но тоже необыкновенно живописной, стоитъ бѣлая колоннада въ афинскомъ античномъ стилѣ. Вырѣзаясь то на зелени, то на синемъ морѣ, она переноситъ ваше воображеніе на счастливые берега Аттики, въ Акрополь, полный бѣлыхъ статуй и бѣлыхъ колоннъ. Стоя подъ этой колоннадой, взгляните внизи. въ пропасть, раскрытую у ногъ зашихъ. Вся эта про пасть налита лѣсами и парками, лѣсами такими же роскошными, какъ парки, парками такими же старыми и тѣнистыми, какъ лѣса. Воинъ подъ сѣдыми, плакучими ивами, обнимающими землю, тихій, темный прудъ съ бѣлыми лебедями. Воинъ цѣлая длинная аллея, сплошь затканная виноградными гроездами сверху и съ обѣихъ сторонъ; по этой аллее, могутъѣздить коляски. Цвѣтники вокругъ дворца — какъ яркіе коврики. Самъ дворецъ строгаго стиля, огромный, правильный квадратъ, ярко бѣлѣющій среди своихъ парковъ. Въ немъ особенно хороши внутренній дворикъ и террасы, обращенные въ воздушные сады. Трельяжи, цвѣтники,

фонтаны, ползучія съти розъ и другихъ растеній окружаютъ его роскошнымъ образомъ. Широкій балконъ на мраморныхъ каріатидахъ глядитъ прямо на море. Но при всей красотѣ и правильности, стиль дворца я нахожу слишкомъ европейскимъ и слишкомъ равниннымъ для такого горнаго мусульманскаго уголка. Самая дальняя скала шагнула уже въ море. Она дополняетъ перспективу дикаго величія. На вершинѣ ея высокая мачта, укрѣпленная канатами, будто на кораблѣ. Во времія пребыванія князя, на этой мачтѣ развѣваются его флагъ. Эти кресты, мачты, колоннады, вѣнчающія скалы, много содѣйствуютъ живописности живописнѣйшаго уголка Крыма. Прогулка по лѣсамъ и паркамъ Оріанды даетъ вамъ много наслажденія, особенно если вы увидите оріандскій водопадъ съ висячимъ мостикомъ въ весеннее время, когда онъ наполняется свое темное, почти черное ущелье гуломъ и брызгами своихъ стремительныхъ водъ.

Ливадія имѣетъ совершенно не тотъ характеръ, какъ Алупка, Оріанда и другія знаменитыя мѣста южнаго берега. Мѣстность Ливадія нельзя назвать ни красивою, ни оригинальною (конечно, для южнаго берега). По довольно покатому склону стелются внизъ отъ дороги лѣса, сады и луга царской дачи. Ливадія и значитъ по-гречески лугъ, пастбище, то же, что по-малороссійски левада.

Богатство Ливадіи не въ скалахъ и пропастяхъ, а въ сочной зелени травъ и деревьевъ, въ широкомъ пространствѣ виноградниковъ. Если бы, при выѣздѣ на великолѣпное шоссе Ливадіи, вы не замѣтили изящныхъ столбовъ съ золотыми императорскими орлами и гербами, вамъ бы не пришло на умъ, что передъ вами царственные дворцы. Безчисленное множество

небольшихъ деревянныхъ домиковъ Ливадії самой прелестной сельской архитектуры, не то швейцарской, не то итальянской, веселой тѣлесной краски съ веселой росписью, всѣ обвитыя ползучею зеленью, виноградомъ, глициниею,—разсѣяны среди свѣже-вспаханныхъ грядъ огородовъ, среди парниковъ, оранжерей, виноградниковъ, фермерскихъ двориковъ. Вездѣ видите работу и работниковъ, хозяйственныій скотъ, хозяйственныя орудія, хозяйственныій шумъ и движенье. Два дворца Ливадії — одинъ Императрицы, другой Наслѣдника — тоже какой-то воздушной, чисто-южной и чисто-сельской архитекруры, но уже не швейцарской, а скорѣе мавританской, напоминающей легкія формы вилль, украшающихъ берега Босфора и Золотаго Рога. Наружныя лѣсенки дворцовъ и притворы ихъ въ восточномъ стилѣ необыкновенно граціозны. Я бы всякому совѣтовалъ посѣтить дворецъ Императрицы и полюбоваться на убранство его, полное вкуса и изящества, хотя и не особенно богатое. Въ спальнѣ Императрицы милые узорные медальоны съ крымскими видами работы Айвазовскаго; есть и другія хорошія картины, особенно прекрасныя большія акварели изъ кавказской жизни, не помню какого художника. Церковь при дворцѣ — крошечная, но изящная, какъ игрушечка. Это образецъ византійско-русского стиля; иконы писаны известными художниками, почти всѣ по золотому фону, на старинный манеръ, со всею сухостью формъ и наивностью выраженія старыхъ византійцевъ и нашихъ старовѣровъ; такъ уютно и такъ пристойно въ этомъ совершенно русскомъ храмикѣ, обильномъ деревянною рѣзьбою, цветными стеклами и гранеными лампадками.

Кто будетъ въ Ливадіи, тотъ, конечно, самъ до-
сыта набродится по ея паркамъ, увидить богатство ея
тропическихъ растеній, фонтановъ, статуй, цвѣтниковъ;
но, можетъ быть, не всякий узнаетъ и не всякий со-
берется посѣтить ту часть Ливадіи, которая, по моему,
интереснѣе всѣхъ другихъ. Вправо отъ почтовой до-
роги, вверхъ къ Яйлѣ, поднимаются зеленыя, лѣсныя
крутизны, принадлежащія также Ливадіи и переходя-
щія постепенно въ густой сосновый боръ, покрываю-
щий Яйлу. На этихъ альпийскихъ высотахъ устроена
ферма Императрицы, и воспитывается стадо дорогихъ
швейцарскихъ коровъ. Чтобы царственному семейству
можно было иногда посѣщать эту горную ферму, слав-
ящуюся своимъ превосходнымъ молокомъ и масломъ,
по скатамъ Яйлы, въ густотѣ бора, проведено прекрас-
ное шоссе. Проведено оно съ замѣчательнымъ мастер-
ствомъ. Тдешь — не слышишь, словно не на гору, а
по гладкой равнинѣ. Зато же и дѣлаетъ оно пово-
роты! Каждый поворотъ — поразительная картина.
Гдѣ нужно, сняты деревья, заслонившія видъ; гдѣ
можно, дорога завертываетъ въ такой уголъ, откуда
всего лучше открывается перспектива моря и Ялтин-
ской долины. На первомъ планѣ гигантскіе стволы со-
сень самой разнообразной формы, самыхъ разнообраз-
ныхъ положеній; они охватываютъ васъ настоящимъ
дѣственнымъ лѣсомъ, потому что до проведения шоссе
сюда почти нельзя было забираться дровосѣкамъ. На
всякомъ шагу обрывы, утесы, широкія пропасти глубо-
око внизу, лѣса прямо надъ головою, лѣса подъ но-
гами. То одна безпредѣльная синева въ рамѣ лѣсной
просѣки, то вдругъ засмѣется всѣми красками пестрая,
веселая Ялта, прилегшая къ своему голубому заливу,
а то ёдешь зелеными, горными лугами, ровными и
мягкими, покрытыми фіалкою и разноцвѣтомъ, и со-
всѣмъ забываешь, что тутъ вблизи море, утесы, го-

рода и дворцы. Ідешь, Ѣдешь — коляска повернула — стой! — Какъ въ волшебномъ представлениі, исчезли сельскія пастбища, и ты ужъ висиши надъ обрывомъ, а на днѣ обрыва вся Оріанда! Словомъ, прогулка на ферму Імператрицы отъ Яйлы черезъ Оріанду — въ открытой коляскѣ или верхомъ — это перелистыванье живаго альбома съ самыми разнообразными и эффектными пейзажами южнаго берега.

Издали, Ялта — крошечный Неаполь. Столько же моря, солнца, красокъ и жизни. Хорошенькие домики Ялты, всѣ наперечетъ, обложили кругомъ низенький берегъ полукруглого залива. Яйла, до сихъ поръ заслоняемая близкими горами, отодвигается кругомъ Ялты на порядочное разстояніе и охватывается ея полукруглую долину гигантскимъ амфитеатромъ. Въ этихъ каменныхъ объятіяхъ Ялтѣ тепло какъ въ теплицѣ; она открыта только югу, морю и солнцу. Облака почти постоянно сидятъ на грѣбнѣ амфитеатра, но въ Ялтѣ почти всегда ясно и пріютно. Церковь на холмѣ, среди рощи кипарисовъ, вѣнчаетъ Ялту. За Ялтой, къ Яйлѣ, разсыпаны дачи и виноградники. Это главный центръ туристовъ, прибывающихъ въ Крымъ нестолько для купанья, сколько для наслажденія воздухомъ и природой Крыма. Купанье въ Ялтѣ неудобное, каменистое и бурное. Купаться нужно въ прозаической Евпаторіи или въ Феодосіи. Въ Ялтѣ можно лечиться виноградомъ, какого нигдѣ не найдешь, видомъ моря и горъ, солнцемъ южнаго берега, поездками въ горы и по береговымъ дачамъ. Ялта единственный городъ на южномъ берегу, поэтому онъ и обсыпанъ дачами, поэтому въ немъ и гнѣздится пріѣзжій народъ. Здѣсь магазины, базары, пароходы въ Одессу и Кавказъ, почта и телеграфъ, клубъ и библио-

тека, гостиница и трактиры. Ничего подобного не сыщете въ другихъ мѣстахъ южнаго берега. Ялта живеть и цвѣтеть на счетъ путешественниковъ. Но путешественники же и погубили Ялту. Въ лѣтній сезонъ Ялта набита биткомъ; дорожевизна большая, удобствъ мало; музыка, бульваръ, танцевальные вечера обращаютъ ее въ своего рода модныя «воды», гдѣ не отыщете настоящей деревенской жизни, приносящей здоровье и покой. На улицѣ пыль, во дворахъ вонь, въ домахъ сырость и грязь. Простодушный татаринъ — въ Ялтѣ уже цивилизованный эксплуататоръ и плутъ. Всюду строять, всюду копають, за все дерутъ. Кто ищетъ жизни въ природѣ, кто хочетъ узнать южный татарскій Крымъ, тотъ долженъ бѣжать изъ Ялты въ какую-нибудь деревню южнаго берега, хотя онъ тамъ и не найдетъ многихъ удобствъ города. Аутка, деревенька за Ялтою, у ногъ Яйлы, уже гораздо лучше въ этомъ отношеніи, хотя тоже успѣла заразиться болѣзнею модныхъ водъ и иногда бываетъ такъ же густо заселена туристами, какъ и сама Ялта.

Нѣкоторые туристы изъ любителей природы посѣщають такъ-называемый Ауткинскій водопадъ — «Учань-су, летучая вода». по живописному выраженію татарина; крымскіе греки называютъ его «висячая вода». Однако рѣдкій туристъ знаетъ истинные размѣры и истинную красоту Учань-су. Учань-су нужно любоваться въ апрѣль, во время горнаго половодія, а туристы начинаютъ собираться въ Крымъ только къ іюню. Оттого, можетъ быть, и писатели-туристы такъ разнорѣчатъ въ своихъ отзывахъ объ Ауткинскомъ водопадѣ. Большинство думаетъ, что онъ падаетъ съ высоты 40—45 саженъ, между тѣмъ какъ его паденіе, по меньшей

мѣрѣ, втрое или вчетверо больше этой цифры. Я очень помню паденіе знаменитаго Штаубаха въ Лаутербруненской долинѣ швейцарскаго Оберланда: апрѣльское паденіе Учанъ-су значительно выше его; а между тѣмъ Штаубахъ обрывается со скалы въ 900 футовъ вышины. Кто судилъ Учанъ-су по его лѣтнему виду, тотъ видѣлъ только одну пяту его паденія. Въ первое время нашего завладѣнія Крымомъ, когда лѣса на Яйлѣ были гуще и сплошнѣе, вода въ Учанъ-су была, безъ сомнѣнія, постоянно сильная; оттого-то вѣроятно въ описаніи крымскаго путешествія Екатерины II высота Учанъ-су показана болѣе 150 сажень, т. е. болѣе 1,000 футовъ. Къ Учанъ-су вѣдутъ сначала черезъ Аутку, потомъ лѣсомъ, покрывающимъ подножіе Яйлы. Въ серединѣ лѣса, на совершенно отдѣльномъ утесѣ, словно на огромномъ валунѣ, стоять развалины древняго укрѣпленія. Вы натыкаетесь на эти романическія развалины неожиданно, будто въ сказкѣ. Рѣдкое укрѣпленіе на южномъ берегу уцѣлѣло такъ хорошо. Вы видите сводъ высокихъ воротъ, узкія бойницы, кое-гдѣ толстые стѣны, стоящія надъ отвеснымъ обрывомъ. Можно съ нѣкоторымъ трудомъ взлѣзть на гребень развалинъ и помечтать надъ ихъ таинственной судьбой. Безъ сомнѣнія, эта крѣпостца была въ старое время, при грекахъ и генуэзцахъ, ключемъ всей плодородной и населенной долины, на берегу которой стояла древняя Ялита; въ то же время она могла оберегать перевалъ черезъ Яйлу, поднимающейся съ берега черезъ Дерекой и Ай-Василь; слѣды такихъ старинныхъ укрѣпленій, какъ я уже говорилъ не разъ, видны при всякомъ горномъ проходѣ, у каждой значительной долины. Теперь татары величаютъ эти развалины «Крѣпостью водопада» — «Учанъ-су-Исаръ». За Исаромъ лѣсъ дѣлается необыкновенно живописенъ и тропа сильно забираетъ въ гору. Сосны гигантскаго роста, прямыя какъ мачты,

обступаютъ вѣсъ своими полчищами, и ни въ одну сто-
рону не видно исхода; въ иныхъ мѣстахъ онѣ сходять
къ вамъ, уходятъ отъ васъ по страшнымъ крутизnamъ,
но на этихъ крутизнахъ онѣ стоять въ той же нена-
рушимой прямотѣ, стройности и величії; небо уже вамъ
почти невидать; глянете вверхъ,— все скаты горъ, все
сосны по скатамъ; вы на днѣ лѣснаго моря; надъ ва-
шею головою десятками ярусовъ лѣсь... Глянете внизъ—
тамъ новые ярусы лѣсовъ, новые полчища этихъ со-
сень-титановъ; тиши страшная и какая-то сырья сине-
ватая тѣнь. Крымскій первоцвѣтникъ всѣхъ красокъ,
яркими коврами заполоняетъ тучную почву. Нигдѣ не
найдете его въ такой обильной роскоши. Когда вы при-
близитесь къ самой стѣнѣ Яилы, очарованіе лѣсной пустыни
достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Красные стволы
сосенъ дѣлаются все громаднѣе, все могучѣе. Сквозь
ярко очерченныя колоннады ихъ густымъ спинимъ фо-
номъ глядитъ на васъ, обросшая лѣсами стѣна Яилы,
загородившая теперь все небо, весь горизонтъ. Въ глу-
хой тишинѣ почти дѣвственного бора вы слышите
угрожающее рокотаніе водопада. Чудится, будто вы
близитесь къ какому-то страшному и могучему звѣрю,
таинственному властителю лѣсной пустыни. Еще изда-
лека гулъ падающихъ водъ наполняетъ вашъ слухъ и
приковываетъ все вниманіе ваше; вблизи этотъ гулъ
превращается въ немолчный ревъ. Дрожь стоитъ въ
лѣсу, въ воздухѣ. Наконецъ послѣдніе ряды сосенъ
разступились... вы очутились надъ обрывомъ. Съ недо-
сягаемой высоты, изъ поднебесья, загороженнаго камен-
ною стѣною скаль, съ неистовымъ напоромъ несутся
надъ самою головою вашею массы водъ, темнобурыя,
вспѣненные, только-что выпущенные солнцемъ изъ
альпийскихъ снѣговъ Яилы; всею тяжкою грудью своей
онѣ рухаютъ съ обрыва гигантской стѣны на одинъ
уступъ, потомъ на другой и низвергаются наконецъ

сплошнымъ полотномъ въ пропасть, надъ которою вы теперь стоите. Вы видите, съ какою бѣшеною злостью онъ клокочутъ и пляшутъ тамъ, зажатыя камнями, ими же оторванными, грызутъ и треплютъ ихъ и, вырвавшись, летятъ другъ черезъ друга, съ воемъ, съ плескомъ, внизъ къ морю, черезъ лѣсныя пропасти. Я видѣлъ извѣстные водопады Швейцаріи. Всѣ они уже давно цивилизованные водопады. Ко всѣмъ есть дорожки, у всѣхъ скамеечки, бесѣдки, мостики, приспособленныя *points de vue*; около всѣхъ напьетесь лимонаду, купите фотографію, деревянную бездѣлушку съ именемъ водопада. Учанъ-су—водоладъ-дикарь, водопадъ-пустынникъ; оттого онъ гораздо интереснѣе и оригинальнѣе швейцарскихъ. Къ нему едва подѣешь верхомъ и надъ нимъ пройдешь не такъ легко, какъ по мостикамъ Гисбаха или Рейхенбаха. Мнѣ невольно припоминается навсегда мнѣ памятная сцена. Я былъ разъ проводникомъ къ Учанъ-су одной моей пріятельницы. Мы выѣхали изъ Ялты довольно поздно и гнали лошадей, чтобы не захватить темноты въ лѣсу. Когда мы проѣхали Исаарь, какой-то бѣстъ надоумилъ меня повести свою амазонку не тропою, дѣлающею множество изворотовъ, а какъ говорятъ хохлы, «на простець», т. е. цѣликомъ по лѣсу. Разумѣется, мы залѣзли сейчасъ же въ такія трущобы, изъ которыхъ еле выкарабкались; дрогбились до водопада, измучивъ себя и коней и, конечно, сильно припоздали. Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча надъ обрывомъ, пораженные зрѣлищемъ водопада. Я рассказалъ своей спутницѣ, какъ трудно взобраться къ тому уступу скалы, съ котораго воды падаютъ въ пропасть; мнѣ дѣйствительно пришлось очень жутко, когда я въ первый разъ испробовалъ это. На бѣду мою моей спутницѣ показалось, что съ лѣвой стороны взлѣзть гораздо легче, чѣмъ съ правой. Не успѣла она кончить своихъ словъ, какъ уже я карабкался на верхъ. Это случилось

какъ-то само собою, машинально, голова просто не думала о томъ, что дѣлали руки и ноги. Лѣзу, лѣзу, скатъ дѣлается все круче, все невозможнѣе. Земля, послѣ дождя, ползетъ со скалистаго откоса, и подъ руками, подъ ногами нѣтъ опоры. А кусты, деревья разбросаны рѣдко; доползти отъ одного до другаго стоитъ страшныхъ усилій. Безумный приступъ оказывается невозможнымъ уже слишкомъ поздно. Силы, потраченныя сгоряча, упали; бодрость нераздумья разсѣялась, какъ дымъ; и сердце вдругъ облилось холодомъ ужаса, когда я созналъ всю безысходность своего положенія. Я висѣлъ надъ бездною, вѣшившись усталыми пальцами въ ползучую почву почти отвѣснаго ската, и былъ не въ силахъ двинуться. Прямо подо мною ревѣлъ водопадъ; скалы дрожали отъ его рева и пляски. Голова неудержимо кружилась. Какая-то непобѣдимая сила тянула въ бездну, въ пасть этого клокочущаго чудовища. Не знаю, что бы я далъ, чтобы спастись отъ этого оглушавшаго и одурявшаго меня водоворота. Онъ словно ждалъ меня внизу, рычалъ и прыгалъ мнѣ на встрѣчу. Безнадежными, смущенными глазами оглядывалъ я утесы, стоявшіе кругомъ, бровень со мною. Упасть неизбѣжно придется, упасть, т. е. пропасть въ пучинѣ. Вопросъ въ томъ, скоро-ли? Долго-ли еще будутъ выдерживать мои судорожно вонзившіеся пальцы тяжесть тѣла? Близость несомнѣнной гибели наконецъ окрыляетъ мои нервы. Съ неестественными усилиями прошалзываю я по крутизнѣ до первого дерева; земля ползетъ, руки скользятъ, колѣна остupаютъ. Но погибать не хочется. Наполняясь какимъ-то гнѣвомъ отчаянья, какимъ-то бѣшенствомъ самозащиты, карабкаюсь я отъ одного дерева къ другому, все выше и выше, лѣвѣе и лѣвѣе, инстинктивно стремясь спрятаться отъ ревущаго внизу чудовища. Это уже не моя сила тянетъ меня вверхъ, это сила истерическая, которая обращаетъ въ

Самсона пятнадцати-лѣтнюю дѣвочку. Я заползъ Богъ знаетъ на какую высь, въ чащу лѣса. Оттуда уже не было видно водопада, только слышенъ отдаленный гуль его. Скатъ, болѣе пологій, менѣе скалистый, открылся въ сторонѣ. Я бросился по немъ внизъ, едва успѣвая задерживаться руками за частыя молодыя сосны. Я просто скатывался, а не бѣжалъ. Сердце билось радостнымъ трепетомъ спасенія, воскресенія изъ мертвыхъ. Ноги, руки дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ; все на мнѣ было изорвано, исцарапано, измазано. Скатившись внизъ, я не безъ труда, только по шуму водъ, могъ добраться до водопада. Меня мучила мысль, въ какомъ страхѣ и непрѣдѣности я оставилъ свою спутницу. Прибѣгаю на край стремнины — никого! Красный клѣтчатый плэдъ лежитъ покинутый на скалѣ, точь-въ-точь какъ въ послѣдней главѣ сантиментальнаго романа, гдѣ дѣвушки топятся съ отчаянья въ волнахъ пучины. Кричу, зову — никто не откликается; сбѣгаю внизъ, на камни водопада, осмотрѣть — нѣтъ-ли какихъ слѣдовъ, не подшутила-ли надо мною амазонка, спрятавшись подъ скалою, — ничего не нахожу... Наконецъ, когда я остановился совсѣмъ растерянный, силясь отгадать что-нибудь въ этой странной загадкѣ, до меня вдругъ долетѣлъ слабый, дрожащий звукъ женскаго голоса. Я взглянулъ вверхъ — и обмеръ отъ ужаса. На той самой скалѣ, съ которой я едва успѣлъ спастись, висѣла, вѣшившись въ одинокій кустикѣ, моя спутница. Лицо ея было блѣдо и мертвенно, какъ мяль. Она что-то говорила мнѣ, но губы ея едва разжимались. Она полѣзла на скалу слѣдомъ за мною, незамѣченная мною. Силы покинули ее при началѣ пути, и она висѣла надъ пропастью все время, пока я карабкался вверхъ и сбѣгалъ сверху. Она мнѣ кричала, я не слыхалъ ея голоса за шумомъ водопада. Когда я исчезъ въ вышинѣ, она осталась одна, прильпленная къ

утесу, безъ малѣйшей надежды на спасенье. Солнце садилось, лѣсь темнѣлъ, водопадъ клокоталъ подъ ея ногами, а меня нигдѣ не было видно. Болѣе часу пропела она въ этомъ непревынномъ ожиданіи смерти. Это была мужественная девушка, никогда не обращавшаяся за помощью къ мужчинѣ. Теперь она звала меня на помощь и мучилась, что нуждалась въ этой помощи. Сердце у меня оборвалось. Я одинъ, еще свѣжій, едва могъ одолѣть эту скалу. Чѣмъ я помогу ей? Развѣ тѣмъ только, что полетимъ въ бездну вдвоемъ, а не порознь? Однако раздумывать было слишкомъ не во-время. Опасность, грозящая женщинѣ, наполняетъ грудь мужчины приливомъ беззавѣтно-смѣлаго чувства. Я схватилъ валявшійся на землѣ большой сосновый сукъ и полѣзъ на скалу. Какимъ образомъ мы очутились внизу — хорошо и не помню: голова моя была въ какомъ-то чаду; но прежняго страха уже не было и слѣда. Хватились за лошадей, моей лошади неѣтъ. Опять неудача. Нужно идти пѣшкомъ болѣе 8 верстъ. А въ лѣсу уже темно, уже апрѣльская сырость стала про-низывать насть. Къ счастью, лошадь отыскалась въ лѣсу черезъ $\frac{1}{4}$ версты. Мы обмыли въ ручье исцарапанныя руки, освѣжили ледяною водою взволнованныя свои головы и погнали коней. Весело было нестись вырвавшись изъ лѣса, по каменистой дорогѣ, при холодномъ свѣтѣ мѣсяца, сознавая, что неѣтъ больше опасности, что насъ ждетъ впереди не клокочущая пучина, а теплая бесѣда въ теплой и свѣтлой комнатѣ...

Я уже говорилъ, что мысъ Ай-Тодоръ раздѣляетъ полосу южнаго берега на 2 половины; одна отъ Фороса до Ай-Тодора чисто-южная, другая отъ Ай-Тодора до Алушты юго-восточная. Юго-восточная полоса, въ свою очередь, разбивается скалистыми мысами на от-

дѣльные мѣстности; это рядъ характерныхъ полукруглыхъ заливовъ, весьма неглубоко врѣзающихся въ материкъ. Ялтинскій заливъ за мысомъ св. Иоанна переходитъ въ заливчикъ Массандры, потомъ въ такой же маленькой заливъ Магарача и наконецъ оканчивается мысомъ Никиты, за которымъ начинается новая чреда заливчиковъ, образующихъ вмѣстѣ Гурзуфскій заливъ: «Медвѣдь-гора», Аю-Дагъ, ограничивающій Гурзуфскій заливъ съ другой стороны, выдается въ море дальше всѣхъ высотъ южнаго берега. За нимъ линія берега рѣзко поворачиваетъ къ сѣверу, и поэтому, до самой Алушты, берегъ глядитъ прямо на востокъ. Оттого же и мѣстность отъ Аю-Дага до Алушты дѣлается уже менѣе роскошною и не такъ тѣсно населенною сравнительно съ окрестностями Ялты. Но со всѣмъ тѣмъ все пространство это носитъ на себѣ слѣды очень древней, очень дѣятельной жизни: безчисленное множество знаменательныхъ названий, уцѣлѣвшихъ отъ старины даже въ татарскомъ искаженіи, множество памятниковъ разнаго рода и даже положительныя свидѣтельства исторіи убѣжддаютъ несомнѣнно, что южный берегъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ уголковъ, которые еще на зарѣ исторіи уже приманили къ себѣ человѣка.

Путешественнику, даже и послѣ посѣщенія главнѣйшихъ знаменитостей южнаго берега, доставить большее наслажденіе посчитаться верхомъ по всѣмъ закоулкамъ за-ялтинскаго берега. Тутъ сторона лучшихъ крымскихъ винъ. Тутъ обширные Воронцовскіе виноградники Массандры и Ай-Даниля; тутъ образцовое винодѣліе Магарача, въ которомъ устроено казенное училище винодѣлія; тутъ известныя испанскія вина Гурзуфа и много другихъ, очень замѣчательныхъ плантаций. Нижняя Массандра, ближайшая сосѣдка Ялты, хороша своимъ роскошнымъ хозяйственнымъ устрой-

ствомъ, садами, рощами, погребами, фермами, но для наслажденія природою вы отправьтесь вверхъ, въ горную или верхнюю Массандру, гдѣ виднѣется изящный лѣтній домикъ князя Воронцова, залитый кругомъ коврами цвѣтниковъ, купающійся въ зелени лѣсовъ, въ прохладѣ горныхъ ручьевъ. Сюда, подъ покровъ Яйлы, спасается отъ тропического юльского зноя Алупки ея владѣлецъ. Тамъ удивительно-громадные, удивительно-старые орѣхи кругомъ церкви, изъ-подъ которой бьетъ священный ключъ, орошающій многія долины. Въ обширныхъ лѣсахъ Массандры пробиты живописныя, еще совершенно дикия дороги, бродя по которымъ на надежной татарской лошадкѣ, вы познакомитесь съ поразительными картинами обрывовъ, обваловъ, водопадовъ и утесовъ; это одна изъ лучшихъ и наименѣе известныхъ прогулокъ по скаламъ Яйлы. Въ Магарачѣ, бокъ-о-бокъ съ Массандрою, устроено казенное училище винодѣлія и отличные погреба съ изумительнымъ виномъ. Кто не пилъ хорошаго магарачскаго вина на мѣстѣ, тотъ не имѣть вѣрнаго представленія о достоинствахъ крымскаго вина. Я провелъ разъ цѣлое счастливое лѣто подъ сѣнию Магарачскаго лѣса, на самомъ взморье и, конечно, хорошо познакомился и съ погребами Магарача. Вино здѣсь не продается ведрами, а только бутылками, и дешеваго вина здѣсь поестественному нѣтъ. Красное отъ 60 к., белое отъ 50 к. за бутылку на мѣстѣ. Но столовыми винами Крымъ не можетъ соперничать съ Франціей. Его слава, особенно слава Магарача — это крѣпкія ликерныя вина. Они-то берутъ золотыя медали на всемирныхъ выставкахъ своею густотою, какъ масло, сладкою, какъ сахаръ, и необыкновенно душистою влагою. Старое магарачское вино — несравненно ни съ какимъ другимъ и могло бы продаваться въ погребахъ столицы по баснословнымъ цѣнамъ. Особенно хороши разные мускаты, лю-

нели, и лучше всѣхъ рѣшительно пино-гри. Бутылка десятилѣтняго пино-гри стоитъ, въ самомъ погребѣ, около 3-хъ рублей, старѣе вамъ врядъ-ли продадутъ. Мы объясняли сладость, ароматичность и густоту этихъ винъ особымъ пріемомъ, который употребляютъ магарачскіе винодѣлы: они слегка скручиваютъ ножку вызрѣвающаго грозда и заставляютъ его такимъ образомъ нѣсколько подвянуть на солнцѣ еще на лозѣ. Сока получается меньше, но достоинство его необыкновенно. — Магарачъ обсыпанъ дачами, но къ нему самому сѣзданъ вовсе не легкій. Экипажную дорогу нельзя было довести до обрывовъ, гдѣ онъ спрятался, и она бѣжитъ мимо тѣнестаго пріюtnаго парка Василь-Сарая, прямо въ Никитскій садъ. Тутъ тоже училище садоводства, а изъ Императорскаго ботаническаго сада можно покупать сѣмена, растенія и черенки деревъ. Садъ и учрежденіе собственно съ этою цѣлью въ 1812 году. Онъ разбитъ въ прекрасной мѣстности, и вы найдете въ немъ всевозможныя деревья юга. Ландшафтъ парка очень удачный, особенно тамъ, гдѣ въ немъ участвуютъ рѣдкія для Крыма породы хвойныхъ деревъ.

Со станціи Ай-Даниль непремѣнно сѣзжайте въ Гурзуфъ Фундуклей. Это одна изъ живописнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ мѣстностей, которыхъ не забываешь, увидѣвъ разъ. Если вы проѣзжаете Гурзуфскій паркъ лунною ночью, васъ особенно поразитъ длинная, вьющаяся аллея, тѣсно обставленная черными стрѣлами кипарисовъ. Изъ роскошнаго барскаго парка, съ высоты широкой террасы дома, вамъ откроется какъ на ладони татарская деревня Гурзуфъ, лѣпящаяся по голымъ скаламъ морскаго берега. Изгрызанные временемъ высокіе конические утесы, торчащіе прямо надъ

волнами моря, вѣнчаютъ эту характерную деревушку, сплошь полную татарской грязи, тѣсноты и пестроты. Художникъ-туристъ не оторвался бы здѣсь отъ своего карандаша. На самомъ пикѣ утеса еще высится полуразвалившійся замокъ, и отъ него сбѣгаютъ по неприступному обрыву обломки стѣнъ, башенокъ и лѣстницъ. Это древняя Горзувита, когда-то колонія грековъ, потомъ генуэзцевъ, защищавшая доступъ къ заливамъ Гурзуфа и Артека, богатымъ рыбою и прекрасными пристанями для судовъ. Вы должны вдоволь полазать по скалистымъ проулочкамъ деревни для изученія татарскихъ типовъ, татарской жизни, и докарабкаться до Горзувитской цитадели. Вашъ трудовой потъ будетъ вознагражденъ тѣмъ поистинѣ чуднымъ видомъ, который откроется вамъ съ вершины пика разомъ и на лѣсную Яилу, и на паркъ, и на деревню Гурзуфъ, и на синее море, усыпанное бѣлыми мотыльками парусовъ.

Между Гурзуфскими скалами и Аю-Дагомъ самая тихая и пріятная бухта, всегда полная темныхъ тѣней отъ лѣсовъ и скалъ отражающагося въ ней Аю-Дага. Всѣ рѣдкіе поселки этой мѣстности также исполнены какой-то пустынной тишины. Исполинскій горбъ мрачной и недоступной Медвѣдь-Горы отрѣзаетъ ихъ отъ остального мѣра и осѣняетъ ихъ своими каменными твердынями. Нѣсколько скалъ, причудливо изгрызенныхыхъ волною и вѣтромъ, безъ сомнѣнія — остатки скалистаго мыса, — островками ступили въ море, вокругъ нихъ юятся рыболовы, на вершинѣ ихъ лѣсовъ — тучи морскихъ птицъ. Эти живописныя скалы памятны всѣмъ, кто подѣжалъ къ Аю-Дагу по морю со стороны Ялты. Я помню настоящую венеціансскую ночь съ полною луною, съ тихоплескающимъ моремъ, съ тихою пѣснею и съ счастливыми думами, когда мы плыли въ просторномъ катерѣ изъ Магарачской пу-

стыньки въ сады Гурзуфа. Насъ нѣжно покачивало и убаюкивало, будто въ колыбели; неслышно проплывали мимо насъ слабо надутые паруса судовъ, спѣшившихъ въ Ялту къ утреннему базару, неслышно исчезали одинъ за однимъ темные мысы и бухты берега, провожавшаго насъ вдали. Дѣтская головка спала сладкимъ сномъ, въ сіяніи полнаго мѣсяца, разсыпавъ на моихъ колѣнахъ свои льняныя кудри, а пѣвучій женскій голосъ разливался по далекому морю, какъ не можетъ онъ никогда разливаться въ 4-хъ стѣнахъ, подъ звуки рояля... Рыбацкія лодочки такъ живописно качались тогда въ тѣни Гурзуфскихъ скалъ, и когда сонный рыбакъ сталъ доставать намъ плескавшихся въ садкѣ серебристыхъ кефалей, морскія чайки съ такою оглушающею тревогою встрепенулись на своеемъ одинокомъ утесѣ... Мы бродили по волшебно освѣщенному парку, какъ въ волшебной сказкѣ, и на насъ падали черныя тѣни кипарисовъ, и сами кипарисы казались живыми великанами.

Миновавъ уютную дачку Султана Крымъ-Гирея, сѣжившую на самое взморье и спрятавшуюся тамъ въ складкѣ берега, между густыми фигами и орѣхами, вы поднимаетесь въ Артекъ княгини Потемкиной. Это уже вполнѣ царство Аю-Дага. Артекъ стоитъ на его предгорье; оттого въ Артекѣ постоянно много тѣни. Лучшая часть Артека на верху горы. Тамъ цѣлый маленький скитъ, изящный, какъ все на южномъ берегу. Маленькая церковочка похожа на виноградную бесѣдку; кельи — хорошенъкія дачки. Тутъ въ самомъ дѣлѣ живетъ іеромонахъ изъ Святогорья, служить обѣдню безъ прихожанъ и пустынничаетъ въ этой райской пустынкѣ.

Никому не совѣтую подниматься на тяжкую горбат-

тую массу Аю-Дага. Дороги тамъ слѣда нѣтъ, пропасти большія, заблудиться ничего не стоитъ, и не найдете особенно оригинальныхъ точекъ зреѣнія. Мы было пропали на немъ съ однимъ знакомымъ профессоромъ, неблагоразумно отправившись искать древнихъ развалинъ на его вершинѣ, вдвоемъ, безъ проводника. Бхать верхомъ уже было нельзя, едва можно было тащить лошадей въ поводу. Зато мы хорошо разсмотрѣли и пересчитали страшныя пропасти, которыми Аю-Дагъ обрывается къ морю. Между его узкими и высокими мысами, вытянутыми впередъ, какъ каменные лапы чудовища, такія трущобы, такие недоступные взору заливчики, замаскированные скалистыми островками и лѣсомъ, что нельзя найти лучшаго притона для контрабандиста и корсара.

Съ одной стороны къ Аю-Дагу жмется Артекъ, съ другой — Партенитъ Раевскаго. Тамъ гора, здѣсь — низкій круглый заливъ. отличное купанье. отличная пристань, мѣсто открытое и веселое, орошающее ручьями, богатое всячими плантациями. Партенитъ — поселеніе глубокой древности. Нѣкоторые ученые думаютъ, что храмъ дѣственной богини Тавровъ, въ которомъ совершилась драма Ифигеніи и Ореста, стоялъ около нынѣшняго Партенита, на Аю-Дагѣ, а не на мысѣ Партеніумѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Недавнія археологическія находки сильно подтверждаютъ мнѣніе о глубокой древности Партенита. Въ Партенитѣ недавно еще показывался орѣхъ, толще и старѣе котораго не было въ Крыму. Не знаю, тотъ-ли это самый, который стоитъ въ сосѣдствѣ фонтана, вокругъ котораго до сихъ поръ собираются татары отдохнуть по вечерамъ и судить о своихъ дѣлахъ. Я не разъ наслаждался въ Партенитѣ тѣнию орѣховъ послѣ утомительной скачки верхомъ и прекраснымъ купаньемъ въ тѣни Аю-Дага. Я бы совѣтовалъ всякому туристу сдѣлать по-моему:

не забыть въ экономію владѣльца, а расположиться въ первомъ орѣховомъ саду надъ моремъ, попросивъ разрѣшенія какого-нибудь гостепріимнаго мусульмана. Тамъ, на зеленомъ коврѣ травы, подъ зеленымъ шатромъ деревьевъ, татаринъ накормитъ васъ шашлыкомъ и плодами, и вы себѣ належитесь и налюбуетесь сколько душѣ угодно. Послѣднія къ Алуштѣ деревни, послѣдніе парки и дачи, достойные вниманія, — въ Карасанѣ и Кучукъ-Ламбатѣ, сейчасъ, какъ поднимешься изъ Партенита. Полюбовавшись роскошными деревьями и цветниками карасанскаго парка, поворотите къ морю, на скалу Кучукъ-Ламбата, «Малаго маяка», Лампаса древнихъ грековъ. Голый, словно обожженный утесъ отрѣзаетъ отъ моря глубокую бухту и сообщаетъ всей мѣстности особенно живописный характеръ. Высоко на вершинѣ утеса, нависшей надъ бухтою, торчитъ хорошенькая часовня, пониже ея домикъ въ зелени и группы кипарисовъ, сбывающихъ къ парку. На этой вершинѣ, конечно, и былъ старинный маякъ, манивший въ безопасное затишье бухты.

Когда вы, читатель, побываете во всѣхъ углахъ южнаго берега и насытите свое любопытство его разнообразными красотами, вернитесь въ Алупку. Если у васъ есть нѣсколько времени, которое вы можете посвятить отдыху и наслажденію, и если вы не боитесь оставаться наединѣ съ собою, — поживите это время въ Алупкѣ.

Въ Алупкѣ, въ предѣлахъ княжескаго парка, есть очень чистенькая, очень приличная и очень крошечная гостиница, гдѣ вы можете имѣть все, что вамъ надо, если только успѣете найти мѣсто. Не попали въ гостиницу — поселяйтесь у татарина, въ деревнѣ. Глиняные домики татаръ съ глиняными крышами, съ глиня-

ными трубами, такъ спрятаны въ тѣнистыхъ садахъ орѣха, тута и инжира, что вы не сразу и увидите деревню Алупку; эти безконечные сады незамѣтно сливаются съ лѣсами, окаймляющими подошву Ай-Петри, а съ другой стороны также незамѣтно переходятъ въ княжеские парки.

Зелень, сплошь заполонившая всѣ отроги глубокой долины, и хаосъ сѣрыхъ камней, разсыпанный по ней отъ Ай-Петри до самаго моря, — вотъ общій видъ Алупки. Долины, болѣе теплой, болѣе кишащей водами, плодами и зеленью — нѣтъ на южномъ берегу. Тутъ даже въ лѣсахъ плодовый деревья юга.

Ай-Петри придаетъ Алупкѣ всю ея характерность и красоту. Ай-Петри далеко не самая высокая гора Крыма, но она кажется Богъ знаетъ какою громадною, потому что стоитъ вся передъ вами. Это гора-замокъ, — волшебный, заоблачный замокъ. Съ разрушенными башнями, съ отвесными обрывами стѣнъ, съ зубцами, обглоданными временемъ, — замокъ, достойный байроновскаго Манфреда.

Не знаю, есть-ли гора въ Крыму живописнѣе Ай-Петри. Она вовсе не такъ близка, какъ кажется вамъ изъ Алупки. Вы можете догадаться объ этомъ по тонко-синему тону ея красокъ. Она кажется близкою потому, что стоитъ надъ всѣмъ и за всѣмъ, что вы отсюда видите, — загораживая небо, почти нависая надъ головою вашею. Весь пейзажъ Алупки — въ сущности Ай-Петри и море. Скалы и лѣса долины имѣютъ смыслъ только потому, что они сбѣгаютъ съ Ай-Петри. Самъ замокъ Алупки, — не тотъ титаническій и фантастическій замокъ, что купаетъ свои зубцы въ облакахъ, — а настоящій замокъ князя Воронцова, привлекающій въ Алупку туристовъ, — самъ замокъ этотъ оттого является вамъ такимъ поразительно-оригинальнымъ и художественно-полнымъ произведеніемъ искусства, что онъ

замысленъ въ дико-поэтическомъ стилѣ Ай-Петри. Онъ носитъ на себѣ тотъ же общий характеръ пустынной и недоступной грандиозности, какъ и гора, здѣсь царящая. Онъ сложенъ изъ тяжкихъ камней неразрушимаго сѣраго трахита и высить свои башенки, свои капризные уступы крышъ, свои затѣйливыя мавританскія трубы изъ яркой чащи парка, точь-въ-точь какъ поднимаетъ въ облака свои красиво-выточенные пики, тамъ позади, — такая же сѣрая, такая же вѣковѣчная скала, подъ пятою которой онъ теперь красуется. Оттого лучшій видъ на Алупку снизу, отъ моря, когда и дворецъ, и купы кипарисовъ, и живописная татарская мечеть среди татарскихъ хатъ, и всѣхъ выше господствующей православный храмъ, въ благородномъ стилѣ аенинского Пароенона — когда все это видно вамъ на синемъ фонѣ Ай-Петри, подъ сѣнью Ай-Петри, подъ чарами Ай-Петри. Тогда вамъ ясно, что отъ самыхъ волнъ моря, черезъ роскошь всѣхъ княжескихъ дворцовъ, черезъ всѣ эти пруды, фонтаны, пивѣники и гроты, черезъ мечети и храмы, лѣса и обвалы, все растетъ и поднимается туда вверхъ, къ царственной горѣ, къ поднебесью, гдѣ купается въ глубокой синевѣ юга блѣдый вѣнецъ ея скаль, — растетъ и поднимается чудная красота, недоступная описанію.

Въ Алупкѣ соединены условія красоты, которыхъ почти никогда не встрѣчаешь вмѣстѣ. Алупка — дичь, пустыня, суровый хаосъ обваловъ, необузданная мощь растительной силы; море бѣть въ открытый каменистый берегъ Алупки всей тяжестью своей груди, гложетъ и крошитъ его, пляшетъ и воетъ въ его тѣсныхъ бурунахъ, какъ голодная вѣдьма.

Вы не услышите въ Алупкѣ человѣческаго голоса, пѣнья птицы. Будто вымерло все въ этой заколдован-

ной обители красоты. Прибой волнъ внизу, на морѣ, клегтанье орловъ вверху, надъ зубцами Ай-Петри — вотъ звуки Алупкинской пустыни. Но въ этой пустынѣ — всѣ чудеса цивилизациіи, всѣ побѣды разума. Геній художника овладѣлъ дичью, не возмутивъ ея; онъ заставилъ ее служить тонкому вкусу изящества и капризнымъ требованіямъ самаго изнѣженаго удобства. Тѣнистыя, живописныя тропинки поднимаютъ и опускаютъ васъ въ ущелья, полныя очарованія: куча скалъ, сброшенныхъ съ Ай-Петри, оказывается таинственнымъ гротомъ, пріютомъ любви и мечтанія. Горные ключи, наполняющіе лѣсъ своимъ веселымъ журчаньемъ и дыханьемъ горной свободы, бѣгутъ вамъ на-встрѣчу, то изъ опрокинутой урны античнаго мрамора, то изъ сердцевины срубленнаго шна или изъ нѣдра гранитнаго обломка: то низвергаются дикимъ каскадомъ съ обрыва утеса, то спалзываютъ широко распластанною скатертью по округленной поверхности камня... Иногда это меланхолическая струя, тихо урчащая въ непроглядную темь бассейна, кругомъ заслоненного вѣковыми деревьями; иногда это цѣлый могучій ручей, сбѣгающій по гранитнымъ ступенямъ своего ложа и орошающій всѣ парки, отъ горы до моря. Все это словно устроилось само собою, но все это строго обдумано и разсчитано. Художникъ не оставилъ безъ вниманія ни одного камня, ни одной струи. Все вошло въ составъ его плана, всякая подробность получила роль въ задуманной имъ общей картинѣ. Ничего натянутаго, искусственнаго, сочиненнаго. Природа вездѣ осталась сама собою, глубоко постигнутая, во всемъ живѣй и во всей характерности своей. Вонъ на кругломъ столѣ столпились цѣльимъ полчищемъ, будто траурная толпа иноковъ, — черные кипарисы. Имъ невозможно было найти болѣе пригоднаго и болѣе эффектнаго мѣста, и они стали здѣсь. Спуститесь ниже, ближе къ морю, въ глубокое за-

тишье зеленаго пригорка. Это природная теплица, пьющая открытыми устами тепло и влагу южнаго моря. Посмотрите, въ этой зеленой теплицѣ уже пріютилась рощица молодыхъ олеандровъ; густыя розовыя шапки ихъ свадебныхъ цвѣтовъ такъ весело и ярко вырѣзаются на яркой и веселой зелени. Въ другомъ уголкѣ, такомъ же уютномъ, роща магнолій. Магноліи Алупки достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Ихъ громадныя бѣлыя лилии лежатъ на своихъ вѣтвяхъ словно водяныя розы викторіи-регіи. Нѣтъ другаго цвѣтка, подобнаго этому по пышности и величинѣ. Лавры, фотиніи, лавровицни идутъ сплошными коридорами. Эти вѣчно-зеленые рощи сообщаютъ Алупкѣ счастливый весенний видъ въ самый развалъ зимы. Неожиданности и разнообразію здѣсь конца нѣтъ, въ этомъ волшебномъ саду. Вотъ вы выходите изъ густаго лѣса вѣковыхъ каштановъ или орѣховъ, подъ которыми забываете о крымскомъ солнцѣ,— предъ вами безмолвная поляна, выстланная, будто сплошнымъ сукномъ, мелкою, зеленою травкою. Аїнскія пропилы стоятъ съ своими строгими колоннами на полянѣ, глядя на далекое море. Старые платаны протягиваютъ свои вѣтви плоскимъ шатромъ. Кругомъ розовая ограда изъ цвѣтушихъ олеандровъ — заслоняетъ отовсюду напирающій лѣсъ, и надъ нимъ — высоко, широко надвинулась надъ всѣмъ господствующая твердыня Ай-Петри. Разбитый античный саркофагъ съ барельефами, опрокинутыя античныя амфоры и струя фонтана, тихо звенящая въ древній мраморъ, — просто отрывокъ пустынныхъ береговъ Эллады, съ тѣнями ея великой исторіи, съ поэзіею ея вѣчной весны. Вы должны употребить нѣсколько дней, чтобы выходить всѣ углы безконечныхъ парковъ и не спѣша насладиться ими. Пачинайте лучше всего отъ моря и, не торопясь, не насилия ни ногъ, ни головы, двигайтесь по незамѣтнымъ склонамъ дорожекъ, по всѣмъ ихъ из-

вивамъ, изъ нижняго парка въ верхній, чутъ не къ самой подошвѣ Ай-Петри. Верхній паркъ гораздо болѣе дикъ, гораздо менѣе отдѣланъ, но, пожалуй, онъ еще поразительнѣе нижняго. Въ немъ особенное богатство скаль со скрытыми въ нихъ гrotами, обрывовъ, водопадовъ, тихихъ прудковъ. Въ немъ цѣлыя крытые аллеи розъ, въ немъ горное озеро съ бѣлыми лебедями, съ утесомъ посрединѣ, съ плачущими до земли ивами по берегамъ. Кому выпадетъ рѣдкая доля провестъ въ Алупкѣ свою пору любви, — тотъ не найдетъ на землѣ мѣста, болѣе достойнаго богослуженія любви. Онъ обрѣтетъ здѣсь земной эдемъ. Онъ будетъ здѣсь одинъ, съ своими мечтами, съ своимъ другомъ. Таинственный сѣн парка и пріюты дикихъ гrotовъ останутся на всегда священными въ его воспоминаніи. Здѣсь, въ со-зерцаніи безпредѣльного моря, подъ владычествомъ заоблачныхъ высей, среди нѣги и моці южныхъ лѣсовъ, среди бодрящаго лепета горныхъ ключей, и любовь человѣка окрылится приливами невѣдомой ему силы, невѣдомой прелести. Недаромъ и восточная легенда заставила человѣка вкусить первый трепетъ бытія, первые восторги любви среди чуднаго южнаго сада, орошенаго водами могучихъ рѣкъ. Посидите здѣсь внизу на оторванныхъ утесахъ берега, среди водоворота и пѣни прибоя. Передъ вами глазъ-на-глазъ открытое море, безъ заливоvъ, безъ поворотовъ, прямо надвигающееся отъ азіатскаго берега. Оттого обхватъ его громаденъ. Направо Айя далеко выдвинулъ въ море свой каменистый носъ, нальво Ай-Тодоръ съ башнею своего маяка; просторная рамка.

Весь *настоящій* южный берегъ, отъ одного поворота до другаго. Каково море, таковы и горы. Ихъ не загородили отъ вашего взора ни скалы, ни парки, ни дворцы; а разстояніе не въ силахъ было спрятать ихъ. Онѣ видны вамъ отсюда, съ морскихъ хлябей,

такими же нависшими и грозными, съ тѣми же отчаянно-воздвигнутыми утесами. Въ этой могущественной картинѣ нѣтъ мелочности и напряженной изобрѣтательности. Здѣсь все наброшено широкою, смѣлою кистью.

Утесъ, на которомъ вы сидите, цѣлый островъ; на немъ можно поставить крѣпость. Цѣлые груды такихъ утесовъ засыпаютъ берегъ Алупки, оторванныя моремъ, оборвавшіяся съ горъ. Сѣдяя чудовища, воздвигнувшія этотъ хаосъ, неистовствуютъ теперь въ тѣснинахъ на-громожденныхъ ими утесовъ и обливаютъ меня всплесками пѣны. Выстрѣль за выстрѣломъ слышится изъ пучины, гдѣ происходитъ эта сатанинскія пляска. и даже тяжелый утесъ содрогается отъ бѣшеныхъ ударовъ. Эти волны и эти камни не шутятъ. Вонъ, по сосѣству съ вами, за купальней князя, артель рабочихъ и водолазовъ пріютилась въ сырой складкѣ берега, едва прикрывшись дырявою парусиною отъ дождя и вѣтровъ. Они уже третій годъ вытаскиваютъ изъ ненасыщенаго чрева пучины останки погибшаго парохода. Русскій народъ и на три года располагается такъ, какъ будто ему уѣхать сейчасъ послѣ обѣда; набросилъ себѣ кое-какъ кое-чего и живетъ себѣ, поживаетъ третій годъ въ сырой ямѣ, босой и холодный.

Къ замку поднимайтесь лучше всего вечеромъ, передъ закатомъ. Когда оставите за собою живописно разбросанныя группы кипарисовъ, то одѣтыхъ до пятъ въ свои темныя ризы, то скрученныхъ въ стройные и тѣсные конусы, оглянитесь透过儿 нихъ на море. Трехмачтовые и двухмачтовые корабли, штукъ по 20 — 30 сряду, тянутся по горизонту, будто нескончаемые обозы на нашихъ русскихъ большихъ дорогахъ. Поближе къ берегу, посрединѣ видимаго вамъ моря, легкая греческая

шлюпка рѣжетъ сплошную зелено-голубую степь узкимъ, кривымъ крыломъ своего паруса. Эти трехъ-угольные бѣлые паруса издали чистыя чайки, особенно когда вѣтеръ сгонитъ ихъ въ одно мѣсто и качаетъ по волнѣ.

Незамѣтно, почти по горизонтальнымъ дорогамъ, глубоко запрятаннымъ въ тѣни громадныхъ деревъ, одѣтымъ вѣчною зеленою лавровъ и фотиній, поднимается вы къ Алупкинскому замку. За дорожками идутъ гранитныя террасы, затканныя ползучими розами и плющемъ, окаймленныя миrtleвыми изгородями; непроницаемая тѣнь. Съ одной террасы на другую, одинъ неслышный поворотъ за другимъ, едва замѣчая подъемъ, вы вдругъ очутитесь у подножья замка. Онъ стоитъ еще на нѣсколькоихъ широкихъ террасахъ, какъ на пьедесталѣ. Эти террасы — сплошные цвѣтники самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, самыхъ изящныхъ клумбъ. Цвѣты налиты, какъ въ блюдахъ, въ низенькихъ цвѣтничкахъ, а на массивныхъ мраморныхъ балюстрадахъ ряды мраморныхъ вазъ съ кустами алоэ. Имъ нѣть счету. Изъ этого чуднаго букета поднимается мавританскій дворецъ въ стилѣ Альгамбры. Широкая бѣлая лѣстница съ чуть слышнымъ скатомъ, обставленная чудными изваяньями бѣломраморныхъ львовъ, во всѣхъ моментахъ ихъ пробужденья, отъ глубокаго зловѣщаго сна у подножья, до грознаго рыканья въ преддверіи дворца, — идетъ черезъ всѣ террасы ко входу замка. Фонтаны каррарскаго мрамора, сквозной рѣзбы необыкновенного искусства, въ такихъ же бѣломраморныхъ огромныхъ бассейнахъ, бѣломраморныя массивныя скамьи, бѣломраморные саркофаги съ цвѣтами, бѣломраморныя вазы, разбросаны по площадкѣ дворца и по рамкамъ лѣстницы.

Дворецъ является вамъ съ этой стороны въ видѣ

огромнаго кіоска, весь въ балкончикахъ, затканный подъ самую крышу ползучими розами, виноградомъ и плющами разнаго рода. Это самый характерный фасъ дворца. Прямо съ верхней площадки вы входите въ громадную полукруглую нишу, всю изрѣзанную внутри скульптурными украшениями. Она тоже бѣлаго мрамора. Въверху ея свода прильплены, какъ гнѣзда, золоченые балкончики прелестной формы, обвитые зеленью, которая падаетъ съ нихъ гирляндами, уставленные цветами. Въ глубинѣ ниши надъ огромною входною дверью, огромныя золотыя буквы китайской надписи. Весь павильонъ въ китайскомъ вкусѣ, китайскіе фарфоровые табуреты, китайскіе диванчики, китайскіе столики, и все это въ цѣлой рощѣ тропическихъ деревьевъ, перемѣшанныхъ со статуями. Я видѣлъ лучшіе дворцы Европы, но ни въ Версаляхъ, ни въ Шенбрунахъ, ни въ Петергофахъ, ни въ Сануси, не нашелъ ничего, что бы равнялось со входомъ Алупкинскаго замка по художественной полнотѣ, благородству и оригинальности стиля. Нигдѣ, кроме Алупки, я не видѣлъ такого сочетанія архитектурнаго гenia съ гeniemъ пейзажиста, моря съ горами, камня съ лѣсомъ, дикости природы съ изяществомъ цивилизациі.

Замокъ построенъ изъ діорита очень оригинального сѣро-зеленоватаго цвета. Это дѣлаетъ его несокрушимо-прочнымъ и какъ-то сурово-прекраснымъ. Словно уже это не зданье, а творенье природы. Стиль замка сообразовался не только съ характеромъ владычествующихъ горъ, но и съ характеромъ востока, свойственнымъ мусульманскому Крыму. Это отрывокъ Альгамбры арабскихъ калифовъ. Съ нея списаны его детали, она дала художнику его общую мысль. Эти тѣнистые террасы съ тропическими растеніями, эта роскошь фонтановъ и висящихъ балкончиковъ, эти стройныя какъ минареты, изящно выточенныя изъ

камня, трубы и башенки дворца, плоскія кровли, балконы наверху, неправильные уступы крыши, капризные повороты стѣнъ, обилие закоулочковъ и галлерей, тѣсныхъ проходовъ и потаенныхъ двориковъ, дверочки и окошечки тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь, чисто-арабскіе купола башенъ, — все это востокъ самый характерный, самый несомнѣнныи. Тѣнь, прохлада и тишина — вотъ господствующая идея постройки. Она вполнѣ восточная и притомъ вполнѣ крымская.

Замокъ состоитъ изъ 2-хъ корпусовъ дворца и огромнаго двора съ двухъэтажными службами, отдѣленного отъ замка проулкомъ. Этотъ дворъ — цѣлый отдѣльный замокъ своего рода. Надъ воротами его развѣвается флагъ князя Воронцова. Осмотрѣть службы замка стоитъ труда. Несмотря на хозяйственный характеръ этого двора, на множество народу и множество занятій, сосредоточенныхъ въ немъ, дворъ отличается необыкновенной чистотою. Всѣ его зданія, того же сѣраго діорита, затканы, какъ и дворецъ, шпалерами зелени, а со стороны верхняго парка стѣна двора обращена въ яркіе, висячіе цветѣники. Но оригинальнѣе и прекраснѣе всего — проѣздъ между высокою заднею стѣною службы и замкомъ. Онъ самъ по себѣ довольно широкъ, но отъ высоты и непрерывности окружающихъ его стѣнъ, кажется чрезвычайно глубокимъ и узкимъ. Это своего рода улица восточныхъ городовъ. Только вместо грязи и вони — здѣсь чисто и душисто, какъ въ саду. Высокія стѣны не обросли, а просто облиты сплошнымъ ковромъ зелени. Тутъ и розы, и кавалерская звѣзда, и глициния, и плющъ, и дикий виноградъ, и пионея, не увидите вершка камня. Все заткано, заполнено выющеюся сѣтью зелени. Только кое-гдѣ выглядываетъ, среди зеленой шпалеры, изъ

своихъ глубокихъ гнѣздъ какое-нибудь узенькое оконечко или причудливо устроенная дверочка. А надъ головою вашею, на нѣсколько сажень въ высотѣ, перекинутъ поперекъ какой-нибудь легонѣкій мостики или крытый стеклянный переходъ. Этотъ прохладный, глубокій, зеленый коридоръ тянется во всю длину замка и замыкается съ обѣихъ сторонъ круглыми башнями, точно также до макушки облитыми зеленью. Внутренность дворца мнѣ не такъ по вкусу, какъ его наружный видъ, не смотря на богатство его, не смотря на неподдельное арабское, персидское и китайское убранство. Замѣчательна только столовая дворца, куда вы проходите черезъ роскошный зимній садъ съ фонтаномъ посерединѣ. Столовая темна и массивна, какъ слѣдуетъ быть настоящей столовой средневѣковаго замка. Огромный неподвижный столъ съ тяжкими дубовыми стульями средневѣковаго вкуса, объемистый каминъ посерединѣ, огромные дубовые буфеты съ рѣзьбою по обоямъ концамъ, съ разными рѣдкостными жбанами, кувшинами и кубками, темная деревянная рѣзьба на потолкахъ и панеляхъ, часы драгоценной, художественной рѣзьбы изъ дерева, огромная люстра красной мѣди подъ цѣвѣть мебели и стѣнъ, а на окнахъ занавѣсы необычайныхъ размѣровъ, необычайной цѣны и необычайной массивности, темно-красные, какъ и обивка стульевъ, нарочно заказанные въ Ліонѣ, вытканные цѣльнымъ кускомъ.

Къ дворцу замка примыкаетъ связанное съ нимъ длинною галлерею зданье библіотеки. Вы узнаете его по башнѣ съ огромнымъ флюгеромъ, чистой обсерваторіи. Библіотека отодвинута отъ жилья и спрятана въ густой чащѣ. Отдельный дворикъ съ «фонтаномъ слезъ», съ нѣсколькими другими фонтанами, тѣнистый, цвѣту-

щій, всегда безмолвный, составляетъ очаровательный притворъ этой библіотеки. Въ огромныхъ, высокихъ залахъ собраны сокровища науки и поэзіи, рѣдкіе манускрипты, древніе фоліанты, давно исчезнувшіе изъ обращенія, драгоцѣнныя художественныя и археологическія изданія. Въ тиши этой библіотеки часто работалъ покойный князь Боронцовъ, основатель Алупки, одинъ изъ немногихъ истинныхъ государственныхъ мужей нашего отечества, человѣкъ просвѣщенной мысли и полезнаго дѣла. Его рабочій столъ, заваленный кни-гами, и кабинетное кресло стоятъ посреди зады.

Выйдите изъ библіотеки въ дичь парка, въ сторону отъ дворца. Вы будто на широкомъ балконѣ, но это скала. Вы висите надъ густыми вершинами, вы об-ставлены ими. Все могучія старыя деревья — платаны, хурма, павловник, катальпы, тути и смоковницы. Отъ нихъ тутъ просто темно. Если у васъ въ рукахъ хо-рошая книга или хорошая мечта въ головѣ, останьтесь здѣсь на этомъ глубокомъ балконѣ: сплошной навѣсъ рѣющаго винограда съ кудрявыми листьями, съ выю-щимися усами, виситъ надъ вами будто въ воздухѣ, едва колышась отъ собственного дыханья и пропуская къ вамъ волшебный зелено-золотой свѣтъ. Этимъ зе-ленымъ золотомъ все теперь, кажется, наполнено въ ва-шемъ безмолвномъ, висячемъ приютѣ. Струя фонтановъ звонко падаетъ въ мраморныя раковины, а густыя клумбы прекрасныхъ розовыхъ гортеңзій роскошно разростаются у ногъ фонтановъ, освѣжаемыя ихъ брыз-гами, заслоненные отъ солнечнаго зноя этою дрожащею сѣтью зеленаго золота.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА КРЫМА.

Пещерные города Крыма въ высшей степени интересные памятники древности. Европа, сколько мнѣ известно, не имѣетъ ничего подобнаго высокой оригинальности крымскихъ пещерныхъ городовъ. Къ сожалѣнію, однако, наша публика почти незнакома даже съ самимъ фактамъ существованія ихъ. Въ специальныхъ сочиненіяхъ о крымской археологіи, большую частью иностранныхъ, большую частью давно уже вышедшихъ изъ обращенія, — разбросаны скучные материалы, касающіеся этого предмета; но до сихъ поръ нѣтъ ни одной книги, ни одной популярной статьи, посвященныхъ исключительно ихъ описанію. Даже, стыдно сказать, крымскіе жители образованныхъ классовъ слушаютъ разсказы о пещерныхъ городахъ, какъ неожиданную для нихъ новинку; туристы же, ограничиваясь легкодоступнымъ обзоромъ южнаго берега, рѣдко рѣшаются предпринимать поѣздку внутрь горъ. Я съ намѣренiemъ сохранилъ въ своей статьѣ тѣ живые элементы крымской природы и жизни, при которыхъ я самъ знакомился съ пещерными городами и безъ которыхъ описание ихъ было бы слишкомъ мертвенно и

неполно. Гораздо легче знакомишься съ пылью архивовъ и камнями развалинъ, когда встрѣчаешь ихъ въ разнообразіи путевыхъ впечатлѣній; къ тому же, страна пещерныхъ городовъ и окружающая ихъ природа въ высшей степени характерны, и сами по себѣ уже стоятъ вниманія.

I.

Древняя столица готовъ.

—♦—

Перевалъ черезъ Яйлу.— Ночлегъ въ Татаріз.— Мангупский Аэропланъ.— Мангупъ-кале, древняя Маннолія; его памятники и исторические воспоминанія.

частниковъ похода оказалось пятеро, не считая неизбѣжного и незамѣнимаго Бекира, который, по своей должности фактотума, обязанъ быть вести нашъ караванъ. Выражаясь по-крымски, Бекиръ становился нашимъ *суроджи* (таково татарское название швейцарскихъ фюгеровъ и гидовъ).

Неустрашимая и милая амазонка, спутникъ всѣхъ нашихъ горныхъ странствованій, опять съ нами.

Приготовленія къ пятидневному походу въ кѣдра крымскихъ горъ по необходимости коротки. Горный татаринъ, которому мы невольно должны теперь подражать, замѣняетъ всѣ вализы и чемоданы перекиднымъ мѣшкомъ съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ, по-татарски *саквы*. Эти саквы — спасенье въ горныхъ поѣздкахъ. Ихъ привязываютъ сзади сѣда и кладутъ въ нихъ, что влѣзеть: ячмень для лошади, бу-

тылки съ виномъ, чай и сахаръ, жареную птицу, пирожки, бѣлье. Новерхъ саквовы привязываютъ бурку или теплое пальто на случай дождя и холода,— и вотъ вы совсѣмъ готовы, оснащены на борьбу съ стихіями, весь вашъ обозъ у васъ за спиною.

Татары, хозяева лошадей, ждутъ насъ на солнечномъ припекѣ, терпѣливо присѣвъ на корточки. Бекиръ командуетъ, ищетъ, носитъ, укладываетъ, перетягиваетъ подпругу у лошади нашей *ханымъ* (*гостожа*) — такъ татары постоянно чествуютъ нашихъ барынь. Садимся. Всѣ высыпаютъ насъ проводить. Дѣтамъ особенно забѣдно. — Скоро воротитесь? Когда вѣсть ждать?

— Не скажи, ханымъ, сказать нельзѧ! можетъ два, можетъ пять день, какъ Аллахъ покажетъ,» серьезно вразумляетъ Бекиръ, подсаживая свою ханымъ.

Перевалъ черезъ Яйлу въ самой высокой области ея! — мнѣ такъ давно хотѣлось испытать его. Бекиръ выбралъ для перевала Бюкъ-Узенбашъ-Богазъ, т. е. проходъ Большаго Узенбаша, одинъ изъ самыхъ крутыхъ и трудныхъ, но зато самый близкій. Поднявшись изъ нашего пустыннаго, заснувшаго надъ моремъ Магарача въ пеструю и шумную Ялту, полную петербургскихъ туристовъ, мы промчались по ея парадной набережной и повернули на Дерексій, на Ай-Василь, прямо къ этому титаническому амфитеатру Яйлы, которой темная, лѣсистая синева охватываетъ кругомъ весь горизонтъ и чуть не половину небеснаго свода. Поразительно хороши этотъ амфитеатръ въ яркій солнечный день, когда на его туманно синемъ фонѣ вырѣзаются милые, какъ игрушки новенькие, домики Ялты съ своими кипарисами и цвѣтующими садами.

Дорога, конечно, сейчасъ же пошла рѣчкою, иныхъ дорогъ не бываетъ въ крымскихъ горахъ. Груды кам-

ней, натасканныя сверху и насыпанная выше береговъ, и между ними нѣсколько жидаенькихъ ниточекъ журчащей воды, съ трудомъ пробирающейся между каменьевъ, — вотъ хорошая крымская рѣчка въ іюль. Такихъ впрочемъ мало, потому что въ большей части ихъ не наберете, въ серединѣ лѣта, стакана воды.

Безъ конца кругомъ сады раскидистыхъ грецкихъ орѣховъ, сливы, груши, смоковница. Подъ орѣхами всегда зеленая трава и всегда татарчата. У татарчать-ребятишекъ на южномъ берегу и въ горахъ — превыразительныя рожицы. Глазенки черные, большие, смотрятъ на васъ съ наивнымъ изумленіемъ, какъ глаза хорошенькаго дикаго звѣрка; черты строгаго греческаго типа.

Дерекой кончился, потянулся Ай-Василь, разбросанный по лѣсистой подошвѣ горы; стало круто, узко, но зато такая тѣнь! Щедрь по зеленымъ коридорамъ, едва успѣвая пригибаться подъ могучie, далеко вытянутые суки орѣшника. Татарскія хаты здѣсь лѣпятся особенно живописно. Съ высоты сѣдла смотришь имъ прямо въ безобразныя ихъ трубы, напоминающія шалаши боровъ. На плоскихъ земляныхъ кровляхътолпы ребятъ глазѣютъ на насть, раскрывъ рты. Это еще старинныя, вѣковѣчныя гнѣзда грековъ, итальянцевъ, можетъ быть, еще готовъ.

За Ай-Василемъ горы дѣлаются совсѣмъ серьезными: подъемъ начинается очень рѣзко: лошади двошатъ и потѣютъ насквозь, такъ что саквы промокли. Мы почти на шеяхъ у лошадей. Скалистая, усыпанная камнями, дорога сбиваешь копыта. Мало по-малу настѣ тѣснѣе охватываетъ сосновый лѣсъ, тотъ самый, который издали, изъ Ялты и Магарача, казался намъ простымъ слоемъ моха на скалахъ. Сосны громадной вы-

соты, прямые и голья какъ стрѣлы, съ широкою плоскою кроною на самомъ верху, — обстали кругомъ. Это чистая итальянская пинія. Освѣщенныя солнцемъ красные стволы, густосиніе просвѣты неба, капризно-изогнутыя угловатыя вѣтви — переносятъ фантазію къ картинамъ римской Кампаниі. Лѣсь этотъ прекрасенъ самъ по себѣ; но когда мы вѣхали на половину горы и взглянули назадъ, сквозь эти полчища исполиновъ, въ глубокую и далекую бездину, въ которой остались за нами море и берегъ съ своей Ялтою, съ своими дачами и деревнями, — тогда мнѣ все это представилось какою-то несбыточною, сказочною декорацію. Море открывалось прямо предъ нами во всей могучей своей широтѣ, въ обхватѣ, непривычномъ для глаза. А справа и слѣва поднимались бѣлые горныя громады, обрывались горныя пропасти, заполненныя такими же полчищами сосенъ. Никакихъ мелкихъ деталей, ничего милаго, ласкающаго. Одна грозная, величественная, неотразимая красота; громадная картина, написанная смѣлымъ взмахомъ чудной кисти.

Маленькая крымская лошадь, терпкая и безропотная, какъ ея хозяинъ, — свыклась съ крымскою Ѣздою, съ крымской дорогой. Подкованная сплошною желѣзною подковою на всѣ 4 ноги, она твердо ступаетъ на известковый камень, карабкаясь съ своею тяжелою и неудобною ношкою по скату, на которомъ едва держится человѣкъ. Чувствуя свое бессиліе вытянуть прямо на гору, умныя животныя, одно за другимъ, словно по сговору, начинаютъ пересѣкать зигзагами дорогу, поворачивая то направо, то налево, и уменьшая для себя такимъ образомъ крутизну подъема. Подумаешь, что ими правитъ человѣкъ — такъ лравильно и увѣренно онъ исполняютъ эти повороты. Дыханіе ихъ порывисто, и часто до жалости. Мокрые бока просто колотятся.

Мы все ъ, всадники, въ сосредоточенномъ молчаний. Грозное великолѣпіе горъ и лѣса оковываетъ насъ; да теперь и не до болтюни. Какъ бы только усидѣть, не полетѣть назадъ, вмѣстѣ съ лошадью.

Нѣсколько разъ Бекиръ останавливалъ свой кара-ванъ у горныхъ ручьевъ и поилъ лошадей. Онъ пили жадно, трясась всѣмъ тѣломъ.

Крымскій магометанинъ, подобно всѣмъ магометанамъ Востока, устраиваетъ фонтаны даже въ пустынѣ. Высоко на горахъ, въ глубинѣ лѣсовъ, мы находили фонтаны, высѣченные изъ бѣлаго камня, съ арабскими украшеніями, съ благочестивыми надписями и всегда съ именемъ устроителя. Бекиръ съ неподѣльнымъ благоговѣніемъ передавалъ намъ исторію святаго хаджи, который остатокъ дней своихъ посвятилъ на дѣла добра и усѣялъ фонтанами тропинки Яйлы, на пользу людямъ и во славу Аллаха. Путникъ, утолившій въ лѣтній зной свою жажду этой чистою струею, напоившій у нея утомленного коня, дѣйствительно, благословитъ отъ всего сердца имя доброго человѣка, вырѣзаное на камнѣ фонтана.

А подъемъ дѣлался все хуже и хуже. Лѣса кончились, тропинка исчезла. Мы лѣзли уже по острымъ гребнямъ камней, по кучамъ щебня, по скользкому плитняку. Подковы то и дѣло срывались и скользили какъ по льду.

Было уже далеко за полдень, когда мы взѣхали на темя Яйлы. Равнина, безконечная въ длину и не болѣе полуверсты шириною, — составляетъ это темя, этотъ гребень Яйлы.

На сѣверъ отъ нея видны горы и степи Крыма, на югъ — глубоко внизу — море съ лентою южнаго берега. Ай-Петри, такая страшная снизу, отсюда кажется небольшою скалою, потому что надъ нами только одинъ верхній пикъ ея; въ ея зубцы запута-

лись стада облаковъ, бѣлыхъ какъ молоко; они поочередно срываются и несутся на насъ, застилая глаза сырьимъ туманомъ, словно хотятъ сдуть насъ прочь изъ своего царства.

У нашихъ ногъ была живая рельефная карта всего крымскаго полуострова. Ясный день не утаивалъ, не затушевывалъ ничего. Не было той картины красоты, которую мы любовались въ сосновомъ лѣсу, не доставало для этого первого плана и яркости красокъ; но зато зрелище было ново и поучительно. Душа исполнялась особеннымъ чувствомъ отъ этого созерцанія земли въ ея цѣлости, съ поднебесныхъ высей. Казалось, этотъ взглядъ былъ объективнѣй, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ зреїнія; казалось, онъ проникалъ вѣрнѣе и глубже. Что-нибудь подобное испытываетъ человѣкъ на воздушномъ шарѣ, отдѣляясь вдругъ отъ своей планеты и созерцая ее въ первый разъ независимо, извнѣ, какъ бы съ поверхности другой планеты.

Спускъ съ Яилы значительно легче подъема. Съ сѣверной стороны Яила не обрывается такою стѣною, какъ съ морской. Гряды горъ бѣгутъ параллельно ей, дѣляясь все ниже къ сѣверу, къ степи. Это ступени для схода съ Яилы.

Эта нераспутываемая плетеница горъ, долинъ, скалъ и ущелій, то бѣгущихъ рядомъ, то пересѣкающихся подъ разными углами, составляетъ внутреннее ядро Крымской Татаріи, гнѣзда всякаго крымскаго звѣря и логовище всѣхъ почти рѣкъ южнаго Крыма. Это же и цѣль нашего похода. Горная страна, ограниченная съ запада болѣшою дорогою изъ Симферополя черезъ Бахчисарай въ Севастополь, а съ востока долиной Алушты и прорѣзающею ее болѣшою дорогою изъ Алушты въ Симферополь, отдѣлена отъ южнаго берега сплош-

ною стѣною Яйлы въ 5 и 4000 футовъ высоты. Со стороны обѣихъ большихъ дорогъ доступъ въ эту сердцевину горнаго Крыма нетруденъ; но съ горнаго берега въ нее можно проникнуть только черезъ нѣсколько «богазовъ», переваловъ, подобныхъ тому, который мы теперь осилили съ такимъ трудомъ.

— Когда жъ, наконецъ, будетъ этотъ проклятый Узенбашъ! — начинаютъ кричать самые нетерпѣливые изъ всадниковъ, видя, что солнце уже дѣлается багрянымъ и блѣдая известковыя скалы начинаютъ вспыхивать розовымъ огнемъ. Хочется смерть чаю; еще больше хочется долой съ сѣда, которое особенно мучительно при многочасовомъ спускѣ. Бекиръ съ презрѣniемъ смотритъ на насъ и не отвѣчаетъ.

— Бекиръ! далеко ли еще? — кричитъ кто-то изъ насъ, безпокойно ерзая на сѣдлѣ.

— Твой бы дома сидѣлъ! — дерзко отвѣчаетъ Бекиръ. — Конь не птица, конь усталъ, твой коня не любить, твой чай любить! Не видишь? — вонъ тебѣ и Узенбашъ! — прибавилъ онъ, въ видѣ милости, указывая нагайкою въ широкую лѣсную долину, въ пасть которой мы начинали уже спускаться. Біюкъ-Узенбашъ, потонувшій въ лѣсахъ, въ садахъ, протянувшись по всѣмъ изгибамъ рѣчки, — лежалъ у нашихъ ногъ, ярко освѣщенный закатомъ. Тополи и минареты его мечетей, живописно торчавшия надъ массою сплошной зелени и сплошныхъ плоскихъ кровель, горѣли особенно весело.

Проѣхали сады орѣховъ. Подковы стучать по каменистой улицѣ.

Надо большое воображеніе, большую силу отвлечения, чтобы поверить, будто мы все еще находимся въ православной Российской имперіи, подъ охраною

всесильной власти становаго пристава, подъ покрови-тельствомъ XV томовъ свода законовъ. Если бы это было на Кавказѣ, я не сомнѣвался бы, что мы просто-напросто вѣхали въ аулъ горныхъ хищниковъ, гдѣ смѣшно уповать на XV-й томъ, гдѣ, вмѣсто всякихъ уѣздныхъ, земскихъ и уголовныхъ судовъ, знаютъ твердо одинъ судъ подъ старымъ дубомъ, подъ однимъ изъ тѣхъ историческихъ дубовъ, которые имѣютъ удоб-ное качество служить двумъ цѣлямъ разомъ: шатромъ для судей, висѣлицею для осужденного.

Вонъ, вѣроятно, и самъ верховный дубъ; на этотъ разъ онъ замѣненъ маститымъ орѣхомъ, подобного ко-торому трудно встрѣтить въ другой разъ; подъ его вѣтвями, толщиною въ огромное дерево, вытянутыми горизонтально шаговъ на 20 отъ ствола и густо затканы-ми крупнымъ жесткимъ листомъ,—въ самомъ дѣлѣ, цѣлое населеніе.

Сѣдые старики въ бѣлыхъ чалмахъ, все истые хаджи — съ строгими и важными взглядомъ, съ неподвижными, глубоко-вырѣзанными чертами лица, сидять у самаго пnia, въ позахъ, исполненныхъ достоинства, поджавъ подъ себя ноги и куря изъ длинныхъ чубу-ковъ. Кругомъ ихъ сидѣть и стоять въ самомъ живописномъ разнообразіи цвѣтная толпа татаръ въ чал-махъ, въ бараныхъ шапкахъ, съ лоснящимися, бри-тыми головами, — все только мужчины. Зато огляни-тесь налево — тамъ большой каменный фонтанъ въ арабскомъ вкусѣ съ длиннымъ стихомъ корана. Онъ, какъ пчелами, осыпанъ женщинами. Почтенные матроны укутаны въ широкія бѣлые простыни до са-мыхъ пятокъ и выказываютъ изъ-подъ своихъ сава-новъ только пару черныхъ глазъ, едва видныхъ сквозь узенькую щель да желтые заостренныя туфли, кото-рыхъ никакъ не спрячешь при ходьбѣ. Молоденькихъ дѣвчонокъ, къ счастію, еще не считаютъ нужнымъ

обращать въ величественныя статуи, въ которыхъ не разберешь ни одного члена, ни одного движенья. Онѣ расцвѣчены до-нельзя и обтянуты до-нельзя. Волосы заплетены въ десятки мелкихъ косъ, окрашенныхъ въ огненную краску — точь-въ-точь, семья красивыхъ змѣй вѣтается по плечамъ. Эта краска, подновляемая каждую недѣлю, съ лѣтами обратится въ черную какъ смоль и изъ огненно-рыжихъ дѣвочекъ образуетъ глубокихъ брюнетокъ. Красная, кругленѣкая шапочка съ золотомъ на головѣ у всякой; малороссіяне очень мѣтко прозвали «татарками» красивыя колючія растенія въ родѣ артишока, покрывающаго степи иногда на большое пространство. Издали это — чисто толпа татарскихъ дѣвушекъ въ ихъ типичныхъ, красныхъ шапочкахъ. Бешметъ съ открытой грудью, узкій въ плечахъ, съ непомѣрно длинными и узкими рукавами, всегда очень цвѣтной, портитъ естественныя формы тѣла; у пояса онъ обвязанъ еще однимъ или двумя цвѣтными платками наподобіе юпки и изъ-подъ платковъ этихъ видны только нижнія складки очень широкихъ и тоже цвѣтныхъ шароваръ, стянутыхъ надъ самою ступнею.

Самая крошечная, двухлѣтняя дѣвчонка, возившаяся въ пыли, одѣта почти такъ же; у каждой своя крошечная шапочка, у каждой свой бешметикъ по мѣркѣ — это добрый обычай, не часто встрѣчаемый въ семье русского простолюдина; онъ свидѣтельствуетъ объ инстинктивномъ признаніи человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ даже въ ребенкѣ. Этотъ обычай мнѣ особенно кидался въ глаза, по противоположности съ нашимъ русскимъ, въ германской и швейцарской деревнѣ. Тамъ вы уже не встрѣтите крошечнаго мальчишку, завернутаго въ отцовскій тулупъ, или въ дѣдовской шапкѣ, нахлобученной на носъ, босаго и въ одной рубашкѣ.

Толпа женщинъ вокругъ фонтана, съ своими бѣ-

лыми чадрами, съ маковыимъ цвѣтомъ дѣвичьихъ нарядовъ, съ кувшинами и кружками восточной формы, у кого по-итальянски, на головѣ, у кого въ рукахъ, — движущаяся, шумящая, переливающая цвѣтами — способна приковать артиста на многіе часы, своею поразительною картиною; особенно когда, въ параллель ей, взору его открылась бы съ другой стороны важная группа, безмолвно курившая въ тѣни стараго орѣха.

Дерево, фонтанъ — естественные центры первобытной жизни, еще не доросшей до необходимости клубовъ, пассажей, кофеенъ съ пѣніемъ и безъ пѣнія, и тому подобныхъ пріютовъ цивилизованнаго бездѣлья. Тѣнистый дубъ — это прототипъ нашего жилища, естественный шатерь, давшій человѣку первую мысль объ убѣжищѣ. Въ пустынной мѣстности онъ красота, разнообразіе, жизнь. Путникъ благословляетъ его, какъ привалъ, указанный природою. гдѣ онъ остынетъ отъ своего путеваго пота, гдѣ онъ насытится и уснетъ, не палимый больше полуденными лучами. Кочевникъ разбиваетъ подъ дубомъ свою палатку и принимаетъ своихъ гостей. Дубъ — издавна и межевая грань у народовъ, и указатель пути. Даже лѣсной житель соображаетъ мѣстность по-большимъ вѣковымъ дубамъ, которыхъ физіономія выдѣляется своеобразно изъ безконачного и безразличного древеснаго моря. Оттого дубъ и сталъ издревле деревомъ гостепріимства, деревомъ геройскихъ подвиговъ, деревомъ суда и мудрости, деревомъ неразгаданныхъ тайнъ и религіознаго обожанія. Эпость древняго міра, сказка, пѣсня, легенда — сама исторія — сохранила намъ память объ этомъ многообразномъ и глубокомъ значеніи дуба, коренящемся въ первобытныхъ условіяхъ человѣческой жизни и сдѣлавшемъ пзъ этого видового названія почти родовое имя для дерева вообще. Въ Біблії Авраамъ недаромъ встрѣчаетъ неземныхъ путниковъ въ дубравѣ

Мамврійской; богатыри нашихъ былинъ отдыхаютъ и умпраютъ подъ дубами; подъ дубами находять чудные доспѣхи; вѣщія птицы сидятъ всегда на дубахъ: всѣ клады подъ дубами. Таинственный шелестъ дубовъ разгадывался первобытными оракулами Греціи. Въ древней Германіи, въ Галліи — дубъ былъ святилищемъ, средоточіемъ общественныхъ собраній. Еще Людовикъ Святой въ XIII вѣкѣ сохранилъ патріархальный обычай суда подъ Венсенскимъ дубомъ.

Какъ дубъ, дерево — естественный центръ общественной, религіозной, героической, то есть вообще мужеской жизни первобытнаго человѣка, — такъ Фонтанъ, колодезь — исконное поле чувственной, то есть женской стороны той же жизни. Первобытное хозяйство тѣхъ маловодныхъ странъ, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, разселилось племя человѣка, — было такъ тѣсно связано съ водою Фонтана, что Фонтанъ могъ стать почти его синонимомъ. Напоить людей и скотъ, вымыть свое тѣло и свои одежды — можно только у Фонтана. Сначала Фонтанъ, потомъ уже домъ, хозяйство, женская забота. Вечеромъ, у Фонтана вѣчная работница, вѣчная домосѣдка, женщина встрѣчалась съ мужчиною, который цѣлый день при стадѣ или на охотѣ. Вечеръ, отдыхъ отъ трудовъ, часъ покоя, досуга и наслажденій. Вечеромъ естественное пробужденіе потребностей менѣе суровыхъ, менѣе обязательныхъ, потребностей бесѣды, общенія и любви. Въ вечерней прохладѣ, подъ звонкой струею Фонтана, легче всего возникали первыя сердечныя отношенія между рабочими юношествомъ первобытныхъ обществъ, какъ легко они возникаютъ теперь среди нашей свѣтской молодежи, подъ звуки оркестра, въ яркоосвѣщенныхъ бальныхъ залахъ. Тишина и простота въ младенческую эпоху человѣка были необходимыми условіями тамъ, гдѣ теперь необходимымъ условіемъ сталъ не-

естественный шумъ, неестественный свѣтъ и поддѣльная красота. Женщину, будущую подругу свою, человѣкъ естественной жизни оцѣнивалъ во время ея работы, гдѣ ему открывались ея умѣлость, ея сила и дѣятельность. Когда библейская Ревекка или Гетевская Доротея собственноручно тянули изъ колодца бадью съ водой или отворачивали тяжелый камень, ихъ рабочая грація, ихъ «volle Gesundheit der Glieder» — дѣлались вполнѣ очевидными для здоровыхъ, трудолюбивыхъ юношей, на нихъ любовавшихся. Только въ рабочемъ деревенскомъ быту — и нашемъ русскомъ, а болѣе всего въ восточномъ — колодезь, фонтанъ сохранили доселѣ свое древнее значеніе мѣста сближенія двухъ половъ, мѣста зарожденія сердечныхъ драмъ.

Вечеръ падаетъ; на небѣ становится розово, деревья проступаютъ розовымъ пламенемъ; все въ воздухѣ стихаетъ и замираетъ въ той особенной нѣгѣ, которая свойственна крымскому лѣтнему вечеру. Послѣдніе звуки дня явственнѣе слышатся въ этой тишинѣ.

Бекиръ устроилъ нашъ ночлегъ у одного изъ почетнѣйшихъ хаджей Узенъ-Баша, не допуская въ насть и мысли о возможности довольствоватьсь первою попавшеюся саклей. Преважно подбоченясь, вѣхалъ онъ на дворъ, и двумя, тремя полусловами объяснилъ по-своему хозяину, кто мы и какъ насть нужно принять.

Тохтаръ-эфенди вышелъ къ намъ за ворота, худой, съ строгимъ взглядомъ, исполненный непоколебимаго достоинства, и привѣтствовалъ насть по-восточному, указывая рукою на свой домъ. Мы, кажется, спутали всѣ его понятія о нашемъ величинѣ, расположившись до ночи прямо на улицѣ, подъ старымъ орѣхомъ, чтобы налюбоваться на окружавшую насть Татарію и на чудный вечеръ. Вокругъ насть уже протол-

кнуться нельзя: пріѣздъ нашъ былъ событиемъ въ Биюкъ-Узенъ-Башѣ: даже татарскія матроны позабыли правила мусульманскихъ приличій и пробирались къ изумившей ихъ амазонкѣ. Дѣти вскарабкались даже на сучья, на мажары, на плетни. Глянешь кругомъ — всюду бѣлые, сверкающіе зубы, тѣсные и крѣпкіе какъ у звѣрковъ, и черные воспламененные глазенки: и зубы, и глаза, — все въ нихъ смеется отъ радостнаго изумленія, рты раскрыты въ недоумѣніи и жадномъ любопытствѣ.

Женщины съ какимъ-то азартомъ наперерывъ хватаютъ и ощупываютъ каждую бездѣлицу, надѣтую на амазонкѣ нашей, хихикаютъ и шепчутся другъ съ другомъ изъ-подъ своихъ покрывалъ. Только старые татары сохранияютъ невозмутимое спокойствіе и, кажется, заняты только однимъ соображеніемъ, куда это и зачѣмъ Богъ несетъ насъ?

Бекиръ съ хозяйствами работниками таскаетъ между тѣмъ дрова и воду, развязываетъ лошадей. Вотъ стали вынимать изъ саквояжъ нашу провизію и разныя принадлежности путп, — любопытство женщинъ и дѣтей достигаетъ своихъ предѣловъ: воспользовавшись ихъ углубленнымъ вниманіемъ, я сѣлъ за столъ орѣшника и сталъ изподтишка набрасывать въ путевой альбомъ нѣкоторая фигуры; молодой татаринъ не разъ ловилъ мой воровской взглядъ и высѣдилъ движенье моего карандаша. Такъ же незамѣтно, какъ я рисовалъ, подкрался онъ сзади меня и нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ, черезъ мою голову, на непонятную для него работу, на это быстрое мельканье крашеной палочки, изъ-подъ которой какимъ-то чудомъ выростали знакомыя ему черты, знакомые наряды.

Я замѣтилъ его уже тогда, когда онъ, будучи не въ силахъ дольше сдерживаться, съ громкимъ смѣхомъ сказалъ что-то по-татарски. Вся его фигура широко

расцвѣла удовольствіемъ и удивленіемъ. Вдругъ фр!!.. все, что было въ толпѣ женщинъ и девочекъ, брызнуло вразсыпную, закрываясь рукавами и неистово хихикая. Нужно было перенести карандашъ и глаза на мальчиковъ. Но тревога уже была подана: взглянь мой ловился со всѣхъ сторонъ — большими и дѣтьми.

Какъ ни хитрилъ я — ничего не могъ сдѣлать. Только-что взглянешь хоть разъ на кого-нибудь, — онъ тотчасъ ухмыльнется, пробормочетъ своимъ что-то по-татарски и отойдетъ-себѣ въ сторону, съ глазъ долой.

Темнота загнала насъ въ домъ хаджи.

Гостиная Тохтаръ-эфенди довольно порядочна для простаго татарина. Потолокъ съ бахчисарайской рѣзьбой, на полкахъ ярко вычищенная посуда и нѣсколько рукописныхъ магометанскихъ книгъ, деревянное мелкорѣшетчатое окошко на турецкій манеръ: а ужъ ковровъ, подушекъ и тюфяковъ счету нѣтъ! Мы сидимъ на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги, вокругъ татарского столика настоящаго арабскаго рисунка.

Тохтаръ-эфенди въ своей блѣдой чалмѣ и полосатомъ халатѣ, придающемъ ему видъ муллы, стоитъ у порога, не зная, прилично ли ему будетъ сѣсть съ нами. Собственно на насъ онъ не обращаетъ никакого вниманія, для него важенъ только одинъ изъ насъ, котораго онъ исключительно считаетъ гостемъ своимъ. Бекиръ въ своемъ татарскомъ соображеніи рѣшилъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, одѣтый въ кавказское платье, въ черкескѣ съ кинжаломъ, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ князя; смуглый, восточный типъ лица и наездническая ловкость кавказскаго барина окончательно убѣдили его въ этомъ. Заручившись такимъ убѣжденіемъ, Бекиръ торжественно объявилъ хаджѣ и всѣмъ спрашивавшимъ его, что пріѣхалъ «князь» съ Кавказа; мы, мирные граждане, безъ патроновъ и кинжаловъ, были такимъ образомъ ото-

двинуты на задний планъ и, кажется, почитались за свиту «князя». Оттого-то и раздумывалъ хаджа, приличествуетъ ли ему, хотя и хозяину, сидѣть на одномъ коврѣ съ такимъ знатнымъ гостемъ.

Вѣсть о прїездѣ къ хаджѣ кавказскаго князя пронеслась по всему Узенъ-Башу. Нѣсколько важныхъ, бородатыхъ фігуръ появились въ дверяхъ, и эффенди черезъ Бекира просилъ у князя впустить почетныхъ гостей, которые пришли привѣтствовать князя. Одинъ за однимъ, съ серьезнымъ и церемоннымъ видомъ, подхodятъ гости къ мнимому князю, прикладываютъ руку къ сердцу, говорятъ что-то, покачивая головами, потомъ опускаютъ у ногъ князя разныя приношенія, кто сухой изюмъ — ерикъ (родъ мелкой сливы), кто груши, кто даже кислое овечье молоко.

Откланяется, съ достоинствомъ пожметъ руку, и опустится себѣ на коврѣ около князя, поджавъ ноги. Вотъ всѣ усѣлись кружкомъ и закурили длинныя трубки. Ни одинъ почти гость ни слова по-русски, бѣдный кавказскій «князь» ни слова по-татарски. Однако бесѣда идетъ, важная, длинная, неспѣшная вос точная бесѣда, очень напоминающая наше европей ское молчаніе. Сидятъ, уставивъ глаза въ трубки, и торжественно выпускаютъ облака дыма; изрѣдка только смуглые, костлявые пальцы, сложенные въ щепотку, протягиваются къ столу, на которомъ стоять сласти; а то вдругъ сосѣдъ нагнется къ князю, возьметъ его кинжалъ и станетъ вертѣть кругомъ, любуясь серебряною чеканкою и тавлинскимъ лезвеемъ; налюбуется и съ короткимъ одобреніемъ передаетъ его другому. Всякій гость поочередно пощупаетъ, повертилъ, понюхаетъ кинжалъ, покачаетъ съ удовольствиемъ головою и передаетъ сосѣду. «*Кароиш кинжалъ! Якши!*» скажетъ кто-нибудь князю, торжествуя знаніемъ рус скаго языка. И опять молчаніе на много минутъ, опять

неподвижное насасываніе трубокъ. Кто-нибудь опять очнется, сочтетъ приличнымъ заговорить: «богато грошей далъ? — Двадцать рублей!

— «Це... це... це...» — прищелкнуть языкомъ всѣ собесѣдники, съ сожалѣніемъ покачивая головою и всѣ, словно по сговору, устремляя глаза на кинжалъ еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. И опять длинное молчаніе. Потомъ наступаетъ очередь черкески, щупаютъ сукно, смотрятъ его на свѣтъ, трутъ между пальцами; «карошъ архалукъ, кназъ; богато грошей?» И опять удивленіе, покачиванье и одобренье. Отъ черкески къ поясу, отъ пояса къ папахѣ, къ башлыку; весь князь, всякая его пуговка, всякий позументикъ ощупаны и опробованы.

«Гдѣ купилъ, кназъ? — Въ Стамбулѣ!

«О! Стамбулъ якши!» Всѣ бѣлые зубы съ удовольствиемъ оскалбляются, сверкая изъ чащи бородъ, — а мнимая стамбульская покупка, словно что-то особенно хрупкое, переносится въ крѣпко сложенныхъ пригоршняхъ отъ однихъ восторженныхъ глазъ къ другимъ, съ такою благоговѣйною бережностью, какъ будто эти грубые пальцы сами чувствуютъ все неумѣніе и все недостоинство свое держать драгоценную вещь.

Еще разъ то же степное молчаніе; но ужъ теперь всѣ эти серьезныя лица свѣтятся совершенно дѣтскимъ удовольствиемъ.

Желтый, морщинистый старикъ, съ длинными, сѣдыми бровями, гладитъ князя по плечу и по колѣнамъ: «твой, кназъ, большой султанъ!»

— «Кназъ большой султанъ!» — важно подтверждаетъ вся компанія, одобрительно кивая головами.

Желтый старикъ, по имени Меметь-Эминъ, встаетъ, — всѣ встаютъ. Опять пожимаютъ руку князя, опять прижимаютъ свои руки къ сердцу; желтый старикъ про-

сить князя завтра утромъ къ себѣ на кофе. Двое другихъ пристаютъ съ тѣмъ же, а князь, для поддер-жанія своей роли, одариваетъ своихъ гостей разными бездѣлушкиами, въ отвѣтъ на гостинцы ихъ. Гости уходятъ, сверкая отъ радости и глазами, и зѣбами.

Рано поднялись въ путь. Какъ ни изломала насъ Ѣзда верхомъ по горамъ и по камнямъ, однако ночлегъ вповаlkу на открытой галлереѣ и на войлокахъ го-стиной не особенно нѣжилъ. Бекиръ ранехонько раз-добылъ ячменю и подкормилъ коньковъ. Мы тронулись со двора какъ разъ съ первымъ крикомъ музэдзина. Его тощая фигура была видна съ балкончикасосѣдняго ми-нарета, откуда онъ протяжно и пронзительно гнушилъ на всѣ стороны свѣта обычный стихъ алькорана... Пожилые татары уже двигались по направлению къ мечетямъ. Вѣжливо, но съ большою серьезностью, при-вѣтствовали они насъ, когда слушалось съ ними рав-няться.

Яркое и тихое утро сияло надъ этимъ живописнымъ азиатскимъ уголкомъ, потонувшимъ въ сплошныхъ садахъ, въ глубокой впадинѣ горъ. Сияло оно съ тою же радостною свѣжестью и торжественностью и въ нашей груди. Утреннее безмолвіе, утренняя трезвость жизни охватили и нашу беззаботную кавалькаду; всѣ ѿхали тою спорою, дѣловою рысью, которая обѣщаетъ долгій, безостановочный путь. Дороги въ горномъ Крыму устроены природою и сохранили на себѣ дѣвственную грубость ея характера. Ручьи, сбѣгающіе со склоновъ, потомъ рѣчки, въ которыя стекаются эти ручьи, — вотъ единственные пути горного сообщенія. Сообщеніе между бассейнами двухъ сосѣднихъ рѣчекъ, какъ бы ни близко протекали онѣ, очень затруднительно. Ихъ водораздѣлъ обыкновенно такъ обрывистъ и крутъ и такъ волнообразенъ, что перевалъ черезъ него, даже верхомъ, требуетъ особенной привычки: ежеминутные

спуски и подъемы по каменистымъ обрывамъ, по ку-
чамъ камней, почти всегда безъ яснаго слѣда тропы —
вотъ этотъ перевалъ. Послѣ него покажется шоссей-
ною дорогою даже рѣчная дорога; — поэтому въ гор-
ныхъ странствованіяхъ только при крайней необходимости
сворачиваешь съ долинъ, ручьевъ и рѣчекъ,
хотя чрезъ это всегда приходится дѣлать большой
крюкъ.

Если вы знаете теченіе крымскихъ горныхъ рѣ-
чекъ, — вы знаете крымскія горныя дороги, и наобо-
ротъ: если вы знакомы съ направленіемъ дорогъ, — вы
знаете тѣмъ самымъ теченіе рѣкъ. Крымская горная
дорога, или, что то же, крымская горная рѣчка — тре-
буетъ отъ путешественника большой привычки.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ выше, это — вьющаяся
лента валуновъ разной величины, разбросанныхъ во
всю ширину долины, между которыми кое-гдѣ сочится
ниточка воды. Иногда и этой ниточки вы не видите
на цѣломъ десяткѣ верстъ. Щебенистый грунтъ русла,
наваленный въ толщину нѣсколькихъ аршинъ, служить
настоящею щедилкою, каменнымъ ситомъ, сквозь кото-
рое рѣчка, усохнувшая отъ лѣтнихъ жаровъ, уходитъ
подъ свое собственное дно и пробирается тамъ неви-
димкою до тѣхъ мѣстечекъ, где невозможно укры-
ваться, и гдѣ она выступаетъ опять наружу.

Татарскія деревни лѣпятся только по берегамъ
этихъ капризныхъ, змѣистыхъ рѣчекъ, которыхъ порою
такъ сухи, что на ихъ горячихъ камняхъ едва лишь
не сваришь, порою заливаютъ хаты до крыши, сно-
сятъ деревья, скотъ и ворочаютъ цѣлые утесы.

Если гдѣ-нибудь на вершинѣ горъ внезапно упа-
дуть большие дожди или растаетъ масса снѣгу, вода
сбѣгааетъ внизъ страшною лавиною и причиняетъ тѣмъ
большія бѣдствія, что предвидѣть ихъ нѣть возмож-
ности.

Альма унесла разъ цѣлую партію солдатъ, которые сочли ея сухie камни за безопаснѣйшее мѣсто ночлега, снесла большой каменный мостъ на почтовой дорогѣ.

Салгиръ почти на моихъ глазахъ, среди сухаго лѣта, вдругъ залилъ цѣлую деревню Мамудъ-Султанъ, такъ что почтовая станція наполнилась водою по окна, и ямщики плавали по двору, спасая лошадей.

Мы спускались по одной изъ такихъ рѣчекъ-дорогъ, по рѣчкѣ Узенбашу, которая, вмѣстѣ съ своей дружкой Бюкъ-Узенбашъ, составляетъ верховье исторической теперь рѣки Бельбека.

Съ ранняго утра до вечера, мы не слѣзали съ лошадей, заинтересованные прелестною мѣстностью, веселою болтюнею и еще болѣе веселыми перегонками по каменистой дорогѣ. Долина рѣки Узенбаша забирала все сильнѣе и сильнѣе на западъ и наконецъ упала въ долину Бельбека, съ которой мы повернули къ сѣверо-западу. Спускъ дѣжался мягче. Проѣхавъ Фотисалу, цѣлый рядъ деревень, осыпавшій рѣчку, — мы должны были покинуть Бельбекъ и совершить одинъ изъ тѣхъ досадныхъ переваловъ, о которыхъ я говорилъ.

Первая цѣль нашего странствованія былъ Мангупъ-Кале, а онъ лежитъ у верховья срединнаго притока Бельбека — Кара-Илеза; спускаться по Бельбеку до устья Кара-Илеза, и потомъ подниматься вверхъ по Кара-Илезу до Мангупа, было бы дѣломъ слишкомъ долгимъ. Всаднику нечего стѣсняться крутизами, и туриstu не лишнее ознакомиться своими ребрами съ края-сотами горъ. Бекиръ командуетъ намъ налево, а нась манитъ такъ впередъ, гдѣ уже открылась передъ нами живописнѣйшая часть, чуть ли не самой живописной въ Крыму, Бельбекской долины.

Одинъ изъ нась уже набрасываетъ, не слѣзая съ сѣдла, оригиналный разрѣзъ скалъ Топчю, которыхъ круглыя, сплошныя башни провожаютъ рѣчку справа.

Но Бекиръ тянетъ нась лѣсами и оврагами на иной путь.

Я совѣтовалъ взять проводника въ Фотисалѣ, потому что по опыту знать, какъ труденъ съ этой стороны подъѣздъ къ Мангупу. Но Бекиръ презрительно относился къ моимъ увѣщаніямъ, хвастаясь, что онъ знаетъ въ горахъ всѣ тропинки.

Мы сбились уже черезъ $\frac{1}{2}$ часа. Въ лѣсистыхъ холмахъ, черезъ которые пробирались мы, было столько колевинъ, пробитыхъ мажарами, столько тропъ, протортанныхъ скотомъ, что только мѣстный дровосѣкъ могъ помнить, куда ведутъ онѣ. Бекиръ нѣкоторое время скрывалъ свое смущеніе и притворялся вѣрюющимъ въ истинность пути, которымъ онъ нась велъ. Но я обличилъ его сейчасъ же неопровергими доводами. Напрасно мучили мы своихъ коней, прорѣзаясь сквозь колючую чашу, спускаясь въ глубокія лѣсныя балки, карабкаясь на крутыя скаты; напрасно смущенный Бекиръ злился на своего коня и лупилъ его нагайкою черезъ голову, снялъ по этимъ дебрямъ, какъ гончая, отыскивающая упущеный слѣдъ. Горы и деревья заслоняли даль, и сообразить по окрестности было невозможно, хотя Бекиръ раза два взлѣзалъ съ этого цѣлью на дубы. Особенно доставалось амазонкѣ и ея длинному хвосту. Рѣшено было спѣшиться и позавтракать, пока Бекиръ добудетъ слѣда. Вотъ усѣлись на лужайкѣ, бутылки и закуски живо полѣзли изъ вмѣстительныхъ саквовъ; веселый говоръ и смѣхъ, звонъ стакановъ, голодное чмоканье губъ — оживили непривычною картиною совершенно пустынныій лѣсъ. Аukanье Бекира переносилось поочереди отъ одной стороны свѣта къ другой, и мы дружно отвѣчали ему. Пронзительный голосъ его долеталъ до нась то съ макушки какого-нибудь холма, то словно изъ подземной норы; скоро его не стало вовсе слышно, и мы на-

чали думать, что онъ забѣхалъ Богъ знаетъ куда. Однако черезъ часокъ онъ вернулся съ какимъ-то пастушонкомъ, и мы выбрались на настоящую дорожку.

Мангупъ-Кале открылся намъ въ большомъ величіи и неожиданно. Изъ моря лѣсныхъ холмовъ, какъ островъ, возвышается его обрывистая столовая гора, и на плоской макушкѣ ея изъ большой дали видны, какъ на ладони, остатки стѣнъ, башенъ, замковъ старого Мангупа. Это очень обманываетъ путника, которому кажется, что вотъ сейчасъ онъ будетъ у подошвы горы. А дорожка между тѣмъ еще долго дѣлаетъ петли кругомъ столовой горы, приближаясь, сквозь тѣснину, къ тому единственному мѣсту, съ которого есть возможность вскарабкаться на этотъ титаническій каменный столъ. Видъ на Мангупъ изъ этой тѣснинѣ, проѣзжающей съ сѣверной стороны его, между ними и сплошною стѣною сосѣднихъ горъ, — самый полный, отчетливый и притомъ поразительной оригинальности. Столовая гора съ отвѣсными обрывами выступаетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ четырьмя такими же высокими скалистыми мысами, — настоящими природными бастіонами, а между этими выступающими твердынями лѣсные скаты, по которымъ, хотя съ огромными затрудненіями, можно добраться до вершины. Носы этихъ выступовъ, когда проѣзжаешь какъ разъ подъ ними, кажутся гигантскими обелисками удивительной красоты. Снизу вамъ видно, что высоко, въ воздушной синевѣ, лента зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, гдѣ разрушенная, гдѣ еще существующая, отрѣзаетъ эти выступы отъ главной площади Мангупа и преграждаетъ доступъ по лѣснымъ скатамъ своимъ воротными башнями и бойницами.

Пока наши альбомы наполнились эскизами этихъ развалинъ и этихъ скалъ, невѣдомо откуда неслись страшныя грозовые тучи, и полился поистинѣ тропической дождь.

Всѣ бросились вскачъ по тѣнистой лѣсной до-
рожкѣ, надѣясь на скорый пріютъ. Дождь сѣкъ какъ
рзгами, и еслибы не кавказская бурка — наша ама-
зонка очутилась бы въ самомъ жалкомъ положеніи.
Наконецъ доскали до Коджа-Сала. деревеньки подъ
самой подошвой Мангупа; Коджа-Сала — старинное по-
мѣстье князей Балатуковыхъ, принадлежитъ теперь
зятю княгини Балатуковой Абдураманчику, которому
принадлежитъ, кажется, и самъ Мангупъ

Я уже ночевалъ разъ съ изряднымъ комфортомъ въ
кунацкой этого мурзы и обнадеживалъ теперь своихъ
измокшихъ спутниковъ перспективою татарского госте-
приимства.

Коджа-Сала превратился въ грозный потокъ; по
щетки въ волѣ, добрались наши кони до двора мурзы.

Все заперто, и дворъ гарема, и кунацкая. Обошли
кругомъ, постучали, покричали подъ неудержимымъ
ливнемъ: никто не отозвался. Бѣда дѣлалась серьезною—
куда дѣться? Пока Бекиръ ѳздилъ по деревнѣ за язы-
комъ, мы себѣ мокли да мокли; Бекиръ возвратился
съ вѣстью, что почти всѣ хаты пусты, потому что те-
перь татары въ лѣсу, но что эфенди согласился пус-
тить насъ къ себѣ. Копыга опять зашлепали по лужамъ,
и никто даже не спросилъ — къ какому это эфенди?

Въ концѣ деревни, совсѣмъ прiosѣненный грозными
тѣнями мангупскихъ твердынь, среди персиковъ, орѣ-
ховъ и груши, ютился крѣпко огороженный дворикъ
эфенди, съ совершенно восточными, плоско-крытыми
домиками, съ балкончиками и рѣшетками вместо оконъ.
Ворота растворились настежь при нашемъ приближе-
ніи, и высокій, величественный старецъ, въ бѣлой
чалмѣ и бѣломъ халатѣ, съ бѣлою какъ снѣгъ, окла-
дистою бородою, съ строгими и почтенными чертами
лица, показался у воротъ, приложивъ руку къ сердцу
и показывая намъ другою на свой дворъ. Это былъ

чистый библейский Авраамъ, принимающій странниковъ подъ дубравой Мамврійской. Дворъ и домики эфенди были необыкновенно чисты, и въ каждомъ деревцѣ видна была заботливая хозяйская рука.

Видя, наскъ въ такой грязи, эфенди не рѣшился пустить насъ обутыми въ свою опрятную кунацкую, устланную хорошенъкими войлоками и ковриками. По требованію его, сапоги были сброшены, и волей-неволею кавалеры очутились въ однихъ чулкахъ, что совершенно, впрочемъ, подобало въ татарской кунацкой. Въ кунацкой было двѣ комнатки, такъ что мы могли кое-какъ прибраться и посушиться. Пока намъ готовили кофе и жарили курь, эфенди пределикатно ухаживалъ за нашею амазонкою, которой печальное состояніе, а можетъ быть и милья черты, тронули его патріаршее сердце. Онъ даже дошелъ до того, что, какъ настоящій свѣтскій кавалеръ, просилъ позволенія курить. Оказалось, что мы въ гостяхъ у хаджи Абдула-Кадира-Акъ-Муллы, бывшаго имама изъ Орта-Каралеза, по-русски сказать, у отставнаго благочиннаго, протоіерея. Я не хотѣлъ упустить случая обогатить свой путевой альбомъ такою характерною ветхозавѣтною фигурую, но помня, что коранъ запрещаетъ правовѣрнымъ изображенія человѣка, и чтя въ своемъ хозяинѣ блестителя правовѣрія, я заслонился своими спутниками и старался тайкомъ набросать сановитыя черты имама. Имамъ, однако, совершенно изумилъ меня. Онъ сейчасъ замѣтилъ мои эволюціи, потребовалъ альбомъ, улыбнулся и тотчасъ же вышелъ. Я было думалъ — уйдетъ, а онъ вернулся, сіяющій счастьемъ, переодѣтый въ парадный полосатый балахонъ.

— «Вотъ такъ дѣлай! такъ якши! — говорилъ онъ мнѣ, садясь въ особенно важную позу. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ штриховъ, какъ имамъ опять вскочилъ на ноги.

— «Постой, такъ нельзя!»

Онъ полѣзъ на полочки, что лѣпятся по стѣнамъ каждой татарской гостиной, снялъ оттуда серебряные часы и повѣсили ихъ себѣ прямо на грудь, по-томъ поставилъ въ уголъ маленькую трубочку, которую онъ курилъ, и взялъ въ ротъ длинную-предлѣнную. Мы едва удерживались отъ хохота, забавляясь этимъ дѣтскимъ малодушiemъ величественнаго эфенди. Онъ разсѣлся какъ турецкій султанъ, поджавъ ноги, вытянувъ трубку, съ самыми торжественнымъ выражениемъ лица. Портретомъ моимъ хаджи остался до-нельзя доволенъ, смотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, улыбаясь указывалъ пальцемъ на часы, на трубку, на по-лосы халата; эти подробности, кажется, особенно убѣждали его въ сходствѣ; наконецъ онъ попросилъ позволенія показать портретъ женамъ и бережно унесъ мою книжку въ гаремъ. Возвратясь, хаджи пригла-силъ нашу амазонку сдѣлать визитъ его дамамъ, кото-рыя, какъ всѣ заключенницы, страстно охочи до но-выхъ лицъ, до неожиданныхъ происшествій. Женщины хаджи-Абдула побросали свое тканье, свое вышиванье серебромъ и встрѣтили русскую гостью, стоя врядъ; быстро прикладывали онѣ свои руки сначала ко лбу, потомъ къ сердцу, также быстро поклонились ей въ ноги, вскочили, обняли, поцѣловали, потомъ съ ка-кимъ-то лихорадочнымъ восхищеніемъ ощупали и об-нюхали всякую подробность незнакомаго имъ туалета. И чинно разсѣлись-себѣ на диванахъ напротивъ своей гостьи, уже не шевелись, не сгибаясь.

Хаджи велъ за нихъ бесѣду.

Мы славно отдохнули и поѣли въ домикѣ мангуп-скаго Авраама. Кто предпочелъ выспаться, а я все время слушалъ разсказы хаджи и любовался чисто-восточною обстановкою всей его жизни. Его маленькая кунацкая была отдѣлана затѣйливою деревянною рѣзьюбою

кой-гдѣ раскрашенною съ наивною азіатскою пестротою. Сбоку былъ устроенъ альковъ съ такою же рѣзною дверочкою, въ которомъ хаджи совершаѣтъ свои омовенія. На полочкахъ лежали въ необыкновенной опрятности разныя цѣнныя вещи и много такихъ же опрятныхъ рукописныхъ книгъ. Мангупскій Авраамъ еще не признавалъ изобрѣтенія майнцскаго нѣмца и не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался его пророкъ. Коврики и подушки были новенькие, отлично выбитые, и самъ хаджи сидѣлъ на нихъ съ чисто вымытыми босыми ногами, съ бородою, въ которой былъ тщательно расчесанъ каждый волосокъ, самъ бѣлый, весь въ бѣломъ, — точно какой-то кроткій стольтній младенецъ. Онъ очень мало зналъ русскихъ словъ, я еще меньше татарскихъ, однако мы понимали существенное содержаніе нашего разговора.

Хаджи былъ въ Меккѣ, въ Мединѣ, хаджи 22 года былъ имамомъ. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ святость своего сана, во власть своей молитвы надъ силами судьбы и природы, въ талисманство каждого слова корана. Его принципы жизни были опредѣленны, просты и тверды, какъ пріосѣнявшія дворъ его скалы Мангупа. Хаджи очень пострадалъ въ крымскую кампанію и вспоминалъ о ней съ большимъ горемъ. Карапезская долина была въ рукахъ нашихъ, и у Мангупа стояли на батареяхъ пушки. Непріятели доходили до Мангупа съ южной стороны, по рѣкѣ Шулю, черезъ Ай-Тодоръ, изъ Балаклавы. Русскіе солдаты все отняли у хаджи: ячмень, корову, 2000 рублей денегъ, срубили подъ корень садъ хаджи. Меншиковъ говорилъ солдатамъ: «валай, ребята!» «Меншиковъ — яманъ-ага!» «Горшаковъ — якши-ага!» Самъ хаджи бѣжалъ въ Мархуръ, въ глубинѣ горъ. На 3 года войску досталъ бы Крымъ, коли бѣ не грабили, а такъ и на 3 мѣсяца не досталъ. Другія получили потомъ отъ царя, а хаджи

сказали: срокъ пропустилъ. «Комитатъ 25 рублей про-
сила; дали бы и ему вознагражденье, а то подожди. А
хаджи-Абдуль 22 года падишаху служилъ», говорилъ
имамъ съ плачевными жестами и плачевнымъ голо-
сомъ.

Къ вечеру совсѣмъ разъяснилось; лошади подкор-
мились, и мы рѣшились подняться на Мангупъ, не
откладывая до завтра. Воды не было слѣда: она вся
ушла такъ же разомъ, какъ пришла. На улицахъ всѣ
камешки были обмыты и уже просушены крымскими
солнцемъ. Все глядѣло послѣ дождя особенно весело и
ярко.

На Мангупъ-Кале можно взобраться двумя путями: одинъ долгимъ обѣздомъ изъ Айтодорской долины, ов-
рагомъ Альмалыкъ-Дере, черезъ развалины главныхъ
крѣпостныхъ воротъ; это единственная дорога для ма-
жаръ. Другая верховая тропа идетъ прямо надъ Коджа-
Сала по страшной крутизѣ. Мы предпочли этотъ ко-
роткій путь. Крайній западный выступъ столовой
горы татары называютъ *Чамнукъ-бурунъ*, «мысь со-
сенъ»; между нимъ и «жидовскимъ мысомъ» (*Чуфутъ-
бурунъ*) идетъ «*Табана-дере*», «оврагъ кожевниковъ».
по которому мы должны были подниматься. За Чу-
футъ-буруномъ, между нимъ и «мысомъ вѣтровъ»,
«*Гелли-буруномъ*», тянется второй лѣсной спускъ, подъ
названиемъ «оврагъ башь», «*Гаманъ-дере*», а за Гелли-
буруномъ послѣдній скатъ, самый доступный, «оврагъ
воротъ», «*Капу-дере*». Онъ замыкается съ востока
крайнимъ и самымъ неприступнымъ выступомъ Ман-
гупа — «*Тешкли-буруномъ*», «мысомъ щели». Стихіи
просверлили каменный носъ этого выступа огромнымъ
окошкомъ, которое снизу и издали свѣтится словно
игольное ушко, эта дыра и дала название мысу.

Съ первыхъ же шаговъ мы усомнились, возможно
ли продолжать путь на лошадяхъ. Сначала шла гора

такого рыхлого щебня, который сыпался изъ-подъ копытъ, какъ колотый сахаръ, и не представлялъ никакого упора; потомъ поползла по косогористымъ краямъ обрывовъ капризно вьющаяся пѣшая тропка, скользкая и въ сухое время, а послѣ ливня сдѣлавшаяся невозможной. Наконецъ пришлось пробираться черезъ низкоствольный колючій лѣсъ, котораго почва была сплошь засыпана огромными камнями. Лошади должны были переступать черезъ нихъ какъ черезъ пороги и карабкаться по обваламъ, какъ по ступенькамъ лѣстницы. Все это нужно было дѣлать на подъемѣ подъ угломъ 45°, на каждомъ шагу извиваясь то направо, то налево. Какъ ни привычна крымская лошадь къ горнымъ тропинкамъ, но тутъ и она почти отказывалась. Жалко было слушать это тяжелое, болѣзненное двошнѣе ихъ легкихъ, смотрѣть на эти взопрѣвшіе бока, вздувавшіеся быстро и сильно, какъ мѣхи кузницы. А татары и въ усь не дуютъ! Колотятъ себѣ палками бѣдную животину и никому не позволяютъ спѣшиться, да, признаться, сомнительно, чтобы и пѣшкомъ было лучше. На половинѣ пути мы встрѣтили еще уцѣлѣвшую передовую стѣну, преграждавшую оврагъ попереckъ, отъ Чамнукъ-буруна до Чуфутъ-буруна. Тамъ, гдѣ эта стѣна примыкаетъ къ скаламъ Чуфутъ-буруна, мы осмотрѣли весьма любопытную трехъ-ярусную пещеру изъ 4-хъ келій, соединенныхъ другъ съ другомъ каменными лѣстницами. Очевидно, это была сторожевая башня своего рода, бойница и казарма вмѣстѣ. За стѣною потянулось обширное караимское кладбище, древніе памятники котораго частью вошли въ скалу, частью разбросаны по лѣсу; впрочемъ множество еще нетронуто съ мѣста. Ихъ форма и надписи совершенно тѣ же, что въ Іосафатовой долинѣ близъ Чуфута: двурогія, однорогія, плоскія. Неизвѣстно въ точности, когда караимы поселились въ Мангупѣ. Въ XIII сто-

лѣтіи они жили здѣсь несомнѣнно, какъ это видно по надгробнымъ памятникамъ. По всей вѣроятности, они были и послѣдними жителями его; Палласъ въ своемъ путешествіи говоритъ про Мангупъ: «сыромятники евреи пріѣзжаютъ сюда въ лѣтнее время изъ Чуфутъ-Кале (въ Чурутѣ же, какъ известно, всегда жили евреи караимской секты) и употребляютъ для выдѣлки кожъ обрѣтаемая при этой горѣ во множествѣ дубильныя растенія (*Rhus coriandria* и *Rhus cotinus*), причемъ и вода здѣшняя считается весьма способною для такой работы». Теперь уже и слуху нѣтъ объ этомъ промыслѣ, и на всей Мангупской горѣ я не могъ найти ни одного стебля *Rhus coriandria* или *Rhus cotinus*, которыя между тѣмъ встрѣчались въ окрестныхъ лѣсахъ. Все заполнено теперь травянистый бузынникъ.

Табанѣ-дерѣ на вершинѣ своей преграждается, какъ и другіе всходы, стѣною и круглыми, зубчатыми башнями. Подъ стѣнами еще замѣтыны ключи, копани и бассейны изъ известняка, въ которыхъ караимы мочили свои кожи. Около ключей также видна большая пещера. Стѣна и башня съ этой стороны подверглись большому разрушенню. При входѣ съ Мангупской плоскости на выступъ Чамнукъ-буруна стоялъ замокъ въ видѣ отдѣльного форта, защищавшій западный край горы. Отъ него остался теперь одинъ обглоданный остовъ, не дающій понятія ни о размѣрахъ, ни о формахъ его. Неподалеку же видны развалины караимской синагоги. Въездъ на плоскую вершину Мангупъ-Кале черезъ осипши обвалившейся стѣны очень труденъ. За стѣною открывается широкая ровная площадь, занимающая все темя горы.

Здѣсь когда-то стоялъ большой и цвѣтущій городъ, славный въ исторіи Крыма. Теперь вы догадываетесь о его существованіи только по безчисленнымъ кучамъ мусора, покрывающимъ пастбища Мангупской горы.

Лошади и коровы Коджасальскихъ татаръ привольно пасутся теперь на мѣстѣ многолюдныхъ улицъ, безопасные за этими стѣнами.

Остатки древности исчезаютъ годъ за годомъ, и очень можетъ быть, что черезъ 2 года путешественникъ не найдетъ тѣхъ башень, которыя я еще видѣлъ. При Мартинѣ Броневскомъ, въ 16 столѣтіи, «Мангупъ имѣлъ 2 замка, драгоценныя греческіе храмы и зданія». Палласъ въ концѣ 18 столѣтія видѣлъ въ Мангупѣ синагогу и нѣсколько домовъ, въ которыхъ обитали еврейскіе кожевники; въ развалинахъ двухъ христіанскихъ церквей онъ могъ еще разглядѣть византійскіе образа, писанные *al-fresco*, между прочимъ образъ Богоматери въ восточномъ углу храма: а татарская мечеть сохранилась до его времени еще лучше христіанскихъ храмовъ. Теперь же съ трудомъ можно отыскать самыя развалины синагоги, церкви и мечети. Никѣмъ не оберегаемые, разрушаляемые стихіями и невѣжествомъ, эти древніе памятники стираются одинъ вслѣдъ за другимъ съ лица земли, погребая подъ собою исторію и лишая прекраснаго мѣстности Крыма ихъ живописнѣйшаго и интереснѣйшаго украшенія.

Въ Мангупѣ теперь сколько-нибудь сохранились только стѣны и башни, отрѣзающія съ южной стороны всходы и буруны, тѣ самые, что мы видѣли снизу, отъ дороги. Лучше всѣхъ уцѣлѣла та часть ихъ, которая сбѣгааетъ довольно глубоко въ круглую лощину Гамамъ-дерѣ; здѣсь еще видно въ нихъ много зубцовъ, бойницъ, и нѣкоторыя круглыя башни почти нетронуты. Толщина крѣпостныхъ стѣнъ болѣе аршина, а высота доходитъ до 2 саженъ. Съ внутренней стороны этихъ стѣнъ, въ вершинѣ оврага, нѣсколько обширныхъ пещеръ, которыми скотъ пользуется теперь какъ убежищемъ отъ непогоды. Въ глубинѣ одной изъ этихъ пещеръ замѣтенъ ключъ и пробитый къ нему

колодезь: проводники объяснили намъ, что это были древнія бани, отъ которыхъ и оврагъ прозвался *Гамамъ-дере*. Для татаръ Коджа Сала этотъ ключъ въ горномъ пастбищѣ сущій кладъ. При Палласѣ на этомъ мѣстѣ былъ оправленный фонтанъ, съ изсѣченною татарскою надписью 953 года Геджры, т. е. 1546 г. — Броневскій также упоминаетъ о прекрасной водѣ Мангупа, о «нѣсколькихъ ручьяхъ, стекающихъ со скалы, чистыхъ и удивительныхъ».

Довольно полно сохранились также воротныя и другія башни, замыкающія вершину послѣдняго оврага — Капу-дере, — а также отдѣльный замокъ при входѣ на восточный выступъ — Тешкли-бурунъ. Замокъ этотъ — главная замѣчательность Мангупа и, по-видимому, служилъ центромъ его жизни и его укрѣплений. На восточномъ фасѣ его сохранилась очень хорошо красавая каменная рѣзьба около оконъ, которую одни считаютъ восточного, другіе греческаго рисунка. По-моему, она напоминаетъ точно также и готическія украшенія. Нижній этажъ сдѣланъ сводомъ, и сквозь него проѣздѣ готической формы на Тешкли-бурунъ. Въ стѣнахъ узкія амбразуры для ружей. Развалины христіанской церкви и мечети, о которыхъ говорятъ Палласъ и Кеппенъ, находятся недалеко, противъ передняго (западнаго) фасада замка. Многіе считаютъ этотъ замокъ греческой архитектуры; но Богушъ Сестренцевичъ въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи Тавріи увѣряетъ, что старинные греки называли Мангупъ-Кале *Кастронъ-Готиконъ*, «Готическимъ замкомъ», и дѣйствительно, замокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе готического зданія.

Безъ сомнѣнія, это тотъ самый замокъ, въ которомъ, по словамъ Мартина Броневскаго, по варварской яности хановъ, содержались въ жестокомъ заключеніи московскіе послы. По свидѣтельству нашихъ Крым-

скихъ дѣлъ» былъ, напримѣръ, заключенъ въ Мангупѣ посолъ Иоанна Грознаго Аѳанасій Нагой со всѣми спутниками своими; тамъ же бѣ лѣтъ сряду просидѣлъ Василій Грязной, взятый въ плѣнъ татарами на рекѣ Молочной, или Молочныхъ Водахъ.

«Не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись», Грязной, по его собственнымъ словамъ, приводимымъ Карамзиномъ, содержался татарами очень худо; «и только бѣ не Государская милость застала душу въ тѣлѣ, ино бы съ голоду и съ наготы умерети», писалъ этотъ царскій любимецъ изъ своего плѣна царю Иоанну Грозному.

Но во всякомъ случаѣ замокъ этотъ теперь давно не то, что онъ былъ при Броневскомъ, который видѣлъ въ немъ «отличныя ворота, украшенныя греческими надписями и многими мраморомъ».

Характеръ цитадели, крѣпости въ крѣпости, очень ясенъ, когда вы входите на выступъ Тешкли-буруна, защищаемый этимъ замкомъ. Въ Тешкли-бурунѣ несомнѣнно была тюрьма, казарма. Каменные нѣдра Тешкли-буруна съ юга и съвера изрыты пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Въ иныхъ уже пройти нельзя, другія мы подробно осмотрѣли: цистерны, ясли, столбы для привязи, заваленки, альковы. Вывѣшиваются каменные лѣсенки — уцѣлѣли во многихъ изъ нихъ; все они висятъ надъ страшнымъ обрывомъ, и спускаться въ нихъ не безопасно.

Но всѣхъ поразительнѣе «Барабанъ-пещера», Даулдже-Коба. Носъ Тешкли-буруна, пробитый на-вылетѣ, служитъ крайне живописнымъ сходомъ въ эту пещеру. Лѣстница — то спускается подъ треснувшимъ сводомъ этой огромной щели, то лѣпится совсѣмъ сбоку скалы, вися какъ гнѣздо ласточки надъ пропастью. Отъ ограды остались однѣ только ямки въ камнѣ, самыя ступени слизаны и обглоданы временемъ, такъ что нѣ-

которыхъ невидать. Не всякая голова въ состояніи прогуляться по этой лѣстницѣ; зато съ разныхъ поворотовъ ея виды внизъ и вдаль поразительного эффекта.

Барабанъ-пещера названа такъ потому, что отъ удара кулакомъ въ толстый известковый столбъ, поддерживающей сводъ ея главной залы, раздается сильный звукъ, напоминающій барабанъ. Очевидно, это была тюрьма. Изъ главной залы низенькие проходы въ цѣлый рядъ келій: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны пробои въ каменныхъ столбахъ для щѣпи или веревокъ.

Мы покончили поздно съ осмотромъ мангупскихъ развалинъ. Уже розовый закатъ обливалъ небо, и мы, съ нашего подоблачного плоскогорья, озирали кругомъ весь горный Крымъ, освѣщенный насквозь огнями этого заката. Ярко-синее море поднималось высоко на западномъ горизонте, и на немъ съ необыкновенною отчетливостью вырѣзались бѣлые точки парусовъ, бѣлые мѣловые обрывы Севастопольского берега. Константиновская батарея выползла далеко въ море и прилегла тамъ, какъ стоглазая сторожевая собака, сверкая при послѣднихъ лучахъ солнца. Еще огнистыѣ сверкаютъ бѣлые маяки надъ бухтою и на Макензіевой горѣ — эта параочныхъ глазъ Севастополя, направляющая сквозь опасные гуманы запоздавшія суда. Волны горѣ лежатъ на югѣ, на востокѣ, на сѣверѣ. Въ ихъ провалы сгущается дрожащей золотисто-розовый паръ, оттѣняющій всѣ степени дали и сообщающій необъятной панорамѣ, обставшей кругомъ нась, тотъ фантастическій, мечтательный тонъ, которыемъ дышутъ ландшафты Клода-Лорена. Палласъ, суровый натуралистъ, называетъ «неизыснено прелестнымъ» видъ, открывающійся съ вершины Мангупа; а Кларке, во 2-й части своего Путешествія по Россіи, Татаріи и Турціи, отзываетъся о Мангупѣ еще восторженѣе.

«Ничто, въ какой бы то ни было части Европы,

не превосходитъ ужасной величественности этого места. Хотя я и навыкъ глядѣть на подобныя картины, однако же у меня едва достало равнодушія на то, чтобы набросить на бумагу этотъ удивительный видъ.»

Стоя на вершинѣ Мангупской горы, вы просто ощущаете необыкновенные выгоды ея "стратегического положенія". Мангупъ видѣнъ издалека съ моря, съ западнаго берега и со всѣхъ горныхъ пунктовъ. Съ Мангупа видны всѣ пути въ горы юго-западнаго Крыма. Башни Мангупа могли всегда служить сигнальными маяками для вереницы укрѣплений, которыя были въ древности разсыпаны отъ Севастопольской бухты до Чатырдага. Это буквально владычествующій городъ. Въ темные вѣка только тотъ былъ господиномъ другаго, кого нельзя было достать, кто могъ, какъ хищная птица, сторожить съ недоступной высоты довѣрчивыхъ и слабыхъ. Мыши, насѣкомыя — все то, что составляетъ добычу другихъ, — прячутся въ норахъ, въ трещинахъ, прилегаютъ къ землѣ. Орель, кобчикъ — торчатъ на верхушкахъ, парятъ подъ облаками. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ, пока въ немъ цивилизациѣ еще не обеспечила правъ каждого. Крестьянинъ издавна привыкъ прятать свою хатку въ какую-нибудь балку, на берегъ рѣчки; баронъ строилъ себѣ замокъ на пикѣ скалы, а помѣщики хоромы непремѣнно на холмѣ, непремѣнно господствуютъ кругозоромъ надъ укрывшееся у ногъ ихъ деревнею.

Оттого Мангупъ, — или, по другому произношенію, Манкупъ, Манкопія, Мангутъ, — съ незапамятныхъ временъ, какъ только появилось въ исторіи его имя, играетъ роль средоточія мѣстной жизни. Онъ постоянно главнымъ городомъ чего-нибудь, — то цѣлаго народа, то княжества, то области. Горы, степь и берегъ моря у него одинаково въ рукахъ.

Намъ не только неизвѣстно, въ какомъ вѣкѣ, но даже и какимъ народомъ былъ построенъ Мангупъ-Кале.

Караимскій раввинъ изъ Чуфутъ-Кале Мортхай Султанъскій передавалъ въ 1833 году академику Кеппену, что въ то время еще оставалось въ живыхъ 3 человѣка, когда-то обитавшихъ въ Мангупѣ, хотя при Кеппенѣ они уже жили въ Евпаторіи и Бахчисараѣ. Эти старики слышали отъ предковъ своихъ, что караимы переселились въ Крымъ, вмѣстѣ съ татарами, изъ Персіи, Бухаріи и Черкесіи. Кроме того въ Мангупѣ поселились впослѣдствіи выходцы изъ Старого Крыма. Вмѣстѣ съ ними караимовъ въ Мангупѣ было до 300 семействъ; но, ко времени присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 году, число это, по разнымъ причинамъ, уменьшилось до 70 семействъ. Въ 1791 году и эти разсѣялись по разнымъ мѣстамъ; мангупская земля поступила во владѣніе бывшаго хазнадара, отца Адильбека Балатукова, въ семействѣ котораго остается до сихъ поръ. Въ числѣ памятниковъ мангупского кладбища есть памятникъ Моисея Исаакова сына, относящійся къ 1274 году, стало быть существованіе Мангупа и пребываніе въ немъ караимовъ въ 13 столѣтіи — несомнѣнно. Но, сколько помню, знаменитый караимскій археологъ Фирковичъ говорилъ мнѣ о гораздо древнѣйшихъ надписяхъ мангупского кладбища. Если принять во вниманіе, что преданіе связываетъ поселеніе въ Мангупѣ съ переселеніемъ караимовъ изъ Азіи, то это событие должно относиться къ глубокой древности. Фирковичъ доказываетъ на основаніи одной приписки къ древнему Пятикнижію, что соплеменники его поселились въ Крыму въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Х.

Въ Іосафатовой долинѣ Чуфутъ-Кале ученый этотъ откопалъ древній гробъ, почти ушедший въ землю, и прочелъ на немъ надпись одного изъ самыхъ первыхъ годовъ первого вѣка нашей эры, чуть-ли не шестаго

года по Р. Х. Сверхъ того, онъ нашелъ на томъ же кладбищѣ гробницу караимского раввина, обратившаго хозарь въ іудейскую вѣру въ VII столѣтіи. Всѣ эти обстоятельства, а равно необыкновенное сходство Чуфута съ Мангупъ-Кале и ихъ близкое сосѣдство, заставляютъ вѣрить, что Мангупъ былъ древнейшимъ мѣстожительствомъ крымскихъ караимовъ. Глядя на столловую гору и на гробницы Мангупа, вы легко можете вообразить себя въ Чуфутѣ, и трудно думать, чтобы эти два родственные исосѣдніе города населились не одновременно.

Во всякомъ случаѣ, поселеніе караимовъ въ Мангупѣ не можетъ служить къ объясненію времени основанія его. Никто не приписывалъ караимамъ постройки Мангупа, уже по той простой причинѣ, что караимы никогда не вели самостоятельного политического существованія.

Всего вѣроятнѣе, что Мангупъ основанъ готами, которые поселились въ Крыму частично во 2-мъ, частично въ 4-мъ столѣтіи нашей эры. Многіе старые писатели говорятъ о Манкупѣ или Манкопіи, какъ о столицѣ готовъ. Krakovskii каноникъ изъ Мѣхова, жившій на переломѣ 15 и 16-го столѣтій, въ свою очередь описаниіи страны сарматовъ, говоритъ, что татары вошли черезъ сѣверные ворота Тавриды (т. е. Перекопъ) и заняли всѣ города, селенія и земли оной, такъ что *одинъ только замокъ Манкупъ остался за владѣльцами манкупскими, которые были родомъ готы и говорили по-готски*. Мухамедъ же, когда завладѣлъ Кафою и привелъ въ зависимость перекопскихъ татаръ со всѣмъ полуостровомъ, убилъ двухъ братьевъ и владѣльцевъ манкупскихъ, *послѣднихъ готовъ*, когда-либо бывшихъ въ Сарматіи, Италии, Испаніи и Франціи, и овладѣлъ Манкупомъ.

Такое обстоятельное и рѣшительное изиѣстіе имѣетъ

большое значеніе въ устахъ человѣка, бывшаго современникомъ Магометова завоеванія.

Это подтверждаетъ и Бержеронъ, говоря, что *готы*, тѣснѣмые гуннами, перешли частью во Францію, Болгарію и даѣтъ въ Италію, *частью* въ *Тавриду*, гдѣ, послѣ изгнанія ихъ татарами, *нѣкоторые остались въ Мангуппъ и другихъ мѣстахъ*.

Бузбекъ, нѣмецкій посолъ въ Константинополь, разспрашивалъ въ 16-мъ столѣтіи о крымскихъ готовахъ у людей, бывавшихъ въ Крыму. Они передавали ему о воинственномъ характерѣ готовъ и о томъ, что у нихъ *главные города Мангуппъ и Scivarin*. Стало быть, во время Бузбека, готовы еще жили въ Крыму, какъ отдельная національность.

Такъ же опредѣлительно выражается Тунманъ, котораго обстоятельное сочиненіе о Крымѣ помѣщено въ 1787 году въ Бюшинговой географіи. Упомянувъ, что греческія владѣнія въ Крыму съ 1204 года сами себѣ избирали правителей или подпали подъ власть особыхъ князей, онъ добавляетъ, что два такихъ княжества существовали до покоренія этихъ мѣстъ турками: *Феодорійское (инкерманское) и Готвійское (Мангуппъ)*.

По увѣренію Тунмана, уже въ 754 году въ Мангуппѣ былъ *готскій епископъ*. Готы жили въ немъ еще въ 1560 году. Главными городами ихъ Тунманъ, вѣроятно со словъ Бузбека, называетъ также Мангуппъ и «мѣстечко неподалеку оттуда, по имени Schuren или Schiuarin»; не трудно угадать въ этомъ послѣднемъ нынѣшній *Сюйренъ* на Бельбекѣ, въ сосѣдствѣ съ Мангупомъ; въ немъ дѣйствительно видны развалины сильнаго укрѣпленія.

Литовскій митрополитъ Богушъ Сестренцевичъ, современникъ присоединенія Крыма къ Россіи, лично посѣщавший Крымъ и знакомый со всею древнею литерату-

турою о Крымѣ, самыиъ положительнымъ образомъ говорить о Мангупѣ, какъ о столицѣ Готеи.

«Въ 7' отъ Инкермана гора Баба, отдѣленная, покрытая лѣсомъ, съ остроконечною скалою на вершинѣ...» — говоритъ Сестренцевичъ.

«Гора сія составляеть почти равносторонній треугольникъ съ тѣми, на коихъ находятся Инкерманъ и Балаклава. Она приступна съ одной стороны черезъ отлогій скатъ. Въ прочихъ же мѣстахъ пресвѣтая она пропастными неизмѣримой взоромъ глубины. Ея внутренность содержитъ великія, изсѣченныя въ камняхъ, пещеры. Вершина ея есть пространная, прямая и плодовыми деревьями покрытая равнина, въ срединѣ коей видны развалины пространнаго города, нѣкогда бывшаго мѣстомъ пребыванія готеевъ, которые назвали его Мангутомъ, а реки Кастронѣ-Готиконѣ».

Въ другихъ мѣстахъ своей «Історіи Тавріи», составленной по Геродоту, Берозу, Діодору и пр., особенно же по византійскому историку Прокопію, Сестренцевичъ говоритъ:

«Въ серединѣ 2-го вѣка готеи покорили тавровъ, коихъ имя почти истребили. Въ концѣ 4-го вѣка другое колѣно готеевъ, гонимое гуннами, проникло сквозь не-проступныя тѣснины горъ и основало въ оныхъ республику, послѣ известную подъ именемъ княжества Трапезитскихъ Готеевъ, государи коихъ жили въ Мангупѣ. Готеи названы были греками трапезитами потому, что жили на столовой горѣ южнаго берега (Синабдагѣ), паралельно южному берегу. По готескому произношенню, страна эта называлась Доріе (Taуріe) и Готея. Столицю былъ Мангупъ.»

Трудно думать, чтобы готы жили именно на Яйлѣ, которую Сестренцевичъ называетъ Синабдагомъ, и которая не сохранила на себѣ никакихъ слѣдовъ общественной жизни. Не вѣроятнѣе-ли подразумѣвать подъ сто-

ловыми горами действительно трапезусы, скалистые столы Мангупа, Эски-кермена и др., которые некоторыми даже позднейшими писателями (может быть, по причинѣ сосѣдства своего съ моремъ) считались на морскомъ берегу?

Сестренцевичъ, посѣтивъ Мангупъ, былъ пораженъ чертами лица и наружией его обитателей. Онъ нашелъ въ Мангупѣ «несколько ветхихъ строеній, обитаемыхъ неимущими жителями. Они происходятъ отъ древняго народа, какъ то можно заключать по мѣстоположенію, особенномъ ихъ чертамъ и наружию, совершенно отличному отъ языка сосѣдей».

Впрочемъ, очень вѣроятно, что почтенный предатель изумлялся ничему иному, какъ особенностямъ типа тѣхъ караимскихъ сыромятниковъ, которыхъ почти въ его же время встрѣтилъ въ Мангупѣ натуралистъ Палласъ.

Историки свидѣтельствуютъ, что «татары оставили стариннымъ христіанамъ гористыя и лѣсистыя части страны, гдѣ города Манкупъ, Кафа и др.»; но въ концѣ 15-го столѣтія турки, овладѣвъ приморскими городами Крыма, завладѣли и Мангупомъ.

Польскій посолъ Мартинъ Броневскій, о которомъ такъ часто приходится мнѣ упоминать, говоря о древностяхъ крымскихъ городовъ, видѣлъ Мангупъ въ 1578 году и оставилъ намъ такое описание его:

«Городъ Манкопъ лежитъ между горами и лѣсами, далеко отъ моря. Здѣсь было 2 замка, построенныхъ на обширной и высокой скалѣ, великолѣпныя греческія церкви, дома и много ручейковъ, свѣжихъ и чистыхъ, вытекавшихъ изъ скалы. Но потомъ онъ былъ взятъ турками, а еще позже, спустя 18 лѣтъ, показанію христіанскихъ грековъ, совершенно былъ уничтоженъ внезапнымъ страшнымъ пожаромъ. Поэтому въ немъ нѣть ничего замѣчательнѣе верхняго замка, въ

которомъ есть ворота, испещренныя греческими надписями, и высокій каменный домъ. Нерѣдко случается, что ханы, взбѣшенные противъ пословъ московскихъ и водимые варварскими обычаемъ, затворяютъ ихъ въ этомъ домѣ и строго содержатъ. Теперь остались тамъ только греческая церковь св. Константина и другая святаго Георгія, совершенно ничтожныя. Тамъ живеть только 1 грекъ да нѣсколько евреевъ и турокъ; прочее все приведено въ ужасное разореніе и забвение. Нѣтъ даже никакихъ письменныхъ памятниковъ ни о вождяхъ, ни о народахъ, которые владѣли этими огромными замками и городами. Я съ величайшимъ стараниемъ и трудомъ отыскивалъ ихъ слѣды на каждомъ мѣстѣ. Но я узналъ отъ одного священника, грека, старика честнаго и умнаго, что, незадолго до осады этого города турками, жили здѣсь какіе-то два греческихъ князя, дѣдъ и внукъ, которые вѣрно происходили отъ крови константинопольскихъ или трапезунтскихъ государей. Греки-христіане довольно долго въ эгомъ городѣ обитали. Но вскорѣ потомъ невѣрный и варварскій народъ турки, нарушивъ данное слово, захватили его. Тѣ константинопольскіе князья уведены оттуда живые, и такимъ образомъ были умерщвлены турецкимъ султаномъ Селимомъ, за 110 лѣтъ предъ симъ. На стѣнахъ греческихъ храмовъ видны изображенія, представляющія родословную государей и государынь, отъ которыхъ они, кажется, происходили».

Позвѣстіе о кончинѣ вождей Мангупа согласуется съ разсказомъ каноника Матвѣя. Если греческій священникъ, передававшій Броневскому исторію своего города, и считалъ послѣднихъ вождей Мангупа за своихъ соплеменниковъ-грековъ, то это не можетъ еще опровергнуть свидѣтельства Матвѣя о томъ, что они были родомъ готовы. Очень можетъ быть, что въ то время большая часть готовъ уже слилась съ греками и, про-

должая быть готовы по крови и языку, назывались иногда общимъ именемъ грековъ, къ политическому строю и религіи которыхъ они принадлежали, иногда— своимъ родовымъ именемъ; точно такъ, какъ различные племена, вошедши въ составъ нашего государства, могутъ называться то общимъ именемъ русскихъ, то отдѣльными именами своихъ прежнихъ национальностей.

Въ нашихъ «Крымскихъ дѣлахъ» Мангупъ упоминается поздно, только съ 1474 г. Въ 1475 г., по свидѣтельству этихъ «дѣлъ», передаваемому Карамзину, въ Мангупѣ былъ князь Исаико, который черезъ московского посла, боярина Никиту Беклемишева, предлагалъ свою дочь въ замужество великому князю Иоанну Ioannovichu, сыну Ивана Васильевича III, и Иванъ III поручалъ своему другому послу, Алексѣю Старкову, развѣдать черезъ кафянского богатаго жида Хозн Ко-коса, сколько тысяч золотыхъ Исаико готовить въ приданое за своею дочерью. Исаико этотъ въ одномъ генуэзскомъ документѣ 1472 года названъ *Signore del Theodoro*, «владѣтель Теодоро». Это дало поводъ некоторымъ ученымъ признать, что Теодори, Федора. Лотодоро, упоминаемый весьма часто въ исторіи Крыма, какъ значительный городъ и даже отдѣльное княжество, былъ не Инкерманъ, какъ до сихъ поръ думаютъ, а именно Мангупъ-Кале. Турецкіе султаны иногда посыпали въ Россію послами князей мангупскихъ, которые были родомъ греки. Такъ въ 1413 г. султанъ Селимъ посыпалъ въ Москву посломъ Феодорита, *князя мангупскаго, Кемала*; а въ 1522 г. султанъ Солиманъ посыпалъ къ намъ *Скинера, князя мангупскаго*.

Въ 15 столѣтіи Мангупъ, повидимому, подпалъ подъ власть генуэзцевъ, потому что турки отняли его не у грековъ: Сестренцевичъ, на основаніи, кажется, итальянскихъ источниковъ, передаетъ намъ о паденіи Мангупа:

Послѣ того какъ турки взяли Кафу, Судакъ, Балаклаву, Инкерманъ, Херсонесъ, Керчь и пр., Мангупъ называемый стальнымъ, поелику никакія стрѣлы не могли долетать до него, и который почитали неприступнымъ, тѣмъ менѣе колебался въ защищенія себя, что быль усиленъ множествомъ бѣглыхъ генуэзцевъ. »

Ахметъ-паша рѣшился взять его голодомъ. Но, по оплошности своей, начальникъ города быль нечаянно захваченъ турками въ ту минуту, какъ онъ выѣзжалъ на охоту. Городъ быль взятъ. Генуэзцы бѣжали въ противоположныя ворота. Большая часть жителей была побита, остальные отосланы въ плѣнъ въ Царьградъ. Эти подробности подтверждаются Карамзинымъ и Исторіею Крымскихъ хановъ, изданною въ Казани.

Бопланъ, французскій инженеръ, посѣтившій Мангупъ въ XVII ст., то есть уже послѣ разрушившаго его пожара, отзываетсѧ о немъ какъ о незначительномъ мѣстечкѣ:

«Мангупъ — дрянной замокъ на горѣ Баба; въ этомъ замкѣ всѣ жители — жиды, и въ немъ не можетъ быть болѣе 60 дымовъ. »

Впрочемъ, значеніе Мангула, какъ центральнаго административнаго и военнаго пункта, повидимому, не утратилось еще долго. При турецкомъ владычествѣ онъ остался главнымъ городомъ цѣлаго кадалыка. Палладъ сохранилъ намъ списокъ селеній, принадлежащихъ туркамъ, составленный для потребностей фиска, при ханѣ Шагинѣ-Гиреѣ. Изъ списка этого видно, что Мангупскій кадалыкъ быль самый обширный и занималъ весь нынѣшній Ялтинскій уѣздъ и часть Симферопольскаго. Балаклава, Инкерманъ, Ялта, Ахтиаръ (теперешній Севастополь) — принадлежали къ нему. Вообще къ нему было приписано 39 мѣстечекъ. Всѣ крымскія горы, до Алушты и Демерджи, и весь южный берегъ входили въ составъ Мангупскаго кадалыка.

Мангупъ въ этомъ спискѣ Шагинъ-хана (значитъ, въ самомъ концѣ XVIII стол.) продолжаетъ называться городомъ, хотя Инкерманъ, Балаклава и проч. стариные города перечисляются въ этомъ спискѣ въ качествѣ простыхъ деревень. Голландецъ Витсенъ говоритъ, что крымскіе ханы въ смутныя времена пользовались Мангупскою крѣпостью, въ которой они укрывались сами и прятали свои богатства.

Французскій посланникъ Пейсонель, бывшій въ Крыму около полустолѣтія до Палласа (1753), въ своемъ трактатѣ о черноморской торговлѣ также свидѣтельствуетъ объ административномъ значеніи Мангупа: «Мангупъ, говоритъ онъ, старая крѣпость; ея власть (собственно *sa jurisdiction*) простирается на 74 деревни.»

Военное значеніе Мангупа могло усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него былъ проходить изъ внутренности горъ къ западному берегу Крыма и въ степь.

Инженеръ Вассаль въ 1834 г. видѣлъ еще остатки двухъ стѣнъ, преграждавшихъ у западнаго подножія Мангупа дорогу изъ Ай-Тодора въ Каралезы. Существованіемъ здѣсь важнаго прохода въ горы объясняютъ и название *Богазъ-Сала*, подъ которымъ при Палласѣ была известна деревня Коджи-Сала (*Богазъ* — по-татарски проѣздъ).

И во время крымской кампаніи русскіе инженеры воспользовались стратегическимъ положеніемъ Мангупа. Мангупъ былъ вооруженъ пушками, а въ томъ ущельѣ, въ которомъ Вассаль нашелъ слѣды стѣнъ, устроены были баттареи, преграждавшія непріятелю движеніе на Каралезы и Бельбекъ.

II.

Отъ Черкесъ-Кермена до Чуфута.

Развалины Черкесъ-Кермена. — Эклизе. Пещеры Эски-Кермена, города «страгодитовъ». — Кунакская татарская княгиня. — Бахчисарайская крѣпость. — Канская мечеть. — Похиреніе наѣсты. — Марянполъ. — Чуфутъ-Кале, древній Кыркоръ. — Отшельники Чуфутъ-Кале.

пускаясь отъ Коджа-Сала и Мангупа къ съверу по узкой долинѣ Кара-Плеза, которой сады ки-шашть, словно въ естественномъ грунтовомъ сараѣ, между двумя сплошными стѣнами отвѣсныхъ скалъ,— путешественникъ проѣзжаетъ одну изъ плодороднѣй-шихъ и населенѣйшихъ мѣстностей Крыма. Три многолюдныя деревни, три Карапеза — Юкары-Карапезъ, и Ашага-Карапезъ — тянутся одна за другою на цѣлья версты, потонувши въ старыхъ густыхъ садахъ, и на каждомъ шагу представляя взору путешественника картины столько же наивной, сколько живопис-ной жизни Востока.

Чтобы попасть въ Черкесъ-Керменъ, нужно своротить изъ Карапезовъ налѣво, почти назадъ, въ направлениі къ Севастополю. Послѣ роскошной свѣжести

Карелезской долины, пустынная, каменистая дорога кажется скучною.

Черкесъ-Керменъ показывается поздно, когда вы почти вѣхали въ него. Узкая гора, гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ Мангупская, мысомъ выдѣляется отъ сосѣднихъ горъ и образуетъ узенькую тѣснину. совсѣмъ почти спрятанную въ пазухѣ каменныхъ твердынь. Въ этой пазухѣ расположена деревня Черкесъ-Керменъ. Известковыя толщи здѣсь приняли оригинальную форму закругленныхъ столбовъ и желваковъ, словно ихъ обточила рука человѣка. Множество пещеръ, выглоданныхъ снизу водою, дали жителямъ поводъ воспользоваться скалами, какъ домашними постройками. Задній планъ почти всякаго двора — скала, и почти въ каждой скалѣ пещера. Въ одной конюшня или хлѣбъ, въ другой амбаръ, кухня, погребъ. Къ нѣкоторымъ придѣланы ворота, дверочки, плетни, лѣсенки. Въ началѣ деревни экономія какого-то мурзы; это — огромный, глубокій сарай въ нѣдрахъ скалъ, недоступный дождю, не смотря на отсутствіе воротъ; сарай до-исторической первобытности, помѣщавшій между прочимъ, въ числѣ экипажей, хороленскую модную карету на лежачихъ рессорахъ.

Въ Черкесъ-Керменѣ множество драгоцѣннаго матеріала для художника-туриста. Дорожка идетъ нѣсколько выше построекъ, такъ что внутренность дворовъ видна почти à vol d'oiseau, и фигуры татарокъ и татарчатъ, окаменѣвшія въ картинныхъ позахъ на своихъ плоскихъ кровляхъ при видѣ нашей кавалькады, сообщаютъ пейзажу характерную полноту.

Съ высоты написъ сѣдель мы присутствуемъ при крикливомъ урокѣ въ деревенскомъ мечтѣбѣ: — на тѣнистой галлерѣ втораго этажа, подъ старыми орѣхами, нестрая толпа татарчатъ и татарочекъ, лежа и сидя прямо на полу, распѣваютъ раскачиваясь стихи

алькорана, по арабскимъ книжкамъ, которыхъ смыслъ невѣдомъ имъ такъ-же рѣшительно, какъ и учительницѣ ихъ, пожилой татаркѣ, предсѣдавшей въ этой бу-
колической школѣ.

Оторвавъ взоръ отъ этой живописной тѣснинѣ, до краевъ наполненной жилищами человѣка, вы замѣ-
чаете слѣва на отвѣсной горѣ, замыкающей тѣснину,—
высокую старую башню. Это древній Черкесъ-Кер-
менъ. Въ Черкесъ-Керменѣ остались слѣды значитель-
наго укрѣпленія. Башня, въ которой продѣланы двой-
ныя ворота, стоитъ надъ трещиною скалы, которой
узкій и высокій мысъ она отрѣзала въ неприступную
цитадель, подобно замку Тешкли-буруна. Постройка ея
совершенно того-же рода, какъ мангупскихъ, инкер-
манскихъ и др. У татаръ онъ извѣстна подъ именемъ
«Кызыл-Кулле», Дѣвицѣй башни. Но всего замѣчатель-
нѣе въ Черкесъ-Керменѣ его пещерный храмъ, или,
какъ называютъ его татары, *эклисе* (исковерканное
греческое слово, означающее церковь). Эклисе спрятано
въ лѣсистыхъ скалахъ такъ хорошо, что, даже побыва-
вавъ въ немъ, не сразу найдешь его опять. Видно, что,
во время основанія его, христіанінъ еще не смѣлъ
возвышать къ небу золотыхъ крестовъ своего храма
и крымское христіанство того времени еще не прожило
своего периода катакомбъ. Только съ помощью татаръ
можно вскарабкаться черезъ колючую чащу, по извест-
ковымъ обрывамъ скалы, на гребень ея, съ которого
открывается ходъ къ эклису. Громадный, округленный
камень, когда-то отдѣлившійся отъ всей скалы и за-
слоненный отъ враждебныхъ взоровъ этою самою ска-
лою, выдолбленъ внутри въ христіанскую молельню.
Съ голаго гребня скалы, по заднему обрыву ея, были
вырублены когда-то ступени, переходившія на цер-
ковный утесъ въ точкѣ прикосновенія его къ скалѣ;
теперь эти ступени слизаны временемъ, и безъ голово-

круженија нельзя спускаться по нимъ: открытая пропасть зияетъ прямо подъ ногами, и спускъ въ нее гораздо легче, чёмъ переходъ на утесъ.

Низенькая дверочка эклиссе заросла кустарникомъ и бурьяномъ. Храмикъ выдолбленъ правильнымъ круглымъ сводомъ и сохранился отлично, безъ сомнѣнія, по причинѣ своей недоступности. Остатки штукатурки и византійскихъ фресокъ на ней очень замѣтны; можно еще разобрать иѣкоторыя греческія надписи подъ образами и даже характерный ликъ Николая угодника. Рядомъ съ дверью маленькое окошечко, черезъ которое на бѣлые известковыя стѣны падаетъ веселый солнечный свѣтъ. Алтарикъ въ особомъ отдѣленіи, на возвышенніи. Каменный престолъ съ изображеніемъ креста и круглымъ углубленіемъ; въ лѣвомъ углу крошечный альковъ для трапезы; по стѣнамъ алтаря низенькия каменные сидѣнья. Трава пробилась сквозь трещины маленькаго пола, сквозь престолъ и сѣдалища, а птицы и летучія мыши въ теченіе долгихъ лѣтъ оставляли свои слѣды въ этой древней святыни, доступной теперь только гостинкамъ.

Свѣтлое и высокое чувство охватываетъ васъ, когда изъ этого храма-гнѣзда вы оглядываете пустынныя пропасти, безмолвно обстоящія кругомъ. Мысль переносится въ далекіе годы, когда жажда правды и любви честнаго человѣка находила себѣ пріютъ только въ нѣдрахъ камня. Тепло сердца согрѣвало ему каменную нору и проливало на нее неземной свѣтъ. Загнанный, придавленный, принужденный укрываться, какъ вредный звѣрь, человѣкъ добра въ самыхъ несчастіяхъ своихъ умѣль сыскать источникъ счастія, въ злобѣ міра умѣль найти поводъ творить ему добро. Такая сила недаромъ сочтена божественною. Съ этимъ духомъ святымъ въ сердцѣ человѣкъ становился выше своей судьбы: и великъ былъ этотъ протестъ общественной

неправдѣ со стороны горстки людей, которые, отрясши прахъ своихъ ногъ, безстрашно, безъ сожалѣнія, уносили въ дебри пустынъ, въ подземныя норы свои, идеалы лучшаго міра. Эти люди «чистаго сердца» были въ то темное время такими же подвижниками человѣческой свободы, какъ нынѣ — въ вѣка просвѣщенія — великие мужи мысли...

О Черкесъ-Керменѣ мы имѣемъ еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о Мангупѣ. Большинство писателей вѣрить легендѣ, по которой старая крѣпость была построена черкесами. Самое название соблазняетъ на такой выводъ; впрочемъ, есть и болѣе существенные доводы: рѣка Бельбекъ, протекающая по сосѣдству, до сихъ поръ называется и называлась изстарѣ *Кабардою*: на берегу ея, при впаденіи р. Караг-Илеза, до сихъ поръ находится селеніе *Кабарда*. По свидѣтельству Палласа, гористая мѣстность между верховьями Кабарды и Качи у татаръ называется Черкесъ-Тюсть, и существуетъ преданіе, что въ этомъ Черкесъ-Тюсѣ жили встарину кабардинцы. Кларке говоритъ, что Черкесъ-Керменъ принадлежалъ генуэзцамъ, и что въ немъ жили когда-то черкесы. Еще большія подробности на этотъ счетъ академикъ Кеппенъ отыскалъ въ описаніи Кавказа, составленномъ 1796 г. Рейнегсомъ. По словамъ Рейнегса, черкесы въ XII вѣкѣ перебрались будто бы въ Крымъ. Были однако грамотные люди, которые говорили Рейнегсу, что *черкесы искони назывались Кабаръ*, что они происходятъ отъ Джингисхана, жили въ Крыму и потомъ переселились на мѣста, нынѣ ими обитаемыя. Академикъ Кеппенъ не придаетъ вѣроятія этимъ свѣдѣніямъ. По мнѣ кажется, что мѣстное преданіе врядъ-ли могло бы произвольно изобрѣсти свое родство съ племенемъ, вовсе не громкимъ и живущимъ въ совершенномъ разобщеніи съ Крымомъ. Существованіе одинакового преданія, съ одной стороны,

у крымскихъ татаръ, съ другой — у кавказскихъ горцевъ, во всякомъ случаѣ придастъ ему нѣкоторое историческое вѣроятіе. Замѣчательно, что кавказское преданіе связываетъ съ именемъ Джингиса жительство черкесовъ въ Крыму. Но *Джинис-Керманъ* называютъ татары пещерный городъ Эски-Керменъ, составляющій почти одно съ Черкесъ-Керменомъ. Въ 1828 г. генералъ Козенъ напечаталъ въ «Журналѣ Чутей Сообщенія» подъ заглавіемъ «О троглодитахъ», письмо о древностяхъ *Джинисъ-Кермана* (т. е. Эски-Кермена). Я самъ слышалъ отъ татарскихъ проводниковъ, что эски-керменская скала называется *Денисъ*, но они объясняли это название тѣмъ, что кругомъ горы въ древности было море (по-татарски *денисъ*).

Кеппенъ, объясняя название Черкесъ-Кермена именемъ строителя, ссылается на Мартина Броневскаго. Но у Броневскаго я ровно ничего не нашелъ о Черкесъ-Керменѣ; онъ говоритъ только объ одномъ Эски-Керменѣ, *Черкесси-герменомъ* называемъ почему-то Мангушъ.

«Недалеко отъ Манкона, называемаго турками Черкесси-герменомъ, т. е. новою черкесской крѣпостью, лежитъ другой городъ и крѣпость, но ни турки, ни татары, ни даже сами греки не знаютъ его имени. Извѣстно только, что онъ погибъ во время греческихъ князей, о которыхъ въ этихъ мѣстахъ разсказываются много дурнаго — объ ихъ ужасныхъ преступленіяхъ противъ Бога и людей.»

На каменной горѣ, на которой расположены городъ, съ удивительнымъ искусствомъ высѣчены въ скалѣ дома, которыхъ слѣды еще ясно видны, несмотря на то, что мѣсто это совершенно поросло лѣсомъ. Для всякаго путешественника, хотя разъ посѣтившаго Черкесъ-Керменъ и Эски-Керменъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что рѣчь тутъ идетъ объ Эски-Керменѣ.

До Эски Кермена оставалось всего версты две, но дорога трудная. Онъ стоитъ совершенно отдельною столовою горою, какъ и Мангупъ, только значительно ниже его. Въ Крыму нѣтъ пещерного города, болѣе характернаго. Кромѣ пещеръ — ничего, ни малѣйшаго слѣда развалинъ. Но зато пещеры сосчитать трудно. Какъ взглянешь снизу на отвѣсный обрывъ горы — чистое осиное гнѣзда! Ряды ячеекъ прильпляются одна къ другой, раздѣленныя перегородками иногда чуть не бумажной толщины. Конечно, пещеры не были прежде такъ открыты снаружи; только кое-гдѣ виднѣлись маленькия окошечки, какъ это можно замѣтить еще на нѣкоторыхъ пещерахъ; но время крушилъ не одни бревенчатыя и кирпичныя жилища человѣка. Онъ спряталъ свои гнѣзда въ толщи скаль — оно раскололо пополамъ скалы и искрошило ихъ въ щебень. Теперь почти во всѣхъ пещерныхъ городахъ мы любуемся снаружи на внутренности пещеръ; на отвѣсныхъ обрывахъ зияютъ ихъ продольные разрѣзы, какъ вскрытыя домовища устрицы: это очень удобно для архитектурныхъ чертежей, но ужъ невозможно для жизни. Мы съ любопытствомъ осматривали въ глубинѣ долины огромные камни и цѣлые утесы, оторванные отъ Эски-керменской горы. По положению камней и по чертежу ихъ отверстій легко можно замѣтить, что это оторванныя половины тѣхъ пещеръ, которыхъ эѣвы чернѣютъ теперь наверху, какъ разъ надъ этими камнями. Вотъ торчать надъ обрывомъ верхнія ступеньки каменной лѣсенки, которой нижній сходъ опрокинутъ съ утесомъ въ долину, лѣтъ склонивай сейчасъ. Мы нашли въ долинѣ большия камни съ цѣлыми пещерами внутри: окошечко, двери — все цѣло. Нашли даже громадный камень съ нетронутою часовнею внутри, очень можетъ быть, что она была выдолблена уже впослѣдствіи, въ обрушившемся утесѣ; въ нее

легко было войти: иконопись стѣнъ и греческія надписи были еще довольно ярки и свѣжі, хотя сильно стерты.

Поднялись наверхъ съ трудомъ. Глубокая дорожка, въ родѣ траншеи, врѣзана между стѣнами камней; это настоящій крѣпостной входъ. Первая пещера наверху, направо отъ дороги, замѣтна сложностью и величиною. Въ ней, несмотря на разрушение, хорошо замѣтны вырубленные своды, столбы, проходы изъ одного отдѣленія въ другое; отдѣленій этихъ было четыре или пять; нѣкоторые изъ нихъ положениемъ и формою напоминаютъ алтари. Въ сводахъ множество окаменѣлыхъ устрицъ большаго размѣра и наплывы сталактитной массы неправильныхъ формъ; кое-гдѣ замѣтны заржавѣвшіе слѣды когда-то бывшихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Въ помѣщеніяхъ алтарей съ трудомъ можно замѣтить неясные остатки фресокъ. Первый отдѣленія отъ входа совсѣмъ почти завалены, въ лѣвомъ углу, сейчасъ же у наружнаго отверстія, стоить каменный гробъ простой формы, прикрытый каменною же плитою безъ всякихъ наѣчекъ и надписей. Другой такой же гробъ раскрыть и опустошить; въ кучѣ обломковъ замѣтны куски гробовъ, совсѣмъ разбитыхъ. Старикъ Сейдъ-Мазинъ изъ Бахчисарая, провожавшій насъ въ Эски-Керменъ, — увѣрялъ меня, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проводникомъ графа Уварова, по распоряженію котораго будто-бы былъ раскрытъ одинъ гробъ и въ немъ будто бы найденъ скелетъ человѣка съ золотыми кольцами. Безъ сомнѣнія, Сейдъ говорилъ о графѣ Уваровѣ, авторѣ археологическаго сочиненія о Крымскихъ древностяхъ. Старикъ добавилъ, что въ то время *экспедиція* была почти совсѣмъ цѣла, и на стѣнахъ видны были писанныя красками фигуры людей. Татары вѣрятъ, что эта большая пещера была греческою церковью, а нѣкоторые путе-

шественники считаютъ ее остаткомъ монастыря. Не знаю — объ этомъ ли храмъ говорить Мартинъ Броневскій: «Храмъ, украшенный мраморомъ и серпентинными колоннами, уже разрушенъ, но обломки его свидѣтельствуютъ о прежней славѣ и роскоши города».

Трудно предположить, что польскій посолъ находилъ признаки славы и роскоши города въ подземныхъ пещерахъ, неспособныхъ представить даже обыкновенныхъ удобства общественному богослуженію и во всякомъ случаѣ свидѣтельствующихъ гораздо болѣе обѣ опасностяхъ и стѣсненій свободы, чѣмъ о славѣ. Также странно было бы со стороны Броневскаго величать *роскошнымъ городомъ* систему пещеръ, если бы на верху горы, надъ пещерами, не существовалъ встарину дѣйствительный и, конечно, укрѣпленный городъ, какъ въ Мангупѣ, Черкесъ-Керменѣ, Шикерманѣ и Чуфутъ-Кале.

Дѣйствительно, Броневскій, который могъ застать развалины города и слышать о немъ еще свѣжія преданія, говорить, какъ мы видѣли, совершенно опредѣленно: «На каменной горѣ, на которой расположены городъ». Не знаю, точно ли турки XVI ст. называли Мангупъ Черкесъ-Керменомъ, или авторъ, слышавшій разсказы турокъ черезъ переводчика, спуталъ Мангупъ съ Черкесъ-Керменомъ, о которомъ въ его путешествіи не говорится ни слова, и котораго онъ, по всей вѣроятности, не видалъ. Какъ бы ни было, описание его несомнѣнно относится къ богатому пещерами Эски-Кермену, этой «древней крѣпости», которой имя было уже забыто въ XVI ст. даже старинными жителями-греками, которая поэтому была признана древней даже относительно древнѣйшихъ городовъ своего сосѣдства — Мангупа, Черкесъ-Кермена и проч. Немудрено, что мѣсто такого стараго города поросло лѣсомъ

еще въ XVI столѣтіи, несмотря на свою скалистость, и что мы, путешественники XIX вѣка, не видимъ даже слѣдовъ его развалинъ. Въ такомъ случаѣ нужно думать, что и богатый мраморный храмъ, о которомъ говорить Броневскій, находился при немъ въ числѣ наружныхъ, то-есть наземныхъ развалинъ города.

Мы долго бродили по краямъ Эски-керменской горы, спускаясь во всѣ пещеры, въ которыхъ можно было спуститься. Не всегда можно довѣряться полурастреснутымъ лѣсенкамъ, что ведутъ изъ верхняго яруса пещеръ въ нижній. Въ иныхъ мѣстахъ видишь три-четыре яруса. Нѣкоторые пещеры очень помѣстительны, имѣютъ каменные ясли, столбы съ каменными ушками для привязи, цистерны, какъ въ Мангупѣ; это, конечно, конюшни, овчарии. Въ другихъ, меньшихъ, замѣтны каменные ложа, альковы для шкафчиковъ, вырубленные полочки, правильно вытесанныя притолки для дверей; въ нѣкоторыхъ видны дымовые отверстія и слѣды очаговъ, и во всѣхъ рѣшительно множество выдолбовъ для укрѣпленія брусьевъ, на которыхъ, можетъ быть, устраивались койки, столы, загородки, вѣшалки и проч. Интересныхъ остатковъ внутри этихъ пещеръ рѣшительно не видать. Слой овечьяго и конскаго навоза покрываетъ почву, а выбоины наполнены мелкимъ мусоромъ, въ которомъ попадаются во множествѣ черепочки глиняной, хорошо выжженной, посуды и кости обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ. Надо предполагать, что прежній полъ пещеръ уже затянутъ слоемъ извести; во всякомъ случаѣ, изслѣдователямъ древностей каменного периода не лишнее было бы покопаться въ этихъ подземныхъ норахъ.

Конечно, особенно плодотворными должны бы оказаться раскопки естественныхъ сталактитовыхъ пещеръ Крыма, напримѣръ, пещеръ Чатырдага, гдѣ знамени-

тая пещера тысячи головъ, «*Бимбашъ-Коба*», сохранияетъ въ себѣ, даже на поверхности почвы, массу неизслѣдованныхъ скелетовъ. Но и «*пещеры трогиодитовъ*», подобный эски-керменскимъ, не должны быть упущены изъ виду археологами. Меня поражаетъ то обстоятельство, что каждая столовая гора пещерныхъ городовъ Крыма — непремѣнно соединена съ преданіемъ о морѣ, окружавшемъ когда-то гору. Ай-Тодорская долина у южного подножія Мангупа до сихъ поръ называется у грековъ *пелагос* (море), а татары извратили это имя въ *филегусъ*. Эски-Керменъ называется также у татаръ *Денисъ* (море). Фирковичъ разсказывалъ мнѣ, со словъ своихъ караимскихъ предковъ, что въ глубокой древности Чуфутъ-Кале былъ островомъ, а долина, по которой пролегаетъ дорога въ Мангушъ, была покрыта моремъ. Любопытно, что и Пліній въ своей Естественной Исторіи говоритъ, будто горный Крымъ былъ прежде островомъ. Если люди жили въ эпоху этихъ горныхъ озеръ, то пещеры по ихъ сосѣдству получаютъ еще большій смыслъ.

Оригинальность Эски-Кермена и самое замѣчательное сооруженіе его — это круглый колодезь въ нѣдрахъ скалы. Въ колодезь этотъ опустится цѣлая большая башня. Спускаться въ него можно только на веревкахъ, и то человѣку привычному. Множество ступенекъ высѣчено почти въ отвѣсной продушины, и изъ нихъ только немногія уцѣлѣли; такъ что вамъ болѣею частью приходится висѣть на веревкѣ, привязанной вверху къ макиямъ. При этомъ условіи не совсѣмъ кстати открываться вдругъ передъ вашими глазами, то выше, то ниже, провалы наружной стѣны, сквозь которые вы волею-неволею измѣряете глубину бездны подъ ногами. Вѣтеръ съ силою врываются въ эти проломы, образовавшіеся отъ разрушенія оконныхъ отверстій, и вамъ въ той черной дырѣ, въ которой вы висите, дѣлается

жутко, отъ этого внезапно поражающаго вѣстъ свѣта и движенія. Внизу колодца большая грязь; подземный ключъ журчитъ подъ сводомъ низкой черной пещеры и скатывается изъ подземнаго бассейна въ наружную трещину скалы, загороженную утесами, заросшую кустарникомъ и травами. Картина этого потайнаго ключа очень романтична: черная скалистая дыра, изъ подъ которой онъ выливается, и сквозной гротъ, увитый ползучими растеніями, — составляютъ преживописный контрастъ. Не такъ, конечно, смотрѣли на него тѣ несчастныя водоносцы желѣзного вѣка, которымъ принуждены были совершать это подземное странствованіе за каждымъ кувшиномъ воды.

Объ Эски-керменскихъ пещерахъ писали мало. Подробнѣе другихъ описаніе г. Козена, о которомъ я упоминалъ. Онъ считаетъ пещеры Денгисъ-Кермена за «жилища троглодитовъ». Приведу изъ его письма наиболѣе оригинальныя мѣста, которыя дополнятъ читателю мои личныя впечатленія.

«Всѣ сіи скалы были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины онъихъ внизъ, на нѣсколько саженей въ глубину; и каждая скала заключаетъ въ себѣ большее или меньшее число жилищъ, раздѣленныхъ внутри на этажи. Пхъ находится столь безчисленное множество, что на обозрѣніе всѣхъ требуется по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени... Стѣны и потолки чрезвычайно тонки, ибо рѣдко имѣютъ болѣе пяти или шести дюймовъ толщины; стѣны же внутреннія, для раздѣла горницъ, еще и того менѣе, и не превышаютъ двухъ и трехъ дюймовъ толщины...

«Можно и теперь еще различить признаки разныхъ инструментовъ, служившихъ троглодитамъ въ ихъ работахъ, и которые изображены какъ вѣ, такъ и внутри ихъ жилищъ... Признаки другихъ инструментовъ, замѣчаемыхъ на стѣнахъ во внутренности сихъ жилищъ,

также очень необыкновенны: некоторые представляютъ выпуклія полукружія, похожія на толстыя веревки или канаты, другія уподобляются точкѣ съ запятою, и тысячами выдавлены въ стѣнѣ. Сіи послѣдніе наиболѣе встрѣчаются въ комнатахъ, отдѣланныхъ съ большимъ рачениемъ, намѣтки, означенные симъ инструментомъ въ стѣнѣ, представляются какъ-бы вдавленными въ мякоть, а не въ твердое тѣло... Сей наружный признакъ, можетъ быть и обманчивый, заставляетъ полагать, что троглодиты имѣли средство смягчать камни до разработки... Между сими скалами находится одна, весьма замѣчательная, по содержанію въ себѣ одного весьма странного покоя. Вершина сей скалы очень широка; подъ нею, одна подлѣ другой, выдѣланы неправильно-круглые дыры, имѣющія отъ двухъ до трехъ футовъ въ диаметрѣ, что и придаетъ ей пѣкоторое сходство съ англійскою кухнею въ большомъ видѣ. Отверстія сіи, коихъ находится почти десять, служили входомъ и вмѣстѣ сообщеніемъ съ внутренностью покоя, имѣющаго большую овальную фигуру и высину въ семь футовъ. Долженстввали встрѣтиться большія трудности при его сооруженіи, ибо дѣятели начинали ее не съ боковой стороны, но сверху, и работали, спускаясь внизъ, какъ бы въ колодезь, по мѣрѣ ихъ углубленія... Я вышелъ изъ сей скалы расщелиною, съ боку выработанною (вѣроятно, искусствомъ татаръ), доставляющею нынѣ входъ гораздо удобнѣе существовавшаго нѣкогда при троглодитахъ... Наверху одной утесистой стремнины, во внутренности скалы, находится одна комната, служившая келіею и часовнею набожнымъ людямъ средняго вѣка, а между прочими, кажется, и одному весьма искусному художнику, тамъ жившему, ибо на стѣнахъ часовни сей примѣтны слѣды живописи, какъ можно судить по живости красокъ и очертаній, которыхъ еще замѣтить можно, съ

нѣкоторымъ затрудненіемъ, сквозь слѣды разрушенія, которое она показываетъ. Изображеніе представляеть Богородицу, окруженнуя нѣкоторыми святыми... Картина сія приносила бы честь вѣку Чимабуэ (въ 1300 году), основателя итальянской школы и живописи въ Италии».

Не знаю навѣрное, о какой это часовни говорить г. Козенъ; скорѣе всего это та самая, которую мы нашли въ долинѣ, подъ скалою Эски-Кермена, и о которой я говорилъ выше. Въ такомъ случаѣ фраза о Чимабуэ прибавлена почтеннымъ авторомъ единственно ради красоты слога.

Другой часовни, кажется, нѣтъ въ Эски-Керменѣ, если не считать того храма или монастыря, гдѣ стоятъ гробница. Крымскій судья Сумароковъ въ 1802 году нашелъ въ Эски-Керменѣ также только двѣ церкви. Объ исторіи Эски-Кермена не осталось ни малѣйшаго указанія. «Если уже въ XVI столѣтіи, какъ свидѣтельствуетъ Броневскій, забыты были даже легенды о немъ, то нашему времени трудно разсчитывать на отысканіе какихъ-нибудь историческихъ данныхъ этой среди древностей «древней крѣпости».

Осмотрѣвъ Эски-керменскія пещеры, мы двинулись далѣе. Нашъ Бекиръ упрямъ, какъ истый татаринъ. Его понятія о «князѣ» и о «господахъ» изъ губерній совершенно разрушаютъ наши планы. Онъ положительно не позволяетъ намъ дѣйствовать, какъ бы мы хотѣли, и ревниво заботится о томъ, чтобы нашему предполагаемому сану возданы были подобающія почести.

Бѣдняга, безъ сомнѣнія, участвуетъ всѣмъ сердцемъ въ долѣ этихъ почестей.

Смѣло подѣлѣжаетъ онъ къ кунацкой княгини, владѣтельницы Каралеза, и вызываетъ чайю (приказчика), несмотря на наши грозныя запрещенія. Чайя суетливо

бѣжитъ въ гаремный дворъ, оттуда опять къ намъ, съ ладонью на сердцѣ, почтительно пропускаетъ насъ въ кунацкую, переговаривая что-то съ Бекиромъ. Вотъ мы въ гостяхъ у татарской княгини; мы сидимъ на коврахъ, тянувшихся сплошь вдоль трехъ стѣнъ кунацкой. Чайя — суровый бородатый татаринъ съ про-сѣдью, — устанавливаетъ передъ нами на обычномъ табуретномъ столикѣ какое-то оригинальное баранье рагу, пшеничную кашу, сдобные татарскіе пирожки. Комната уже полна прислуги, и насъ разбираетъ смѣхъ при видѣ этикета, который соблюдается въ отношеніи насъ. Чайя позволяетъ себѣ находиться невдалекѣ отъ насъ, свободно курить трубку и сидится около насъ на коверѣ. «Огаджи» — дворецкій — хотя тоже куритъ трубку, но держится подальше и сидитъ только на корточкахъ. Поваръ помѣщается еще дальше отъ почетнаго угла и уже безъ трубки, а остальная прислуга вытянулась вдоль стѣны у самой двери и, кажется, не смѣеть даже присесть на корточки. Подали саль-ныя свѣчи, и одинъ изъ татаръ озабоченно держитъ въ своихъ рукакъ щипцы, которыя было бы удобнѣе оставить на столѣ. Повременамъ, онъ мягкимъ шагомъ подходитъ къ столу, снимаетъ осторожно со свѣчи и съ тою же безмолвною сосредоточенностью возвра-щается на свою прежнюю позицію у стѣны, откуда внимательно продолжаетъ наблюдать за нагараніемъ фитиля. Сосѣдъ его держитъ маленькую курильницу съ углемъ, третій — какой-то подносикъ. Всѣ проникнуты сознаніемъ своихъ важныхъ обязанностей. Еще новый слуга внесъ множество перинъ, пуховыхъ подушекъ и ваточныхъ одѣялъ. Хотя все это было сдѣлано не изъ полотна, а изъ дешеваго пестраго ситца, но отли-чалось безукоризненною чистотою. Пока тянулось наше угощеніе и приготовленіе къ ночлегу, мною овладѣло какое-то знакомое чувство, въ которомъ я не

сейчасъ далъ себѣ отчетъ. Мне казалось, что я уже не разъ бывалъ въ этой обстановкѣ и видѣлъ уже этихъ людей, эти обычаи. Картины глубокаго дѣтства встали въ памяти. Крѣпостные лакеи, безполезно толпящіеся у барскаго стола, кто съ салфеткой, кто съ тарелкой, кто съ вилкой на подносѣ; тоже многочасовое торчаніе вдоль стѣнъ съ заложенными назадъ руками, тѣ же сальныя свѣчи, тѣ же длинныя трубки и постоянная обязанность набивать ихъ; тѣ же дворецкіе и прикащики, тотъ же жирный и грубый вкусъ въ выборѣ кушаньевъ, даже расположение мебели въ нитку, вдоль стѣнъ, и изобиліе постельного добра — все это близко-знакомое, недавно еще крѣпко жившее и недавно на ѿки погибшее.

Масса русскаго средняго дворянства — не тѣ немногія фамиліи, которыя въ столичной службѣ успѣли рано прикоснуться къ европейскимъ обычаямъ, а то помѣщичество, которое выходило въ отставку послѣ 1-го чина и съ 15 лѣтъ не выѣзжало изъ своихъ вотчинъ, — безъ всякаго сомнѣнія, заимствовала отъ татарскихъ мурзаковъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Но болѣе всего говоритъ объ этомъ заимствованіи образъ жизни татарскаго мурзака, его хозяйственная распущенность, его страсть къ лошадямъ и собакамъ, характеръ его домашняго комфорта. Дѣственная громоздучность голосовъ, дѣственno-мощные организмы, переполненные густою и сердитою кровью, эти черные, гибвные глаза, привыкшіе только приказывать, эти жесткіе какъ грива усы и волоса — все это я видѣлъ давно, къ эпоху своего отрочества, и все это я съ изумленіемъ увидалъ во всемъ живѣй, черезъ 25 лѣтъ, когда мнѣ пришлось пожить среди татарскихъ мурзаковъ. Татарскій мурзакъ — это идеалъ, съ котораго копировался нашъ крѣпостной помѣщикъ.

До Бахчисарая мы рѣшилисьѣхать прямо по степи,

гдѣ и подняли отчаянную скачку на-перегонки, ко всеобщей потѣхѣ. Если бы подъ нами были не татарскія лошади, не одинъ бы изъ настѣ вернулся калѣкой. Это настѣ раздразнила степь, ровная, безбрежная. Мы, конечно, нашли бы болѣе удобствъ въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ уже не разъ пользовались радушiemъ почтенаго и гостепріимнаго коменданта Я. А. Ш-ка; но намъ не хотѣлось еще выбиваться изъ татарщины и разрушить нашу многодневную иллюзію. Поэтому решено было остановиться въ татарскомъ «ханѣ». «Ханѣ» выбрали типическій, изъ такихъ, которые уже начинаютъ исчезать, уступая мѣсто столь же неудобнымъ, еще болѣе грязнымъ и гораздо болѣе дорогимъ «нумерамъ», въ ка-бацко-русскомъ вкусѣ. На внутреннемъ дворѣ хана была полуоткрытая татарская кофейня, съ фонтаномъ посерединѣ. Пока Бекиръ дѣлалъ закупки и поилъ лошадей, мы сидѣли въ кофейнѣ, на высокихъ и широчайшихъ диванахъ, совсѣмъ съ ногами. Кафеджис угощалъ настѣ въ крошечныхъ чашечкахъ чернымъ кофеемъ съ гущей, который онъ приготовлялъ съ большими мастерствомъ, тутъ же на печи, въ маленькихъ узкогорлыхъ кофейникахъ турецкой формы. Изъ сосѣдней шашлыши татаринъ прінесъ намъ нѣсколько палочекъ съ нанизаннымъ на нихъ горячимъ и румянымъ шашлыкомъ, который еще весь шипѣлъ, и на который мы, конечно, съ жадностью накинулись. Присутствіе необычной публики въ кофейнѣ хана распространилось по сосѣдству, и много татаръ приходило глядѣть на настѣ, особенно на нашу амазонку. Бекиръ и тутъ пустилъ слухъ о князѣ, и весь дворъ скоро наполнился татарскими барышницами, которые предлагали зайти къ князю купить у нихъ верховыхъ лошадей. Бахчисарайскія лошади дѣйствительно считаются за лучшихъ въ Крыму.

Вечеръ спустился тихій. Цвѣтущія деревья наполняли воздухъ своимъ запахомъ. Мы пошли насладиться

фонтанами и розами дворцовыхъ садиковъ. Фонтаны всѣ были пущены, и тяжелыя струи ихъ звонко журчали въ бѣлые мраморные бассейны, перебивая другъ друга среди тишины лунной ночи. Луна стояла за «Соколиной башнею» гарема и бросала отъ нея, отъ высокихъ тополей, отъ мавританскихъ рѣзныхъ трубъ дворца длиннія тѣни на росистый лугъ и на клумбы розовыхъ кустовъ. По балконамъ и крылечкамъ какъ-то таинственно ползли узорныя тѣни рѣшетокъ и деревьевъ. Не хотѣлось говорить, не хотѣлось двигаться. Въ безмолвномъ благоговѣніи мы впивали въ себя красоту южной ночи, въ поэтической обстановкѣ восточной роскоши. На балкончикѣ минарета, стройно высящагося въ кущѣ такихъ-же высокихъ тополей дворцовой мечети, мазинъ затянулъ вечернюю молитву. Мы смотрѣли на его черную фигуру, вырѣзанную на фонѣ освѣщенного неба и обращавшуюся поочередно ко всѣмъ странамъ свѣта. Онъ кричалъ пронзительно и заунывнымъ голосомъ, въ которомъ, какъ въ колокольѣ, не было ничего индивидуального, ничего зависящаго отъ данной минуты.

На многочисленныхъ минаретахъ города *мазины* одинъ за другимъ стали подхватывать сигнальный гимнъ. То ближе, то дальше замирали ихъ голоса, взывавшіе къ правовѣрнымъ, и среди глубокой тишины слышны были спѣшные шаги молельщиковъ, собиравшихся въ ханскую мечеть.

Мечеть была отворена.

Огромная зала ея освѣщалась только въ самой глубинѣ, рядами низкихъ подсвѣчниковъ, стоявшихъ передъ налойчиками алькорана. Въ срединномъ альковѣ, замѣняющемъ нашъ алтарь, тоже передъ складною скамеечкой съ алькораномъ, стоялъ на колѣняхъ толстый эфенди въ зеленой чалмѣ. Полъ былъ сплошь устланъ дорогими персидскими коврами. Немногіе татары-мо-

лельщики стояли рядами, не двигаясь, не произнося словъ, словно статуи. Входившій оставлялъ передъ входною рѣшеткою свои туфли и неслышной поступью по мягкимъ коврамъ присоединялся къ ряду этихъ окаменѣвшихъ людей. Ни малѣйшій шумъ не прерывалъ благоговѣйнаго теченія молитвы.

Недалеко отъ входа, на шкурахъ дикой козы, сидѣли, поджавъ ноги, мазины. Изрѣдка мулла произносилъ священные слова, и тогда всѣ начинали вслѣдъ за нимъ раскачиваться въ стороны, кланяться или поднимать кверху руки. Это дѣлалось совершенно какъ по командѣ, въ строжайшій тактѣ: ни шуму, ни скрипу. съ поразительной легкостью и быстротою. Иногда голосъ подавалъ не мулла, а мазинъ. Онъ сидѣлъ дремлющій, весь погруженный въ себя, голова на груди — и вдругъ что-то найдетъ на него, затянетъ пронзительный стихъ и азартно закачается изъ стороны въ сторону. Всѣ сразу подхватываются. Это мусульманское служеніе производитъ особенное впечатлѣніе. Обширный, полуземный храмъ, движущіяся тѣла отъ кланяющихся и качающихся фигуръ, благоговѣйная тишина и непонятныя фанатическая завыванія, изрѣдка нарушающія ее, странно дѣйствуютъ на воображеніе.

Бахчисарайская дневка пришла какъ разъ на полу-пути. Запаслись новою провизіею, перековали лошадей, чтобы пуститься еще сутокъ на трое въ горную глушь.

Чтобы не миновать ни одного пещернаго города, намъ нужно было теперь ѣхать черезъ Чурутъ-Кале въ Біа-Салы, откуда легко производится осмотръ Тепе-Кермена и Качи-Кальена, и сѣдѣть экскурсію, черезъ Мангушъ, въ Баклу.

Въ Саланчукѣ — цыганскомъ предмѣстї Бахчисарай — мы наткнулись на оригиналную сцену, замедлившую нашъ путь.

Двухколесная крытая арба, обвѣшанная цвѣтными одѣялами и войлокомъ, еле двигалась по рѣтвиамъ ручья, замѣняющаго улицу въ каждой татарской деревнѣ.

Нѣсколько молодыхъ цыганъ въ татарскомъ нарядѣ (здѣшніе цыгане всѣ магометанскаго исповѣданія) охраняли арбу отъ неистового напора разнохарактерной толпы татаръ и цыганъ. Провожатые дѣлали немногія усиленія, чтобы протиснуться хоть на одинъ шагъ впередъ.

Верховые и пѣши, дѣти и больши, мужчины и женщины, наперерывъ другъ передъ другомъ, спились остановить арбу, ухватываясь за колеса, за грядки, за упряжь лошадей. Крикъ и суматоха стояли невобразимые.

Давили, падали, взвизгивали, ругались.

Одинъ сердитый сѣйой старикъ, изъ провожатыхъ, колотилъ народъ, направо и налево, толстою палкою, не разбирая по чемъ, злобно сверкая глазами и оскалывая свои старые зубы. Отъ него увертывались, вонзили, охали, но все-таки продолжали лѣзть и давить. Другой татаринъ стоялъ на арбѣ во весь ростъ и изрѣдка бросалъ въ народъ цвѣтные платки. Что было внутри, не было видно: арба была завѣшена на-глухо. Впереди арбы щекалъ татарскій мальчикъ, держа высоко надъ головою книгу алькорана, а за нимъ важно шли усатые музыканты, кто съ зурною, кто съ турецкимъ барабаномъ. Это была настоящая татарская свадьба, — *похищеніе жены*.

Обычай дозволяетъ останавливать молодыхъ всякому встрѣчному, особенно же жителямъ тѣхъ сель, черезъ которыя двигается поѣздъ. Отъ нападающихъ нужно откупаться платками, лентами и т. д., а слобода Салончукъ сплошь населена бѣдняками-цыганами.

Охотниковъ до платковъ было здѣсь особенно много,

а платковъ у жениха особенно мало. Оттого-то давка и дошла до такихъ размѣровъ. Маленькую арбу перекидывали раза два на-бокъ и нѣсколько разъ отталкивали назадъ. Отрядъ провожатыхъ дружковъ жениха совсѣмъ выбился изъ силъ въ неравной и непрерывной борьбѣ. Музыка визжала и стучала, народъ кричалъ и бушевалъ. Когда арба повернула въ боковой проулокъ села и стала карабкаться на крутую, скалистую гору, мы думали, что ей пришель конецъ. Въ тѣснотѣ проулка толпа еще болѣе сплотилась, и изъ всѣхъ хатъ прибывали новые атакующіе.

Наконецъ арба остановилась недалеко отъ хаты жениха, къ которой подѣхать было невозможно — на такой крутизѣ стояла она. Женихъ закуталъ похищенную невѣсту совсѣмъ съ головою въ яркое шелковое одѣяло съ золотыми цвѣтами и, крѣпко держа въ рукахъ свою ношу, почти бѣгомъ бросился съ нею по крутизѣ къ дверямъ хаты. Дружный взрывъ одобрительныхъ криковъ, зурны и турецкихъ барабановъ, привѣтствовалъ удалаго жениха. Тамъ уже собирались гости, и туда входили музыканты.

Междуди тѣмъ и мы подвинулись далѣе. Живописное ѿщелье Успенского скита благоухало садами. Въ эту узкую и глубокую тѣснину уже забрались зеленые тѣни и прохлада вечера, хотя солнце было высоко надъ степью.

Чѣмъ-то непонятнымъ и чуждымъ намъ глядѣли эти оконечки келій, чернѣвшія высоко надъ землею, въ бѣлыхъ толщахъ известняка. Переходцы, лѣсенки, балкончики, прилеплены надъ отѣсною пропастью, какъ гнѣзда ласточекъ, словно жить въ немъ не людямъ, а пернатымъ.

Византійскія фигуры *святыхъ* мучениковъ, въ золотыхъ вѣнчикахъ и цвѣтныхъ одеждахъ, въ наивно-благочестивыхъ позахъ, писанныя прямо по сырцу скалы,

окружаютъ входы пещерныхъ церквей и сообщаютъ характеръ глубокой средневѣковой древности этому полу воздушному, полу-подземному скиту. На верху столообразной скалы, въ которой высѣчены пещеры скита, огромный крестъ вѣнчаетъ всю западную стѣну ущелья; какъ-будто и ущелья, окружающія его, и горы, составляютъ одинъ титаническій храмъ. Къ этому кресту ведетъ чрезвычайно крутая лѣстница, съ безчисленнымъ множествомъ ступеней, высѣченная въ толщи скалы. Мы поднялись по ней и, съ плоской вершинѣ горы, уже обращаемой монахами въ плодоносный садъ, могли свободно обозрѣть окрестность; только отсюда можно убѣдиться въ естественной принадлежности Успенского скита и Чуфутъ-Кале къ Бахчисараю, предмѣстьями котораго они всегда считались. И до Бахчисарайя и до Чуфута отсюда рукой подать, а снизу, проѣзжая по окольнымъ дорогамъ, среди скалистыхъ стѣнъ, даже не подозрѣваешь этой близости.

Долина, надъ которой мы стояли, полная теперь монастырскими садами, недавно еще носила название *Маріїнполя, города св. Маріи*. Это былъ религіозный центръ крымскихъ грековъ, мѣстопребываніе ихъ митрополита; русское правительство, незадолго до присоединенія Крыма, намѣренно переселило отсюда грековъ на берега Азовскаго моря. Новый Маріанполь или Маріуполь, въ предѣлахъ единоплеменной Россіи, долженъ былъ привлечь къ себѣ помыслы промышленныхъ крымскихъ грековъ и нанести сильный ударъ умирающему ханству.

До сихъ поръ сохранилась старинная привычка чествовать древнюю святыню Крыма, и 15-го августа, въ день Успенія св. Дѣви Маріи, старый Маріанполь или Успенскій скитъ наполняется толпами богомольцевъ, особенно грековъ. Игуменъ показывалъ намъ всѣ уголки своего горнаго хозяйства, и, несмотря на свои

лѣта, бодрѣе всѣхъ насть поднялся по крутымъ ступенямъ къ подножію креста. Но мы спѣшили въ Чуфутъ и должны были отказатьться отъ любезнаго приглашенія выпить чашку чаю подъ тѣнью монастырскихъ перспиковъ.

Чуфутъ-Кале — *жидовская крѣпость*, по переводу на русскій языкъ — лежитъ на такой же, совершенно отдѣльной, столовой горѣ. какъ и Мангупъ, только высота и объемъ ея значительно меньше. Какъ и Мангупъ, Чуфутъ-Кале было въ одно и то же время внутреннимъ, пещернымъ городомъ и нагорнымъ, наружнымъ, окруженнымъ стѣнами съ башнями.

Южный обрывъ скалы, по неприступности своей, былъ, повидимому, безъ стѣнъ, такъ что развалины старинныхъ домовъ-бойницъ высятся теперь прямо надъ пропастью, по которой ползетъ дорога.

Подъ нѣкоторыми изъ нихъ почва мѣстами осыпалась, и они нависли подъ пропастью. Эти мрачныя жилища, приоровленные больше къ защитѣ, чѣмъ къ удобствамъ жизни, крайне типичны и просятся въ альбомъ любопытнаго туриста.

Время основанія Чуфутъ-Кале неизвѣстно. Преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей, а также нѣкоторые писатели приписываютъ построеніе Чуфутъ-Кале какимъ-то сорока мужамъ, сорока разбойникамъ, основываясь, можетъ быть, именно на татарскомъ значеніи слова *кыркъ* (сорокъ).

Почти единственный письменный памятникъ, уцѣлѣвшій здѣсь, — это мавзолей Ненекеджанъ-ханымъ, дочери Тохтамышъ-хана, но онъ относится только къ 1437 году, стало быть, уже ко времени владѣнія татаръ.

Тунманъ, правда, утверждаетъ, что Чуфутъ-Кале есть древняя Фулла, существовавшая уже въ VI вѣкѣ, но основаній такому мнѣнію не приводитъ. Точно также

бездоказательны слова Кларке, который въ своемъ Путешествіи описываетъ Чуфутъ-Кале, «какъ древній замокъ, первоначально построенный генуэзцами, надъ глубочайшею пропастью».

Старинные писатели начинаютъ говорить о Чуфутъ-Кале только съ первой четверти 14-го вѣка. Тогда этотъ городъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кыркора; до сихъ поръ караимскіе раввины, составляя бранныя записи бахчисарайскихъ караимовъ, именуютъ ихъ въ этихъ актахъ стариннымъ именемъ «гражданъ Кыркора». Имя Кыркора въ разныхъ искаженіяхъ — Кыркоръ, Коркери, Киркель — упоминается очень часто у польскихъ и другихъ писателей 14, 15 и позднѣйшихъ столѣтій.

Черезъ это ханы крымскіе часто именовались у поляковъ ханами киркельскими. Въ нашихъ русскихъ старинныхъ актахъ Чуфутъ-Кале тоже называется Кыркоромъ. Даже писатель 18-го столѣтія, литовскій митрополитъ Сестренцевичъ, называетъ Чуфутъ Киркелемъ. «На западномъ концѣ бахчисарайской долины жиды имѣютъ деревню, называемую Чуфутъ-Калези. На вершинѣ горы видѣнъ замокъ Киркель, бывшій жилищемъ древнихъ хановъ, отчего ихъ называли ханамъ и киркельскими.»

Открытие Фирковичемъ на Чуфутскомъ кладбищѣ надгробной надписи первого десятилѣтія нашей эры дѣлаетъ несомнѣннымъ, что караимы жили въ Чуфутъ-Кале еще до Р. Х. Слѣдовательно, основаніе его нужно отнести еще къ библейскимъ временамъ. Объ этой сѣйдѣ древности краснорѣчиво говоритъ и число памятниковъ, которыми, можно сказать, сплошь за-сѣяна довольно обширная балка, прозываемая у караимовъ *Лосафатовою долиною*. Это имя дано кладбищу въ воспоминаніе іерусалимской долины Смерти, на которой будетъ происходить страшный судъ. Въ Чуфутской

«долинѣ смерти» памятники уже стоятъ на памятникахъ. Множество плитъ ушло такъ глубоко въ землю, что до нихъ трудно теперь докопаться. Изъ историческихъ фактовъ, относящихся до Чуфута, посложительно известно только то, что въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ этотъ древній Кыркоръ *) или Киркіель былъ главнымъ мѣстопребываніемъ крымскихъ хановъ, крымскихъ, киркіельскихъ и монголскихъ (мангупскихъ?) татаръ. Изящный мавзолей ханской дочери въ серединѣ Чуфута представляетъ еще болѣе убѣдительное доказательство того, что въ 14-мъ столѣтіи Чуфутъ былъ, дѣйствительно, резиденціею хана. О томъ же свидѣтельствуетъ и глубокая темница на сѣверномъ краю города. Извѣстный венецианскій путешественникъ 15-го столѣтія Барбаро разсказываетъ, что Менгли-Гирей взялъ приступомъ Кыркоръ, въ которомъ былъ тогда властелиномъ Эминекъ-бей и, по взятии, умертвилъ его. Другой венецианецъ 15-го ст., посолъ республики Кантарини, говоритъ, что онъ разстался съ литовскимъ посломъ потому, что тотъ долженъ былъ явиться къ хану, находившемуся въ крѣпости Керкеръ. Менгли-Гирей особенно часто находился въ Кыркорѣ; между прочимъ онъ запирается въ немъ отъ хановъ Золотой Орды въ 1486 году. Во время крымскихъ смутъ слушалось, что одинъ ханъ господствовалъ въ Крыму, а противникъ его запирался въ неприступномъ Кыркорѣ и старался низвергнуть соперника; такъ было, напр., при Саипъ-Гиреѣ въ 16-мъ ст. Очень можетъ быть, что перенесеніе столицы хановъ изъ Старого Крыма въ Бахчисарай было именно вызвано неприступностью Чуфутъ-Кале.

*) Ольгердъ литовскій, по словамъ Шлецера, разбилъ въ 1399 г. около Дона трехъ хановъ.

Въ исторіи крымскихъ хановъ, писанной на турецкомъ языкѣ, находится такой отзывъ о Чуфутѣ: «крепость Кыркоръ лежитъ близъ Бахчисарая, на высокой горѣ, и построена изъ малыхъ кремней, чрезвычайно крѣпка и не имѣетъ себѣ подобной».

Я не буду здѣсь вдаваться въ подробности о развалинахъ и древностяхъ Чуфута, о могильномъ впечатлѣніи этого, заживо-похороненного, города. Въ другомъ мѣстѣ своихъ крымскихъ впечатлѣній я уже посвятилъ особую главу описанию Успенского скита и Чуфутъ-Кале, хотя и не касался связи ихъ съ другими пещерными городами. Здѣсь было бы излишне повторять прежде разсказанное.

Въ одномъ изъ полуусиляхъ старинныхъ домовъ Чуфутъ-Кале, совершенно вирочемъ подновленномъ, живетъ Авраамъ Фирковичъ, стражъ и патріархъ Чуфута. Мы ѿхали прямо къ Фирковичу, и онъ ждалъ насть. Престарѣлый раввинъ встрѣтилъ своихъ гостей на одной изъ мертвыхъ улицъ мертваго города. Если бы его не провожалъ другой караимъ, совершенно житетскаго вида, Фирковича не трудно было бы принять за призракъ. Среди гробового вида этихъ ветхозавѣтныхъ развалинъ, напоминающихъ запустѣвшіе города Палестины и Сиріи, передъ нами появился старецъ, высокаго роста, величаваго вида, въ костюмѣ настоящаго Мельхиседека. Онъ одѣтъ былъ въ длинный хитонъ, на головѣ его была бѣлая круглая шапка съ широкимъ бархатнымъ околышемъ, фioletового цвѣта, что-то среднее между чалмою Шамиля и митрой библейскихъ первосвященниковъ. Опираясь на посохъ, онъ твердыми шагами приблизился къ намъ и привѣтствовалъ насъ на чистомъ русскомъ языке. Мы сошли съ лошадей и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, отправились, по приглашенію старца, осматривать достопримѣчательности мертваго города.

Продолговатая зала, бывшая когда-то синагогою, служитъ теперь книгохранилищемъ Фирковичу. До самаго потолка идутъ полки, тѣсно набитыя рукописями. Даже на полу нѣтъ мѣста отъ нихъ. Все это — фолианты, иногда на-половину истлѣвшіе, свитки пергамента, цѣлые кожи, покрытыя семитическими письменами. Видъ этихъ библіофильскихъ сокровищъ вселяетъ почтеніе. Нужно много вѣры въ свои силы, въ свою живучесть, чтобы дерзнуть погрузиться въ прахъ минувшихъ вѣковъ, анализировать его и освѣтить мыслію своего вѣка. Фирковичъ собиралъ эти рукописи въ разныхъ частяхъ свѣта: въ Каирѣ, въ Дамаскѣ, въ Дербентѣ, въ Вильнѣ. Пользуясь своими связями съ караимскими раввинами всѣхъ странъ, онъ пріобрѣталъ иногда такія рукописи, которыя переходили по наслѣдству отъ дѣловъ къ внукамъ, подъ заклинаніями, какъ семейная и религіозная тайна.

Ни одинъ европейскій ученый не былъ въ этомъ отношеніи поставленъ такъ выгодно. Только ревнителю и хранителю древней вѣры отцовъ довѣрялись заповѣдныя сокровища, недоступныя для иновѣрцевъ.

Только ему открывались таинственныея преданья караимскихъ старцевъ, ожидавшія цѣлыми столѣтіями достойнаго воспріемника. Фирковичъ созерцалъ собранія имъ сокровища, исполненный гордости. Онъ много горѣчivo, съ юношескимъ жаромъ, объяснялъ намъ значеніе наиболѣе замѣчательныхъ рукописей и исторію пріобрѣтенія ихъ. Онъ придавалъ имъ громадное значеніе, котораго, конечно, онъ не могутъ имѣть. Какъ библіофиль, онъ считалъ важнымъ научнымъ открытиемъ всякий новый варіантъ давно извѣстнаго текста.

Онъ горячо жаловался, что его неусыпные труды на пользу науки пропадутъ безплодно, что у него нѣтъ помощниковъ и не будетъ продолжателей. «Мнѣ уже 90 лѣтъ, а посмотрите, сколько еще дѣла!» — горячился

онъ, указывая своею костлявою рукою на пыльные архивы, насъ окружавшіе.

Публичная библиотека уже купила разъ у Фирковича его собраніе восточныхъ рукописей за 100 тысячъ р. сер.

Но почтенный раввинъ съ презрительною насыщенною отзывался о библиотекѣ, которая ограничилась помѣщеніемъ его рукописей въ шкафы и прибитіемъ ярлычка. Онъ негодовалъ на то, что до сихъ поръ ни одинъ ученый не командированъ для разбора и изданія этихъ сокровищъ, единственныхъ въ мірѣ, по мнѣнію собирателя. Ихъ покупали въ Королевскую Лондонскую библиотеку, говорилъ Фирковичъ, и въ Европѣ они навѣрное породили бы уже цѣлую литературу; но онъ не хотѣлъ лишить свое собственное отечество такого пріобрѣтенія.

По словамъ Фирковича, онъ не разъ просилъ министра народнаго просвѣщенія и разныхъ важныхъ лицъ объ оказаніи ему пособія къ разбору и изданію собранныхъ рукописей, но ни отъ кого ничего не добился. «Если бы мнѣ дали десять ориенталистовъ, всѣмъ бы нашелъ занятія на цѣлую ихъ жизнь!» хватался увлеченный старикъ.

Живучесть этого ученаго старца по истинѣ изумительна. Цѣлые дни и ночи проводить онъ въ этихъ полутемныхъ сводахъ, роясь въ своихъ пергаментахъ, подбирая перепутанныя рукописи листокъ къ листку, дѣлая безчисленные комментаріи и выписки. Онъ читаетъ безъ очковъ самый мелкій почеркъ полинявшихъ пергаментовъ и пишетъ замѣчательно твердо и изящно. Архивная пыль не сушитъ его, а одушевляетъ какою-то страстью. Онъ видѣтъ прелесть поэзіи и святость долга въ свой отшелынической жизни, среди мертваго города, въ своей кротовой работѣ надъ письменами восточной древности.

Главной заслугой своей Фирковичъ почитаетъ открытие древняго Пятикнижія, писаннаго съ помощью совершенно особенныхъ титловъ.

Старикъ разсказывалъ объ этой находкѣ съ таинственностью и дѣтскимъ восторгомъ. Однажды ночью онъ, по обычаю своему, занимался въ библіотекѣ разборомъ рукописей и захотѣлъ посмотретьъ, не заключаютъ ли въ себѣ какихъ-нибудь особенностей древніе свитки Пятикнижія, сложенные въ алтарной скиніи этой бывшей синагоги.

«Когда я съ надлежащими молитвами вынесъ на рукахъ своихъ одну за одною всѣ наши древнія святыни и удостоился облобызать ихъ, я вдругъ замѣтилъ, что подъ поломъ скиніи находится пустота. Я пошелъ за ломомъ, заперся на ключъ и проработалъ всю ночь.

«Подъ поломъ было много разныхъ книгъ и ниже всѣхъ ихъ древній свитокъ Пятикнижія. Я благоговѣйно развернулъ его и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Пятикнижіе это было написано совершенно особенномъ образомъ, какимъ не писались еврейскія книги ни прежде, ни послѣ. Со мной сдѣлалась лихорадка отъ волненія. Я думалъ сначала, что помутился мой старый разумъ и мои старые глаза, и не позволилъ себѣ читать долѣе священной книги. На другое утро я поѣхалъ нарочно въ Мангупъ-Кале, чтобы посмотретьъ, нѣтъ-ли такихъ-же титловъ на древнихъ надписяхъ гробницъ; но не нашелъ ничего подобнаго. Тамъ, на открытомъ воздухѣ, чувствуя, что я здоровъ и не брежу, я убѣдился въ дѣйствительности своего открытия. Яѣздилъ потомъ въ Евпаторійскую синагогу, сличалъ самые древніе списки Пятикнижія съ найденою рукописью, писалъ объ этомъ многимъ ученымъ нашимъ раввинамъ, но нигдѣ и ни отъ кого не видалъ и не

слыхалъ о томъ, что мнѣ такъ нежданно захотѣлъ открыть Господь.»

Фирковичъ полагаетъ, что введеніе новаго способа изображенія Священнаго Писанія грозило опасностью автору, такъ какъ отъ способа начертанія еврейскихъ словъ зависитъ и объясненіе ихъ, и что поэтому авторъ нововведенія, изъ боязни обвиненій въ ереси, вынужденъ былъ скрывать свою рукопись въ таинственномъ мѣстѣ.

Фирковичъ разсказывалъ намъ также съ большимъ экстазомъ о своей встречѣ на Востокѣ съ английскими ориенталистами. Въ костюмѣ турка, онъ списывалъ гдѣ-то въ Галилеѣ интересную надгробную надпись на древне-контскомъ языкѣ. Двое англичанъ долго присматривались къ нему, и наконецъ подошли спросить, что онъ дѣлаетъ.

Знакомство старика-турка съ древне-контскимъ языкомъ крайне удивило путешественниковъ, и они прошли позволенія записать его имя въ свои записныя книжки. При имени Фирковича, англичане, оказавшіеся учеными ориенталистами, выказали живѣйшую радость, увѣрили старика, что давно знаютъ и уважаютъ его ученье труды и что почитаютъ за особенное удовольствие такое неожиданное знакомство съ нимъ. Старикъ сиялъ гордостью, вспоминая о такомъ эффектномъ признаніи его ученьихъ заслугъ.

Почтенный раввинъ добылъ нѣсколько новыхъ фактовъ и для исторіи крымскихъ караимовъ; онъ прочелъ и списалъ подпіси всѣхъ безчисленныхъ гробницъ Іосафатовой долины, лежащей у подножія Чуфута и всего караимского кладбища въ Мангупъ-Кале. Онъ откопалъ самыя древнія гробницы, почти совершенно ушедшия въ землю, и, съ помощью ихъ и рукописныхъ данныхъ, исправилъ и пополнилъ хронологію караимской исторіи.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка, знающаго Свя-
щенное Писаніе къ такою глубокою основательностью
и изъ первыхъ источниковъ, какъ Авраамъ Фирковичъ.
Это истинный мастеръ своего дѣла. Онъ передавалъ
мнѣ множество замѣчаній поразительной убѣдительно-
сти, которыя, по словамъ его, онъ представлялъ по-
койному митрополиту Филарету и другимъ нашимъ уче-
нымъ богословамъ, по поводу перевода Библіи на рус-
скій языкъ. Кстати сказать, караимскій раввинъ не
признаетъ греческаго подлинника, съ котораго мы пе-
ревели свои священные книги, за Библію 70-ти тол-
ковниковъ. Онъ считаетъ также совершенно произволь-
ною и невѣрною всю нашу библейскую хронологію.
Странно было слушать, съ какою непоколебимою
самоувѣренностью и снисходительностью наставника
этотъ караимскій ученый обсуждать наши сильней-
шіе авторитеты по части библейской исторіи. Послѣ
осмотра Чуфутскихъ древностей, Фирковичъ пригла-
силъ насъ въ свой домъ. Съ стеклянной галлереи его
видна надалеко вся окрестность, и особенно Іосафатова
долина, эта неисчерпаемая нива раскопокъ и изслѣдо-
ваній Фирковича.

Въ домѣ Фирковича господствуетъ ветхозавѣтная
патріархальность. Старшій сынъ раввина, человѣкъ уже
зрѣлыхъ лѣтъ, и, кажется, отецъ семейства, съ по-
чтительностью снялъ туфли съ ногъ отца и принялъ его
посохъ.

Женщины не смѣютъ показываться постороннимъ.
Къ соблазну благочестивыхъ караимовъ, 90-лѣтній Ав-
раамъ Фирковичъ, духовный глава и руководитель
своихъ единовѣрцевъ, — недавно хотѣлъ жениться на
шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ; это подражаніе библей-
скому Аврааму не состоялось только вслѣдствіе откры-
таго ропота всего караимскаго общества, и чуфутскій
патріархъ остался пока безъ Агари. Случай этотъ сви-

дѣтельствовалъ столько же о полнотѣ жизненныхъ силъ этого замѣчательного старца, сколько и о его библейскомъ воззрѣніи на бракъ. Семья Фирковича — единственные обитатели Чуфута.

Для Фирковича Чуфутъ-Кале — какая-то обѣтованная земля, исполненная всякихъ утѣхъ и удобствъ. Онъ не знаетъ воздуха лучше Чуфута, не знаетъ видовъ красивѣе. Съ галлереи своей онъ любуется моремъ и степью, горами и развалинами древностей. У ногъ его, какъ на ладони, Іосафатова долина, усыпальница всего его племени, въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій. Охраненіе древностей Чуфута, возвеличеніе его въ исторіи и, если можно, возстановленіе въ немъ угасшей караимской жизни — Фирковичъ сдѣлалъ просто задачею всей своей дѣятельности. На свой счетъ онъ нанимаетъ сторожа защищать отъ расхищенія камни и желѣзо мертваго города; онъ купилъ на собственныея деньги, кажется, восемь опустѣвшихъ домовъ, чтобы имѣть больше права къ поддержанію ихъ. Онъ постоянно побуждаетъ бахчисарайскихъ караимовъ переселяться въ Чуфутъ и заводить съ этою цѣлію сношенія съ караимами Литвы. Синагога въ Чуфутѣ и школа для дѣтей поддерживаются исключительной его энергией.

Если материальные интересы торгового караимского племени мѣшаютъ ему промѣнять населенный городъ на патріотическую пустыню, гдѣ даже капли воды нѣтъ, то покрайней мѣрѣ Чуфутъ-Кале долженъ остаться средоточiemъ духовной жизни караимского народа. Здѣсь караимы начинаютъ учиться божественной мудрости, здѣсь совершаютъ свой молитвы и обряды, сюда въ Чуфутскую долину смерти, возвращаются всѣ они, окончивъ жизненный путь. Впрочемъ, 90-лѣтній патріархъ исполненъ вѣры, что вскорѣ возвратятся въ свой древній городъ и живые его соплеменники.

Когда старикъ угощалъ насъ, по обычаю караимовъ, кофеемъ и гальвою, я попросилъ на память его фотографическую карточку, предполагая, что частыя столкновенія съ людьми разнообразныхъ убѣжденийъ, сообщенія со столицею и далекія путешествія разрушили въ ученомъ раввинѣ нелѣпые предразсудки татарства. Но старикъ категорически объявилъ мнѣ, что считаетъ грѣхомъ снимать съ себя портретъ.

Вообще онъ педантически стоитъ за всѣ обычай и обряды своей религіи, какъ бы ни были они маловажны и вѣшни. Онъ жестоко преслѣдуется тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые, подъ вліяніемъ русской жизни, позволяютъ себѣ отступленія отъ старины — въ одеждѣ, сношеніяхъ съ иновѣрцами, исполненіи церковныхъ уставовъ.

Я знаю научно-образованныхъ и весьма развитыхъ караимовъ, которые въ присутствіи Фирковича боятся быть за столомъ русскихъ, а въ субботу не осмѣливаются надѣвать на себя часы или брать въ руки книгу. Фирковичъ далеко не фанатикъ по убѣждениямъ, и терпимость его по отношенію къ иновѣрцамъ безгранична. Но онъ караимъ до мозга костей, и страстно жаждетъ поддержки старого караимства во всѣхъ его особенностяхъ. Онъ понимаетъ, что послабленіе въ формѣ незамѣтно перейдетъ на болѣе существенные стороны караимскихъ особенностей и кончится слитіемъ этого племени съ господствующимъ народомъ. Археологъ сказывается во всѣхъ его вкусахъ и дѣйствіяхъ.

III.

Дальнѣйшее путешествіе до послѣдняго пещернаго кримскаго города.

Ночное путешествіе. — Памятники „Гогвейскаго кладбища“. — Пещеры Теле-Кермена. — Качи-Кальсъ и с. Аистовъ. — „Дѣтракъ хуторъ“. — Бакла — послѣдний пещерный городъ. — Рамъ-гора.

уфутскій отшельникъ задержалъ насть дольше, чѣмъ мы разсчитывали.

Дождливая ночь скоро окутала насть, и Бекиръ усиленно напрягалъ свои татарскіе глаза, чтобы не завести насть въ какую-нибудь трющобу. Бхать рысью было буквально невозможно, и мы сокращали утомительный путь оживленною бесѣдою. Всѣ были увѣрены, что мы заблудились, что Бекиръ ведетъ насть не туда, куда слѣдовало. Мы уже часа четыре были на сѣдлѣ и еще не встрѣтили никакого жилья. Подъѣхали къ какой-то рѣчкѣ. Въ Крыму съ рѣчками нѣть никакихъ церемоний: мостовъ не полагается, и не только всадникъ, даже пѣшечодъ смѣло идетъ въ воду, заранѣе увѣренный, что вездѣ найдетъ бродъ съ каменистымъ дномъ.

Передовые наши всадники беспечно въехали въ рѣчку. Вдругъ мы услышали крикъ. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, но, по шуму и крику, было ясно, что лошади провалились и не могутъ выскочить на берегъ. Наші лошади испуганно шарахнулись назадъ. Наконецъ авангардъ выбрался, мокрый по поясъ. Оказалось, что отъ горныхъ дождей вода страшно поднялась, и перебѣздъ дѣжался просто опасенъ. Особенно заботила насъ и Бекиръ наша «ханымъ» съ амазонскимъ шлейфомъ.

Лошади, хотя и татарскія, упирались какъ ослы и не шли въ воду, запуганныя неожиданнымъ проваломъ передовыхъ. Бекиръ и кое-кто изъ молодежи опустились въ рѣчку, чтобы нашупать мелкое мѣсто. Ханымъ перенесли на рукахъ, а лошадей перетащили въ поводу. Хотя было много смѣху по этому поводу, но это ночные купанье было совсѣмъ некстати: и безъ того пронзительный сырой вѣтеръ долины нагонялъ лихорадочную дрожь. Разливъ рѣки стоялъ широко. Мы очутились въ большой деревнѣ. Рѣка была Кача, деревня Біа-Салы. Было уже очень поздно, всѣ давно спали. Напрасно Бекиръ стучалъ по-очереди въ первую встрѣчную хату кнутовищемъ своей нагайки, кулаками и ногами. Хохлы, обитатели этой глухой деревни, нерасположены были нарушать свой покой ради какихъ-то ночныхъ бродягъ. Положеніе дѣжалось не на-шутку сквернымъ, особенно тѣмъ, кто прогулялся по-поясь въ водѣ. Кто-то вспомнилъ, что въ Біа-Салахъ есть какое-то начальство. Отправились къ этому начальству; послѣ многихъ усилий разбудили парня, спавшаго на дворѣ, но онъ объявилъ намъ, что начальство теперь въ городѣ, и что безъ него некому распорядиться обѣ отводѣ казенной квартиры. Однако, когда мы рѣшительно объявили ему, что въ такомъ случаѣ перено-чуемъ въ охраняемомъ имъ домѣ, и убѣдили его, что

мы сами начальство, парень растолкалъ въ хатѣ какого-то старика, и старикъ отправился съ нами мыкаться по селу за отысканіемъ казенной квартиры. Въ двухъ хатахъ онъ ничего не достучался и отступилъ къ третьей. Оттуда его встрѣтили ругнею и препирательствами. Около полчаса нужно было всѣмъ намъ вести дружную аттаку, военную и дипломатическую, чтобы побѣдить упорство хозяйки-холлушки, защищавшей не-прикосновенность своего очага. Мы серьезно обрадовались, когда очутились наконецъ въ теплой и чистой малороссийской горнице, до потолка заваленной пуховыми подушками и, вместо неумолимой защитницы дверей, нашли радушную хозяйку, хлопотавшую вокругъ столь желанного самовара...

Утромъ я разматривалъ старое греческое кладбище вокругъ церкви. Русскіе колонисты, преимущественно солдаты, были поселены въ некоторыхъ мѣстностяхъ Крыма тотчасъ послѣ присоединенія его въ 1783 году, вместо грековъ, удалившихся на берега Азовскаго моря незадолго до присоединенія. Біа-Салы вмѣстѣ съ Мангушемъ и другими селами были въ числѣ этихъ первоначальныхъ русскихъ сельбищъ, и русскій храмъ былъ устроенъ на мѣстѣ старого греческаго. Я замѣтилъ на горѣ, съ другой стороны села, множество могильныхъ камней.

— Это вѣрно то же греческое кладбище? — спросилъ я провожавшаго меня старшину.

— Нѣтъ, это не греческое, — отвѣчалъ мой проводникъ. — Старики наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это *готвейское* кладбище; сказываютъ, *готва* какая-то еще прежде грека тутъ находилась.

Это имя готевовъ, перешедшее въ народную легенду и даже принявшее чисто-русскую складку, признаюсь, удивило и обрадовало меня.

Мы тотчасъ же и отправились на гору, къ этому

«готвейскому» кладбищу. Я сначала заподозрилъ, не проникло-ли это имя въ уста народа черезъ какого-нибудь сообщительного изслѣдователя старины, и счелъ долгомъ разспросить, часто-ли бывають въ Біа-Салахъ проѣзжіе и не осматривають ли кто изъ нихъ кладбище. Старики увѣряли, что на ихъ памятнъ никто никогда не осматривалъ старыхъ могилъ и не заѣзжалъ къ нимъ съ подобною цѣлью. Они передали только, со словъ своихъ дѣдовъ, что греки, при устройствѣ своей церкви, уже теперь разрушенной, растиаскали почти всѣ большия камни изъ развалинъ древней готвейской церкви, стоявшей среди кладбища.

То, что я нашелъ на горѣ, превзошло мои ожиданія. Вокругъ беспорядочныхъ развалинъ церкви, шло по скату горы огромное кладбище, сплошь усыпанное могильными плитами и гробницами разнообразнаго и оригинальнаго вида. Добрая половина ихъ вросла въ землю; отъ некоторыхъ торчали только углы. Ни одной надписи, даже ни одной буквы не нашелъ я на этихъ каменныхъ гробницахъ. Всѣ онѣ были высѣчены изъ плотнаго и тяжелаго известняка и отличались своею величиною. Тѣ, которыя очень углубились въ землю, были особенно велики, три съ половиною, четыре и болѣе аришина длины. Это, безъ сомнѣнія, старѣйшіе по возрасту. Форма ихъ проще всѣхъ другихъ: четырехъ-угольный, ровно отесанный камень, аршина полтора ширины и высоты. Почти на каждомъ изъ такихъ плоскихъ камней высѣчено изображеніе какого-нибудь орудія: на одномъ кузнецкая клещи, на другомъ характерная пастушья горлыга (посохъ), которою до сихъ поръ ловятъ за ноги своихъ овецъ крымскіе и малороссійскіе чабаны; на третьемъ — что-то въ родѣ пилы или пялецъ; попадались также изображенія веревки, свернутой вдвое, какихъ-то подобій копья и гребня, наконецъ круги съ вписаными въ нихъ и

взаимно пересѣкающимися трехъ-угольниками; ничего похожаго на крестъ, ничего напоминающаго христіанскую религию.

Второй типъ памятниковъ, очевидно, второй и по времени, представляеть уже гробовидный камень, поставленный на двухъ и трехъ плоскихъ камняхъ, образующихъ пьедесталь со ступенями. На такихъ памятникахъ является довольно сложная и красива каменная рѣзьба и, за небольшимъ исключениемъ, все они имѣютъ съ восточной стороны,— конечно, въ головахъ покойниковъ,—прямо стоящіе камни или рога, вѣланые въ гробницу. Немногіе изъ этихъ памятниковъ двурогіе, большинство однорогіе. Съ восточной, т. е. наружной, стороны рога въ каждомъ памятнике сдѣлано полукруглое или готическое углубленіе, въ которомъ вѣроятно ставилась свѣчка или кутья для покойника. Многіе изъ такихъ памятниковъ имѣютъ въ узорѣ рѣзьбы кресты замысловатой формы и потому должны считаться христіанскими. Самые оригинальные изъ этихъ памятниковъ — памятники двойные; они представляютъ двѣ гробницы: или одинаковой величины, или одну большую и при ней другую, крошечную, и тѣ, и другія всегда изъ одного цѣльнаго камня. Вѣроятно, подъ первыми погребались мужъ и жена, подъ вторыми отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью и пр.

Рога памятниковъ втораго типа особенно изукрашены, и на нихъ также можно видѣть иногда знаменательныя изображенія: то деревья, то виноградныя кисти.

Самый позднѣйшій типъ біасальскихъ гробницъ представляетъ плоскіе, широкіе камни, украшенные изящною рѣзьбою и врѣзанные стоймя въ лежачія плиты. Онъ уже все съ крестами, и далеко не представляютъ той устойчивости, какъ тяжелыя древнія гробницы.

Внимательно рассматривая «готвейское» кладбище, можно проследить всю постепенности перехода отъ древнѣйшаго типа гробницъ къ позднѣйшему. Позднѣйшія, повидимому, сосредоточиваются ближе къ развалинамъ церкви. Но какъ тѣ, такъ и другія, всѣ обращены головами на востокъ.

Я тщательно перерисовалъ въ свой путевой альбомъ оригиналѣйшия гробницы каждого типа, но, къ сожалѣнію, не могъ добыть никакихъ матеріаловъ для истории этого кладбища. Трудно думать, чтобы эти камни безъ надписей принадлежали просвѣщенному племени эллиновъ; изображенія орудій грубыхъ промысловъ на грубыхъ памятникахъ, почти ушедшихъ въ землю, указываютъ невѣжественную, совсѣмъ не литературную, эпоху народной жизни.

Меня удивляетъ, что такой точный и внимательный ученый, какъ академикъ Кеппенъ, ничего не говоритъ объ этомъ замѣчательнѣйшемъ кладбищѣ Крыма. Кеппенъ былъ въ Біа-Салахъ въ 1833 году и могъ еще прочесть хорошо уцѣлѣвшую греческую надпись на внутренней сторонѣ «верхней греческой церкви», сводъ которой уже обвалился. Безъ сомнѣнія, эта «верхняя греческая церковь» есть та самая, развалины которой, известныя въ народѣ подъ именемъ Готвейской, находятся среди горнаго кладбища. Надпись, по переводу Кеппена, гласитъ: «Воздвигнутъ отъ основанія и покрытъ святымъ и чистымъ храмъ честнѣйшаго и славнѣйшаго пророка, предтечи и крестителя Иоанна, спиреною рукою Константія, архіерея и настоятеля Готвейи, стараніемъ, помощью и иждивеніемъ господина Бината Темирскаго, на память его и его родителей, лѣта 7096, въ ноябрѣ мѣсяца». Изъ надписи ясно, что въ 1587 году прихожане или, по крайней мѣрѣ, предстоятели Готвейской епархіи выражались по-гречески. Къ столѣтію сліяніе древнихъ готовъ съ греками

въ религіозномъ и политическомъ отношеніи было, по всей вѣроятности, полное. Но не знаю, вправѣ ли мы отсюда заключить, что гробницы съ изображеніемъ орудій принадлежали грекамъ. Въ Готоїйской епархіи, въ странѣ, которую старинные писатели почти всѣ называютъ Готеіей, почти у подножія трапезусовъ или столовыхъ горъ, на которыхъ жили готы, по свидѣтельству ихъ современника Прокопія, памятники, очевидно, глубокой древности, приписываемые греческимъ же преданіемъ готамъ, — мнѣ кажется, скорѣе всего должны быть сочтены за *ютскіе памятники*.

Кеппенъ ни слова не говорить собственно о Біасальскихъ гробницахъ, которыхъ, кажется, не видѣлъ еще никто изъ нашихъ ученыхъ. Но онъ видѣлъ на старинныхъ гробницахъ въ Улу-Салѣ высѣченныя изображенія орудій, подобныя тѣмъ, что я нашелъ въ Біасалахъ, именно: пастушій посохъ (туэкъ), двойной топоръ и наковальню; на южномъ берегу, при опустѣвшей деревнѣ Ласпи, Кеппенъ нашелъ плиту съ изображеніемъ сохи. Кеппену кажется это достаточнымъ, чтобы заключить о «существовавшемъ у крымскихъ грековъ, *до времени ихъ переселенія* на сѣверный берегъ Азовскаго моря, обыкновеніи изѣкатъ на могильныхъ памятникахъ подобныя изображенія». Но, во-первыхъ, обычай погребенія принадлежать къ числу самыхъ прочныхъ и священныхъ обычаевъ, съ которыми труднѣе всего разстается человѣкъ, и потому скорѣе другихъ способенъ переносить ихъ съ собою въ новыя свои поселенія; во-вторыхъ, странно думать, что въ земляхъ, населенныхъ нѣкоторое время греческими колонистами, всѣ памятники должны принадлежать только грекамъ. Кеппенъ, конечно, лучше другихъ знаетъ, что крымскіе греки XVIII столѣтія, точно такъ же какъ теперешніе южно-бережжские татары — плсмя сборное, составившееся изъ обрывковъ

разныхъ племенъ: готовъ, штальянцевъ, грековъ и проч. Южный берегъ до Балаклавы, стало быть и Ласпи, во всякомъ случаѣ долѣе принадлежали готамъ и генуэзцамъ, чѣмъ византійцамъ. А Улу-Сала находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Біа-Салою, на той же рѣчкѣ Качѣ, слѣдовательно, въ мѣстности, окружающей пещерные города, и, по многимъ вѣроятіямъ, занятой долгое время готами, какъ то объясняется ниже. Замѣчательно, что Кеппенъ нашелъ въ архитектурномъ типѣ біасальской церкви св. Іоанна Крестителя особенность, не встрѣчаемую ни въ какомъ другомъ древнемъ храмѣ Крыма — это угловатую форму алтаря, вместо круглой. Угловатость линій, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу свойствъ готического стиля. Интересно также, что Кеппенъ находилъ изображенія орудій на гробницахъ ногайскихъ, между Кумою и Моздокомъ и «въ безпредѣльныхъ степяхъ, обитаемыхъ татарами и другими полутиками народами». Это обстоятельство, кажется, должно было навести его на мысль, что и рѣзные изображенія крымскихъ гробницъ, лишенныя всякой надписи, должны принадлежать не образованному народу и не позднейшій эпохѣ истории, а раннему возрасту какого-нибудь стариннаго племени.

Изъ всего этого позволяю себѣ заключить, что преданіе, уцѣлѣвшее въ Біа-Салахъ и называющее «гот-вейскимъ» безыменное древнее кладбище, не можетъ быть опровергнуто находками подобныхъ же гробницъ въ иѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Крыма.

Замѣчательно, что караимскія кладбища Іосафатовой долины и Мангупъ-Кале имѣютъ типъ гробницъ, весьма напоминающій біасальскія. Древнѣйшія изъ нихъ точно такъ же плоски и огромны, точно такъ же въ числѣ ихъ есть двурогія и однорогія. Но караимскія гробницы все до единой покрыты стихами Бібліи и

надписями объ умершихъ. Древнейшая изъ Іосафатскихъ гробницъ относится, какъ мы уже говорили, къ самыемъ первымъ годамъ I вѣка христіанства. Она торчитъ изъ-подъ земли однимъ угломъ и не отличается ничѣмъ отъ вросшихъ въ скалу плитъ Біасальского кладбища.

Послѣ многихъ разспросовъ я узналъ, что въ верховьяхъ Марты, недалеко отъ Чатыръ-Дага, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ, есть кладбище съ совершенно такими же гробницами, но гораздо болѣе вросшими въ землю. Стало быть, вѣковые лѣса успѣли уже разростись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ когда-то были многолюдныя сельбища человѣка.

Вообще все русло Марты, теперь пустынное, по-просшее лѣсомъ, засыпанное голышами, представляетъ несомнѣнныя признаки прежняго ея обитанія. Среди лѣсной дичи вы встрѣчаете цѣлые сады грушъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Они особенно замѣтны рано весною, когда бѣлый цвѣтъ одичавшихъ садовъ ярко виднѣется на темномъ фонѣ еще безлистныхъ дубовъ и буковъ.

Многія мѣстности Крыма представляютъ то же, что Марта. Марта очевидно была встарину цвѣтущею и неселеною долиною, въ которой жили такие же дѣятельные садоводы и стояли и такія же роскошныя селенія, какіе живутъ и стоять теперь въ долинахъ Качи и Бельбека.

Верстъ пять внизъ отъ Біа-Салы, у сѣверного берега Качинской долины, стоитъ Тепе-Керменъ. Къ нему можно подѣхать отъ Бахчисарая черезъ Чуфутъ-Кале, не заѣзжая въ Біа-Салы, а еще легче изъ Качинской долины черезъ деревню Шюро.

Странный видъ представляетъ эта пустынная гора. Съ запада, отъ моря и севастопольского шоссе она видна издалека.

Ея пирамиду съ голой вершиной сразу отличишь отъ всѣхъ другихъ горъ. Меньше всего видишь ее, когда къ ней подъезжаешь отъ Бахчисарая. Рельефъ горъ, ее окружающихъ, столько же оригиналъ, сколько однообразенъ. Вы никакъ не выйдете изъ узкихъ траншей, обнесенныхъ ровною и отвесною каменною стѣною; стѣна эта кажется сплошною на многія версты, она изгибается какъ лента по извилиамъ ущелья, но нигдѣ не прорывается, нигдѣ не представляетъ ни отдѣльныхъ утесовъ, торчащихъ башнями, ни округленныхъ возвышений сверхъ линіи своего уровня.

Вы не можете освободиться отъ иллюзіи, что эти скалы — дѣло рукъ человѣческихъ, что вы въ плѣну среди бесконечныхъ эскарповъ какой-то титанической крѣпости. Известковыя стѣны, легко дробящіяся на плиты и камни, этою слоистностію своею, этимъ блѣдоватымъ цвѣтомъ и этою правильностью своего отвѣса и уровня, глядятъ совершенно такъ, какъ всякая искусственная стѣна.

Геологическая причина, выдвинувшая эти ретраншаменты, дѣйствовала съ поразительнымъ единообразiemъ, на значительномъ протяженіи. Одно ущелье словно списано съ другаго. Бездѣ та же косая отсыпь у подошвы и та же отвесная стѣна, словно прорвавшаяся вверхъ, сквозь толщу этой громадной отсыпи. Лѣсу почти нѣтъ, вездѣ кругомъ камень и зной сирійской пустыни. Мнѣ невольно пришелъ на память гениальный карандашъ Густава Доре, который въ своей иллюстраціи Дантовскаго «Ада» вселяетъ въ душу наблюдателя подавляющую безнадежность именно этимъ однообразiemъ отвесныхъ, сплошныхъ скаль, изъ которыхъ не можетъ быть выхода.

Гора Тебе-Кермена отдѣляется отъ сплошной стѣны скаль и стоитъ пирамидальнымъ островомъ, окружон-

ная долиною. Голая желтая вершина ея обточена въ громадный четырех-угольникъ, который торчитъ на еще болѣе громадной конической горѣ бѣлаго цвѣта, словно настоящій каменный замокъ. Вершина эта съ южной и восточной стороны вся продыравлена ячейками пещеръ; онѣ чернѣютъ издали въ нѣсколько ярусовъ, окна-окнами. Тамъ тоже было древній пещерный городъ. Нужно оставить лошадей у подножія сыпучей известковой горы и предпринять нелегкое восхожденіе къ пещерамъ. Подъ отвѣсомъ вершины пріютился кругомъ лѣсокъ, который даетъ хотя нѣсколько вздохнуть. Дороги на верхъ нѣтъ; кромѣ стадъ козъ и барановъ, никто не посѣщаетъ этотъ подземный городъ, поднятый къ облакамъ. На отвѣсныя скалы не найдете даже лѣщей тропинки. Гдѣ онѣ и были, тамъ завалили ихъ постоянно осыпающіяся известковыя стѣны. Черезъ это осмотрѣ многихъ пещеръ крайне затруднителъ, иногда почти невозможенъ. Вы лѣпите по ненадежному карнизу, осыпающемуся подъ ногами, держась за растенія и камни; круглые выступы, которые невозможно обойти, перерѣзаютъ вамъ дорогу, и вы должны тогда спускаться внизъ въ лѣсъ, или лѣзть прямо на верхъ. Пещеръ здѣсь болѣе ста. Сумароковъ въ своихъ «Досугахъ крымскаго судьи» насчиталъ ихъ болѣе 150; часть ихъ раскрыта снаружи отъ обрушения стѣнъ. Когда раскрывается нѣсколько ярусовъ сразу, то вы видите передъ собою въ толще скалы громадный пікафъ съ каменными полками; полки эти — потолки нижнихъ, исподъ верхнихъ пещеръ. Особенно трудно было отыскать церковь, о которой я зналъ по описаніямъ прежнихъ путешественниковъ. Въ ней главная примѣчательность Тепе-Кермена, она вдвое обширнѣе и повыше большинства пещеръ, вообще очень низкихъ. Продолговатая и довольно узкая зала сажень пять въ длину, вырубленная въ известковой скалѣ, —

освѣщается тремя окнами; къ наружной (оконной) стѣнкѣ придѣланъ алтарикъ, котораго каменные столбики частью еще стоятъ, частью замѣтны по оставшимся на потолкѣ капителямъ. Пространство за алтаремъ было, повидимому, назначено для погребенія избранныхъ. Тамъ замѣтны двѣ гробницы, врубленные въ почву; одна изъ нихъ совсѣмъ маленькая, очевидно дѣтская, и, кажется, давно уже открыта. Еще глубже, какъ разъ у попечной стѣнки церкви, высѣчено изъ той же скалы нѣчто въ родѣ купели или католической кропильницы. Низенькія и довольно глубокія ниши въ двухъ внутреннихъ стѣнахъ храма, вѣроятно, также назначались для погребенія. Остальные пещеры Тепе-Кермена не представляютъ никакой оригинальности: тѣ же своды, цистерны, столбы, ступени, какъ и въ Эски-Керменѣ; никакихъ остатковъ домашней утвари. Единственная особенность ихъ — множество человѣческихъ череповъ и другихъ костей, наполняющихъ нѣкоторые пещеры. Это обиліе костей, низкіе размѣры пещеръ и присутствіе гробницъ въ подземной церкви заставляетъ думать, что Тепе-Керменскія пещеры служили мѣстомъ погребенія какому-нибудь христіанскому племени.

Тунманъ, котораго сочиненіе о Крымѣ мы уже цитировали выше, — дѣлаетъ подобныя же предположенія о назначеніи Тепе-керменскихъ пещеръ. Вотъ его подлинныя слова: «Тепе-Керменъ — отдельная высокая гора, въ видѣ сахарной головы. *На ея вершинѣ* еще видны остатки замка и крѣпости, которыя, повидимому, принадлежатъ глубочайшей древности. Повсюду въ этой скалѣ видно множество проходовъ и пещеръ, расположенныхыхъ въ особомъ порядкѣ, почти такъ, какъ Columbaria древнихъ: они, по всему вѣроятію, также служили мѣстами погребенія.»

Слѣдовъ замка и крѣпости, о которыхъ упоминаютъ

писатели прежняго времени, теперь почти уже не видно. Въ одномъ только мѣстѣ встрѣчаешь явственныи признаки фундамента изъ очень большихъ камней. Повидимому, фундаментъ этого поддерживалъ прежде очень тяжелое строеніе, четырехугольную башню, замокъ или что-нибудь подобное. Въ другихъ мѣстахъ небольшія кучки мусора едва могутъ напомнить человѣческую постройку. Самое название горы, означающее, по переводу съ турецкаго, *крепость горной вершины* (Тепе — значитъ вершина горы) доказываетъ несомнѣнно существованіе на вершинѣ Тепе-Кермена замка или крѣпости въ то время, когда сложилось это татарское название его. Замокъ успѣлъ не только разрушиться, но и сравняться съ землею почти безслѣдно, несмотря на то, что неприступное положеніе избавляло его отъ расхищенія и порчи. Ни у одного стараго писателя не находимъ намека о взятіи или погибели Тепекерменской твердыни. Если, вмѣстѣ съ этими обстоятельствами, взять во вниманіе, что постройки, принадлежащиа несомнѣнно къ XIV и XV столѣтіяхъ, во многихъ мѣстностяхъ Крыма сохранились почти вполнѣ, и что мы до сихъ поръ любуемся въ Крыму древностями еще болѣ ранней эпохи, какъ напримѣръ храмами Херсонеса, — то Тепе-керменское укрѣпленіе нельзя не рассматривать вмѣстѣ съ Тунманомъ, какъ памятникъ дѣйствительно сѣдой древности.

Баронъ Де-Тоттъ, путешественникъ XVIII столѣтія, въ своихъ запискахъ о туркахъ и татарахъ, не знаю на какомъ основаніи, высказываетъ мнѣніе, что трехъ-ярусныи пещеры Тепе-Кермена служили темницей при генуэзскомъ правительстве; даже присутствіе въ нѣкоторыхъ изъ Тепе-керменскихъ пещеръ человѣческихъ костей онъ объясняетъ именно этимъ назначеніемъ пещеръ. Объясненіе барона Тотта во всякомъ случаѣ нисколько не противорѣчитъ мнѣнію Тунмана и

всему сказанному выше. Граница между генуэзскими и греческими владениями внутри горъ подлинно неизвестна, хотя на берегу генуэзы не доходили дальше Балаклавы.

Если Мангупъ-Кале бывалъ въ рукахъ генуэзцевъ, то трудно было не подиastь той же участi и гораздо менѣе сильному Тепе-Кермену. Генуэзцамъ приписываютъ, какъ мы видѣли, даже постройку Чуфутъ-Кале, еще далѣе отстоящаго отъ Мангупа, чѣмъ Тепе-Керменъ, а въ предмѣстьѣ Бахчисарайя Азиатѣ до сихъ поръ показываютъ мавзолей очень изящной итальянской архитектуры съ круглымъ куполомъ, котораго рисунокъ находится у меня въ путевомъ альбомѣ, и который построенъ, по словамъ бахчисарайскихъ татаръ, френками-генуэзцами.

Готовейское кладбище, лежащее почти у подножiя Тепе-керменской пирамиды, наводитъ на мысль, что Тепе-Керманъ былъ, въ числѣ другихъ столовыхъ горъ, однимъ изъ укрепленныхъ пунктовъ готовъ-трапезитовъ. На верху, на темени Тепекерманской пещерной скалы, отличное зеленое пастбище и отличный наблюдательный пунктъ. Не знаю, чего не видно отсюда. У самыхъ ногъ вьется долина Качи и разсыпана деревня Шюро, въ которую намъ нужно теперь спускаться.

Качи-Кальонъ менѣе всѣхъ похожъ на другie пещерные города. Это уже не столовая гора, возвышающаяся островомъ среди ущелiй, какъ Чуфутъ-Кале, Эски-Керменъ, Мангупъ-Кале и Тепе-Керменъ. Качи-Кальонъ находится въ высокомъ каменномъ обрывѣ Качинского берега. Кача стѣснена имъ здѣсь, какъ Дунай «Желѣзными воротами». Выше Качи-Кальона и ниже его, Кача течетъ свободно, въ сравнительно низкихъ берегахъ. Правый берегъ ея въ Качи-Кальонѣ—разрѣзъ огромной горы. Подъѣзжать къ Качи-Кальону по лѣсной и садовой долинѣ гораздо веселѣе, чѣмъ по

ущельямъ Тебе-Кермнеа. Видъ Качи-Кальона поразителенъ именно рѣзкою противоположностью роскошной зеленой чащи, заполнившей долинную низменность и лѣвый берегъ Качи, съ грандіознымъ каменнымъ обрывомъ праваго берега. Обрывъ этотъ имѣеть форму титаническаго алькова, полукруглаго свода, въ которомъ умѣстились бы Хеопсова пирамида и Петропавловскій соборъ Рима. Альковъ этотъ образовался отъ того, что вся середина горнаго обрыва вывалилась и разсыпалась въ щебень. Каскады и потоки камней сбѣгаютъ теперь изъ-подъ свода къ руслу Качи, словно извергнутые кратеромъ вулкана. Цѣлые огромные утесы въ числѣ ихъ. Куда не взглянетъ глазъ на правомъ берегу, всюду этотъ хаосъ утесовъ и обломковъ. Среди ихъ вы видите во множествѣ камни съ окнами и дверями, скрывающіе въ себѣ пещеры. Одни стоять кверху ногами, другіе на-боку, отъ однихъ остались только черепки скорлупы, какъ отъ разбитаго яйца, другіе уцѣлѣли такъ хорошо, словно ихъ выдолбили уже послѣ паденія. Обрывъ Качи-Кальона пестрѣетъ разными красками своихъ горныхъ породъ, и это очень ладить съ свѣжею зеленью, кое-гдѣ его опушившей. Красные тоны массы господствуютъ надъ всѣми. У подошвы гигантскаго алькова, на крутомъ откосѣ берега, стоитъ новенькая церковь и два запустѣвшіе домика. Встарину, при грекахъ, здѣсь былъ монастырь св. Анастасіи, привлекавшій много богомольцевъ къ своему цѣлебному источнику. До сихъ поръ, не помню въ какое именно время, стекаются сюда богомольцы и производится служба, въ нарочно построенной для этого церкви.

Оттого и самъ Качи-Кальонъ теперь больше извѣстенъ подъ именемъ Анастасіи. Русскіе и греки даже не знаютъ другаго имени

Новая церковь никакъ не интересна; но выше

я, среди обломковъ, поросшихъ деревьями, видны развалины старого монастыря съ подземными сводами и съ раскинутыми кругомъ гробницами. Кресты греческой формы высѣчены на многихъ камняхъ. Но особенно интересенъ каменный крестъ въ нишѣ утеса. Можно и теперь представить себѣ живописность этой маленькой обители, напоминающей собою Успенскій скитъ.

Повидимому, древняя постройка монастыря была разрушена каменными лавинами, которые до такой степени покрываютъ местность, что не только дѣлаютъ невозможнымъ тщательное разслѣдованіе развалинъ, но даже едва даютъ проходъ наверхъ, подъ громадный естественный альковъ Качи-Кальона, откуда сочится священный источникъ.

Читая описанія Качи-Кальона, сдѣланныя прежними путешественниками, убѣждаешься несомнѣнно, что Качикальонскія скалы находятся въ состояніи хронического разрушенія. Теперь тутъ не найдешь третьей доли того, что видѣли еще такъ недавно. Можно сказать, что въ Качи-Кальонѣ уже не существуетъ теперь ни одной цѣльной пещеры, и что года черезъ два-три исчезнетъ возможность всякаго посѣщенія верхняго свода, если не исчезнутъ даже самые слѣды его.

Уже и теперь нетрудно сломать шею, предпринятая восхожденіе къ источнику. Титаническій сводъ прикрываетъ васъ своею тяжелою аркою, на которую страшно глаза поднять. Эта каменная, дугой согнутая, толща почти совсѣмъ уже отдѣлилась отъ материка горы и растреснулась по всѣмъ направленіямъ; по свѣжимъ пустотамъ ея безъ труда догадаешься, какъ недавно выронила она окружающіе васъ огромные камни. Ничто не гарантируетъ вашей безопасности подъ этими жерлами, вѣчно готовыми изрыгать каменные лавины. Ежеминутно слышится трескъ

и гулъ наверху. Это идетъ внутренняя микроскопическая работа разложения страшной скалы. Вы вздрагиваете и невольно укрываетесь подъ сводъ ближней пещеры. Прокатится камень, два, пять, десять небольшихъ камней, поползетъ откуда-нибудь густая струя пыли. Все это кажется пустякомъ, но можетъ быть нужно было растереть въ пыль именно этотъ только тонкій слой известняка, чтобы тяжелая масса могла подвинуться и грохнуть съ высоты. Что это не бредни фантазіи вашей, васъ убѣждаетъ каменный хаосъ, овладѣвшій всѣмъ кругомъ.

Середина Качи-кальонской скалы была прежде вся сплошь продырвлена пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Потомъ это изрытое нутро ея вывалилось, разсыпалось и оставило послѣ себя альковъ, въ который мы теперь залѣзли. Слѣды пещеръ видны ясно на внутреннихъ стѣнахъ этого алькова; самыя глубокія даже сохранились въ немъ вполнѣ, раскрывшись только спереди; отъ другихъ остались только оттиски и внутренне края, по которымъ можно составить чертежи бывшихъ пещеръ съ ихъ лѣсенками и этажами.

По виду это такое же осиное гнѣздо, тѣ же стрижинныя норы, какъ и въ Эски-Керменѣ. Въ серединѣ алькова надъ нижнимъ карнизомъ его пробивается ключъ холодной и прозрачной воды. Онъ обдѣланъ въ каменный бассейничекъ, подъ которымъ лежитъ старая полустертая икона и видны слѣды копоти и восковыхъ свѣчей. Это источникъ св. Анастасіи, давшій поводъ къ основанію монастыря. Это освященіе религіозною идею родниковъ ключевой воды, знакомое и другимъ народамъ, и другимъ странамъ, — особенно часто встречающееся въ восточныхъ странахъ, среди магометанскихъ народовъ. Крымъ въ этомъ отношеніи является вполнѣ магометанскимъ, вполнѣ восточнымъ краемъ: Почти все его монастыри возникли надъ горными ключами,

которыхъ целебная сила и священное значение одинаково искренно признаются татарами, какъ и христианиномъ. П действительно, только знаменитые камнистыя страны магометанской Азии способны вполнѣ оценить всю чародейственную силу струи холодной и чистой воды.

Оригинальное величие Качи-Кальона производить сильное впечатлѣніе даже на людей, повидимому наименѣе интересующихся эффектами пейзажа; не могу здѣсь не привести отзыва о Качи-Кальонѣ академика Кеппена, вполнѣ преданного холоднымъ исчисленіямъ и измѣреніямъ археологическихъ материаловъ.

«Полюбовавшись долиною», — пишетъ онъ въ своемъ «Крымскомъ сборникѣ», — «помолившись св. Анастасіи, соберитесь съ силами, идите вверхъ къ ея колодцу. Дѣло не легкое; но то, что вы тамъ найдете, по преодолѣніи всѣхъ затрудненій и нѣкоторыхъ опасностей, вознаградитъ васъ за необычайный подвигъ. Взобравшись по осыпямъ горы до ея скалистой вершины, вы, черезъ ворота въ стѣнѣ, *входите въ обитель чудесъ*. Тутъ, мимо скалъ, изъ конура на одной изъченѣи крестъ, вы достигаете пещерь, образующихъ нѣсколько ярусовъ, которыя и тутъ опять между собою раздѣлены только тонкимъ слоемъ камня, что, можетъ быть, татарамъ подало поводъ назвать это мѣсто *волосянымъ мостомъ* (кылъ-копыръ). Въ верхнемъ изъ этихъ этажей, выдолблennомъ полукружіемъ, длиною въ 110 шаговъ, находится достопримѣчательный источникъ, обращенный въ колодезь, называемый колодеземъ св. Анастасіи или просто Святою водою. Спустившись въ нижній ярусъ, не безъ страха можно глядѣть вверхъ, на высунувшийся надъ этимъ мѣстомъ каменный навѣсъ, коего исподъ отчасти уже отвалился.»

Поднявшись на гору, охватывающую широкимъ амфитеатромъ долину Біа-Салы, мы замѣтили среди лѣса

множество соломенныхъ крыши, торчавшихъ грибами изъ земли и скученныхъ, какъ шалаши канадскихъ бобровъ. Мы ѿхали конною дорожкою въ Мангушъ. Насъ туда вызвался проводить тамошній волостной старшина, съ которымъ я разсмотривалъ въ Біа-Салахъ «готвейское» кладбище. Старшина не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ о тѣхъ шалашахъ, а покачивалъ головою съ улыбкой раздумья и недоумѣнія.

— Кто его знаетъ, какой онъ такой! — объяснялъ онъ мнѣ, какъ бы въ отвѣтъ. — Чудной какой-то. Сказать бы дурачокъ — мы его и называемъ такъ-таки Иванушка-дурачокъ; да дурь-то въ немъ какая-то особливая. Блаженный онъ, что-ли...

— Кто это такой?.. Это его земля?

— Вотъ то-то и есть, что никакой тутъ ему земли не полагается. Земля общественная, подъ государственными крестьянами. Отецъ его крестьянинъ изъ Мангуша; тоже, какъ и другіе, имѣетъ каждогодно свои дѣлянки, покосъ тамъ и все. Ну, а онъ не возлюбилъ жить съ отцомъ. Отъ Бога, говоритъ, велѣнье такое получилъ. Ушелъ сюда въ лѣсъ и поселился здѣсь, вотъ уже какой годъ! Какъ разъ супротивъ Біа-Саль; мѣсто самое отличное, открытое, на солнечную страну. Сводили его сколько разовъ. Изъ палаты чиновникъ пріѣзжалъ. Въ тюрьмѣ держали по нѣсколько мѣсяцевъ. Разорятъ все его достоянья, подписку отберутъ, а выпустятъ, — синъ, смотришь, опять на старомъ непелищѣ копается. Меня просто замучилъ. То и дѣло указы присылаютъ, чтобы его сводить. А какъ его сведешь? Человѣкъ онъ безобидный, никому не мѣшаетъ; работаетъ себѣ съ утра до ночи во имя Божіе. А тутъ еще приказываютъ штрафъ съ него взыскать, 14 рублей 28 копеекъ; порубку, вишь, въ казенномъ лѣсу произвелъ, такъ по оцѣнкѣ. Что съ его взыщешь, съ такого чудного? 14 рублей не шутка — гдѣ ихъ взять! Намъ

его промежъ себя, признаться, таки-жалостно. А свести, конечно, надоно. Опять голубчика въ тюрьму запрячутъ.

Нельзя было не зайхать къ Ивану-дурачку, послѣ разсказа старшины. Его хуторокъ красовался на ровномъ скатѣ горы, господствующей надъ живописною окрестною мѣстностью. Солнце прямо ударяло на него. Лѣсь былъ расчищенъ кругомъ на иѣкоторое пространство, и оставленный на корню грушевый дикій деревъ былъ весь тщательно привиты и смазаны. Теперь это былъ садъ Иванушки-дурачка. За садомъ шли гряды огорода, отлично набитый токъ для молотьбы и дворъ, обнесенный множествомъ бѣлыхъ выдолбленныхъ камней. Камни эти Иванушка привезъ издалека, выдолбилъ своими руками и употреблялъ для пойла своей скотины и для корма ея солью. На дворѣ стояло штукъ 10 клѣтушекъ разнаго калибра и вида; цѣльные сараи были выкопаны въ каменистой почвѣ. Одни уже были обѣланы въ жилища, другіе только-что копались. Здѣсь было все: хлѣвы со стойлами, лѣтнія и зимнія жилища, амбары, кладовья. Нѣсколько штукъ сытыхъ коровъ и телятъ стояло въ хлѣвахъ. Все было построено и выкопано буквально руками Иванушки-дурачка. Я отказываюсь понять, какъ безъ помощи живой души онъ былъ въ состояніи встащить и укрѣпить на крышѣ столько тяжелыхъ перекладинъ и стропиль. У него была, повидимому, манія землекопства. Одно жилище еще не было кончено, а онъ уже потѣль надъ раскапываніемъ новыхъ и новыхъ подземелій. И это не въ рыхломъ черноземѣ, даже не въ глине, а въ каменистомъ известнякѣ. Все, что мы видѣли, было добыто собственно ручно, безъ затраты копейки. У Иванушки не было даже покупного ведра, покупной бочки, покупного гвоздя. Все было откопано въ горѣ, срублено въ лѣсу, взято, однимъ словомъ, изъ общей дарохрані-

тельницы — природы. Зерно было ссыпано въ громадные бочковидные плетушки, туга свитыя, плотно сма заныя глиною; деревяннымъ долблениемъ ковшомъ Иванулика пиль и носилъ себѣ воду.

Я не видѣлъ у него даже горшка для варева. Иванушка меныше всѣхъ думалъ о себѣ. За скотомъ своимъ онъ ухаживалъ какъ нѣжная иянька: чуть не всякая корова имѣла особое закрытое помѣщеніе, устроенное Иванушкиными мозолями и Иванушкиными горбомъ. Днемъ онъ хоронилъ въ этихъ хлѣвахъ своихъ коровъ, боясь, чтобы ихъ не загнали съ лѣсныхъ пастбищъ. Но какъ только спускалась ночь, Иванушка-дурачекъ, проработавши весь день съ ранней зари до поздней, выгонялъ свою любезную скотинку на лѣсныя травы, въ полной увѣренности, что ночью ни татары, ни русскіе, ни мужики, ни начальство не потревожатъ его животину. Эту всенощную стражбу свою, гдѣ ему то и дѣло приходилось сбирать разсыпавшееся стадо, подстерегать и отгонять подкрадывавшихся волковъ, — Иванушка, въ своей блаженности наивности, — почиталъ сномъ, отдыхомъ отъ трудовъ дневныхъ. На зорькѣ опять тяжкая работа съ заступомъ и топоромъ, а въ полднѣ, вместо обѣда, черствая корка лепешки съ кружкою молока или воды. Иванушка не варилъ себѣ никакого кушанья и даже совсѣмъ не строилъ печей въ своихъ бобровыхъ жилищахъ. Зимой онъ зажигалъ грудокъ въ одномъ изъ шалашей своихъ и лежалъ около него, скорчившись въ полушибчишкѣ, обогрѣвая поочереди то грудь, то спину. Хлѣба негдѣ было ставить. А сгребетъ себѣ нѣсколько горстей мучицы, замѣшаетъ водою да и спечетъ на листьяхъ, въ самой золѣ костра, какую -нибудь прѣсную тяжелую лепешку, по обычаю татаръ. А есть картошки — картошки спечеть.

— Ну, а если ты заболѣешь, Иванъ? Ты вѣдь бы-

валь когда боленъ? — спросилъ я дурочка, выслушавъ его гомерически-наивные разсказы о своемъ подвигни-чествоѣ.

— Трясца мучаетъ, третій годъ трясеть. Какъ весна. такъ и затрясетъ, — отвѣчалъ Иванушка, съ задумчивою серьезностью глядя на меня.

— Кто жъ тебѣ тогда ёсть даетъ?

— Тогда ужъ не ёмъ; лежу въ шалашѣ и не ёмъ, а ослобонитъ немножко, спеку чего-нибудь, — винуши-тельно рассказывалъ Иванъ: — вотъ нонче весною трое сутокъ бѣ памяти пролежалъ, макової росинки въ ротъ не бралъ, думалъ ужъ, Господь по душу послалъ; да нѣтъ, «тошно», еще велѣль Создатель потрудиться, грѣхи искупать...

Иванушка стоялъ передъ нами въ глубокой ямѣ, откуда едва видна была его голова. Мы его застали за обычной его работою. съ заступомъ въ рукѣ. Онъ былъ босикомъ и безъ шапки, въ дырявой замашней рубахѣ, сквозь которую темнѣло его бронзовое тѣло, тощее и костлявое. Зеленоватая блѣдность лица каза-лась еще болѣе мертвенною отъ нечесаныхъ черныхъ кудрей и черныхъ воспаленныхъ глазъ. Какая-то сосредоточенная «забоченность» совершиенно ушедшая въ самое себя, была на этомъ лицѣ и въ этихъ гла-захъ. Словно они смотрѣли не на насъ, не на то, что видѣли мы, а на что-то другое, недоступное нашимъ чув-ствамъ; субъективный міръ болѣй фантазіи дѣлался очевиднымъ для каждого.

Съ страннымъ разсѣяніемъ и спокойствиемъ этотъ бѣдняга говорилъ о годахъ, проведенныхыхъ имъ въ тюрьмѣ, о притѣсненіи палаты, о своемъ правѣ на землю, на которой онъ поселился.

— Вся земля царская и мы всѣ царскіе, — фило-софствовалъ этотъ простодушный проповѣдникъ droit naturel. — Мы вольны жить, гдѣ кому любо. Я для

Бога тружусь, не для корысти. Больше работаешь, меньше грѣшишь. Спинѣ тяжко, а душѣ легко.

— Отчего жь ты не работаешь въ семье, съ отцомъ? — спрашивалъ я.

— Мнѣ указано здѣшнее мѣсто, мнѣ здѣсь и надо работать. Отецъ мой въ міру живетъ, ему такъ показано, а мнѣ показано трудолюбіе да пустыннолюбіе.

— Здѣсь тебѣ не дадутъ покою, опять въ тюрьму посадятъ; ты бы въ другое мѣсто перешелъ, — убѣжалъ я его.

— Переходилъ въ другое мѣсто; пробовалъ тамъ жительствовать, — нельзя! — отвѣчалъ Иванъ съ неизыблемоюувѣренностью. — Богъ сюда посылается, Богъ это мѣсто облюбилъ. Видишь, какое тутъ мѣсто: горнее, слободное, супротивъ этого мѣста другаго нѣть!..

Болѣзньное лицо дурачка осклабилось искреннею дѣтскою улыбкою, когда онъ озиралъ при этихъ словахъ разстилавшуюся у нашихъ ногъ долину.

— Что ты, Иванъ, заплатилъ штрафъ за порубку? — вынытивалъ я у него.

— Я ни у кого не укралъ, никому не долженъ, мнѣ незачто штрафъ платить, — равнодушно отвѣчалъ дурачекъ.

— Да вотъ, братъ Иванъ, — вмѣшался старшина: — нехорошо ты выдумалъ, что, вонъ, ту полянку расчистилъ; вѣдь это казенное добро: за казенное тебя и казнятъ!

— Эту-то? — разсѣянно говорилъ Иванъ: — эту-то я вырубилъ. Зачѣмъ не вырубить? Я ее на доброе дѣло вырубилъ — вонъ курень поставилъ! Хочь зимуй.

— Эхъ, голова твоя горемычная, Иванъ! бѣда мнѣ съ тобою, — бормоталъ старшина, досадливо почесываясь. — Приходится опять гнѣздо твое разорять; кру-

тить тебѣ руки да въ губернію предоставить, въ тюрьму, на казеннную фатеру.

Иванъ глядѣлъ молча въ даль, будто не слыша.

— Вотъ завтра оплѣтать буду! — вдругъ объяснилъ онъ мнѣ, и глаза его заскрипѣли жизнью. — Къ вечерней зорькѣ докопаю, а съ утренней зорьки примусь заплѣтать.

— Деньги-то у тебя есть, Иванъ? — приставалъ къ нему нерѣшительно старшина. — Хоть бы ужъ штрафъ съ тебя взять, 14 р. 28 к.; а по мнѣ что? по мнѣ сиди!..

Иванъ уже работалъ заступомъ и не отвѣчалъ ничего...

Когда мы повернули отъ дуракова хуторка, пришлосьѣхать по отлично выровненной дорогѣ.

— Все дуракова работа, — объяснилъ мнѣ старшина. — Кругомъ всѣ дороги по-лѣсу подсыпалъ и выровнялъ, хоть каретой поѣзжай!

Свиданіе съ Иванушкой-дурачкомъ, признаюсь, наводитъ не на особенно лестныя мысли о благахъ нашей цивилизациі. Смѣшно, конечно, было бы пенять на какую-нибудь палату, на какого-нибудь лѣсничаго, за то, что они не позволяютъ захватывать частнымъ лицамъ земли, принадлежащія ихъ вѣдомству. Въ офиціальномъ строю государственной жизни это было бы беззаконнымъ сантиментальнечанемъ, на которое никакое учрежденіе не получало права. Но вѣдь легальность не всегда въ состояніи успокоить человѣческую совѣсть, и предъ нею-то становится во всей своей несправедливости тотъ фактъ, что мирнаго человѣка, трудящагося въ потѣ лица надъ обработкою дикой, пока бесполезной мѣстности,— легальность преслѣдуетъ, какъ преступника противъ общества, и разоряетъ его трудолюбивую норку, будто гнѣздо грача, некстати свитое въ трубѣ дома.

Скоро мы доѣхали до Мангуша — почти совсѣмъ русская деревня, вѣрнѣе хохлацкая. Это изрядная рѣдкость для горной крымской деревни, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Бахчисараемъ. Но, со всѣмъ тѣмъ, Мангушъ не потерялъ характера татарской деревни; такъ же расползся по горамъ и по горному ручью, такъ же спрятался въ укромномъ уголкѣ, спрятанномъ въ сторонѣ отъ чужаго глаза. Татарщина такъ вѣялась въ нравы горцевъ, что даже русская церковь въ Мангушѣ смотрить какъ-то иначе, не по-русски, скорѣе какъ мечеть, чѣмъ какъ знакомый бѣлыи храмъ великорусскихъ губерній. О хатахъ уже нечего говорить. О народѣ точно также. Его нарядъ вы съ трудомъ отличите отъ татарскаго. Тутъ живетъ только нѣсколько семействъ татаръ, а между тѣмъ весь народъ говоритъ по-татарски. Широкая домашняя бесѣда русскихъ людей ведется на татарскомъ языкѣ; ребятишки спорятъ и ругаются по-татарски. Синхожденіе ли это къ варварству, не умѣющему дорости до насъ, или ужъ такъ мало самостоятельности въ напемъ русскомъ духѣ, что мы сторонимся даже передъ татариномъ. Мангушъ — центръ цѣлаго округа. Весь округъ промышляетъ камнемъ и лѣсомъ. Винограда тутъ нѣть, для полей почти нѣть мѣста. Мангушъ стоитъ на р. Бодракѣ, впадающей въ Алму, роковой памяти. Берега Бодрака — это сплошныя карьеры известняка, мягкаго въ обработкѣ, бѣлаго и прочнаго въ кладкѣ. *Бодрацкій камень* — самый цѣнныи и красивыи матеріалъ для мѣстныхъ построекъ, бахчисарайскихъ и симферопольскихъ. Онъ напоминаетъ никерманскій плитнякъ, изъ котораго выстроены Севастополь. Его кладутъ обыкновенно только въ углы и цоколи зданій; для сплошной кладки онъ слишкомъ дорогъ, хотя зато вѣченъ и не нуждается въ штукатуркѣ.

Въ центрѣ бодрацкихъ каменоломенъ, какъ разъ за

селенiemъ Бодракомъ, немного отступя къ сѣверо-востоку отъ мангушской дороги, находятся скалы *Бакла*, омываемыя съ одной стороны Бодракомъ, съ другой—Альмою. Это послѣдній, самый сѣверный, пещерный городъ Крыма. Его положеніе лишено той поэтической оригинальности, какою отличаются другіе, болѣе знаменитые пещерные города Крыма, о которыхъ я говорилъ прежде. Самыя пещеры его, большую частью уже обвалившіяся снаружи, не представляютъ особаго интереса послѣ осмотра Эскикерменскихъ и Текекерменскихъ. Самая большая полуразрушенная пещера немногимъ болѣе 2-хъ квадр. саженъ. Проводники называютъ ее также *эклиссе*, церковью, но въ ней не сохранилось. однако, никакихъ признаковъ храма: узнать ее можно по столбу, поддерживающему входъ. Гораздо интереснѣе пещеръ множество цистернъ въ формѣ огромныхъ кубановъ, которыми изрыты скалы Бакла, и которые заставляютъ предполагать, что въ Бакла находилось значительное складочное мѣсто зерна или вина, стало быть, мѣстность была людная. Въ долинѣ, подъ обрывомъ скалы Бакла, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мангушки крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромныхъ каменныхъ горшковъ или амфоръ, каждая величиною въ бочку. Горшки эти были зарыты рядомъ въ землю и были сделаны изъ отлично выжженной, чрезвычайно крѣпкой глины. Очевидно, и въ нихъ помѣщалось зерно, потому что для вина и масла въ древности употреблялись сосуды съ болѣе узкими горлами. Впрочемъ, сосуды были уже пусты, и въ нихъ, какъ разсказываютъ, не нашли ничего, кроме земли. Послѣ тщательныхъ разспросовъ, я могъ найти у одного мангушского крестьянина только двѣ изъ этихъ каменныхъ бочекъ; остальные были раздарены или распроданы.

Осмотръ скаль Бакла съ ихъ полуразрушенными

пещерами и цистернами невольно напомнилъ мнѣ извѣстную *Римъ-гору*, которая возбуждаетъ любопытство образованныхъ посѣтителей Кисловодскихъ источниковъ. Я обслѣдовалъ съ особеннымъ вниманіемъ всѣ остатки древнихъ жилищъ на этой горѣ, въ бытность мою на Кисловодскихъ водахъ. Съ первого взгляда на эту столовую гору, помѣщенную при сліяніи нѣсколькихъ долинъ, на ярусы разрушенныхъ пещеръ, выточенныхъ въ рыхломъ известнякѣ, я узналъ въ ней старого знакомаго — крымскій пещерный городъ. Остатки такой же глиняной посуды, слѣды тѣхъ же орудій на камнѣ, такие же каменные ступенистые входы, защищенные естественными бастіонами утесовъ. Только дѣло разрушениія на Римъ-горѣ подвинулось гораздо далѣе, чѣмъ въ самыхъ пострадавшихъ пещерныхъ городахъ Крыма. Оттого-то, можетъ быть, туристы и мѣстные жители не остановили своего вниманія на пещерахъ Римъ-горы, слѣды которыхъ несомнѣнны для человѣка, знакомаго съ характеромъ пещерныхъ городовъ, а заинтересовались болѣе остатками посуды, костями и цистернами, которая, кстати сказать, здѣсь еще многочисленнѣе. чѣмъ въ Бакла. Они имѣютъ форму гигантскихъ круглыхъ кубановъ и окаймляютъ всю сѣверную окраину столовой горы. Среди остатковъ посуды попадаются довольно часто острія, обточенныя изъ кремня и обсидіана, весьма напоминающія извѣстные стрѣлы каменнаго періода, а также множество костей животныхъ. Преданіе приписываетъ название Римъ-горы тому обстоятельству, что будто римляне, и именно Помпей, стояли здѣсь своимъ становищемъ, во время войны съ Митридатомъ. Я не буду касаться противорѣчій этого преданія съ извѣстными историческими фактами; очень можетъ быть, что римляне стояли здѣсь когда-нибудь; это обстоятельство для нась не такъ интересно, какъ связь Римъ-горы съ пещер-

ными городами Крыма, ея характеръ «жилища трогодиготовъ». Если вспомнимъ, что другое преданіе приписываетъ черкесамъ первобытное поселеніе въ мѣстности древнѣйшихъ пещерныхъ городовъ Крыма, гдѣ до сихъ поръ находятся Черкесъ-Керменъ, Кабарда, Черкесъ-Тюсъ и пр.; если сообразимъ, что мѣстность Кисловодска и его окрестностей находится именно въ *Кабардинѣ*, то мы получаемъ весьма интересный намекъ на то, что первоначальные основатели пещерныхъ городовъ жили по обоимъ берегамъ Киммерийского пролива, въ Крыму, такъ же какъ и на Кавказѣ. Были ли это киммерійцы, тавры — врядъ ли наука рѣшить когда-нибудь этотъ вопросъ.

Трудно сомнѣваться, что Бакла есть та самая *Біака-Коба*, о пещерахъ которой говоритъ въ своей исторіи митрополитъ Сестренцевичъ. Разсказавъ о Тепе-Керменѣ и Качи-Кальонѣ, авторъ продолжаетъ: «множество келій находится также на южной сторонѣ г. Біака-Кобы, лежащей близъ р. Альмы, съ лѣвой стороны дороги изъ Симферополя въ Бахчисарай. Огромная скала, по близости сихъ мѣстъ находящаяся, выдѣлана внутри такимъ образомъ, что можно жить въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что убѣжища сіи сдѣланы греческими монахами, упражнявшимися въ выкапываніи для себя монастырей, какъ то доказывается нынѣ Печерскій монастырь въ Кіевѣ. Греческія надписи, разныя убранства святыхъ, сею церковью принятія, которыхъ рука времени не изгладила еще на нѣкоторыхъ стѣнахъ пещерныхъ, подтвердили въ глазахъ моихъ сію догадку».

IV.

Обратный путь и новыя впечатлѣнія.

Сюжетъ дреznихъ укрупненій въ странѣ пещерныхъ городовъ. — Цикло-
лическій характеръ пещерныхъ городовъ и ихъ значеніе. — Благодареніе
по Чучелъ-горѣ. — Ревзъ океней. — Ночлегъ въ Козьмо-Демьянской об-
тели. — Возвращеніе за южной берегъ.

аклою мы окончили осмотръ пещерныхъ горо-
довъ Крыма. Нужно было возвращаться назадъ,
въ нашъ пріютный Магарачъ, и мы рѣшились выбрать
для этого путь черезъ Савлухъ-Су и Бабуганъ-Яйлу;
путь, правда, далекій, но для многихъ изъ нась совер-
шенно новый. Только тогда, когда вы познакомились
по отдѣльности съ каждымъ пещернымъ городомъ
Крыма, вамъ дѣлается ясною вся система этихъ ориги-
нальныхъ и любопытныхъ жилищъ, подобныхъ кото-
рымъ не представляетъ никакая другая страна Ев-
ропы.

Пещерные города Крыма начинаются отъ устья
Черной рѣчки и Савастопольской бухты, и идутъ из-
вилистою цѣпью на сѣверовостокъ, почти до верхняго
теченья Алмы. Начинаетъ ихъ Инкерманъ — «крѣ-

постъ пещеръ, а кончаетъ Бакла. Поэтому путешественникъ, который интересуется исключительно археологію пещерныхъ городовъ и не располагаетъ своимъ временемъ, удобнѣе всего можетъ осмотрѣть ихъ, проѣзжая по шоссе изъ Севастополя въ Симферополь Инкерманъ у него будетъ по дорогѣ, весь въ виду; Мангупъ, Черкесь и Эски-Кермены онъ посѣтить, свернувъ съ шоссе направо отъ деревни Дуванъ-Кой (русская Дуванка), вверхъ по теченію Бельбека, а потомъ Кара-Илеза. Съ шоссе довольно явственно видны плоская вершина столовой горы и башни Мангупа. Точно также легко свернуть съ дороги въ долину Качи, которой скалистый разрѣзъ манитъ къ себѣ любителя горныхъ видовъ. Въ этомъ скалистомъ разрѣзѣ — Качи-Кальонъ, а нѣсколько верстъ далѣе — Тепе-Керменъ, котораго сахарная голова выглядываетъ изъ-за вершинъ другихъ горъ. Изъ Бахчисарайя осматриваютъ Чуфутъ, а не доѣзжая верстъ 5 до послѣдней станціи передъ Симферополемъ — Гаджи-Бека — путешественникъ можетъ повернуть опять-таки направо въ долину Бодрака, по Мангупской дорогѣ, чтобы осмотрѣть пещеры Бакла.

Уже изъ этихъ указаний видно, что древніе пещерные города были расположены не случайно, а по обдуманному плану, съ очень опредѣленною цѣлью. Инкерманъ служилъ ключомъ отъ моря и степей въ долину Черной рѣчки. Входы между Черною и Бельбекомъ оберегались Мангупомъ-Кале, Черкесъ-Керменомъ и Эски-Керменомъ. Долина Качи запиралась въ самомъ удобномъ мѣстѣ Качи-Кальономъ; Тепе-Керменъ защищалъ отчасти ту же долину, отчасти проходы между Качею и бахчисарайскою долиною Чурукъ-Су, надъ которой возвышался Киркіельскій замокъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале. Наконецъ, Бакла была какъ бы

угловымъ оплотомъ горъ, при выходѣ изъ нихъ Альминской и Бодрацкой долинъ.

Эта система обороны горъ дѣлается еще понятнѣе, если обратить вниманіе не на одни пещерные города, служившіе, безъ сомнѣнія, главными стратегическими центрами защиты, но еще и на другіе остатки древнихъ укрѣплений, связывающихъ между собою, будто звѣньями цѣпи, всѣ пещерные города.

На Черной рѣчкѣ, верстъ 10 выше Инкермана, и въ столькихъ же верстахъ на югъ отъ Мангупа, до сихъ поръ уцѣлѣла въ деревнѣ Чоргунъ древняя осьмиконечная башня. Башня эта очевидно защищала подступы въ долину со стороны южнаго берега.

Связью между укрѣпленіями Черной рѣчки и Мангупомъ служило исчезнувшее теперь укрѣпленіе при Мыльныхъ колодцахъ, на мѣстѣ котораго еще въ самомъ концѣ XVIII столѣтія находилась деревня *Бей-Кирманъ* — «Княжья крѣпость».

Когда путешественникъ смотритъ съ Севастопольскаго шоссе на долину р. Бельбека, туда, где рѣка эта выбивается изъ горъ, то разрѣзъ долины представляется ему въ видѣ гигантскихъ воротъ необыкновенной живописности. Въ этихъ воротахъ Бельбека расположены старинныя, роскошныя поселенія татаръ — *Бююкъ-Сюйренъ* и *Кучукъ-Сюйренъ*, а между ними на мысѣ высокой плоской горы, на лѣвомъ берегу рѣчки, возвышается издалека видная башня — *Сюйренъ-Кулле*. Это древній Schuren гдѣ-то. Урошице, въ которомъ находится башня, до сихъ поръ называется *Исаръ-Алты* (Исаръ — крѣпость). Двухъ-этажная башня съ стѣною, съ воротами, со слѣдами византійской живописи на стѣнахъ, отражаетъ мысъ скалы, подобно Мангупскому замку; а съ высоты башни видны море, горы и степь, Мангупъ съ одной стороны, Тепе-Керменъ — съ другой. Трудно выбрать болѣе удобный наблюдательный пунктъ.

тельный пунктъ: башня, безъ сомнѣнія, служила сигнальнымъ ведетомъ между горными укрѣпленіями по сю и по ту сторону Бельбека и въ то же время охраняла входъ въ долину этой рѣки. Очень можетъ быть, что это та самая *крепость Бельбекъ*, которую нашъ Минихъ, въ числѣ другихъ, разрушилъ во время своего крымскаго похода 1736 года.

Горные проходы между Бельбекомъ и Качею запирались въ 2-хъ мѣстахъ двумя укрѣпленіями; слѣды одного изъ нихъ почти уничтожились и осталось одного имѧ: — это *Керменчикъ*, теперь просто урочище на лѣвомъ берегу верхней Качи. Другой — *Керменъ* или *Керменъ-Кале*, (крепость); его развалины ясно видны на горѣ, надъ татарскою деревнею Керменчикъ, расположеною при верховье одного изъ правыхъ притоковъ Бельбека (Керменчикъ). Это укрѣпленье, — какъ Сюйренское, Черкесъ-керменское и большинство другихъ, находящихся въ этой странѣ, обильной плоскими отдельными горами — отрѣзalo собою мысъ скалы, не приступный съ другихъ сторонъ. Съ высоты этого мыса видѣнъ Качи Кальонъ и вершина Тепе-Кермена.

Наконецъ, около Баклы, тамъ, гдѣ горы дѣлаютъ рѣзкий поворотъ къ востоку, и уголъ ихъ открывается доступу одновременно съ сѣвера и запада, — два, по-видимому, сильныхъ укрѣпленія служили горнымъ жителямъ для отпора кочевниковъ. *Сарамамбашъ-Кале* представляетъ теперь только развалины стѣны, отрѣзавшей мысъ плоской и обрывистой горы, да кучи мусора отъ разрушенныхъ зданій — внутри этой стѣны, также лежащей во прахѣ. Сарамамбашъ-Кале стоитъ прямо надъ селеніемъ Мангушемъ, между рѣками Альмою и Бодракомъ, которыхъ долины онъ, конечно, охранялъ.

Недалеко отъ Сарамамбашъ-Кале, уже по ту сторону Альмы, находятся развалины другаго горнаго укрѣпленія, *Сарысанъ-Кермена*.

Я не буду говорить объ укрепленихъ другой части крымскихъ горъ. Для цѣли настоящей статьи достаточно показать, что непрерывная цѣль большихъ и малыхъ укреплений, то цѣльныхъ городовъ, то замковъ, то сигнальныхъ башенъ,— опоясывала сѣверо-западные склоны и проходы крымскихъ горъ, т. е. именно *Страну пещерныхъ городовъ* Крыма.

Какой-же народъ, какая эпоха исторіи и какой именно поводъ создали эту могущественную оборонительную линію?

Строгоя исторической правды касательно происхожденія собственно пещерныхъ городовъ мы врядъ-ли когда добудемъ. Минь кажется, пещера не могла служить постояннымъ жилищемъ какому-нибудь человѣческому племени, успѣвшему стать хотя бы на первыя ступени цивилизациі. Этотъ зоологический способъ укрывать себя отъ непогоды и непрѣятеля въ трещинахъ скалъ вполнѣ соответствуетъ зоологическому возрасту человѣчества. Тутъ одно рабское подражаніе птицѣ и наскѣкомому. Высоко — не достанетъ враждебная рука, укрыто — не промочитъ дождь и не снесетъ буря; мягкий известнякъ поддается грубому орудію, какъ поддается клюву какого-нибудь стрижа, — и вотъ, нора сдѣлана, избрано жилище. Въ позднѣйшія эпохи своей жизни человѣческое племя можетъ, конечно, пользоваться пещерою, но только въ исключительныхъ случаяхъ, подъ гнетомъ крайней необходимости. И европеецъ XIX вѣка проведетъ ночь на деревѣ, если его побудитъ къ тому неминуемая опасность; но жить постоянно на деревьяхъ, подобно чимпанзе, человѣкъ можетъ только на степени развитія какихъ-нибудь колумбийцевъ. Нѣкоторые писатели допускаютъ предположеніе объ основаніи пещерныхъ городовъ цивилизованными племенами, имѣя въ виду примѣръ восточныхъ монаховъ, киевскихъ и другихъ. Но, минь кажется,

въ этомъ примѣрѣ можно видѣть психологическое подтвержденіе того исторического факта, что пещерная жизнь составляетъ одно изъ условій натурального быта человѣка. Восточное монашество постоянно и сознательно ставило себѣ цѣллю возвращеніе физики человѣка къ первобытной, такъ сказать, животной, его обстановкѣ: пустынники Фиваиды ходили почти нагіе, обросли волосами, не варили кушанья, не зажигали огня, ёли коренья, пили одну воду, заглушали въ себѣ дарь членораздѣльныхъ звуковъ и упорно избѣгали общежитія, связы съ себѣ подобными. Такимъ-же образомъ и пещероманія была неизбѣжнымъ резултатомъ всѣхъ остальныхъ стремлений ихъ. Обратимъ вниманіе, что гомерический грекъ сохранилъ память о своемъ столкновеніи съ первобытными обитателями Европы, въ образѣ цикловъ, жителей и строителей пещеръ. Звѣроподобный циклонъ вездѣ такъ или иначе связанъ съ камнемъ. Для Полифема камень есть и жилище, и хлѣбъ, и дверь, и оружіе. Такъ называемыя циклопическая постройки — ничто иное, какъ грубыя искусственные пещеры. Титаны, — въ образѣ которыхъ мифологія сохранила тотъ же историческій фактъ борьбы цивилизованныхъ пришлецовъ съ дикими аборигенами, — дѣйствуютъ противъ Олимпа камнями. Въ странахъ древнихъ кельтовъ, въ странахъ древнихъ финновъ, — вездѣ легенда сохранила память о пещерныхъ людяхъ и пещерной эпохѣ, подъ видомъ таинственныхъ колдуноў, враждебныхъ обществу, скрывающихъ свои злые козни, свой чуждый образъ и свои чуждые нравы въ нѣдрахъ недоступныхъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что младенческая эпоха человѣчества имѣетъ основаніе называться «каменною» не по одному только материалу тогдашнихъ жилищъ его. Поэтому и мнѣніе тѣхъ писателей, которые называли пещерные города Крыма

«жилищами троглодитовъ», мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Кто именно были эти троглодиты? Тавры — первый народъ, котораго исторія, еще въ полумифической, полугероической эпохѣ своей, застаетъ на почвѣ Крыма. Эти тавры, современники Ахилла и Ильигона, приносившіе человѣческія жертвы своимъ божествамъ и счи-тавшіе своей добычею всѣхъ несчастныхъ, приноси-мыхъ къ ихъ берегу волнами тогда еще *«нестеприм-нало понти»* — поинъ Аксеноность — конечно, могли со-здать пещерные города. Когда древніе тавры смѣши-лись съ такъ называемыми скіюами и стали извѣстны у историковъ подъ именемъ тавро-скіюовъ, то они за-нимали оба склона крымскихъ горъ, слѣдовательно и страну нынѣшихъ пещерныхъ городовъ. Но тавро-скіюы, которые воевали съ Митридатомъ и разбивали войска императора Клавдія, были уже не прежніе дикіе тавры, а народъ, умѣвшій строить крѣпости и про-никнутый эллинскою цивилизациею; постройки Палака и Скилура были совершенно греческія постройки, какъ это доказывается развалинами симферопольского Керменчика.

Есть мнѣніе, что пещерные города Крыма осно-ваны были киммеріанами, также однимъ изъ перво-бытныхъ народовъ Тавріи, оставившимъ свое имя Бос-фору Киммерійскому; но, сколько мнѣ известно, это предположеніе бездоказательно, какъ и другія, а сверхъ того менѣе вѣроятно уже потому, что страна пещер-ныхъ городовъ лежитъ на совершенно противополож-ной сторонѣ предполагаемаго мѣстопребыванія кимме-рійцевъ, т. е. Керченского полуострова.

Народъ, о которомъ достовѣрно извѣстно, что онъ жилъ на мѣстѣ нынѣшихъ пещерныхъ городовъ Крыма, — былъ готы. Мы уже видѣли выше истори-ческое подтвержденіе этого факта.

Юстиніанъ не ограничился постройкою стѣны для огражденія готовъ. По словамъ Прокопія, онъ въ то же время основалъ нѣсколько укрѣплений на южномъ берегу Крыма: Алустость, нынѣшнюю Алушту, Горзубиту, нынѣшнюю Гурзуфъ, и возстановилъ разрушенныя стѣны Босфора (Керчи) и Херсонеса. Въ вѣка передвиженія народовъ обычай преграждать имъ путь длинными стѣнами и замками былъ въ болыпомъ ходу. Императоръ Анастасій въ началѣ VI в. построилъ огромную стѣну для огражденія Византіи отъ сѣверныхъ варваровъ. Юстиніанъ еще болѣе укрѣпилъ эту стѣну: только на одномъ пространствѣ отъ Бѣлграда до устья Дуная онъ построилъ новыхъ и возобновилъ старыхъ 80 укрѣпленныхъ замковъ, по свидѣтельству Прокопія. Въ томъ же VI в. персидскій шахъ Хозрой I соорудилъ такъ называемую *Кавказскую стѣну* и Дербентское укрѣпленіе, противъ набѣговъ хазаръ.

Готская стѣна, о которой говоритъ Прокопій, до сихъ поръ еще замѣтна въ разныхъ мѣстахъ крымскихъ горъ. Въ другомъ мѣстѣ своихъ «Крымскихъ впечатлѣній», при описаніи путешествія на Чатырдагъ, я имѣлъ уже случай говорить о встрѣченныхъ мною на склонѣ Чатырдага развалинахъ этой стѣны, которую татары приписываютъ почему-то Темиръ-Аксаку, т. е. знаменитому Тамерлану. Менѣе ясно эти развалины замѣтны по ту сторону Алуштинской дороги, вдоль Караби-Яйлы, до самой дороги, ведущей изъ Ускюта въ Карасубазаръ. Эти развалины вездѣ известны подъ именемъ Ташъ-Хабахъ. Судя по направленію этой стѣны и по назначенію ея, она должна была западнымъ концомъ своимъ примыкать къ системѣ укрѣплений, о которой говорено было выше. Такимъ образомъ она защищала сѣверные подступы въ горы, со стороны большой Крымской степи. Точно также, на югѣ горъ, бухты, берега и проходы долинъ были за-

щищены особою системою замковъ и крѣпостей, примыкавшихъ къ сѣверо-западной укрѣпленной линіи пещерныхъ городовъ, вѣроятно, около Чоргунской бани, въ верховьяхъ Черной рѣчки. Развалины южно-бережскихъ замковъ и крѣпостей сохранились во множествѣ въ Алуштѣ, на Кастели, на Аю-Дагѣ, на скалахъ Гурзуфа, на мысѣ Никитѣ, выше Аутки, у города Ялты, въ Оріандѣ, на мысѣ Ай-Тодорѣ, въ Лименѣ, въ Кикиненѣ, въ Мухолаткѣ, на мысѣ Айя, еще во многихъ другихъ мѣстахъ и особенно въ Балаклавѣ. Всѣ эти укрѣпленія представляютъ еще болѣе сильную и связную оборонительную линію, чѣмъ даже линія западныхъ склоновъ. Можно сказать, нѣть ни одного сколько-нибудь значительного залива или мыса, нѣть ни одного горнаго ущелья на южномъ берегу, которые бы не сохранили на себѣ если не остатковъ, то хотя имени прежняго укрѣпленія. Повидимому, эти укрѣпленія были тоже основаны византійцами, съ цѣлью защищать готовъ-трапезитовъ. Алустось, Гурзуфъ, Ялита явились уже въ VI вѣкѣ, остальные могли возникнуть въ разныя времена, ранѣе и позже Юстиніана; нѣкоторые старинные писатели прямо называютъ южно-бережскіе замки «готскими» — «Castella Gothorum» — а въ картѣ Скиош Сестренцевича на юго-западномъ краю Крыма показывается «Gothia или Castra Gothorum».

И даже въ XV столѣтіи, когда по трактату съ Эліасъ-Беемъ Солкатскимъ (Солкатъ — старый Крымъ — древняя столица татаръ) южный берегъ перешелъ во власть генуэзцевъ, онъ не называется какъ иначе «*Gothiey*».

Въ важнейшихъ торговыхъ пунктахъ Готіи были учреждены особыя консульства, въ Чембало (Балаклавѣ), Лускѣ (Алуштѣ), Пертиникѣ (нынѣшній Партенитъ, у подошвы горы Аю-Дага), Горзонѣ (Гурзуфѣ),

Ялтѣ (Ялтѣ). Во всемъ этомъ заключается убѣдительное доказательство того, что готы обитали дѣйствительно на южномъ берегу отъ Алушты до Балаклавы, следовательно и южнобережскіе замки были скорѣе всего выстроены для ихъ защиты. Что замки эти не были генуэзскаго происхожденія, доказываютъ отзывы писателей X, XIII и др. вѣковъ, предшествовавшихъ завоеванію южнаго берега генуэзцами. Имп. Константинъ Багрянородный, за четыре вѣка до генуэзцевъ, говорить о замкахъ по берегу Понта между Херсонесомъ (Севастополемъ) и Воспоромъ (Керчью). Кордельерскій монахъ Гильомъ Рубруквистъ, посланный французскимъ королемъ Лудовикомъ Святымъ (IX) изъ Сиріи въ Татарію, къ хану Мангуту, посѣтилъ Крымъ въ 1253 г. и оставилъ намъ важное указаніе о жителяхъ южнаго берега.

«Есть большие мысы на этомъ морѣ», — пишетъ Рубруквистъ, — «начиная отъ Корсуніи до устьевъ Танаиса, и около 40 замковъ между Херсонесомъ и Солдайю (Судакомъ), изъ коихъ каждый имѣеть свое особое нарѣчіе. Есть также много готоровъ, которые еще удерживаютъ нѣмецкій языкъ».

Въ нашемъ «Словѣ о Полку Игоревѣ», памятнике XII столѣтія, также говорится о *готскихъ красныхъ дѣвушкахъ*, что, звоня русскимъ златомъ, воспѣваютъ на брезѣ синяго моря. Въ моихъ «Крымскихъ впечатлѣніяхъ» я уже имѣль случай приводить другія свидѣтельства касательно пребыванія готовъ въ Крыму даже до XV и XVI вѣковъ; выше было уже упомянуто, что венецианецъ Барбаро (XV столѣтія) и посолъ императора въ Константинополь, баронъ Бузбекъ (XVI столѣтія), говорятъ объ этомъ обстоятельствѣ совершенно положительно. Существованіе въ Крыму, въ теченіе многихъ столѣтій, особой готской епархіи, подвластной константинопольскому патріарху, еще болѣе подтверж-

даетъ этотъ фактъ. Уже въ 325 году, въ числѣ подписаній отцовъ первого вселенскаго Никейскаго собора, читается имя Феофила, епископа Готеи (какъ думаютъ, Гальфилы — переводчика св. писанія на готскій языкъ). За нимъ идетъ цѣлый рядъ готскихъ іерарховъ, сначала епископовъ, потомъ архиепископовъ, наконецъ митрополитовъ, до самаго 1786 года, когда умеръ послѣдній изъ нихъ Игнатій, митрополитъ *Готесейскій и Кефайскій*, способствовавшій переселенію грековъ изъ Крыма къ Азовскому морю. Такимъ образомъ, готейская спархія существовала отъ Константина Великаго, императора языческаго Рима, до Екатерины II, императрицы всероссійской. По всемъ вѣроятіямъ и дошедшемъ до настѣнъ свѣдѣніямъ, политическая независимость готовъ кончились очень рано; но сохраненіе до позднѣйшихъ временъ ихъ имени и ихъ языка, въ теченіе по крайней мѣрѣ 14 столѣтій, уже доказываетъ важное значеніе готскаго племени въ исторіи Крыма. Церковное подчиненіе малочисленныхъ готовъ византійскому вліянію началось, какъ мы видѣли, уже въ концѣ IV столѣтія, и окончилось слияніемъ готовъ съ греками. Вслѣдствіе этого, въ древнихъ городахъ, обитаемыхъ готовами, мы почти вездѣ находимъ византійскую живопись, греческія надписи и, наконецъ, жителей — грековъ. Иначе и быть не могло. Уже въ VI столѣтіи готовы, чувствуя свое безсиліе противъ варваровъ, обращаются подъ крыло имперіи. Однако стѣна Юстиніана не защитила ихъ, и въ VII или VIII столѣтіи они, хотя не надолго, подпадаютъ подъ власть хазаръ. Въ XIII столѣтіи они дѣлаются данниками татаръ, а отдельные города ихъ попадаютъ, какъ и чисто-греческіе города Крыма, во власть мѣстныхъ князьковъ (топарховъ). Такъ было, напримѣръ, съ Мангупомъ, съ Инкерманомъ. Каждущееся противорѣчіе между некоторыми старыми писателями, изъ которыхъ одни гово-

рять о тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, какъ о греческихъ. другіе — какъ о готскихъ, можно объяснить себѣ тѣмъ, что жители какого-нибудь Мангупа, въ XVI столѣтіи, напримѣръ, — были въ одно и то же время греки и готы. Готы — съ точки зрењія своего происхожденія, греки — съ точки зрењія своей гражданской и духовной жизни. Только въ этомъ смыслѣ можно допустить позднее существованіе готовъ въ Крыму, о которомъ говорятъ Бузбекъ и др.

Въ началѣ XV столѣтія императоръ Мануилъ Палеологъ отдаетъ своему сыну Константина (тому самому, что паль на стѣнахъ Византіи при взятіи ея турками) *страны по Черному морю, граничащія съ Хозаріей*, т. е., безъ сомнѣнія, ту часть Готіи, которая не была захвачена генуэзцами, Херсонесъ и др. бывшая колонія грековъ. Въ Инкерманѣ найденъ камень съ греческою надписью 1427 года съ изображеніемъ двуглаваго византійскаго орла; въ надписи говорится о какомъ-то Алексѣѣ, *владытелѣ города Феодора и морского берега*. Считать ли Феодоръ за Инкерманъ, какъ обыкновенно думаютъ, или принять вышеупомянутое новѣйшее объясненіе, что Феодоромъ назывался Мангупъ, — во всякомъ случаѣ ясно, что въ XV столѣтіи средоточіе готовъ было во власти византійцевъ. Бровенскій въ XVI столѣтіи, уже во время турецкаго владычества, читалъ на воротахъ и зданіяхъ Инкермана греческія надписи и гербы греческихъ фамилій. Вотъ его подлинныя слова обѣ Инкерманѣ:

«Ингерменъ находится въ 12 миляхъ или болѣе отъ Козлова» (Козловъ испорченное турецкое Гезлеве, т. е. Евпаторія). «Въ немъ каменная крѣпость, мечеть и пещеры, съ удивительнымъ искусствомъ высѣченными подъ крѣпостью и насупротивъ ея. Ибо городъ расположенъ на большой высокой горѣ, и отъ этихъ пещеръ получилъ турецкое название» (ин-керманъ — по-

турецки *крепости пещеръ*). «Онъ былъ прежде значительенъ, довольно богатъ, изобиловалъ всѣмъ необходимымъ и былъ замѣчателенъ своимъ мѣстоположеніемъ.

«На скалистыхъ горахъ, большихъ и высокихъ, видны явные слѣды, показывающіе, что древнійшіе народы Греціи добывали здѣсь огромные камни.

«Видно, что Ингерманская великолѣпная крѣпость построена греческими государями, ибо до сихъ поръ и ворота, и нѣкоторые уцѣлѣвшія зданія украшены греческими надписями и гербами.

«Очень ясно видно, что по всему тому перешейку даже до стѣнъ города были великолѣпныя строенія, и вырыто множество колодцевъ, изъ которыхъ еще многое уцѣлѣли. На окончности же видны двѣ большія, широкія дороги, вымощенные камнями. На перешейкѣ видны сады, яблони и другіе плоды и превосходные виноградники, насаженные нѣкогда греками (и теперь называются Бельбекомъ), которыми теперь владѣютъ христіанскіе греки, итальянцы, іудеи и даже немногіе турки».

Мы, съ своей стороны, не говорили въ этой статьѣ обѣ Инкерманѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ пещерныхъ городовъ Крыма, потому, что уже прежде посвятили его описанію особую главу своихъ «Крымскихъ впечатлѣній». Если Инкерманъ древній Феодоръ, или Доросъ, то онъ былъ древнѣйшимъ центромъ готовъ. Приморская страна, занятая первоначально готами, называлась *Дори*. Ея созвучіе съ Доросомъ слишкомъ очевидно. Патріархъ Никифоръ говоритъ о Юстиніанѣ II, что онъ изъ Херсонеса бѣжалъ въ 702 году въ *крепость Доросъ на предѣлахъ Готіи*; это почти несомнѣнное указаніе на Инкерманъ.

Турки, завоевавъ южный Крымъ, повидимому, уже не нашли ни одного княжества, называвшагося готскимъ; всѣ они сдѣлялись греческими. Только князья

Мангуна, — можетъ быть, изъ аристократической склонности къ древности и особенностямъ своего рода, — лично считались еще готами, — послѣдними готами, какіе гдѣ-либо существовали, — замѣчаетъ Матвей Мѣховскій.

Итакъ, можно навѣрно сказать, что древніе готы, впослѣдствіи смышавшіеся съ греками, занимали въ теченіе иѣсколькихъ вѣковъ, начиная отъ V столѣтія, страну, въ которой находятся значительнѣйшия пещерные города Крыма, именно Цикерманъ и Мангупъ-Кале, а слѣдовательно Черкесъ и Эски-Кермены, по крайней мѣрѣ до долины р. Бельбека, гдѣ на мѣстѣ нынѣшней *Сюйренъ-Кулле* у нихъ стоялъ значительный городъ. Обитаніе готовъ въ остальныхъ пещерныхъ городахъ Крыма, къ сѣверу отъ Бельбека, если и не доказано исторіею, то весьма вѣроятно и подтверждается преданіемъ.

Вопреки мнѣнію Шалласа, готовъ трудно приписать основаніе пещерныхъ городовъ. Характерное свидѣтельство Прокопія о нерасположеніи крымскихъ готовъ даже къ городамъ, обнесеннымъ стѣнами, устраниетъ въ этомъ вопросѣ всякое сомнѣніе. Народъ, привязанный къ земледѣлію, владѣвшій роскошными садами, не могъ быть изобрѣтателемъ и жителемъ каменныхъ пещеръ. Пещерные города, очевидно, вошли въ систему укрѣплений только заботами централизующей византійской власти, которая могла воспользоваться пещерными городами точно такъ же, какъ воспользовалась различными другими укрѣпленіями, возникшими въ самыя различные времена, трудами самыхъ разнообразныхъ народовъ.

Стѣна Херсонесцевъ, издавна отдѣлявшая Трахейскій полуостровъ отъ остального Крыма, послужила такимъ же матеріаломъ для фортификаціи греческими администраторами Крыма, какъ и старинныя крѣпости

скиескихъ царей и полководцевъ Митридата. Грекамъ нужно было загородить степовикамъ всѣ проходы въ горный Крымъ, чтобы обезпечить трудолюбивыхъ садовниковъ, винодѣловъ и пастырей крымскихъ долинъ. Въ ряду этихъ укрѣплений пещерные города, естественно, должны были стать цитаделями на случай войны, осадными дворами, на которыхъ могло укрыться мирное населеніе при первой опасности. Многочисленныя пещеры доставляли въ этомъ случаѣ незамѣнную выгоду, потому что, — при недоступности своей, при совершенной безопасности отъ стрѣлъ и огня, — укрывали не только людей, но и скотъ ихъ, и имущество. Небольшія крѣпостцы ии въ какомъ случаѣ не способны были оказать населенію такой серьезной помощи и служили только барrikадами проходовъ. Весьма правдоподобно, что многія изъ пещеръ дѣлались уже впослѣдствіи, съ цѣлью доставить осажденнымъ жителямъ болѣе простора, и приоровлялись къ новымъ потребностямъ.

Въ пещерахъ, съ теченiemъ времени, основались церкви и монастыри; сначала, можетъ быть, изъ временной необходимости, а потомъ остались въ нихъ на всегда, такъ какъ пещерное помѣщеніе не противорѣчило характеру этихъ учрежденій. Есть серьезное основаніе думать, что первые христіане особенно охотно пользовались пещерами, и даже сами устраивали ихъ, съ цѣлью подвига трудолюбія. Легенда говоритъ, что папа-изгнаниникъ Климентъ I собственноручно ископалъ пещерную церковь Инермана.

Съ пещерами Успенского скита связано очень древнее христіанско преданіе объ обитавшемъ въ нихъ драконѣ, погребленномъ внезапно явившеюся чудотворною иконою Успенія Божіей Матери. Икона эта была перенесена греками изъ древняго бахчисарайскаго Маріан-поля въ новый азовскій Маріанполь, а до тѣхъ поръ

была главною святынею крымского христианства. Это обстоятельство, а также постоянное пребывание въ Успенскомъ скитѣ (Маріанполѣ) духовнаго главы крымскихъ христианъ — митрополита Готейскаго и Кеевайскаго — указываетъ на то, что пещеры Успенского скита если не были основаны христианами, то очень рано были ими заняты. Замѣчательно, что только въ этомъ старомъ гнѣздѣ христианства оно удержалось до самаго присоединенія Крыма къ Россіи, среди всѣхъ невзгодъ и опасностей, въ то время, какъ магометанскій фанатизмъ успѣлъ обратить въ исламъ весь берегъ и всѣ горы когда-то христианского Крыма.

Монастыри въ Инкерманѣ, въ Качи-Кальонѣ, Маріанполѣ, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней, и другіе, которыхъ развалины видны въ Эски-Керменѣ и Тепе-Керменѣ, также свидѣтельствуютъ о томъ, что пещерные города были древнимъ приютомъ христианства. Итакъ, нужно во всякомъ случаѣ признать, что христианство участвовало значительною долею въ распространеніи, если не основаніи, пещерныхъ городовъ Крыма. Масса жителей, за исключеніемъ, вѣроятно, монаховъ, жила, конечно, подъ открытымъ небомъ, въ своихъ зеленыхъ и цветущихъ деревняхъ, какъ живетъ и теперь, и всякий пещерный городъ покровительствовалъ цѣлой долинѣ, цѣлому сельскому округу.

Оттого-то вокругъ Мангупа до сихъ поръ лѣпятся многочисленныя сельбища, а около Чуфутъ-Кале основался Бахчи-Сарай, — «городъ садовъ», — центръ крымского садоводства и татарской жизни вообще.

Только съ такой точки зренія можно объяснить себѣ жизнь готовъ, грековъ и другихъ сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ въ пещерныхъ городахъ, въ этихъ титаническихъ каменныхъ ульяхъ, гдѣ сотни подземныхъ жилищъ наполняютъ собою недра скалъ и гдѣ путешественникъ дѣйствительно находить тогда

следы уже довольно развитой общественной жизни. Было бы странно предположить, чтобы въ очаровательномъ климатѣ Крыма, въ живописнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ долинахъ его, богатыхъ водами, кипащихъ дорогими плодами,— могло жить племя, способное вести жизнь кротовъ въ полутемныхъ известковыхъ норахъ, на бесплодныхъ и безводныхъ утесахъ, не въ эпоху какихъ-нибудь свайныхъ построекъ и не на зарѣ исторіи, а въ тѣ времена, когда уже писались книги и существовала наука. Работящее населеніе не могло ежедневно сообщаться съ своими плантациями и садами по этимъ узенькимъ ступенкамъ, вырубленнымъ въ обрывѣ скалъ для осторожного прохода одного человѣка. съ цѣлью удобной защиты ихъ однимъ противъ толпы. Только сбившіеся въ стадо дикие аборигены горъ, еще можетъ быть, незнавшие ни одного промысла, питавшіеся кореньями и дичью, много-много первобытные пастухи козъ и барановъ — могли искать себѣ въ скалѣ и избрать постояннымъ пріютомъ эти норы троглодитовъ.

Мангушъ — обычный входъ изъ степей въ горы не по большимъ почтовымъ дорогамъ, а по проселкамъ, знакомымъ только охотникамъ да мѣстнымъ жителямъ. Отъ Мангуша, къ востоку и къ югу отъ него, начинается область крымскихъ горныхъ лѣсовъ, область крымскихъ охотъ по верховьямъ Альмы, Бодрака, Марты, Качи и ихъ притоковъ. Поселенія человѣка прекращаются, и вѣсъ принимаетъ въ себя подоблачная пустыня, шумящая лѣсами и ручьями, цвѣтущая травами, полная звѣремъ.

Система разорванныхъ и перенутанныхъ горныхъ цѣпей тянется вдоль сплошного хребта Яйлы, провожая съ сѣверной стороны всѣ его изгибы. Эти цѣпи ниже Яйлы, но гораздо богаче природою, свѣжѣе, разнообразнѣе. Яйла каменною стѣною ограждаетъ съ юга

это горное нѣдро Крыма, отчего оно, при всей близости своей къ южному берегу, остается безлюднымъ и почти непосѣщаемымъ. Долины рѣкъ, падающихъ на западъ, въ Черное море,—Черной, Бельбека, Качи, Альмы, раздѣляютъ эту горную страну на нѣсколько продольныхъ полосъ, въ которые ущелья этихъ рѣкъ служатъ почти единственными воротами. Мы не жалѣемъ, что оставили далеко за собою жилища человѣка и на нѣсколько дней погрузились въ зеленые пріюты козъ и оленей.

Поѣзда горными лѣсами освѣжаетъ душу и тѣло, какъ ключевая вода. Вы съ зарею на сѣдлѣ; при васъ зажигается огнестое крымское утро и выплыиваетъ изъ-за горъ полный мѣсяцъ. Съ вашей тропинки, приподнятой къ облакамъ и выше облаковъ, вы, въ спокойномъ счастіи, созерцаете у своихъ ногъ глубокія, безлюдныя долины, налитыя до краевъ лѣсами и глядящія изъ-за нихъ живописныя горы всевозможнаго характера,—то бѣлые, титаническія пирамиды, то обломанные какъ башни утесы, облитыя красивымъ огнемъ запада, то наконецъ обросшіе до макушки темною шерстью лѣсовъ.

Облака сидятъ въ этихъ горныхъ чащахъ, какъ лебеди на покоѣ. Иногда вы видите подъ собою настоящее озеро; но вы не увлекайтесь: Крымъ не Швейцарія, и вы въ его горахъ не встрѣтите ни одного озера: это тоже облака, запавшія въ какую-нибудь особенно глубокую круглую долину. А то оглянитесь съ высокаго холма налево, гдѣ видѣнъ шатерь Чатырдага. Тамъ тоже облака, да это уже не лебеди, не озера: они обволокли кругомъ, будто хлопья ваты, вершину шатра, курятся надъ нимъ и расплываются, какъ клубы какого-то тяжелаго и влажнаго дыма. Чатырдагъ смотрить透过 нихъ, ни дать, ни взять, перуанскимъ вулканомъ.

Горное путешествие вдвое дороже для тѣхъ, кому приходилось наслаждаться этой пустынею и въ румяные осенне дни, и въ радостный весенний полдень, и въ лѣтній зной, и среди расписанныхъ зимами и неемъ лѣсовъ. Охотникъ — вотъ настоящій цѣнитель и почти единственный посѣтитель этихъ красотъ.

Не знаешь, какая обстановка болѣе подходитъ къ нимъ и болѣе ихъ краситъ.

Лѣсъ еще стоитъ безъ листу, но уже гибкій и сочный, приготовляясь прыснуть первыми почками. Уже на южныхъ склонахъ зеленѣетъ трава и желтѣютъ яркие крокусы. Вы стоите съ своимъ ружьемъ, прислонившись къ дубу, отовсюду задвигнутые лѣсомъ: вамъ видно теперь на-далеко кругомъ, сквозь эти высокіе, безлистные стволы, въ этоѣ прозрачный полумракъ. Гончие гоняютъ гдѣ-то глубоко внизу, и вы хоропо различаете хриплый сердитый голосъ Полканы, неистово лающаго «по зрячему». Вотъ недалеко отъ васъ словно стукнуло что-то, горная ущелья эхомъ подхватили выстрѣлъ, и вы слышите торопливые прыжки и хлестанье кустовъ. Подъ тихою сѣнью лѣса, среди его неподвижныхъ колоннадъ, вы вдругъ увидѣли живое существо. Словно все кругомъ ожило и заговорило отъ появленія этой пары черныхъ, пугливыхъ глазъ, этихъ упругихъ трепетныхъ ногъ. Статная козочка смотрѣть на васъ своими прекрасными, большими глазами, не чуя еще вашего присутствія, не чуя опасности. Вотъ вздрогнули ея высоко настороженные уши, разинутая трубою въ обѣ стороны; вы не успѣли вспомнить о своемъ ружьѣ, какъ коза унеслась, изумительно легкими и изящными прыжками, оставляя подъ собою кусты и мелькая между стволами. Но вы не досадуете на свою разсѣянность.

Вамъ придется видѣть и другіе виды, когда козель, настигаемый собаками, несется, закинувъ голову на

спину, высунувъ языкъ, высоко надъ кустами, однимъ прыжкомъ перелетая пространство въ нѣсколько саженъ. И вдругъ, на серединѣ прыжка, онъ судорожно вскрикиваетъ, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и летитъ въ сторону, черезъ свою голову. Пуля, пущенная невидимою рукою изъ невидимаго мѣста, перехватила его скакечъ. Жалобно бѣется и кричитъ красавецъ-козель; кровь капаетъ съ его высунутаго языка, бѣеть струею изъ ранки. Берегитесь, собаки уже на немъ. Полканъ, задыхающійся отъ бѣшенства и усталости, яростно треплетъ его за бѣлую луночку, замѣняющую хвостъ; если не отобьете, онъ живаго растерзаютъ въ клочки. Иначе, изъ чего-бы бились они, чѣмъ-бы вдохновлялись эти вѣрные, кровожадные псы, эти честные палачи, цѣлый день надрываящіеся отъ лая и бѣга, добросовѣстно исцарапавшіе себѣ обо-всѣ колючія вѣтки лѣса, обнюхавшіе понапрасну столько тропинокъ и слѣдовъ!

Хорошо на этихъ горахъ и зимою, когда лѣса стоятъ въ фантастическихъ уборахъ и холодъ настолько чувствителенъ, что начнешь и рюмка вина дѣлаются для охотника трижды драгоценными. Щѣлай армія охотниковъ и облавщиковъ, кто съ ружьемъ, кто съ дублемъ, въ разнохарактерныхъ одеждахъ, татары и russkie, помѣщики и солдаты, — столпились на зимней зорькѣ у домика лѣсничаго, гдѣ ночеваль главный штабъ облавы. Вотъ вываливается изъ двери тучная, веселая фигура распорядителя охоты. Вотъ онъ, этотъ новый шекспировскій Фальстаффъ, среди своей разношерстной арміи, сидитъ, грузный и громоздкій, на маленькой татарской лошаденкѣ, которая чуть не погнулась подъ нимъ. Воины его толпятся кругомъ его стремянъ, а онъ одѣляетъ ихъ стаканчиками «горилки», приправляя ее фальстафовскою ругнею и фальстафовскими прибаутками. Въ путь! Довольно болтовни, те-

перь смирио! Облавщики отдаляются въ одну сторону и бѣглымъ шагомъ исчезаютъ въ лѣсу, съ своими палками и сумками. Охотники, конные и пѣшие, тянутся по тропинкѣ въ другую сторону лѣса, за своимъ вожакомъ. Разставили. Облава двинулась; стукъ, гамъ, свистъ; кажется, послѣдняя птица, послѣдняя бѣлка унесутся за тридевять земель. Охотники пристыли глазами къ лѣснымъ тропамъ; курки взведены. Пафъ-пафъ!.. по всей линіи пробѣгааетъ бѣглый огонь.

Кончили загонъ; рогъ трубитъ своимъ рѣзкимъ, характернымъ звукомъ, столь пріятнымъ уху охотника. Другіе рога отвѣчаютъ изъ ущелій, съ холмовъ, издали и вблизи; одинъ легкій и звонкій, другой треща съ какимъ-то непомѣрнымъ усилемъ, хрюплю и отрывисто. Сбиваются въ кучу. Всякому хочется взглянуть на добычу счастливыхъ. Тутъ она вся вмѣстѣ: лиса съ длинновысунутымъ языкомъ, пушистая, жирная, разъѣвшаяся зайцами, сохранившая въ каждой чертѣ своей тотъ испугъ внезапно застигнутой воровки и то отчаянное увертыванье отъ преслѣдовавшей ее смерти, съ которыми замерла она подъ пулевою; бирюкъ съ своею угрюмо-злою мордою, со всею статью голоднаго бродяги и разбойника; глупые длинноухіе зайцы цѣлыми связками; у кого коза, у кого кунница.

Пройдутъ еще два, три загона. Ноги ужъ еле носятъ по снѣжнымъ тропамъ; набѣгались, накараулились. Гдѣ-то нашъ обозъ, наши маркитанты? За кусокъ хлѣба отдашь всѣхъ своихъ волковъ. Наконецъ добиваются и обоза. Кто не испытывалъ этой усталости и этого наслажденія, тотъ не въ состояніи понять, что можетъ значить для человѣка стаканъ вина послѣ зимней охоты по горамъ. Заяцъ, обжаренный безъ соли и масла на шомполѣ ружья, пахнетъ неимовѣрно-аппетитно. Всякую дрянь принимаешь и пойдаешь, какъ манну небесную. Толкотня, стукотня, жеванье — на нѣсколько

минутъ никто ничего и никого не видитъ, никого и ничего не знаетъ; всѣ руки и помыслы лѣзутъ къ одному — къ стакану, къ кастрюлѣ.

Солнце заходитъ; пора къ ночлегу. Изъ разныхъ сторонъ лѣса, по обрывамъ, по скатамъ, тянутся, какъ муравы, всѣ къ одному мѣсту, разбросанные охотники. Пафъ-пафъ!.. поминутно раздается въ холодномъ, горномъ воздухѣ. Разряжаются бесполезныя пока ружья. Подумашь, отрядъ какихъ-нибудь гверильясовъ возвращается изъ своихъ горныхъ развѣдокъ. Вотъ они слились на голомъ холмѣ въ одну черную змѣю и потекли внизъ, къ хуторку лѣсника, спрятавшемуся у подножія холма. Оттуда уже привѣтливо краснѣетъ сквозь лѣсныя сумерки яркій огонекъ, и на выстрѣлы ружей, на звуки роговъ приближающихся охотниковъ отвѣчаетъ шипѣніе самовара и кухонная стряпня. Тѣснѣе другъ къ другу; для дружной компании всякая хатка просторна; доски на боченкахъ — лагерный столъ; кругомъ мы возлежимъ на соломѣ, какъ древніе вокругъ своихъ пиршествъ. Чай и вино согрѣваютъ душу, не только языкъ и чрево. Сколько веселой болтовни, безпроницаемаго вранья, безобиднаго хвастовства и здороваго хохота! Милый Фальстафъ, въ холостомъ дезабилье, царитъ надъ всѣми; его голосъ заливаетъ всѣ остальные, его тучное тѣло заслоняетъ половину хаты, его объемистое чрево поглощаетъ половину запасовъ; а вретъ, хвастаетъ и хохочетъ вдвое больше, чѣмъ всѣ охотники вмѣстѣ. Теперь это — чисто-миѳологический Панъ, какъ изображаетъ его Рубенсъ, мясистый, красный, упитанный виномъ, увѣнчанный виноградными листьями и сияющій смѣхомъ...

Меня вообще удивляетъ, что цивилизованный человѣкъ, потратившій такъ много искусства и заботы на устройство себѣ всяческихъ удобствъ, окружившій себя роскошью и излишествомъ во всѣхъ мелочахъ, — по-

забываетъ лучшее изъ всѣхъ удобствъ и самую дорогою изъ всѣхъ роскошей — природу, въ ея неподдѣльномъ видѣ. Люди кабинета и гостиной, люди фабрики и конторы, должны спасаться отъ убийственаго вліянія своей искусственной жизни въ волнахъ всеисцѣляющей природы, бодрѣть въ ней не одни вялые мускулы и раздраженные нервы, но весь свой духъ, задавленный разными «злобами дня». И это нужно дѣлать какъ можно чаще, при всякой возможности; это нужно считать одною изъ важныхъ обязанностей своей совѣсти, нравственнымъ долгомъ, отъ котораго нельзя уклониться, безъ вреда для себя и другихъ, условиемъ благополучія, отъ котораго нельзя отказаться безъ крайней необходимости. Цивилизованный человѣкъ свободно бросаетъ значительныя средства на то, чтобы до полуночи сидѣть въ биткомъ набитой залѣ, слушая артиста; онъ нерѣдко считаетъ незолительнымъ пошатнуть свое состояніе, чтобы доставить возможность женѣ или дочери проводить ночи въ угарѣ танцевъ. Но много ли онъ дастъ за то, чтобы подышать горнымъ воздухомъ, побродить въ зеленыхъ сѣняхъ лѣса, отдохнуть въ широкомъ привольѣ степей? Человѣкъ дѣлаетъ вообще много глупостей; но эта послѣдняя глупость, это жалкое забвеніе источника нашей жизни и силы — непостижимѣе многихъ другихъ.

Дождь не миловалъ насъ въ эту поѣздку. Горше всего были тѣ минуты, когда мы блудили съ нашимъ всезнающимъ Бекиромъ по тропинкамъ, ведущимъ на гору Цецулъ, или, какъ ее называютъ лѣсники и охотники, на Чучель-гору. По цѣлымъ часамъ приходится стоять въ чашѣ лѣса подъ вѣтвями какого-нибудь мастигатого дуба или бука, котораго широкая густолиственная корона все-таки сколько-нибудь прикрываетъ васъ отъ ливня; измученные лошадки стоятъ себѣ, не двигаясь, опустивъ уши и головы ко мшистому стволу,

а всадники, тоже пригнувшись посомъ къ дереву и укрытые чѣмъ Богъ послалъ, потихоньку ведутъ бе-сѣду въ своеи невольномъ кружкѣ; амазонку нашу нельзя узнать подъ огромною черкесскою буркою, ко-торая шалашомъ стоитъ на лошади и спускаетъ съ себя потоки воды, какъ съ отлива крыши. Ничего не видать кругомъ, даже сосѣднихъ деревъ: сѣрая сѣтка дождя силошь заткала воздухъ.

Измучили-же мы своихъ животинъ, цѣлый день го-няя ихъ по грязнымъ лѣснымъ спускамъ и подъемамъ: ни зерна ячменя, ни глотка воды! Кажется, нѣтъ ни одного оврага, котораго бы мы не отвѣдали. Бекиръ сбился давно, но до сихъ поръ не хочетъ признаться и ужасно сердится, когда мы пристаемъ къ нему съ укоризнами. Мы теперь хорошо примѣтили, когда онъ сбивается. Онъ начинаетъ тогда сновать, какъ угорѣлый, то вправо, то влѣво, стараясь опередить насъ и бросая по слѣду кусочки наломанныхъ вѣтвей. Но эти приемы Аріадны не ведутъ, повидимому, ни къ чему, и нашъ путь становится все безнадежнѣе. Раза два наткнулись на дровосѣковъ, на угольщиковъ, но и послѣ разспросовъ бѣда не поправляется. Уже высоко на горѣ встрѣтили мы толпу дѣвокъ и бабъ, возвращавшихся лѣсными дорожками изъ Козьмодемьянской оби-тели. Богомолки, кажется, совсѣмъ замаялись и кляли, на чемъ свѣтъ стоитъ, крутизны Чучеля; они намъ пророчили разныя скверныя вещи. Но уже ворочаться некуда. Встрѣтили какого-то полудикаго чабаненка, отыскивавшаго корову; долго уговаривали, наконецъ убѣдили провожать насъ. Господи! и повель-же насъ этотъ проводникъ! Много я видѣлъ трущобъ въ своихъ странствованіяхъ, но эти были изъ трущобъ трущобы. Этотъ чучельский пастырь былъ, повидимому, про-никнуть тѣмъ убѣженiemъ, что лошадь проѣдетъ вездѣ, гдѣ пролѣзть коза. Когда мы перевалили на

противоположный склонъ горы и увидѣли черезъ головы другихъ горъ стѣну Яйлы, пришлось спускаться по страшной крутизнѣ и по страшному косогору. Пѣшая тропинка была протоптана надъ цѣлою системою пропастей, которыми Чучель спускалась къ долинѣ. Какъ нарочно, мы тутъ попали въ огромную отару овецъ, которые со страху разсыпались кругомъ наскѣ и понеслись внизъ по зеленому скату, будто волна. Отъ ихъ тревожного блеянья и какого-то стихійнаго сплошнаго движенія еще болѣе кружилась голова.

Въ концѣ троицы, на лѣсной полянкѣ, мы вѣхали въ пестрое становище татаръ; арбы были распряжены, грудки дымились, женщины и дѣти въ цвѣтныхъ нарядахъ копошились вокругъ котловъ. Татары тоже возвращались изъ Козьмодемьянскаго монастыря. Эти магометане почитаютъ священный источникъ христіанъ съ такою же дѣтскою искренностю и суевѣремъ, какъ и пилигримы нашего простонародья. Всякому младенчествующему духу свойственно религіозное благовѣніе передъ силами природы, проявляющими себя въ определенной, для всѣхъ осозательной, формѣ. Это мистическое отношение человѣка къ природѣ предшествуетъ всѣмъ историческимъ обособленіямъ, всѣмъ различіямъ вѣроученій. Но въ данномъ случаѣ это и серьезный историческій фактъ. Горный татаринъ Крыма — омульсульманившійся потомокъ христіанскихъ колонистовъ Крыма: грековъ, итальянцевъ, готовъ. Онъ почитаетъ древнѣйшія христіанскія святыни Крыма и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ реликвіи своей собственной исторіи.

Странствованіе по склонамъ Чучель-горы разбудило во мнѣ воспоминанія недавняго прошлаго, когда я наслаждался на этой же самой горѣ красотою совершенно оригинальною. Не думаю, чтобы многимъ изъ моихъ читателей удалось послушать «рева оленей». Въ концѣ

сентября, около полнолуния, — пора спаривания для крымских оленей. Олени въ лѣтнее время и безъ того держатся въ малодоступныхъ поясахъ крымскихъ горъ, но въ эпоху своей любви они забираются въ такія дебри, куда не всякий въ состояніи слѣдовать за ними. Глубокія лѣсныя пронасти между Бабуганъ-Яйлою, Чучелью, Синабдагомъ, — однѣ изъ любимыхъ притоновъ оленя. Когда совсѣмъ стемнѣло, наша партія охотниковъ покинула домикъ чучельского лѣсника и въ глубокой тишинѣ отиравилась на вершину Чучеля. Лѣсникъ вѣль насъ черезъ лѣсъ, ему одному вѣдомыми тропинками; подъемъ по известковымъ обрывамъ на вершину Чучели опасенъ и днемъ; ночью онъ дѣлался крайне серьезнымъ. Ружья, охотничы снаряды и теплые платя для ночлега въ облакахъ — много затрудняли нашъ мучительный подъемъ. Хорошо еще, что ночная темнота не давала намъ ясно видѣть тѣ черныя бездны, надъ которыми мы карабкались. Поминутно камни срываались изъ-подъ ногъ и летѣли-летѣли внизъ, пробуждая одно за однимъ эхо пропастей. При роковомъ шумѣ этихъ камней, вся партія охотниковъ, расположившися какъ муравьи по угесистому склону, внезапно останавливалась и настораживала уши: «упалъ кто?» беспокойно спрашивалъ среди глубокой тишины чайнибудь сдержаній голосъ. Вопросъ передавался зловѣщимъ шепотомъ отъ одного къ другому, и всякий съ смущеннымъ чувствомъ оглядывался на черную бездну лѣсовъ, зиявшую у самыхъ ногъ. Взглянешь на верхъ, а тамъ все бѣлая стѣна — кручѣ да кручѣ.

Зато сверху открылась поистинѣ волшебная панорама. Полный мѣсяцъ всплывалъ на небо вмѣстѣ съ нами, и когда мы сидѣли на бѣлыхъ утесахъ Чучели, горы уже не загораживали его больше, и онъ свѣтилъ уже довольно высоко. Вся страна горъ лежала у нашихъ ногъ окаменѣвшими волнами, уходившими пѣв

глазъ; ея лѣсные хребты переливали серебристымъ туманомъ, и кромѣ этого моря горъ да синяго, звѣздного неба крымской ночи, мы не видали ничего. Бѣлые утесы Чучелы и чернѣвшія на нихъ живописныя фигуры притаившихся охотниковъ, бросавшія странныя тѣни, составляли поразительный первый планъ для этой заоблачной картины.

Вдругъ, напротивъ насть, въ одномъ изъ лѣсныхъ ущелій Бабугана, загудѣлъ какой-то богатырскій рогъ. Все слышнѣе и шире разливались его воинственные звуки, подхватываемые въ иѣсколько пріемовъ эхомъ горныхъ пропастей. Въ холодномъ, рѣдкомъ воздухѣ заоблачнаго царства раскаты этого волшебнаго рога раздавались какъ удары грома. Это ревѣлъ олень. Въ ревѣ его тяжелое густое мычаніе быка смѣшивается съ угрожающимъ рыканіемъ дикаго звѣря. Не успѣли стихнуть раскаты этого рева, какъ, совершенно въ другой сторонѣ, изъ пропастей, окружающихъ пирамиду Черной Горы, ему отвѣтилъ другой ревъ, такой же бѣшеный, такой же громовый. Не понимаю, откуда брались эти могучіе львиные звуки у кроткаго звѣря, который пріучилъ насть только любоваться своею красотою и статностью. Къ двумъ голосамъ скоро присоединился третій, еще и еще... Каждое ущелье отозвалось на вызовъ, вездѣ сказали себя его рогатые обитатели. Казалось, какой-нибудь грозный властитель лѣсныхъ дебрей вызывалъ на бой противниковъ-сосѣдей, и они отвѣчали ему изъ своихъ замковъ угрожающими звуками боеваго рога. Вотъ звуки эти сходятся все ближе; самцы-соперники почュяли другъ друга и пошли на роковой поединокъ. Лѣсь трещитъ такъ близко вокругъ насть, мѣрные шаги копытъ раздаются такъ явственно, что многие изъ насть, позабывъ осторожность, приподымаются выслѣживать звѣря; онъ появляется иногда на открытыхъ мѣстахъ и вырѣзается на фонѣ

мѣсячнаго неба; тогда бываетъ возможно попробовать счастья. Шаги стихли; олень почуялъ настѣ и остановился. Намъ не удалось видѣть на пикѣ утеса его живаго изваянія. Олень статъ ломиться въ другую сторону, и шаги его врага повернули къ нему. Ревъ, затихшій па нѣсколько минутъ, вдругъ раздался неистовый, оглушающій. Рогачи увидѣли другъ друга. Мы ясно слышали стукъ вѣтвистыхъ роговъ, сѣпившихся вмѣстѣ, бѣшеное мычанье, трескъ ломающіхся кругомъ сучьевъ и немолчный топотъ передвигающіхся ногъ. То начался поединокъ.

Всю ночь до свѣта продолжался оленій концертъ. Онъ убаюкивалъ настѣ на нашихъ ложахъ изъ сухаго листа, вокругъ разложеннаго костра.

Бекиръ, въ своемъ татарскомъ упорствѣ, затащилъ настѣ понапрасну на такую высоту, что теперь приходится спускаться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Спускаться въ Савлухъ-Су, который вы видите обыкновенно подъ облаками и даже за облаками, къ которому до сихъ поръ всѣмъ приходилось подниматься, и подниматься съ большимъ трудомъ! Послѣдній спускъ — какая-то адская воронка. Если мы не сломаемъ головы, то это будетъ большое чудо. У самыхъ хладнокровныхъ захватываетъ духъ, при взглядѣ на страшную кручу, по откосу которой мы должны спускаться, винтовою линіею, внизъ. Отъ проливныхъ дождей лѣсной черноземъ ползетъ подъ копытами, и на каждомъ шагу поваленные деревья преграждаютъ нашу тропу. Попробовали спѣшиться, чтобы голова не такъ кружилась и летѣть внизъ было легче. Но только мы двое имѣли настолько силы и привычки, чтобы кое-какъ двигаться по ползучей почвѣ горы. Остальные попадали съ первыхъ же шаговъ и, волей-неволей, вскарабкались опять

на несчастныхъ лошадей. Страшнѣе и жалче всего было смотрѣть на нашу бѣдную амазонку, которая сидѣла, бѣлая какъ платокъ, недвижимая и безмолвная, будто окаменѣвшая на своемъ сѣдлѣ. Умная лошадь ея потеряла всякую надежду на свои ноги и, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, просто скользила на своихъ плоскихъ подковахъ, какъ на салазкахъ, собравъ почти вмѣстѣ всѣ четыре ноги свои. У насъ, слѣдовавшихъ за нею, сердце замирало отъ страха при этихъ рискованныхъ глисадахъ. Какъ нарочно, совсѣмъ стемнѣло, и минуты казались часами. Все глубже и уже дѣлается страшная воронка, все темнѣе въ лѣсу, кругомъ насть, все беззначеніе дѣлается на душѣ. Но никто не произносить слова, не слышно ни одной укоризны Бекирѣ или чабаненкѣ; всѣ мысли и чувства устремлены на эту черную пасть, которая поглощала насть. Внизу, на днѣ воронки, сверкнули, сквозь чащу лѣса, красные огоньки.

— Савлухъ-Су! пришли! — не своимъ голосомъ вскричали Бекирѣ.

Козьмодемьянскій монастырь лѣпится по террасамъ крутой горы, вокругъ источника св. Козьмы и Демьяна, который татары называютъ Савлухъ-Су. Въ монастырѣ уже спали, и только въ кельѣ настоятеля былъ огонь. Мы потому спѣшили попасть въ Савлухъ-Су въ этотъ день, что 1 іюля былъ храмовой праздникъ монастыря, и можно было разсчитывать, что, по случаю прилива богомольцевъ, въ монастырѣ можно будетъ побѣсти и отдохнуть. Обыкновенно же въ этомъ заоблачномъ скитѣ трудно найти что-нибудь, кроме кружки молока. Въ этомъ возвышенномъ горномъ поясѣ невозможно воздѣлывать даже огородныя овощи; а зимою снѣгѣ до такой степени заносятъ монастырекъ и всѣ подступы къ нему, что иногда по нѣсколько недѣль онъ остается безъ сообщеній съ міромъ, погребенный подъ сугро-

бами. Когда жители соседнихъ долинъ замѣтятъ, что уже давно не проѣзжаетъ изъ скита верховой монахъ за покупками въ городъ, поднимается тревога, и идуть съ лопатами откалывать монастырь, освѣдомляться, цѣль-ли онъ.

Наши надежды были совершенно разрушены. Настоятель объявилъ, что богомольцы разошлись скоро послѣ обѣдни, что не осталось никакой провизіи, и что врядъ ли мы захотимъ ночевать въ монастырской гостиницѣ, въ которой нижній этажъ залитъ водою, а верхній почти не от��ланъ. Настоятель предлагалъ намъ свою маленькую келію, пропитанную запахомъ свѣчей, постного масла и какихъ-то сухихъ травъ; но самъ же предупредилъ, что въ ней страшное множество насѣкомыхъ. Мы рѣшились помѣститься въ сырой, непріютной гостинице. Попросили сѣна на постели и лошадямъ. Сѣна не было, ячменя и овса тоже не было. Голыя узкія лавки были единственнымъ ложемъ для насть. Нельзя ли чего-нибудь сварить? — Сварить нечего, да и поваръ-монахъ спить давно, монахи очень утомились за праздникъ. Кое-какъ раздули самоваръ. Со-грѣться необходимо, всѣ промокли насѣквоздь. Плащи, бурки — хоть выжми. На чёмъ спать, чѣмъ укрыться? Наконецъ появились человѣка три сонныхъ монаховъ. Поваръ взялся готовить кое-что изъ бывшей съ нами провизіи, и заставилъ насъ надѣяться и вѣрить въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ часовъ. Но когда онъ принесъ то, что называлъ супомъ и макаронами, мы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ и своей вѣры. Почтенный инокъ судилъ о нашемъ вкусѣ по своему собственному, и обратилъ и супъ, и макароны въ кашицу изъ лука. Какъ ни спленъ былъ голодъ, мы поблагодарили монастырскаго артиста и возвратили ему непочатыми его вонючія блюда.

Другіе монахи, видя наше затрудненіе насчетъ по-

стелей, безъ дальнихъ думъ и церемоній разоблачились изъ своихъ ваточныхъ рясъ и разложили ихъ по лавкамъ, вмѣсто тюфяковъ; сами они остались въ одномъ бѣльѣ, нимало не конфузясь, какъ и подобало отшельникамъ, умерщвляющимъ земныя страсти. Кос-какъ замаскировали чистыми простынями подозрительныя одежды черноризцевъ, кое-какъ размѣстились на своихъ прокрустовыхъ ложахъ; веселый хохотъ обуялъ всю компанію, и неистощимыя остроты насчетъ нашего комического положенія посыпались отъ насть же самихъ. Но спать было рѣшительно нельзя. Миріады насѣко-мыхъ кишаили, на насть, на лавкахъ, на стѣнахъ. Всякий изъ насть испытывалъ страданія Гуллівера, аттакованного стрѣлами лилипутовъ. Малодушный человѣкъ пришелъ бы въ совершенное отчаяніе отъ этого гнуснаго мучительства.

Всѣ прелести Козьмодемьянскаго скита были потеряны для насть послѣ такой ночи. Утро было, къ тому же, сырое, вѣтреное. Облака едва расположились, и никакой перспективы не было видно изъ-за этихъ колыхавшихъ темныхъ лѣсовъ. Мы все-таки рѣшились познакомиться со Святымъ ключемъ, и храбрецы опустились въ его 4-хградусную воду. Холодъ невыносимый; едва выскочили. Хорошо еще, что пришлось сейчасъ же подниматься на крутизны самого возвышенаго изъ всѣхъ пунктовъ Яйлы — на Бабуганъ-Яйлу, составляющую крайній уголъ хребта Яйлы съ востока. Этотъ многочасовой подъемъ согрѣть не однѣхъ лошадей. На Бабуганѣ едва не попались въ гущу облаковъ. Сдѣлалось вдругъ бѣло и непрозрачно, словно мы влѣзли въ кубанъ молока. Бекиръ сильно струсилъ, но, къ счастью нашему, вѣтеръ пронесъ облака вдоль по хребту. Мы въ эту минуту были какъ-разъ на южномъ краю хребта, готовые начать спускъ. Когда клубы облаковъ вдругъ смахнулись, какъ ненужная декорація

на сценѣ театра, у нашихъ ногъ, глубоко внизу, широкимъ и далекимъ горизонтомъ, неожиданно улыбнулось намъ море такой яркой и веселой лазури, какую рѣдко приходится видѣть. Южный берегъ лежалъ у нашихъ ногъ съ своими бѣлыми домиками и стройными кипарисами, со всею роскошью своихъ красокъ и очертаний. Онъ казался вдвое милѣе, вдвое дороже, послѣ нѣсколькихъ сутокъ разлуки, какъ кажется милѣе и дороже по возвращеніи красота любимой женщины, ненадолго покинутой.

Мы стали спускаться. Теплый воздухъ, насыщенный ароматами южныхъ травъ, вѣялъ намъ въ лицо. Сердце чувствовало, что оно вступало въ иной, лучший міръ, гдѣ солнце жарче, гдѣ краски ярче, плодъ сладче, воздухъ нѣжнѣе и душистѣе, жизнь счастливѣе. Этотъ переходъ отъ горъ къ южному берегу всегда поразителенъ. Словно, перѣхавъ извѣстную черту, вы отворили дверь спертої комнаты и вышли на свѣжий воздухъ, въ широкій міръ Божій.

Какъ по ступенямъ, съѣзжали мы изъ одного горнаго пояса въ другой, и новыя поселенія, новыя перспективы открывались кругомъ. Глазъ съ наслажденіемъ слѣдилъ за развертывавшимися вдали линіями берега, за этими давно знакомыми мысами и заливчиками, у которыхъ кончался нашъ путь. Мы поздно съѣхали на южно-бережское шоссе и дали себѣ вздохнуть въ веселой скачкѣ по его гладкому полотну. Было уже совсѣмъ темно, когда роскошный паркъ Никитского сада принялъ насъ подъ фантастическая сѣни своихъ тропическихъ деревьевъ, въ ароматную атмосферу своихъ теплицъ и цвѣтниковъ, наполненную журчаньемъ фонтановъ.

Вотъ сперкнули сквозь магарачскій лѣсъ огоньки нашей дачи, притаившейся у сиящаго моря. Копыта звучатъ по камнямъ морскаго берега... Бѣлая женская

фигура вырѣзается среди кипарисовъ, заслоняющихъ освѣщенный балконъ.

Хорошо странствовать по глухимъ лѣснымъ оврагамъ, терпя лишенія и труды, наслаждаясь привольною жизнью горца и изслѣдуя тайны погибшихъ временъ; но еще отраднѣе, послѣ своей семидневной Одиссеи, завидѣть наконецъ огонь роднаго очага...

СЪ ЮЖНАГО БЕРЕГА.

(Путевые письма).

Новороссія. — Коммерческое хозяйство и романтическое хозяйство. — Новые элементы въ нашихъ окраинахъ. — Экзажемъ самому себѣ. — Крымская лошадь. — Ступить въ новомъ зилѣ. — Академія художниковъ въ Крыму и на Невѣ. — Пустынники Кастаси. — Цивилизация природы. — Английское хозяйство въ настоящемъ и будущемъ. — Что такое для Россіи южный берегъ. — Ёлга, какъ модный центръ. — Перипетія английскихъ генералъ. — Горе масодумскому. — Бульварная цивилизациѣ. — «Бекиръ маленький» въ его исторії. — Гагаринъ домъ. — Крымскія лауреатки. — Абсолютное требованіе. — По дорогѣ въ Ад-Петри.

ончились стѣны хлѣбовъ, поля перестали щетиниться, будто частыми батареями, рядами тяжелорѣсныхъ коненъ...

Повалила, разстилаясь кругомъ скатертью, сплошная степь съ одинокими курганами, съ стадами овецъ... Началась Новороссія...

Чтó-то жуткое и непріютное для жителя многолюдной, тѣсно застроенной чисто-русской стороны въ этихъ бурыхъ и голыхъ степяхъ Новороссіи, выжаренныхъ солнцемъ.

Надвигающаяся осень глядитъ въ нихъ рѣзче и неумолимѣе, чѣмъ въ нашихъ родныхъ гнѣздахъ, полныхъ садовъ, рощъ и скирдовъ свѣжаго хлѣба...

Вѣтеръ стоняетъ въ пустынныя балки дымки пыли и гуляетъ себѣ въ одиночку въ безбрежномъ пространствѣ... Овцы, овцы да овцы... только и видно...

Нужно много сердечной прозы, чтобы спокойно прозябать въ этой странѣ бурьяновъ и овецъ... Вонъ къ балочкѣ прибилась помѣщицья «экономія», что-то безконечно-грустное, безотрадное. Ярко окрашенный домъ съ колоннадою не высится передъ рядами избъ, весело вырѣзаясь на густомъ фонѣ своихъ садовъ и, вмѣстѣ съ такою же, яркою церковью, весело отражаясь въ водахъ пруда... Нѣтъ, это не наша русская дворянская усадьба, съ хоромами и флагелями — это, дѣйствительно, «экономія». Низкий и длинный домъ прилегъ къ землѣ, боясь высунуть голову степнымъ вѣтрамъ. Низенькия и длинныя кошары, половни, сарап, облегли его безцеремоннымъ и тѣснымъ кольцомъ. Ни одного дерева, ни шума, ни движенія... Словно тутъ все выжжено и оголено, какъ на степной пустынѣ... Сейчасъ видишь, что здѣсь не кипитъ жизнь сама по себѣ и сама для себя, что здѣсь на первомъ планѣ не удобство и наслажденіе человѣка, а терпѣливая охрана, настойчивое и безмолвное выжиданіе своей корысти.

Тутъ на первомъ планѣ овцы, тутъ весь человѣкъ для овецъ. Даже жилище человѣка здѣсь смотрить овечьею кошарою; все соображено здѣсь съ интересами овецъ, все проникнуто ихъ вкусами и характеромъ. Конечно, эти новороссійскія хозяйства зачастую могутъ посмѣяться надъ нашими курскими хозяйствами. Вонъ посмотрите, прямо среди степи, на голомъ бугрѣ, дымитъ и грохочетъ паровая молотилка. Она обсыпала себя соломою, которой никто не прибираетъ, которая никому не нужна, обсыпала горами зерна, на которыхъ разинули бы ротъ въ нашихъ маленькихъ старыхъ хозяйствахъ.

Здѣсь все въ громадныхъ размѣрахъ: степи, посѣвы, стада, капиталы, барышы, убытки. Это настоящее коммерческое хозяйство, которое не знаеть никакого романтизма, не стѣсняется никакими предразсудками, которое смѣло хватаетъ машину изъ Америки, продаєтъ шерсть въ Англію, слѣдить за биржевыми бюллетенями и, вмѣсто какого-нибудь кулака Силая Лаптева, знается прямо съ морскими портами, съ агентурами марсельскихъ и ливерпульскихъ фирмъ. Такому капиталистическому хозяйству не до пейзажей, не до пріятнаго сосѣдства, не до романтическихъ преданій старинныхъ дворянскихъ хоромъ...

Величина процента и быстрота оборота объясняютъ здѣсь все. Тутъ все ново, все на минуту, тутъ ничто не связано ничѣмъ. Сего дня заварилось дѣло, завтра оказалось невыгодно, послѣ завтра оно бросается, и безъ сожалѣнія и колебаний разрывается связь съ прошлымъ; тутъ прошлаго нѣтъ, тутъ только одно настоящее. Сегодня тысячи работниковъ, набравшихся съ разныхъ мѣстъ Россіи; завтра ихъ уже нѣтъ, какъ не было вчера. Никто не знаетъ ихъ имени, никого и они тутъ не хотятъ знать. Получить въ субботу поденный разсчетъ, и оба квиты, хозяинъ и работникъ. Я не былъ въ преріяхъ западныхъ штатовъ Америки, но, проѣзжая Новороссію, я постоянно вспоминаю то, что слыхалъ о западныхъ штатахъ. Тотъ же безграницный просторъ, тѣ же безпредѣльныя перспективы въ будущее, то же грабительское торопливоѣ хозяйство капиталовъ, дававшихся предпріятіями для быстрой наживы, тѣ же принципы дѣлѣзкаго риска и неутомимой энергіи, тотъ же типъ людей холоднаго, торгового разсчета, разорвавшихъ со всякими наслѣдственными сантиментальностями. Таковы всегда свойства богатства *in statu nascenti*, какъ выражаются химики.

Оно здѣсь растетъ гомерически и рушится гомери-

чески; оно не знаетъ ни мелочей, ни полумѣръ. И, конечно, жалкимъ и бѣднымъ должно ему казаться наше кропотливое ухаживаніе за своими родовыми дворянскими гнѣздаами, наша убыточная возня съ какимъ-нибудь запущеннымъ садомъ, насаженнымъ старою бабушкою, наше идиллическое отношеніе къ пруду или аллѣѣ, съ которыми связаны самыя свѣтлыя страницы нашей юности и которые мы не соглашаемся продать, въ очевидное разореніе себѣ, за самую выгодную цѣну. Какой-нибудь старичекъ-буфетчикъ, полный преданій фамилии и доживающей свой вѣкъ въ барскомъ углу, на барской мѣсячинѣ, какъ всѣ вообще романтическія отношенія старого помѣщичества къ старому крестьянству, покажутся отрывками такого отжившаго и глупаго міра этимъ самоувѣреннымъ хозяевамъ новаго закала, знающимъ только свой хозяйственный балансъ и вѣрующимъ только въ него.

Да, тянетъ отсюда чѣмъ-то непріятнымъ и непривычнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, тянетъ ростомъ и сплою. Сюда, и никуда болыше, суждено разростаться въ будущемъ нашей широкой и неустроенной отчины. Чего не заведешь, чего не добудешь здѣсь, въ этомъ краѣ непочатаго богатства, въ которомъ помѣстится населеніе пол-Европы, въ этомъ громадномъ паровомъ клину нашей русской земли, заготовленномъ исторіей плодотворнаго будущаго. Велика еще спла народа, у котораго есть въ запасѣ такие нетронутые пары, и недаромъ такъ тревожно смотритъ на тугой ростъ этого народа-юноши старая Европа, изжившая все, что ей можно было изжить, выпахавшая въ золу послѣдний вершокъ своей духовной и физической почвы.

Желѣзная дорога съ ея блестящими вокзалами, французскою кухнею, ми-голубиною толпою, со всѣмъ своимъ шумомъ и движеніемъ—такая же фальшивая декорація, загораживающая пустыню, какъ и тѣ декора-

ци деревни, декорации празднества, которыми отводилъ глаза отъ безлюдья роскошной императрицѣ ея роскошный князь Тавриды. Да, это еще настоящая пустыня, ужасающая, безотрадная. Смущенному духу хочется разувѣрить себя, хочется опереться на кого-нибудь въ этомъ безлюдѣ. Есть ли тутъ въ полѣ живъ человѣкъ? Хочется крикнуть, какъ въ старой сказкѣ, въ отвѣтъ этому безконечному молчанию, въ отвѣтъ этимъ безпредѣльнымъ далямъ...

Симферополь изъ старинной татарской деревушки Акмечеть (бѣлая церковь) превратился теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ настоящій европейскій городокъ. Онъ производитъ милое впечатлѣніе своими бѣленькими, чистенькими домиками, своими тополевыми аллеями, своими зелеными садами, а главное, своею зеленою холмистою степью, на которой этотъ опрятный бѣлокаменный городокъ стоитъ, какъ на хорошенькомъ блудцѣ, вырѣзаясь на заманчивой синевѣ южныхъ горъ. Татарскій кварталъ Симферополя забился теперь совсѣмъ въ глушь и татарскій элементъ его населенія сталъ замѣтенъ гораздо менѣе, чѣмъ это было еще нѣсколько лѣтъ назадъ. Магазины, дома, учебныя заведенія разрослись сильно. Уже многихъ мѣстностей узнать нельзя послѣ девяти лѣтъ отсутствія.

Не доехавъ городской заставы, за рѣшеткою только что разбитаго садика, стоитъ большой и красивый домъ, который я еще помню въ развалинахъ. Этотъ домъ теперь сосредоточивается въ себѣ нѣсколько разнородныхъ учрежденій, проникнутыхъ потребностями и духомъ новой цивилизациі. Наши окраины какъ-то вообще смѣлѣе, оригинальнѣе и разнообразнѣе въ премахъ своей внутренней жизни, чѣмъ внутренность Россіи, слишкомъ уже застывшая въ выработанныхъ ею формахъ. Одинъ изъ крымскихъ старожиловъ, докторъ Арендтъ, устроилъ въ особомъ отдѣленіи этого дома

лечебницу сгущеннымъ воздухомъ для грудныхъ больныхъ, прѣезжающихъ въ Крымъ, и при ней лечение кумысомъ. Главный же домъ занятъ прекрасно устроеннымъ «дѣтскимъ садомъ» г-жи Арендтъ. Садъ этотъ уже состоитъ изъ четырехъ разныхъ возрастовъ и подготавляетъ дѣтей обоего пола въ гимназию тѣмъ живымъ и развивающимъ путемъ наглядности, разнообразия, интереса, противъ котораго, къ прискорбию, такъ возстаетъ официальная педагогія послѣдняго времени. Заведеніе г-жи Арендтъ обильно снабжено самыми лучшими пособіями наглядного обученія, особенно же естественно-историческими коллекціями. Весело смотрѣть на это свѣтлое и обширное помѣщеніе, обставленное въ каждомъ углу поучительными и любопытными для ребенка предметами, среди которыхъ онъ, играючи, научится многому, не хороня своего дѣтства въ мрачныхъ черныхъ скамейкахъ, съ которыхъ не смѣешь сдвинуться, не убивая своего здоровья зубренiemъ противныхъ и непонятныхъ вещей, не отучаясь отъ се мейной ласки, отъ домашняго веселья, отъ домашнихъ игръ. При заведеніи находится садъ и дворикъ съ гимнастикою. Садъ — тоже замѣчательность своего рода. Это первый мѣстный опытъ карликовыхъ садовъ. 2,000 французскихъ грушъ и яблонь самыхъ дорогихъ сортовъ воспитываются докторомъ Арендтомъ въ формѣ урны, ростомъ не выше $1\frac{1}{2}$ арш. каждое. Саду всего пять лѣтъ, но уже на крошечныхъ деревьяхъ висятъ дюшессы, бёри, кальвили и ранеты изумляющей величины и красоты. При этомъ способѣ воспитанія, небольшое пространство, засаженное деревьями, можетъ дать огромный доходъ, такъ какъ цѣна этихъ нѣжныхъ сортовъ уже теперь на мѣстѣ достигаетъ до 10 руб. за пудъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ 2,000 деревцевъ могутъ давать по пуду каждое. Дай Богъ, чтобы эти рѣдкія у насъ попытки предпріимчивыхъ людей находили

больше подражанія и чтобы съ ихъ помощью входила къ намъ больше и бѣльше хотя бы материальная цивилизациѣ Европы! Пора-бы, въ самомъ дѣлѣ, смекнуть русскому человѣку, что не одному нѣццу подъ силу извлечь изъ природы все, что она можетъ и должна ему дать, что не боги горшки лѣпятъ.

Десятый годъ какъ я не выдалъ Крыма. Десять лѣтъ—цѣлый вѣкъ въ нашу эпоху торопливой, вѣчно ищущей, вѣчно мѣняющейся жизни. Я чувствовалъ, что иду на экзаменъ своего рода, экзаменъ передъ собственнымъ неподкупнымъ сознаніемъ, болѣе страшный, чѣмъ были экзамены дѣтства, потому что тутъ ужъ не можетъ быть ни передержки, ни исправленія. Чѣмъ сталъ я въ эти десять лѣтъ! Остыла ли, подъ изсушающимъ гнетомъ житейскихъ заботъ и разочарованій опыта, та трепетная впечатлительность сердца, которая когда-то вливала въ себя восторги Крыма, радостно захлебываясь ими, какъ захлебываются юадные губы ребенка, присоединяющія къ переполненнымъ сосцамъ кормящей груди? Придавила ли меня чугунная пята лѣтъ настолько, что уже скучною, старческою прозою покажется былая поэзія, былая красота? И вотъ, коляска, покойно покачиваясь, выносить меня изъ предмѣстій Симферополя туда, на знакомый югъ, по знакомой дорогѣ, и сердце вдругъ встрепенулось крыльями, какъ проснувшаяся птица, и сразу сказало мнѣ, что ничего еще не погибло, что еще жива прежняя жизнь, прежняя радость впечатлѣнія, прежняя жадность впечатлѣній.

Симферополь за мною; передо мною мой Крымъ... Унылое однообразіе дорогъ и степи кончились. Развертываются, чаруя воспоминаніями, волнуя надеждами, какъ листки чуднаго, вѣчно новаго альбома, красоты крымскихъ долинъ и предгорій, потомъ красоты крымскихъ лѣсовъ и горъ, вознося мое наслажденіе, вмѣстѣ съ движеніемъ экипажа, все выше и выше, до того

подоблачного перевала, где вдругъ разомъ, словно распахивается завѣса алтаря, опущенная на таинственное святилище, и у вашихъ ногъ открывается, въ непримыкномъ охватѣ, вся торжествующая, красота южнаго моря, съ обставшими его великанами горъ.

Мы перѣхали Таушанбазарскій перевалъ и висимъ теперь, будто на крыльяхъ орла, надъ долиною Алушты, надъ ея сказочными тополями, воспѣтыми Пушкинымъ, надъ гнѣздомъ ея татарскихъ саклей.

Шоссе и лошади южнаго Крыма — это что-то удивительное, чего не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ. На шоссе нѣтъ никогда ни одного толчка, ни одной выбоины — оно гладко и мягко, какъ поль. Вы забираетесь по этому шоссе почти на самый Чатырдагъ и, между тѣмъ, почти не чувствуете подъема — такъ разумно и щедро устроены безчисленные извороты дороги, улиткою обнимающіе каждый выступъ горы. Новая дорога изъ Симферополя въ Алушту особенно поражаетъ этимъ удобствомъ. Но еще поразительне лошади. Четверия несла въ гору нашу тяжелую коляску, съ множествомъ багажа, хорошою рысью на продолженіи нѣсколькихъ верстъ. Рысью очутились мы на перевалѣ Таушанбазара, какъ впослѣдствіи на перевалѣ Ламбатскомъ и на всѣхъ, безъ исключенія, горныхъ подъемахъ южно-бережскаго шоссе. А между тѣмъ, когда снизу глянешь, на какой одуряющей высотѣ пдуть телеграфные столбы, провожающіе шоссе, — отказываешься вѣрить, что туда можно вскарабкаться кому-нибудь, кроме козы. Точно то-же со спусками. Тутъ не тормозятъ, не спускаютъ, какъ у насъ, на возжахъ. Привычный ямщикъ ловко и смѣло разгоняетъ подъ гору привычныхъ крѣпконогихъ лошадей; и вы несетеся въ каретахъ, въ коляскахъ, на перекладныхъ, словно зимою въ салазкахъ съ англійской горки. Только духъ немножко захватываетъ, когда слѣдишь первое

время за открывающимися сбоку пропастями, еще не привыкнувъ вполнѣ довѣряться этому головоломному риску.

Извороты дороги часто круты и коротки, какъ кольцо свернувшейся змѣи, и нужна непостижимая сила и ловкость крымскихъ лошадей, чтобы успѣвать на всемъ раскатѣ тяжелыхъ экипажей во-время заворачивать то направо, то налево, слетая въ эту бездонную воронку. За то же весело и скоро Ѷздится по такимъ шоссе, на такихъ лошадяхъ!

Южный берегъ положительно заселяется, разрабатывается, цивилизуется. Это бросается въ глаза черезъ десятилѣтній антрактъ. Алушта, еще надняхъ глухая, еле посѣщаемая деревушка, настойчиво превращается въ своего рода «станцію здоровья», которыми славится Швейцарія, Италия, югъ Франціи.

Множество новыхъ дачъ распространило ее далеко въ долины и по склонамъ горъ. Явились уже четыре гостиницы, хотя далеко не важныя, а десять лѣтъ назадъ не было ни одной. Уже татарская деревня, недавно составлявшая всю Алушту, теперь начинаетъ называться татарскою частью и серьезно заграждается европейской Алуштой. Изъ Алушты въ Судакъ, вдоль морского берега, проводится шоссе, потребность въ которомъ существовала слишкомъ давно. Даже слѣды разбитой пристани показываютъ, что были попытки связать Алушту съ рейсами пароходовъ. Этому обстоятельству нельзя достаточно надивиться. Совершенно непростительная и невсеможная вещь оставить безъ водного сообщенія такой серьезный центръ южно-бережской жизни, какъ Алушта. Алушта — естественная пристань цѣлой сѣти населенныхъ долинъ и предгорий. Алушта — своего рода центръ винодѣлія и садоводства цѣлаго района. На какомъ-нибудь Женевскомъ озерѣ нѣтъ деревушки изъ пяти домиковъ, къ которой не

приставалъ бы каждый изъ множества пароходовъ, безпрерывно пересѣкающихъ озеро, каждый изъ желѣзодорожныхъ поѣздовъ, то и дѣло сиующіхъ по берегу. У насъ же, вотъ сколько лѣтъ, оставляютъ безъ вниманія самыя серьезныя пристани южнаго берега. Наше привилегированное общество черноморскаго пароходства, наживающее черезъ казенныя субсидіи и свою непонятную монополію сотни миллионовъ, не расщедрится до сихъ поръ на устройство пристаней и на ничтожныя дополненія своихъ рейсовъ въ наиболѣе посѣщаемыя мѣста южнаго берега. Его пароходы не заходятъ срочно ни въ Балаклаву, ни въ Алушту, ни въ Гурзуфъ, ни въ Алушту, ни въ Судакъ. Даже въ Ялту, въ самый развалъ сезона, они заходятъ только два раза въ недѣлю, къ великому стѣсненію публики и торговли. Іѣть сомнѣнія, что съ устройствомъ пристаней и правильныхъ рейсовъ, промышленность такихъ мѣстныхъ центровъ, какъ Алушта, возвысила бы значительно, и въ нихъ явилась бы возможность вполнѣ удобной жизни не только для массы туристовъ, теперь поневолѣ обѣгающихъ эти глухія мѣста, но и для множества лицъ, которые стали бы охотно приобрѣтать земли въ окрестностяхъ подобнаго центра. Въ настоящее время нужно особенно много спартанскихъ вкусовъ и стоицизма своего рода, чтобы рискнуть поселиться въ мѣстности, почти лишенной сообщенія съ торговымъ рынкомъ, не смотря на всю привлекательность этой мѣстности въ другихъ отношеніяхъ.

Впрочемъ, Алушта развила въ себѣ кое-какую мелкую торговлю, такъ что самыя насущныя потребности еще могутъ быть удовлетворены.

Но движение Алушты, какъ и вообще всего южнаго берега, впередъ больше всего замѣтно изъ повышенія цѣнъ на землю, газрастающихъ въ ужасающемъ размѣрѣ.

Около пустынной горы Кастели, разобщенной со всемъ міромъ, десятина каменистой земли съ мелкимъ и рѣдкимъ лѣскомъ — вообще «дикой» земли — продавалась на-дняхъ по 500 руб.

Въ Алуштѣ она продается уже на сажени, какъ въ Ялтѣ и ея окрестностяхъ. А посаженная цѣна ялтинской земли поистинѣ замѣчательна: въ предѣлахъ города почти нѣть клочка дешевле 10 руб., что составляетъ 24,000 руб. за одну десятину: земли лучшее достигаютъ 12 — 15 руб. т. е. 36,000 руб. за одну десятину.

Недостатокъ помѣщенія загналъ нась въ такъ называемую базарную гостиницу, которая, впрочемъ, не хуже другихъ. Съ ея татарской галерейки, облитой цѣлую ночь сіяніемъ полной луны, видно и освѣщенное море, и великолѣпная громада Демерджи съ ея утесами-статуями, и вся мирная Алушта, тонущая въ тополяхъ, кипарисахъ и орѣхахъ. Весь этотъ видъ кажется еще очаровательнѣй оттого, что первый планъ занятъ патріархальною картиною настоящаго татарского базара, кочующими маражарами и волами, группами татаръ, прикурнувшими къ кострамъ, и татарскими неизѣйливыми лавчонками. Досужему художнику здѣсь не исчерпать характерныхъ типовъ, характерныхъ сценъ, эффектовъ освѣщенія и перспективы, какихъ нигдѣ не найдешь.

Войдетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, людямъ въ голову основывать академіи живописцевъ и скульпторовъ на берегахъ Невы! Въ ея болотной атмосфѣрѣ стынетъ всякая фантазія, а передъ ея населеніемъ въ черныхъ фракахъ или зипунахъ по пятки — карандашъ и кисть выпадаютъ изъ рукъ артиста. Крымъ не то. Въ Крымъ стоитъ вѣхать, — и рука, и глазъ, и сердце сейчасъ сами собою ищутъ изобразить красоту и типическую оригинальность всего, что кругомъ: крымскаго чело-

вѣка, крымскихъ горъ, крымскаго моря. Крымъ можетъ родить художниковъ. Петербургъ можетъ только убивать ихъ. Сюда, въ этотъ русскій край солнца, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, послать молодыхъ русскихъ художниковъ для воспитанія ихъ фантазіи, для живаго изученія природы. Я знаю многихъ нашихъ живописцевъ, которые заѣхали случайно въ Крымъ и потомъ уже не разставались съ нимъ... Художественная академія въ Ялтѣ, въ Севастополѣ, въ Феодосіи — это почти законъ природы, это разительная необходимости.

Недалеко отъ Алушты, въ глухихъ скалистыхъ береговъ, ютится пустынка, съ которой я началъ почти 15 лѣтъ назадъ свое первое знакомство съ крымскимъ моремъ, съ поэзіей южнаго берега.

Пустынка Чолменчи слѣдалась теперь разсадникомъ цѣлой своеобразной колоніи. Съ чувствомъ какой-то юношеской радости пробрался я верхомъ по тропинкамъ горъ въ знакомый и дорогой уголокъ. Своего старого друга, прежнюю владѣлицу Чолменчи, я уже нашелъ въ новомъ гнѣздѣ, окруженному цветами и зеленью.... Это авторъ извѣстнаго «Путеводителя по Крыму», одинъ изъ коренныхъ старожиловъ и знатоковъ Крыма. Меня поразила простота и поэтическая обстановка жизни этой оригинальной отшельницы южнаго берега. Она живетъ круглый годъ одна, съ своею родственницей, въ этой горной пустынѣ, прямо надъ волнами моря, прямо подъ сѣнью Кастели. Около нея только одна женщина да татаринъ да вѣрный пестъ, сопровождающій ее во всѣхъ ея походахъ. Еще недавно, несмотря на свои лѣта, эта мужественная женщина обѣзжала верхомъ окрестныя татарскія деревни, для помощи больнымъ. Татары давно и хорошо знаютъ ее, и ей безопасно жить среди нихъ даже одной. Она прожила среди татаръ крымскую кампанію, прожила эпоху

ихъ выселенія въ Турцію, прожила и постѣднюю войну. Тураецкіе броненосцы съ зловѣщимъ видомъ протягивались подъ самымъ берегомъ, но она оставалась, по-прежнему, среди татаръ и татары оставались кругомъ нея, попрежнему, мирные.

Отшельница Чолменчи до сихъ поръ совершаєтъ далекія поѣздки въ горы, для осмотра древнихъ памятниковъ и интересныхъ мѣстностей, для пополненія новыми данными своего «Путеводителя». Врачи давно пророчатъ ей самыя ужасныя вещи, давно осудили ее чутъ не на смерть; а она съ спокойною улыбкою, вотъ уже который годъ продолжаетъ копаться въ своемъ виноградникѣ, въ своихъ цвѣтникахъ; съ легкостью и проворствомъ юноши, ходитъ она пѣшкомъ по нѣсколько верстъ по горнымъ кручамъ и тропинкамъ, передъ которыми останавливаются многіе сильные мужчины.

Вокругъ ея домика цвѣты, рѣдкія деревья юга, широко обставшая красота моря и горъ. Войдите въ этотъ свѣтленькій пріютъ — вы встрѣчаете картину, рѣдкую книгу, рабочій кабинетъ цивилизованнаго, думающаго человѣка.

Рѣдко кто изъ насъ разрѣшилъ такъ просто и рѣшительно задачу жизни, рѣдко кто съумѣлъ отбросить отъ себя растлѣвающую пустоту житейскихъ мелочей и найти свое удовлетвореніе въ философской скромности быта, покоющагося на немногихъ крупныхъ и возвышенныхъ основахъ человѣческаго духа, въ которыхъ вся сущность человѣчности...

Отшельница Чолменчи пѣнила и другихъ своюю пустыньюкою. Мало-по-малу, къ ней, какъ къ патріарху Кастели, стянулись съ разныхъ концовъ люди, которые поняли прелестъ этого пустыннаго уголка и этой пустынной жизни. Два профессора харьковскаго университета основались у самаго подножія Чолменчи и пошли своимъ виноградниками долинки, его окружающей.

Старое гнѣзда Чолменчи перешло въ руки новой властелицы, которая не покидаетъ его ни зимою, ни лѣтомъ. Нѣсколько дальше, тѣсно къ скаламъ Кастелли, на террасѣ, глядящей въ море, возникла колонія еще четырехъ профессоровъ изъ разныхъ нашихъ университетовъ. Тамъ уже виднѣется цѣлый замокъ, тамъ уже проводятся удобныя дороги. Скалистая Кастель, полная таинственныхъ средневѣковыхъ легендъ, полная загадочныхъ развалинъ древности, становится, такимъ образомъ, уголкомъ цивилизаціи, первою ячейкою новаго поселенія, которое разрастется въ недалекомъ будущемъ.

Викторъ Гэнъ, въ своей превосходной книжѣ «Kulturpflanzen und Hausthiere», столько же ученой, сколько поэтической, справедливо возмущается противъ крайностей современного натуралиста, который стремится не только все въ природѣ, но и все въ исторіи объяснить одиними стихійными силами.

Культь разумной человѣческой склы, которымъ насквозь проникнуто замѣчательное произведение ученаго автора, существуетъ гораздо болѣе возвышающимъ и бодрящимъ образомъ. Прочасясь по капризнымъ извѣзкамъ крымскаго берега, я невольно вспомнилъ эти взгляды Гэна. Дѣйствительно, природа сама по себѣ, необлагороженная и несмягченная человѣкомъ, лишена многихъ условій наслажденія. Вотъ, напримѣръ, направо отъ меня дикия, однообразныя скалы, поросшія дикими и однообразными лѣсомъ, колючими, рогатыми, истрапанными и изломанными морскими вѣтрами. Не манитъ туда человѣка, и не отдыкаетъ тамъ его глазъ. Но оглянешься налево, туда, гдѣ горы сходять, словно капризными ступенями, къ волнамъ моря, куда сбѣгаютъ, расширяясь, долинки и логи, тамъ взгляду вашему какъ-то ласковѣе и привѣтливѣе. Съroe однообразіе камня, зеленое однообразіе лѣса тамъ такъ кстати

нарушается этими темными зонтиками кипарисовъ, толпящимся то дружинами пучками, будто хоръ черныхъ монаховъ, то длинными рядами, будто цѣль застрѣльщиковъ. Разнообразная зелень всѣхъ отѣнковъ, то свѣтлыхъ и нѣжныхъ платановъ, то голубовато-сѣдыхъ оливокъ, то яркихъ, словно подведенныхъ подъ блестящій лакъ, фотиній, лавровишенъ, магнолій, съ такою же разнообразною формою очертаній, сообщаеть пейзажу, къ которому прикоснулся вкусъ и трудъ человѣка, что-то особенно прелестное и особенно привлекательное. Вмѣстѣ съ бѣленыкими, хорошеныкими домиками, узорными рѣшеточками, клумбами цвѣтовъ, онъ производитъ впечатлѣніе чего-то болѣе понятнаго и болѣе дружелюбнаго человѣку. Стихійная природа, подъ вліяніемъ человѣческаго разума, словно сама нѣсколько одухотворяется и цивилизуется.

Безконечная будущность и безконечное богатство ожидаются впереди южный берегъ Крыма. Недаромъ Екатерина II видѣла въ Крыму лучшую жемчужину своей короны. Эти каменные холмы, террасы и скаты, эти лѣсныя долинки, наполняющія узкое пространство между цѣлью горъ и морскою отмелю — все это почва для безконечныхъ виноградниковъ, табачныхъ плантацій, дорогихъ садовъ... Отъ Алушты до Ялты съ одной стороны, отъ Ялты до Севастополя, съ другой — чуть не на 150 верстъ въ длину, южный берегъ долженъ обратиться въ сплошной виноградный садъ. Когда разработается дорога до Судака, до Теодосіи, новыя огромныя протяженія берега сплошь покроются виноградомъ. Теперь виноградъ только въ долинахъ и рѣдко гдѣ на склонахъ горъ. Площадь земли, обработанная заступомъ и киркою, пока только составляетъ ничтожную дробь всѣхъ этихъ спящихъ залежей будущаго обилія. Когда будешь по почтовой дорогѣ, то наглядно убѣждаешься, какъ рѣдки, мелки и случайны эти чутъ

замѣтные обрывки людскаго хозяйства, скучо разбросанные среди сплошныхъ, нетронутыхъ массъ холмовъ и горныхъ скатовъ... Когда виноградники займутъ не однѣ только влажныя впадины, не однѣ низины береговыхъ холмовъ, а поднимутся такъ высоко и разольются такъ широко, какъ они это сдѣлали вокругъ Женевскаго озера или по берегамъ Рейна, то Россіи ненужны болѣе будуть вина Германіи и Франціи. Россія напоитъ сама себя однимъ своимъ Крымомъ.

Но для этого нужны два главныхъ условія: прежде всего капиталы, а вмѣстѣ съ капиталами разумная система народнаго хозяйства. Только широкій, истинно-государственный и истинно-гражданскій взглядъ на потребности края могъ бы сообщить подотворный смыслъ и общность цѣли разнороднымъ мѣропріятіямъ. Такой взглядъ долженъ быть бы господствовать надъ отдѣльными интересами и, не увлекаясь ихъ частными цѣлями, стремиться къ одной своей главной цѣли.

Конечно, Крыму труднѣе всего будетъ дождаться такого руководящаго взгляда, такой направляющей руки. Мы не избалованы такими правителями, какимъ былъ, напримѣръ, хоть покойный князь Воронцовъ, давший Крыму первый толчекъ жизни.

Пока будутъ продолжаться системы непонятной монополіи, пока какое-нибудь общество пароходства будетъ оставаться государствомъ въ государствѣ, откровенно игнорируя вопіющіе интересы мѣстнаго хозяйства и получая зато казенные миллионы, пока мѣстные правители наши будутъ поглощены канцелярскими отписками вмѣсто живаго изученія края и живаго служенія его нуждамъ; пока земство будетъ заброшено, какъ Сандрильона дѣтской сказки, и оставлено безъ помощи и авторитета, спутанное по рукамъ и ногамъ, — до тѣхъ поръ трудно, конечно, ожидать сильнаго притока капиталовъ къ хозяйству южнаго бе-

рега. Стыдно сказать, что въ настоящее время, по спискамъ ялтинской земской управы, числится всѣхъ виноградниковъ въ уѣздѣ только около 1,200 десятинъ, между тѣмъ какъ всей земли въ уѣздѣ около 200,000 десят., а табачныхъ плантаций, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда исключительно кормятъ татаръ и грековъ, всего по спискамъ управы только 167 десят., то-есть, такое количество, которое подъ силу засѣять одному хорошему новороссийскому хозяину! Вообще обработанная земля въ Ялтинскомъ уѣздѣ (считая въ томъ числѣ и такъ называемые поливныя земли, нерѣдко занятыя сѣнокосомъ) составляетъ менѣе 10% всей удобной къ обработкѣ земли, обложенной земскими налогомъ. Такое отношеніе, конечно, поразительно и лучше всего указываетъ на ту будущность, которая можетъ ожидать ялтинское хозяйство при лучшихъ условіяхъ.

Точно также ничтоженъ средній доходъ ялтинскихъ земель, если судить по даннымъ земства. Всего внесено въ окладъ земель уѣзда 166,000 десятинъ. Общая доходность ихъ высчитана въ 300,000. Такимъ образомъ, десятина, круглымъ счетомъ, даетъ около 1 р. 80 к. А между тѣмъ, десятина хорошаго виноградника должна давать на южномъ берегу, считая среднимъ счетомъ 200 ведеръ вина съ десятины, цѣнностью по 2 р. 50 к. за ведро, не менѣе 500 рублей валового дохода. Сады южнаго Крыма точно также очень доходны сами по себѣ; получать за садъ 10,000 и 15,000 руб. годовой платы не рѣдкость для большихъ садовъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго и превосходно содер-жимаго сада г. Алексіано на Бельбекѣ. Изъ этого дѣ-лается ясно, какой страшный убытокъ несетъ край, вслѣдствіе ничтожнаго процента своихъ обработанныхъ земель по отношенію къ необработаннымъ, если подеся-тинный доходъ въ нѣсколько сотъ рублей переходить

черезъ это въ 1 р. 80 к. Предположивъ даже, что земству не было надобности опредѣлять дѣйствительную доходность земель и что она опредѣлена только сравнительно для равномѣрнаго обложенія разнаго рода имуществъ одинаковымъ 14% налогомъ съ дохода, все-таки нельзя не видѣть крайне ненормального положенія ялтинскаго хозяйства, которое, по цѣнности своихъ продуктовъ и по исключительнымъ свойствамъ климата своего, способно стать выше всѣхъ, безъ исключенія, хозяйствъ Россіи.

Приморская часть Ялтинскаго уѣзда, то-есть, такъ называемый, южный берегъ — это громадная теплица Россіи, въ которой горячее, южное солнце и влажныя испаренія южнаго моря, защищенные, какъ ширмою, подобличною стѣною горъ, выгоняютъ изъ крѣпко связанныхъ туковъ каменистой почвы всѣ тѣ произрастенія, которыхъ не можетъ дать наша холодная, открытая вѣтрамъ Русь, и въ которыхъ настаиваются, въ теченіе долгихъ крымскихъ жаровъ, душистость запаха, сладость соковъ, жирная густота масла. яркость красокъ, крѣпость и хмѣльность вкуса. Но Ялтинскій уѣздъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и громадная дача Россіи. Пожалуй, для такой безпредѣльно-широкой имперіи это даже не громадная, а скорѣе тѣсная дача... Отъ льдовъ сѣвера, отъ безпросвѣтнаго тумана своихъ лѣсовъ, отъ своихъ пыльныхъ и снѣжныхъ степей, отъ изсушающей прозы своихъ тесовыхъ городковъ, своихъ соломенныхъ деревень,— вся наша необъятная Русь только въ одномъ тѣсномъ уголкѣ, по одной береговой полосочкѣ, можетъ прильнуть губами къ теплу голубаго ласковаго моря, къ красотѣ и роскоши южной природы...

Люди станутъ же когда-нибудь образованѣе и разумнѣе. Они поймутъ всю несравненную прелестъ, всю поэзію отдыха въ виноградномъ саду, въ волнѣ

моря подъ сѣнью горъ. Они поймутъ необходимость этого отдыха отъ тягостей жизни, съ каждымъ днемъ безпощаднѣе придавливающихъ человѣка. Все счастливое, овладѣвшее какимъ-нибудь достаткомъ, кинется на южный берегъ, какъ на дачу, какъ на станцію здравья. Все разумное и скромное устремится туда для прочной осѣдлости, мѣняя охотно многія лживыя удобства на невознаградимыя ничѣмъ удобства здоровья, наслажденія, долголѣтія...

На южномъ берегу недостанетъ тогда мѣсть для всѣхъ желающихъ, и клочки земли его будутъ перебиваться на-расхватъ, какъ на аукціонѣ. Что это будетъ такъ и, быть можетъ, скоро будетъ, это доказывается опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ.

Ялта, напримѣръ, изъ ничтожнѣйшаго городка въ четыре десятины земли которому нѣгдѣ было построить даже начальную школу, нѣгдѣ было посадить кустика для гулянья, обратилась теперь въ довольно большой и красивый городъ, напоминающій модные центры европейскихъ туристовъ,—Ментону или Баденъ. Отъ одного конца ея до другаго уже нѣсколько верстъ. Уже дачи ея лѣпятся Богъ знаетъ на какой высотѣ, подъ самою стѣною Яйлы, въ далекихъ когда-то сосновыхъ-лѣсахъ. Четыре огромныя гостиницы, не считая мелкихъ, не считая разныхъ *chambres garnies*, замѣнили собою единственную плачевную таверну г. Собеза, въ которой когда-то тѣснились туристы.

Изъ этихъ гостиницъ, «Россія» устроена на широкую ногу образцовыхъ комфортабельныхъ гостиницъ Европы; она имѣетъ свой газъ, свои фонтаны, водопроводы подъ самую крышу. Она, и по прекрасному положенію своему, и по значенію для туристовъ, сдѣлалась естественнымъ центромъ всей Ялты. Около нея огромный тѣнистый садъ графа Мордвинова, который любезно предоставилъ его для публики и которымъ

можно дойти, не выходя изъ-подъ зеленыхъ шатровъ грецкаго оръха, до самаго Дерекоя, татарскаго селенія,сосѣдняго съ Ялтою. Около нея общественная купальня; около нея толпятся вѣренницами отборные извозчики Ялты, какими не всегда можетъ похвастать даже столица, съ прекрасными колясками, съ хорошенъкими *paniers* до Nice, легкими какъ настоящая корзиночка. Тутъ же близко и живописный фруктовый базаръ, телеграфъ, присутственныея мѣста, лучшія дачи Ялты.

Многочисленные балконы и галлерей «России» постоянно полны пестрою и нарядною толпою. Во время пребыванія царскаго двора въ Ливадіи, тутъ цѣлья асамблей генераловъ. Прежней наивной и бѣдной Ялты узнать нельзя. Кавалькады кавалеровъ и амазонокъ, экипажи съ модною публикою снуютъ на каждомъ шагу. Оркестры музыки гремятъ въ трехъ мѣстахъ чуть не каждый вечеръ. Откуда ни явились магазины, склады, всевозможные мастера... Всѣ дома и домишкы набиты до чердаковъ. За маленькую комнатку берутъ рублей 50 въ мѣсяцъ, рубля три въ день... Татарва блаженствуетъ... «Длинный Бэкиръ», худой, какъ жердь, этотъ давній и непрѣбѣгній путеводитель Ялты, безконечно гордящійся выпавшею ему честью провожать царскую фамилію, преважно, будто главнокомандующій, сознающій свое значеніе, расхаживаетъ передъ открытыми воротами двора, въ которомъ сидитъ на кочеткахъ цѣлая толпа подручныхъ ему проводниковъ-татаръ, стоятъ экипажи и лошади, въ ожиданіи выгодныхъ заказовъ.

Теперь ужъ не одинъ «длинный Бэкиръ» монополистомъ Ялты: молодой, румянопорожій Селяметъ, со-сѣдний богачъ-татаринъ, еще въ большемъ ходу. Ловкий малый выработалъ себѣ особенную специальность провожать верхомъ въ пустынныя лѣсныя прогулки одинокихъ барынь, ищущихъ эфесктиныхъ приключений,

и наживается на славу. Наши русскія барыни, повинніому, отыскиваютъ на южномъ берегу не одинъ виноградъ и не одно морское купанье...

Лошади и экипажи Ялты хороши, но не дешевы. Трехчасовая прогулка въ коляскѣ за городъ въ самыя ближнія и легкодоступныя окрестности, по шоссе, обходится рублей пять. Верховая лошадь на день стбить тоже рублей шесть. А между тѣмъ, только десять лѣтъ назадъ можно было въ той же Ялтѣ нанять верховую лошадь за рубль въ день.

Многочисленныя дачи Ялты премилой, преразнообразной архитектуры; онѣ полны цвѣтоў, рѣдкихъ кустовъ и деревьевъ; балкончики, рѣшеточки и всѣ укращенія ихъ въ чисто-южномъ, большою частью, итальянскомъ или турецкомъ вкусѣ. Зато цѣны этихъ дачъ возросли страшно. Маленький, хорошенъкий, какъ игрушечка, дамикъ, съ такимъ же миниатюрнымъ садикомъ, уже стоитъ 20,000—25,000 рублей. Тутъ разсчитывается каждый вершокъ. Многіе прежніе владѣльцы Ялты обогатились выгодною постройкою и продажею дачъ.

Я помню, что, еще во время моей крымской жизни, въ Ялту приѣхалъ одинъ бѣдный художникъ въ легкой поддевочкѣ, съ палитрою въ рукѣ, съ пустотою въ карманѣ. Лѣтъ десять назадъ, онъ купилъ у одного изъ богатыхъ старожиловъ Ялты небольшой пустырь около города за 3000 руб. Внесенные имъ въ задатокъ 300 рублей были заняты у пріятеля; остальные деньги оборотливый художникъ выручила изъ распродажи маленькихъ участковъ, прежде чѣмъ успѣли совершить купчью. Эта распродажа по саженямъ дешеваго пустыря, въ концѣ-концовъ, окончилась тѣмъ, что городъ Ялта украсился цѣлымъ новымъ кварталомъ прекрасныхъ дачъ, а находчивый художникъ имѣть, гово-

рять, въ настоящее время до 80,000 р. капитала и не сколько собственныхъ отличныхъ дачъ.

Другая давняя владѣлица Ялты распродала по маленькимъ участкамъ разныхъ пустынорожнихъ бугровъ и буераковъ, покрытыхъ словно битою черепицей, болѣе чѣмъ на 200,000 рублей, и теперь эти буераки обратились въ цвѣтущіе садики, въ смыющіяся виллы.

Впрочемъ дачи Ялты пока еще не окупаютъ своей стоимости постояннымъ доходомъ: ялтинскій сезонъ леченія моремъ и виноградомъ слишкомъ коротокъ для этого, а ялтинскія цѣны на прислугу, работы и материалы слишкомъ для этого высоки. Здѣсь самыя неважные кухарки и няньки получаютъ по 10-ти и 15 руб. въ мѣсяцъ; садовники, еле смыслящіе свое дѣло, по 25 руб. на своихъ харчахъ; здѣсь мѣшочекъ угля въ одну мѣрку стоитъ 75 коп., сажень плохихъ сосновыхъ дровъ, составляющая $\frac{2}{3}$ нашей кубической сажени, отъ 35—40 рублей, и все въ такомъ же размѣрѣ.

Даже виноградъ, который я покупалъ по дорогѣ въ Екатеринославской губ. по 4, 5 и 6 коп. за фунтъ, въ Симферополѣ по 8 коп., въ Алуштѣ по 10 коп., въ Ялтѣ стоитъ 15 к., а въ концѣ сезона даже 20 коп.

Даже груша, довольно плохая, стоитъ 25 и 30 коп. за фунтъ, т. е. по 10 коп. за штуку...

Какъ бы ни было, а теперь Ялта европейски-благоустроенный городъ съ водопроводами, прекрасными цементными тротуарами, фонарями, извозчиками, магазинами, отелями.

Въ немъ мужская и женская прогимназіи и много людная, хорошо устроенные земскія народныя школы для мальчиковъ и девочекъ.

Графъ Мордвиновъ, среди владѣній котораго лежитъ Ялта, пожертвовалъ земли подъ эти земскія училища и подъ помѣщеніе управы.

Три огромные мачетности сдавливаютъ съ трехъ сторонъ Ялту, не давая ей разростаться. Съ запада Ливадія, съ востока Массандра князя Воронцова, сзади и въ серединѣ «Ялтинская Долина» графа Мордвинова. Съ четвертой стороны Ялту обрѣзаетъ море.

Каждый шагъ своего роста Ялта завоевываетъ цѣною упорныхъ усилий и денегъ. Значительная ея часть стоитъ на землѣ, купленной отъ Массандры, по четыре и по пяти рублей за сажень. Но она все еще покупаетъ и все еще, хотя съ трудомъ, раздвигается и поднимается въ горы. Цѣнность Ялты увеличилась настолько, что, несмотря на чрезвычайно низкій размѣръ земской оцѣнки, уменьшенной, по крайней мѣрѣ, впятеро противъ действительной стоимости, городъ Ялта оцѣненъ въ 400,000 р. Значитъ, на дѣлѣ онъ стоитъ не менѣе 2,000,000 р. Доходность же Ялты считается настолько высокою, что Севастополь, оцѣненный земствомъ въ 1,200,000 р., платить тѣ-же 5000 р. въ годъ, что и крошечная Ялта съ своихъ 400,000; иначе, она признана втрое доходнѣе Севастополя.

Ялтинское земство представляетъ собою довольно поучительный образчикъ нашего обычнаго земскаго жребія. Съ самого введенія земскихъ учрежденій. Ялтинскій уѣздъ былъ одинъ изъ наиболѣе пробужденныхъ, наиболѣе энергическихъ. Группа дѣятельныхъ и хорошо направленныхъ лицъ руководила новымъ дѣломъ и употребила много усилий, чтобы поставить его на живой путь. Эти усилия тотчасъ же вызвали рядъ тяжелыхъ столкновеній съ разными вѣдомствами и обратили первые годы ялтинскаго земства въ лѣтопись постоянной борьбы за право устраивать по своему свои собственныя дѣла. Но мало что изъ своихъ начинаній удалось отстоять ялтинцамъ. Хотѣлось, напримѣръ, земству взять въ свои руки содержаніе южнобережскаго шоссе за сумму значительно низшую противъ

нынѣшнихъ расходовъ казны, — оказалось, что существуютъ къ этому какія-то препятствія, что расходы казны не должны быть уменьшаемы, и вотъ, до сихъ поръ, уже второй десятокъ лѣтъ, шоссе остается, по-прежнему, въ единоличномъ завѣдываніи путейскаго чиновника. А нужно сказать, что ни одно шоссе не находится въ такихъ условіяхъ дешевизны. какъ южно-бережское: камень для этого шоссе валяется на немъ же и около него; можно сказать безъ преувеличенія, что онъ самъ сыпется на шоссе съ окружающихъ его скалъ. Понятно, какъ долженъ быть выгоденъ казенный ремонтъ подобнаго шоссе и какъ дѣйствительно должно быть трудно разстаться съ его завѣдываніемъ. Какъ нарочно, горная мѣстность можетъ разрушать шоссе внезапными потоками въ самое неурочное и неуказанное время, такъ что потребность ремонта можетъ возникать съ неожиданностью импровизаціи. Привѣрзъ тамъ себѣ потомъ капризныя выходки дождей и грозъ!.. Какъ бы ни было, а шоссе продолжаетъ до сихъ поръ благополучно мостить казна. И на здоровье ей.

Пытались ялтинские монтаньяры разжиться маломальски и еще на одномъ общемъ дѣлѣ. Задумали отдалиться отъ перекупщиковъ и кулаковъ своего рода, составили земское товарищество производителей фруктовъ для прямыхъ сношеній садоводовъ съ потребителями столицъ и другихъ русскихъ рынковъ. Казалось бы, тутъ ужъ ни политики, ни казеннаго интереса пальцемъ не затрогивалось; но съумѣли и это начинаніе окончить такъ, какъ у насъ все кончается: общество разрѣшили, только не разрѣшили ему имѣть складовъ въ другихъ губерніяхъ. Этимъ остроумнымъ способомъ отдалась и отъ этого подозрительного новшества.

Много горя потерпѣли ялтинцы и за свое излиш-

нее влечение къ народному образованію. Такъ какъ они сначала проявили нѣкоторую строптивость взглядовъ, не обнаруживая почему-то желанія сдѣлать земскія школы школами министерства и настаивая на своемъ правѣ быть не только плательщиками, но и хозяевами, то можно себѣ представить, какому заслуженному негодованію подлежащихъ мѣсть и лицъ подверглись бѣдныя ялтинскія школы... Въ отличие отъ другихъ нашихъ уѣздовъ, крошечный Ялтинскій уѣздъ, имѣющій ничтожное и, притомъ, пришлое русское населеніе, почти сплошь заселенный татарами и греками, изъ которыхъ татары вовсе не посѣщаются русскихъ школъ, а греки посѣщаются очень мало, тратятъ болѣе 10,000 руб. въ годъ на народное образованіе. Его школы существуютъ не для одного счета, а дѣйствительно благоустроены. Я осмотрѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ и убѣдился, что земство къ нимъ относится заботливо; снѣ снабжены всякими пособіями, хорошимъ помѣщеніемъ и, что важнѣе всего, безъ исключенія, все имѣютъ учителей, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведений. Въ ялтинской мужской школѣ старшій учитель даже университетскаго образованія. Обстоятельство это сдѣлается понятнымъ, если прибавить, что ялтинцы платятъ своимъ учителямъ не $1\frac{1}{2}$ рубля въ мѣсяцъ и не четверики картофеля, какъ совѣтовалъ графъ Толстой, а отъ 500—700 рублей въ годъ. Старшій учитель въ Ялтѣ получаетъ даже 900 руб. Это уваженіе къ скромнымъ труженикамъ народнаго обученія дѣлаетъ особенную честь ялтинскому земству. Но, повидимому, обстоятельство это не всѣми разсматривается съ такой точки зренія, потому что учителей, приглашаемыхъ ялтинскимъ земствомъ въ свои школы, уже не разъ заставляли покидать эту дѣятельность, вопреки желанію земства, по требованію подлежащаго начальства. Однимъ изъ этихъ изгнаниковъ, съ одной

стороны, награждаемыхъ земствомъ, съ другой — изгояннемыхъ учебнымъ вѣдомствомъ, былъ и тотъ бѣдняга-учитель, который не могъ укрыться отъ преслѣдованія даже въ новой своей роли чиновника банка и котораго торжественное судебное оправданіе противъ клеветы привело къ высылкѣ изъ губерніи. Всѣмъ памятенъ, конечно, его недавній процессъ противъ г-жи Заваровой, поступками которой возмущены здѣсь, въ Крыму, всѣ, съ кѣмъ мнѣ случалось сталкиваться.

Старанія ялтинскаго земства о народномъ образованіи обращаютъ на себя вниманіе еще и въ томъ отношеніи, что женскому образованію придано совершенно одинаковое значеніе съ мужскимъ. Гдѣ только заведена мужская школа, тамъ непремѣнно открывается и женская; что такой взглядъ ялтинцевъ соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности, доказываетъ цифра учащихся дѣвочекъ, которая почти не уступаетъ цифре мальчиковъ. Въ ялтинской женской школѣ даже 66 дѣвочекъ противъ 49 мальчиковъ мужской школы.

Хуже всего, что постоянныя столкновенія земства съ разными вѣдомствами и постоянныя препятствія, встрѣчаемыя имъ къ осуществленію своихъ начинаній, повидимому, повергли, наконецъ, въ апатію самое ялтинское земство. Уже въ нынѣшней дѣятельности его далеко незамѣтно того энергического духа почина, того живаго движенія впередъ къ лучшимъ порядкамъ, какимъ отличалось первое трехлѣтіе этого земства, періодъ его юношескаго одушевленія. Земство задремало на немногихъ пожатыхъ имъ лаврахъ, у многихъ запертыхъ передъ его носомъ дверей...

Что касается меня, то я не оправдываю подобнаго малодушія; я вижу въ этомъ нашу, хорошо знакомую всероссійскую поблажку своимъ собственнымъ слабостямъ, хватающуюся за благопріятный предлогъ. Борьба,

настойчивость состоять не въ томъ, чтобы погорячиться на первыхъ порахъ, а потомъ, при первыхъ же серьезныхъ препятствіяхъ, сложить руки и своротить вину на «независящія обстоятельства»: не даютъ, молъ, намъ дѣлать нечего. Въ этомъ много преувеличенія и неискренности; каковы бы ни были препятствія, мы ихъ хорошо знаемъ; все-таки, поле для работы, для движенія впередъ огромное. Нужно больше требовать отъ себя и меныше ждать отъ другихъ, и задача будетъ решена. Если отнесись строго къ самому себѣ, то нѣдко можетъ оказаться, что какъ ни желателъ новый просторъ, но что и въ старой тѣснотѣ еще до многаго не дойдено.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ нашимъ земствамъ, безъ исключенія, уподобляться новой метлѣ, которая мететь хорошо только въ первый день!

«Съ новинами Макаръ двѣ каши ёдалъ, а къ веснѣ и одной не видалъ», — говоритъ мѣткая мужицкая пословица.

Татары Ялты совсѣмъ цивилизовались, т. е. совсѣмъ испортились. «Прогрессъ», въ трактирномъ и бульварномъ смыслѣ, сдѣлалъ удивительныя завоеванія въ теченіе десяти лѣтъ. Теперь не рѣдкость встрѣтить даже простаго татарина въ европейскомъ пальто, въ крахмальной рубашкѣ съ манишкою. Молодые совсѣмъ перестаютъ брить волосы и выглядываютъ болѣе цыганами, чѣмъ татарами; запустили себѣ черные патлы и тѣ, кто постарше. Вообще, въ сознаніи татаръ все болѣе проникаетъ убѣжденіе, что наѣтъ надобности отличаться отъ русскихъ въ обычаяхъ жизни. Вѣроятно, вслѣдствіе этого принципа, чистокровный ялтинскій татаринъ сталъ почти такимъ же мошенникомъ, какъ и москвичъ изъ-подъ Сухаревой башни. Впрочемъ, для прикрытия себя своею старою патріархальною репутацией, многие еще считаютъ необходимымъ сохранять въ

своей виѣшности типической ширью истаго татарина. Поэтому, раззолоченныея позументами куртки попадаются на каждомъ шагу. Самая замѣтная и полезная перемѣна, въ смыслѣ цивилизациї, произошла съ татарскими женщинами южного берега. Здѣсь онѣ вообще всегда имѣли мало склонности къ затворничеству, но теперь онѣ положительно разстались съ чадрами и бродятъ на глазахъ чужихъ мужчинъ съ открытыми лицами такъ же свободно, какъ и наши бабы. Это было особенно замѣтно въ дни курбан-байрама, когда кончился томительный татарскій постъ рамазанъ или, поздѣшнemu, ураза, и все ихъ бабы бросились разодѣтое на улицы. Признаюсь, яркіе бѣшметы и полосатыя шали этихъ татарскихъ дамъ мнѣ показались гораздо красивѣе ихъ самихъ.

Впрочемъ, на общей нравственности южнобережскаго татарина еще не отразилась вредно ялтинская «цивилизаци¤». Я много разспрашивалъ о нихъ нашихъ русскихъ, особенно простой народъ, который вообще не охотникъ хвалить, тѣмъ болѣе нехристя, но который за то чуждъ предвзятыхъ взглядовъ и точенъ въ наблюденіи. Отъ всѣхъ я слышалъ одно: татаринъ вѣрный человѣкъ, никогда не обманетъ. Русскій извоѣщикъ, русскій каменщикъ съ завистью говорятъ о благосостояніи татарина, о томъ, что у всякаго изъ нихъ есть земля, есть кони и волы.

— У ихняго брата не водится такихъ-то пьяницъ да ругателей, какъ у насъ, на Россіи, и обидчиковъ такихъ нѣтъ, а живутъ всѣ дружно, ровно братья, — чистосердечно признавался мнѣ одинъ нашъ мужичокъ.

Мнѣ случилось попасть въ гости къ простому татарину, и я изумился чистоплотности и благопристойности его быта. Татаринъ этотъ былъ мой старый пріятель Бэкиръ, неизмѣнныи «суруджи», путеводитель мой во время моихъ былыхъ странствованій по гор-

нымъ дебрямъ, «маленький Бэкиръ», столь же хорошо известный въ Ялтѣ, какъ и «Бэкиръ длинный». Лѣтъ десять назадъ, онъ жилъ у меня на дачѣ въ Магарачѣ, въ качествѣ дворника, комиссіонера, стремяннаго и пр. и пр., и за всѣ свои разнородныя услуги, для которыхъ ежедневно приходилось бѣгать пѣшкомъ по горамъ за пять и за шесть verstъ, получалъ всего 15 руб. въ мѣсяцъ. Почему-то ему очень повезло послѣ меня, и его восточная фантазія связала съ моимъ именемъ случайную удачу жизни. Бэкиръ восчувствовалъ ко мнѣ особенную привязанность. Ему рассказали, что онъ воспѣтъ въ «Очеркахъ Крыма», и онъ торжествовалъ, считая себя преважною птицей. Извѣднаго работника онъ сдѣлался, между тѣмъ, лѣсопромышленникомъ и хозяиномъ. Я потерялъ его изъ вида, уѣхавъ изъ Крыма, и, конечно, вовсе не думалъ о немъ теперь, отправляясь какъ-то на почтовыхъ изъ Ялты въ Алушту.

Сижу себѣ задумавшись и смотрю въ сторону, какъ вдругъ отчаянный татарскій крикъ останавливаетъ коляску. Извощикъ оглядывается на меня въ недоумѣніи, а съ шоссе бросается на меня татаринъ и безъ всякой церемоніи обнимаетъ, цѣлуетъ меня, трясеть за руку, осклабляясь самою блаженною улыбкою. Такъ мы встрѣтились съ Бэкиромъ.

Съ тѣхъ поръ онъ посѣщалъ меня и семью мою чуть не ежедневно: приносилъ персиковъ, грушъ, орѣховъ изъ своего сада, бѣгалъ мнѣ за виноградомъ, приводилъ верховыхъ лошадей изъ деревни. Совершенно свободно входилъ онъ въ гостиную моей дачи, не снимая шапки по татарскому обычаю, подавалъ свою грязную руку мнѣ и женѣ и преважно опускался въ кресло. Если мы пили чай, онъ садился за чай, если обѣдали, онъ присаживался къ намъ обѣдать, въ полной увѣренности своего неотъемлемаго права на равенство.

— Ты теперь мой кардашъ (брать), говорилъ онъ мнѣ: — и я все для тебя буду дѣлать. Хочешь, живи въ моемъ домѣ, я ничего не возьму съ тебя; хочешь, я приведу къ тебѣ своего сына, Сеидъ-Биляла. и оставлю его служить тебѣ безъ денегъ. Онъ славный мальчикъ, умнѣй большаго, все тебѣ сдѣлаетъ...

Бэкиръ настойчиво требовалъ, чтобы я посѣтилъ его домъ, посмотрѣлъ, какъ хорошо живетъ онъ теперь. Когда окончилась ураза, я, дѣйствительно, отправился съ нимъ пѣшкомъ въ Ай-Василь, версты четыре отъ Ялты. Бэкиръ прыгалъ, какъ коза, черезъ камни на дутаго дождями ручья, бѣжавшаго отъ горы, который онъ называлъ почему-то дорогою въ Ай-Василь; и я невольно долженъ былъ слѣдовать его примѣру. Къ счастью, этотъ ручей несется внизъ подъ сплошною тѣнью орѣховыхъ садовъ, и жаркое крымское солнце, пропекающее сквозь парусину, не смотря на конецъ сентября, не очень мучитъ человѣка... Когда мы были на горѣ, Бэкиръ вдругъ остановился и, окидывая лѣсистую окрестность своими рысыми глазками, сталъ вдругъ кликать Мемета и Сеидъ-Биляла такимъ страшнымъ и пронзительнымъ голосомъ, который можно было не только разслышать, но и узнать за нѣсколько верстъ. Однако, сыновья его, вѣроятно, были гдѣ-нибудь далеко въ лѣсу, потому что на его дикие крики не отзывался никто. Приходилось однимъ вскарабкаться на скалу, гдѣ укрылся подъ орѣхами и шелковицами новенький домикъ Бэкира съ раскрашенными балкончиками и галлерейками. Старая, изношенная татарка, хозяйка Бэкира, возилась около дома, чистя посуду, и молча скрылась отъ наст.

Бэкиръ сердито махнулъ ей головой и повелъ меня, сіяя торжествующею улыбкою, вверхъ по лѣсениѣ.

— Вотъ какой теперь домъ у Бэкира! поговаривалъ онъ, показывая мнѣ одну комнату за другою и не

спуская съ меня глазъ, въ ожиданіи моихъ восторговъ. — Домой прійдешь, разскажи, какой домъ у Бэкира.

А домъ у Бэкира, действительно, мнѣ понравился. Чистота поразительная. Полы набиты какою-то желтою, будто лакированною глиною, и нигдѣ пушинки нѣтъ. Кунацкая вся въ сплошныхъ коврикахъ, вся кругомъ обложена матрацами и подушками въ ситцевыхъ, шелковыхъ и даже парчевыхъ наволочкахъ. На стѣнахъ тоже цветные войлоки и рядъ шитьихъ полотенецъ, вместо карниза.

Когда заберешься безъ обуви въ эту уютную, мягкую комнатку, на ея ковры и подушки, чувствуешь себя такъ удобно. Бэкиръ спитъ въ ней всю зиму съ сыновьями, хотя въ ней нѣтъ слѣда печки или камина.

Впрочемъ, Бэкиръ тоже помазался отъ ялтинской цивилизациіи и для русскихъ гостей держитъ въ кунацкой даже три тонетовские стула, которыми, однако, я отказался воспользоваться.

Чтобъ окончательно убѣдить меня въ своемъ европеизмѣ, Бэкиръ снялъ съ вѣшалки и принесъ мнѣ на показъ какое-то пальто городского фасона, которое онъ себѣ завелъ.

— Теперь и сапоги буду носить, сапоги заказа! — прибавилъ онъ, самодовольно улыбаясь и косясь нѣсколько конфузливо на свои босые ноги, съ которыхъ онъ только-что сбросилъ башмаки...

— Татарь теперь не надо; надо все русскій, — сказалъ онъ въ объясненіе: — домъ русскій, платье русское... Татарь все равно русскій...

Хорошенький глазатый мальчуганъ, племянникъ хозяйки, принесъ намъ на подносѣ уже, увы! не татарскаго чернаго кофе, а русскаго чая въ накладку, съ серебряными ложечками, видъ которыхъ наполнилъ Бэкира нескрываемою гордостью. Только лепешки были

настоящія татарскія, въ чемъ Бэкиръ счель пужными сейчасъ же извиниться...

— Не зналъ, что ты придешь, а то бы Франзоль купилъ, серьезно замѣтилъ онъ, желая показать, что понимаетъ всѣ условія ялтинскаго комільфотства.

Даже кухня Бэкира, то-есть единственная комната съ очагомъ, гдѣ находится постель его жены и гдѣ происходятъ всѣ хозяйственныя дрягги, чиста до неизвѣроятности. Эта чистота татарина очень поучительна для насы русскихъ. Въ чистоплотности этой, въ тщательномъ укращеніи комнатъ, въ извѣстномъ вкусѣ и даже маленькой роскоши хозяйственныхъ принадлежностей татарина сказывается его уваженіе къ своему человѣческому достоинству, вѣра въ свое право на жизнь наравнѣ съ другими. И дѣйствительно, трудно найти другой народъ, въ обращеніи котораго было бы больше простоты и естественной свободы отношеній, одинаковой съ высшими и низшими.

Татары Ялтинскаго уѣзда почти не выселялись въ Турцію во время смутъ, вызванныхъ новыми порядками военного набора. Только немногіе парни, попавшие въ очередь, бѣжали отъ страха, но потомъ и тѣ, большую частью, вернулись. Ялтинскому татарину живется хорошо и ему незачѣмъ искать лучшаго. Говоря вообще, онъ не терпитъ притѣснений. Земская управа, мировой судь — очень популярны среди нихъ, и дѣйствительно, какъ мы извѣстно по многимъ слушаніямъ, руководствуются очень просвѣщеннымъ взглядомъ на свои обязанности относительно татарского населенія. На одно только громко жалуются татары — на стѣсненія отъ большихъ баръ. Во время моего пребыванія въ Ялтѣ, цѣлая комиссія начальниковъ ѻздила въ Байдарскую долину уложивать татаръ съ графомъ Мордвиновымъ, въ пользу котораго присуждены какія-то земли, которыя татары упорно продолжаютъ считать своими.

Ялтинские соседи точно также жалуются на князя Воронцова; по ихъ убѣжденію, онъ, будто-бы, неправильно выдворилъ многихъ изъ нихъ изъ купленной имъ Верхней Массандры, причемъ, будто-бы, были захвачены земли старинныхъ хозяевъ, имѣющихъ на нихъ законные «сенеты» и никогда ихъ не продававшихъ... Но большие всего обожаются татары на захватъ воды. «Вся наша вода у князя!» говорятъ они.

Раздраженіе противъ этого владѣльца особенно велико, и мы говорили, что татары громко высказывали его чиновнику, присланному правительству для разслѣдованія причинъ выселенія татаръ.

Опустѣвшая старинная деревня Массандра, скупленная княземъ послѣ долгаго упорства татарскихъ обитателей ея и округлившая теперь безконечные прогулки княжескихъ маетостей, производить, во всякомъ случаѣ, очень грустное впечатлѣніе. Не того, конечно, нужно желать для Крыма. Латифундіи, отъ которыхъ уже погибло столько сильныхъ государствъ, которые служатъ подтасывающимъ червемъ даже для такого могущественного государства, какъ Англія, менѣе всего желательны и возможны въ Крыму. Въ этой странѣ и табаководства и садоводства только мелкія хозяйства въ состояніи разрабатывать почву сколько-нибудь производительно. Парки прекрасны, но отъ нихъ нѣтъ особенной прибыли населенію. Они, обыкновенно, требуютъ массы воды, теряющейся непроизводительно въ поэтическомъ журчаніи разныхъ фонтановъ и каскадовъ, въ поливкѣ газоновъ и цветниковъ; обильнейшія воды и лучшія земли отвлекаются черезъ это отъ цѣлей хозяйства.

Татары Дерекоя, Ай-Василя, Аутки огорчены теперь еще однимъ обстоятельствомъ. Они почему-то уверены, что все ихъ лѣса отобраны въ казну. Меня

очень заинтересовало это странное обстоятельство, и я наводилъ о немъ справки.

То, что я узналъ, оказалось еще гораздо болѣе интереснымъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе отраднымъ.

Въ то время какъ наша литература, специальная и общая, сilitся разработать вопросъ о мѣрахъ противъ лѣсоистребленія, въ то время, какъ учреждаются для этого комитеты отъ правительства и отъ ученыхъ обществъ, собираются съѣзды, говорятся рѣчи, назначаются конкурсы, вдругъ оказывается, что вопросъ этотъ уже разрѣшенъ по частному случаю и, такъ сказать, втихомолку самимъ правительствомъ, притомъ, въ такомъ рѣшительномъ и крайнемъ смыслѣ, о которомъ никто изъ насъ не смѣлъ думать...

Всѣ лѣса, общественные и частные трехъ южныхъ крымскихъ уѣздовъ (Симферопольскаго, Ялтинскаго, Феодосийскаго), по особому распоряженію правительства, отданы въ особое вѣдѣніе земства и подчинены специальному завѣдыванію казенныхъ лѣсничествъ. Лѣсничества должны дѣлить лѣса на правильные участки и разрѣшать вырубку деревьевъ только опредѣленного возраста, черезъ опредѣленное число лѣтъ, съ вѣдома земскихъ управъ.

Эта радикальная мѣра должна оказаться спасительною для хозяйственного благосостоянія, для климата и для здоровья жителей Крыма. Давно бы слѣдовало посмотретьъ на лѣсоистребленіе съ точки зрѣнія высшихъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ и, въ числѣ другихъ стѣсненій, налагаемыхъ на отдѣльную волю гражданина, лишить его права по своему произволу губить будущность своей страны.

Крайне необходимо, чтобы мѣра, принятая относительно Крыма, была распространена, по крайней мѣрѣ, на степныя и черноземныя губерніи Россіи.

Мѣра эта была вызвана, главнымъ образомъ, замѣтнымъ обмелѣніемъ рѣкъ Крыма; но, кажется, на ея осуществленіе повлияло и другое обстоятельство.

Со временемъ пребыванія въ Ливадіи императорской фамиліи, окрестные лѣса и горы стали мѣстомъ любимыхъ прогулокъ знатной публики. Въ заоблачной выси устроенъ былъ очаровательный дворецъ Эркликъ; по дорогѣ къ нему, среди горныхъ пастбищъ, роскошная царская ферма. Прекрасное шоссе соединило съ Ливадіей эти далекіе приюты прохлады и уединенія. Потомъ было проведено такое же прекрасное шоссе къ водопаду Учаксу и развалинамъ старой крѣпостцы и, наконецъ, даже на самыя Аллы Крыма. на вершину Яйлы. Это драгоценное сооруженіе представляетъ, поистинѣ, неслыханное удобство, потому что путешественникъ можетъ теперь, въ коляскѣ или каретѣ, вѣхать рысью на высоту свыше 4,000 футовъ, дѣля 22 версты въ одинъ конецъ, почти не замѣчая подъема, вслѣдствіе необыкновенной мягкости его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, насладиться ни съ чѣмъ несравнимымъ видомъ первобытныхъ лѣсовъ, дикихъ скаль и восхитительныхъ панорамъ на море, Ялту и южный берегъ.

Понятно, что, при такой заботливости о красотахъ природы, окружающей Ялту и Ливадію, невозможно было оставить безъ вниманія варварскую привычку татаръ вырубать самые живописные и драгоценные лѣса и оголять лучшіе пейзажи окрестности. Уже и безъ того на многія версты вверхъ по Яйлѣ исчезли недавно еще темнѣвшія тамъ колоннады исполненныхъ пиний неописанной красоты.

Только недалеко отъ водопада Учаксу и далѣе по дорогѣ къ Ай-Петри, уцѣлѣли прежніе величественные лѣса, полные священнаго сумрака и священной тишины: теперь ихъ запрещено пистреблять.

Сосны въ 40 аршинъ высоты, стройныя, какъobeliski, цѣльми полчищами спускаются и поднимаются тамъ по отвеснымъ крутизnamъ.

Съ какимъ-то юношескимъ трепетомъ радости и счастья взбирался я вверхъ на гору на лихой крымской лошадкѣ, у подножія этихъ безмолвныхъ великановъ, въ зеленой цѣпи ихъ шатровъ. Со мною была веселая молодая компания. Мы сдѣлали взадъ и впередъ 56 верстъ верхами, почти не слѣзая съ сѣдла, чтобы добраться до вершины Ай-Петри и полюбоваться съ его острого пика, изглоданного бурями, на широкую красоту моря и южнаго берега. Вѣтеръ срывалъ насъ съ утеса и нагналъ такія облака, что нужно было торопиться домой. Мы неслись имъ на встѣчу, не видя другъ друга, окруженные сплошными бѣльимиарами, которые тоже неслись будто на крыльяхъ. Въ этой лихой скачкѣ, въ этихъ горныхъ странствованіяхъ отыскиваешь свою молодость, охраняешь отъ изсушающаго вліянія житейскихъ заботъ свое тѣло, свое сердце. Кто дышетъ Крымомъ, тотъ дышетъ радостью жизни, поэзіи, долголѣтіемъ. Спѣшите же уходить въ Крымъ, кто можетъ, кому еще время...

КОНЕЦЪ.

